437

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА
И ПРОФ. М. И. АРТАМОНОВА

Том II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1951 · ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Академия Н. _____
«____» _____ 195 г.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

II

1957

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. Н. ВОРОНИНА, М. К. КАРГЕРА

БІБЛІОТЕКА
Інституту Українського
Учительського
№ _____

ПЕРЕВІРЕНО
2007

ПЕРЕВІРЕНО
2005

ПЕРЕВІРЕНО
1962 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1951 · ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

II

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ[1]

В. В. Мавродин

1

Разложение первобытно-общинного строя и формирование феодального общества у восточнославянских племен стало особенно интенсивным в VIII—IX вв.; оно протекало в зависимости от местных условий в различной форме и далеко не одновременно. У некоторых племен в южной, лесостепной полосе еще в V—VI вв. начался распад первобытно-общинных отношений, формировалась наследственная знать, выделялись имущие, владевшие, кроме земли, разными ценностями, добытыми в боях. Анты уже переживали период военной демократии. Но подавляющее большинство восточнославянских племен, обитавших на всем огромном пространстве лесной полосы Восточноевропейской равнины, от верховьев Буга до Оки и верхней Волги и от Волхова до Десны, еще не изжило первобытно-общинных отношений и патриархально-родовой организации.

Условием разложения первобытно-общинного строя, основной причиной распада патриархально-родовых отношений явилось развитие производительных сил, выразившееся прежде всего в появлении новых способов обработки земли, новых, более совершенных орудий сельского хозяйства, а следовательно, в конечном счете, в росте удельного веса земледелия в хозяйстве восточных славян и в отделении ремесла от сельского хозяйства (см. т. I, гл. 1 и 2). То, что раньше доступно было только коллективу, ныне — по силам каждой малой семье, которая становится экономически самостоятельной. Возникает парцеллярное хозяйство, а с ним вместе появляются предпосылки для разорения и обеднения одних и обогащения других.

Из старых родовых городищ население расходится в разные стороны, выжигая, вырубая и выкорчевывая леса, освобождая землю под пашню; на смену

[1] См. также т. I, Введение.

старым родственным связям приходят новые связи — территориальные. Появляется сельская, территориальная община (см. т. I, гл. 3).

Говоря об эволюции общины в России, Ф. Энгельс замечает: «Только около десяти лет тому назад [1] было доказано, что такие большие семейные общины сохранились и в России; теперь все признают, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община. Они фигурируют в древнейшем русском своде законов, в „Правде" Ярослава, под тем же самым названием (вервь), как и в далматских законах; их и указания на них можно найти также в польских и чешских исторических источниках».[2] Семейная община это и есть большая семья. Она включает в себя часто несколько поколений родственников, домочадцев, принятых со стороны («чада», «чадь»), и рабов. Большая семья ведет коллективное хозяйство.

Термин «вервь», ранее на Руси обозначавший семейную общину, с течением времени, в XI—XII вв., все чаще и чаще применяется по отношению к общине сельской, территориальной и обозначает совокупность семейных общин и малых семей, причем в основе их общности лежат уже не кровно-родственные, а соседские связи. Вервь времен Русской Правды превратилась в сельскую общину, так как в основе связи членов верви лежит уже территориальная общность. Данное положение подтверждается и тем, что если убийца обнаружен, то за свое преступление отвечает уже он один, а не община в целом.

Развитие сельских общин, конечно, не означает еще полного исчезновения семейных общин. Они продолжают существовать еще очень долго, чаще всего в составе общины территориальной («мир», «погост» — на севере; «вервь» — на юге), неся название «огнища», а затем «печища», «дворища», «дыма», «газдивства». Север, глухие болотистые леса Полесья, Подесенья и северной части Волыни еще несколько столетий сохраняли старые полуродовые семейно-общинные формы жизни.

Внутри сельской общины уже нет имущественного равенства. Семьи, обладающие большим числом работников, запасами, более обеспеченные орудиями труда, захватывают лишние участки земли, лучшие рыболовные, охотничьи и бортные угодья и т. п. Накопление запасов продуктов дает им возможность закабалять своих сообщинников, а также содержать и, следовательно, эксплоатировать рабов.

Выделившиеся в VIII—X вв. ремесла — кузнечное, гончарное и другие (см. т. I, гл. 2) — свидетельствуют об общественном разделении труда между возникающим городом и деревней, о появлении рынка для сбыта продуктов земледелия и промыслов: «...произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия».[3] Это дает еще один толчок к укреплению частной

[1] В 80-х годах прошлого столетия.— *В. М.*

[2] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1949, стр. 59.

[3] Там же, стр. 168.

собственности. В общине появляются и вскоре становятся над нею имущие верхи, вырастающие, в частности, из древней родо-племенной знати, родовой аристократии, использующей свое положение и авторитет для накопления богатства.

Богатые погребения, изученные при археологических раскопках, из которых наиболее интересны черниговские (Гульбище, Черная Могила) и гнездовские курганы (под Смоленском), свидетельствуют о наличии в IX — начале X в. выделившейся и резко обособившейся имущей верхушки. В этих погребениях были найдены ценное оружие, часто привозное, украшения, утварь из драгоценных металлов и т. д. (см. гл. 3). В то же время в соседних многочисленных курганах рядового населения обнаружен бедный, однообразный и малоценный инвентарь.

2

Говоря о формировании классового общества и государства, Ф. Энгельс подчеркивает: «Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы „имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода" (Маркс) и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться деятельностью, достойной лишь раба, более позорной, чем грабеж».[1]

Рабство у славян очень древнего происхождения. Византийские источники (Стратегикон Псевдо-Маврикия), отмечая рабство у славян в VI в., подчеркивают особое положение раба. Славяне недолго держали у себя пленных и либо отпускали их вскоре за выкуп, либо принимали их к себе в качестве полноправных членов рода. Этим объясняется совпадение в древнерусском языке терминов, обозначающих, как детей, младших членов семьи, так и рабов: например, «чадь» — люди; «чадо» — член семьи, ребенок, сочетаются со значением термина «чадь» — рабы, слуги. Ту же эволюцию содержания в зависимости от изменения общественных отношений переживает и другой термин — «челядь» — слуги, рабы; «челядь» — дети.

По отношению к главе семьи и старшим ее членам младшие мало отличались по своему положению от рабов и обозначались общими терминами «челядь», «чадь».

В IX—X вв. эксплоатация рабов усиливается. Времена «легкого рабства» у славян, о котором с удивлением писали древние авторы, проходят безвозвратно. Рабы обслуживают зарождающееся хозяйство знати. Погребения рабов и рабынь, обнаруживаемые в богатых могилах IX—X вв. вместе с погребением

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 170.

господина на юге (Киев, Чернигов), в центральной полосе (Смоленск) и на севере (Приладожье), свидетельствуют о том, что раб превращается в полную собственность своего хозяина. Интересно отметить, что в древнейших русских письменных источниках — договорах русских с греками и в древнейшей части Русской Правды — упоминается в качестве единственной категории эксплоатируемого населения «челядь», а несколько позднее появляется термин «холоп» и его разновидность «обельный холоп».

Таким образом, первое крупное деление общества, деление на рабов и рабовладельцев было известно и в древней Руси.

«Наряду с богатством, заключающимся в товарах и рабах, наряду с денежным богатством теперь выступило также богатство земельное».[1] Зарождается землевладельческое хозяйство, состоящее не только из пахотной земли, но и из разных «ухожаев» (бортные, рыболовные, охотничьи). Наряду с работой на хозяйской пашне, челядь обслуживает «бортные урожаи», «бобровые гоны», «ловища» и «перевесища», ловит рыбу, работает и на дворе и по дому господина. «Челядь» часто управляет той или иной отраслью господского хозяйства. Необходимо отметить, что термин «челядь», по мере усложнения социальной структуры, начинает охватывать все более разнообразные слои подневольного люда. Среди челяди мы видим и собственно рабов, работающих в хозяйстве господина, и зависимых крестьян-смердов, и закабаленных людей — закупов.

Древняя Русь прошла стадию рабства так же, как ее прошла вся Европа. Но рабство в ней не достигло такого развития, как в древних Греции и Риме, где возникла и развилась античная рабовладельческая формация.

Рабовладельческое общество в том виде, который оно приобрело в Греции и Риме, не сложилось на территории Восточной Европы среди восточнославянских русских племен в силу недостаточного развития ремесел, городов, торговли и денежного обращения, что является обязательным условием античной формы рабства. Эти же условия были причиной особой крепости у русских племен общинной собственности и организации. Сельская община, обладая исключительной живучестью и приспособляемостью, могла сопротивляться попыткам превращения ее членов в рабов. Нельзя также забывать, в какой общеевропейской обстановке развивался общественный строй славян и возникали славянские государства. Это было время, когда, по выражению И. В. Сталина, «не-римляне, т. е. все „варвары", объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим».[2] Рабовладельческий строй рухнул в Европе навсегда. Наступила эра феодализма. Славянам в этом столкновении двух миров принадлежала огромная роль.

Древнерусское рабство играло роль рычага, разрушающего первобытно-общинное коллективное производство, наносящего удар первобытно-общинным отношениям и подготовляющего почву для феодализма.

---

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 172.

[2] *И. В. Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432.

Источником рабства в древнейшие времена была прежде всего война. Источники холопства позднее расширяются. Холопом делает продажа себя в рабство, женитьба на рабыне, рождение от рабов, даже поступление на работу. В начале XII в. эти источники рабства значительно сужаются.

Войны доставляли не только рабочую силу — пленных, челядь, но и скот, ценности и т. п. Ф. Энгельс, говоря о том периоде с уже четко сложившимся классовым обществом и мощным государством, отмечает: «Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом... Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных начальников...»[1]

И война как источник обогащения была прекрасно знакома складывающейся в древней Руси знати. Об этом с полной ясностью свидетельствует инвентарь, обнаруживаемый в богатых курганах этого времени; мы находим здесь дорогие мечи, кинжалы, копья, луки со стрелами, сабли, шлемы, кольчуги, щиты, булавы, ценную сбрую и т. п. Часто это оружие богато украшено серебром и золотом; такое оружие, конечно, было недоступно рядовому общиннику. В погребениях же рядовых общинников встречается такое оружие, которое обычно является и орудием производства для земледельца, пастуха, охотника: нож, топор, лук со стрелами, реже копье и т. д.

Обладание ценным имуществом, землей, угодьями, рабами, прекрасным вооружением, наличие дружин — все это делало древнерусскую знать хозяином положения и постепенно превращало ее в господствующий класс.

В древнейших письменных источниках X—XI вв.— договорах с греками, Русской Правде, летописях — эта знать носит название «великих» и «светлых» князей, «великих бояр», «лучших мужей», «старой» или «нарочитой чади», «лепших», «вятших», «старцев градских» и т. п. Все эти термины подчеркивают, что это или «бóльшие» люди или «лучшие», «старшие». Такое определение вполне понятно, если мы учтем, что термин «старший», «старейший» означал раньше главу, владыку, распорядителя. В IX—X вв. старый термин наполняется новым содержанием: «старейшинство» выражает уже социальное превосходство.

Формирующиеся местные господствующие верхи («старая чадь», «лучшие люди», «великие бояре» и т. п.) расширяют свое хозяйство, эксплоатируют рабов, закабаляют своих сообщинников и захватывают землю. Так выделившаяся из общины знать постепенно приобретает феодальные черты.

---

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 170.

В таких условиях старые родо-племенные объединения превращаются в объединения территориальные. Слагавшиеся в IX—X вв. области — земли, послужившие основой будущих княжеств,— являлись особыми территориями, уже не совпадавшими с племенными территориями. Как правило, такая область включала разные племена или их части. Некоторые из земель состояли из одного племени целиком и отдельных частей соседних племен. Так было в Киеве и Новгороде, где племенное начало исчезло очень давно, задолго до IX в., и мы не в состоянии, например, точно определить территорию полян, живших в Киеве и вокруг него. В Киеве и Новгороде, на двух разных концах Русской земли, еще в очень раннюю пору племенное разграничение уступило свое место союзу племен (в Новгороде — словен, кривичей, чуди, мери, веси), положившему начало государственной организации. Так возникли в IX в. в Киеве и Новгороде те два *«государства»*, о которых говорит К. Маркс.[1] Такие же союзы племен, быть может не столь могущественные и, в силу этого, не положившие начала государствам, аналогичным Киеву и Новгороду, были и в других местах. Известны территориальные политические объединения восточных славян и в других районах древней Руси. Так, например, арабские источники, наряду с «Куябой» (Киевом) и «Славией» (Новгородом), в качестве третьего центра Руси отмечают «Артанию», в которой большинство исследователей усматривает объединение восточной части русов. Масуди, писавший в 20-х годах X в., и Ибн-Якуб указывают на племя «валинана» (волыняне), которое «прежде, в древности, имело власть над другими» и которому «подчинялись все прочие славянские племена, ибо власть была у него». Эти свидетельства заставляют утверждать наличие уже в VII в. значительного политического объединения славян в районе Южного Буга и Волыни. Есть некоторые основания предполагать, что и северяне представляли собой союз различных племен.

Таким образом, задолго до начала деятельности летописных князей уже существовали формы политической жизни, свидетельствующие о развитии классового общества и государства. Однако племенной быт исчез далеко еще не на всей территории Руси. В землях дреговичей, радимичей, вятичей, древлян племенные связи еще не были изжиты в IX—X вв., а по отношению к последним двум мы располагаем некоторыми сведениями даже об их племенных князьях. Так, у древлян еще в X в., во времена Игоря и Ольги, «лучшие мужи» похваляются тем, что их «князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю», и противопоставляют их грабившему древлян «аки волк» Игорю. Одного из древлянских князей мы знаем даже по имени — это князь Мал. Такое противопоставление древлянских князьков и их племенного князя Мала Игорю вполне понятно. Сидевшие на землях и «волостях» князья были связаны еще кровными

[1] *К. Маркс.* Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 42.

нитями с населением всего своего небольшого округа; полупатриархальная эксплоатация общинников, собирание дани облекалось еще в формы власти и авторитета старейшины.

В результате деятельности Ольги племенная самостоятельность древлян была уничтожена, в Древлянской земле укрепилась власть киевского князя, и появилось княжое и боярское хозяйство. Но так как «освоение» Древлянской земли князьями затянулось надолго и существовали, повидимому, уголки, расположенные далеко от княжеских становищ, куда даже княжой даньщик пробирался лишь от времени до времени, то здесь позднее из древлянских «лучших мужей» и князьков произошли своеобразные феодалы — болоховские князья.

Еще более длительное время сохраняли свою племенную самостоятельность вятичи. У них даже в конце XI в. оставались племенные князья; о них, между прочим, говорит Владимир Мономах: «в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его».

Лишь постепенно, по мере вовлечения племен в состав Киевского государства, по мере распространения на них, хотя и в примитивных формах, данническое обложения и власти киевского князя, племенной быт разрушается. Старые племена исчезают. Вместо северян выступают черниговцы, куряне, путивляне, стародубцы и т. п. Вырабатываются не племенные, а территориальные особенности в языке, обычаях, нравах и т. п., особенности новгородские (а не «словенские»), смоленские (а не «кривичские»), рязанские (а не «вятичские») и другие. Так неравномерно шел процесс социального развития среди русских племен в VIII — X вв., когда каждая область сохраняла свои специфические особенности.

4

В IX в. начало складываться единое могучее государство во главе с Киевом. В основе единства древней Руси лежали даннические отношения. Дань — дофеодальная форма эксплоатации — сохраняется и в позднейший период. Дань платили с дыма, от рала, т. е. от единиц обложения, основанных на индивидуальном хозяйстве, мехами (белками — «веверицами», «кунами» — куницами), медом, воском, другими продуктами, а иногда и деньгами.

С наступлением зимы князья с дружиной или же княжие даньщики отправлялись «по дань». Константин Багрянородный, до которого дошли несколько запоздалые и не совсем точные сведения, рассказывает, как в ноябре из Киева выходят князья с дружиной и отправляются в «полюдье», в земли древлян. дреговичей, кривичей и других племен, платящих дань киевскому князю. В этих землях князь с дружиной кормятся зиму, а в апреле, когда вскроется и освободится ото льда Днепр, они возвращаются в Киев с данью — мехами, воском, медом. Все это грузится на суда-однодеревки и отправляется в Византию (см. т. I, гл. 7 и 8).

В дофеодальный период истории Киевской Руси, когда дань была главной формой эксплоатации основной массы населения, князья жаловали своих приближенных дружинников правом сбора дани с определенных земель. Так, например, Игорь отдал дань с древлян и уличей своему воеводе Свенельду. К. Маркс, говоря о характере организации «варварского» государства на Руси, указывает, что она представляла собою «вассальную зависимость без феодов или феоды, состоящие исключительно из дани».[1]

Размеры дани покоились на обычае, который нарушался аппетитами князя и его дружинников. Так, например, Игорь явился в Древлянскую землю после того, как дружинники упрекнули его в том, что отроки (дружинники) Свенельда, собирая дань, добыли себе дорогое оружие и одежду, а они, мол, «наги». Игорь в собирании дани по Древлянской земле, несомненно, переусердствовал и, согласно летописному преданию, стал жертвой своей алчности. Очевидно, древляне одновременно давали дань и своим племенным князьям, вроде Мала, и воеводе Игоря Свенельду, кроме того, вынуждены были платить и Игорю. Содержание дружины во время полюдья также падало на плечи местного подданного населения.

Наряду с данью и судебными штрафами немаловажным источником обогащения князей и их дружинников служила военная добыча. Это было время, вспоминая о котором позднейший летописец говорил: «Ти бо князи не сбираху многа имения, ни творимых вир, ни продажь въскладаху на люди, но оже будяше правая вира, и ту возьма, даяше дружине на оружие. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны, бьющеся: „братие, потягнем по своем князе по Русьской земли“» (I Соф. л.). Конечно, летописец идеализирует старых князей, но он правильно подмечает основное отличие старых князей от новых, осуществлявших уже иные задачи и иными средствами. Но, несмотря на то, что сбор дани с племен, входящих по мере их покорения в состав Киевского государства, является еще в IX—X вв. основной формой обогащения формирующегося господствующего класса, одновременно наблюдается процесс роста феодальных отношений, расширение в первую очередь землевладения растущей знати, укрепление ее хозяйства, усиление эксплоатации (в преобладающей форме отработочной ренты) зависимого от нее населения. Эти явления наблюдаются уже в княжение Ольги.

Мстя древлянам за смерть своего мужа, Игоря, взяв город Искоростень и покорив древлян, она «возложи на ня дань тяжку», причем $^2/_3$ шло Киеву, а $^1/_3$ собственному княжескому городу Ольги — Вышгороду. Затем во главе дружины Ольга вместе с сыном своим Святославом проходит по Древлянской земле, «уставляющи уставы и уроки», организуя свои княжие «становища и ловища». Через год, в 947 г., она отправляется на север, к Новгороду, проходит по Мсте и Луге, устанавливая здесь погосты, дани, оброки; в Новгородской

[1] *K. Marx.* Secret diplomatic history..., стр. 76.

земле появляются княжие ловища и места, ограниченные знаменьями — пограничными знаками. То же самое она устанавливает и по Днепру и Десне, где располагались ее перевесища и села (например, Ольжичи).

Что же представляли собой эти реформы Ольги? Несомненным, прежде всего, является стремление Ольги ввести в определенные рамки и нормы даническую эксплоатацию подданных земель. Восстание древлян кое-чему научило правящую знать. Уставами и уроками Ольга регулирует взимание дани и самый размер ее. Кроме того, стал собираться оброк — поборы с земли, вносимые продуктами. Дань, таким образом, постепенно превращается в феодальную ренту продуктами, идущую на смену примитивной отработочной ренте.

Процесс эволюции дани в ренту естественно и неизбежно развивается параллельно с экспроприацией земли сельского населения.

Мероприятия Ольги говорят о росте княжеского землевладения. Ей принадлежит город Вышгород, село Ольжичи, да и не одно оно. У Ольги таких сел, повидимому, было немало. Княжеские ловища и перевесища, обозначенные межевыми «знаменами», подчеркивают не только земледельческий, но и охотничье-промысловый характер княжого хозяйства. Несомненно, одновременно с княжеским росло и боярское хозяйство, нуждавшееся, так же как и княжеское, в труде челяди. Об этом говорит раздача Ольгой пленных древлян для «работы» своим «мужам».

Наряду с этим, рассказ летописи о деятельности Ольги отмечает мероприятия **политического и административного характера, проводившиеся в интересах упрочения власти киевских князей** в далеких и ближних подданных землях. Избиение древлянской знати указывает на стремление ликвидировать правящую местную племенную знать. Таким образом на местах устанавливалась власть киевского князя. Внутри земель появлялись становища, определенные места, где могла останавливаться постоянная или временная княжеская администрация. Ольга использовала для этих целей древние центры сельских общин — погосты, которые дали особенно прочное основание административной системе того времени: старые общинные центры стали местом, куда свозились дани и оброки, где обосновалась теперь княжеская администрация.

Итак, середина X в. ознаменовывается ростом княжого и боярского землевладения, хозяйства, основанного на труде челяди, организацией и упорядочением дани, установлением новых повинностей населения, упрочением налоговой и административной системы управления на Руси и усилением власти киевского князя.

5

Если при Святославе и Владимире еще сильны старые дофеодальные порядки, то внутри страны зреют уже силы, определяющие в дальнейшем иной, новый характер общественно-политических отношений.

Растет и крепнет боярство, складывающееся из двух групп: земской и княжой.

Земское боярство — это знать, выросшая из местной родовой знати, известная в источниках под названиями «старцев градских», «старейших», «старой» или «нарочитой чади», «лепших», «лучших» и т. д. Они фактически хозяйничают в земле и управляют ею. Значение их велико. Владимир все свои крупнейшие мероприятия предварительно обсуждает не только со своими боярами, но и со старцами градскими.

Вторая группа боярства — дружинное боярство. Часть его тоже происходила из родовитой знати, но главная масса дружины — выходцы из различных слоев общества. Их возвышает служба князю, обогащают походы. Наиболее заслуженная и богатая часть княжеской дружины носила название «передней» или «старейшей» дружины.

«Молодшая дружина», состоявшая из слуг-воинов, первоначально чаще всего носила название «гридьбы», а члены ее — «гридинов» или «гридей». Гриди обслуживали дом и двор князя, составляли штат ближайших, младших слуг, прислуживавших на пиру; но в то же время, в качестве тиунов, мечников и других низших чинов княжой администрации они управляли от имени князя землями, а во время войны составляли ближнюю, личную дружину князя. Подчиненное, второстепенное значение молодшей дружины, по сравнению со старшей, передней, отражено и в названиях молодших дружинников: «детские», «отроки», «парубки», «уные» (юные).

В большие походы князья ходили не только с дружиной, но и с многочисленным войском («вои»). В IX—X вв. решающую роль играла передняя дружина. С ней князь советовался о войнах и походах, о сношениях и договорах с соседями, ее члены занимали верховные должности в княжом управлении, с ними он делился данями и добычей, отдавал в лен дани с племен и земель; из ее среды выходили посадники крупных городов, княжеские даньщики и вирники, от ее и княжого имени оформлялись международные договоры Руси, например, с греками.

В XI в. положение младшей дружины начало изменяться. Гридьба, составлявшая личную дружину князя, его ближайших дворовых и домашних слуг, обслуживавшая княжое хозяйство, сама стала связываться с землей и играть заметную политическую роль, пытаясь оттеснить на второй план «старшую» дружину.

Князь правит Русской землей через своих родственников и бояр-дружинников. В городах — центрах земель — сидят посадники, по землям собирать дань ходят в полюдье княжие даньщики с дружинами. Тысяцкие ведают городским войском. Ябедники, мечники, вирники собирают судебные штрафы в пользу князя и пострадавших от правонарушителей, творят суд и расправу от имени князя. Мостники и городники прокладывают дороги, строят мосты, возводят стены городов.

Вече, выросшее из собрания рода и племени времен первобытно-общинного строя, о котором вспоминает летопись (поляне, «сдумаше», послали хазарам меч), и игравшее некогда большую роль (все важнейшие дела решались на вече), по мере укрепления княжеской власти постепенно начинает утрачивать свое былое значение (X и первая половина XI в.). Вече собиралось лишь в редких случаях, когда этого требовали особые обстоятельства. Так было, например, если верить преданию, в Киеве (968) и Белгороде (977) во время осады этих городов печенегами. На этих вечевых собраниях главную роль играли старцы градские. Хотя на вече могли участвовать все свободные горожане, но управляла вечевым сходом местная княжеско-боярская и купеческая верхушка. Только кое-где еще сохраняются старые вечевые племенные сходы «людья», в частности в земле вятичей в XII в. Вече временно снова укрепляется со второй половины XI в. (за исключением Новгорода, где это явление наблюдается еще в начале XI в.), но уже в связи с экономическим и политическим ростом городов.

6

Если летопись, поглощенная интересом к походам Святослава, почти ничего не сообщает о внутреннем состоянии Киевской державы за период его княжения, то повествование о Владимире дает возможность проследить не только за его военной деятельностью, но и за его отношением к внутренним делам Руси. Летописец подчеркивает интерес Владимира к вопросам «земляного строения». Владимир совещается с боярами, гридьбой, старцами градскими по вопросам об устроении земли.

Владимир объединяет все земли восточных славян в единую державу, укрепляет государственное управление, строит на границах русской земли укрепления, борется с разбойниками, нарушавшими безопасность торговых дорог, превращает христианство в государственную религию.

Принятие христианства (см. гл. 3) способствует укреплению государственности; церковная организация помогает Владимиру управлять страной. В лице священников Владимир получает не только проповедников, восхвалявших «данную богом» княжескую власть, которой христианину надлежит повиноваться, но и помощников в управлении государством. Христианство становилось оружием в руках господствующего класса, помогающим ему укреплять свое положение в обществе и подчинять себе народные массы. Христианская церковь на Руси освящала феодальные порядки, так как «церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя».[1]

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. VIII, стр. 128.

Во времена Владимира быстро укрепляются феодальные отношения, ведущие к появлению уже с середины XI в. резких признаков распада Киевской державы.

Что же представляет рассмотренный нами период IX—X вв.? Это дофеодальный период русской истории, когда в основе производства лежит труд еще свободного крестьянина-общинника, когда начавшееся закабаление и закрепощение сельских «людий» еще не дало ощутимых результатов, «когда крестьяне не были еще закрепощены».[1] Именно в это время идет процесс зарождения и развития феодальных отношений. Это — период древнейшего государства, время возникновения феодального строя.

Киевская держава сыграла свою роль, способствуя сплочению восточнославянских племен, слиянию их в единый русский народ, сумевший, благодаря наличию государства, отстоять свою независимость от скандинавов, хазарского кагана, печенегов и других врагов, заставить считаться с собой Византию, Польшу, Венгрию, Скандинавские страны и других соседей, создать свою замечательную яркую и самобытную культуру. Киевское государство имело огромное значение в древней истории русского, украинского и белорусского народов, в развитии культуры, в укреплении международного положения древней Руси и, наконец, в развитии политических начал древнерусской государственности.

7

Новый исторический период — феодальный — окончательно оформляется в первой половине XI в. Это время утверждения и господства феодальной земельной собственности — княжеской, боярской, монастырской,— дальнейшего развития феодальных отношений, время, когда феодальные отношения были закреплены законом (Русская Правда). В XI столетии закабаление смердов, их эксплоатация были уже обычны, на что и обратил внимание В. И. Ленин: «...отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена „Русской Правды“)...»[2] В другом месте он пишет: «...„свободный“ русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в 11-м веке шли в кабалу „смерды“ (так называет крестьян „Русская Правда“) и „записывались“ за помещиками!»[3] В. И. Ленин подчеркивает, что «отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен „Русской Правды“...»[4]

---

[1] *И. Сталин, А. Жданов, С. Киров.* Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. К изучению истории, М., 1946, стр. 21.

[2] *В. И. Ленин,* Сочинения. т. 3, стр. 170.

[3] *В. И. Ленин.* Сочинения, т. 12, стр. 237.

[4] *В. И. Ленин.* Сочинения, т. 3, стр. 272.

Развитие феодальных отношений и феодальной земельной собственности, рост ремесел и торговли, т. е. усиление городов, укрепляли положение местной знати и способствовали политическому усилению и обособлению отдельных земель. Каждая область Руси становится гнездом боярских вотчин. Боярство проникается местными интересами, стремится обосноваться в своих землях.

Прошли те времена, когда предки бояр и князей шли за киевским князем отстаивать «землю Русскую», вкладывая в это понятие действительно всю Русь от Волхова до Дона и от Карпат до Оки. Теперь судьбы Киева, Руси перестают их интересовать. Отдельные земли стремятся получить собственного князя, обзавестись своей княжеской династией; в этом отношении наиболее энергично действуют бояре. Местные князья обычно связывают свою судьбу с боярством и, естественно, тоже проявляют сепаратистские тенденции. И чем выше уровень развития производительных сил области, чем она богаче, тем скорее и энергичнее проявляет она тягу к отделению от Киева и ликвидации опеки киевского князя. Так, Новгород проявил тенденцию к отделению от Киева еще при жизни Владимира, когда его сын Ярослав, княживший в Новгороде, отказался платить дань «матери градов русских» — Киеву.

Так складывались условия распада Киевского государства. «Ярослав знаменует закат готической России»,— указывает К. Маркс.[1]

Феодальному способу производства, укрепившемуся в XI в. в основных районах древней Руси, соответствует и определенная форма политического устройства общества, определенная форма организации государственной власти господствующего класса; наступает период феодальной раздробленности. В XI — XIII вв. Русь распадается на множество феодальных самостоятельных полугосударств — княжеств. XI — XIII вв. проходят под знаком дальнейшего роста феодальных отношений, расширения территории, на которой господствует феодализм. Усиливается вместе с этим и феодальная раздробленность: княжества непрерывно делятся и подразделяются, все больше мельчая в условиях учащающихся феодальных усобиц и растущего угнетения сельского и городского люда.

XI век — время усиленного роста феодального землевладения: княжеского, боярского, церковного. Правда Ярославичей рисует нам княжое, а частично и боярское, землевладельческое феодальное хозяйство. Летописи и другие источники также упоминают о селах и землях князей, бояр, монастырей. Так, например, у Владимира было около Киева село Берестово, а под Новгородом княжеское село Ракома. В 1087 г. Ярополк Изяславич «десятину дал от всех скот своих святей Богородици и от жита», в 1096 г. Мстислав, считая войну законченной, «распусти дружину по селам».

---

[1] *K. Marx.* Secret diplomatic history..., стр. 77.

В XII в. феодальное землевладение расширяется еще более. Сообщая о событиях XII в., летопись непрерывно говорит о княжих, боярских и церковных землях. Появляются и первые уставные грамоты (князя Ростислава смоленской епископии, 1150 г.; устав князя Святослава, данный новгородскому Софийскому дому, 1137 г.; грамота Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю, 1130 г., и др.; см. гл. 2).

В качестве примера княжеского хозяйства можно привести хотя бы хозяйство северских князей Ольговичей, потомков Олега Святославича. Противники Ольговичей, Давидовичи и Изяслав, во время усобицы в одном из их владений — Рахне — забрали у Ольговичей косяк лошадей в 4000 голов. В Игореве сельце у них же было захвачено много всякой «готовизны»: вина, меда, железа, меди. В сельце стоял княжой двор и церковь. На околице этого сельца противники Ольговичей захватили 900 стогов сена. В Путивле, во дворе Святослава Ольговича, было захвачено 700 человек челяди, 500 берковцев меда, 80 корчаг вина и много разных ценностей, в том числе и церковных. Когда в 1146 г. Ольговичей изгнали из Киева, у них были отобраны дворы, дома, села и скот.

Любечь, Чернигов, Переяславль, Киев и другие города древней Руси были окружены княжескими, боярскими и церковными селами. Везде — в Ростово-Суздальской земле, Полоцке, Галиче, Новгороде — растет феодальное землевладение.

Рост феодального землевладения есть результат экспроприации земли смерда-общинника. Если раньше, в IX—X вв., князь довольствовался данью, а его сравнительно небольшое собственное хозяйство обслуживала челядь, то теперь, в XII в., князья широко эксплоатируют сельское население. Раньше князья и дружинники богатели главным образом за счет военной добычи, воюя с чужими народами, за счет дани, судебных штрафов; теперь эксплоатация своих земельных владений и подвластного зависимого населения стала основным источником их обогащения. Если раньше обширные земли и угодья оставались в общинной собственности и князь, как верховный обладатель всей земли, ограничивался данью и не вмешивался в хозяйственную деятельность сельского люда, то в XI—XII вв. князь становится верховым распорядителем земель, присваивает общинные земли и угодья, заводит на них свое, княжеское феодальное хозяйство («окняжение» земель) или дарует их своим приближенным боярам («обояривание»).

Князья раздают земли монастырям, которые столь же жадно начинают эксплоатировать зависимый люд. Так, например, в 1130 г. князь Мстислав жалует новгородскому Юрьеву монастырю село Буйцы со всеми доходами; в 1150 г. смоленский князь Ростислав дал несколько сел Смоленской епископии; Ярополк подарил в 1158 г. Киево-Печерскому монастырю Небольскую, Деревскую и Лучьскую волости; дочь его пожаловала тому же монастырю 5 сел с челядью и т. д.

8

Превращение смерда в зависимого «страдника» происходит двумя путями. Первый, основной путь — насильственно осуществляемый захват общинной земли с сидящим на ней населением; чаще всего этот захват совершает князь, ставший верховным распорядителем всех земель, а затем уже князь может пожаловать эту землю боярам или церкви или же оставить у себя. Это — внеэкономическое принуждение. Второй путь — через закабаление обедневших смердов. Это — экономическое принуждение.

В этом случае вчерашний смерд, закабалившись, уже носит иное название: «рядович», «закуп», «наймит» и т. п. Сущность этой метаморфозы заключается в том, что свободный смерд становится зависимым.

В первом же случае свободный земледелец сохраняет старое название смерда, продолжает сидеть на старом участке земли, но вынужден по распоряжению власти и вследствие насилий крупных землевладельцев признать над собою власть феодала, платить ему оброк или выполнять на него барщину. Наряду с «челядью» в княжеском, боярском, монастырском хозяйствах, таким образом, появляется эксплоатируемый смерд. Наряду с зависимыми смердами, продолжают, однако, существовать смерды-общинники, еще не знающие эксплоатации.

Раннее средневековье в смысле характера зависимости различных категорий непосредственных производителей отличается большой пестротой. Рядович — это всякий закабаленный человек, заключивший ряд (договор) со своим господином и работающий у него согласно этому ряду. Рядович — не раб, его зависимость феодального типа. Рядович работает в хозяйстве своего господина, но среди рядовичей есть также слуги, тиуны и ключники.

Среди рядовичей особо выделяется многочисленная группа закупов или наймитов. Последний термин, правда, встречается реже: «наим» при этом означает не вольный наем, а отработку процентов за взятую ссуду; закуп — это закабаленный, зависимый человек, в прошлом в большинстве случаев смерд. Недаром в переводе проповеди Григория Богослова (XI в.) греческое понятие «полураб» передано русским словом «закуп». Закупом сделала ранее свободного смерда «купа», т. е. ссуда деньгами, скотом, хлебом, инвентарем и т. п. За эту купу он теперь должен работать. В XI в. положение закупа было близким к положению раба, холопа. Его можно было бить; он не имел права уходить от своего господина. Бегство закупа грозило превращением его в «обельного [т. е. полного] холопа».

Ф. Энгельс отмечал: «Крепостное право раннего средневековья» заключало «в себе еще много черт древнего рабства».[1] Это замечание совершенно справедливо и для древней Руси, где на ранней стадии развития феодальных

[1] *Ф. Энгельс.* Марка. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 640.

отношений для господствующей верхушки характерно было стремление рассматривать всех вообще зависимых и эксплоатируемых, вплоть до смердов, как рабов. Не случайно в Патерике Киево-Печерского монастыря термин «смерд» часто заменяется термином «раб».

После киевского восстания 1113 г. положение закупа несколько изменилось в лучшую сторону. Его можно было бить только «про дело», он получил право жаловаться на своего господина, итти с его разрешения «искать кун» для выкупа и т. п.

Большинство закупов были ролейными, т. е. эксплоатируемыми на пашне. У закупа было свое небольшое хозяйство, которое он вел на участке земли, полученном от господина, но работал он, главным образом, на хозяйской пашне и дворе. Различные формы рядовничества, и в частности самая распространенная — закупничество,— это и было то закабаление смердов, превращающее их в феодально зависимый люд, о котором говорил В. И. Ленин.

Наряду со смердами, рядовичами и закупами на землях феодалов сидели изгои. Термин «изгой» происходит от глагола «гоить», что означает жить. Изгойство — явление очень древнее, берущее свое начало в отношениях первобытно-общинного строя. Изгои — это люди, порвавшие с родом, изгнанные родом, наконец, потерявшие «жизнь», т. е. неимущие, вынужденные либо полагаться на свои силы, либо входить в другой род. В XI—XII вв. термин «изгой» меняет свое содержание. В составе этой группы были городские изгои, полноправные члены городского общества, за убийство которых полагается такая же сорокагривенная вира, как и за убийство «словенина» или княжого мужа. Но большинство изгоев в XII в. составляли сельские изгои, сидевшие на княжеской, боярской и монастырской землях. Это были, главным образом, выкупившиеся из холопства вольноотпущенные рабы, посаженные феодалом на землю, превратившиеся фактически в крепостных, обязанных работать в хозяйстве своего господина.

Рабство еще продолжало существовать, хотя его значение, несомненно, падало. Рабы были в хозяйствах князей, бояр и монастырей и выполняли различного рода работы наряду с другими зависимыми людьми. Но в то же время раб выступал не только как рабочая сила, но и как товар (см. т. I, гл. 8). Законодательство времени Владимира Мономаха старалось ограничить источники рабства (Пространная Русская Правда). По мере роста феодальных отношений, изменялся и состав челяди — все меньше и меньше становится рабов, все больше и больше феодально зависимых смердов, рядовичей, закупов и т. п. Церковь первая отказывается от рабского труда, переходя к более производительному труду крепостных.

Древняя Русь знала и наемную силу, но она была очень редка. Русская Правда, Закон судный людем и другие источники упоминают о вознаграждении лекарю, плотникам, мостникам и строителям, портным, наемным «ратаям», пашущим исполу, пастухам и т. д.

В XI в. феодальные отношения упрочились и окончательно оформились. В Правде Ярославичей перед нами выступает уже типичная феодальная вотчина. Главным управителем был огнищанин, ведавший княжим «огнищем» — домом. В княжой усадьбе, на дворе, огороженном тыном, стояли господские хоромы: «истба» (зимнее жилье), связанная сенями с летней «клетью» и хозяйственными «подклетями» (см. т. I, гл. 4). Рядом располагались хозяйственные постройки. На птичьем дворе водилась домашняя птица: куры, утки, гуси. На заливных лугах паслись огромные стада коров, овец и косяки лошадей, иногда в несколько тысяч голов. Хозяйством управлял сельский тиун и ключник, за лошадьми смотрел «конюх старый» (конюший); по маленьким селам сидели сельские старосты, следящие за ходом работ и за исполнением повинностей смердов и закабаленных людей. Пашней княжеской ведал особый «ратайный староста». Это были слуги князя, либо заключившие с ним ряд (почему их иногда и называли рядовичами) и оставшиеся в полусвободном состоянии, или же просто обельные холопы. «Сельский ключ [т. е. должность сельского ключника] без ряду» делал человека холопом. Тиуны, ключники, конюхи, сельские и ратайные старосты ведали обширным княжеским хозяйством и управляли всем зависимым людом.

Чем больше росла и укреплялась феодальная земельная собственность, чем больше развивалось вотчинное хозяйство, княжеское и боярское, тем большую роль стали играть слуги-управители. Князь постоянно окружен ими; они управляют его домом, дворами, хозяйством, приносящим все больший доход; с ними он привык советоваться, они входят в состав княжой молодшей дружины. Представители передней, старшей дружины теперь сами вплотную занялись вотчинными и хозяйственными делами, окружив себя ключниками и старостами, помогавшими им эксплоатировать сельский люд. Их меньше интересуют княжеские дела, а князь теперь меньше нуждается в «мужах отцов своих». Только «думают» о всех важных делах они попрежнему сообща. «Мужи хоробрствующие» сходят со сцены.

Зато укрепляется молодшая дружина. Из ее среды и выходят княжеские тиуны, мечники, ябедники, вирники, мытники, мостники, посадники, данщики, казначеи, печатники и прочие княжие чиновники, творившие суд и расправу, собиравшие судебные штрафы, таможенные сборы, следившие за выполнением населением повинностей (повоз, мостовщина, городовое дело), управлявшие городами и волостями, тянувшими к городам, и тому подобная княжая администрация. В рядах молодшей дружины мы находим и управителей огромного княжеского хозяйства. Князь делился с ними частью своих доходов (даней, вир, военной добычи); кроме того, выполняя определенные поручения князя, эти княжие «мужи» кормились за счет населения. Так, например, по Русской Правде вирник получал от населения деньги, солод, мясо, рыбу, хлеб, сыр, пшено, кур, овес и т. д. Повидимому некоторые члены «молодшей» дружины получали за службу и земли.

Уже с конца XI в. падает значение старых форм управления княжеством. Летописец говорит о Всеволоде Ярославиче, что под конец своей жизни он отстранил старшую дружину, окружил себя «уными» (молодшими), которые начали «грабити, людей продавати». Княжие тиуны приобретают все большее и большее значение в политической жизни княжества и подчас становятся правой рукой князя по управлению его «отчиной». Такая же политика ставки на молодших, меньших, такие же изменения в характере и деятельности дружины наблюдаются и позднее. Нерегулярные поборы уступают место регулярным, усложняется управление княжеством. Старая «численная» система управления землей (тысяцкие, сотские) и организации воинства постепенно исчезает, а ее представители становятся княжими «мужами» и входят в состав княжеской администрации. В городах сидят посадники, ведающие всеми делами города и волости. При посаднике в качестве помощников и слуг состояли княжие отроки. Городским войском (полком, чаще всего носившим название по городу — куряне, смольняне и т. п.) ведал тысяцкий с подвластными ему представителями городской организации — сотскими. Всюду — по волостям, погостам, сотням, представлявшим собой административные единицы княжества,— сидели княжие наместники, управители и чиновники, тогда как сам князь в стольном городе, на своем дворе, чинил суд и расправу, выслушивал отчеты своих слуг и управителей, требовал, приказывал, а в горнице с боярами дружинниками совещался «о строе земленем и о ратех и уставе земленем». Государственные дела князя были неразрывно связаны с его вотчинными делами, и по мере роста значения последних вотчинная администрация привлекалась для управления княжеством.

Развитие феодальных отношений прикрепляло бояр и князя к земле, теснее связывало князя с местным боярством, с «землей». Если князь хотел пользоваться популярностью у себя в княжестве, он должен был, прежде всего, считаться с могущественным боярством. Так, например, когда дорогобужский князь Владимир Мстиславич, не посоветовавшись с боярами, объявил им о походе на князя киевского Мстислава Изяславича, они заявили: «о собе еси, княже, замыслил, а не едем по тобе, мы того не ведали». Князья зависели от бояр, прислушивались к их мнению, зато и «земля», т. е. местная знать, поддерживала своих князей в усобицах, собирала полки, изгоняла пришельцев князей. Так, например, когда на киевском столе в середине XII в. сидел Всеволод Ольгович, тиуны которого разорили землю, то киевляне говорили Мономаховичам, что на Ольговичей они пойдут хоть «с детьми».

Так укреплялся политический строй периода феодальной раздробленности.

В связи с распадом Киевского государства, большую роль начинает играть вече. Правда, вече уже не тот сход, когда все «сдумаша» решали важные дела. На вечевых сходах господствуют феодальные и купеческие верхи. По мере рас-

падения Киевской державы усиливаются областные центры: Чернигов, Ростов, Суздаль, Галич, Смоленск, Новгород, Псков, Полоцк и др.; с вечевыми сходами этих городов приходится считаться и пригородам и князьям. Так, например, в 1146 г. киевляне, недовольные действиями тиунов Всеволода Ольговича, договариваются со Святославом Ольговичем, чтобы князь отстранил тиунов и судил сам, причем князь должен был присягнуть («целовать крест») киевскому вечу. Летопись под 1176 г. указывает, что «новгородци бо изначала и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти яко же на думу на вече сходятся, на что же старейшии сдумают, на том же пригороды станут» (Лавр. л.). Мы знаем больше 50 вечевых сходов в древнерусских городах, не считая позднейших вечевых собраний в Новгороде, Пскове и Вятке.

На вече собирались все свободные горожане стольного города, а иногда и жители пригородов, т. е. других городов княжества. В Киеве сходились обычно на княжом дворе, у Софийского собора, на торгу у Туровой божницы, в Новгороде — на Ярославовом дворе, у собора Софии и т. д. Созывал вече князь или посадник; мог созвать вече и вообще всякий горожанин; присутствие на вече считалось не обязанностью, а правом. Вече решало, главным образом, вопросы, связанные с ведением войны, заключением мира или с приглашением князей. С приглашаемым князем заключали ряд — договор. Обычно князья обязывались «ходить по старине», «любити и никого не обидети». Решения веча первоначально не записывались, и лишь с XIII в. в Новгороде появляются грамоты, отражающие и фиксирующие решения веча. Вели вече князь, посадник, тысяцкий или тот, кто созывал вече. Никакого подсчета голосов не было. Единодушным решением считалось то, которое не вызывало протеста сколько-нибудь заметной группы участников вечевого собрания.

Вече контролировало князя, посадника и других должностных лиц, но вече отнюдь не было органом подлинной демократии. Иногда созывались совещания, на которых присутствовала одна знать, например, в Киеве в 1113 г., когда киевская знать пригласила на престол Владимира Мономаха. Обычные же вечевые сходы чаще всего принимали решение под давлением городской знати: князя, епископа, бояр. Часто доведенные до отчаяния притеснениями, грабежом и ростовщичеством князя, бояр и ростовщиков городские низы собирались на вече, выставляли свои требования, а если их не удовлетворяли — вечевой сход перерастал в восстание, как это было, например, в Киеве в 1068 г., когда князь Изяслав отказал киевлянам и жителям сельской округи Киева в оружии для борьбы с половцами. С конца XII в. в Киеве, Чернигове, Ростове и Суздале отмечается ослабление вечевой деятельности. Это объясняется усилением княжеской власти и, наконец, установлением татаро-монгольского ига, которое стеснило основное право веча — приглашение князей.

Исключение составляет Новгород. В Новгороде с середины XII в. складывается боярская феодальная республика с вечевым строем. В особых обстоятельствах, например после народных восстаний 1136 и 1209 гг., в политической

жизни вечевого города-государства активное участие принимает простой ремесленный «черный» люд. Во владычном суде, например, сидит Никифор-щитник, в новгородских ратях участвуют «серебряновесцы» (ювелиры), кожевники, оружейники, опонники и другие ремесленники, игравшие большую роль в вечевых органах. Но подлинными хозяевами Новгорода были бояре. Несколько десятков богатых боярских семейств в течение столетий фактически правили городом. Так, например, у боярина Онцифора Лукича прадед, дед, дядя, двоюродный брат и сын были посадниками. Огромные земельные владения, масса зависимого и эксплоатируемого люда, ростовщичество, разбой, набеги и грабеж боярских «добрых молодцев» — ушкуйников, ходивших за мехами и «рыбьим зубом» в земли чуди, самояди, югры, наконец, само занятие правительственных должностей,— все это было источником богатств и могущества новгородских бояр. Из их среды выходили посадники, сосредоточивавшие в своих руках все важнейшие стороны управления. Новгородские концы возглавляли выбираемые на сходках кончанские старосты; во главе сотен, куда входили купцы и черные люди, стояли сотские, а улицы имели своих выборных уличанских старост. С 1156 г. выборным стал и епископ (новгородский владыка). Боярская аристократия имела еще один свой орган — «Совет господ» (в Пскове — «госпóда»), состав которого доходил иногда до нескольких сот членов. Он фактически и правил республикой. Вече находилось в руках Совета господ.

10

В некоторых княжествах древней Руси мы наблюдаем в XII—XIII вв. тенденцию к усилению княжеской власти, хотя тенденция эта выступает не везде с одинаковой силой. Растущая феодальная раздробленность приводит к установлению сложных междукняжеских отношений. После смерти Ярослава Мудрого Русская земля еще рассматривалась князьями как достояние всего княжеского рода, но уже при внуках Ярослава, когда обострилась вражда и усилились феодальные войны — усобицы, понадобились специальные меры, которые, по мнению князей, могли положить конец их междоусобной брани. Этими мерами были съезды («снемы») крупных феодалов. Эти съезды, на которых выступали не только князья, но и их «мужи» и бояре, решали вопросы исключительной важности. Первым таким съездом при внуках Ярослава был Любечский съезд 1097 г. Задача его была положить конец феодальным войнам, разорявшим Русскую землю и способствовавшим ее ослаблению. Установлен был соответствующий политическому строю феодальной раздробленности принцип вотчинного владения — «кождо держит отчину свою». Съезд констатировал и узаконил, таким образом, факт распада Киевского государства. Но прекратить феодальные войны он не смог, поскольку он не смог устранить противоречия в самом политическом строе феодальной раздробленности. Лишь только разъехались

князья, как Давид Игоревич, князь Владимира-Волынского, в союзе со Святополком Изяславичем киевским ослепили теребовльского князя Василька, подозреваемого ими в замыслах против установившегося раздробления Руси, и вновь началась междукняжеская усобица. В 1100 г. был созван съезд в Витичеве, куда был вызван Давид Игоревич. Князья Владимир Мономах, Святополк Изяславич, Давид и Олег Святославичи отняли у Давида Игоревича Владимир-Волынский, но и у ослепленного Василька отнята была его Теребовльская волость, а самого Василька должен был «кормить» его брат Володарь. Феодальные съезды собирались и в экстренных случаях: например, по вопросам борьбы с половцами (Долобский съезд 1103 г.). Отношения же между отдельными землями определялись соотношением реальных сил. Обычно князья заключали между собой «ряды» (договоры), которые с легкостью нарушались. На междукняжеские отношения иногда оказывало давление вече того или иного города, но чаще всего княжеские «столы» просто «добывались», т. е. захватывались силой.

В отдельных областях древней Руси уже в конце XII и в XIII в., среди растущего дробления земель и хаоса разорительных феодальных войн, наблюдаются первые признаки усиления княжеской власти, пытающейся покончить с дроблением земли, установить известное единство управления, подчинить себе других князей, короче — намечается начало процесса централизации.

В этом отношении большой интерес представляют Владимиро-Суздальское и Галицко-Волынское княжества.

Усиление княжеской власти на северо-востоке, во Владимиро-Суздальской земле, связано с именами Андрея Боголюбского (1157—1174) и Всеволода «Большое Гнездо» (1176—1212). Андрей, став «самовластцем» и «единодержателем» Суздальской земли, пытался сделаться таким же неограниченным властителем и во всей Русской земле. Мы уже отмечали (т. I, Введение), что этому в значительной мере способствовала градостроительная деятельность как Юрия Долгорукого, построившего Юрьев, Дмитров, Кснятин, Москву, так и Андрея Боголюбского, построившего Боголюбов и другие «города и села великия». Князья привлекали поселенцев, обосновывавшихся в новых городах, «немалыми ссудами» и обещанием других льгот. Результаты сказались: в северо-восточные города и дебри потянулись переселенцы; шли даже мордва и волжские болгары. Население Владимира, Юрьева, Дмитрова и других городов составляли преимущественно купцы и ремесленники: «каменосечцы и древоделн», кузнецы, оружейники, ювелиры, кожевенники и т. д. Владимиро-Суздальская земля лежала на средоточии торговых путей, связывающих Волгу с Западом, и это обусловило развитие торговли и рост купечества. Купцы и ремесленники были опорой князя в его борьбе с родовитым боярством старых городов (Ростова и Суздаля), ненавидевших владимирских горожан. Этих последних ростовские бояре презрительно называли своими смердами и холопами,

а богатый город Владимир считали просто «пригородом». Опорой князя, естественно, была и его дружина — тиуны, ключники, мечники, даньщики, вирники и прочие «княжие мужи». Свое богатство и могущество Андрей Боголюбский строит на развитии своего хозяйства, росте эксплоатации зависимого населения. Андрей Боголюбский добивается временной покорности Новгорода, который просит у него мира и князя, и подчиняет рязано-муромских князей, принимавших участие в его походах; он подчинил своему влиянию самый Киев и рассматривал других князей как своих «подручников». Андрей попытался учредить во Владимиро-Суздальской земле и самостоятельную митрополию, независимую от Киева. Эта попытка Андрея отделить владимиро-суздальскую церковь от киевской не увенчалась успехом, но она свидетельствует об его обширных планах. Опираясь на дружинников-феодалов и на города, князь разгромил боярство «старых городов». Эта борьба с боярством «старых городов» за централизованное и сильное управление для самого Андрея окончилась трагично. Он был убит в 1174 г. заговорщиками-боярами, но его дело продолжал Всеволод. Время княжения Всеволода — апогей могущества Владимиро-Суздальской земли. Всеволод — сильнейший из князей Руси, мелкие князья прислушиваются к его слову. После смерти Всеволода княжеская власть стала ослабевать, и Суздальская Русь распалась на уделы. И здесь начались обычные усобицы.

В Галицкой земле издавна сложился могущественный и многочисленный класс крупных землевладельцев-бояр, игравших огромную роль в политической жизни Прикарпатья. Власть князей здесь долгое время не могла укрепиться. Ее усиление в Галицко-Волынской земле относится ко времени княжения Даниила Романовича (1219—1264). В борьбе с богатым, могущественным, своевластным галицким боярством Даниил Романович опирается на мелких бояр, своих дружинников («оружьников») и на городское население.

Города древней Руси представляли собой серьезную политическую силу. Городское ремесленное и купеческое население было заинтересовано в ликвидации феодальных войн, в установлении мира, который мог быть достигнут при помощи усиления княжеской власти и подчинения ей удельных князей и крупных бояр — носителей феодальной раздробленности. Феодальное раздробление земли, усобицы, грабежи и своевластие бояр затрудняли торговлю, развитие ремесла, ставили городское население в зависимое от боярской олигархии положение, способствовали его обнищанию. Естественно, что в борьбе с боярами-грабителями горожане ищут поддержки у сильного князя, а князь, в свою очередь, опирается на горожан. Недаром Даниил Романович, которому пришлось долго бороться с боярством, пользовавшимся поддержкой венгров и поляков, так заботится об укреплении старых и постройке новых городов, привлекает купцов и ремесленников. Летопись не раз отмечает сочувствие и помощь горожан Даниилу, упоминает о гонцах к нему от галичан, торопивших князя войти в город, оставленный его врагами; горожане выступают против

своевластного боярина Судислава, собирают рать во главе с тысяцким Демьяном и сотским Микулой, которая дает возможность Даниилу одержать победу. Горожане ненавидели бояр, которые наводят на Галицкую Русь венгров и ляхов (поляков), пустошат княжество. Бояре Доброслав Судьич и Григорий Васильевич, например, захватили Бакоту, Понизье и Прикарпатье, «грабяще всю землю». Даниилу удалось их выгнать оттуда, потушить восстание смердов, направив туда своего печатника Кирилла, которому он поручил «исписати грабительства нечестивых бояр». Смерды, восставшие против бояр, поддерживали Даниила, когда на Бакоту напал князь Ростислав. Расправа Даниила с боярами укрепила его популярность. В лице Даниила мы видим князя, стремящегося к укреплению единой княжеской власти, боровшегося с феодальной знатью.

Даниил, укрепив до некоторой степени государственную власть, укрепил и положение своего княжества среди враждебных соседей: Венгрии, Польши, Литвы; лишь поход татарских войск во главе с Бурундаем, опустошивший Галицкую землю, подорвал ее расцвет.

При наследниках Даниила — Льве, Васильке, Владимире — даже относительное политическое единство Галицкой Руси, достигнутое при Даниле и способствовавшее ее могуществу, ослабело. Это учли враги Руси. При Юрии Львовиче, Андрее и Льве Юрьевичах на Галич претендуют Польша, Венгрия и Литва; после длительной борьбы им удалось уничтожить самостоятельность Галицкого княжества и поделить его земли.

Так неудачно закончились попытки централизовать управление, приостановить распад княжеств, создать сильную княжескую власть. Условия для сплочения в единое целое русских земель не созрели еще в достаточной мере; центробежные силы взяли верх. Продолжается дробление самостоятельных полугосударств-княжеств, непрерывные усобицы, сопровождавшиеся ограблением и запустением целых областей, упадком производительных сил отдельных частей Руси.

Это приводит к тому, что в борьбе с врагами каждое княжество было предоставлено самому себе. Князья предпочитали «примышлять себе земли», нежели защищать всю страну от врагов извне. Галицко-Волынское княжество отбивается от Польши, Венгрии, Литвы; Полоцк, Псков и Новгород порознь борются с немецкими рыцарями, шведами и литовцами; южные княжества воюют с вековечным врагом Руси — половцами, Владимиро-Суздальское княжество — с волжскими болгарами.

Феодальная раздробленность русских земель способствовала успеху татаро-монгольского завоевания. Битва при Калке показала отвагу и героизм русских воинов, но в то же время вскрыла неспособность враждовавших между собой даже на поле битвы князей оказать сопротивление татаро-монголам. Русь была завоевана и разорена. На долгие годы установилось тяжкое татаро-монгольское иго.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Традиционная политика России. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. IX.
Маркс К. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V.
Энгельс Ф. Марка. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. XV.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950.
Ленин В. И. Сочинения, т. 3, стр. 170, 272; т. 12, стр. 237; т. 20, стр. 348.
И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Сборник «К изучению истории», М. 1946.
История СССР, т. I, под ред. акад. Б. Д. Грекова. Соцэкгиз, М., 1948 г.
Греков Б. Д. Киевская Русь. М.— Л., 1944.
Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945.
Соловьев С. М. Русская история с древнейших времен, т. I—III.
Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., 1939.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРАВО И СУД

В. Г. Гейман

1

Вопрос о происхождении «обычного» права вызвал среди буржуазных историков-юристов длительную дискуссию. Высказывались мнения, что обычаи возникали механически из «привычки» поступать одинаково в однородных житейских случаях; или, что они являлись естественным продуктом национального «народного духа» (Пухта); или, наоборот, что они были результатом произвольных действий отдельных энергичных и сильных личностей, которым стала подражать более инертная и слабая масса (Сергеевич); или, что «первоисточником права является природа человека (физическая и моральная)... Право на первой ступени является чувством (инстинктом)... Все поступают одинаково не по силе подражания одному, а одновременно и повсюду по силе действия одинакового чувства...» (Владимирский-Буданов) и т. п.

Только в свете марксистско-ленинского материалистического понимания истории вопрос этот был окончательно разрешен. К. Маркс доказал, что «правовые отношения... коренятся в материальных отношениях жизни». «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие отношения,—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания».[1]

Обычное право предшествует закону. Его начало теряется в глубокой древности. Обычай, в отличие от закона, не имеет санкции, т. е. утверждения его

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии. Партиздат, 1935, стр. 38.

какой-либо определенной законодательной властью. Обычное право, как и всякое вообще право, развивается и изменяется по мере изменения производственных отношений, господствующих в данном обществе, но обычай безличен в том смысле, что нельзя назвать лица или лиц, от которых данный обычай пошел. В первобытном обществе «мы видим господство обычаев».[1] Характеризуя первобытное общество, В. И. Ленин писал: «...было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода...»[2]

Когда появилось разделение общества на классы, когда возникло государство как особый аппарат принуждения людей, тогда параллельно с обычаями и постепенно на смену им появились законы, сперва в достаточной мере примитивные.

Наши древнейшие письменные памятники сохранили нам некоторые нормы обычного права, восходящие еще к первобытно-общинному строю. Наиболее яркое отражение эти нормы нашли в так называемой древнейшей краткой редакции Русской Правды (о ней см. ниже).

Первая статья этой редакции говорит о наличии у славян института кровной родовой мести: за убийство мстит брат за брата, сын за отца или отец за сына, либо племянники. Ограничение круга мстителей членами семьи и ближайшими родственниками указывает на то, что патриархально-родовые отношения во времена записи этой нормы в Русскую Правду уже были пережитком. Это лишь остатки той патриархальной большой семьи, охватывавшей несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, которая «образовала переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к отдельной семье современного мира».[3]

Отмирание института кровной мести во времена Русской Правды подтверждается еще и тем, что наряду с местью и вместо нее Русская Правда знает уже денежный выкуп, уплачиваемый убийцей родственникам убитого для предотвращения с их стороны мести, своеобразная «покупка мира». Выкуп вместо мести также свидетельствует о значительном разложении патриархально-родовых отношений.

Русская Правда и некоторые другие памятники, относящиеся приблизительно к тому же времени, т. е. к X—XI вв., сохранили указания и на другие институты славянского обычного права, восходящие к глубокой древности. Таковы, например, такие институты обычного права, как применявшиеся в судебном процессе виды доказательств испытанием водой и раскаленным железом (так называемые ордалии), судебные поединки («поле»), «свод» (о них см. ниже),

---

[1] *В. И. Ленин.* Сочинения, изд. 3-е, т. XXIV, стр. 365.

[2] Там же, стр. 366.

[3] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 58.

«соприсяжники» и т. д., а также «умыкание» (похищение) невест. Эти и некоторые другие институты гражданского права, восходя к эпохе разложения первобытно-общинного строя, были одинаково общи самым разнообразным племенам, стоящим на этой ступени развития.

Развитие частной собственности на землю и образование классов, рост зависимости сельского населения от землевладельцев и эксплоатации его в форме отработочной ренты и ренты продуктами — словом, зарождение и постепенное развитие феодальных отношений — феодализирует и право. К. Маркс говорит, что «каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д.»[1] И. В. Сталин устанавливает, что «при феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства,—крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить».[2] Анализируя и комментируя это положение И. В. Сталина, автор специальной монографии о природе собственности пишет: «Необходимо подчеркнуть, что при анализе права собственности феодального общества нельзя забывать не только о разнообразии феодальных правоотношений в разных странах и особенно на разных этапах развития феодализма, но и о том огромном влиянии, которое всегда оказывало и притом самым непосредственным образом на эти отношения *реальное соотношение классовых сил* в каждый данный момент. В „кулачном праве" феодального общества экономическая и тесно связанная с нею военная мощь настолько превалировала над закрепленностью отношений сеньера и вассала, помещика и крепостного в феодальном законе и обычае, что, только памятуя о повседневном и повсеместном расхождении феодальной практики с феодальным законом и даже обычаем можно получить правильное представление о феодальном праве в действии» (А. В. Венедиктов).

В отношении права собственности феодальное право, в отличие от классического римского права, резко разграничивавшего право собственности от права владения, в значительной мере сливает эти два юридические понятия. На один и тот же объект собственности одновременно могут претендовать разные лица; таким образом, этот объект является объектом их «раздельной» собственности. Феодальное право долгое время не знало даже самого термина «собственность» или «право собственности». В России эти термины появились лишь в XVIII в. Но отсутствие специального технического термина, конечно, не говорит об отсутствии самого понятия, обозначавшегося впоследствии данным термином.

Феодальное право под собственностью понимало не только право полного, всестороннего и исключительного господства над вещью, но и то право, над

---

[1] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», Партиздат, 1935, стр. 13.

[2] *И. Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555—556.

обладателем которого стоит еще и верховный собственник на тот же объект (государство, сюзерен, вассал, подвассал). Все формы вещного господства над землей — срочное, пожизненное и наследственное владение — феодальное право подводило под общее понятие собственности, а тенденция развития собственности на землю в феодальный период сводится к постепенному превращению срочной и пожизненной собственности на землю в собственность наследственную, хотя тоже условную. Тенденция эта прослеживается и в позднейшей истории русского поместья. Право связанной, обремененной собственности играло в феодальном обществе преобладающую роль.

2

От времени Киевского государства летопись сохранила нам тексты мирных договоров с греками, явившихся результатом походов на Византию с целью захвата ее прославленной богатствами столицы,— договоры Олега 907 и 911 гг., договор Игоря 944 г. и договор Святослава 971 г.

Торговые связи с Византией и военные походы на нее начались задолго до этого времени. Византийские источники отмечают вторжения славян в пределы Византии, начиная с VI в. Бертинская летопись сохранила известие, что в 838 г. в Константинополе были послы народа, именуемого «русью». В 860 г. был совершен поход Аскольда и Дира на Константинополь (наша летопись относит этот поход к 866 г.).

Несмотря на то, что договоры с греками уже с давних пор подвергались тщательному изучению, до сего времени некоторые вопросы остаются спорными. Прежде всего различно решается вопрос о соотношении договоров 907 и 911 гг.

Повесть временных лет не приводит подлинного текста договора 907 г., ограничиваясь лишь эпическим изложением событий: Олег, собрав «множество варяг, и словен, и чюдь, и кривичи, и мерю, и древляны, радимичи и поляне, и север и вятичи, и хорваты и дулебы и тиверци», объединяемых греками под одним общим наименованием «великая скуфь», всего до 80 000 воинов (летопись говорит, что у Олега было 2000 кораблей, по 40 человек на каждом), осадил в 907 г. Константинополь, предавая разгрому его окрестности. Напуганное византийское правительство, опасаясь за участь столицы, предложило Олегу любой, по его усмотрению, выкуп с тем, чтобы он «не погублял града». Назначив этот выкуп в размере 12 гривен (серебра) на каждого воина (всего около 1 000 000 гривен), Олег отошел от стен Константинополя и, отправив своих послов в столицу, договорился с греками о мире. Содержание этих мирных условий крайне лаконично. Кроме означенного выкупа, греки обязались выплачивать некоторые суммы «на русские грады». Русские послы и купцы во время пребывания в Константинополе получили право на содержание от греков натурой (хлеб, вино, мясо, рыба и овощи) и право беспошлинной торговли.

В свою очередь, русские купцы обязались останавливаться не в самом Константинополе, а в одном из его предместий (у монастыря св. Маммы) и входить в Константинополь лишь одними воротами, в количестве не более 50 человек единовременно, без оружия и в сопровождении специально приставленного к ним греческого чиновника. Отъезжая домой, русские получали право на снабжение со стороны греков мореходными снастями (якоря, паруса и т. п.).

Совершенно иначе летопись преподносит своему читателю договор 911 г. Здесь она без всяких комментариев дает обширный и точно датированный *текст* договора. Он торжественно подтверждает «бывшую любовь» между Русью и Империей и регулирует взаимоотношения русских и греков. Договор касается случаев убийства, драк и оскорблений, кражи и грабежа, случаев кораблекрушений на пути и охраны спасенных при этом товаров, случаев побега рабов, привозимых на продажу и приезжавших в качестве слуг русских бояр и купцов, выкупа военнопленных и найма военных отрядов, выдачи бежавших уголовных преступников, наследования имущества после умерших в Византии русских и т. д. Это действительно трактат, содержащий нормы публичного и частного международного права.

Каково же соотношение договоров 907 и 911 гг., и зачем понадобились два договора? Исследователи, не подвергавшие критическому анализу сообщаемые летописью факты, полагали, что действительно было два договора: один **прелиминарный**, заключенный Олегом под стенами Константинополя, и другой **окончательный, заключенный в спокойных мирных условиях, позволивших всесторонне продумать все необходимые подробности.** Однако для столь отдаленной древности трудно поверить этой искусственной концепции. Противники ее ссылаются на следующие фактические данные: договор 907 г. содержит ограничительные условия для русских купцов (обитание вне Константинополя вход в город безоружными и т. д.), которые не упомянуты в договоре 911 г. Если на эти стеснительные для русских купцов условия согласился Олег, стоя победителем под стенами Константинополя, то, конечно, греки обязательно настояли бы на их включении и в договор 911 г., заключенный при спокойных мирных условиях; однако этих ограничений в договоре 911 г. мы не находим. Была поэтому высказана мысль, что наш летописец допустил здесь ошибку и случайно выпавшую часть договора 911 г. принял за самостоятельный договор 907 г. В настоящее время, после исследований академика А. А. Шахматова, вскрывшего редакционную работу летописца, мысль эта подтвердилась, и теперь можно признать установленным, что особого договора 907 г. не существовало и что первый и единственный письменно подтвержденный международный мирный договор с греками — это договор 911 г.

Договор 944 г. был заключен князем Игорем в менее выгодной для русских обстановке. В 941 г. Игорь пошел на Византию, но был разбит. Желая отомстить грекам за неудачу, Игорь собрал в 944 г. новое войско из славянских племен, призвал «из-за моря» варягов, нанял печенегов и двинулся снова против

Константинополя. Предупрежденный корсунянами и болгарами византийский император Роман отправил к Игорю послов с предложением: «не ходи, но возьми дань, юже имал Олег, и придам еще к той дани» (Ипат. л., 944). Игорь согласился. В конце 944 г. в Киеве послы императора Романа заключили с князем Игорем новый письменный мирный договор. Летопись приводит текст этого договора полностью. Повторяя отдельные нормы договора 911 г., новый договор вносит в него изменения, урезывающие прежние права русских купцов: ничего не говорится, например, о праве русских торговать беспошлинно; ограничивается право покупки некоторых роскошных тканей («паволок»); запрещается зимовать у Константинополя; Русь обязуется «не воевать Корсунской земли», не зимовать там и защищать ее от нападений черных болгар; уточняются и несколько видоизменяются нормы уголовного права.

Договор Святослава 971 г. иного рода. История его заключения такова: после шедшей с переменным успехом долгой и жестокой войны с превосходящими силами греков, Святослав, понеся большие потери, чувствовал себя неуверенно и вынужден был начать переговоры о мире. Греки охотно согласились, так как сами нуждались в перемирии, и мирный договор был заключен. Текст его, полностью приведенный в летописи, сводится к тому, что Русь клятвенно обещается более не воевать с греками и не нападать на Корсунь. С точки зрения истории норм древнерусского права, договор этот не представляет большого интереса.

Вопрос о том, какое по преимуществу право — русское или греческое — отражает текст рассматриваемых договоров, а также значение договоров для изучения русского права, вызывал большие разногласия. Существовало мнение, что «постановления договоров представляют яркую картину древнерусской жизни, отражая в себе ее государственный, общественный, семейный и экономический строй, религиозный культ и юридические обычаи» (А. В. Лонгинов). Согласно другому мнению: «договоры сами по себе ничего не прибавляют к тому, что мы знаем уже о наших древних обычаях на основании других, более чистых источников» (В. И. Сергеевич).

В качестве примера разноречивого, с указанных точек зрения, истолкования норм права, содержащихся в договорах, можно привести статьи об убийстве. Ст. 4 договора 911 г. и ст. 13 договора 944 г. гласят: первая — «Аще [если] кто убиеть хрестьянина [т. е. грека] русин, или хрестьянин русина, да умреть, идеже створит убийство...»; вторая — «Аще убиеть хрестьянин русина, или русин хрестьянина, да держим будет створивый убийство от ближних убиенного, да убьют й [т. е. его, убийцу]». Статьи эти истолковывались в том смысле, что здесь действуют нормы русского права, согласно которым мстители имели право убить убийцу. Указывалось, однако, что предусмотренное договорами условие входа русских в Константинополь обязательно безоружными делало почти невозможным отмщение тут же на месте, о котором говорит ст. 4 договора 911 г., что едва ли греки допустили бы такие акты самоуправства на улицах

Константинополя. Отсюда делается заключение, что под выражением «да умрет» следует понимать не месть, а смертную казнь по приговору византийского суда, по возможности совершаемую на месте убийства, т. е., что норма права, излагаемая в приведенных статьях, не русская, а греческая.

Так же противоречивы толкования и статьи о наследстве. В ст. 13 договора 911 г. говорится: «Аще кто умрет, не урядив своего имения [т. е. не оставив духовного завещания], ци и своих не иметь [не имея при себе детей], да возвратить имение к малым ближикам [боковым родственникам] в Русь... [если же оставит завещание, то поступить согласно воле завещателя]». Попытка некоторых исследователей использовать эту статью для разъяснения древнерусского права наследования не вполне убедительна. Первая часть статьи является почти дословным переводом одного из постановлений знаменитых римских 12 таблиц, а вся статья в целом говорит не столько о наследовании, сколько об охране имущества умершего в Византии русского от притязаний императорской казны, в случае отсутствия на месте родственников умершего. Анализ текста договоров позволяет сделать вывод, что в них выражено не какое-либо одно византийское или славянское право; можно говорить лишь о наличии в договорах норм права как русского, так и византийского. Во всяком случае из договоров видно, что греки хорошо знали русское право и, ссылаясь на Закон русский, почти дословно его цитировали. Договоры с греками были первыми русскими международными договорами. Они особенно важны для истории русского права, так как свидетельствуют, что уже в X в. на Руси существовали сложившиеся в Закон русский определенные обычно-правовые нормы.

3

Перейдем к рассмотрению «уставной», т. е. законодательной и административно-судебной, деятельности русских князей на территории Киевского государства.

При регулировании в древности всей народной жизни нормами обычного права и при примитивности государственной власти первых князей первоначальная уставная их деятельность выражалась в установлении отношений между княжеской властью и подвластным населением. Они сводились к установлению дани и натуральных повинностей — «уроков» и «оброков», т. е. к закреплению законом зарождавшейся отработочной ренты или ренты продуктами в пользу князя или его представителей. Излагая события княжения Олега, Начальная летопись отмечает главным образом такие факты: «...приде к Смоленьску с Кривичи и прия град, и посади мужи свои...» (Лавр. л., 882); «Се же Олег нача городы ставити, и устави дани Словеном, Кривичем и Мери...» (Лавр. л., 882); «иде Олег на Северяне, и победи Северяны и възложи на нь дань легъку» (Лавр. л., 884) и т. п. Каких-либо упоминаний о внутренней законодательной деятельности князей мы не находим.

Уставная княжеская деятельность особенно ярко очерчена в летописном рассказе о государственных мероприятиях «мудрой» княгини Ольги: «И иде Ольга по Деревстей земли... уставляющи уставы и уроки...» (Лавр. л., 946). «Иде Ольга Новугороду, и устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе [реке Луге] оброки и дани» (Лавр. л., 947). Древляне убили мужа Ольги, князя Игоря, за попытку сбора дани свыше обычной. Отомстив древлянам, Ольга, естественно, должна была урегулировать размеры этой дани — это и были те «уставы и уроки», которые установила Ольга в Древлянской земле. Что касается «погостов», как новых административных делений, по мнению некоторых старых исследователей якобы «организованных» Ольгой в Новгородской земле, то активно административная роль Ольги вызывает сомнение. В древнейший период новгородской истории «погостом» назывался, с одной стороны, определенный вид поселения, а именно сельская община и ее центральное селение, с другой — погостом же был назван определенный вид дани. Отсюда «не обложенье данью создавало погосты, а дань, собиравшаяся, в частности, и Ольгой, легла на исторически сложившиеся территории общин, усвоив имя погоста — дани; не приезд князя и купца создал погост как поселение, а и князь, и купец собирали дань и торговали в старых центрах архаической сельской общины» (Н. Н. Воронин). Повидимому, отпор, данный древлянами Игорю, ускорил процесс усиления власти киевских князей на периферии. В таком именно смысле высказывается Б. Д. Греков: «Что же собственно делает Ольга в Древлянской и Новгородской земле? Мне кажется, она внедряется в толщу местного общества, старается в разных пунктах Древлянской и Новгородской земли создать особые хозяйственно-административные пункты, поручаемые в управление своим людям, долженствовавшим выполнять в то же время и задачи политические — укрепление власти киевского князя на местах».

Продолжая свое повествование об «установлении» Ольгой оброков и дани, летопись говорит: «и ловища ее [т. е. Ольги] суть по всей земли, знаменья и места и погосты, и по Днепру перевесища, и по Десне и есть село ее Ольжичи и доселе». Ловища и перевесища — это промысловые охотничьи угодья; «знаменья» — это межевые знаки на деревьях, отмечающие, что данное угодье уже кем-то занято. Ольга начинает с захвата в свою собственность промысловых угодий, а не пахотных земель, но упоминание в летописи села Ольжичи указывает, что внимание Ольги привлекает уже освоение и пашен. Здесь перед нами вырисовывается начало образования княжеского домена.

Процесс развития и усиления княжеской власти был исторически закономерен и, конечно, не определялся «мудростью» того или иного ее представителя. Прославление же особой «мудрости» Ольги, естественно, объясняется стремлением летописца во что бы то ни стало выделить имя Ольги, первой из русского княжеского рода принявшей христианство.

Лишь с конца X в. начинается более решительный сдвиг в уставной деятельности князей, отражающий быстро усиливающийся процесс феодализации.

Известна активная деятельность князя Владимира в области обеспечения и организации церкви. Летопись приводит рассказ о неудавшейся «правовой реформе», именно о попытке Владимира ввести под влиянием духовенства за преступления — разбой и убийство — государственное наказание смертной казнью вместо прежних мести и штрафов-выкупов. Впрочем, может быть, это более поздние рассуждения летописца по вопросу о системе уголовных наказаний.

Рис. 1. Установление смертной казни Владимиром (996 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.)

Если опустить рассмотренное известие летописи, то в области княжеского управления летопись продолжает еще отмечать факты обычной для IX и X вв. «уставной» княжеской деятельности в сфере военной и в сфере даннических отношений: «В сем же лете [Владимир] и Вятичи победи, и взъложи на нь дань от плуга, якоже и отець его имаше» (Лавр. л., 981); «Иде Володимер на Радимичи... и победи Радимичи... и платять дань Руси, повоз везуть и до сего дне» (Лавр. л., 984); «рече Володимер: се не добро, есть мало городов около Киева. И нача ставити городы по Десне и Востри и по Трубешеви...» (Ипат. л., 992) и т. п. Но, не приводя каких-либо новых фактов из области гражданского управления, летопись все же делает одно замечание, проливающее некоторый свет на эту деятельность Владимира. «Бе бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земленем» (Лавр. л., 996). Ясно, что Владимир совещается со своими приближенными по вопросам не только военным, но и общим вопросам управления страной, что постепенно усиливается деятельность князя как правителя, стоящего во главе господствующего класса

феодализирующегося общества. Княжение Владимира представляет собой переломный момент в истории древней Руси, когда государственное устройство приобретает все более выразительные и четкие формы.

4

Дальнейшее развитие права нашло довольно яркое отражение в наших летописях и в Русской Правде.

Уже в X в., в эпоху договоров с греками, русским становились известными нормы права, руководящего гражданской жизнью греков. После принятия христианства и образования русской митрополии с проникновением и распространением на Руси переводной греческой литературы, попытки греков оказать давление на оформление русского права усилились. Это воздействие сказывалось не только в области церковной, но частично коснулось и светских отношений людей, связанных с церковью. Еще ранее крещения Руси был переведен на древнерусский язык греческий Номоканон — кодекс смешанного содержания, регулировавший в Византии как церковные отношения, так и светские по делам церкви (само название кодекса указывает на это смешение: «номос» по-гречески значит «закон светский», «канон» — «закон церковный»). Переведенный текст Номоканона (по-русски «законоправила»), вольно названного в русской письменности Кормчей книгой (правило — по-русски значило руль корабля, а кормчий — рулевой), дополнялся некоторыми византийскими памятниками чисто светского права. Таковы, например, Эклога, изданная императором Львом Исавром в 741 г. и внесенная в Кормчую книгу в виде особой главы под названием Главизн царей Леона и Константина; Прохирон, изданный императором Василием Македонянином в отмену Эклоги в 870 г., носящий в Кормчей книге заглавие Закон градской. Сюда вошел также памятник светского права, специально предназначенный греками для «просвещения» вновь «обращенных к христианству» славян, так называемый Закон судный людям — компиляция из Эклоги, из некоторых других византийских источников и из Моисеева (библейского) законодательства. Особо следует отметить составленный несколько позднее (вероятно, в конце XII или в начале XIII в.), может быть уже на Руси, юридический сборник — компиляцию из византийских законов под заголовком Книги законные. Первой частью этого сборника является перевод греческого Земледельческого закона или устава, составленного, как и Эклога, в Византии в середине VIII в. и носящего несомненные следы славянского влияния (например, в статьях, отмечающих существование сельской общины). Статьи этого устава, регулирующие отношения земледельца с «господарем», на земле которого он работает, находят аналогию со статьями Русской Правды, но санкции греческих законов резко отличаются от наших.

Если переводные сборники византийских законов имели значение для развития русского церковного суда (см. гл. 3), то в области светского законодательства влияние их было мало заметным. В Русской Правде следов византийского права очень мало. Долголетнее сосуществование византийских законодательных памятников и письменно закрепленных норм русского обычного права свидетельствуют о значительной самостоятельности последнего. Условия русской действительности были столь отличны от византийских, что о механическом перенесении норм византийского права на русскую почву, к чему упорно стремилось греческое духовенство, не могло быть и речи. Как увидим ниже, духовенству удавалось лишь применять византийские членовредительные наказания, вопреки русской системе денежных выкупов.

5

В начале настоящей главы было уже указано на глубокую древность правовых норм, внесенных в первый наш «свод законов», известный под именем Русской Правды. Совершенно ясно, что какие-то «законы» сложились в славянском обществе уже в глубокой древности. Прямое письменное указание на существование «русского закона» мы встречаем, как указано выше, в договоре с греками князя Олега 911 г. В ст. 5 этого договора говорится, что если русский грека или грек русского ударит мечом или каким-либо сосудом, то виновный обязан уплатить потерпевшему пять литров серебра «по закону русскому». Статья эта характерна. Греческое право не знало системы композиций, т. е. штрафов-выкупов за уголовные проступки и правонарушения: они карались телесными наказаниями. Наоборот, система композиций была широко распространена у всех племен (в том числе у славян) по последней ступени первобытно-общинного строя и нашла свое письменное закрепление в так называемых варварских правдах, в том числе и в Русской Правде. В ее древнейшей редакции действительно есть нормы, чрезвычайно близкие, даже с редакционной стороны, к упомянутой выше ст. 5 договора с греками 911 г., а именно за удар мечом (не вынутым из ножен) или чашей полагался денежный штраф.

Если греки в 911 г. были уже знакомы с содержанием русского обычного права, то, конечно, имеются все основания полагать, что какой-то прототип Русской Правды, оформленный, вероятно, лишь в виде устной традиции, существовал в Киеве или Новгороде в самом начале X в., а может быть и раньше. Вопрос о происхождении Русской Правды, вызывавший среди ученых горячие споры, тем самым как бы предрешается. Памятник этот, признать ли его происхождение новгородским или киевским, отражает обычное право восточных славян. Русская Правда равно относится и к истории Киева, и к истории Новгорода, к Ростово-Суздальской и Смоленской землям. По сути же своей,

Русская Правда древнейшей редакции является записью права восточных славян, отражающей в некоторой своей части нормы еще доклассового, первобытно-общинного строя.

6

Русская Правда дошла до нас в двух основных редакциях, первоначальной — краткой и позднейшей — пространной.[1]

Краткая Правда разделяется на две части заголовком одной из средних ее статей (18-й),[2] гласящим, что с этого места начинается текст Правды, установленной сыновьями Ярослава I. Некоторые ученые разделяют поэтому Краткую Правду на два самостоятельных памятника.

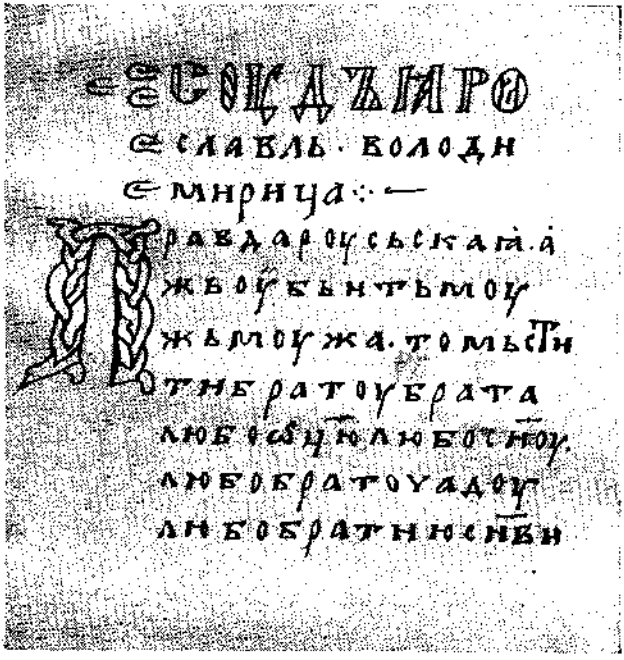


Рис. 2. Начало древнейшего списка Русской Правды в Кормчей книге конца XIII в.

Несомненно, что первая часть Краткой Правды гораздо архаичнее второй. В этой первой части говорится еще о мести как о действующем институте; вовсе не упоминается о князе; личность свободного человека оценивается независимо от его социального положения; штрафы с преступников взимаются исключительно в пользу потерпевшего, без какой-либо уплаты в пользу князя. Наконец, не упоминается о преступлениях против частной земельной собственности и допускается «в своем миру» «самоуправное отнятие»

[1] Краткая редакция была обнаружена В. Н. Татищевым свыше 200 лет назад в составе Новгородской летописи, списана им, снабжена примечаниями и вполне приготовлена к печати. Однако находившаяся под влиянием немцев Академия Наук, куда сдал свою рукопись Татищев, не обратила должного внимания на этот памятник. Только в 1767 г., через 30 лет после открытия Татищева, краткая редакция Правды появилась в печати. Вскоре же были обнаружены и списки пространной редакции. Первый из них был издан И. Н. Болтиным в 1792 г. С той поры изучение текстов Правды стало одной из важнейших тем исторической науки и интенсивно продолжается вплоть до наших дней.

украденной вещи, в чьих бы руках ни обнаружил ее собственник. Во всех этих нормах отражаются отношения, свойственные обществу, в котором классовая дифференциация не приобрела еще значительных размеров. Состав этой древнейшей Правды, сводящейся всего к 17 кратким статьям, крайне несложен. Речь в ней идет почти исключительно о нормировании нескольких уголовных преступлений.

Совсем другой характер имеет содержание второй части Краткой Правды, ярко отражающей отношения феодального общества. О мести в ней нет ни слова, за убийство взимается штраф, размер которого определяется социальным положением убитого. Личность княжеских дружинников и слуг оценивается вдвое против обыкновенных свободных людей. Штрафы, наряду с вознаграждением обиженного, идут уже в пользу князя. Особо отмечены преступления по нарушению земельных межевых знаков, что указывает на значительное развитие

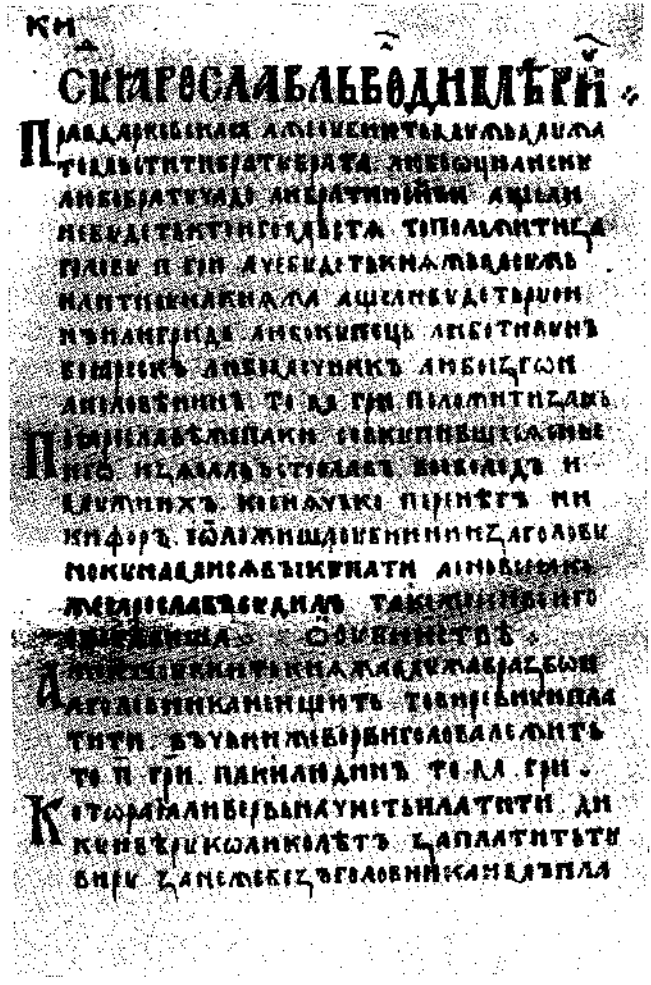


Рис. 3. Начало списка Русской Правды в рукописи Мерило праведное XIV в.

Списки Краткой Правды весьма малочисленны (их известно всего два), тогда как, наоборот, списков пространной редакции в настоящее время известно свыше 100. Самый древний список относится к концу XIII в. (рис. 2), более древних до сего времени не обнаружено.

[2] Надо сразу же оговориться, что деление Правды на перенумерованные статьи установлено учеными по смыслу для удобства пользования текстом. Деление это очень спорно и имеет в настоящее время несколько различных вариантов. В подлинных рукописных текстах Правды некоторое подразделение намечается путем употребления иногда киноварных (красных) и заглавных букв.

частной земельной собственности, и по покраже, в частности, разнообразных домашних животных и т. д. Вторая часть Краткой Правды, обычно называемая Правдой Ярославичей, имеет основной своей целью охрану княжого мира, княжих людей и их имущества. По существу же и эта вторая часть Краткой Правды является кодексом норм лишь уголовного права, о гражданских отношениях в современном ей обществе в ней почти еще ничего не говорится. В новых постановлениях князей, отменяющих старые нормы обычного права, проводятся новые принципы феодального права — права привилегии.

Пространная Правда, по самым размерам своим представляющая кодекс, в четыре раза превышающий Краткую Правду в обеих ее частях, является значительным шагом вперед по пути развития феодального права. В одной из ее первых статей указано, что месть уже отменена законодательным путем. Далее Пространная Правда развивает, дополняет, обобщает и детализирует уголовные нормы, содержащиеся в Краткой Правде, и, что особенно важно, вносит новые статьи, регулирующие нормы гражданского права. Пространная Правда регулирует отношения по купле-продаже, займу, поклаже (отдаче имущества на хранение), по личному найму, по наследованию и опеке и т. п. Значительное количество статей относится к судоустройству и судопроизводству.

Если характерным для Правды Ярославичей является момент охраны княжого хозяйства, то Пространная Правда особо подчеркивает и охрану вотчины боярской. Приписки к отдельным статьям оттеняют защиту боярских людей, специальная статья говорит об охране боярского наследства от притязаний князя. Пространная Правда дает и группу систематически объединенных статей, регулирующих отношения господина и его закупов, в частности «ролейных закупов» (т. е. той категории зависимого населения, которая работает на боярской земле).

Иммунитет предоставлял феодалам-землевладельцам право суда и эксплоатации подвластного населения. В. И. Ленин указывал, что «землевладельцы кабалили смердов еще во времена „Русской Правды"...» [1] Средствами закабаления являлись не только заем, наем и самозаклад, перераставшие в безысходную кабалу («экономическое принуждение»), но и средства прямого насилия со стороны феодалов при невозможности для смерда фактически найти на них управу («внеэкономическое принуждение»).

В целом Пространная Правда является кодексом феодального права, права привилегии. Привилегии феодалов проникают всю Правду и сказываются во всем. Так, например, имущество умершего смерда, не имевшего сыновей, даже при наличии дочерей, шло в пользу князя; имущество же феодала, умершего при тех же условиях, наследовалось его дочерьми.

Интересно сравнить Русскую Правду с так называемыми варварскими правдами (leges barbarorum), т. е. со сборниками законов — судебниками, дей-

[1] *В. И. Ленин.* Сочинения, т. 3, стр. 170.

ствовавшими у различных племен Западной Европы. Сборники эти начали составляться в писанной уже форме, со второй половины V в. (правды Вестготская и Бургундская V в.; Салическая — начала VI в. и Рипуарская — конца VI в.; Аламаннская и Лангобардская — VII в.; Баварская — VIII в.; Фризская, Саксонская и Тюрингская — начала IX в.). Эти варварские правды, так же как и Русская Правда, слагались из разных источников. В основе их содержания лежат нормы обычного права, но со значительными позднейшими наслоениями как в виде отдельных королевских распоряжений, так и целых комплексов их, так называемых новелл или капитуляриев. В этом отношении варварские правды находят себе полную аналогию с позднейшей пространной редакцией нашей Русской Правды, в текст которой внесены целые «уставы» отдельных князей (например, устав Владимира Мономаха «о резах», т. е. о процентах, устав, возможно, того же князя «о закупах» и т. п.). Кроме того, некоторые нормы варварских правд являются, как и в Русской Правде, записями судебных решений по конкретным юридическим случаям. Но если варварские правды носят на себе более или менее заметные следы влияния римского права, и записаны они на так называемой варварской латыни, то Русская Правда как по содержанию, так и по языку является более самостоятельным и самобытным памятником.

Сходство нашей Правды с западноевропейскими обратило на себя внимание ученых еще почти 200 лет назад. В 1756 г. русский академик немец Ф. Струбе, изучая Русскую Правду (по списку Татищева), пришел к выводу о непосредственном «заимствовании» ее содержания из германского права. Русь тенденциозно представлялась немцу «дикой» страной! Со второй половины XIX в. под влиянием высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса даже некоторыми буржуазными учеными стали высказываться мысли о том, что сходство правовых норм отдельных народов древности надо объяснять не «заимствованием», а одинаковой ступенью развития, на которой стояли эти народы. Для историков-марксистов, рассматривающих исторический процесс в свете учения классиков марксизма о смене общественно-экономических формаций, вопрос этот не вызывает никаких сомнений. И варварские правды, и Русская Правда одинаково отражают право разлагающегося родового строя и начала вырастающего в его недрах и побеждающего феодализма. Поэтому сходство между этими памятниками не только закономерно, но и неизбежно.

7

Кроме Русской Правды, от рассматриваемого периода сохранилось несколько «уставных грамот» русских князей XII в. Все они касаются главным образом урегулирования взаимоотношений светских и церковных учреждений, говорят о привилегиях, даруемых князьями церкви. Таковы близкие по своему

содержанию к так называемым церковным уставам, связанным с именами киевских князей Владимира Святославича и Ярослава I, грамоты и уставы новгородских и смоленских князей (см. гл. 3).

Напряженная торговая жизнь Новгорода и некоторых других городов северо-запада древней Руси привела к заключению этими городами торговых договоров. К рассматриваемому периоду XII—XIII вв. относятся два: договор с Готландом, заключенный Новгородом между 1189 и 1199 гг. (возможно, ок. 1195 г.) и договор с Ригой и Готландом, заключенный смоленским князем Мстиславом Давидовичем в 1229 г. Эти договоры, посвященные главным образом урегулированию торговых сношений русских купцов с немецкими, представляют большой интерес и для изучения норм древнерусского права.

Обратимся к вопросу о соотношении в этих договорах норм русского и немецкого права. Русское право, закрепленное уже в таких письменных памятниках, как Русская Правда и княжеские «уставы», не могло быть легко подменяемо иноземным, в частности немецким правом, к чему стремились немцы. К тому же и уровень развития русского и немецкого права в то время был, приблизительно, одинаков. Новгородцы, например, решительно отвергали включение в договоры норм права, идущих вразрез с русским правом и навязываемых им немцами. В качестве примера, правда относящегося к несколько более позднему времени, что, однако, не изменяет дела по существу, можно привести сравнение ст. 3 окончательного текста договора 1270 г. Новгорода с Готландом с немецким его проектом. В отношении воровства немцы предлагали внести в договор постановление о наказании виновного розгами с заклеймением щеки и даже смертной казнью, в зависимости от суммы украденного. В нашем же древнейшем праве телесные наказания за воровство вообще не применялись; поэтому немецкий проект был отвергнут и в окончательной редакции заменен формулой: «виновного должно судить по пошлине» (т. е. по старине, по обычному праву).

Рассматривая содержание Новгородского и Смоленского договоров (ок. 1195 и 1229 гг.), легко заметить, что все их постановления, касающиеся взаимных ссор, драк, оскорблений между русскими и немцами, а также убийств и воровства, исходят из норм, чрезвычайно близких к нормам обычного русского права, зафиксированного в Русской Правде.

В договоре Новгорода с Готландом мы встретим, как и в Русской Правде, -гривенную и 40-гривенную виру за убийство, 12-, 6- и 3-гривенную «продажу» (штраф) за разного рода оскорбления и побои. Новой является здесь лишь статья о специальной защите женщин, не выделяемой в Русской Правде из общих постановлений об оскорблении человеческой личности вообще (само собой разумеется,—личности свободных, а не рабов). Еще ближе к содержанию Русской Правды смоленский договор 1229 г., конечно имеющий и свои особенности (как договор международный). Здесь, кроме «вир» за убийство, повторены

нормы Русской Правды о «синих» и «кровавых» ранах, о повреждении ноги, руки, глаза, о зубе и т. д. Любопытно, что здесь прямо упоминается «поле», т. е. судебный поединок, замалчиваемый в Русской Правде. Интересны также статьи о преступлениях против нравственности, о прелюбодеянии и изнасиловании. Русская Правда вовсе не касается этих преступлений, повидимому

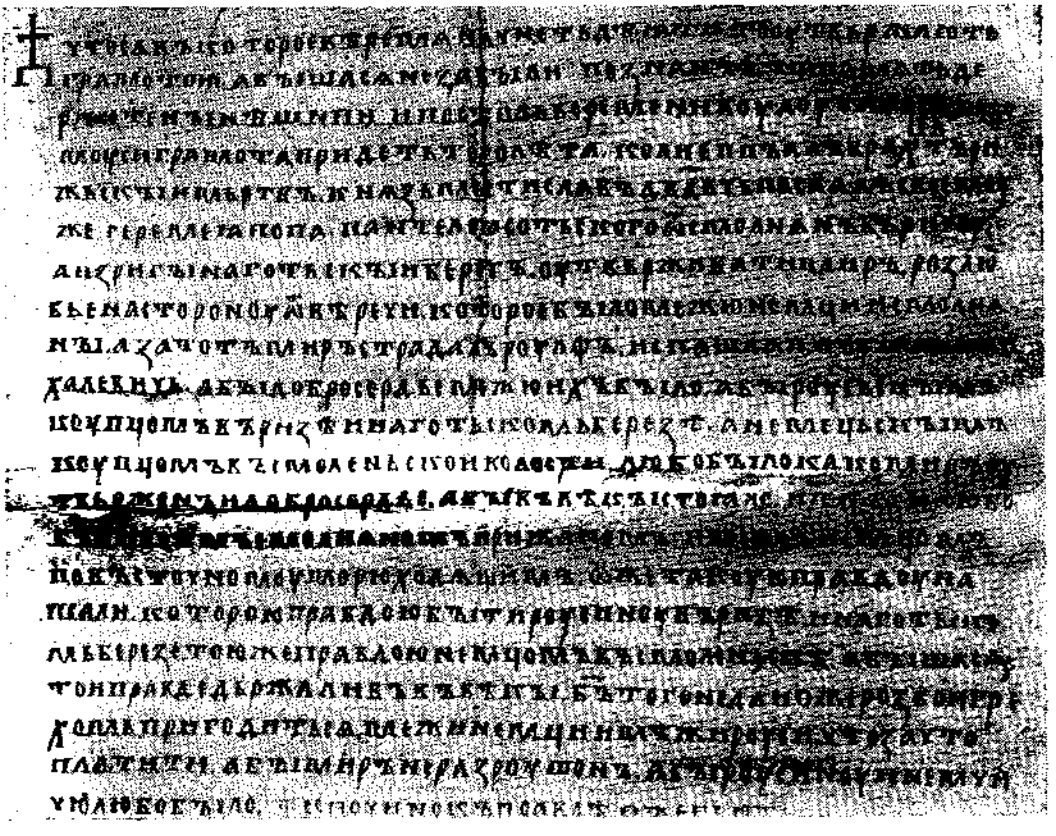


Рис. 4. Смоленский договор 1229 г. (по списку второй половины XIII в.).

предоставляя суд по ним церкви; в договоре 1229 г. мы впервые встречаем нормы светского права, регулирующие эти правонарушения. Весьма полно представлены в договоре и статьи по гражданскому праву и судопроизводству. Необходимо отметить, что новгородский договор с Готландом около 1195 г., повидимому не является хронологически первым договором. По крайней мере начало его гласит: «Се яз князь Ярослав Володимеричь, сгадав с посадником... и с всеми новгородци, потвердихом *мира старого*...» и т. д., что указывает на существование более раннего договора.

С внешней стороны рассматриваемые договоры выгодно отличаются от договоров X в. с греками. Прежде всего сохранился не вызывающий никаких сомнений в своей подлинности оригинал договора 1229 г., скрепленный печатями (рис. 4). Переводы выполнены тщательно, и тексты, при их истолковании, почти нигде не вызывают сомнений. Любопытно, что договор 1229 г. сохранился в двух редакциях. Их изучение привело к выводу, что при заключении договора уполномоченными обеих сторон был сначала составлен латинский текст; затем он был переведен на немецкий язык, так как не все члены союза немецких купцов могли понимать латинский текст. С теми же целями был сделан русский перевод с латинского (2-я редакция) и немецкого текста (1-я редакция). Обороты речи сохранившихся русских текстов с несомненностью показывают, что в одном случае был сделан перевод с латинского, в другом — с немецкого.

Кроме двух рассмотренных договоров, примерно к тому же времени может быть отнесен недатированный договор Смоленска с немцами (по мнению Напиерского, он относится к 1240—1250 гг.). Договор, несомненно, подлинный, писан на пергаменте и скреплен вислой свинцовой печатью. Содержание его близко к содержанию договора 1229 г. Отметим, что в нем есть статья, регулирующая право наследования, чего нет в предыдущем договоре, и упоминание при перечислении разных видов оскорблений и обид о вырывании бороды, о чем специально говорит Русская Правда, но что пропущено в договоре 1229 г.

8

Рассмотрев законодательные памятники и княжеские уставные грамоты, имеющие общегосударственное значение, необходимо остановиться еще на вопросе о княжеских жалованных грамотах разным лицам и учреждениям (например монастырям) и на вопросе о грамотах и актах частных лиц. Несомненно, что с развитием феодальных отношений должна была широко развиваться практика иммунитетных пожалований. Рассказ летописи об XI—XII вв. пестрит известиями о селах, принадлежащих боярам, дружинникам, церквам и монастырям, иногда с прямым указанием на то, что села эти пожалованы князьями.

Однако сохранившихся до нашего времени жалованных грамот очень мало: либо их уничтожило время, либо писались они не всегда, и пожалования оформлялись устно, как это можно предполагать в случае передачи княжеской земли Киево-Печерскому монастырю. Как бы то ни было, от XII в. сохранилась всего лишь одна, несомненно подлинная грамота этого типа, именно жалованная грамота князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. на волость Буйце «с данью и с вирами и с продажами» (рис. 5). Кроме этой грамоты, сохранились еще две грамоты 1125—1137 гг. князя Всеволода Мстиславича тому же монастырю и грамота 1147 г. новгородского же князя

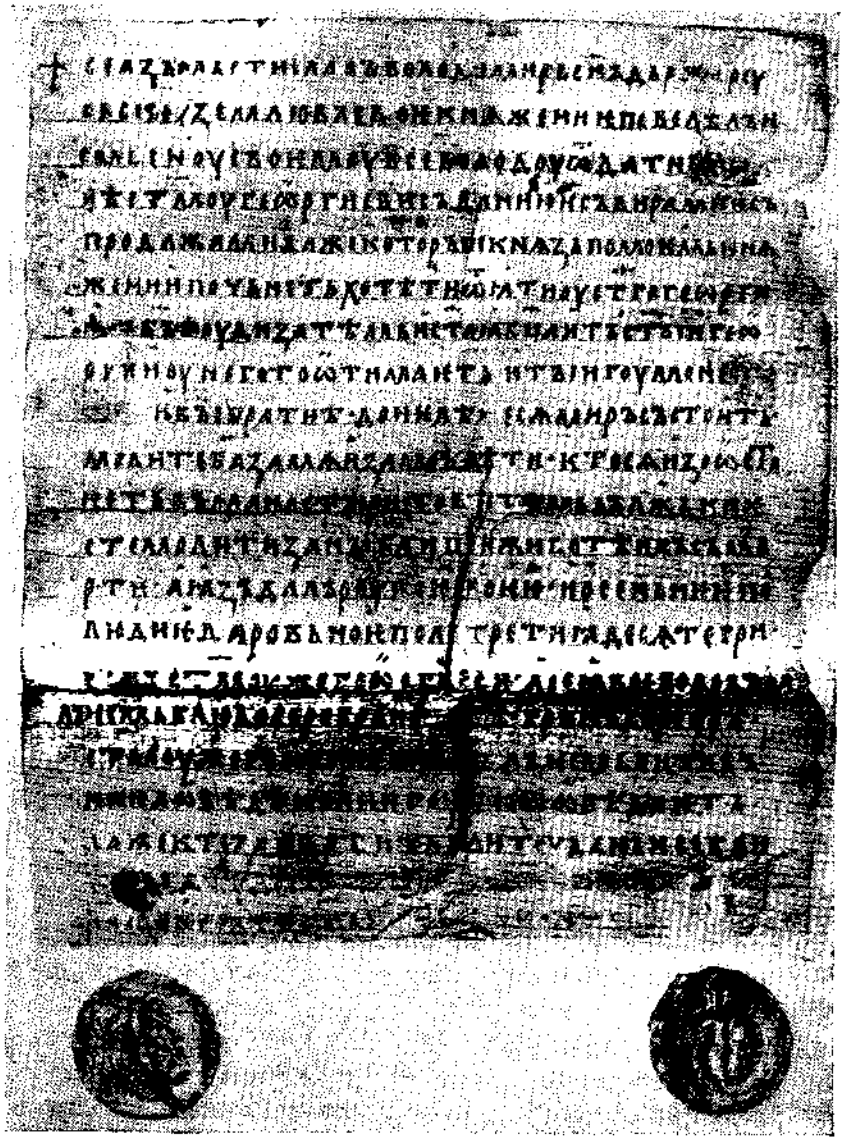


Рис. 5. Жалованная грамота 1130 г. князя Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю.

Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю, но все эти грамоты дошли до нас не в оригиналах, а в позднейших списках.

Подлинная грамота 1130 г. князя Мстислава, жалующая Юрьеву монастырю землю «с данью и с вирами и с продажами», дарует ему, тем самым, полный иммунитет на вновь полученную населенную землю. Пожалование дани

освобождало монастырь от выплаты князю денежных или натуральных сборов с населения, собираемых теперь уже в пользу землевладельца-монастыря. Пожалование же «вир и продаж» указывает на предоставление монастырю права суда над ставшим подвластным ему местным населением по всем видам тяжб и преступлений, включая и случаи убийств (виры преимущественно взыскивались по делам об убийствах). Здесь перед нами типичный пример возникновения независимой от органов государственной власти феодальной вотчины (сеньории).

Все сохранившиеся до нашего времени древнейшие грамоты иммунитетного типа (или более или менее достоверные позднейшие списки с них) относятся лишь к новгородской территории. Однако пожалования князьями населенных земель монастырям и светским землевладельцам были, конечно, обычны в это время и в других княжествах. Так, в грамоте 1356—1387 гг. рязанский князь Олег упоминает о земельных пожалованиях Ольгову монастырю, сделанных еще в 1219—1237 гг. его предками. Они дали монастырю земли, населенные «бортниками», т. е. смердами, главным промыслом которых являлся сбор меда и воска диких лесных пчел. Грамота Олега отмечает, что жаловали монастырю земли и отдельные бояре и княжие «мужи»; эти «мужи» перекупили вкладчину у князя, якобы за 300 гривен, окологородную землю и затем отдали ее монастырю для застройки. Следовательно, уже в самом начале XIII в., даже в более отсталом, чем Киев или Новгород, Рязанском княжестве, были факты перекупки земли одними феодалами у других. Всего монастырь получил в начале XIII в. «девять земель бортных, а пять погостов» с населением в 1010 семей, с предоставлением духовному феодалу-монастырю права суда и сбора даней и торговых пошлин с этого населения. Несомненно, это такое же иммунитетное пожалование, как и в грамоте 1130 г. князя Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю.

Наряду с пожалованием князьями населенных земель в вотчину, т. е. в полную наследственную собственность, вероятно, около того же времени началась раздача земель и во временное владение под условием службы (позже — поместье). Так, летописные сведения (под 1160 и 1164 гг.) о роспуске князьями в мирное время своих дружин на прокорм в пригороды и села позволяют утверждать, что уже тогда боярам и дворянам давались князем земельные участки во временное владение.

В решение вопроса о роли и значении князя в период феодального Киевского государства советская историческая наука внесла коренные изменения.

Исконность и повсеместность княжеской власти на Руси, уходящей своими корнями в патриархальный быт, в родовые и общинные союзы, подчеркивались еще в дореволюционной буржуазной литературе (Дьяконов, Владимирский-Буданов и др.). Отмечалось, что в землях восточных славян княжеская власть существовала еще до появления князей Рюриковичей, но с умножением их числа только члены этого княжеского рода становились во главе древнерусских

земель — княжений. В системе государственного устройства этих земель князь являлся основной и необходимой фигурой. Князь, прежде всего, был военачальником,— защита земли от внешнего врага являлась его первоначальной и главнейшей обязанностью. Угроза внешней опасности заставляла население возможно скорее замещать вакантный княжеский стол.

Неограниченность княжеской власти, выводимая из ее древних патриархально-родовых оснований, стала впоследствии, по мнению буржуазных ученых, отражать «тождество интересов» князя и народа. Авторитет князя определялся якобы степенью «доверия» к нему со стороны населения, силою «единения» князя с народом: князю вручалась народом вся полнота верховной власти. Рассматривая княжескую власть как «уравновешивающую» силу по отношению к «народу» или «населению», буржуазные историки исходили из теории «надклассовой» верховной власти и затушевывали расплывчатыми терминами «народ» и «население», классовую структуру общества и классовую сущность верховной власти. Марксистско-ленинское учение о государстве полностью разоблачает ложность этой теории, в частности, применительно и к древнерусскому Киевскому государству.

Князь, будучи в своем княжении «первым феодалом», становится представителем и защитником интересов боярства, и поэтому он принужден согласовывать свою деятельность с руководящей феодальной верхушкой; это относится не только к деятельности великих киевских князей, но и к деятельности князей «местных» (термин С. В. Юшкова). Эта «согласованность» действий получала выражение и в классовом суде, и в захвате общинных земель князем и видными его «советниками», и в княжеских пожалованиях этих земель духовным и светским феодалам, а также в превращении, по крайней мере, части живших на этих территориях земледельцев — их смердов, из свободных в зависимых. Пути экономического принуждения смердов нашли свое выражение в санкционированных князьями нормах Русской Правды о рядовичах, закупах, смердах и изгоях, т. е. о разных категориях зависимых людей. Памятники письменности древней Руси сохранили данные и о мерах внеэкономического принуждения. Епископ владимирский Серапион в своем Слове о мятежи жития сего указывал, что сильные люди, «не насыщаясь» своим «имением», *порабощают и продают* свободных «сирот», т. е. крестьян-земледельцев. Позже епископ тверской уличал князей в том, что они помогают тем, у кого много золота и серебра (т. е. боярам-феодалам), а не тем, у кого «нет ни пенязя»: «бедных *порабощаете*, а богатым даете».

Что касается вопроса об актах и грамотах частных лиц, то до нас дошли лишь следующие древнейшие грамоты: купчая и духовная грамоты Антония Римлянина (до 1147 г.); «данная» грамота посадника И. Фомина Муромскому монастырю на Онеге 1182 г. и вкладная Варлаама Хутынскому монастырю около 1211 г.

9

Суд несомненно существовал уже в условиях первобытно-общинного, патриархально-родового строя. Восстановление нарушенного права было делом рода. Пережитком этого времени являлся в древнейших памятниках русского права институт кровной мести, уже регулируемый княжеской властью. Также пережитком, но еще более слабо выраженным, была ответственность общины за нарушение права ее членами. Суд осуществлялся перед лицом собрания свободных людей данной общины. В русских источниках есть лишь глухая ссылка на такие общественные суды. С появлением частной собственности и классов ответственность за правонарушения все больше начинает падать на лицо, совершившее преступление, а не на общину. Суд становится прерогативой князя и его представителей — посадников, тиунов, тысяцких, а с дальнейшим развитием феодальных отношений, в частности иммунитета, и феодалов-вотчинников (так называемая вотчинная юрисдикция). Все ярче вырисовывается классовый, феодальный характер суда. Впрочем, в начальной стадии развития феодализма князя интересовала главным образом фискальная сторона: с каждого судебного дела князь или его представители получали с виновной стороны определенные штрафы — «виры» за убийство и «продажи» за кражи и другие менее важные преступления. На ранней стадии развития феодального суда «виры» взимались в одинаковом размере (40 гривен) безотносительно к социальному положению убитого; в дальнейшем за убийство лиц, связанных с князем — его дружинников и слуг,— вира взыскивалась уже в двойном размере по сравнению с вирой за убийство простых свободных людей, т. е. 80 гривен. Судопроизводство ведется силами самих тяжущихся, с заметным участием общины или ее членов. Например, по Русской Правде община (вервь) еще являлась в некоторых случаях правонарушений ответственной за своих членов; вервь отвечала и за преступления, совершенные на ее территории в тех случаях, когда она не принимала участия в отыскании преступника.

Большое значение в древнерусском суде имело участие в нем отдельных членов общины — разного рода «послухов», «добрых людей», «видоков» и т. п., обычно обозначаемых именем «мужей» или «людей». Весь ход процесса мыслим только при участии этих людей: «они нужны для поручительства, для послушества, для сохранения в памяти судебного решения... публичность действий суда, присутствие людей входит как органический элемент в тогдашнее судостроительство и судопроизводство» (Н. Дювернуа). Особенно показательны в этом отношении статьи Русской Правды и договора Новгорода с Готландом (ок. 1195 г.) о том, что в случае спора по долговым обязательствам дело решается обращением к «12 человекам» или «послухам». Эти послухи решают спор; их решение окончательно; они полностью устраняют всякую роль судьи, фактически заменяя его. В этом смысле послухи уже не просто свидетели. Послух не столько очевидец сделки, сколько вероятный будущий судья, в слу-

чае возникновения спора по этой сделке. Послух поэтому обязательно должен быть свободным человеком, ибо рабы или полусвободные не могли быть судьями. В этом было главное отличие в древности послуха от «видока». Видок — это просто свидетель факта; таким очевидцем мог быть всякий, в том числе и раб. Однако особое значение послухов с течением времени постепенно сглаживается. Во времена Русской Правды, с усилением деятельности княжеского суда, начинается смешение терминов «видок» и «послух».

Как указывалось выше, древний суд отличался активной ролью сторон (пережитком еще более древнего «самоуправства») и пассивной ролью судьи. Авторитет суда был еще не высок, действовал не судья, а стороны,— «это спор, или лучше правильный бой между противниками» (Ф. Дмитриев). В древнейший период истец и ответчик являлись на суд не единолично, а приводили с собой своих родственников. Еще в X в., описывая судебный поединок на Руси, арабский писатель Ибн-Русте сообщает: «На борьбу эту родственники обеих тяжущихся сторон приходят и становятся вооруженными». Даже Псковская судебная грамота, памятник XIV — XV вв., постановляет: «а на суд помочью не ходити...». Значит еще и в это позднее время пытались приходить на суд с «пособниками». В Русской Правде пространной редакции в этом отношении характерна ст. 77 о так называемом «следе». Здесь со всей очевидностью выступают и активная роль истца и первые попытки ограничения или хотя бы урегулирования пособничества: пособниками могли быть лишь «чужие» люди и «послухи», а не родственники истца.

Процесс «следа» сводился к тому, что истец, вовсе не обращаясь к суду, но с помощью своих «пособников», организовал погоню по следам убежавшего вора. Если следы эти приведут к какому-либо населенному пункту, а жители последнего не отведут от себя этих следов, не примут участия в разыскании преступника «или отобьются», то они считались (очевидно, при последующем судебном процессе) коллективно ответственными за совершенную кражу. Уже самое выражение «или отобьются» указывает на то, что на практике были возможны в этих случаях чуть ли не целые сражения-побоища. Как только что было указано, Русская Правда уже регулирует состав пособников, принимающих во главе с истцом участие в погоне: «а след гнати с чюжими людьми и с послухи». Можно предполагать, что для предотвращения эксцессов со стороны истца ему запрещалось брать с собой «своих» людей, а кроме того, с ним обязательно должны быть и послухи, на обязанности которых, очевидно, лежала обязанность дать в дальнейшем судопроизводстве добросовестные показания по делу.

Также характерен, с точки зрения активной роли истца, и другой процесс, известный под именем «свода». Если истец находил у кого-либо свою украденную вещь, то он не мог сразу отобрать эту вещь (ограничение прежнего «самоуправства», следы которого ясны еще в древнейшей редакции Правды), а должен был обратиться к владельцу вещи со словами: «пойди на свод, где еси взял». Если владелец вещи не вор, он вместе с истцом отправлялся к тому лицу, от

которого получил вещь; теперь уже это лицо превращается в ответчика, и начинается новая процедура. Ответчик снова может указать, от кого получил украденную вещь, и теперь уже он, конечно вместе с истцом, отправляется к предполагаемому вору и т. д., пока не дойдут до человека, который не сможет указать, каким образом украденная вещь попала к нему в руки. Последний признавался вором, и истец отбирал свою вещь. Институт свода известен также чешскому, польскому, литовскому и германскому праву и другим, словом, свойственен праву всех народов на определенной ступени общественного развития. Само собой разумеется, что это усложнение процесса судопроизводства — «свод» и «след», как и многие другие процессуальные детали (судопроизводственные процессы и являются основным содержанием пространной редакции Русской Правды), весьма ярко вскрывают классовый характер суда. Фактически дело велось так, что представители господствующих классов — землевладельцы и купцы — всегда были в выигрыше, а простые люди—«смерды»— постоянно оказывались в проигрыше.

Истец и ответчик вступают в пререкания перед судьей (князем, посадником или тиуном). В случаях бесспорных не требуется каких-либо новых доказательств, кроме представленных истцом. Но в случае неясности дела приходилось изыскивать новые доказательства. Все применявшиеся русскими древнейшими судами доказательства сводились к так называемому «суду божьему». В основе этого суда лежит свойственное людям того времени суеверие, что божество принимает непосредственное участие во всех делах людей и, как верховный судья, оправдывает правых и карает виновных: что не ясно для людей, ясно божеству. Отсюда мысль, что в сомнительных случаях надо предоставить молчаливо высказаться «божественной силе», которая обнаружит и покарает виновного. В этом смысл и клятвы, и судебного поединка, и так называемых ордалий. Клятва, т. е. присяга или рота, как называли ее у нас в старину, сводится к тому, что истец или ответчик, принося присягу, клянется именем божества, что говорит правду. В суеверном сознании людей поддерживалась мысль, что если клявшийся солгал, то божество тем или иным способом покарает его.

Судебный поединок или «поле», как называли его у нас с начала XIII в., представляет решение спорного дела победе или поражению одной из спорящих сторон, вступающих в единоборство с оружием в руках; выигрывает дело тот, кто победит. Смысл поединка тот же: божество не допустит победы неправого.

Одним из видов судебных доказательств были ордалии. У нас, по Русской Правде, ордалии сводились к двум видам: испытанию железом (огнем) и испытанию водой. Испытание железом считалось более строгим и применялось при более важных преступлениях. Доказывая свою правоту, человек должен был взять в руки кусок раскаленного железа. По приметам ожога судьи определяли правоту или виновность обвиняемого. Испытание водой по русскому праву не ясно, в праве же других славянских земель оно сводится к своеобразному «состязанию в плавании»; само собой разумеется, что утонувший проигрывал

дело. У германцев при испытании водой упоминаются погружение руки в кипящую воду, бросание в реку связанным и т. п.

Если отмеченные в письменных источниках судебные поединки несомненно носили характер «судов божиих» в очерченном выше смысле, то в своей основе они восходили ко временам господства обычного права, когда всякое его нарушение восстанавливалось физической борьбой, открытой силой.

Русская Правда дает нам возможность наблюдать постепенное развитие начал судоустройства и судопроизводства в древней Руси. Характерно, например, самое количество говорящих об этом статей в различных редакциях. Правда, в древнейшей части ее краткой редакции мы имеем лишь четыре таких статьи. Они говорят: а) об участии в суде представителей общины, б) о видоках, в) о клятве — «роте» и г) о своде. Во второй части Краткой Правды (Правде Ярославичей) к этим статьям добавляется еще пять. Здесь уже идет речь об организации княжеского суда. Упоминаются «княж двор», как место суда, и княжеские чиновники, обслуживающие этот суд и получающие за выполняемые ими функции определенное вознаграждение, уплачиваемое осужденной на суде тяжущейся стороной,— это вирники, мечники, емцы. В позднейшей Пространной Правде статьи, касающиеся судоустройства и судопроизводства, занимают уже видное место в составе памятника; их можно насчитать до 33 из общего числа 120 статей. Здесь, кроме непосредственного княжеского суда на княжом дворе упоминаются уже особые судьи; умножаются и уточняются судебные поборы в пользу многочисленных княжеских чиновников; уточняется определение, кто допускается к свидетельству на суде; регулируется институт «гонения по следу» и т. п. Вместе с тем суд входит в рассмотрение обстоятельств, при которых было совершено преступление; так, например, при вынесении приговора принимаются уже во внимание различия в напряжении злой воли преступника, различаются случаи убийства в ссоре, на пиру, т. е. очевидно в состоянии опьянения, и случаи убийства без этих смягчающих вину обстоятельств. Наконец, особо выделяются некоторые важнейшие виды преступлений, за которые виновные караются уже не денежным выкупом, а более тяжкими наказаниями, распространяющимися не только на имущество, но и на самую личность правонарушителя.

Самой древней формой наказания, несомненно, является месть преступнику со стороны потерпевшего или его родственников; затем ее сменяет денежный выкуп.

Во времена Русской Правды месть, несомненно, уже ограничена. Это сказывается и в сокращении случаев, в которых она допускается, именно при убийстве, увечьи и нанесении ран и побоев, и в определении законом круга допускаемых мстителей: за убийство мстят члены семьи в широком смысле (пережитки большой семьи), при увечьи мстят «чада» — ближайшие нисходящие родственники, при ранении и побоях — только сам потерпевший. Есть все основания предполагать, что уже в то время месть была связана с судом, в форме ли

последующего ее санкционирования или даже предварительного разрешения суда на отомщение (так называемая послесудебная месть). Все это значительно меняло первоначальный характер мести.

Время Русской Правды захватывает самый последний период существования этого института: наряду с местью существует уже денежный штраф, а ст. 2 Пространной Правды уже прямо говорит о законодательной отмене мести и об обязательном штрафе. Это свидетельствует о большом пройденном русским обществом пути.

При родовом строе господствовала месть, но рядом с нею существовал и родовой выкуп: род правонарушителя выплачивал определенное количество скота роду потерпевшего (так было у славян, так же было у германцев и бурят). По Русской Правде скот заменяется уже деньгами, причем получает возмещение уже не род, а семья потерпевшего и княжеская власть. Возмещение, иначе «вражда», на наших глазах проделывает длительную эволюцию. Русская Правда не знает возмещения роду, но прекрасно знает штрафы всевозможных видов в пользу княжеской власти и вознаграждение потерпевшей семьи или пострадавшего лица.

Краткая редакция Русской Правды, отразившая нормы более древнего права, говорит об удовлетворении пострадавшей стороны. В конце X и в XI в. княжеская власть устанавливает взимание штрафов с нарушителей мира не только в пользу обиженного, но и в свою пользу. Пространная редакция Русской Правды дает по этому поводу уже совершенно ясные указания. В тех случаях, в которых ранее допускалась месть, теперь следуют денежные взыскания с преступника, слагавшиеся из двух частей: одна шла в пользу потерпевшей стороны («головничество»), другая — в пользу князя («вира»). Полная вира взималась за убийство в размере 40 или 80 гривен, в зависимости от социального положения убитого; за отсечение же ноги, руки, носа и выколотье глаза взималось «полувирье», т. е. штраф в половинном размере. При всех других уголовных преступлениях, как личных, так и имущественных, с преступника взимался в пользу князя штраф, именуемый «продажей», и, кроме того, преступник выплачивал и частное вознаграждение потерпевшему.

Наряду с преобладающими в системе древнейших наказаний штрафами, Русская Правда пространной редакции знает один вид более тяжкого наказания — это так называемый «поток и разграбление», полагающийся за три рода преступлений: 1) убийство в разбое, 2) конокрадство и 3) поджог жилого дома и гумна. Заключалось оно в конфискации всего имущества преступника («разграбление») с изгнанием его за пределы земли или с обращением его в рабство с женою и детьми («поток»). Этот вид наказания восходит в своей основе к первобытно-общинному строю, когда отдельная личность еще не выделялась из рода или общины. Высшим наказанием в этих условиях являлось лишение преступника мира, защиты рода или общины, изгнание правонарушителя из его среды. Такой же институт под именем Friedlosigkeit (лишение мира) был

Рис. 6. Ослепление восставших киевлян (1068 г., миниатюра Кенигсбергской лет.).

Рис. 7. Наказание кнутом восставших смердов (1071 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.).

и в древнегерманском праве. Преступник становился отверженным, каждый мог безнаказанно убить его. «Поток и разграбление» Русской Правды были видоизменением этого древнейшего института.

Смертная казнь, телесные и членовредительные наказания не были свойственны древнейшей системе русского права. Но появились они довольно рано и развивались вместе с укреплением государства и усилением классовой борьбы. Княжескую власть в этом отношении поддерживала церковь, стремившаяся опираться в своей практике на византийское право. Известие летописи о неудачной попытке Владимира Святославича ввести по совету церковников в законодательном порядке смертную казнь приводилось выше. Но летопись сохранила нам сведения о многочисленных случаях смертной казни, практиковавшейся в древней Руси и вне всякой связи с влиянием церкви. В Новгороде виновных в политических и религиозных преступлениях, по постановлению веча, сбрасывали с моста в Волхов, вешали и сжигали; в Киеве князья применяли казни и пытки против неугодных им лиц и т. д. Однако эти случаи применения смертной казни не являются системой. Часто казнь тех или иных лиц, по повелению князя, является не чем иным, как именно его личной местью. В дошедших же до нас сборниках светского права наказание смертной казнью впервые отмечается лишь в конце XIV в.

Рис. 8. Казнь епископом Федором своих противников (миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.).

Что касается телесных и членовредительных наказаний, то необходимо различать нормы, записанные в сборники законов (по существу, конечно, неполные), и устанавливающуюся практику. Классовый характер суда здесь выступает с полной силой. В Русской Правде о телесных наказаниях говорится мало, но совершенно определенно допускается применение телесных и членовредительных наказаний господами по отношению к своим слугам и зависимым людям. Господин имеет право бить своего закупа «про дело», наказывать плетьми своих холопов. Новгородский епископ Лука приказывает в 1053 г. «урезать» своему

рабу нос и обе руки. В 1169 г. киевский митрополит приказывает «урезать» язык, отсечь правую руку и вынуть очи ростовскому владыке Федору. Этот «владыка» Федор, будучи у себя в Ростове, по словам летописи, и сам отличался особой жестокостью: «другым человеком головы порезывая и бороды, а другым очи выжигаше и языки вырезая, другыя же распиная по стене и муча немилостивне» (Ипат. л., 1172).

Наконец, из Смоленского договора 1229 г. мы узнаем и еще об одном виде наказания, именно о заключении. Ст. 9 этого договора предусматривает

Рис. 9. Освобождение князя Веслава из поруба (1068 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.).

два вида такого заключения: «погреб» (земляная тюрьма) и «железа» (цепи). Первое считалось более тяжелым. Указания на заключение в погреб или «поруб» встречаются в летописи с начала XI в.

Выше была изложена история княжеского суда древней Руси. Наряду и одновременно с княжеским судом действовали также и суды вотчинно-феодальные, т. е. суды землевладельцев над зависимым населением их земли. О них упоминается и в летописях и в грамоте новгородского князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю 1130 г. Возникновение вотчинного суда было связано с ростом крупного землевладения и утверждением феодальных отношений на Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. К критике политической экономии. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. XII, ч. I.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. XVI, ч. I.

Ленин В. И. О государстве. Сочинения, изд. 3-е, т. XXIV.

Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, изд. 11-е.

Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом. СПб., 1855.

Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта. Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей. Л., 1937.

Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.— Л., 1948.

Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-е. Киев, 1909.

Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права, вып. I. Изд. 5-е. Киев, 1899.

Грацианский Н. П. Салическая Правда. Казань, 1913.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М.—Л., 1944.

Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. М.—Л., 1926.

Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945.

Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Сборник документов, подготовлен к печати Г. Е. Кочиным. Л., 1935.

Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Сборник документов, подготовлен к печати Г. Е. Кочиным. Предисловие Б. Д. Грекова. Л., 1936.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. Л., 1926.

Правда Русская, т. I. Изд. АН СССР. М.— Л., 1940.

Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.

Тихомиров М. Н. О частных актах в древней Руси. Исторические записки, т. 17. М., 1945.

Шахматов А. А. Несколько сравнительных замечаний о договорах с греками. Записки Неофилологического общества, т. XIII. СПб., 1914.

Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. I. М., 1947.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ

Н. Ф. Лавров

1

Касаясь вопроса о происхождении и развитии религии, Ф. Энгельс говорит, что «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения... Но вскоре, наряду с силами природы, выступают также и общественные силы,— силы, которые противостоят человеку и так же чужды и первоначально так же необъяснимы для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь так же и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил... На другой, дальнейшей ступени развития вся совокупность природных и общественных атрибутов множества богов переносится на *одного* всемогущего бога, который, в свою очередь, является лишь отражением абстрактного человека».[1]

Эта картина возникновения и развития религии полностью приложима и к истории религии восточных славян.

Славянское язычество IX—X вв. в том его виде, в каком оно нам известно по письменным источникам, представляло весьма сложное переплетение пережитков глубокой древности с новыми формами религиозных представлений. Сохранялось, например, обожествление сил природы растений и животных, еще не наделенных антропоморфными чертами; поклонение воде, огню, земле,

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1948, стр. 299.

растениям и животным также отразилось и в фольклоре. Летопись, говоря о происхождении полян, так характеризует их: «бяху же погани, жруще озером и кладязем и рощением, якоже и прочии погании» (I Новг. л., 854), т. е. поляне были язычниками, поклонялись озерам, источникам и рощам. Эти пережиточные представления несколько ослабли, видимо, только в XII в.; еще Кирилл Туровский, радуясь, что Русь стала христианской, отмечает в одном из своих поучений: «не нарекутся богом стихиа, ни солнце, ни огнь, ни источницы, ни древа».

Почитая воду, человек приписывал ей особую живительную и очистительную силу. Известны сохранившиеся до позднейшего времени многообразные способы лечения знахарями болезней при помощи воды. Весенние и летние народные праздники, сопровождаемые купаньем, обливаньем, указывают на веру в другую чудодейственную силу воды — плодородящую. Отсюда связь представлений о земной воде с водой небесной — дождем; в одном из источников конца XI в. говорится, что некоторые жертву творят у ключа, «ища от него дождя»; жертвы воде и источникам должны были спасать от засухи, к ним и прибегал земледелец.

Так же и представление о земном огне еще с отдаленнейшей поры связывалось с представлением о «небесном огне» — солнце и молнии,— дающем тепло и свет и посылающем дождь-воду. Огонь, по древним верованиям, имел и очистительную силу; с этим был связан, например, обряд прыгания через костры в ночь Ивана-Купалы.

Очень древне и почитание кормилицы — «матери-сырой-земли». По древнерусскому обычаю землею клялись при спорах о земельных владениях: истец клал себе на голову дерн и в доказательство своего права собственности обходил по меже спорного земельного участка. Земле исповедывались в своих грехах, прося у нее прощения.

Приведенные выше свидетельства памятников литературы говорят также и о сохранившемся почитании растений, деревьев, «рощенья». Константин Багрянородный отмечает жертвоприношения купцов-русов у священного дуба на острове Хортица; дуб в это время был священным деревом Перуна, а с проникновением христианства за ним закрепилось значение «нечистого дерева»; напротив, береза считалась «чистым деревом». Этот культ растений пережиточно сохранялся в народных обрядах: например, в весенний праздник семик девушки приносили жертву березам и пели:

Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые,
К вам девушки идут,
К вам красные,
К вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.

Предание о начале города Белозерска рассказывает, что на его месте раньше стояли березы, которым приносились жертвы. Этнографами отмечено большое

количество считавшихся священными заповедных рощ или отдельных деревьев, например, в Пошехонье (рис. 10).

Наряду с переживаниями тотемистического культа растений, в комплексе языческого мировоззрения славян сохранялось и почитание священных животных. В числе их были конь, бык (тур), медведь, кабан и др. Замечательная археологическая находка на дне Днепра у устья Десны куска дубового ствола с засаженными в него кабаньими клыками позволила подтвердить тесную связь

Рис. 10. Священная сосна около деревни Кисельня, Тихвинского района (фото Государственного Этнографического музея

священных деревьев и зверей в славянской мифологии; этот дуб, видимо, стоял на слиянии двух рек (рис. 11). Находки кабаньих клыков — амулетов — часты в курганных погребениях Поднепровья.

На лесном севере до позднейшего времени дожили следы почитания медведя — сильнейшего представителя местной фауны. Медвежий культ был распространен в X—XI вв. как у славянских, так и у неславянских племен; его следы здесь известны со времени неолита и эпохи бронзы. Русские легенды и поверия свидетельствуют о его большом значении и в позднейшее время (например, легенда об Ярославле — Медвежьем угле), что прекрасно подтверждается и находками

Рис. 11. Кусок дуба с кабаньими клыками (Киевский Центральный исторический музей.)

медвежьих костей или глиняных муляжей медвежьей лапы, сопровождаемых глиняными кольцами в курганных погребениях XI в. (Владимирские курганы, рис. 12).

Священным животным был также козел (или коза). Козел, как увидим ниже, был жертвенным приношением при исполнении колядной обрядности и счи-

Рис. 12. Глиняные медвежьи лапы и кольца (Владимирские курганы).

тался подателем и покровителем урожая. В одной старинной белорусской песне поется:

Две коза ходзиць, там жито родзиць,
Две коза хвостом, там жито кустом,
Две коза ногою, там жито копою,
Две коза рогом, там жито стогом...

Однако можно думать, что почитание козла восходит еще ко времени охотничьего хозяйства и его обрядовых игрищ.

Таковы самые краткие сведения о древнейших пережитках в языческом мировоззрении восточного славянства.

2

Очень рано обоготворенные силы природы и стихий теряют аморфный характер, оформляясь в виде человекоподобных божеств. Так, в поучениях против язычества упоминаются женские божества: вилы и берегини. Культ вил — духов лесов и гор — был широко распространен у сербов; в то же время образ вил очень близок к образу русских русалок; можно предполагать, что под названиями «вилы» или «берегини» следует разуметь женское божество воды, образ которого ярко отразился в русском фольклоре в виде русалок.

Термин «русалка» не встречается в памятниках древнерусской письменности, но народные весенние празднества «русалии», обычно связываемые с

почитанием русалок, отмечаются в поучениях против язычества XI—XII вв. Отрицательные черты русалок—результат позднейших представлений христианской поры о русалках, как душах непогребенных утопленниц. Гораздо архаичнее сохранившиеся в народных поверьях положительные черты русалок: они, например, посылают благодатный дождь на поля, близко соприкасаясь с силами плодородия и земледельческими божествами.

С дальнейшим развитием производительных сил, с превращением земледелия в ведущую отрасль хозяйства и связанными с этим изменениями в общественных отношениях, все более выдвигаются олицетворенные божества стихий природы, определяющих хозяйственное благополучие земледельца. Вместе с тем кристаллизуется и специализируется самый образ и функции божества. Уже в VI в. византийский историк Прокопий Кесарийский, описывая быт славян-антов, писал: «Владыкой мира они [анты] признают одного бога — создателя молнии—и в жертву ему приносят быков и других жертвенных животных». Несомненно, что из многочисленных божеств уже в то время начинали выдвигаться главные божества, связанные с земледелием.

Летопись, рассказывая о княжении в Киеве Владимира Святославича, приводит под 980 г., вероятно, далеко не полный перечень богов восточных славян: «И нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь» (Лавр. л., 980). Эти же имена богов встречаются и в других поучениях против язычества.

Среди языческих богов летописец на первом и, очевидно, главном месте ставит Перуна.

Перун — космическое божество, бог грома и молнии; но он почитался несомненно и как бог — податель живительного для природы и посевов дождя, земледельческий бог. Образ Перуна был связан пережиточно с животным тотемом — конем, что сказалось позднее в переносе черт конного бога — громовика на христианского Илью с его «громыхающей» колесницей.

С конем был связан и другой космический образ — славянского бога солнца. Араб Масуди (X в.) называл все славянские племена «солнцепоклонниками». Древний славянин видел в солнце могучего подателя света и тепла, бога, от которого зависело его благосостояние и жизнь. Смена зимы и лета вызывала в его сознании представление об умирающем и воскресающем боге. Солнечное божество выступает под различными наименованиями: Хорса, Дажьбога, Купалы, Ярилы; это следует, повидимому, объяснять какими-то особенностями самого солнечного культа у различных племен. Упоминание поучениями конца XI в. Хорса на втором месте после Перуна говорит о значительности этого божества. Автор Слова о полку Игореве, полного мифологическими образами, вспоминая о Всеславе полоцком, рожденном якобы от волхованья «князе-оборотне», говорит, что он перебегал волком путь великому Хорсу, богу солнцу. В одном из переводных памятников древнерусской литературы имя античного бога соли-

ца — Аполлон — передано словом «Хрьс». Это слово в некоторых языках означало также «утренняя заря», «солнце». Бог солнца — Хорс, отличался от бога грома, Перуна. Вероятна и связь представлений о солнце — небесном огне и представлений о небесном же огне — молнии. В этом смысле интересно указание одного из апокрифов о том, что Перун и Хорс «два еста ангела молниина».

После Хорса в летописном рассказе 980 г. в числе владимировых богов назван Дажь-бог. В русском переводе византийской хроники Иоанна Малалы словом «Дажь-бог» поясняется греческое «солнце» — «гелиос» (Ипат. л., 1114). Это и служит главным основанием для вывода, что Дажь-бог был, так же как Хорс, богом солнца. Дажь-бог упоминается дважды и в Слове о полку Игореве.

Вслед за Дажь-богом в летописном рассказе 980 г. названы Стрибог, Симарьгл и Мокошь. Упоминание Слова о полку Игореве: «се ветри Стрибожи внуци» позволило считать Стрибога схожим с Перуном, богом грозы-непогоды.

Гораздо менее ясен вопрос о Симарьгле. Он упоминается в некоторых поучениях против язычества вместе с Перуном и Хорсом, причем иногда его имя читается не «Симарьгл», а «Сим и Рьгл» и даже «Сим и Ерьгл». Последний вариант дал повод одному из исследователей русского язычества (А. С. Фаминцыну) выдвинуть догадку, что в слове «Ерьгл» позднейшими писателями допущена описка: вместо «ьг» следует читать «ы», т. е. «Ерыл», Ярило, солнечное божество, почитание которого было широко распространено на Руси. В Белоруссии, например, в честь Ярилы девушки в конце апреля устраивали веселый праздник: нарядив одну из девиц Ярилой, одев ее в белое покрывало и украсив венком из полевых цветов, сажали ее на белого коня и водили вокруг «Ярилы» хоровод. В песнях Ярила изображается божеством, приносящим плодородие.

А гдзе ж он нагою,
Там жито капою,
А гдзе он ни зырне [т. е. не взглянет],
Там колас вацвице...

Так в обрядности и этого божества проступают его древнейшие тотемистические корни. Ряд географических названий в центральных местностях России (деревня Яриловичи в Тихвинском и Валдайском районах, Ярилово-поле в Костроме, Ярилова роща под Костромой, Ярилова долина около Владимира), а также народные праздники, носившие названия ярилиных и справлявшиеся перед «петровками»[1] в разных местах Великороссии, свидетельствуют о почитании Ярилы не только на юге, но и на севере Руси. Вопрос о Симарьгле все же остается пока далеко не решенным.

[1] Пояснение названий праздников христианского календаря см. ниже.

Фольклор дает сведения еще об одном солнечном божестве восточных славян — Купале, праздник которого во многих местностях России, Украины и Белоруссии справлялся накануне Иванова дня еще в XIX в. Хотя в древнейших письменных источниках имя Купалы не встречается, но возможно, что и он принадлежит к тому же кругу славянских языческих богов, что и боги владимирова пантеона.

В числе их летописцем не назван также Волос (или Велес), «скотий бог», почитание которого у восточных славян засвидетельствовано договорами Олега и Святослава с греками: Олег и Святослав оба клянутся Перуном и Волосом в соблюдении мира и дружбы с греками. Можно думать, что почитание Волоса было особенно распространено в земле новгородских словен и в Ростовской земле. В Новгороде одна из улиц издревле носила название Волосовой; на ней, по местному преданию, стоял идол Волоса и на ней же позже была построена церковь Власия — христианского покровителя скота. Близ Владимира существовал Никольский Волосов монастырь, построенный, по преданию, на месте разрушенного языческого капища в честь Волоса. В позднейшем житии Авраамия ростовского рассказывается о том, что он разрушил идол Волоса, стоявший в «Чудском» конце Ростова. Церкви христианского «заместителя» Волоса — Власия — были во многих городах Новгородской земли и Поволжья.

Таким образом, возможно, что Волос — «скотий бог», был богом новгородских словен. Этому не противоречит упоминание о Волосе в договорах с греками, так как в числе дружинников Олега и Святослава, как известно, были и новгородцы; не противоречит этому и известие о том, что в Киеве на Подоле стоял идол Волоса, который, по повелению Владимира, был свержен в Почайну, когда Владимир крестил киевлян: в Киеве жило много новгородцев и их потомков, которые могли чтить своего бога Волоса.

В образе «скотьего бога» Волоса, может быть, отложился древнейший тотемистический культ, в частности, поклонение быку (туру); сменивший Волоса христианский Власий на иконах всегда изображается с быком. Культ быка (тура) отразился и в почитании особого бога Тура; о распространении на Руси этого культа свидетельствуют памятники литературы, фольклор и топонимика.

Если тотемистические и космические представления были религиозными воззрениями, отражавшими в фантастических образах силы природы, то культ предков отражал (употребляем терминологию Ф. Энгельса) уже «общественные силы». В Слове некоего христолюбца проповедник упрекает новокрещенную паству, что они соединяют «некыя чистые молитвы с проклятым моленьем идольскымь — пресвятые богородицы с рожаницами», и совершают трапезы «роду» и «рожаницам» «в прогневанье богу».

Род и рожаница — это умершие предки патриархального рода, которых сородичи считали своими покровителями; они носили и другие наименования, например: дед, щур, чур. С разложением рода, бог рода преобразовался в духа покровителя семьи, в «домового деда», в домового, в котором также чтили отда-

енного умершего родича. Культ рода и рожаниц сливался с поминанием вообще всех умерших родичей. Этому культу были посвящены поминальные обряды, совершавшиеся в дни зимних колядок и на маслянице, а также особые празднества: «навий день» (день мертвецов), справлявшийся в четверг страстной недели поста, и «радуница» — во вторник первой недели после пасхи. Особенно характерен сохранявшийся в прошлом у белоруссов обычай справлять ежегодно поминальные праздники «дзяды» с угощением умерших. Культ предков наиболее ярко отразился в погребальных обрядах (см. ниже).

Таковы боги языческого славянства, представляющие олицетворения духов предков и сил природы и ее стихий, владычествующих над судьбой посевов и стад. Но среди этих богов можно указать и таких, которые связаны уже с явлениями более поздними, существенно меняющими и самый характер языческого культа.

Среди перечисленных в летописном рассказе под 980 г. божеств названа Мокошь — божество, до сих пор остающееся неразгаданным до конца. Указывая на обычай чехов молиться и приносить жертву Мокоши во время засухи, некоторые исследователи видят в ней богиню воды, дождя, непогоды, грозы, следовательно, богиню плодородия, т. е. опять-таки космическое божество. Другие исследователи предполагают связь Мокоши с прядением и ткачеством — женские занятием по обработке льна. Следы этого древнего языческого культа еще в середине XIX в. сохранялись в глухих углах Олонецкого края. Мокошь невидима, но ее присутствие можно узнать по урчанью веретена. Мокошь представляют в виде женщины с длинными руками. Крестьянки боялись Мокоши и, очевидно, приносили ей жертвы, так как в исповедных вопросниках XVI в. содержится укоризненный вопрос церковника, адресованный к женщинам: «не ходила ли еси к Мокоше?» По народным поверьям, если эту богиню удавалось умилостивить, она якобы помогала женщинам прясть пряжу или «сама пряла» в отсутствие их. В дальнейшем, в связи с более глубоким проникновением христианства, богиню-пряху Мокошь заменила Параскева-Пятница, на которую перешли все функции и атрибуты древней Мокоши. Пятницу называли «льняницей» и приносили ей в жертву первые снопы льна и вытканные убрусы.

Наряду с богиней-пряхой Мокошью следует упомянуть о другом божестве, в котором также можно видеть отражение представлений, относящихся уже не к кругу сельскохозяйственных занятий, а к ремеслу. Мы видели выше (т. I, гл. 2), что с кузнецами и их производством было связано много поверий и легенд, облекавших их сверхъестественными чертами. Одна любопытная запись в летописи, сделанная по поводу легенд, услышанных летописцем во время его поездки на север, позволяет установить древнерусского бога, являвшегося покровителем кузнечного дела. В этой записи перечисляются различные чудеса, бывшие в древности. Дойдя в своем перечислении до Египта, автор сообщает, что там царствовали потомки Хама — Местром и Еремия «по немь Феоста, иже и Соварога нарекоша Егуптяне. Царствующю сему Феосте в Егупте, во

время царства его спадоша клеще с небесе, нача ковати оружье. Преже бо того палицами и камением бьяхуся. Тъ же Фесста закон устави женам за един мужь посягати... а иже прелюбы деюще, казнити повеленаше, сего ради прозваше и бог Сварог... и посем царствова сын его, именем Солнце, его же наричють Дажь бог...» (Ипат. л., 1114). Феост — Сварог — это, несомненно, греческий бог-кузнец Гефест (Египет здесь назван ошибочно). Хотя под пером начитанного киевлянина начала XII в. перепутались библейские, античные и славянские мифологические образы, все же эта запись дает ценнейший материал.

Сварог одновременно и бог, и царь, и творец всей человеческой культуры. Он не только Гефест, но и Прометей, облагодетельствовавший человечество. С именем Сварога сочетаются истоки технических знаний («нача ковати оружье»), а также и истоки семейного начала, победа моногамной семьи («прежде бо... бяху акы скот»). Бог-кузнец является чрезвычайно интересной фигурой в древнерусской мифологии. Из других источников мы знаем, что сыном Сварога — Сварожичем — называли огонь, которому молились под овином и приносили жертвы. Через огонь, хозяевами которого считались кузнецы, связь Сварога с кузнечным делом крепла еще больше. Слово «Сварог» стоит в связи с корнем «вар» — жар, горение, пожар. Интересно отметить, что среди идолов различных богов, поставленных Владимиром в Киеве, бога-кузнеца Сварога нет: после крещения Руси на смену древнему имени бога пришли новые названия, принесенные на Русь вместе с христианством. Как увидим ниже, Сварог превратился в христианских святых Кузьму и Демьяна, подобно тому, как языческий Велес — Волос превратился в христианского Власия, а Перун — в Илью-громовика.[1]

Глава языческого пантеона, Перун-громовержец, уже в X в. становится преимущественно покровителем господствующего княжеско-дружинного слоя. По летописному сказанию (907) Олег клялся соблюдать договор с греками так: «Ольга водивше на роту [к присяге] и мужи его по русьскому закону, и кляшася оружьемь своим и Перуномь богомь своимь и Волосомь, скотиемь богомь». Как видно из этого текста, Олег и его мужи-дружинники клянутся «Перуномь богомь своимь»; Перун — бог Олега и его дружины — бог воинов. Они клянутся «по русскому закону», т. е. по русскому обычаю, обряду, по русской вере; Перун, следовательно, стал богом княжеско-дружинной Руси.

Рассказ летописца о ратификации второго договора Игорем (945), равно как договор Святослава (971), подтверждают этот вывод. Судя по летописному тексту о владимировых богах, ставящему Перуна на первое место, Перун претендовал на подчинение сонма остальных языческих богов.

Также и в отношении другого бога, упоминаемого в договорах, Волоса, можно предполагать сужение его социального значения. Еще В. О. Ключевский, исходя из понимания термина «скот» в смысле «деньги», высказал предположение, что Волос — бог богатства, торговли.

---

[1] Текст о Мокоши и Свароге написан Б. А. Рыбаковым.

Как видно из приведенного летописного рассказа 980 г., равно как из рассказа 945 г. об Игоревой клятве, боги изображались в виде людей. Кумир Перуна стоял в Киеве на холме. Он был деревянный, с головой из серебра, с золотыми усами. На том же холме стояли и кумиры Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симарьгла и Мокоши. О внешнем облике изображений языческих богов дает представление известный идол Святовита («Збручский идол»), сохраняющий в каменной скульптуре характерную для деревянной резьбы технику исполнения. О наличии каменных статуй богов свидетельствует и хранящаяся в Новгородском музее голова идола (рис. 13). Ибн-Фадлан рассказывает о небольших резных из дерева фигурках богов, видимо, переносных, которым поклонялись и приносили жертвы приезжавшие в Булгар купцы-русы. Среди этих идолов выделялся главный — «высокая воткнутая деревяжка, у которой [имеется] лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее маленькие изображения, а позади этих изображений [стоят] высокие деревяжки, воткнутые в землю». Очевидно, это расположение идолов в какой-то мере воспроизводило обычное их расположение в постоянном месте культа. Выше приводились данные о том, что на Подоле (в Киеве) стоял идол Волоса, а в Новгороде был кумир Перуна, что предания об идоле Волоса сохранились в Ростове и других местах, а топонимические названия (Перунова роща, Перунова улица, Волосово и др.) могут служить указанием на существование когда-то в этих местах языческих идолов. Митрополит Иларион упоминает языческие капища, в которых можно видеть жертвенные места, мольбища.

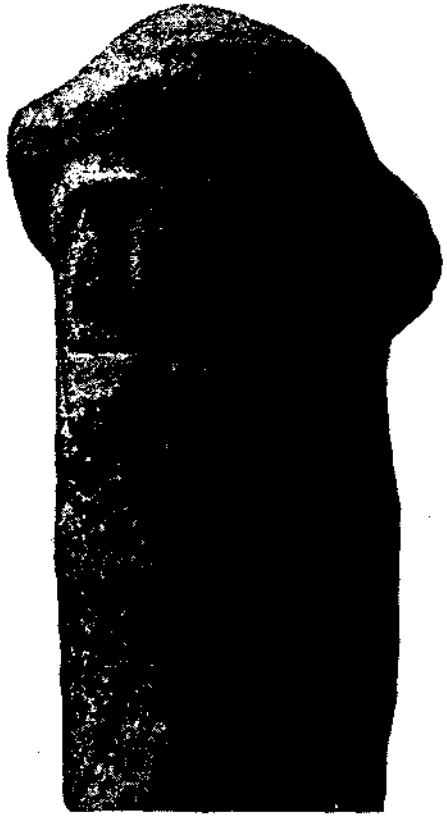


Рис. 13. Новгородский идол (Новгородский исторический музей).

О существовании жертвоприношений у восточных славян сохранились отдельные известия. Древнейшим из них является уже отмеченное сообщение Прокопия о поклонении антов богу молнии, которому они приносили в жертву быков и других животных. Интересный рассказ о жертвоприношениях русов-купцов приводит Ибн-Фадлан: русы по приезде в Булгар ставили в определенном

месте своих идолов и перед началом торговли приносили им в жертву хлеб, мясо, лук, молоко и опьяняющий напиток, моля послать хороших покупателей. Когда же им удавалось выгодно продать свои товары, то говорили: «Господин мой уже исполнил то, что мне было нужно, и следует вознаградить его» и убивали несколько быков и овец; часть мяса раздавали, другую клали перед идолами, а головы жертвенных животных тут же вешали на колья, вбитые в землю. Если мясо съедали ночью собаки, купцы говорили: «Уже стал доволен господин мой мною и съел мой дар». В одном из переводных поучений против язычества русский переводчик добавляет его текст указанием на принесение в жертву кур: «Убогая куряти, яже на жертву идолом режутся, иныи в водах потопляеми суть». Этот последний обряд потопления жертвы в воде подтверждается рассказом Льва Диакона о том, как князь Святослав во время болгарского похода приносил жертву богам, бросая в воду птиц.

Автор Повести временных лет, рисуя картину языческого быта восточных славян, сообщает сведения о свадебном обряде различных славянских племен: «Имяху бо обычаи свои и закон отець своих и преданья [т. е. религиозные верования], кождо свои нрав. Поляне бо своих отець обычаи имуть кроток и тих и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, и снохы к свекровем и к деверем велико стыденье имяху; брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но привожаху вечер, а завътра приношаху по нея что вдадуче. А древляне живяху звериньскым образом, живуще скотьски, и убиваху друг друга, ядяху все нечисто: и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця. А Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто; и срамословье в них пред отьци и пред снохами; и браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская игрища и ту умыкаху жены собе, с неюже кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены» (Лавр. л.). Было бы неверно, следуя за монахом-летописцем начала XII в., отрицать вообще существование браков у перечисленных им славянских племен. Говоря так, он имел в виду узаконенные формы церковного брака. Умыканье же было древней языческой формой брачного обряда, на что указывает предварительный сговор жениха с невестой и связь умыкания с языческими празднествами, например, у вятичей, радимичей и северян. У древлян умыкание совершалось «у воды»; эта черта подмечена и русским переводчиком Слова Григория об идолопоклонстве. Он пишет: «А се поганскы [т. е. по-языčески] творять: водят невесту на воду, даюче замужь, и чашу пиють бесом [в честь языческих богов], и кольца мечють в воду и поясы». Здесь ясно ритуальное значение воды в языческом свадебном обряде, сопровождаемом дарами божеству воды, трапезой и гаданиями. Из русского фольклора известна и другая форма свадебного обряда: вождение жениха и невесты вокруг дуба, ракиты, имевших, несомненно, также ритуальное значение. Эти формы языческих свадебных обрядов еще долго держались в народной среде, не желавшей принимать церковного «таинства» бракосочетания, что видно,

например, из предписания митрополита Иоанна (70-е годы XI в.) об отлучении от церкви тех, «иже поимаются [т. е. вступают в брак] без церковного благословенья».

В том же рассказе Повести временных лет об обычаях славян находим сведения о похоронных обрядах радимичей, северян и вятичей: «Аще кто умряше, творяху тризну над ним, и посемь творяху краду велику, и възложаху на краду мертвеца, сожьжаху, и посемь, собравше кости, вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне» (Лавр. л.). Эти известия о сожжении покойников северянами, радимичами и вятичами подтверждаются и обогащаются данными раскопок погребальных памятников, свидетельствующих, что сожжение было широко распространено у всех восточнославянских племен.

Раскрываемая археологическими раскопками история погребального обряда у восточных славян тесно связана с процессом разложения патриархально-общинного строя. Первоначально останки сожженного покойника сородичи приносили в свое поселение, где и складывали их в своеобразные коллективные погребальные урны в виде глиняных домиков, например, на городище Жарище. Подобное же коллективное погребальное сооружение, но в виде бревенчатого домика, было найдено при раскопках родового поселения около деревни Березняки на Волге (см. т. *I*, гл. 3). При этом способе погребения останки предков рода находились в том же поселке, где продолжал обитать род.

Однако вскоре это родовое кладбище, не теряя еще своего коллективного характера, выносится за пределы поселка. Внешний облик погребальных сооружений этого рода обнаруживает ряд местных особенностей. Так, на севере они получают вид высоких конических курганов, называемых сопками, в которых последовательно погребались останки сожженных покойников, каждое из захоронений при подсыпке земли увеличивало высоту сопки; древнейшие из этих памятников восходят, вероятно, к VI—VII вв. (рис. 14, *1*). Далее к югу, в верховьях Днепра и в районе Валдайской возвышенности, коллективные курганы имеют вид вытянутых насыпей, выраставших, по мере захоронений сожженных останков, в длину (рис. 14, *2*). В области верховьев Оки коллективный курган имел внутри особое деревянное сооружение, куда постепенно складывались останки после трупосожжения (рис. 14, *3*). Эти разновидности погребального обряда отвечают в основном трем крупным славянским племенам: новгородским словенам, кривичам и вятичам. В области вятических племен коллективные погребальные курганы дожили до VIII—X вв.; курганы около Боршевского городища, помимо срубов, в которых ставились сосуды с прахом умершего, имели интересную деталь — кольцевое ограждение из вертикальных дубовых плах, отражение солнечного культа, столь характерного для славян.

Эти черты погребального обряда, несомненно, находились в связи с культом предков. «Большая часть их [славянских] племен,— пишет Масуди,— суть язычники, которые сжигают своих мертвецов и поклоняются им».

В IX—X вв., с усилением распада первобытно-общинного строя, коллективные погребения постепенно сменяются индивидуальными курганами, но обряд

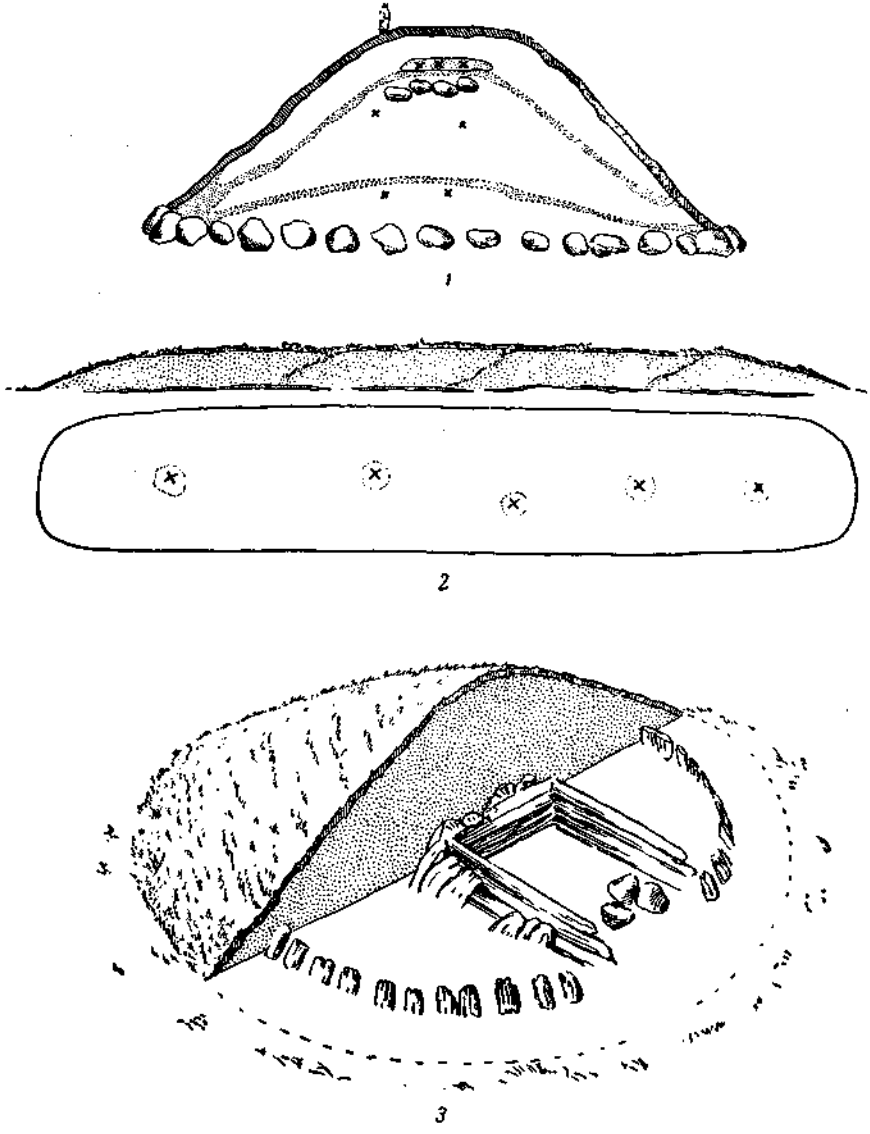
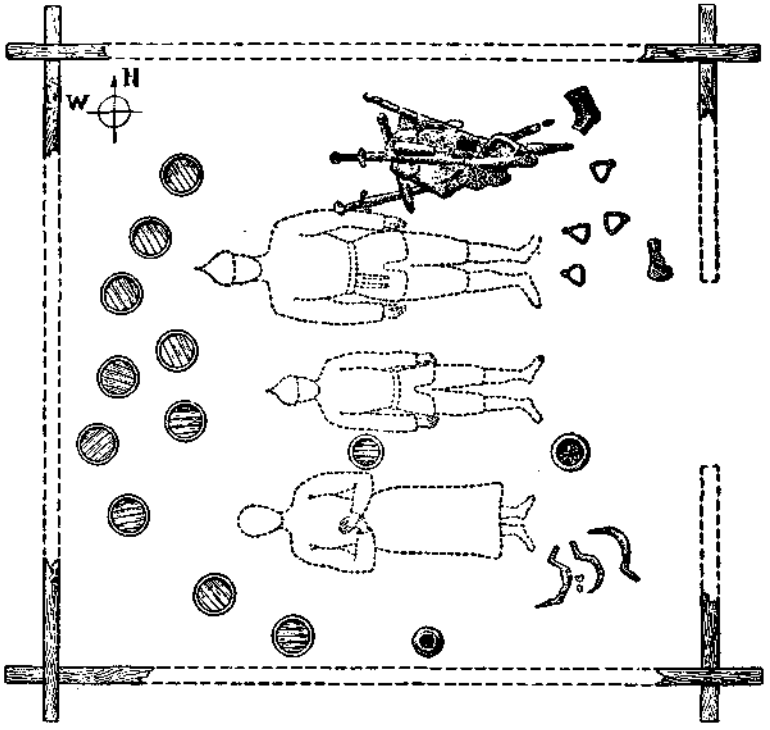


Рис. 14. Схемы коллективного погребения: *1* — сопка; *2* — длинный курган; *3* — курган Боршевского типа.

трупосожжения еще остается. Ибн-Фадлан рассказывает о сожжении умершего богатого руса. Его имущество разделили на три части: одна — его роду, вторая — на богатые погребальные одежды, третья — на приготовление обрядового

1



2

Рис. 15. 1 — Черная Могила; *2* — реконструкция погребения в Черной Могиле (по Б. А. Рыбакову).

хмельного напитка; корабль покойного был установлен на особых подпорках на берегу, и на нем усадили труп, сложив около пищу и питье, оружие; здесь же зарезали животных: собаку, пару коней, коров, петуха и курицу и, наконец, с особыми обрядами убили рабыню покойного. Затем, по сожжении, над грудой угля и пепла соорудили курган и на вершине поставили столб из белого тополя с именем покойного и «царя русов».

По пышности и богатству описанное Ибн-Фадланом погребение знатного руса находит многочисленные аналогии в дружинных курганах X в. в Киеве, Гнездове, под Ярославлем, содержащих богатые наборы оружия и других дорогих вещей и останки сожженных одновременно с господином нескольких рабов, в том числе женщины. В знаменитой Черной Могиле в Чернигове, принадлежавшей князю или племенному вождю (рис. 15), в основании кургана было обнаружено огромное кострище до 0.35 м толщиной и 11 м в поперечнике, являющееся остатком сгоревшего погребального сооружения «домовины» в виде легкого сруба с соломенной крышей. В нем помещались останки трех человек: знатного воина или князя, рядом с ним юного воина и женщины. Возможно, что все трое были родственниками. Трупы мужчин были положены в домовине в полном воинском снаряжении; вокруг них располагались предметы вооружения и ратного быта, у ног князя были положены два оседланных и взнузданных коня. Около женщины располагались орудия сельского хозяйства, злаки и корова или бык. В головах погребенных стояли ведра, вероятно с медом. В насыпи кургана были найдены остатки погребального пиршества и различные предметы: два железных шлема, две кольчуги, маленький бронзовый идол (рис. 16), два турьих рога в серебряной оправе.

Рис. 16. Бронзовый идол из Черной Могилы.

Известны и многочисленные бедные курганные погребения простого населения. Тот же Ибн-Фадлан отмечает резкую социальную противоположность, выражающуюся в самом обряде погребения русов; он пишет: «для бедного человека из их числа делают маленький корабль, кладут его в него и сжигают...» Сущность языческой погребальной обрядности и здесь оставалась той же: покойника также сопровождал в могилу набор бытовых предметов, но более бедный. В этом ритуале отражено представление о том, что умерший продолжает жить в потустороннем мире той же жизнью, как и на земле. Загробная жизнь является подобием земной, поэтому умершие предки имеют те же потребности, что и живые; они также едят, пьют, им нужны рабы; этим и объясняется обычай сжигать вместе с покойниками пищу, оружие и другие вещи, скот, рабов и рабынь. Думая, что душа покойника отправляется в далекое путешествие в потусторонний солнечный мир, иногда его клали в ладью или в сани, которые сжигали вместе с ним, так же как и коня (см. т. I, гл. 7).

Представление о загробном мире было связано с космическим характером культа. Им же объясняются и некоторые детали обряда, прежде всего предание тела покойника огню, в чем отразилось представление об умирающем и уходящем в землю солнце; солнечной символикой можно объяснить и обычай окружать могильный холм кольцом (символ солнца) из камней или бревен.

В X в. сожжение уступает место погребению. Летопись, рассказывая о похоронах Игоря, ничего не говорит о сожжении: Ольга «приде къ гробу его, и плакася по мужи своем и повеле людем своим съсути [насыпать] могилу велику, и яко сосыпоша, и повеле тризну творити» (Лавр. л., 945). Сама Ольга, по словам ее жития, завещала «[себя] с землею равно погрести, а могилы не сыпати, ни тризны творити...» Интересные подробности о старых похоронных обрядах населения, жившего по Оке, и новом обряде погребения сообщает Житие князя Константина муромского (вероятно, князя Ярослава Святославича, ум. в 1129 г.). Во время похорон сына князя Константина, совершенных по христианскому обряду «невернии же людие, видяще сия, дивляхуся, еже не по их обычаю творимо бе погребение, яко погребаему бе князю Михаилу во знак на восток лицем, а могилы верх холъмом не сыпаху, но равно со землею, ни тризнища, ни дымы, ни битвы, ни кожи крояния, ни лицедрания, ни плача безмерного не творяху».

Из приведенных текстов видно, что новый погребальный обряд прививался в первую очередь в среде господствующего княжеско-дружинного слоя; на далеком северо-востоке старые обычаи жили дольше, чем в Поднепровье. В самом положении умершего в могиле наблюдались особенности, свидетельствовавшие, о сплетении языческих и христианских представлений (ориентация погребения на запад или на восток, по отношению к водным источникам и пр.).

Из тех же текстов видно, что погребение сопровождалось определенными обрядовыми действиями. Араб Ибн-Русте, между прочим, сообщает, что когда кто-либо из славян умирает, они сжигают труп, а женщины царапают себе ножом руки и лицо; это подтверждает, таким образом, указания Жития Константина муромского.

Как при сожжении, так и при погребении, устраивались тризны. Еще А. Котляревский в своем исследовании «О погребальных обычаях языческих славян» писал, что тризна была «торжественным прощаньем с покойником и имела вид воинского ристанья, игры или битвы». А. И. Соболевский указывал, что словом «тризна» передаются в наших переводных памятниках греческие «состязания», «борьба»; он находил аналогию тризны в сохранявшемся погребальном обычае осетин устраивать конские состязания. Конь был и символом смерти и символом воскресения солнечного божества, символом заходящего и восходящего солнца.

К числу празднеств, посвященных культу предков, нужно отнести радуницу — день поминания предков. Радуница повсеместно справлялась в старину во вторник на Фоминой неделе. В этот день, а также в троицкую субботу

и другие «родительские» дни родственники умерших приходили на кладбище, приносили с собой кутью, блины (блин — символ солнца), яйца, вино и после церковной панихиды приступали к поминальному торжеству. Этот обряд описан в Стоглаве, памятнике XVI в., содержащем постановления, направленные к искоренению упорных пережитков языческих обычаев: «В троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим кричаньем, и, егда начнут играти скоморохи, гудцы и перегудники, они же, плача переставше, начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сатанинские петь». Наличие в этом поминальном обряде элементов игрищ сближает радуницу с тризной. Обычай же приносить на могилу пищу был, несомненно, следствием описанных выше представлений о загробной жизни.

О праздничных обрядах языческой поры сохранилось гораздо меньше данных, чем о погребальном обряде. Для их изучения служат главным образом фольклорные данные, лишь пережиточно и условно отражающие древний обряд, затемненный уже позднейшими наслоениями христианской поры.

Языческие празднества были тесно связаны с космическими религиозными представлениями, с почитанием земледельческого бога Солнца, подателя урожая, который представлялся, в соответствии с временами года, как умирающий и воскресающий бог. Культ Солнце-бога переплетался в праздничной обрядности с культом предков, а также переживаниями тотемистических культов.

Ко дню зимнего солнцестояния, когда, по поверьям народа, рождалось новое солнце, был приурочен зимний праздник Солнце-бога, позднее слившийся с христианским праздником рождества и получивший название колядок. Колядные обряды и песни-колядки носят черты глубокой древности; языческая старина затмевает в них культ Христа. В одной из таких колядок слышны отзвуки языческого культового жертвоприношения:

Уродилась Коляда
Накануне Рождества
За рекою, за быстрою.
В тех местах огни горят,
Огни горят великие;
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые;
На тех скамьях добры молодцы.
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни Колядушки.
В середине их старик сидит.
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горячий.
Возле котла ковел стоит:
Хотят козла зарезати.

На посвящение этого праздника богу плодородия указывают обряды, имевшие целью магическими заклинаниями обеспечить урожай в наступающем

новом году. Например, в некоторых местностях Белоруссии в рождественский сочельник справлялся такой обряд: хозяин брал горшок с кутьей, три раза обходил с ним кругом хаты и три раза стучал в окно; хозяйка спрашивала: «Кто тамо стукае?» Хозяин отвечал: «Сам бог стукае с цеплою мокрою весною, с горячим небурливым летом, с сухою и корыстною [т. е. прибыльною] осенью».

Рис. 17. Семик (гравюра 1845 г).

Хозяйка говорила на это: «Просимо же до хаты». На Украине в некоторых местностях в вечер накануне 1 января, называвшийся «щедрым вечером», совершалась торжественная семейная трапеза. Хозяйка приготовляла к «щедрому вечеру» много пирогов и кнышей, складывала их на стол в одну общую кучу и просила мужа «исполнить закон». Затеплив перед иконами свечу и покурив по избе ладаном, хозяин садился на покуте; входили домочадцы, молились богу и, притворяясь будто не видят отца за наложенными на столе пирогами, спрашивали: «Де ж наш батько?» — «Хіба ж ви мене не бачите?» — спрашивал отец. «Не бачимо, тату»,— отвечали дети.— «Дай боже, щоб і на той рік не побачили...» Затем жена и дети садились за стол, и отец разделял между ними пироги.

Этот обряд восходит к глубокой старине; аналогичный обряд, по сообщению западного хрониста Саксона Грамматика, совершался у балтийских славян в Арконе в праздник Святовита.

В колядной обрядности, повидимому, отразились и какие-то черты тотемистических представлений. Характерна народная поговорка: «Ехала Коляда в малеванном возочку, на вороненьком конечку», связывающая образ коляды с солнечным конем (см. гл. 11). В этой же связи характерен существовавший в прошлом в северо-западных районах России обычай рисовать в колядный вечер на двери дома изображение коляды в виде человека, едущего на белом коне. Древние представления отражаются и в составе традиционных кушаний, подаваемых к столу в праздник коляды: кутья — вареные пшеничные зерна (пережиток времен, когда еще не умели их размалывать), орехи, хлеб, свиной окорок, блины — символ солнца, и т. д.

Наступление весны отмечалось праздниками, посвященными богу Солнца; характерной чертой их обрядности были также магические заклинания о будущем урожае. Весна в песнях-веснянках выступает красной девицей, приезжающей «на сошечке, на бороночке, на бороздочке, на овсяном колосочке, на пшеничном пирожочке». Глубочайшей стариной веет от весеннего праздника семика, приходившегося в седьмой четверг после пасхи и носившего также название «русалий», т. е. дней, посвященных русалкам (рис. 17). Обряды, совершавшиеся в эти дни, связывались с культом предков, а также, как говорилось выше, с культом деревьев и воды. Весьма характерен обычай, известный в великорусских областях, когда в семик девушки и молодые люди собирались в рощах, завивали венки, срубали молодую березку, наряжали ее в женское платье и ленты и затем, после торжественного пиршества, приносили березку в деревню, где она оставалась до «троицына дня», когда ее выносили к реке и бросали в воду. Здесь культ деревьев сплетался с культом древней богини плодородия и воды — русалки.

Солнечному богу Купале был посвящен праздник, справлявшийся в дни летнего солнцестояния и получивший позднее, вследствие совпадения с христианским Ивановым днем, название Ивана-Купалы. Этот праздник живо описан в Густынской летописи: «Купало, яко же мню, бяше бог обилья [урожая]... ему же безумныи за обилие благодарение приношаху в то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу-бесу еще и доныне по некоих странах безумныи память совершают, наченше июня 23 дня, в навечерие Рождества Иоанна Предтечи, даже до жатвы и далей, сицевым образом: с вечера собираются простая чадь обоего полу, и соплетают себе венцы из ядомого зелия или корения и, препоясавшеся былием [травой], возгнетают огнь; инде же поставляют зеленую ветвь и, емшеся за руце около, обращаются окрест оного огня, поюще свои песни, преплетающе Купалом; потом через оный огонь прескакуют». В эти же летние дни справлялся и праздник Ярилы, обрядность которого также отражала солнечный культ.

Во всех описанных выше праздниках, известных нам по поздним записям или по фольклорным данным, древние черты языческого культа уже в значительной мере стерлись. Поэтому восстановить первоначальную картину языческих праздников представляется невозможным.

При первобытном общественном строе не было специальных лиц, исполнявших культовую обрядность; она отправлялась старейшиной рода, как позже, в христианскую пору, народные обряды (например, Коляды) отправлялись главой семьи.

Однако с образованием племенных культов должны были появиться особые служители племенных богов,— это были волхвы, о которых бегло упоминает летопись. В древнейшем известии, отразившем устное предание о смерти Олега, волхв выступает как кудесник — предсказатель судьбы. Остальные известия о волхвах относятся ко второй половине XI в.— периоду ожесточенной борьбы церкви с язычеством — и чрезвычайно тенденциозны. Если предположить, что «чудской волхв», к которому зашел погадать некий новгородец, в своих магических действиях немногим отличается от волхвов славянских, то можно думать, что они представляли собой своего рода шаманов. Летописный рассказ об этом сюжете рисует самый процесс гадания как камлание (обрядовая пляска шамана); волхв сначала «по обычаю своему» призывал в свою «храмину» богов («бесов»), затем — упал в оцепенении, и, когда очнулся, сказал, что боги не смеют притти, так как на новгородце был крест. Миниатюра Кенигсбергской летописи рисует более определенно камлание с бубном и лежащего в изнеможении волхва (рис. 18). Несомненно, волхвы были не только ведунами-гадателями, но и носителями языческой идеологии. Как увидим ниже, волхвы выступали во главе восстаний смердов, когда, вместе с победой феодализма, христианство стало проникать в самые отдаленные углы древней Руси.

4

Христианство на Руси появилось задолго до его принятия в качестве официальной религии при Владимире Святославиче. Первое столкновение языческой Руси с христианской Византией произошло, повидимому, около середины IX в. Однако скудные и темные, притом осложненные позднейшей легендой, данные немногих исторических источников не дают возможности с достаточной ясностью установить этот факт.

Сравнительно достоверными, но все же весьма неопределенными, являются данные окружного послания константинопольского патриарха Фотия 867 г. о крещении «росов». С ненавистью и яростью описывая нападение на Константинополь в 860 г. «росов» — «народа, достигшего блистательной высоты и несметного богатства» и осмелившегося «поднять руки и против Римской державы [Византии]»,— Фотий сообщает, что якобы после заключения мира победители

решили принять христианство, «поставив себя в число подданных и друзей» Империи. По словам Фотия, на Русь был послан и епископ. В русской летописи этот поход на Константинополь отнесен к 866 г. и связан с именами киевских князей Аскольда и Дира, но об их крещении не упоминается. Однако некоторые историки считают, что в это время была крещена именно аскольдова Русь. Учреждение же епархии на Руси представляется весьма сомнительным.

Рис. 18. Гадание у чудского волхва (1071 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.).

Можно, однако, не сомневаться, что на заре формирования могучего древнерусского государства его княжеско-дружинные верхи осознавали преимущества христианской религии для целей упрочения классового господства.[1] Византия же, напуганная ростом новой политической силы в Европе, стремилась к христианизации ненавистных ей «росов», чтобы поставить их на службу интересам Империи и обеспечить безопасность ее северных границ и черноморских колоний. Поэтому возможно, что в княжеско-дружинной среде христианство рано пустило первые корни.

Скудные, но неоспоримые данные о распространении христианства при князе Игоре содержит его договор с Византией 945 г. Здесь несколько раз говорится о русских христианах. В декларативной и заключительной части договора, где русские послы дают обязательство от имени всей Руси сохранять «доньдеже сияет солньце» дружбу («любовь») к грекам, обязательства скрепляются клятвой

[1] Характеристику христианства см. ниже.

послов-язычников Перуном, а послов-христиан «богом-вседержителем» и «предлежащемь честным крестом». В рассказе летописца о ратификации договора князем Игорем в Киеве говорится, что язычник Игорь и люди его присягали на холме перед идолом Перуна, а христианскую русь водили к присяге в церкви Ильи.

Эти данные показывают, что христианство было распространено лишь среди социальных верхов киевского общества, но и здесь оно еще не пользовалось популярностью: сам князь оставался язычником. В массы городского и сельского населения христианство не проникало.

Христианство развивалось и в годы княжения Ольги и Святослава. Одним из крупных фактов была поездка в Константинополь и крещение самой княгини Ольги, отмеченное в наших летописях, в византийских и в западноевропейских хрониках. Противоречия этих источников вызвали различные мнения по этому вопросу.

Княгиня Ольга стремилась укрепить власть киевского княжого дома среди еще не изживших племенной обособленности восточных славян. Ей, видимо, становилась ясной польза в этом деле единой для всей территории Киевской державы христианской религии. Христианизация Руси должна была усилить и ее международное положение, расширить ее экономические, политические и культурные связи с европейскими христианскими государствами. Для слагавшейся феодальной знати значение христианства, как новой силы классового господства, также становилось все более очевидным. Поэтому вероятно, что одной из задач двукратной поездки Ольги в Константинополь в 957 и 959 гг. были переговоры о крещении Руси и об организации русской церкви. Однако эти переговоры не привели к положительному результату. Можно предполагать, что греки слишком ясно и прямолинейно связывали вопрос о крещении с политической зависимостью Руси от Империи. Все же Ольга приняла лично крещение, но, по возвращении на Русь, она не решилась не только на провозглашение христианства официальной религией, но и на крещение своего сына.

В 959 г. Ольга обратилась к королю Оттону, пытаясь, может быть, получить приемлемые формы церковного устройства с Запада. Но Оттон промедлил с посылкой епископа. В Киеве, между тем, одержали верх сторонники язычества, крепкого и в дружинной среде. Посланный, наконец, Оттоном в «настоятели» Руси Адальберт был изгнан из Киева («на обратном пути,— по известию одного западного хрониста,— некоторые из его спутников были убиты, сам же он с великим трудом спасся»), а Ольга, как христианка, была устранена от власти. Святослав неоднократно отклонял предложения матери креститься и крестить Русь, ссылаясь на то, что этому противится дружина. Источники не дают никаких намеков на то, что после отстранения Ольги княжеская власть поднимала вопрос об официальной христианизации страны; нет достоверных известий об этом и за время княжения Ярополка Святославича. Как показывают последующие события, княжеско-дружинные верхи, видимо, еще рассчитывали приспособить

к новым потребностям быстро феодализировавшегося общества свое славянское язычество.

С возникновением начатков государственности племенные боги восточных славян, как говорились выше, получили новое значение. Перун-громовик, бог полян, становится официальным божеством киевского князя и его дружины; даже христианская Византия допускает (а может быть и требует) упоминания о нем наравне с христианским богом в официальных международных актах — договорах Руси с греками. Но, наряду с Перуном, сохранялось почитание и других племенных богов — Хорса, Дажь-бога,—тормозившее создание единой религиозно-политической идеологии. Насущная необходимость ее унификации особенно остро ощущалась при Владимире Святославиче, время которого было вершиной развития Киевской державы. Этим и объясняются предпринятые Владимиром в 980 г. шаги.

Необходимо повторить уже цитированный летописный рассказ: «И нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь и жряху им, наричюще я богы...»

Е. В. Аничков, предполагая вслед за А. А. Шахматовым, что имена богов вставлены позднее, чем составлен самый рассказ, тем не менее признает эту вставку соответствовавшей исторической действительности и на этом основании изображает события так: Владимир из политических соображений вынес находившийся внутри княжеского двора кумир дружинного бога Перуна на общее поклонение и окружил его богами славянских племен и других подвластных Владимиру народов. Нельзя забывать и того, что Перуну, как земледельческому богу, продолжали поклоняться славянские народные массы.

А. Е. Пресняков, опираясь на вариант Радзивилловской летописи (вместо «кумиры на холму» — «кумир на холме»), предполагает, что имя Перуна уже находилось в первоначальном летописном рассказе, имена же остальных богов были вставлены позднее. В таком случае текст следует читать так: «... и постави кумир на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат и жряху ему...» По данной версии это мероприятие Владимира представляется весьма крупным политическим шагом, направленным к укреплению культа Перуна в Киеве, где язычество было уже поколеблено проникновением христианства. Приведенное вслед за этим известие о том, что назначенный в посадники Новгороду Добрыня поставил там идола Перуна, бога южной Руси, которого не знали новгородцы, позволяет думать, что Владимир стремился ввести единый культ Перуна и у других восточнославянских племен. Дальнейший ход событий показывает, что эти попытки остались, очевидно, безуспешными. Княжеско-дружинный культ бога полян Перуна не мог привиться среди других племен. Вскоре Владимир, имея в виду ту же политическую задачу — ликвидацию обособленности племен, приходит к мысли поставить на Руси нового христианского бога, который мог бы упрочить основы развивавшегося феодального

строя и укрепить значение княжеской власти на всей территории державы. Вместе с тем введение христианства отвечало общему бурному росту культуры крепнущего Киевского государства, культуры русского народа, «введение христианства было прогрессом по сравнению с языческим варварством».[1]

5

Вопрос о месте и времени крещения князя Владимира, как и связанный с этим вопрос о крещении Руси, неоднократно подвергался специальному изучению, но и до настоящего времени не приведен к общепринятому решению, так как, вследствие отсутствия современных событию источников, историкам приходилось пользоваться позднейшими, основанными на припоминаниях, и тенденциозными русскими сказаниями, а также поздними и краткими сообщениями византийских и арабских писателей.

Русское сказание о крещении Руси, изложенное под 986—988 гг. в Повести временных лет (в редакции автора Киевского летописного свода 1094 г., I Новг. л.), рассказывает о приходе в 986 г. к Владимиру миссионеров из разных стран: болгарина — «веры Бохмиче» (мусульманской), немца-католика, хозарина-иудея и грека. Рассказ этот, полный византийско-христианской полемики против трехпервых вероучителей, заканчивается пространной речью грека-философа, убедившего Владимира в «истинности» византийского христианства. В 987 г., по совету с боярами и старцами градскими, он отправляет послов испытать «кто како служить богу»; послы эти, побывав у болгар волжских, в «немцах» и в Царьграде, принесли Владимиру ответ о преимуществах царьградского культа. Владимир и бояре, слушавшие вместе с ним доклад послов, были убеждены их доводами и согласились креститься. Далее, под 988 г., летописец рассказывает о походе Владимира на Корсунь и о сдаче города благодаря помощи корсунского попа Анастаса. Владимир после этого обратился к византийским императорам Василию и Константину с требованием отдать ему в жены их сестру Анну и получил согласие при условии, если он сам примет крещение. По приезде Анны в Корсунь Владимир крестился и вступил с ней в брак.

Летописец, однако, заканчивает этот рассказ особым примечанием: «се же, не сведуще право, глаголют, яко крестился есть в Киеве, инии же реша в Василеве; а друзии же инако скажют»; тем самым он стремится подчеркнуть правдивость своего рассказа и недостоверность ходивших уже в его время иных версий о крещении Владимира. Одна из них дошла до нас в Памяти и похвале св. Владимиру, составленной Иаковом Мних ом, рассказывающим, что Владимир крестился в Киеве, а на Корсунь ходил уже в «третье лето по крещении».

---

[1] Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР. Материалы к преподаванию истории СССР. М., 1937, стр. 7.

Вопрос о христианизации Руси имел для нее не только внутреннее значение, но был крупнейшим событием международной политической жизни. Поэтому он и нашел отражение в Трудах византийских и арабских историков (Кедрин, Яхъя Антиохийский). Сопоставление с их свидетельствами противоречивых данных русских источников позволяет в общих чертах нарисовать ход событий 986—987 гг., отдавая при этом предпочтение летописной версии рассказа о крещении в Корсуни.

Владимир, продолжая политику своего отца Святослава, стремился укрепить положение Руси на Черном море и Балканском полуострове, значительно поколебленное неудачей Святослава в борьбе с Цимисхием и его гибелью в битве с печенегами. В 985 г.— может быть, в соответствии с договором Святослава и Цимисхия — Владимир совершает успешный поход на Болгарию, боровшуюся в то время с Византией за свою независимость. Однако мир, вскоре заключенный Владимиром с болгарами, ослабил положение Византии, потерпевшей жестокое поражение. Владимир теперь организует поход в Крым, стремясь овладеть Корсунью, имевшей весьма важное экономическое и стратегическое значение в Причерноморье. Он захватывает Корсунь в тот момент, когда положение императора Василия, вследствие потрясавшего Империю восстания Варды Фоки, было критическим. Император был вынужден искать не только мира, но и помощи у своего врага — «царя русов» и согласиться на унизительный, по его взглядам, брак порфирородной Анны с «северным варваром», хотя бы и при условии его крещения. После крещения и женитьбы Владимир послал в Византию вспомогательные войска, которые и разбили войска Варды Фоки, а Корсунь вернул Византии «за вено царицы деля», т. е. как свадебный дар.

Крещение и одновременная женитьба на Анне были крупным успехом международной политики Владимира. Это усилило позиции Владимира в отношении самой Византии и укрепило значение его державы на Черном море и на Балканах. Киевское государство, которое греки всегда третировали как «варварское», становилось теперь на один уровень с христианскими государствами Европы. Его государь породнился с первым в Европе императорским домом, что еще больше подняло международное значение Киева. При помощи этого брака Владимир «сочетал теократический деспотизм порфирородных с военным счастьем северного завоевателя и стал одновременно государем своих подданных на земле и их покровителем и заступником на небе». [1] В Корсуни вместе с Владимиром были крещены, вероятно, и бывшие с ним дружинники.

После возвращения из Корсуни Владимир приступил к насаждению христианства в Киеве, а затем и во всей стране. Первым мероприятием его в этом направлении было уничтожение идолов и идольских капищ и требищ в Киеве: «[Владимир] яко приде, повеле кумиры испроврещи, овы исещи, а другия огневи предати. Перуна же повеле привязати коневи к хвосту и влещи с горы по Бори-

[1] *K. Marx.* Secret diplomatic history..., стр. 75.

чеву на Ручай, 12 мужа приставит тети [толкать] жезльемь... влекому же ему по Ручаю к Днепру. плакахуся его невернии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекше, вринуша й [его] в Днепр. И приставн Володимер, рек: „аще кде пристанеть. вы отревайте [отталкивайте] его от берега дондеже пороги пройдеть: то тогда охабитеся [оставите] его". Они же повеленая створиша. Яко пустиша й, пронде сквозе пороги, изверже й ветр на рень и оттоле прослу Перуня Рень» (Лавр. л., 988). Летописец как бы особо подчеркивает эти первые меры Владимира к искоренению язычества и то громадное значение, какое придавал им князь.

Вскоре после свержения кумиров, «царицыны» (т. е. приехавшие с Анной из Византии) и корсунские попы окрестили киевлян на Днепре в присутствии самого князя Владимира. После совершения обряда крещения Владимир «повеле рубити церкви и поставляти по местом, идеже стояху кумиры; и постави церковь святого Василья на холме, идеже стояше кумир Перун и прочие, иде же творяху потребы князь и людье» (Лавр. л., 988). Постройкой церквей на местах, где стояли языческие кумиры, Владимир стремился прославить в глазах народа торжество нового христианского бога над старыми языческими богами.

Но торжественное крещение киевлян в водах Днепра было лишь официальной демонстрацией «победы» новой единой веры. Народные массы даже в самом Киеве оставались чуждыми христианству. Рассказывая о свержении кумиров, летописец не скрыл, что, когда княжие мужи влекли кумир Перуна в Днепр,— «плакахуся его невернии людье». Накануне того дня, когда было назначено крещение, Владимир послал по городу объявить: «аще не обрящеться кто заутра на реце богат ли, ли убог, или нищь, ли работник,— *противен мне да будет*». Он ожидал, очевидно, сопротивления со стороны киевлян и угрозой старался предупредить его. Летописец отмечает, что якобы большинство киевлян крестилось, лишь следуя примеру князя: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Совершенно определенно о насильственном принуждении киевлян к крещенью говорит и митрополит Иларион в Слове о законе и благодати: «и не быть ни единого же противящегося благочестному его повелению; да аще кто и не любовью, но *страхом повелевшего крещахуся*, понеже бе благоверие его с властью съпряжено».

Почему же именно христианская религия особенно привлекла интерес киевских князей X в. и социальных верхов Киевской державы? Почему византийское православие стало государственной религией при Владимире? Каковы были социальные принципы христианства? К. Маркс и Ф. Энгельс так характеризуют их основные черты: «Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество... Социальные принципы христианства проповедуют необходимость существования классов — господствующего и порабощаемого... переносят на небо обещанное... вознаграждение за все перенесенные на земле мерзости и тем самым оправдывают продолжение этих мерзостей на земле... провозглашают все гнусности

угнетателей против угнетаемых либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей премудрости ниспосылает искупленным им людям. Социальные принципы христианства превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, подчинение, смирение...»[1] Христианская церковь «являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя».[2]

Основной отличительной чертой византийской православной веры, по сравнению со старым русским языческим политеизмом, было учение о боге, творце и вседержителе вселенной. Однако это учение уже при оформлении христианской догмы не было строго монотеистическим. Христианский бог — «троичен в лицах», т. е. представлялся богом, имевшим три образа: «бога-отца», «бога-сына», «бога-духа святого». Собственно богом-творцом мира был бог-отец, представление о котором, заимствованное из иудейского учения об Иегове, в христианской догматике не было основным. Его заслонял образ бога-сына, Христа, на которого был перенесен культ римских императоров. Христос стал «царем вселенной», «вседержителем», власти которого под страхом вечной кары в посмертной жизни, должен был повиноваться человек. Это учение о Христе — «царе небесном» неразрывно связанное с учением о безусловном повиновении власти земных царей и князей («несть власти, аще не от бога»), было краеугольным камнем православия, новой веры, имевшей своей задачей на Руси ликвидацию раздробленных племенных языческих культов.

Таким образом, православие было наилучшим идеологическим оружием в борьбе за утверждение формировавшегося феодального строя и упрочение складывавшейся государственной власти господствующего класса.

Византийское христианство и по своей форме имело все данные для успешного развития на почве языческих верований Руси. Византийское православие уже имело черты религиозного синкретизма как в догматике, так и в обряде, в котором отложились в сложном смешении восточные народные культы.

Условный, вследствие троичности божества, монотеизм христианской религии был еще более условным из-за почитания церковью множества «святых»: богородицы — девы Марии, ангелов, пророков и возведенных церковью в «святые» (канонизованных) апостолов (учеников Христа), многочисленных умерших деятелей государства и церкви и разного рода прославившихся заслугами перед церковью «мучеников» и «праведников», останки которых («мощи») почитались как якобы наделенные чудесными свойствами. В византийской церкви ко времени христианизации Руси утвердилось почитание икон — изображений Христа, богородицы и «святых», которым, как и самим «святым», приписывалась чудодейственная сила. Этот обширный пантеон «младших божков» был

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. V, стр. 173.

[2] Там же, т. VIII, стр. 128.

перенесен и в русскую церковь, где заменил собою пантеон языческих богов. Многие из этих «святых» восприняли черты языческих божеств.

Главными обрядами христианской церкви были церковное богослужение и частные магические «таинства», совершавшиеся над отдельными людьми: крещение, бракосочетание. покаяние (прощение грехов) и погребение. Исполнителями всех этих обрядов были особые «посвященные» лица, которые носили название «пресвитеров», или по-древнерусски «попов», и высшие служители культа — епископы.

Чрезвычайно существенным было также внешнее оформление христианского культа, художественно-сценическая сторона христианского богослужения. Пышность и великолепие византийского храма, в котором развертывался сложный и торжественный ритуал церковной службы, включавший также элементы музыки — церковное песнопение,— все это произвело, по словам летописи, неизгладимое впечатление на послов Владимира, знакомившихся с новой религией.

В Киеве, где и до Владимирова крещения, как мы видели, были редкие последователи христианства, оно получило распространение преимущественно в верхах княжеско-дружинного и городского населения; христианизация же населения огромной территории Киевской Руси затянулась надолго. Правда, летописец говорит, что Владимир сразу же после крещения киевлян стал насаждать христианство в стране: «И поча ставити по градам церкви и попы; и люди на крещенье нача приводити по всем градам и селом». Владимир, следовательно, предпринял ряд мероприятий по внедрению христианства, правда, вероятно, не «по всем градам и селом», как говорит летописец, но в главнейших центрах страны, в частности, и в Новгороде, где еще раньше с целью укрепления политических связей Новгорода с Киевом Владимир насаждал киевский культ Перуна.

Крещение Руси, прошедшее в ожесточенной борьбе народных масс с внедрением новой непонятной и враждебной им религии, знаменовало крупный поворот в истории русской культуры. Оценивая его прогрессивное значение, мы не должны забывать, что христианство, будучи более высокой формой идеологии по сравнению с язычеством, было, как всякая религия, идеологией глубоко реакционной.

Однако введение новой единой религии сыграло большую роль в упрочении Киевской державы,— борьба с племенными языческими культами и утверждение христианства были одной из немаловажных сторон победы государственности над племенной обособленностью. Церковь с первых же шагов своей деятельности выступила и как сильнейшее орудие укрепления феодального классового общества, вступив в борьбу с язычеством и всеми пережитками дофеодальной старины. Она брала под свою защиту моногамную семью, боролась против обычая кровной мести, содействовала укреплению новых, более прогрессивных по сравнению с рабством феодальных форм господства и подчинения.

В отличие от католической церкви, навязывавшей христианизируемым народам чуждый им латинский язык, пропаганда новой религии на Руси велась на понятном народу языке, что облегчало и ускоряло внедрение в сознание народных масс «социальных принципов христианства, проповедующих необходимость существования классов — господствующего и порабощаемого». В то же время, наряду с богослужебной литературой, на Руси появились и переводные сочинения «обще-образовательного» характера, знакомившие читателя с вопросами мироздания и историей, сообщавшие сведения о природе и ее явлениях. Весь этот материал преподносился, конечно, под углом зрения «целесообразности» мироздания и «премудрости» творца, а явления природы рассматривались в богословско-символическом плане. Однако и эти искаженные сведения о жизни природы и истории народов расширяли кругозор читателя и будили его мысль (см. гл. 7). Произведения же переводной художественной литературы способствовали быстрому развитию самостоятельной русской литературы. Особо следует отметить развитие русского летописания, которое оказало большое влияние на формирование русского национального самосознания, на выработку представлений о единстве русского народа (см. гл. 6).

Вместе с упрочением христианства и развитием церковной организации в Киевской Руси начало успешно развиваться монументальное строительство и искусство, обслуживавшее нужды церкви и верхов господствующего класса. Это искусство было органически связано с церковью и служило тем же целям, что и сама церковь. Каменные дворцы и пышные храмы с особой силой выражали разверзавшуюся пропасть между феодально-церковными верхами и народом. Изобразительное искусство было глубоко идеалистическим по своему строю, условным и далеким от жизни — оно изображало небожителей и святых и излагало в живописных образах христианскую мифологию. Однако и в этой исторически обусловленной, узко ограниченной христианской догмой сфере искусства русские зодчие и художники создали выдающиеся по силе и своеобразию произведения, сумели воплотить жизненные идеи своего времени (см. гл. 8, 9 и 12).

Владимир принял христианство из Византии в момент, когда император, ища русской помощи, не мог поставить Русь в церковно-политическую зависимость. Поэтому вскоре (по летописи, на следующий год) после крещения Владимир назначил без санкции патриарха главою русской церкви корсунского попа Анастаса, содействовавшего взятию Корсуни. Организовав церковную иерархию в составе корсунских попов, князь установил Анастасу на ее содержание десятину от княжеских доходов и построил кафедральный храм богородицы (Десятинная церковь). Таким образом, первый русский церковный центр — Десятинный храм с его церковниками — приобрел большую экономическую силу. Константинопольский патриарх, конечно, не мог признать назначенного Владимиром «предстателем» русской церкви изменника — грека Анастаса. Русская церковь при Владимире оставалась независимой от Константинополя.

Вскоре после своего вокняжения в Киеве Ярослав предпринял меры к церковному прославлению памяти своих братьев — Бориса и Глеба, убитых Святополком. Ярослав стремился прежде всего укрепить этим актом свое политическое положение: в составе «святых» оказывались феодалы, члены княжого дома. Вместе с тем канонизация первых русских «мучеников» князей должна была поднять и значение самой русской церкви.

В первые годы княжения Ярослава русская церковь была политической организацией внутри государства, вполне зависящей от него: князь содержал церковь, ей шла десятина с княжеских доходов. Но вскоре произошли крупные изменения. Около 1039 г. в Киеве была учреждена митрополия, во главе которой был поставлен константинопольским патриархом грек Феопемпт. Ее центром стал построенный Ярославом Софийский собор.

Учреждение митрополии в Киеве было большим политическим успехом Ярослава: русская церковь получала официальное признание патриарха. Ярослав, однако, отнюдь не связывал с этим «подданства» Руси власти византийского императора. Но Византия и теперь упорно стремилась поставить Русь и в политическую зависимость, и грек-митрополит должен был играть роль агента Империи в Киеве. Феопемпт являлся активным проводником греческих идей. Эти тенденции византийской политики вызвали отпор со стороны Ярослава и привели к разрыву с Империей и морскому походу на Византию под начальством Владимира Ярославича в 1043 г. Митрополит Феопемпт, видимо, уехал из Киева еще до этого похода. Ярослав решил сделать русскую митрополию независимой от константинопольской церкви, и в 1051 г. митрополитом, по воле Ярослава, был поставлен избранный собором русских епископов Иларион, известный по своему знаменитому Слову о законе и благодати как горячий патриот Русской земли и поборник независимости русской церкви. Надо думать, что он вынужден был в конце концов покинуть митрополию, так как в последние годы княжения Ярослава отношения с Византией стали более дружественными.

С этой борьбой двух тенденций в русской церкви связано возникновение в Киеве двух церковно-политических и культурных центров: Софийский собор являлся, видимо, оплотом официального греческого течения, выразителем же русской ориентации был Киево-Печерский монастырь. Этот первый монастырь на Руси стал очагом русского летописания и крупнейшей школой, воспитывавшей миссионеров и кандидатов на руководящие посты в новых епископиях; он стал и центром литературно-политического движения, которое носило характер борьбы за церковную и культурную свободу от греческой опеки, за политическое и культурное единство Руси (см. гл. 6). Но скоро Печерский монастырь отступил от своих принципиальных позиций, став на путь политического компромисса в отношениях к киевской митрополии и к киевским князьям. Этот

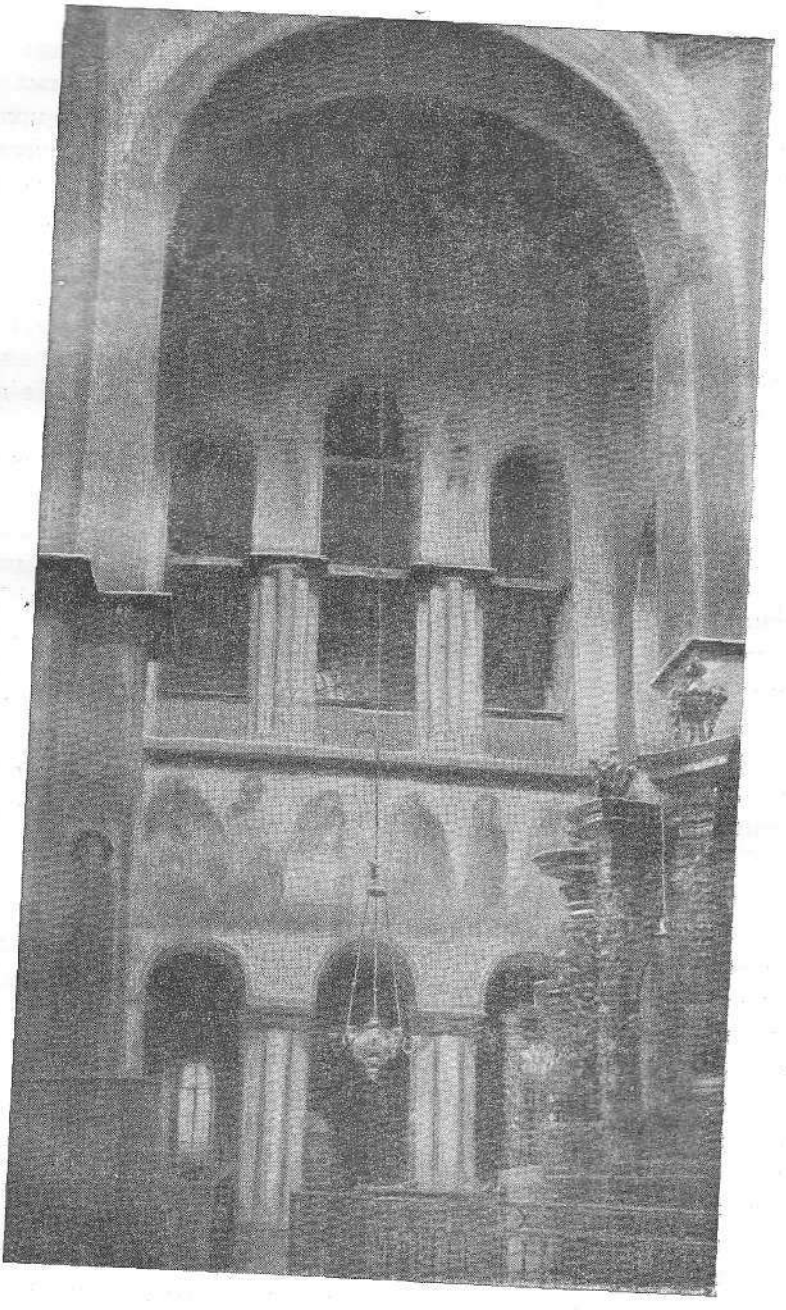


Рис. 19. Киевский Софийский собор. Хоры
(фото Н. Н. Воронина).

Рис. 20. Феодосий списывает Студийский устав (миниатюра Кенигсбергской лет.).

компромисс принес монастырю многие политические выгоды; так, например, в 1108 г. монастырь добился от митрополии при посредничестве князя Святополка Изяславича канонизации Феодосия — своего первого игумена.

7

Летописец, рассказывая под 1037 г. о постройке князем Ярославом Владимировичем церквей в Киеве, отмечает: «и при семь нача вера христианская плодитися и расширятися». Очевидно, лишь после вокняжения Ярослава пропаганда христианства и организационная деятельность церкви приобрели широкий размах.

В Ростово-Суздальскую землю, в область Верхней Волги и ее притоков, христианство впервые начало проникать лишь в XI в., одновременно с включением этой области в состав владений киевской династии. Проникновение княжих дружин, собиравших дань, в глухие углы Залесья и Заволочья, ускорило здесь процесс феодализации общественных отношений и ломку старых порядков, вызвав сопротивление широких народных масс.

Если признать недостоверными летописные известия о том, что Владимир посадил своих сыновей в Ростове (Ярослава, а потом Бориса) и в Муроме (Глеба),

то военная экспедиция Ярослава в Суздальскую землю, предпринятая им в 1024 г. для подавления восстания смердов, будет едва ли не первой попыткой освоения русскими князьями этих областей, а вместе с тем, как можно думать, и первой попыткой насаждения там христианства. Поэтому во главе восстания смердов в Суздальской земле встали волхвы — представители старой языческой религии, с которыми Ярослав жестоко расправился.

Восстание смердов 1024 г. было первым; за ним последовали и другие. Поскольку христианская религия выступала яростной защитницей интересов господствующего класса, народные восстания, направленные против усиления феодального гнета, неизменно выступали в религиозной оболочке, принимали форму языческих восстаний, а во главе их становились волхвы. Так, в Новгороде в годы княжения там князя Глеба Святославича появился волхв, хуливший христианство, и многие «прельстились» его проповедью. «И бысть мятеж в граде,— пишет летописец, — и вси яша ему веру и хотяху погубити епископа». Тогда епископ, взяв крест, обратился к народу: «иже хощеть веру яти волхву, той да идет за нь, аще ли веруеть кто, то ко кресту да идеть». Весь народ стал на сторону волхва, за епископом же стали только князь Глеб и его дружина. Тогда князь Глеб, спрятав под плащом топор, подошел к волхву и спросил его: «То веси ли, что утро хощеть быти и что ли до вечера?»—«Проведе вся [все знаю]»,—отвечал волхв. «Веси ли,— снова спросил Глеб,— что ти хощет быти днесь?» — «Чюдеса велика сотворю». При этих словах волхва Глеб выхватил топор и зарубил его (Лавр. л., 1071). Восстание было обезглавлено.

В связи с этим рассказом летописец приводит другой — о гадании новгородца у волхва, не менее ярко характеризующий популярность волхвов среди широких слоев городского и сельского населения.

Северные восстания волхвов находили отклик и на юге. В Киевском восстании 1068 г. большую роль сыграл волхв, пророчествовавший от имени старых языческих богов о гибели Русской земли, изменившей старой вере. Его проповедь встречала живой отклик в низовых слоях населения Киева, и волхв, видимо, был быстро схвачен: «в едину нощь [он] бысть без вести».

Под 1071 г. в летописи записан рассказ о поволжском восстании смердов также под руководством волхвов. Начавшись под Ярославлем — княжеским городом, основанным Ярославом в 1024 г.,— движение захватило Верхнюю Волгу и Шексну и оборвалось в Белоозере. Здесь восставшие были разгромлены дружиной воеводы князя Святослава Ярославича, Яна Вышатича, в составе которой был «попин», убитый в сражении. Самый факт наличия священника в этом далеком походе может указывать на то, что Ян Вышатич, усмиряя Белозерский край, одновременно крестил его население. О том же свидетельствует описанная в летописи «богословская» дискуссия Яна с плененными вождями восстания — волхвами. Некоторые детали этого рассказа, вместе с археологическими и этнографическими источниками, проливают свет на глубокую архаичность местного язычества. Курганные погребения второй половины XI в.

Владимиро-Суздальской области свидетельствуют о некотором оживлении здесь древнего медвежьего культа, связанном с восстаниями. При костяках в курганах XI в. встречаются, как указано выше, глиняные амулеты в виде лапы медведя и многочисленные подвески из его когтей, а летописец вводит в свой рассказ о повешении трупов волхвов на дереве мотив их съедения медведем, отражающий местные поверья, связанные с этим священным зверем.

В связи с угрожающим ростом крестьянских восстаний, шедших под знаменем язычества, и усиливается деятельность церкви на севере. Повидимому, к началу 70-х годов следует приурочить организацию епископии в Ростове. Поставленный епископом монах Киево-Печерского монастыря Леонтий был (в 1072 или 1073 г.) убит восставшими язычниками. К концу XI в. относится проповедническая деятельность Авраамия, который основал здесь монастырь. В житии Авраамия, отразившем местные предания и не лишенном в некоторых деталях достоверности, рассказывается о том, что ему пришлось вести упорную борьбу с язычеством в Ростове и сокрушить идола Велеса, стоявшего в Чудском конце города. Поставленный в 1077 г. на ростовскую епископию монах Киево-Печерского монастыря Исаия, повидимому, достиг бо́льших успехов. Работа церкви теперь поддерживалась и неоднократными походами в Суздальскую область Владимира Мономаха. Постройка им нового города Владимира и княжеских крепостей в старых городах, прочное освоение земли княжеской властью имели решающее значение для христианизации населения Волго-Окского междуречья. В это время в Суздале появился филиал Киево-Печерского монастыря — Дмитриевский монастырь, а несколько позже в суздальском кремле Мономахом был сооружен обширный каменный собор.

В самом конце XI в. началась христианизация Муромской и Рязанской земель. Житие Константина муромского, как и легенда о Петре и Февронии, отразившие местные предания, говорят об упорном сопротивлении язычества христианской пропаганде, усиливавшейся параллельно укреплению здесь княжеской власти. Финал жития, рисующий победу церкви, перечисляет исчезающие под ее давлением языческие обычаи: «Тем же преставша рекам и озерам требы класти, дуплинам древянным ветви и убрусцом обвешивати и им покланятися, всё преставша. И кладезям и потокам поклоняющеися, очныя ради немощи умывающиися и сребренники в их поверзающии, всё преставша. Где коня закалающии и по мертвых ременная плетения древолазная с ними в землю погребающии, и битвы и кроения и лиц натрескания творящии?»

Однако языческая реакция проявлялась и позднее, о чем говорит легенда об изгнании из Мурома епископа Василия. Соседние с Муромом вятичи дольше других держались старых порядков, что отметил еще автор Повести временных лет в своем этнографическом обзоре Восточной Европы; сюда поздно проникло и христианство. В середине XII в. монах Киево-Печерского монастыря Кукша, проповедывавший христианскую религию среди вятичей, был убит язычниками. Таким образом, распространение христианства на северо-восточных окраинах

древней Руси было связано с начавшимся в XI в. прочным освоением их русскими князьями, ускорившим развитие здесь феодальных отношений. Северо-восток древней Руси последним проявил активное сопротивление христианству со стороны языческой религии и ее адептов — волхвов.

Бурные языческие движения XI в. вызвали появление полемических произведений против язычества. Весьма ярким памятником является Слово о вёдре и казнях божиих, введенное в летописный рассказ о восстании 1068 г. Обличая языческие верования в то, что бездождье, неурожаи и другие грозные явления и бедствия — гнев языческих богов на отрекающихся от них людей, автор

Рис. 21. Игрища (миниатюра Кенигсбергской лет.).

Слова убеждает современников, что, напротив, это христианский бог казнит упорствующих в язычестве «...смертью ли, гладом ли, наведеньем поганых, ли вёдром [засухой], ли гусеницею, ли инеми казньми» и призывает покаяться и обратиться к «истинному» богу. «Но мы,— укоряет он далее,— словом нарицяющеся хрестьяне, а поганьскы живуще... Видим бо игрища [т. е. народные празднества] утолочена и людий много множьство на них... а церкви стоять [пусты]; егда же бываеть год [время] молитвы, мало их обретается в церкви» (Лавр. л.).

Реакционное по своему существу, антифеодальное и антихристианское движение волхвов было подавлено, но пережитки язычества надолго сохранились в сознании народных масс. Языческие представления и обряды сплетались в причудливых сочетаниях с обрядами и понятиями христианства, превращая его фактически в двоеверие.

8

Первыми полемическими произведениями против язычества и двоеверия были переводные с греческого на русский или болгарский язык обличительные поучения или «слова». Но русский переводчик или редактор сильно перерабатывал их, приспособляя к русской жизни, вносил дополнения из современной ему русской действительности. Например, редактор переводного Слова святого Григория о том, «како первое погани, суще языци, кланялися идолом и требы им клали, то и ныне творят», пишет: «Се же словене... Перуна отринуша, по Христа господа бога яшася, но и ныне по украинам их молятся проклятому богу их Перуну, Хърсу и Мокоши».

Около того же времени, в 70—80-х годах XI в., появились и русские полемические произведения. Автор одного из них — Слова некоего христолюбца и ревнителя по правой вере — пишет, что «христиане живут в двоеверии, веря в Перуна, Хорса, Мокошь, Симарьгла и в вилы, этих вил 39 сестер. Так говорят невежды и считают их богинями, им кладут жертвы, и кур им режут, и молятся огню, называя его Сварожичем... Не следует христианам играть в бесовские игры, каковы пляски, гудение, песни бесовские и жертвы идольские... что бы мы не оказались лжецами, сказав при крещении: отрекаюсь от сатаны... Мы ведь не просто делаем злое, но смешиваем чистые молитвы с проклятым моленьем идольским, ставя кутью в пищу Роду и Рожаницам».

Митрополит Иоанн в составленных им Правилах (1080—1089) предписывает отлучать от церкви совершающих языческие обряды.

Но двоеверие продолжало жить, налагая своеобразную печать на самую христианскую религию, придавая христианским божествам языческие черты, сближая церковный календарь с распорядком языческих празднеств.

В православной церкви Христу, богородице, а также святым были посвящены особые дни, празднование которых отмечалось торжественными богослужениями. Главным из этих праздников был день, посвященный «воскресенью Христову»,— пасхе, справлявшейся после иудейской пасхи, в первое воскресение весеннего полнолуния, когда, по христианскому мифу, Христос был распят, погребен и воскрес. Этот праздник, занимавший целую неделю (7 дней), на Руси получил название «великодня», а вся неделя называлась «святой». Христу были посвящены и другие праздники, получившие название «господских» (от слова «господь»), в частности рождества, крещенья, совпадавших на Руси по времени с языческими колядными днями, которые назывались «святками». Особый день (пятидесятый после пасхи) был посвящен троице (троицын день).

Богородице было также посвящено несколько праздников, называвшихся «богородичными» или «госпожиными»,— рождество богородицы, успенье и др. Популярность культа богородицы обеспечивалась переносом на нее черт женских божеств языческого пантеона, в частности матери-земли.

Наиболее почитаемыми праздниками в память святых оказались преимущественно дни тех из них, которые восприняли черты языческих божеств. Таковы праздники: Георгия-Победоносца — Егория Храброго, воспринявшего черты солнечного конного бога Хорса (Юрьев день, Егорий); Ильи-пророка, усвоившего черты и функции бога грома и молнии Перуна (Ильин день); Ивана-крестителя («Купалы»), объединившийся с купальскими языческими обрядами. Почитались покровитель скота Власий — преемник Волоса и Параскева-Пятница, усвоившая функции богини-пряхи Мокоши. Наряду с этими праздниками были популярны дни апостолов Петра и Павла (Петров день), Николая-чудотворца («николины дни») и новых русских святых Бориса и Глеба.

Любопытную трансформацию претерпел бог Сварог — покровитель кузнецов и их «огненного дела»: его сменили святые Кузьма и Демьян. Близкое созвучие имени Кузьма со словами «кознь», «кузнь», «кузнец» обеспечило очень быструю замену древнего названия новым. Кузнецов обычно было двое — мастер и подручный; созвучных христианских святых оказалось тоже двое — Кузьма и Демьян, что также способствовало скреплению их имен с кузнечным ремеслом. Кузьма и Демьян прочно входят в русскую мифологию как божественные кузнецы, подобные Сварогу, покровители всех кузнецов.

На Волыни записана следующая легенда: «Кузьма и Демьян бродили по свету и натолкнулись на людей, которые поле не пахали, а долбили его мотыгами. Кузьма и Демьян стали думать, как бы здесь сделать рало, чтобы этим людям легко было добывать хлеб. Вот они и выдумали первое рало». В украинском фольклоре сохранялись представления о Кузьме и Демьяне как о первых учителях людей. Иногда Кузьма и Демьян сливались в одно лицо — Кузьмадемьяна.

День Кузьмы и Демьяна был всегда праздником кузнецов, которые в этот день не работали, а пировали. Подобные пиры, устраивавшиеся в определенное время, назывались братчинами.

В пеструю ткань полуязыческой-полухристианской религиозной жизни XI—XII вв. вплелись и переживания культа предков. Особые дни, так называемые «родительские», были посвящены поминовению умерших предков; такими днями были четверг «страстной» недели, радуница — второй день следующей за пасхальной «фоминой» (в честь апостола Фомы) недели и «родительская суббота» накануне троицына дня.

Едва ли не наиболее показательными являются в этом отношении похоронные обряды, ярко отражающие смешение христианского и языческого обрядов. Захоронение и в эту пору производилось в довольно высоких курганах, но сожжение заменилось трупоположением; на костяке находят иногда кресты и образки, но наряду с ними клали в могилу пищу; все это, равно как и поминальные трапезы на похоронах и в родительские дни, ярко свидетельствует о сохранении пережитков языческого культа предков и языческих представлений о душе и загробной жизни. Эти следы языческих обрядов и поверий сохранялись и в идео-

логии господствующего класса. В княжеском погребении конца XI в., открытом раскопками Десятинной церкви в Киеве, были найдены предметы вооружения, положенные с покойным по языческому обычаю (рис. 22); столетием позже в феодальных погребениях в княжеском Юрьевом монастыре в Новгороде не только клалось оружие, но ставились и сосуды с пищей.

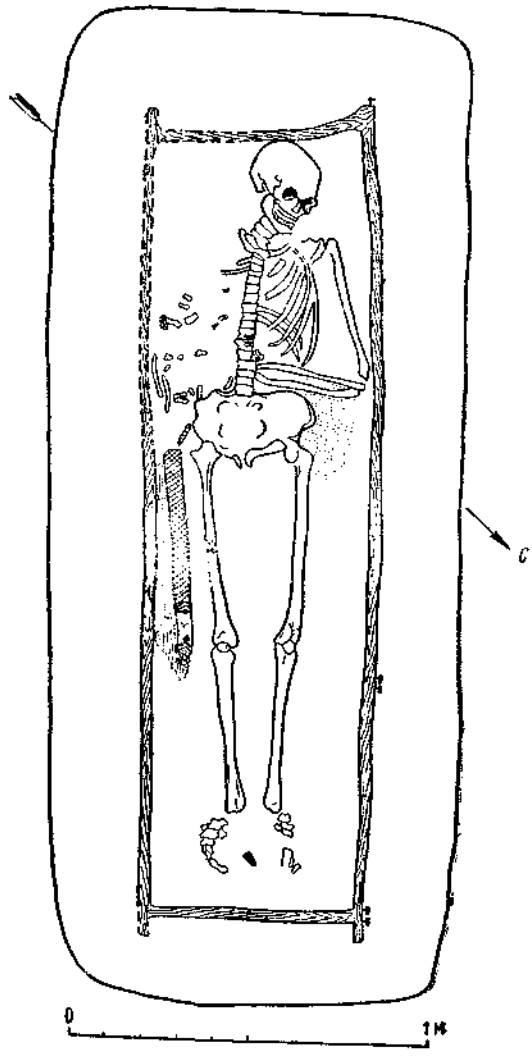


Рис. 22. Погребение в Десятинной церкви (раскопки М. К. Каргера).

Языческие заговоры и заклинания, сплетаясь с христианскими молитвами, превращались в своеобразные по своему двойственному содержанию магические формулы. Примером широкого распространения и прочности языческих переживаний является то, что Владимир Мономах — взамен гадания по «птичьему граю» — гадал по Псалтыри.

Вера в бесов была одной из ярких черт древнерусского христианства. Киево-Печерский патерик весьма живо описывает «бесовские искушения», которым подвергались печерские затворники. В рассказе об Исаакии сообщается, например, как бесы пробрались в его келью с сопелями, бубнами и гуслями и заставили монаха плясать под их музыку. В этом сюжете, видимо, весьма реалистично передана живая картина языческого игрища с музыкой и танцами.

Бесы — это старые, языческие боги, недавно низвергнутые официальным актом княжеской власти, но еще живые в сознании народных масс. Борьба с ними была одной из важнейших политических задач как раз в начальную пору деятельности печерского монашества. Под знаменем язычества шли потрясавшие Киевскую державу крестьянские восстания, рост классового гнета вызывал острые вспышки классовой борьбы,— все это требовало новых, более действенных

средств со стороны церкви. В связи с этим растет роль монашества; земной мир рисуется темным «царством бесов», с которым нужно бороться путем подвигов аскетизма и умерщвления плоти; на первый план выступает учение о карающем боге, тема «загробных мук» и возмездия за земные «грехи» на «страшном суде», находящая яркое отражение и в искусстве.

В начальную пору русского монашества аскетизм плохо прививался и в монастырской жизни. Случалось, что монахи убегали из монастыря и, нагулявшись, возвращались, причем игумен прощал их. Позднее об этом писал Даниил Заточник: «Идеже браце и пирове, ту чернецы и черницы беззаконии; ангельский имея на себе образ, а блудный нрав; святительский имея на себе сан, а обычаем похабен».

Полуязычники-миряне привыкали к христианским обрядам с еще большим трудом. Любопытной иллюстрацией к этому может служить судьба постов, введенных на Руси вскоре после учреждения в Киеве греческой митрополии.

Церковные посты были одним из средств борьбы с язычеством в быту, с пережитками языческих обрядовых трапез. По церковным канонам, посты предшествовали главным христианским праздникам; во время поста полагались особые моленья и воздержание от некоторых видов пищи. В «великом» посту, продолжавшемся семь недель перед пасхой, церковными правилами предписывалось воздержание от мясной, рыбной и молочной пищи, а также от вина. Особенно же строго должен был соблюдаться пост в первую, «чистую», неделю этого поста и в последнюю,— «страстную». В эти недели допускалось лишь «сухоядение» — один хлеб, и то раз в день. Были и другие посты: рождественский, успенский (госпожинки), петровки, крещенский. Постными днями считались среда и пятница каждой недели. Это обилие постов, резко противоречившее языческому быту, часто вызывало острое недовольство в народных массах.

Митрополит Иоанн Продром за несоблюдение постов установил высшее церковное наказание — отлучение от церкви. Все же на Руси посты, повидимому, тотчас после их введения соблюдались не так строго, как в Византии: во все «господские» и богородичные праздники, как и в праздники «нарочитых» святых, хотя бы и приходившиеся на постные дни, посты не соблюдались ни в народе, ни в высших слоях общества, ни даже в среде духовенства и монашества (в частности и в Печерском монастыре). Это было также своеобразным проявлением двоеверия: языческие праздники всегда сопровождались обрядовым пиршеством, и отказаться от этого древнего обычая новоявленные русские христиане не могли.

Народные языческие празднества перерождались постепенно в «игрища» — увеселительные зрелища и массовые драматические представления; волхвы превратились в скоморохов, шутов, народных лицедеев. Они были не только носителями традиций народного искусства и литературы, но и выразителями своеобразных народных религиозных представлений. «Бог создал попа, а чорт — скомороха», — гласила старая пословица. Может быть, изображенные на

Рис. 23. Искушение Исаакия печерского (миниатюра Кенигсбергской лет.)

Рис. 24. Искушение Матфея печерского (миниатюра Кенигсбергской лет.).

фреске лестницы Киево-Софийского собора игры, в которых принимают участие люди в звериных масках (рис. 25), свидетельствуют о сохранении в скоморошьих представлениях пережитков тотемизма (ср. медвежий культ у смердов Поволжья); к той же первооснове восходит вождение скоморохами древних тотемных животных: медведя, козы и пр. Могучая сила скоморошьих музыкально-

Рис. 25. Фреска с лестницы Киево-Софийского собора.

драматических действ на свадьбах, игрищах, похоронах и поминках обращалась и против господствующей религии и против всего социального строя. «Смех лихого скомороха», его «бестудныя словеса» выражали народное недовольство и вызывали жестокие гонения «властей предержащих».

9

Как мы видели, при Владимире Святославиче и в первые годы княжения Ярослава Владимировича русская церковь была автокефальной (независимой) архиепископией; в 30-х годах XI в. Ярослав по внешнеполитическим соображениям установил на Руси греческую митрополию. Это повело к попыткам Империи поставить Русь в число «подданных и друзей своих». Ярослав еще мог проти-

вопоставить этим попятновениям силу единой Руси, разорвав с константинопольской патриархией и поставив на киевскую митрополию «русина» Илариона. Но в последние годы княжения Ярослава греческая митрополия была восстановлена.

После смерти Ярослава церковно-политические связи Руси и Византии складываются иначе. Киевского митрополита ставил по приказу императора константинопольский патриарх, и это делало русскую митрополию в известной мере независимой от русской княжеской власти. Митрополит в Киеве, как и прежде, был политическим агентом Империи, он стремился влиять в ее интересах на внешнюю и внутреннюю политику русских князей, но отнюдь не объединял их и не руководил ими. Он лишь поддерживал того или иного князя в зависимости от политических целей Византии. Так, в годы первых феодальных усобиц, вспыхивавших между Ярославичами, Византия порвала отношения с князем Святославом, который искал в борьбе с Изяславом связей с латинским Западом, и отозвала из Киева митрополита Георгия. В поисках опоры на Руси она искала союза с третьим Ярославичем — Всеволодом и установила в его стольном городе особую митрополию, на которую был возведен Леон, автор обличительного сочинения против латинян. Только после смерти Святослава и вокняжения в Киеве Всеволода, свойственника византийской императорской семьи, всегда опиравшегося в своей политике на Византию, митрополия в Киеве была восстановлена.

Особенно отразились греческие тенденции митрополии на ее отношении к русским церковным традициям, например, к почитанию Владимира и первых русских «святых» — Бориса и Глеба. Если раньше летописец, излагая, по русскому преданию, историю крещения Руси, выдвигал Владимира на первое место как инициатора и главного деятеля христианизации, то автор Киевского свода 1094 г. под давлением греческих тенденций переработал и дополнил этот рассказ так, что «обращение» Владимира объяснялось проповедью греческого миссионера; самый образ Владимира под его пером получил черты язычника.

При Владимире Мономахе и первых Мономашичах киевская митрополия, как проводник греческой политики, всегда встречала их поддержку. Влияние митрополии возрастает, а Киево-Печерский монастырь отходит в тень,— летописание переводится отсюда Мономахом в Выдубицкий монастырь. Митрополит Михаил, занявший киевскую кафедру в 1131 г., стремился подчинять своему влиянию церковно-политическую деятельность князей других русских земель и ставить на освободившиеся епископские места преимущественно греков. В усобице 1132—1139 гг. он стал на сторону Мономашичей, а когда киевский стол занял Всеволод Ольгович, Михаил порвал с ним и уехал в Царьград, запретив богослужение в киевской Софии. Этот конфликт, очевидно, имел результатом разрыв сношений с константинопольским патриархом.

На церковном соборе в Киеве в 1147 г. по воле князя Изяслава Мстиславича был поставлен в митрополиты русский монах Климент Смолятич. Это повело к расколу в русской церкви: два епископа-грека, Нифонт новгородский и Мануил

смоленский, резко протестовали на соборе против этого избрания. Междукняжеская распря обострила церковные дела: на сторону греческой церкви стал враг Изяслава суздальский князь Юрий Долгорукий; когда ему удалось овладеть Киевом, Царьград послал нового митрополита — Константина, который проклял умершего Изяслава и начал преследование епископов, сторонников Климента Смолятича. Смена князей на киевском столе после смерти Юрия неоднократно вела к смене митрополита, пока, наконец, в 1166 г. по желанию князя Ростислава был поставлен в Киеве новый митрополит, грек Федор.

С ослаблением политического значения Киева падает и церковно-политическое значение его митрополии; напротив, возрастает значение местных епископий, становящихся крупными феодалами и тесно связанных со своими светскими сюзеренами.

В 30-х годах XI в. были основаны подчиненные митрополиту епископии в Юрьеве и Белгороде (в Киевском же княжестве). Первая самостоятельная епископия была учреждена в Новгороде также, вероятно, при Ярославе. После его смерти возникают епископии черниговская и переяславская, в связи с выделением этих земель в особые княжения, затем ростовская (в 70-х годах XI в.).

Новгородская епископия была одной из крупных церковных организаций XI—XII вв. Здесь при первом епископе Луке Жидяте, известном своей литературной деятельностью, был построен величественный Софийский собор, ставший патрональным храмом новгородской земли. Новгородская епископия значительно укрепилась при князьях Мстиславе Владимировиче и Всеволоде Мстиславиче. В 1119 г. под Новгородом был основан монастырь Георгия (Юрьев монастырь), ставший впоследствии крупным землевладельцем и вторым после Софии церковно-политическим и культурным центром Новгорода. С именем князя Всеволода связана и Уставная грамота, данная им Софийскому собору, оформлявшая устройство новгородской церкви и ее право на десятину от княжеских доходов. Когда в Киеве была сделана попытка установления автокефалии (Климент Смолятич), новгородский епископ-грек Нифонт, как ярый поборник греческой гегемонии над русской церковью, порвал связи с Киевом и получил в Константинополе для новгородской церкви независимую от Киева архиепископию, подчиненную непосредственно власти патриарха. Нифонт известен как автор канонических ответов на Вопрошание Кириково, которыми он стремился внедрить в новгородский церковный и житейский быт греческие порядки и обычаи.

Епископ Илья в 1165 г. был возведен киевским митрополитом в сан архиепископа по просьбе новгородского веча. Это знаменовало собою торжество «республиканского» строя в Новгороде, при котором новгородская церковь приобрела автономию в составе русской церкви. Новгородский архиепископ стал одной из «властей» Новгорода, избираемых, а иногда и свергаемых, по воле новгородского веча. Его роль не ограничивалась сферой церковных дел; он возглавлял «совет господ» Новгорода, председательствовал в высшем суде и был постоянным участником в сношениях Новгорода с князьями. При дворе архиепи-

скопа велась новгородская летопись. Политическое значение архиепископской кафедры опиралось на ее феодальную мощь, на ее громадные богатства, образовавшиеся главным образом вследствие передачи «дому святой Софии» конфискованных княжеских земельных владений. Большое политическое значение в жизни Новгорода имели и новгородские монастыри: Юрьев, Аркажский, Антониев, Хутынский и другие, бывшие также крупными земельными собственниками. Можно сказать, что церковь в Новгороде стала одной из основных социально-политических сил аристократической республики.

Рис. 26. Епископ Федор распинает непокорных (миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.).

Ростовская епископия была основана, как говорилось, в 70-х годах XI в. в связи с задачей христианизации этого, остававшегося еще языческим, края.

С началом борьбы владимирских князей за главенство Владимирского княжества в русской земле в бурный фарватер политической жизни была втянута и церковь. Андрей Боголюбский, стремившийся к организации во Владимире независимой митрополии, изгнал сопротивлявшихся его воле епископов-греков — Нестора и Леона — и поставил на ростовскую епископию одного из поддерживавших его церковников — Федора. При нем был торжественно освящен Успенский собор во Владимире и была проведена большая работа по созданию новых местных «святынь», «подтверждающих» права Владимирской земли на церковную самостоятельность. Был создан культ «чудотворной» иконы Владимирской богоматери, учрежден без санкции митрополита и патриарха новый праздник «покрова богородицы», наконец, были открыты «мощи» первых ростовских епископов Леонтия и Исаии. В составленном в связи с этим житии Леонтия сообщались вымышленные сведения, что якобы он был поставлен в Ростов самим патриархом, т. е. что Ростовский край получил христианство якобы непосредственно из Царьграда. Политика Андрея и Федора встретила острое сопротивление местного боярства и части духовенства, которое Федор пытался подавить казнями непокорных и мерами церковного террора. В то же время патриарх требовал отдачи «пронырливого» Федора на митрополичий суд. Под давлением этих обстоятельств Андрей вынужден был отступить, и Федор был жестоко казнен по

приговору митрополита, как отступник от церкви. Поход войск Андрея и разгром Киева в 1169 г. был в значительной мере ответным ударом за «митрополичью неправду». Возросший общерусский авторитет преемника Андрея — Всеволода III сказался и на судьбах владимирской церкви: митрополит послушно ставил на епископию кандидатов, угодных Всеволоду. Усобица меж сыновьями Всеволода III и начавшееся дробление Владимирского княжества повело к выделению новой суздальской епископии: с обособлением феодальных княжеств дробилась и местная церковная организация, ее связи с киевской митрополией ослабевали и, наоборот, укреплялась зависимость от местной княжеской власти.

Рис. 27. Разгром Киева в 1169 г. (миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.).

Новгородская и ростовская епископии были крупнейшими церковными организациями XI—XIII вв.

В процессе феодального дробления Руси возникли и другие епископии. Во второй половине XI в.— черниговская, первоначально обнимавшая всю территорию, которой владел князь Святослав Ярославич; переяславская, обнимавшая собственно Переяславское княжество и область Смоленскую; владимирская, обнимавшая земли Волынскую и Галичскую; полоцкая, туровская и, кажется, тмутараканская. В XII в. были образованы смоленская, выделенная в 1150 г. из переяславской, рязанская — из черниговской, галичская — из владимирской; в XIII в. из галичской епископии выделились — перемышльская, луцкая и самборская (см. карту т. I, рис. 12). Так все более разветвлявшаяся церковная организация прочнее и глубже оплетала все области древней Руси.

Наряду с епископиями, в XII—XIII вв. множились и экономически крепли монастыри, основывавшиеся как в самом Киеве, так и в других городах.

В начале XII в. Киево-Печерский монастырь выступает как крупный землевладелец. Еще во время игуменства Феодосия «многие от вельмож приходили к нему, благословения ради и от имений своих малу некакову часть подаваа им». Едва ли не наибольшие «имения» в виде целых волостей, сел с челядью, золота и серебра монастырь приобрел от князя Изяслава и его семьи. В XII в. значение Печерского монастыря как культурно-политического центра слабеет.

Несколько позже, чем Печерский, в XI и в начале XII в. в Киеве было построено несколько других монастырей. Изяслав Ярославич построил Дмитриевский монастырь, Всеволод Ярославич — Михайловский Выдубицкий монастырь, Святополк Изяславич — Михайловский Златоверхий монастырь, Мстислав Владимирович — Федоровский (Вотчь), Всеволод Ольгович — Кирилловский. Эти монастыри посвящались памяти христианских патронов — своих основателей — князей и становились семейными святынями той или иной правившей в Киеве ветви княжого рода. Киев, как церковный и политический центр, ранее других городов стал и средоточием монашества.

Рис. 28. Закладка церкви в Тмутаракани князем Мстиславом (1022 г.; миниатюра Кенигебергской лет.).

С XI—XII вв. стали возникать монастыри и в других областях Руси. В Тмутаракани был основан монастырь богородицы. Антоний Печерский основал монастырь на Болдиных горах в Чернигове. Выше мы говорили о строительстве монастырей в Новгороде, где их основателями были не только князья, но и местные бояре. Во всех землях феодальной Руси в XII—XIII вв. также возникают монастыри местных княжеских династий.

В первые века после крещения Руси монастыри играли прогрессивную роль, как рассадники письменности и колонизационные базы. В их стенах переписывались книги, расходившиеся затем по княжеским и церковным библиотекам, велись летописи, воспитывались проповедники и писатели. Из среды монахов вышли выдающиеся мастера искусства: прославленный печерский живописец Алимпий, полоцкий зодчий Иоанн и другие. С продвижением монастырей в отдаленные области Русской земли туда переносились и ростки книжной

культуры. Вместе с тем монастыри были передовыми по тому времени хозяйственными организациями, развивавшими феодальные методы эксплоатации.

Внутреннее устройство русской церкви в отношении организации и культа определялось актами княжеской власти и самих церковных властей. К числу первых относятся два памятника: Устав князя Владимира Святославича и Устав князя Ярослава Владимировича. Они дошли в многочисленных списках, сделанных не ранее конца XIV в., притом в разновременных редакциях.

Устав Владимира в древнейшей (так называемой краткой) редакции содержит постановления: об учреждении десятины в пользу церкви богородицы (т. е. об отчислении десятой части от княжеских даней «со всех городов») и об учреждении церковного суда (по «всем градом и по погостам и по свободам, где христиане суть») по делам о преступлениях против веры и церкви (совершение христианами языческих обрядов, волшебство), о нарушениях церковной дисциплины и обрядов, о святотатстве («крест посекут или на стенах режут» и т. д.), о многоженстве, браках с родственниками, о разводах, по делам о наследовании и т. д. Устав говорил также об учреждении церковного суда по всем делам уголовного и гражданского порядка, возникавшим среди «церковных людей», т. е. духовенства, причта и обитателей церковных земель. Повидимому, первоначальный Устав Владимира содержал лишь постановление об учреждении десятины в пользу киевской архиепископии. Все же остальные части Устава отражают практику, сложившуюся значительно позже — в XII—XIII вв.

Что касается церковного Устава князя Ярослава Владимировича, который он якобы издал, «сгадав» с митрополитом Иларионом, то дошедшие до нас списки относятся к очень позднему времени. Одной из характерных черт этого Устава является установление санкций по делам, входившим в ведение церковного суда: штраф, взимаемый епископами, «волостельская казнь», которою «казнит» князь. Другой характерной чертой Устава является установление различия в размерах штрафа в зависимости от социального положения потерпевшего.

От периода феодальной раздробленности сохранилось несколько местных княжеских церковно-уставных грамот. Грамота Всеволода Мстиславича, данная им в 1135—1136 гг. новгородской церкви Ивана на Опоках, бывшей храмом купеческой корпорации, содержала, кроме Устава этой последней, и постановления о праве церкви на доходы от торговых пошлин. Вторая грамота князя Всеволода новгородскому Софийскому собору в своем первоначальном виде содержала подтверждение прав соборного духовенства на десятину и новую привилегию на получение торговых пошлин. Грамота Святослава Ольговича, данная в 1137 г. той же новгородской Софии, заменяла десятину «от вир и от продаж» определенным годовым доходом в 100 гривен «новых кун» и устанавливала отчисления в пользу собора от даней, шедших в княжескую казну. Смоленский князь Ростислав Мстиславич в грамоте 1150 г. определял на содержа-

нне вновь учрежденной смоленской епископии десятину от даней с волостей, жаловал епископу на иммунитетных правах ряд крупных сел и право суда над церковными людьми.

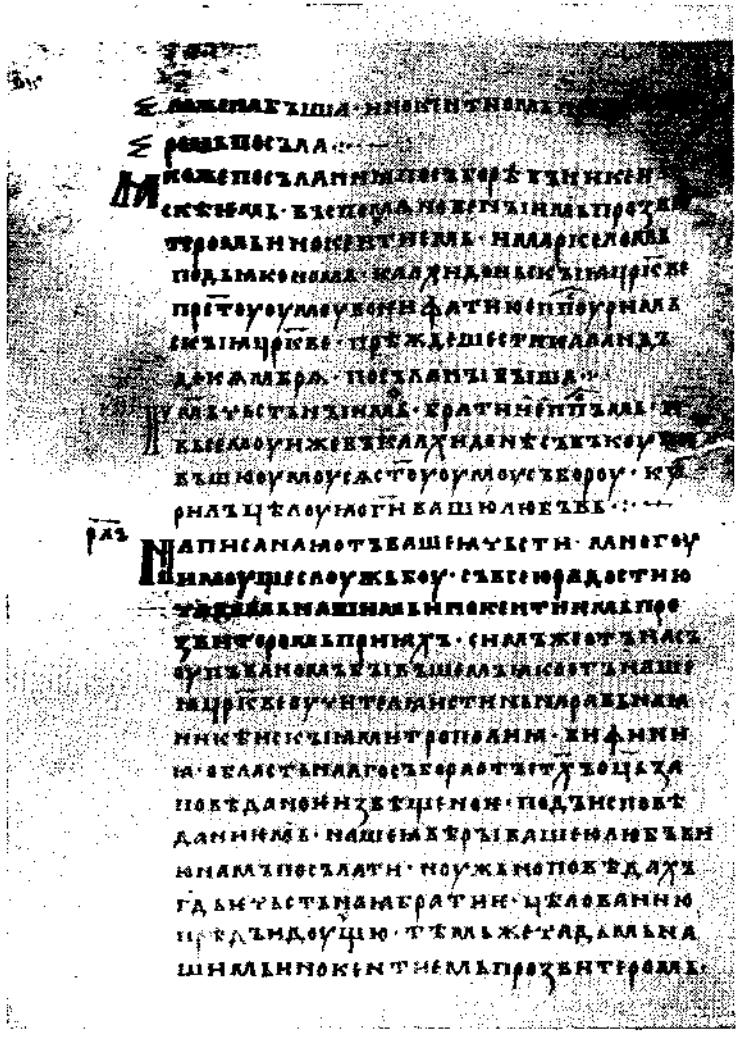


Рис. 29. Ефремовская кормчая XII в. (Государственный Исторический музей).

Несомненно, подобные грамоты давались князьями при учреждении епископий, а также монастырей и в других княжествах. До нас дошла жалованная грамота князя Мстислава Владимировича 1130 г. новгородскому Юрьеву монастырю на волость Буйце со всеми доходами и правом суда и упоминание о земельных

пожалованиях начала XIII в., сделанных рязанскими князьями храму богородицы. В результате митрополия, епископии и монастыри стали крупнейшими феодалами, обладавшими правом сбора дани и суда в отношении клира и людей, населявших их земельные владения.

В отношении культа, а отчасти и организационных форм русская церковь руководствовалась канонами (правилами и постановлениями) восточной церкви. Сборник этих постановлений, так называемый Номоканон, получивший у нас название Кормчей книги, стал основным уставом русского церковного управления.

Древнейшими из сохранившихся памятников канонического права русского происхождения являются два сочинения митрополита Георгия (1062—1072). Одно из них — Стязанье с Латиною — является политическим трактатом против римско-католической церкви. Оно имело, вероятно, в то время практическое политическое значение и было направлено против сношений и связей с Западом князей Изяслава и Святослава Ярославичей. Второе сочинение митрополита Георгия носит название Устава белечского (т. е. мирского) и содержит весьма разнообразные правила и поучения «новым» христианам: о причастии, о браке духовных лиц, о супружеской жизни, о пострижении в монашество, о родильницах, об эпитимиях (церковных наказаниях) за разные «согрешения» и пр. Феодосию Печерскому приписывается послание к великому князю Изяславу Ярославичу (Вопрошание Изяславле), являющееся ответом на вопросы князя о том, можно ли резать скот для пищи в воскресные дни, и о постах в среду и пятницу.

Известный по летописи как «мужь хытр книгам и ученью» митрополит Иоанн (1080—1089) написал в ответ на вопросы черноризца Якова Правила церковные от святых книг вкратце. Эти Правила касаются как разных предметов церковного и богослужебного порядка, так и чисто житейской стороны быта духовенства, а равно и быта народа, еще только начинавшего жить «по-христиански» и сохранявшего языческие обряды и обычаи. Правила митрополита Иоанна и сходные с ним по сюжетам памятники древнерусской канонической литературы XII в. (Вопрошанье Кириково или Канонические ответы новгородского архиепископа Нифонта на вопросы священников Кирика, Саввы и Ильи и Поучение новгородского архиепископа Ильи) живо рисуют строй и быт русской церковной жизни и духовенства. Они также показывают, как глубоко изменилась церковь и ее деятельность со времени Ярослава.

Русская церковь в XI—XII вв. составляла зависимую митрополию константинопольского патриархата. Патриарху принадлежало право поставления главы русской церкви — киевского митрополита, право смещения его и суда над ним. Русскими митрополитами в этот период были обычно греки. Эта внешняя опора киевского митрополита создавала ему некоторую независимость от местной княжеской власти и тем самым выделяла русскую церковь как особую религиозно-политическую организацию. Она опиралась вместе с тем на авторитет религии.

Столь могущественное идеологическое орудие в руках киевского митрополита-грека всегда служило политическим интересам Византии, что и вызывало попытки русских князей вызволить русскую церковь из-под византийской гегемонии. Однако этому мешала феодальная раздробленность страны.

Феодальным дроблением Киевского государства вызывалось и феодальное дробление церковной организации: экономические и политические связи «по земле и по воде» епископий и монастырей делали их в некоторой степени обособленными от митрополии. На деле сохранялось лишь культовое единство русской церкви; впрочем и самый культ в условиях феодальной раздробленности, как и вся идеология того времени, стал приобретать свои особые черты в различных областях древней Руси. Киевский митрополит все же оставался «первопрестольником» среди русских архиереев. Он ставил епископов; первоначально он сам избирал и кандидатов из приезжавших на Русь греков, а иногда и из русских монахов. Позже избрание кандидата стало правом местной светской власти.

Митрополиты созывали состоявшие из епископов поместные соборы русской церкви для суда над епископами и для решения догматических или дисциплинарных общецерковных вопросов. Митрополиты имели также право делать единоличные распоряжения по делам церковной дисциплины и обращались к епископам с грамотами и поучениями.

Епископ в своей епархии был высшим представителем церкви. Ему принадлежало преимущественное право проповеди и надзора за проповедью священников. Он являлся и «первосвященником» — имел власть совершать все богослужебные акты, ставить священников и дьяконов. Наконец, епископ был главным начальником всех церковных учреждений и всего духовенства его епархии. Он имел также право суда над церковниками по всем гражданским и уголовным делам и частично право суда над мирянами.

10

Право церкви судить население церковных земель было следствием роста церковного феодального землевладения в XI — XII вв.

Особенно существенной областью церковной юрисдикции были дела, касающиеся отклонений от установленных церковью семейно-брачных норм. Эта сторона церковного суда ударяла по еще прочным архаическим формам семьи и брачных отношений, утверждая малую моногамную семью, взрывая изнутри прочно связанный с язычеством старый народный быт. По этим видам преступлений подлежали церковному суду все без исключения слои населения.

В сферу церковного суда входили также отклонения от христианских обрядов, в особенности пережитки язычества и двоеверие. Так, новгородский архиепископ Илья в своем поучении новгородским попам указывал на необходимость

борьбы с языческой обрядностью: «И о турех [т. е. об обрядах в честь Тура-Волоса, древнего бога новгородских славян] и о лодыгах [?] и о колядницех [т. е. колядных обрядах] и про беззаконный бой [т. е. о кулачных боях, как пережитках тризны], вы, попове, уймайте детей своих; или кого убьют, а вы над ним в ризах не пойте, ни просфоры приимайте». Далее Илья писал о волхвовании: «Паки же взъборанивайте женам, оть не ходять к волъхвам, в том бо много зла бываеть, в том бо и душегубьства бывают разноличные и иного зла много, его же не дай бог ни единому крестьянину того створити».

Также и в Уставе Владимира отмечены как преступления: «ведьство», «волхование» — знахарство, знание таинственных сил; «зелейничество» — народно-врачевание; «потворы», «чародеяния» — приготовление разного рода волшебных снадобий и лекарств; церковная татьба и нарушения святости храмов; нарушение христианского обряда погребения («мертвеца сволочат») и совершение языческих обрядов («или кто молится под овином, или в рощеньи, или у воды»).

В грамоте Ростислава Мстиславича, как и в Уставе Владимира, не установлены определенные формы наказания, однако, повидимому, подразумеваются не только специфические церковные наказания, но и денежные штрафы. Грамота Ростислава некоторые дела относит к подсудности совместного суда епископа и князя; по крайней мере, штраф делится «на полы» между епископом и князем или посадником.

Попы, благодаря исповеди, знали самые интимные стороны жизни каждой семьи, действия и помыслы каждого человека. Церковь, опутывавшая народную жизнь до самых ее глубин, была сильным союзником князей в борьбе с эксплоатируемыми народными массами.

Вместе с упрочением феодальной церкви и усилением ее связей с княжеской властью росло народное возмущение против «духовных пастырей». В XII в. можно увидеть зарождение городских еретических движений. Например, на севере, в Ростове и Суздале, в связи со спором о постах в середине XII в. «вста ересь леонтианская», т. е. поднялось какое-то антицерковное социальное движение.

В этом же отношении интересные данные содержит житие Авраамия смоленского (конец XII — начало XIII вв.). В одном из смоленских монастырей жил монах Авраамий. Он вел различные беседы, которые были обращены к «малым же и к великим, рабом же и свободным и рукоделным». Из одного монастыря за подобные беседы он был изгнан. Авраамий пользовался книгами, которые были запрещены церковниками («отверженные книги почитает»). Его проповеди имели успех, и он, в конце концов, «уже весь град к себе обратил есть». По всей вероятности, его беседы с рабами и «рукодельными» (ремесленниками) носили какой-то острый и неприятный для церковников характер — его объявили еретиком. Попы и игумены монастырей добились суда над ним. На суде они выступали, «яко волом рыкающим», и требовали различных казней для еретика: заточить, пригвоздить к стене, сжечь или утопить. Такая ненависть духо-

ренства была вызвана, очевидно, антицерковной агитацией Авраамия и демократическим составом его слушателей, которые впоследствии поплатились за слушание этих речей. Авраамий же окончил свои дни в одном из пригородных монастырей.

Однако эти ростки еретических движений, направленных против феодальной церкви, получили развитие значительно позже, в XIV—XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс и Ф. Энгельс о религии и борьбе с ней, т. I и II. М., 1933.

Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914.

Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. Древности Моск. археолог. общ., т. XIV.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. I—III. М., 1865—1869.

Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Руси. «Историк-марксист», 1937, № 3.

Воронин Н. Н. Медвежий культ в верхнем Поволжье в XI в. Материалы и исследования по археологии СССР, № 6, М.— Л., 1941.

Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I и II. М., 1913.

Голубинский Е. История русской церкви, т. I, ч. 1-я и 2-я. М., 1901—1904.

Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.

Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1930.

Памятники древнерусского канонического права. Русская историческая библиотека, т. VI, СПб., 1908.

Пресняков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

Романов В. А. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947 (главы V и VI).

Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы, т. I—II. М., 1863.

Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб., 1884.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЯЗЫК И ПИСЬМО

П. Я. Черных

1

Древнерусский летописец, составляя на рубеже XI—XII столетий свой знаменитый историко-географический очерк Восточной Европы и задаваясь вопросом о том, «откуду есть пошла Руская земля», нарисовал замечательную по своей последовательности, содержательности и полноте картину расселения племен и народностей на великой русской равнине накануне образования Киевской державы. Особенно интересно то, что, сообщая попутно различные сведения об этих племенах и отмечая их взаимные отношения, автор «первого труда по истории нашей Родины» ясно и отчетливо выделил основной признак родства или различия этих племен — *язык*: «Се бо токмо словѣнескъ языкъ въ Руси»,— говорит он, перечисляя восточнославянские племена. «А се суть инии языци, иже дань дають Руси»,— обобщает далее летописец приводимый им перечень соседних неславянских племен. Слово «язык» здесь (как и вообще встарину) употребляется в смысле «племя», «народность». Следовательно, язык осознавался как определяющий признак племени или народности. Летописец впервые выдвинул и мысль об единстве происхождения восточных, западных и южных славян, уже тогда занимавших огромные пространства Средней и Восточной Европы. «По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви... И отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими... Итако разидеся Словѣньский языкъ...»

Русский язык древнейшей поры IX—XI вв. известен нам, главным образом, благодаря памятникам письменности, в значительной части дошедшим до нас в списках позднейшего времени. Сравнительное изучение этих памятников позволяет выделить в их тексте слова, грамматические формы, особенности произношения и значения слов, характерные для древнерусского языка. Большую роль в этой реконструктивной работе играет также изучение современного

народного языка, современных говоров и диалектных особенностей, восходящих порой к древнейшему времени. Этим путем мы можем с известной степенью полноты воссоздать первоначальный облик древнерусского языка, и, таким образом, судить о его структуре — грамматическом строе и основном словарном фонде, о произношении слов, их значении и т. д.

В отличие от права, религиозных воззрений, литературы, искусства и других надстроечных явлений, рассматриваемых в этом томе, язык обладает своими внутренними закономерностями развития, не зависящими от смены базисов. «Язык,—говорит И. В. Сталин, — порождён не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений». Язык «является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется».[1] Поэтому и в развитии древнерусского языка в течение IX—XIII вв., за время, охватывающее две исторических эпохи — конец дофеодального периода и начало периода феодальной раздробленности, нет оснований ожидать каких-либо глубоких, органических изменений. Уходя своими корнями в глубокую древность первобытно-общинного строя, быстро развиваясь в условиях Киевского государства, русский язык продолжал совершенствоваться в XI — XIII вв., благодаря усилиям передовых людей страны и ее выдающихся писателей.

В древнерусском языке мы находим множество слов и форм, общих с другими славянскими языками. В IX — XI вв. он был во многих отношениях гораздо ближе к другим славянским языкам, чем современные восточнославянские языки к современным зарубежным славянским языкам: южнославянским (болгарский, сербский, словенский) или западнославянским (польский, чешский и др.).

Особенно много этих общеславянских черт древнерусский язык сохранял в грамматическом строе, заметно отличавшемся от грамматического строя современного русского языка.

Так, в обращении друг к другу все славяне, в том числе и восточные, повсюду, как на юге, так и на севере, употребляли особую «звательную» форму существительного или собственного имени: «Иване», «Игорю», «Петре», «отьче», «Ольго», «сестро» и т. п. Было много своеобразного и в самых формах склонения существительных. Употреблялось «двойственное» число «дъвѣ селѣ», «обѣ сестрѣ», «съ дъвѣма пълкома» и т. п. Вместо «в Новгороде» говорили без предлога: «Новѣгородѣ». Вместо: «я сел на своего коня» говорили: «[язъ] сѣлъ есмь (или: «язъ сѣдохъ) на конь свои». В склонении существительных с основой на *к*, *г*, *х* наблюдалось чередование согласных: «на бѣрезѣ», «на Оцѣ рѣцѣ», «вълци», «друзи», «въ лузѣхъ» и т. п. Дательный падеж от «сын» имел форму «сынови», от

[1] *И. В. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950, стр. 7 и 9.

«Игорь» — «Игореви». Вместо: «со своими учениками» надо было сказать: «съ ученикы своими». Говорили не «теленок», а «теля» и склоняли так: «у нашего телятн», «к нашему телятн», «съ нашим телятьмь» и т. д.

Все полные родовые слова (прилагательные, местоимения и пр.) во множественном числе изменялись по родам в именительном (и винительном) падеже: «добрии сынове», «добрыѣ сестры», «поля широкая». Краткие прилагательные вообще употреблялись гораздо чаще, между прочим, и в таких случаях, как: «деревянъ домъ», «камянъ городъ», «грьчьскъ народъ» и т. п., причем они могли склоняться: «добра человѣка», «о добрѣ человѣцѣ», «на гостинѣ дворѣ» и пр.

Склонение числительных также было своеобразным: «пять на десяте» (15), «три десяти» (30), «изъ дъву съту» (200), «полъ третья десяте» (25) и т. д.

Много особенностей имелось в спряжении. Древнерусский язык отличался обилием форм прошедшего времени. Вместо: «я нес» по-древнерусски можно было сказать: «язъ несохъ» (аорист), «несяхъ» (имперфект), «неслъ есмь» (перфект), «неслъ бяхъ» или «неслъ былъ есмь» (плюсквамперфект). Глагол «есмь» сохранял при этом свое изменение по лицам: «я [язъ] есмь», «ты еси» и пр. В повелительном наклонении говорили: «рьци» (скажи), «рьцѣте» (скажите), «не мози» (не смей), «принесѣте» (принесите) и пр.

Сказуемое могло быть выражено действительным причастием, которое могло употребляться и в краткой форме, причем изменялось по падежам: «суть же кости его тамо лежаче» (его кости лежат там). Говорили: «дружина его рекоша» (т. е. как бы «дружина его сказали», а не «сказала»).

Много особенностей, общих с другими славянскими языками, и много, с нашей современной точки зрения, своеобразного было в произношении слов: еще употреблялись звуки, теперь уже нигде не сохраняющиеся в современном языке, как, например ѣ(ять): «лѣсъ», «сѣяти» и пр., *глухие* гласные ъ, ь: «сън» (сон), «дьнь» (день), «тьмьно» (темно), «къто» (кто), «Смольньскъ» и т. п. Говорили не «Киев», а «Кыевъ», не «погибнуть», а «погыбнути», не «хитрый», а «хытрый», т. е. употребляли сочетания *кы, гы, хы* вместо *ки, ги, хи*. *Шипящие* согласные и *ц* произносились мягко: «кашя», «нашь», «прошю», «вижю», «ножь», «мѣсяць», «овьця» и т. д.

Точно так же и в области словарного состава общего, сходного во всех славянских языках этой древнейшей поры было гораздо больше, чем несходного, различного.

Общеславянские слова, с глубокой древности входившие в основной словарный фонд всех славянских языков, составляли основу и древнерусского словаря. Это были слова (в их восточнославянском звуковом оформлении), употреблявшиеся для обозначения явлений внешнего мира и отношения к ним человека: «вода», «земля», «гора», «небо», «сълньце», «дьнь», «ночь», «звѣзды», «вѣтръ», «дерево», «лѣсъ», «звѣрь», «вълкъ», «заяць», «рыба», «пъта» (или: «пътица» — птица), «человѣкъ», «жена», «жити», «дѣлати», «видѣти», «ѣсти», «ходити», «высокъ», «добръ», «старъ», «красьнъ» и др.; для обозначения частей тела: «рука»,

«нога», «голова», «очи» и др.: термины материальной культуры: «домъ», «хыжа», «клѣть», «окно», «свѣча», «кровъ» (крыша), «стрѣха», «рубъ» (откуда — рубище, рубаха), «хлѣбъ», «коровай» (неизвестное западнославянским языкам), «гърньць» (горшок), «кърчага», «лъжица» или «лъжька» (ложка) и многие другие.

Значительную часть древнерусского словаря составляли производственные слова. Как мы видели выше (см. т. I, гл. 1), земледелие, а также скотоводство, были издавна развиты у восточных славян. Понятно поэтому обилие терминов, относящихся к земледельческому труду и сельскому хозяйству вообще: «рало», «орати» (пахать), «соха», «зьрно», «ръжь», «пьшено», «овьсъ», «гумьно», «мука», «конь», «корова», «быкъ», «овьца», «скотъ», «пасти» и др. Обильной была и терминология ремесел, например для ткацкого дела: «тъкати», «прясти», «веретено», «кудель», «льнъ», «сукно», «полотьно» и др. Из названий орудий производства общеславянскими являются: «сѣкыра» (топор), «ножь», «пила», «игъла» и др. Довольно обширен словарь, относящийся к военному делу: «стрѣла», «лукъ», «щитъ», «кый» (палка), «воевати», «рать», «пълкъ», «труба», «знамя», «мечь», «копье» и др.

Процесс разложения первобытно-общинного строя и формирования классового общества отразился в очень развитой терминологии кровно родственных и социально-политических отношений. Это слова вроде: «отьць», «мати», «дѣдъ», «сынъ», «дъчи», «сестра», «братъ», «стрый» (дядя по отцу), «уй» (дядя по матери), «свекры» (свекровь) и т. д.; такие термины как: «*родъ*» и «*народъ*» (первоначально: «то, что нарождается», «что народилось»), «племя» (из «плед-м-ен»; ср. «плод»), «родина» (семья), «обчина» (община — из «обтjина»; ср. наше «оптом»), «вѣче», «староста», «старѣйшина», «господь» (или «господин», «господарь», откуда «государь» и дальше «сударь»), «робъ», «робыня», «челядь», «воевода», «кънязь» и др.

Общеславянский характер имели некоторые термины языческого культа и искусства. Сюда относятся, например, общеславянские названия языческих богов: «Перун», «Велес», «Сварог» и некоторые другие слова, как: «капище» (языческий храм), «требище» (место треб, жертвоприношений), «божьница» и др. Особую группу составляют слова, относящиеся к области искусства: «гусли», «гудьба» (музыка), «сопѣль», «плясати», «зъдати», «зъдьчий» и др.

Но наряду с основным общеславянским лексическим фондом в древнерусском языке с глубокой древности употреблялись (будучи, повидимому, общими для всех или многих восточнославянских племен) слова, неизвестные другим славянским языкам, но возникшие, как правило, на основе общеславянских слов. Так, например, очень рано, вероятно, в связи с появлением рабовладения, появилось слово «сѣмья» (по памятникам известное с XI в.), употреблявшееся сначала со значением «челядь», «прислуга» («сѣминъ», «сѣмьянинъ» — слуга, работник), а позднее — с обычным значением «семья». Появились и новые названия зверей и домашних животных: наряду со словом «вѣкъша» очень рано вошло в употребление «бѣла», «бѣлъка», может быть, сначала как название

какого-нибудь редкого сорта этого пушного зверька, например «голубой» белки. Помимо употреблявшегося во всех славянских языках слова «пьсъ», у восточных славян получило широкое распространение новое слово «собака», возможно, скифо-сарматского происхождения.

Таких слов было много, но относительно некоторых из них пока трудно утверждать, что они возникли в древности: многие из этих слов пока не обнаружены в памятниках письменности раньше XIII — XIV вв., хотя есть все основания полагать, что их возраст значительно старше. Сюда, между прочим, относится прилагательное «хороший», которое, как думают, по своему происхождению является притяжательным прилагательным (хорошь, -я, -е) от «Хорс», «Хорос» — имени восточнославянского бога солнца.

Древнерусский язык в IX—XI вв. отличался от других славянских не только наличием в его словарном составе неизвестных другим славянам слов, с корнем, неупотребительным в других славянских языках. Разница была и в произношении слов — фонетике: общие слова в славянских языках часто имели неодинаковое звуковое оформление. Например, глагол «нести» восточные славяне произносили с мягким *н* и *т*, тогда как у других славян такой мягкости согласных перед гласными переднего ряда не было, и они звучали полумягко. Восточные славяне говорили: «голова» (с «полногласием», с сочетанием *оло*), тогда как другие славяне произносили это слово иначе: «глава» (предки южных славян, также чехов и словаков) или «глова» (предки поляков), ср. также: «городъ», «градъ», «гродъ»; «берегъ», «брѣгъ», «брегъ»; «молоко», «млѣко», «млеко» и многие другие. Слово «свѣча» звучало с *ч* только в языке восточных славян; другие славяне его употребляли или с *шт* (предки болгар): «свѣштя» → «свѣшта», или с *ц* (предки западных славян): «свѣця» → «свѣца» или с шепелявым звуком (предки сербов): «свѣцчя»; ср. также: «ночь», «ношть», «ноць» → «ноц», «ноцчь» и др.

В состав древнерусского языка входили также слова, характерные для того или иного восточнославянского племени, имевшие распространение, территориально ограниченное пределами племени. Однако очень трудно установить, что то или иное слово определенно является словенским или кривичским, вятичским или древлянским и т. п.

Так, например, можно думать, что только на севере, точнее на словенской, новгородской земле употреблялись такие слова, как «обилье» (хлеб на корню), «пожьня» (покос), «рьль» (заливной луг), «село», «деревня» (пашня), «буй» (кладбище), «олоньсь» (в прошлом году), «одьрнь» (навеки), «тировати» (жить) и некоторые другие. Упомянутые слова встречаются или преимущественно, или исключительно в новгородских и псковских памятниках, сохранившихся в списках, начиная с XIII в.

В этих памятниках, а также в рукописях смоленского происхождения отразились и другие особенности словенского и западнокривичского диалектов. Так, новгородские рукописи XI в. характеризуются смещением букв *ц* и *ч*,

отражающим смешение соответствующих звуков, или совпадение *ч* с *ц* в произношении (например, «цистый»); употреблением *и* вместо *ѣ* («лицемирьствовати»), *жг* вместо *жд* («лъжгь»). В псковских письменных памятниках XIV — XV вв., кроме смешения *ц* и *ч*, имеется смешение *с* и *ш*, *з* и *ж* («наси»—наши, «зелание» — желание), употребление *кл*, *гл* вместо *л* в причастных формах прошедшего времени («привегли») и другие особенности. Смоленские грамоты XIII в. отличаются от новгородских этого времени тем, что, кроме смешения *ц* и *ч*, они знают еще употребление *у* вместо *в* («у Ризѣ» — в Риге).

Труднее установить древнерусские слова, первоначально распространенные только на юге, особенно в Киеве и его окрестностях. Как увидим ниже, единый древнерусский *литературный* язык сложился и развился главным образом на юге, в Киеве; в связи с этим южные по происхождению слова получили широчайшее распространение и проникли в письменность Новгорода, Пскова, Смоленска и других древнерусских городов. Можно полагать, например, что слово «вѣвериця» (белка) сначала употреблялось только в южных диалектах, но через посредство литературного языка очень рано попало и на север. В южном памятнике — Слове о полку Игореве встречается слово «лѣпо» в смысле «хорошо», «красиво». Повидимому, это слово, как и слова «чага», «кащей» (может быть, заимствованные с востока), употребленные в Слове, также южные по происхождению.

Можно предположительно указать и на грамматические и фонетические особенности древнерусского южного диалекта. Как полагают историки языка, формы третьего лица имперфекта с окончанием *ть* (*т*) («бяшеть», «пущашеть», «говоряхуть» и др.), известные нам по тому же Слову о полку Игореве, в древности были южной диалектной чертой. По крайней мере, один фонетический признак — длительное произношение *г* — был явно южного происхождения; потом, вследствие подражания, это произношение в отдельных словах перешло и на север, в частности, в Москву.

О некоторых словах мы можем только сказать, что, например, они не могли быть южными по происхождению; таково, в частности, слово «лошадь», неизвестное в современном украинском языке. И о других словах мы можем судить, исходя из таких же косвенных соображений. Имя «Москва» (сначала — река, потом — город) восходит к слову «москы» (родительный — «москъве»; ср. «свекры», «свекръве» и др.), что значит «влага», имя «Волга» восходит к слову «вълга» (ср. «вългъкый», современное — «волглый»), что значит также «влага». Можно далее полагать, что Москва-река, протекавшая по территории вятичей, и Волга, занятая кривичами первоначально в ее истоках, а позже освоенная ими до среднего течения, получили первая — вятичское, а вторая — кривичское название. Если это так, то выходит, что понятие «влага» передавалось у вятичей словом «москы», а у кривичей — «вълга».

«Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд,— говорит И. В. Сталин,— есть продукт ряда эпох. Надо полагать, что элементы

современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства».[1] Древнерусский язык ушел очень далеко от этих времен, но в его словаре сохранились следы предшествующих ступеней его жизни. Так, специальный термин «уй» для обозначения дяди по матери восходит безусловно к глубочайшей старине материнского рода; развитая номенклатура кровного родства отложилась в условиях родового строя; видимо, тогда же в словарь вошли иноязычные слова соседних племен древней Восточной Европы. Термин «чадь» — «челядь» (дети, слуги, рабы) с его колеблющимся значением сигнализирует о поре разложения родового строя у восточных славян и своеобразных формах патриархального рабства, подготовивших возникновение феодального строя. Наконец, древнерусский язык отразил и сложный мир состояний и отношений эпохи феодализма. Примеров такого рода можно было бы привести очень много.

Таковы в самых общих чертах данные о словарном составе древнерусского языка и его грамматическом строе.

2

Образование и расцвет Киевской державы сыграли огромную роль в развитии древнерусского языка. Политическое объединение восточнославянских племен способствовало ослаблению племенных диалектных различий, усилению единства древнерусского языка. В связи с блестящим ростом культуры, развитием письменности и литературного творчества древнерусский язык приобретает в XI—XII вв. славу одного из наиболее богатых и сильных литературных языков средневековья.

Важнейшее значение в этом процессе имели быстро развивавшиеся древнерусские города с их ремесленной деятельностью и крепкими торговыми связями; они становились центрами притяжения хозяйственной жизни значительных территорий вне зависимости от старых племенных границ. Но среди всех русских городов как в развитии древнерусской культуры в целом, так и в развитии древнерусского языка решающим фактором явилось возвышение Киева, ставшего «матерью градов русских», столицей Киевской державы, средоточием русских и международных торговых связей, величайшим центром разнообразных ремесел и искусства. В разговорной речи киевлян быстро исчезли остатки диалектных особенностей племени полян, на земле которых вырос этот огромный по тем временам город. Нельзя даже определенно утверждать, что в составе населения Киева преобладали элементы южного происхождения. Население Киева непрерывно пополнялось пришельцами из разных удаленных древнерусских областей, в частности, выходцами с севера, которые оседали здесь, становясь киевлянами или по-тогдашнему — «кыянами». Это чрезвычайно разнородное по своему происхождению русское население стольного города Киев

[1] *И. В. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

ской державы представляло все градации социальных положений от княжеско-дружинных верхов и церковников до городской бедноты и боярских холопов. В Киеве постоянно бывали или оседали чужестранцы; после крещения Руси здесь появилось много греков и южных славян, особенно болгар.

В связи с пестротой населения и разговорная речь киевлян, по всей вероятности, сначала отличалась большой пестротой. Потом мало-помалу установилось нечто вроде устойчивого сплава диалектных черт («койнэ»): одни черты были усвоены из диалекта южных племен, другие — из более северных и северо-восточных диалектов словен и кривичей, северян и вятичей, и т. д. Выше мы привели в качестве примера диалектных черт слово «лошадь». Чужеродное на юге, оно тем не менее встречается в известной речи киевлянина Владимира Мономаха на Долобском съезде. Это койнэ, оформлявшееся в условиях жизни большого столичного города и главным образом, повидимому, в среде его привилегированных слоев и книжников, отличалось от народного языка широкой периферии Киевской державы с его территориальными и племенными особенностями, а также от языка простых «кыян» — мелкого городского люда — только своей «пестротой». Но в этой «пестроте» было уже известное постоянство. «Нейтральный» характер этого языка обеспечивал его широкое распространение; он лучше удовлетворял потребностям широких связей Киева со всей Русью, а следовательно, упрочивал единство русского народа.

Надо полагать, что именно на базе киевского койнэ, питавшегося соками народной речи, задолго до крещения Руси, сложился *литературный* древнерусский язык старшей поры. «Общерусский», точнее общевосточнославянский характер его киевской основы обусловил его быстрое распространение — в качестве литературного языка — во всех старых племенных областях, во всех крупных древнерусских городах от Новгорода до Тмутаракани, от Смоленска до Рязани.

Если бы мы знали несколько больше о Евангелии и Псалтыри, написанных «русскими письменами», которые Константин Философ со своими спутниками «обрел» в Крыму около 860 г., во время своего путешествия в Хазарию (о них см. ниже), мы могли бы именно с этих книг начинать историю древнерусского литературного языка. Возможно, что эти книги были написаны на языке восточных славян, живших в Корсуне, и представляли собою один из первых опытов переводческой деятельности древнерусских людей. Однако эта линия развития литературного языка отличается от той его магистрали, которая связана с древнерусским литературным языком, выросшим на базе киевского койнэ.

С большею долею вероятности к ранним памятникам литературного древнерусского языка на народной киевской основе следует отнести договоры Руси с Византией, известные с начала X в., дошедшие до нас в пересказе автора Повести временных лет. Некоторые из них (например, договор 945 г.) были несомненно написаны в Киеве.

Наступление периода феодальной раздробленности, политический распад Киевской державы, усиление замкнутости отдельных областей-княжеств несомненно оказали свое влияние на развитие языка. Новая историческая обстановка способствовала тому, что нормы древнерусского литературного языка иногда колебались в зависимости от местных условий, оживали отдельные диалектные черты, появлялись новые, местные языковые особенности; вследствие связи отдельных княжеств с соседними зарубежными странами входили в оборот различные по происхождению иноязычные слова и т. д. Так, например, местные, диалектные черты Новгородской области (употребление ч вместо ц и наоборот, выражение типа «взяти гривна» и др.) получили отражение и в Русской Правде, и в грамотах. Возможно, что в Великом Новгороде, этом втором крупнейшем центре политической и культурной жизни древней Руси, вследствие своеобразного уклада его общественной жизни, литературный язык в большей степени, чем в других местах, отступал от тех его норм, которые складывались в Киеве. Этому способствовало, конечно, и отсутствие в XI—XIII вв. средств нормализации литературного языка: школьное образование было еще в зачаточном состоянии, не было грамматических пособий и т. п. (см. гл. 7).

Общий быстрый рост культуры, в особенности бурное развитие и специализация ремесел в XI—XIII вв., несомненно влекли за собой появление новых слов для обозначения новых явлений, новых технических приемов и орудий, вводившихся древними мастерами производства, и т. д. Это вело к обогащению словарного состава древнерусского языка. Так, например, в галицко-волынской летописи мы встречаем весьма развитую специальную терминологию архитектурного искусства.

В условиях жизни больших древнерусских городов и постоянных связей древней Руси с соседними народами словарный состав древнерусского языка обогащался и за счет новых иноязычных слов, которые быстро осваивались и входили в повсеместное обращение, передаваясь с севера на юг и наоборот. Так, повидимому, через Новгород, связанный со скандинавско-финским Севером и странами Запада, в разговорную речь, а затем и в литературный язык попали некоторые скандинавские слова, как, например, «вира» (штраф за убийство свободного человека), встречающееся в киевской Мстиславовой грамоте около 1130 г. Из незначительного количества заимствованных финских слов, сравнительно широкое распространение в литературном языке получило «соломя», что значило «пролив», в частности, морской. Давние связи с Болгарией, может быть задолго до крещения Руси, обусловили появление древнеболгарских слов: «овощь», «сладкий» и др. Встречаются в древнерусском языке и некоторые слова тюркского происхождения (проникшие в древнерусский язык сначала где-то на юго-востоке, в Хазарии или в Приазовье), например, «жемчуг», «харалуг» (булат), «япончица» (плащ) и др., известные нам по Слову о полку Игореве. Многие проникшие в древности иноязычные слова — финские на севере и северо-востоке, тюркские на востоке и юго-востоке, литовские на

западе — остаются до сих пор достоянием местной, областной лексики той или иной диалектной зоны.

Обогащая свой словарный состав, усиливаясь и развиваясь, древнерусский язык в свою очередь был источником пополнения словарного состава иноязычных, неславянских народов на окраинах и за рубежами древнерусской земли. Так, мнимые «творцы» русской культуры — норманны заимствовали из древнерусского языка ряд слов, сохраняющихся и в наши дни, в шведском языке, например: lodja — лодка, petschaft — печать, torg — площадь и многие другие. Константин Багрянородный в своем сочинении о народах, написанном около 949 г., утверждает, что печенеги употребляли слово «закон», заимствованное у русов. Греки, как полагают, воспользовались русскими названиями некоторых овощей: aguros (огурец), seuklon (свекла) и др. Надо полагать, из древнерусского языка попало в болгарский и вообще на Балканы слово «роб», с начальным сочетанием *ро* вместо ожидаемого по-южнославянски *ра*: «раб». Особенно много древнерусских слов было заимствовано балтийскими народами и финнами; таковы: в языке эстов — tapper (топор), sahz (соха), torg (торг), lodi (ладья), määr (мера) и др., в финском-суоми — artti (ссора; из «рать») и др.

3

В конце X в. при князе Владимире, в связи с быстрым подъемом древнерусской культуры и, в частности, культуры слова и просвещения, в Киеве и других древнерусских городах появляются книги, составленные на «старославянском» языке (см. гл. 7).

«Старославянским» называется язык, на который в IX в. (после 863 г.) образованными византийцами, Константином (Кириллом) Философом и его братом Мефодием, был сделан перевод с греческого языка основных богослужебных книг (Евангелия, Псалтыри и пр.). Кирилл и Мефодий были, повидимому, славянами из византийского города Солуня (ныне — Салоники), следовательно, македонскими болгарами. По преданию, моравский князь Ростислав задумал обратить в христианскую веру свой народ и завязать союзные отношения с Византией. Он обратился в Константинополь с просьбой прислать к нему ученых людей для проповеди христианской веры. Эта миссия была поручена византийскими властями Кириллу и Мефодию. Чтобы организовать в Моравии христианскую церковь с богослужением на языке, понятном славянскому населению этой страны, братья перевели необходимые богослужебные книги с греческого на тот единственный славянский язык, который они знали с детских лет, т. е. на родной македоно-болгарский язык. В этом и заключалось главное дело их жизни.

С развитием в IX—X вв. литературы на этом языке (на первых порах церковной), с новыми условиями его жизни при широком распространении

в разных славянских странах, новый литературный язык начал подвергаться значительным изменениям. Он стал заметно отрываться от своей и без того довольно условной македоно-болгарской основы, особенно в области лексики и фразеологии. Этот процесс был вызван, с одной стороны, влиянием народной речи тех славянских стран, на территории которых старославянский язык получил широкое распространение,— Моравии и Паннонии (древней Словении), Балкан и даже, как полагают, Польши, а с другой стороны, иноязычными воздействиями. Таким образом, старославянский литературный язык очень скоро утратил свой специфический «древнеболгарский» облик и стал общеславянским *литературным* языком.

Рис. 30. Константин и Мефодий (миниатюра Кенигсбергской лет.)

В X—XI вв. это был уже хорошо разработанный как в грамматическом отношении, так и по своим выразительным средствам литературный язык, не уступавший литературным языкам других европейских народов. Его слабой, но понятной в условиях средневековья стороной была его жанровая замкнутость: это был язык богослужебной, церковно-учительной, церковно-четьей литературы, церковного красноречия и т. д. После официального крещения Руси в конце X в. в Киеве и других культурных центрах Руси старославянский язык начал быстро закрепляться, сначала в качестве языка богослужения и церковной литературы.

От народного древнерусского языка, т. е. языка восточных славян, лежавшего в основе *литературного* языка древней Руси, он отличался во многих отношениях.

Одни и те же слова, с древнейшего времени распространенные в славянских языках, в IX в. по-разному звучали в древнеболгарском (а следовательно, и старославянском) языке и в языке древнерусском. Так, в старославянском нет полногласия: «градъ», «глава», «владѣти», «храбрый», «крава», «брѣгъ», «прѣступити», «млѣко», «плѣнъ» и пр.; а в древнерусском эти слова имели полногласную форму — «городъ», «хоробрый», «корова», «голова», «володѣти», «берегъ», «переступити», «молоко», «полонъ» и пр. Некоторые слова с начальными сочетаниями *ра* в старославянском звучали: «рабъ», «разбити», «растъ», «ладии», «лакъть» и т. д., а в древнерусском: с *ро*, *ло*: «робъ», «розбити», «ростъ», «лодья», «локъть» и т. д., старославянские сочетания *шт* и *жд* заменялись *ч* и *ж* в древнерусском в таких словах, как: «свѣштя» — «свѣча»; «хощеши» — «хочешь»; «ношть» — «ночь»; «дъшти» — «дъчи»; «рештн» — «речи»; «туждъ» (чужой) — «чужь» и т. д. Как упоминалось выше, в старославянском и в древнерусском языках еще произносились глухие гласные ъ и ь. Но в старославянском глухие в сочетании с плавными в определенных случаях ставились (по крайней мере, в письменных памятниках) за плавными («грътань», «млънии», «плъкъ», «врьхъ», «влъкъ»), а в древнерусском — перед плавными («гъртань», «мълнья», «пълкъ», «вьрхъ», «вълкъ»).

Некоторые расхождения были и в грамматике (морфологии и синтаксисе). Так, полные прилагательные в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода в старославянском оканчивались на *аго*, откуда потом *ааго*, *ого*: «добраго», «добрааго»: «синяго», «синяаго» и т. п., а в древнерусском — на *ого*, *его*: «доброго», «синего» и пр. От глагола «нести» имперфект в старославянском имел такую форму: «азъ несѣахъ», «он несѣаше» и т. д., а в древнерусском: «язъ [или «я»] несяхъ», «он несяше» (или «несяшеть»); нашему современному причастию «несущий» в старославянском соответствовали «несы», «несый», а в древнерусском — «неса», «несаи». К синтаксическим особенностям старославянского языка можно отнести такие своеобразные обороты, как «дательный самостоятельный»: «Исусу рождьшуся в Вифлееми» (когда родился).

Еще более значительной разница была в лексическом отношении. Она заключалась не только в разном звучании слов в старославянском и в древнерусском языках («градъ» — «город», «азъ» — «язъ», «седмь» — «семь» и т. д.), не только в том, что, например, в старославянском языке некоторые слова образовывались с помощью суффиксов, не употреблявшихся в древнерусском («пришьствие», «царьствие» при древнерусском — «царьство»).

Старославянский литературный язык, сложившийся в других географических и этнических условиях, чем литературный язык древней Руси, на основе другого, хотя и родственного языка, был орудием международного литературного общения на огромной территории. Поэтому его словарь в течение столетий беспрерывно обогащался за счет других языков славянских и неславянских народов. Эти слова были новыми для языка восточных славян. Таковы, например, слова, попавшие в язык старославянских книг в связи с деятельностью

славянских первоучителей в Моравии и Паннонии: «балии» (врач), «къмотръ» (кум), «клокъва» (дождь), «рѣснота» (истина) и др. Здесь было и большое количество неславянских, преимущественно культовых, слов греческого происхождения («евангелие», «иерей», «икона» и т. п.), отчасти латинского («алтарь», «оцыть» — уксус и др.) и в незначительной мере из готского («црькы» — церковь и др.) и немецкого («попъ», «постъ» и др.).

Мало-помалу старославянский язык стал одним из богатейших литературных языков в Европе IX—XI вв. в отношении своих лексических средств. Он отличался, например, большим набором слов для выражения отвлеченных понятий: «пространьство», «вѣчьность», «разумъ», «истина», «общьство», «вьселенная» и т. д., не говоря об иноязычных словах этой категории, как «аер» (воздух), «философия» и др. Его важным преимуществом сравнительно с другими славянскими языками было обилие синонимических средств для выражения одного и того же или близких понятий: «видѣти» — «зьрѣти»; «врачь» — «балии»; «истина» — «рѣснота»; «островъ» — «отокъ»; «часъ» — «година» и т. д., не говоря уже о таких синонимах, как: «аер» — «въздухъ»; «анагностъ» — «чьтецъ» и др. Таким образом, появление старославянской литературы в древней Руси было фактом глубоко прогрессивного для развития языка значения.

Однако старославянский язык при всех его достоинствах не годился для обозначения простых, обиходных понятий, связанных с древнерусской общественной жизнью и бытом. Он был также недостаточно гибок и богат для выражения эмоций и поэтому мало пригоден в качестве орудия художественного, поэтического творчества; в этом смысле он уступал народному языку восточных славян, особенно в такой сфере его употребления, как фольклор.

Оказавшись после крещения Руси в условиях особенно благоприятствующих его распространению, старославянский язык, как общеславянский литературный язык и орудие религиозно-философской пропаганды, неминуемо должен был вступить в те или иные отношения с древнерусским литературным языком, сложившимся на местной восточнославянской основе. Характер этих отношений зависел от конкретной исторической обстановки, а в известной мере отражал и классовые отношения. Усиление славянизации литературного древнерусского языка или, наоборот, усиление и укрепление в литературе элементов народной речи иногда было связано с борьбой церкви и княжеской власти, со сменой политических режимов.

Уже с первых десятилетий своего развития в условиях древней Руси старославянский язык даже в богослужебных книгах стал заметно проникаться русской языковой стихией. Южнославянские и, в частности, болгарские особенности оригинала при переписывании очень часто заменялись древнерусскими. В Остромировом евангелии 1056—1057 гг. исследователи насчитывают сотни случаев неправильного (с точки зрения норм старославянского языка) употребления *юсов* и *еров*, много случаев замены сочетания *жд* в таких словах, как «рождьство», посредством *ж* и т. д. В других богослужебных книгах XI в.

восточнославянских черт встречается еще больше. В новгородских служебных Минеях 1095—1097 гг. получили отражение даже такие характерные местные диалектные особенности произношения, как «цоканье». Этот процесс ассимиляции старославянского литературного языка с живой древнерусской народной речью быстро усиливался в XII—XIII вв.

В свою очередь и древнерусский литературный язык, сложившийся на родной, восточнославянской почве, не мог остаться без воздействия старославянского языка, литературные достоинства которого хорошо понимали деятели русской культуры XI—XII вв. Даже в произведениях более или менее светского характера писатели обращались к этому источнику, чтобы обогатить свой словарный материал, сделать свой язык еще более точным и усилить его выразительные средства. Они, например, хорошо знали, что многие старославянские слова, отличающиеся от соответствующих древнерусских слов в фонетическом отношении, могут быть использованы для различения понятий, передачи оттенков мысли и для стилистических целей. Так, уже автор Повести временных лет употребляет не случайно, но с тонким художественным или смысловым расчетом полногласные и неполногласные сочетания типа «город» — «град». С помощью подобных вариантов в Повести дифференцируются значения слов и стилистическая окраска мысли: о церкви говорится «храм», а о жилом доме — «хором» («хоромов рубити»), о боге: «велика власть его», а о князе: «то есть волость отца моего»; «любовь храните», но «в земли не хороните»; о дьяволе говорится только «враг», а о неприятеле можно было сказать и «ворог»; о днепровских порогах можно было сказать только «пороги», тогда как в других случаях говорили и «прагъ» (например, церковный); о русском Киеве говорится «город Киев», а о древнем Вавилоне — «град Вавилон». Полногласные сочетания используются для прямой речи, неполногласные обыкновенно встречаются вне прямой речи. Иногда неполногласные сочетания заменяются полногласными по соображениям «благозвучия», чтобы избежать частого повторения одинаковых сочетаний звуков: «выгнал из города... изиде из града» и т. п.

Однако внимательный анализ важнейших литературных произведений XI—XIII вв. и языка древнерусских актов свидетельствует, что при соприкосновении и взаимодействии со стихией старославянского языка древнерусский литературный язык всегда обнаруживал свою самостоятельность и устойчивость.

Так, в Мстиславовой грамоте около 1130 г., за вычетом начальной формы улы «Се азъ Мьстиславъ», напоминающей грамоты болгарских царей («аз» при народном «я»), не оказывается никаких бесспорных следов влияния старославянского языка. Так же и во вкладной грамоте Варлаама Хутынского конца XII—начала XIII в., где, несмотря на то, что она была написана церковником, за исключением концовки «и въ сь вѣкъ и в будущий» (с суффиксом *ущ*), не наблюдается никаких старославянизмов. Сюда относится и очень близкий по языку к грамотам знаменитый «свод законов» древней Руси — Русская Правда,

составленный в XI в. (если не раньше), вероятно, в Новгороде. Этот памятник почти совершенно чужд какому бы то ни было воздействию со стороны старославянского языка, хотя Правда дошла до нас не в подлиннике, а в списках, не ранее конца XIII в., когда «славянизация» литературного языка уже заметно усилилась.

На литературном поприще в XI—XII вв. уже подвизались писатели, одинаково свободно писавшие как на руссифицированном старославянском языке, так и на киевском койнэ. К ним можно отнести, например, Владимира Мономаха. Его Поучение написано частью на старославянском, частью на древнерусском, изобилующем старославянизмами языке, но мемуары Мономаха — его воспоминания о «путях» и «ловах» — на разговорном языке киевлян его круга.

На киевском койнэ — чистом или с известной примесью славянизмов — писались и летописи, начиная с Древнейшего киевского свода, возникшего около 1039 г. и вошедшего в состав Повести временных лет (1116—1118), составленной также в Киеве. Эти летописные своды дошли до нас в позднейших списках, в частности в Лаврентьевском списке летописи 1377 г., и, следовательно, подверглись в течение времени интенсивной славянизации в отношении языка и стиля. Несмотря на это, первоначальный народный облик языка летописных сводов хорошо сохранился. В этом отношении особый интерес представляет Древнейший киевский летописный свод. Здесь «совершенно исключительное значение для всего последующего летописания имел самый выбор языка, на котором велась летопись,— простого, ясного, лишь в малой степени впитавшего в себя славянизмы книжной церковной речи ... Русский язык Древнейшего летописного свода ... разительно контрастировал с языком большинства одновременных ему западноевропейских хроник (кроме англо-саксонских), составлявшихся на чужом, непонятном народу латинском языке» (Д. С. Лихачев).

Наиболее значительным событием в истории древнерусского литературного языка было появление в конце XII в. Слова о полку Игореве. Оно дошло до нас в одном из позднейших списков, видимо, XVI в. Поэтому в его языке имеется немало славянизмов, причем многие из них явно восходят к XIV—XV вв., когда церковь и некоторые писатели особенно упорно стремились славянизировать книжный язык (например, «вещіа пръсты» и др.). Первоначально же Слово было составлено и написано на том же киевском койнэ, может быть только слегка отражавшем все усиливавшееся к концу XII в. влияние старославянского языка. Плач Ярославны с его единичными славянизмами («гласъ», «на забралѣ», «жаждею») может служить образчиком такого языка.

В Ростово-Суздальской области в конце XII — начале XIII в. появилось другое выдающееся произведение древнерусской литературы — Моление Даниила Заточника; но и этот северный памятник также был написан в основном на народном языке, очень близком к киевскому койнэ.

Все это свидетельствует, что автор Повести временных лет и его младшие современники и ученики — русские писатели XII—XIII вв.— отчетливо понимали, что чуждая и архаическая старославянская речевая стихия может быть «побеждена», т. е. творчески использована для дальнейшего усовершенствования и обогащения и без того высокоразвитого древнерусского литературного языка. Его художественная выразительность и гибкость сделали возможными такие различные и сложные литературные явления, как историческое повествование летописного жанра, лирика Слова о полку Игореве, риторика и отвлеченное богословие произведений Илариона и Климента Смолятича, юридическая проза Русской Правды и т. д. Обогащение древнерусского литературного языка шло не только за счет книжных заимствований, старославянизмов, словесных новообразований переводчиков и т. п., но и путем проникновения в художественные произведения языка народной поэзии. Язык фольклора получил явное отражение и в Повести временных лет, и в Слове о полку Игореве.

Для периода, предшествовавшего татаро-монгольскому вторжению, можно привести особенно много примеров глубоко сознательного отношения древних русских книжников к языку своих произведений, являвшихся образцами литературного мастерства. Так, например, составитель Владимирского свода 1212 г., реформировавший язык летописания, заменял малопонятные книжные и устаревшие выражения своих предшественников более современной и вразумительной лексикой. Еще в конце XI — начале XII в. существовало несколько литературных школ, резко отличавшихся в своем отношении к языку. В то время как Нестор и книжники Киево-Печерского монастыря систематически применяли славянизмы книжной речи, летописцы княжого Выдубицкого монастыря в большей мере использовали живой народный язык. Язык устной, разговорной речи заметно ощущается в I Новгородской летописи.

Насколько быстро шло развитие древнерусского литературного языка, ясно показывает сравнение тяжеловесных переводов греческих хроник, сделанных в Болгарии, с изящным и тонким переводом одного из лучших произведений мировой литературы того времени Повести Иосифа Флавия о взятии Иерусалима, принадлежащим русскому переводчику. Он не только правильно, но и с большим художественным чутьем передает содержание Повести, сплошь и рядом давая чувствовать ритмическую структуру языка оригинала, и с полным правом может быть назван первым художественным переводом на русском языке.

4

Для суждения о времени, условиях и обстоятельствах возникновения древнерусской письменности имеется очень немного данных. Поэтому и в их истолковании у отдельных исследователей уже давно обнаружились серьезные противоречия, которые не разрешены и в настоящее время.

Суть разногласий в основном заключается в том, что одни ученые признают существование письменности у восточных славян задолго до крещения Руси, т. е. вне связи с появлением старославянских книг в X—XI вв.; другие считают, что письменность появилась на Руси лишь после крещения и что древнейшим русским письмом была так называемая «кириллица» — алфавит, созданный «славянскими первоучителями».

Отметим прежде всего, что вопрос о возникновении письменности в древней Руси нельзя смешивать с вопросом происхождения древнерусского литературного языка. Какие-то формы письма (может быть, даже *не одинакового* характера в *разных* районах древней Руси, например, на севере и на юге) возникли, надо полагать, задолго до того, как сформировался более или менее «общий» для всех областей Киевской державы, в известной мере «нормализованный», более или менее «обработанный», словом, «литературный» язык. Можно допустить, что древнерусский литературный язык мог первоначально развиваться и в условиях «устной литературы» — фольклора, устойчивых и традиционных формул воинских, посольских и иных речей (см. гл. 5 и 6). Но естественно думать, что литературный язык имел гораздо большие возможности оформляться, обогащаться, развиваться и шлифоваться уже *при наличии* достаточно развитой, длинообразной и в какой-то мере «нормализованной», т. е. подчиненной известным правилам орфографии, письменности, чем при отсутствии ее. Даже в отношении кирилловского письма приходится признать, что оно появилось на Руси по меньшей мере за несколько десятилетий до официального крещения. Другие же «системы» письма могли возникнуть у восточных славян и еще раньше. Правда, мы не имеем не только книг, но и вообще письменных памятников языческой поры, если не считать договоров с греками, пересказанных в Повести временных лет, и некоторых надписей. Однако у нас имеются серьезные основания предполагать, что эти древнейшие рукописи и акты не сохранились, не дошли до наших дней, как не дошли, например, языческие деревянные храмы с их изваяниями и резьбой и произведения деревянного гражданского зодчества, в существовании которых мы не сомневаемся (см. гл. 8). В ряде глав этой книги показано, что многие стороны культуры древней Руси, считавшиеся ранее плодом «прививки» византийского «просвещения», в действительности имеют свою глубокую восточнославянскую «доисторию» (см. гл. 8, 10, 12). Древнерусский литературный язык, как мы знаем, также уходит своими историческими корнями в недра славянской и, в частности, восточнославянской древности. Исходя из этих соображений, законно пристальнее взглянуть и на те скудные факты, которые позволяют говорить о местном и более древнем происхождении восточнославянской письменности.

В Сказании о письменах болгарского писателя X в. черноризца Храбра мы читаем: «Прѣжде убо словѣне не имѣху книгъ, но чрътами и рѣзами чьтяху и гадаху погани суще. Крестившежеся римъсками и гръчьскыми писмены нуждаахуся словѣнскы рѣчь безь устроениа», т. е. пока славяне были язычниками,

они читали и «гадали» при помощи зарубок и знаков в виде черточек, а после крещения они стали пользоваться для записи славянской речи латинскими и греческими буквами. Однако, поясняет далее автор, при помощи латинских и греческих букв было невозможно изобразить многие слова с славянскими звуками, отсутствовавшими в древнегреческом произношении, как, например, *б*, а также шипящие — *ѕ* и *ц*, носовые гласные, «ять» (ѣ). «Так продолжалось долгое время,— говорит далее Храбр,—пока не явился, наконец, Константин Философ...».

Отдельные группы славянства, как известно, стали принимать христианство по крайней мере с VII в. Случаи раннего обращения в христианскую веру имели место и среди восточных славян. В середине IX в. в Киеве новообращенных христиан было уже довольно много (см. гл. 3). Много христиан было и среди славянского населения Крыма и Хазарии. Вполне допустимо, что существовали и необходимые при богослужении книги.

Поэтому свидетельство Жития Константина (Кирилла) о наличии книжной письменности у восточных славян в IX в. представляет для нас особый интерес. В VIII главе Жития, как известно, рассказывается, что во время путешествия в Хазарию (ок. 860 г.) Константин Философ со своими спутниками задержался на некоторое время в Крыму. В городе Корсуне (Херсонесе) он «обрел» Евангелие и Псалтырь, написанные русскими буквами («русьскыми письмены»), а потом нашел и человека, который говорил на этом языке. Речь идет несомненно о каком-то восточном славянине, русине. На этот счет не существовало сомнений в древней Руси. В одной из русских рукописей XV в. прямо говорится: «а грамота русская явилася, богом дана, в Корсуне русину, от нея же научися философ Константин». Нет оснований сомневаться в этом и в настоящее время.

Естественно думать, что корсунские книги были написаны не только русскими буквами, но и на древнерусском языке. Это подтверждается дальнейшим рассказом Жития о том, что Константин научился читать эти книги очень скоро, так что его спутникам — грекам — показалось, будто произошло великое чудо. На самом деле никакого чуда не было; как говорилось выше, Константин (Кирилл) и его брат Мефодий были македонскими славянами и говорили на языке, очень близком к древнерусскому.

Несмотря на то, что обо всем этом в Житии рассказывается очень ясно и просто, и что слова «Русь», «русский» в IX, а тем более в X в., когда было составлено Житие, употреблялись со значением «восточное славянство», «восточнославянский», ученые в течение долгого времени не могли договориться, о каких *русских* буквах идет здесь речь. В связи с общим искаженным представлением об «извечной отсталости» славян и Руси установилось мнение, что это было какое-то чужеродное, «заимствованное» письмо. Одни утверждали, что речь идет о готских буквах, другие — о скандинавских (норманских), некоторые читали вместо «русьскыми письмены» — «сурьскыми», т. е. «сирскими» — сирийскими, и т. д. Одни ученые полагали, что это было руническое письмо, руны, нечто вроде тех рунических знаков, которые были известны и норманнам,

в свою очередь заимствовавшим эту систему письма откуда-то с юга, и готам и иным народам. Другие высказывали мысль, что это была одна из тех попыток приспособления греческого алфавита для записи славянской речи, о которых как раз и упоминает черноризец Храбр. Многие, наконец, склоняются к мысли, что «русские» буквы корсунских книг не что иное, как один из двух старославянских алфавитов.

Сохранившиеся памятники старославянского языка (конца X и XI вв.) написаны не одной азбукой, а двумя разными и совсем непохожими одна на другую. Одни написаны «кириллицей», очень напоминающей наши современные печатные заглавные буквы (рис. 31), другие — «глаголицей» (рис. 32). Между тем в Житии Константина Философа говорится только об одной, а не о двух азбуках. Об одной азбуке упоминает и Храбр, говоря о Константине Философе. Которую же из двух этих азбук составил прославленный солунянин?

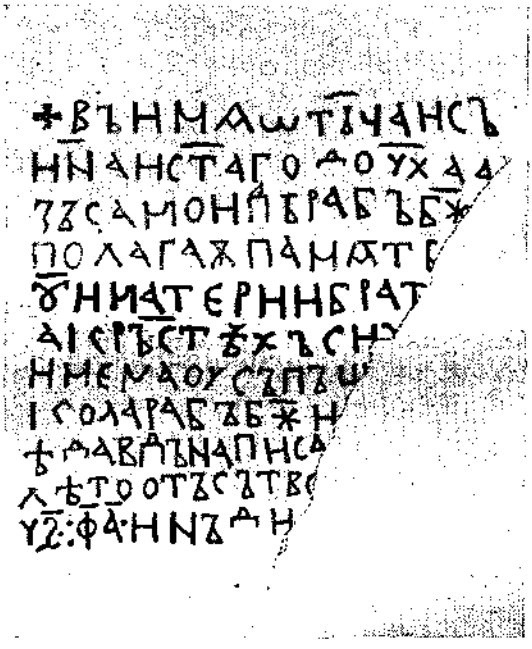


Рис. 31. Образец кириллицы (Самуилова надпись).

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего учесть поразительную близость большей части букв кириллицы (за вычетом знаков, обозначавших чисто славянские — македонославянские, солунские звуки, отсутствовавшие в древнегреческом литературном произношении) к буквам «уставного» или «литургического» греческого письма середины IX в. Азбука понадобилась Константину Философу для перевода с греческого (на язык славян-солунян) прежде всего богослужебных книг. Для этой цели и естественнее всего было воспользоваться «уставным» греческим письмом, которым писались богослужебные книги в Византии.

Глаголическое письмо вовсе не похоже на «уставное» письмо греков. Попытки же ученых объяснить происхождение глаголицы из греческой скорописи не увенчались успехом.

Таким образом, более вероятно, что Константин (Кирилл) Философ составил только один алфавит, названный по его имени *кириллицей;* надо полагать, что он воспользовался опытом древнерусских людей в Корсуне и прибавил к греческим уставным буквам, обозначавшим звуки, общие для славянского и

греческого происхождения, несколько букв для обозначения чисто славянских звуков.

Глаголица же, согласно широко распространенному мнению, возникла значительно раньше кириллицы и при каких-то иных условиях. О том, что глаголица вообще — один из очень ранних опытов составления алфавита, приспособленного для передачи славянского произношения, между прочим, свидетельствуют и некоторые особенности этого алфавита, например, наличие повторяющихся письменных знаков или их деталей и др.

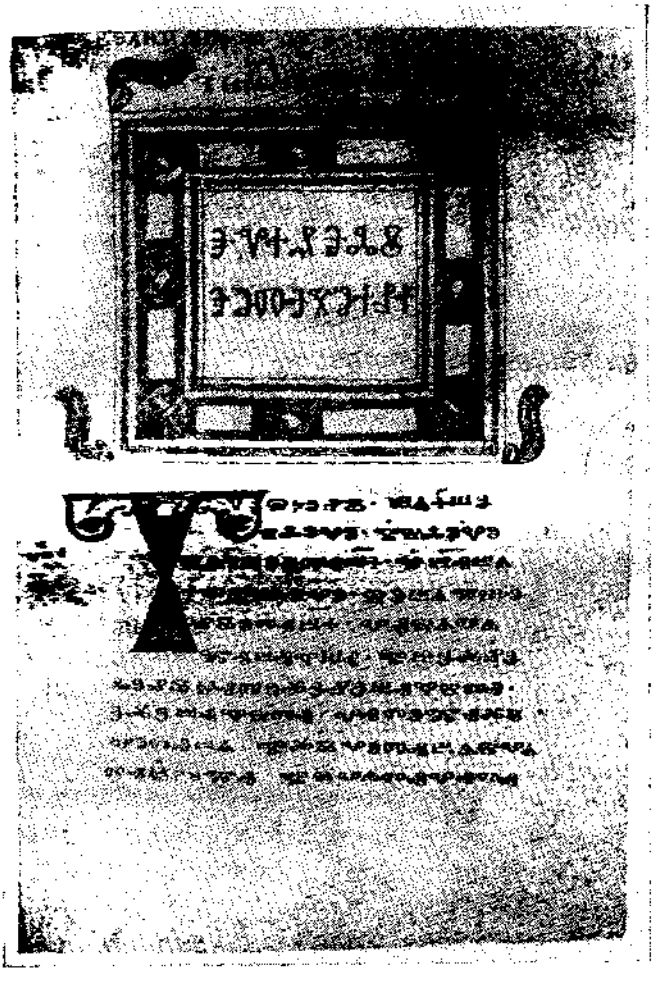


Рис. 32. Образец глаголицы (Зографское евангелие).

Не углубляясь в рассмотрение сложного вопроса о происхождении глаголицы, отметим только, что глаголические буквы в их значительной части восходят к письменной традиции народов юго-востока и особенно Причерноморья. Высказывалось предположение о связи глаголических букв с письменными знаками грузинского и отчасти армянского алфавита. Глаголические буквы *ш* и *ц* и возможно *к*, как полагают многие исследователи, были заимствованы из древнееврейского письма, широко употребительного в IX в. в Крыму и в Хазарии. Указывалось также, что некоторые глаголические буквы весьма напоминают загадочные письменные знаки на некоторых памятниках материальной культуры, найденных на территории бывших греческих колоний (Ольвия, Феодосия, Херсонес и др.) и относящихся, вероятно, к первым столетиям нашей эры. Эти письменные знаки (например, ольвийские надписи) частью восходят

к греческим буквам, а частью представляют собою какие-то «черты и резы»,— знаки рунической системы.

Все это позволяет думать, что глаголическое письмо возникло где-то в северном Причерноморье в результате *длительного* процесса развития из «черт и резов», как и некоторые иные системы письма. «Отнюдь не являлось бы смелым предположение,— пишет академик С. П. Обнорский,— о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антского периода», т. е. VI—VII вв.

«Обретенные» в Корсуне Константином Философом Евангелие и Псалтырь, можно полагать, как раз и были памятниками раннего восточнославянского глаголического письма. Константин Философ из этой азбуки воспользовался, главным образом, буквами, употреблявшимися для обозначения славянских звуков, отсутствовавших в современном ему греческом языке: например, *б, ш, ж, ч, у*, носовых гласных, ѣ, упростив и несколько изменив рисунок этих знаков в духе уставных греческих букв и вообще модифицировав их.

Ввиду того, что кириллица в IX—X вв. получила широчайшее распространение в разных славянских странах, она и в древней Руси, вскоре после крещения, получила значение официального письма, признанного и одобренного светской и церковной властями. Именно это обстоятельство и объясняет факт исчезновения не только ранней, но и поздней глаголицы в древней Руси. Иначе обстояло дело в других славянских странах, где она получила распространение (возможно, еще при жизни Константина Философа) на одинаковых правах с кириллицей (как, повидимому, на Балканах, за исключением восточной Болгарии), или даже заменяла кириллицу; в Моравии и Паннонии, в период гонений на восточную церковь, глаголица, возможно, играла роль тайнописи. Но это была глаголица уже несколько измененная, вследствие сближения с кириллицей.

Мы не знаем ни одной древнерусской книги, ни одной грамоты, написанных глаголицей, но отдельные глаголические буквы, а иногда и целые слова и даже строки встречаются среди кирилловского текста. Так, в Книге двенадцати малых пророков новгородского попа Упыря Лихого, написанной в 1047 г., но дошедшей до нас в поздних списках, отмечено около 90 глаголических букв и целые слова (преимущественно имена пророков), написанные глаголицей. Известны и другие подобные книги. Но глаголические буквы встречаются не только в книгах. Например, упрощенное глаголическое *л* известно на одной из монет времени князя Владимира Святославича. Они встречаются и среди надписей XI—XII вв. на внутренних стенах новгородского Софийского собора. В одной из этих надписей, сделанной в общем кирилловскими буквами, слово «грешный» целиком написано глаголицей. Очевидно, глаголица в древней Руси ни в XI в., ни позже еще не была окончательно забыта, но ее употребление было ограничено определенными случаями, например, когда к ней приходилось прибегать из ритуальных соображений, когда требовалось зашифровать то или другое личное имя и т. п.

О существовании письменности на Руси в IX—X вв. свидетельствуют неоспоримые данные. Так, из договора Олега 911—912 гг. известно, что давняя «дружба» между христианами-греками и языческой Русью «многажды» была подтверждена «не только словом, но и *писанием*». Это место трудно истолковать иначе, как свидетельство о наличии каких-то более древних письменных договорных актов, относящихся, видимо, к IX столетию. Все они, надо полагать, составлялись в двух списках на языке обеих договаривающихся сторон. В цитированном договоре, а также в договоре 944—945 гг. идет речь о двух «харатьях», т. е. писанных на пергамене документах. В договоре 911—912 гг.,

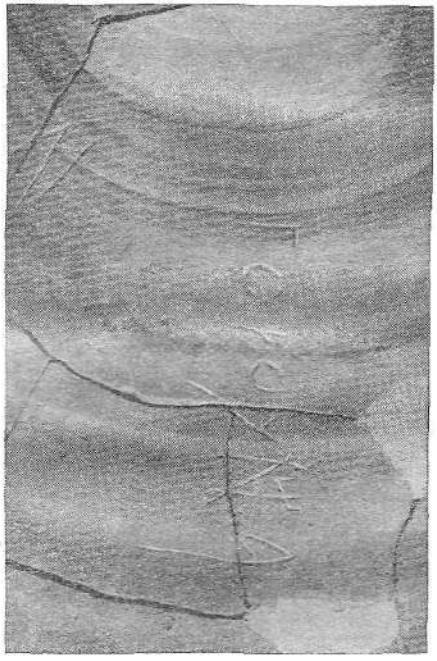


Рис. 33-34. Сосуд с надписью X в. (Гнездово. Раскопки Д. А. Авдусина).

кроме того, говорится, что, если кто-либо из русских людей, «работающих в Греческой земле у христианского царя», умрет, то его имущество должен наследовать тот, «кому будетъ писалъ наслѣдити», т. е. кому покойный «отписал» его по завещанию. Следовательно, на рубеже IX—X вв. составлялись письменные «духовные» грамоты, очевидно, на древнерусском языке, причем в начале X в. об этом говорится как о давно заведенном обычае.

Договорные грамоты с греками несомненно были написаны в X в. на древнерусском языке, хотя и можно допустить, что в некоторых случаях текст сначала составлялся на греческом языке, а потом сразу переводился на русский. Возможно, что, по крайней мере частично, они были написаны глаголицей,

а потом уже переписаны кириллицей для автора или самим автором Повести временных лет, в связи с чем и находятся некоторые «темные места», например, в договорах 945 и 971 гг.

К одному времени с древнейшим договором с греками относится найденный в Гнездовском могильнике глиняный сосуд приблизительно первой четверти X в. с надписью кирилловскими буквами (рис. 33—34). Эта надпись читается, как «горухща» т. е. «горчица», «горчичное семя или вообще — какая-то горькая пряность». Однако вторую половину этого слова можно прочесть и иначе, как: «гору|шна», (т. е. «горушьна»; ср. «зьрно горушьно», мн. «зьрна горушьна»). Таким образом, надпись означала, что в сосуде хранились горчичные зерна.

Итак, письменность на Руси существовала в IX—X вв. Это было развитое буквенное письмо, которым пользовались для составления публичных и частных актов и в быту.

Но наряду с этим письмом, как пережиточное явление, существовали также и какие-то другие формы письма, может быть те же «черты и резы».

Араб Ибн-Фадлан (920—921), рассказывая о погребении знатного руса, сообщает, что участники похорон «соорудили нечто вроде круглого холма, воткнули в середину его большой кусок белого тополя, написали на нем имя того мужчины и имя царя русов и удалились». Как написали, какими письменными знаками они пользовались — мы не знаем. Арабский географ Масуди, умерший в 956 г., в своем сочинении Золотые луга утверждает, что в одном из русских (очевидно, языческих) храмов он видел написанное на камне «пророчество». Другой арабский писатель Ибн-Эль-Недим рассказывает, что он видел (в 987 г.) русскую запись, вырезанную на «дереве» (дощечке), и даже дает образец этого письма, не имеющего, однако, ничего общего ни с глаголицей, ни с латинскими, ни с греческими буквами; даже трудно решить, на основании слов самого Ибн-Эль-Недима, выражались ли этими знаками целые понятия, или они были буквами.

В конце XIX в. при раскопках В. А. Городцова в окрестностях села Алеканова б. Рязанского уезда был найден глиняный горшок X—XI в. с изображенными на нем загадочными знаками, которые и получили в науке название «алекановских». В. А. Городцов считал их письменными знаками вятичей, привлекая в подкрепление своей гипотезы цитированные свидетельства арабских писателей.

Подобно тому, как на Западе, христианизация соседних с Русью народов сопровождалась распространением «латиницы», латинского алфавита, который вытеснял все другие, более ранние и менее совершенные формы письма,— на Руси, сразу после крещения, происходит окончательное утверждение кириллицы в качестве письменной нормы. Мы говорим: «окончательное утверждение» потому, что, как мы видели выше, древнерусские люди задолго до 988 г., через олгар или другим путем, познакомились с кирилловским алфавитом и пользовались им.

Наличие давней культуры кирилловского письма на Руси объясняет стремительный рост книжных сокровищ в Киеве, Новгороде и других городах в первые десятилетия после крещения. Об Ярославе Мудром в летописи рассказывается, что он «сбора *писцъ многы* и прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо и

Рис. 35. Остромирово евангелие (1056-1057).

списаша книгы многы» (Лавр. л., 1037). Можно полагать, что среди этих книг было немало шедевров. Остромирово евангелие 1056—1057 гг., самая древняя из сохранившихся наших книг (рис. 35), написано настолько красивыми, артистически исполненными кирилловскими уставными буквами, а вся книга в целом с таким вкусом и так богато украшена орнаментом и миниатюрами (рис. 40 и 42), что является непревзойденным образцом русского книжного искусства древности. За спиной писца Остромирова евангелия чувствуется традиция

каллиграфического мастерства. Ни одна из старославянских рукописных книг балканского происхождения XI в. не может выдержать никакого сравнения с Остромировым евангелием, занимающим выдающееся место в сокровищнице мировой культуры.

Как можно судить по ряду памятников древнерусской эпиграфики, по разного рода надписям на предметах, зданиях и т. п., письменность, а следовательно и грамотность в древней Руси в XI—XIII вв. уже перестала быть достоянием только узкого круга господствующих слоев общества. Она проникла и в толщу народных масс, в среду городских ремесленников и торговцев, а может быть и крестьянства. Выше (см. т. I, рис. 98) мы видели киевскую амфору XI в., на которой мастер-гончар сделал длинную надпись кирилловскими буквами. Подобная надпись найдена также на обломке амфоры XI—XII вв. в Старой Рязани. Многочисленны надписи и метки на шиферных пряслицах (сделанные девушками, чтобы отличить свое пряслице; см. т. I, рис. 70). Сапожники Великого Новгорода надписывали имена заказчиков на изящных «индивидуальных» колодках для обуви знати. На стенах собора Софии новгородские простые люди XI в. оставили множество процарапанных надписей (графитти) разнообразного содержания. Клирошане и молодые служки киевского Софийского собора не стеснялись делать на соборных хорах и даже в жертвеннике одного из приделов озорные надписи.

Древность культуры письма на Руси и ее широкое распространение явились прочной основой развития просвещения и литературы XI—XIII столетий.

ЛИТЕРАТУРА

Язык

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, М., 1950
Виноградов В. В. Русский язык. «Большая Советская Энциклопедия», т. 9, 1941.
Виноградов В. В. Великий русский язык. М., 1945.
Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы. Пгр., 1922 (глава «Древнерусский литературный язык», стр. 65—84).
Обнорский С. П Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, 1946.
Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. 1916.
Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пгр., 1915.
Шахматов А. А. Русский язык, его особенности, «История русской литературы до XIX в.» под ред. А. Е. Грузинского. М., 1916.

Письмо

Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М., 1936.
Чаев Н. С. и *Черепнин Л. В.* Русская палеография, М., 1947.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФОЛЬКЛОР

А. Н. Робинсон

1

Задолго до появления письменности восточнославянские племена обладали разнообразной устной поэзией (фольклором). Она предшествовала возникновению русской литературы, а в дальнейшем, сопутствуя ей, во многом подготовила и определила ее прогрессивные идейные черты и самобытные художественные особенности. Как язык и литература, так и фольклор домонгольского периода имел общерусский характер. Лишь много позднее наметились черты различия между фольклором великорусским, украинским и белорусским. Все это определяет огромное значение фольклора в истории русской культуры древнейшей поры.

Однако изучение русского фольклора домонгольского времени связано с большими и часто непреодолимыми трудностями. Записей подлинных текстов произведений древней народной поэзии, сделанных в пору их сложения и бытования, не существует. Немногие записи-обработки относятся к XVII в., бóльшее количество записей было сделано в XVIII в., а основная их масса — в более позднее время. Поэтому о фольклоре Руси X—XIII вв. мы судим по позднейшим образцам традиционной народной поэзии, выделяя древние черты их содержания и стиля и привлекая вспомогательные материалы, как, например, отголоски фольклора в древнерусских литературных памятниках, свидетельства путешественников и пр. Многие стороны русской народной поэзии домонгольского периода остаются поэтому до сих пор почти неизученными, а наши научные суждения о ней во многом предположительными.

Киевская Русь унаследовала от предшествующего периода жизни восточных славян различные формы фольклора. В их числе были, повидимому, трудовые песни, тексты которых легко импровизировались и видоизменялись в зависимости от характера работы и отношения людей к своему труду. Ритм этих

песен подчинялся ритму работы и, в свою очередь, объединял и облегчал трудовые усилия работающих.

Были здесь и заговоры или заклинания — словесные произведения, которым приписывалась магическая способность воздействовать на внешний мир. Заговоры эти были тесно связаны с хозяйственной деятельностью (заговоры земледельческие, пастушеские, охотничьи) и с заботой о благополучии человека (заговоры от болезней, любовные и др.).

Один из древнейших жанров фольклора — календарные обрядовые песни были связаны главным образом с земледельческим культом, с представлениями о том, что хозяйственное благополучие может быть обеспечено усердным поклонением божествам, олицетворявшим силы природы. Магическое призывание божества, служение ему и проводы составляли повторяющиеся циклы календарных обрядов, которые сопровождались народными праздниками, плясками и песнями, гаданиями и заклятьями, разнообразными по своему содержанию, настроениям и характеру исполнения. В Киевской Руси распространены были обрядовые праздники встречи и проводов зимы (коляда и масленница), весны («радуница» и «семик»), лета («русалии» и Купала) и осени (древние названия их неизвестны).

Широкое распространение имел и бытовой обрядовый фольклор — богатые поэтическими красками свадебные песни, похоронные причитания, песни на пирах и тризнах.

Простейшие сказки — «бывальщины» — рассказывали о домовых, леших, водяных, в реальное существование которых верили. Хорошо были известны и сказки о животных. Народные идеалы и надежды нашли свое отражение в сказках о чудесной судьбе героев-крестьян.

Наряду со сказками создавались предания и легенды, в которых народ стремился отразить и осознать свое историческое прошлое. В древнейшую пору возникали рассказы и песни героического характера, мифы о героях; одним из очень древних можно считать, например, сюжет о борьбе героя со змеем — олицетворением зла,— известный и в позднейших былинах и сказках.

Этот древний фольклор, как определенная форма народного творчества, отличался практически-трудовым характером. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей — язык реальной жизни». [1]

Примитивная языческая религия, покоившаяся на зависимости первобытного человека от явлений природы, на неумении людей объяснить себе истинный смысл этих явлений, оказывала сильнейшее влияние на поэтическое народное творчество, заставляя его служить своим целям.

Формирование Киевского государства, процессы классообразования и феодализации общественных отношений, введение христианства,— все эти истори-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Немецкая идеология. Партиздат, 1935, стр. 16.

ческие сдвиги не могли не отразиться на фольклоре. В условиях этих крупнейших изменений в развитии общества народная поэзия не может представляться как нечто единое, как явление, всюду и всегда, во всех своих формах, имевшее одинаковое общественно-историческое значение. Так, например, заговоры и календарные обряды, продолжая еще долгое время прочно держаться в быту, уже тогда сделались пережитком старины, а иногда и орудием идеологической борьбы уходящего в прошлое язычества с христианством. Подобные жанры фольклора почти не оказали влияния на формирующуюся литературу Киевского государства. Напротив, пословицы и загадки оказались более подвижными: отражая некогда наряду с бытовыми явлениями и дохристианские религиозные представления людей, они теперь включали новое идейное содержание, отвечавшее новым потребностям общественной и политической жизни. Исторические предания получили более широкое развитие: они стали отражать новый, более высокий этап в исторических представлениях народа и тщательно собирались летописцами. Разнообразные произведения фольклора, унаследованные Киевской Русью от первобытно-общинного периода истории восточных славян, постепенно изменялись в новой обстановке феодализирующегося общества, становились более сложными и богатыми (например, свадебный обряд приобрел характер сложной «свадебной игры»), делались более заостренными в социальном отношении.

Однако старые формы фольклора были бессильны отразить те ростки нового в народном самосознании, которые возникли в период образования Киевского государства, не могли поэтически изобразить те сложные, тяжелые условия борьбы с внешними врагами, в которых протекал исторический процесс. Это противоречие разрешилось появлением нового вида устной поэзии — русского народного эпоса, ставшего основной формой фольклора. Естественно, что именно исторический эпос, отражавший основополагающие народные идеи единства и мощи Русского государства, оказал наибольшее влияние и на молодую русскую литературу. Эпос, как новый и ведущий жанр фольклора, начал сравнительно быстро христианизироваться, перерабатывать старые мифологические сюжеты (например, сюжет змееборчества), приспосабливая их к выражению новых исторических тем борьбы христианства с язычеством. В то же время эпос оказался способным отразить и классовые отношения, складывавшиеся в «империи Рюриковичей», растущее засилье боярства, социальное неравенство, а также смог служить художественным выражением общественных взглядов народных масс.

2

Устная поэзия с древнейших времен пользовалась большой любовью русского народа: он выражал в ней свои взгляды на мир, свои чаяния и ожидания. Из среды народа выделялись искусные мастера-художники, создатели и

хранители фольклора. Некоторые из них становились певцами и актерами, для которых устное словесное творчество вместе с музыкой, танцами или примитивным драматическим действием сделалось профессией. Это были скоморохи, отчасти также калики перехожие, дружинные певцы. Известными княжескими певцами были «вещий» Боян (начало XII в.), «соловей старого времени», воспетый автором Слова о полку Игореве, и, может быть, «словутьный» Митуса, который, по словам летописи (Ипат. л., 1241), «древле за гордость не восхоте служити князю Даниилу» (см. также гл. 12).

Как народные мастера, так и профессионалы пользовались для своих произведений прежде всего устным творчеством трудовых масс, но отчасти также и литературным материалом. Создатели фольклора, исходившие из древних эстетических воззрений восточных славян, с их любовью к родной земле и окружающей природе, достигли в своих произведениях большого богатства и выразительности поэтических форм. Передаваемые из уст в уста, от поколения к поколению, эти произведения, дополняясь и совершенствуясь, поднялись, в результате такой коллективной обработки, до того высокого художественного уровня и приобрели то непреходящее поэтическое обаяние, которые с удивительной силой продолжают воздействовать и на современного слушателя или читателя.

Народное творчество древней Руси развивалось в постоянной борьбе с церковью, а иногда и с княжеской властью. Церковь относилась к фольклору резко враждебно. Охраняя интересы господствующего класса, она справедливо видела в фольклоре проявление народного самосознания. Эта борьба, имевшая глубокие классовые корни, принимала характер борьбы религиозной — христианства с язычеством. Поэтому на протяжении столетий представители церкви выступали с суровым и резким обличением «бесовских» народных обычаев. Еще в Правилах церковных киевского митрополита Иоанна (конец XI в.) осуждается «плясание, гудение и плескание» на свадьбах у «меньших людей». А монах Зарубского монастыря Георгий в своем Поучении убеждал христиан: «смеха бегай лихого, скомороха... и гудця и свирця не уведи у дом свой».

Однако, несмотря на эти гонения, фольклор продолжал жить и развиваться. Фольклорные произведения бытовали не только в земледельческой среде, но также и среди городского люда, ремесленников, купечества. Сила народного поэтического творчества была столь велика, что оно проникало, несмотря на враждебное отношение к нему церкви, в среду княжеской дружины, боярства, самих князей и даже монашества. При этом, несомненно, те из фольклорных произведений, которые проникали в среду господствующего класса, претерпевали различные изменения, в зависимости от взглядов и вкусов «верхов» общества. Однако в то же время фольклор налагал свой отпечаток и на культуру социальных верхов, ограничивал их стремление к заимствованию византийских образцов, оказывая прямое влияние на молодую русскую литературу: летописи, повести, даже некоторые произведения церковного характера (см. гл. 6).

Следы бытования в Киевской Руси различных жанров фольклора обнаруживаются в литературных памятниках XI—XIII вв.

Летопись часто рассказывает о волхвах — чародеях, предсказателях будущего и «исполнителях» заговоров. Они не раз возглавляли крестьянские восстания против князей, бояр и духовенства. Элементы обрядовых магических форм фольклора играли, видимо, определенную роль в этой борьбе классов, как символы гонимого язычества.

Интересные сведения о языческих «чарах» и «наузах» (амулетах) мы находим в Слове отца Моисея, известном в списках XIV в.: «Ему же и другая подобна вина: жертвы приносят бесом, недугы лечат чарами и наузы и немощьнаго беса, глаголемаго трясцю [лихорадка], мнят ся прогоняще некыими лжи[вы]ми письмены... и того ради разгневлен господь бог... и не велит чарами недуг лечить... ни [во] стречу веровати, или в ловы идуще, или на куплю отходяще, или от князя милости хотяще...» Здесь говорится о применении заговоров и для лечения болезней (заговор от лихорадки, как видно, применялся в письменном виде — «лживые письмены»), и на охоте, и в торговле, и в социальных отношениях («от князя милости хотяще»).

В период образования Киевского государства заговоры использовались и во внешнеполитических сношениях. Князья Игорь и Святослав в борьбе с Византией наносили ей тяжелые удары и заключали с греками выгодные для Руси договоры. Эти договоры, как клятвенные обязательства, облекались в некоторых своих частях в привычную форму заговора-заклятия, в силу которого и князья-язычники, и дружины их не могли не верить. В договоре Игоря 945 г. говорится: «...И елико их есть не крещено, да не имуть помощи от бога, ни от Перуна; да не ущитятся щиты своими, и да посечени будуть мечи своими, и от стрел и от иного оружья своего и да будуть раби в сий век и будущий». Другой текст в договоре Святослава 971 г.: «Аще ли от тех самех и преже речных не сохраним, аз же и со мною и подо мною, да имеем клятву от бога, в него же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога, и да будем золоти, якоже золото и своим оружьем да иссечени будем да умрем». Здесь особенно характерна формула «да будем золоти [желты], якоже золото», построенная на типичной для заговоров аналогии. Считалось, что неточно воспроизведенный заговор не даст желаемого результата. Поэтому поэтическая форма заговоров была строго разработана и отличалась большой устойчивостью.

До нас дошли также свидетельства о календарной обрядовой поэзии, которую христианские проповедники прямо связывали с язычеством. Слово о казнях божиих (XI в.) указывает, что дьявол прельщает людей «трубами и скоморохы» и что «игрища утолочена, и людей много множьство на них... а церкви стоять [пустыми]». Новгородский архиепископ требовал в своих Правилах (1166), чтобы попы унимали верующих «и о турех и о лодыгах и о колядницех».

В одном из постановлений собора 1274 г. о весенних праздниках говорится: «В суботу [пасхальную] вечер] собираються вкупь мужи и жены и играють

и пляшуть бестудно и скверну деють в нощь святаго воскресенья, яко Дионусов праздник празднують нечестивии елини [греки], вкупе мужи и жены, яко и кони вискають и ржуть...» Позднее в Житии епископа новгородского Нифонта дается следующая картина народного праздника: «овы бияху в бубны, другие в козицы и в сопели сопяху, инии же возложиша на ся скураты, деаху на глумление человеком и нарекоша игры те русалия». Одно из поучений Изборника XIII в., относящееся к более раннему времени, предостерегает христианина выходить на улицу, когда «играют русалья или скомороси или пьяницы кличут». Эти картины языческого празднества, столь яркие еще в конце XIII в., были, несомненно, еще выразительнее в X—XII вв.

О свадебных обычаях и обрядах еще дохристианской поры сообщает летопись: радимичи, вятичи и северяне «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьскыя песни и ту умыкаху жены собе...» А позже, в Слове некоего христолюбца (XI в.), свадьба описывается так: «И егда же у кого их будеть брак, и творять с бубьны и с сопельми и с многыми чюдесы бесовьскыми...» (рис. 21).

Похоронные обряды и причитания («плачи») известны нам несколько лучше Они упоминаются во многих литературных памятниках. Еще арабский писатель Ибн-Фадлан (X в.), описывая похороны богатого руса, рассказывал, что обреченная на сожжение вместе с господином молодая рабыня пела перед смертью прощальную «длинную песню». Летопись издавна имела обыкновение отмечать общий плач при смерти какого-либо выдающегося князя. Когда в 912 г. умер Олег, «плакашася по немь людие вси плачем великомь»; в 969 г. по Ольге «плакася... сын ея и внуци ея и людие вьси плачемь великимь». Но, приняв христианство, Ольга уже «заповедала не творити тризны над собою», как сама она, еще язычницей, творила тризну по Игоре. Народный плач, по словам летописца, порой бывал так силен, что заглушал церковное пение по умершем. Когда в 1078 г. погиб в битве Изяслав, «не бе лзе слышати пения во плачи велице и вопли, плака бо ся по немь весь град Кыев» (Лавр. л.). Сын Изяслава Ярополк причитал над покойником: «Отче, отче мой! Что еси бес печали пожил на свете семь, многи напасти приемь от людей и от братья своея...» (Ипат. л.). По словам летописца, когда умер Мстислав Ростиславич, «плакашеся по нем вся земля Новгородская». «И тако молвяху плачущееся: „...добро бы ныне, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу новгородьцем от поганых, яко же дед твой Мьстислав свободил ны бяше от всех обид; ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом"» (Ипат. л., 1179). В повести о разорении Рязани Батыем князь Ингварь Ингоревич причитает по погибшим братьям: «Солнце мое драгое, рано заходящее, месяцы красныи, скоро изгибли есте, звезды восточныя, почто рано зашли есте?»

Поэтические образы этих литературных «плачей», их речитативно-сказовая ритмичность опирались на древнюю традицию народной причети, дошедшей

до нас в образцах поздних записей. Так, например, в причитании матери по детям говорится:

Красно солнышко ко западу двигается,
Все за облачку хо́лячую теряется,
Мое дитя в путь-дорожку отправляется...
Как светел месяц по утру закатается,
Как часта звезда́ стерялась поднебесная,
Улетела моя лебе́душка
. . . . . .
А меня пускай возьмет скорей смеретушка.

В древнерусском фольклоре существовали, видимо, бытовые плачи, которые приурочивались уже не обязательно к смерти близкого человека, но и к другим печальным событиям. Эти плачи получили наименование «каранья» и «жели». Отголоском таких «караний» является плач «жен руских» в Слове о полку Игореве («Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати...») и знаменитый плач Ярославны, в котором она заклинает ветер-ветрило, славный Днепр и светлое красное солнце пощадить в дальнем краю и возвратить к ней ее «ладу» — Игоря.

Также испокон веков обращалась к стихиям природы с мольбою о мужевоине русская крестьянка:

Уж ты солнышко мое красное,
Солнце праведно, умоленное,
Уж светишь да на весь белый свет,
Освети ко ты мою ладушку во чужой далекой сторонушке,
. . . . . .
Ты река ли моя, река быстрая, передай ты мое поклоненьице.

Сам образ горюющей Ярославны — «зегзицею [кукушкой] незнаема рано кычеть» — типичен для фольклора, где обычно вдова-кукушка причитает:

Коковать буду горюша под оконенкой,
Как несчастная кокоша во сыром бору...

Своеобразные формы политических плачей отразились, несомненно, в отдельных местах Слова о полку Игореве, в Слове о погибели Русской земли и в Похвале роду рязанских князей, заключающей собою Повесть о разорении Рязани Батыем.

В различных древних проповедях христианам запрещалось не только «песни петь и в гусли играть», но и «басни баять», т. е. рассказывать сказки (термин «сказка» позднего происхождения). В Слове о богатом и убогом (XII в.) говорится, как богачу перед сном слуги и домочадцы «ноги... гладять, инии по лядвиям тешать его, инии гудуть, инии бають ему и кощунять».

В содержании многих «волшебных» сказок отражались древние идеалы и стремления народа. В процессе труда, тяжелой борьбы с природой в сознании народа зародились представления о сказочных «ковре-самолете» и «сапогах-скороходах». Мечта о жизни, освобожденной от социального гнета, отразилась первоначально в сказках, где героем выступал крестьянский сын, который совершал чудесные подвиги, женился на царевне и сам становился царем, или крестьянская девушка, прекрасная собой, умная и скромная выходила замуж за царевича и т. д. Древнейшие сказания о змееборчестве, о мудрой деве-крестьянке, вышедшей замуж за князя и подчинившей его своей воле, отразились в народной легенде о Петре и Февронии, которая впоследствии, в XV в., получила литературную обработку в форме жития.

Следы характерных черт сказочного стиля встречаются иногда в летописях. Например, обычное в Псковских летописях обращение: «Кто стар — той буди отец, а кто молод — той брат» почти совпадает со сказочным: «Кто стар человек — будь мне батюшкой, а кто молод — будь брат родной, коли ровнюшка — будь мне суженый».

Сказки о животных, можно думать, были известны русским с древнейших времен. Когда Даниил Заточник вспоминал поговорку: «Коли пожрет синица орла» или замечал: «Орел птица царь надо всеми птицами, а осетр над рыбами, а лев над зверми...», то он имел в виду, скорее всего, знакомые древнему читателю сюжеты сказок об этих животных.

Под влиянием христианской церкви, а нередко и в борьбе с нею создавались устные религиозные легенды, для которых использовались мифологические предания более ранней поры, а также церковно-книжные канонические источники и апокрифы. Таковы, например, дуалистические легенды о сотворении мира, о змееборце Егории Храбром. В одном из духовных стихов, более поздних по своему происхождению, рассказывается, как Егорий ездит на коне по Руси с евангелием в руках и утверждает «святую веру». Здесь отразилась древняя легенда о насаждении православия Ярославом Мудрым, христианское имя которого было Георгий.

Народные легенды воздействовали на литературу. Немало легендарных мотивов есть в Киево-Печерском патерике, в житиях Бориса и Глеба и других памятниках житийной литературы (см. гл. 6). Возникшее в народной среде двоеверие (см. гл. 3) способствовало соединению в фольклоре элементов старых языческих верований с элементами христианства.

Особый интерес представляют пословицы и поговорки. А. М. Горький писал о их значении: «...пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа...»[1] Древнерусская народная речь была богата различными пословицами. Некоторые из них вошли в тексты летописей, одни — как своеобразные примечания летописца к описы-

[1] *М. Горький.* О том, как я учился писать. О литературе. М., 1937, стр. 221.

ваемым им событиям, другие — как изречения изображаемых летописью исторических лиц. Так, записав предание о гибели обров (аваров), летописец отмечает, что с тех пор сохранилась пословица: «Погибоша аки обри». Рассказывая о голоде в городе Родне, осажденном Владимиром в 980 г., летописец напоминает, что с тех пор пошла «притча» — «беда аки в Родне». Некоторые летописные изречения типа пословиц сильно и сжато выражали патриотические чувства народа: «Лучше есть на своей земле костью лечи, нели на чюже славну быти»; другие — служили афоризмами военного обихода: «Мир стоит до рати, а рать до мира», «един камень много горньцев избиваеть», «толи не будеть межю нами мира, елиже камень начнеть плавати, а хмель грязнути [тонуть]», «мертвии бо сраму не имуть»; третьи — имели политический характер: «Не идеть место к голове, но голова к месту». Автор Слова о полку Игореве приводит две философско-политические «пришевки» Бояна в духе пословиц: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божия не минути», «тяжело ти голове, кроме плечю, зло ти телу, кроме головы». Бытовую поговорку напоминает изречение князя Владимира Святославича: «Руси есть веселье пити, не можем бес того быти». Такого же происхождения отмеченные летописью пословицы: «Аще ся волк в овця ввадит, то выносит все стадо, аще не убьют его», «ни моря уполовнею вычерпать», «не едал бо есми от песка масла, а от козла млека», «не погнетши пчел, меду не едать» и т. д. Особенно много пословиц и изречений как фольклорного, так и литературного типа в Моления Даниила Заточника (см. гл. 6).

Из приведенных примеров видно, что двучленная композиция, ритмичность, а иногда и рифмованность частей, игра словами — все эти устойчивые черты поэтики позднейших народных пословиц были свойственны им уже во времена Киевской Руси.

Народная загадка, как и пословица, привлекалась порой летописцем и при описании исторических событий. Например, Новгородская летопись под 1016 г. рассказывает о столкновении князей Ярослава и Святополка. Ярослав направил разведчика в лагерь Святополка для встречи там со своим тайным сторонником. Разведчик спросил его иносказательно: «...что ты тому [т. е. Ярославу] велиши творити. Меду мало варено, а дружины много». И муж Святополка ответил также загадкой: «Рци тако Ярославу: „да аще меду мало, а дружины много, да к вечеру дати". И разуме Ярослав, яко в нощь велит сечися». Эта загадка строится на типичном для народной поэзии сравнении боя с пиром, с питьем «меда».

Восточнославянские племена с древнейших времен проявляли живой интерес к своей истории. Задолго до появления письменности у них возникли устные исторические предания и песни, в которых к изображению действительных событий прошлого приурочивались хорошо известные фольклору сказочно-легендарные сюжеты. Отсутствие достаточного документального материала для освещения древнейшего периода русской истории побуждало первых летописцев широко пользоваться этими произведениями фольклора. Народные

исторические предания и песни носили ярко выраженный патриотический характер. Это вполне отвечало умонастроению летописца, и он охотно включал в свое повествование произведения народного творчества, свидетельствовавшие о славе и величии Русской земли. Таковы, например, предания об основателях Киева братьях Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди; о гибели обров, притеснявших некогда славянское племя дулебов; о борьбе хозар с полянами и о том, как поляне однажды дали хозарам дань мечами и тем навели на них страх; о победном походе Олега на Царьград, когда он, пристав к берегу, поставил свои суда на колеса и под парусами пошел к городу; о выдающемся русском полководце древности Святославе и его подвигах. Такова же так называемая Корсунская легенда о крещении Владимира, отразившая, наряду с историческими фактами, и мотив народных преданий о покорении героем города с целью добыть в нем невесту. Некоторые летописные рассказы имеют ясно выраженный сказочно-легендарный характер. Таковы предания о предсказанной волхвом смерти Олега от своего коня, о мести Ольги древлянам за убийство Игоря. Сказочно-анекдотичен рассказ о том, как осажденные печенегами жители Белгорода обманули врагов, показав им, что взять их измором невозможно, так как сама земля якобы кормит горожан медом и киселем.

Народные предания и песни, возникшие непосредственно на основе исторических столкновений русского народа с врагами, отразились в рассказах летописи о победоносном поединке молодого киевлянина Яна Усмошвеца с великаном-печенегом и о том, как князь Мстислав одолел в единоборстве косожского богатыря Редедю.

3

Драгоценнейшим народным вкладом в сокровищницу русской национальной культуры являются древние эпические песни, которые именуются народом «ста́ринами», «старинками», а в науке, начиная с 30-х годов XIX в., называются былинами.

«От глубокой древности,— заметил М. Горький,— фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории», [1] и это в особенности приложимо к былинам. Многовековая жизнь былин в устах народа, беспрестанная творческая обработка их народом, отражение в них событий разных эпох и различных сторон растущего народного самосознания — все это значительно изменило первоначальный облик былин. Однако научный анализ показывает с полной очевидностью, что основные былинные сюжеты зародились в эпоху расцвета Киевского государства, в X—XI вв., и ярко отразили исторические факты, народную идеологию и бытовые черты того времени.

---

[1] *М. Горький.* Доклад на Съезде советских писателей 17 августа 1934 г. О литературе, стр. 456.

Объединенная военными усилиями первых князей огромная Киевская держава переживала в ту пору высший этап своего дофеодального развития и быстро вступала в период феодальных отношений. Стремление к государственному объединению не было еще подавлено начинавшейся междуусобной борьбой князей. Боярство постепенно усиливало эксплоатацию крестьян, но еще не столь резко обособилось от народа. В княжеских дружинах сохранялись традиции военной демократии. Молодое на Руси христианство способствовало развитию феодальных отношений, выступало как сила большого культурного значения и не могло еще навязать народу аскетические идеалы «смирения» и «отречения» от земных благ.—само русское христианство X—XI вв. отличалось еще оптимизмом. В эту противоречивую, героическую и бурную переломную эпоху народное самосознание, преодолевая пережитки родоплеменной разрозненности, поднялось до патриотической идеи государственного единства. Беспрестанная жестокая борьба с печенегами, позднее — с половцами, укрепляла и развивала в народных массах любовь ко всей Русской земле. Возникшая в этих условиях в народе потребность отразить в художественном слове свою историю и свою современность послужила толчком для создания эпоса. События эпохи дали содержание эпосу; жизнерадостное народное мировоззрение, исполненное чувства впервые достигнутого и везде признанного величия Руси, определило его основные идеи и настроенность.

К домонгольскому периоду из числа былин киевского цикла могут быть отнесены былины о борьбе Добрыни со Змеем, о Добрыне-свате, об Алеше Поповиче и Тугарине, об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, о Михайле Потыке, о Соловье Будимировиче и некоторые другие. Известна и более древняя былина — о князе Вольге Святославиче (или Волхе Всеславьевиче) — чудесном охотнике, хитреце и оборотне, образ которого отразил некоторые особенности исторического облика Олега «вещего» и, возможно, осложнился впоследствии легендарными чертами князя-«чародея» Всеслава Полоцкого (XI в.). Однако основные былинные сюжеты связаны со временем Владимира I.

Личность князя Владимира Святославича получила свое прямое отражение в былинном Владимире «Красное Солнышко». Засвидетельствованные летописью многолюдные веселые пиры Владимира, богатство и высокая культура его «стольного города» Киева — все это стало традиционным во многих былинах. Позднее образ былинного Владимира соединился с некоторыми чертами Владимира Мономаха.

Былины ценили Владимира Святославича как выдающегося деятеля своего времени, чтили его имя как символ государственного единения Руси. Вокруг него они группировали образы защитников родины — богатырей. В быту же своем Владимир изображался эпосом отнюдь не в идеальных чертах. Он бывал и жесток, и труслив, бывал несправедлив по отношению к своим богатырям, но милостив к боярам. Эта двойственность образа Владимира ясно обнаруживает классовые умонастроения народных масс.

Образ богатыря Добрыни Никитича отразил идеализированные народной поэзией черты воеводы Добрыни — дяди Владимира по матери и ближайшего его помощника. Победа Добрыни над Змеем, издревле олицетворявшим в народном сознании злую силу, в данном случае — язычество, символически воспроизводит победу новой веры — христианства. Былинная «Пучай река», в которой купается Добрыня,— это Почайна, где крестили киевлян. Освобожденная им от Змея царевна Забава Путятишна сохраняет в своем отчестве отзвук имени исторического лица — воеводы Путяты. Добрыня, дядя Владимира, принимал ближайшее участие в женитьбе князя на полоцкой княжне Рогнеде, что нашло свое отражение в былине о Добрыне-свате, добывшем князю Апраксу-королевичну. Добрыня Никитич выступает в былинах как могучий и храбрый воин, опытный дипломат, искусный певец и «игрец» на гуслях.

Былинные сюжеты об Алеше Поповиче — в летописной версии Александре Поповиче (в древности имена Александр и Алексей давали одно уменьшительное — Алеша) — сложились окончательно, очевидно, в более позднее время (XIV—XV вв.), но образ этого богатыря восходит в народном предании к началу XIII в. и связывается с последними событиями домонгольского периода. По сведениям Тверской летописи, почерпнутым ею из литературных и фольклорных источников, Александр — ростовский «храбр» (богатырь), прославленный в битве при Липице (1216) и других битвах. Первоначально он служил великому князю Всеволоду «Большое Гнездо» и сыну его Константину, активно участвуя в борьбе последнего с его братом Юрием. Но по смерти Константина, предвидя неизбежность продолжения губительной для народа братоубийственной войны, Александр созвал на совет многих богатырей, где они пришли к общей патриотической мысли: «Аще служити начнут князем по разным княжениям, то и не хотя имут перебитися, понеже князем в Руси велико неустроение и части боеве» (Тверск. л., 1224). Тогда они условились между собою: «Служити им единому великому князю в матери градом Киеве», куда и отправились. Одна из былин сохраняет рассказ о переезде Алеши из Ростова в Киев, причем упоминает даже отраженное летописью имя слуги Алеши — Торопа. Летопись сообщает далее о том, что Александр Попович погиб вместе с семьюдесятью другими богатырями в первой страшной битве с татарами на реке Калке (1224). Такую же гибель героя отмечает былина о «Камском» побоище (от названия реки Калки). Прозвище «Попович» сделало былинного Алешу сыном ростовского попа Левонтия, в котором усматривают отражение ростовского епископа Леонтия (конец XI в.), активного борца с язычеством. Это же прозвище привело впоследствии к характерному социальному переосмыслению образа богатыря в устах народа. Алеша — поповский сын — стал трусоват, сделался «бабьим пересмешником», у него руки стали «загребущие», а глаза «завидущие».

Нашли свое отражение в былинах и образы врагов Руси. Чудовищный Тугарин Змеевич, которого побеждает Алеша,— это хан половецкий Тугоркан (конец

XI в.), тесть киевского князя Святополка Изяславича. Былины помнят и других половецких ханов — Кончака и Атрака (XII в.; в былинах: Коньшик, Кончальничек, Артак и др.). Но затем эти древние противники Руси вытесняются из эпоса позднее появившимися и еще более грозными врагами — татарами. «Татарин поганый» (от латинского paganus — язычник) делается нарицательным именем всякого врага. Былины поют о том, как Калин царь (также от имени Калки) или Батыга (хан Бату) с несметными полчищами татар идут на Русь, на «стольный Киев-град». Но на пути их вырастает несокрушимая «застава богатырская» во главе с Ильей Муромцем:

Что по край было синя моря
На богатырской на заставе,
Стояли тут пять богатырей:
Первой — Илья Муромец,
Не пропускали они ни конного,
Ни конного, ни пешего.

Монументальный образ главного, любимейшего героя русского эпоса — «крестьянского сына» Ильи Муромца возник в глубокой древности. Отголоски былин о нем отразились в норвежской саге о Тидреке и немецкой поэме об Ортните (XIII в.), где упомянут «греческий ярл Илья» и «Илья русский».

Начальное свое происхождение былинный Илья ведет, видимо, из города Черниговского княжества — Моровийска, откуда он отправляется к Киеву. По пути он освобождает от врагов Чернигов и совершает другие подвиги. Близ реки Смородинной (на берегу которой действительно находится урочище Соловьев перевоз и село Девятидубье) Илья побеждает сидящего на дубах Соловья-разбойника и отвозит его к князю Владимиру. Этот эпизод характерен, так как в эпоху Владимира борьба с разбойниками сделалась государственной задачей (см. гл. 2). Позднее родина Ильи относится к Мурому северо-восточной Руси, а затем и ко многим другим местам.

То, что образ Ильи не имеет определенного исторического и географического приурочения — не случайно. Илья — богатырь общерусский, глава других богатырей, прототипами которых могли служить отдельные выдающиеся деятели эпохи. Илья — защитник трудового народа, «вдов и сирот», идеальный воин-патриот, непоколебимый страж границ Русской земли, блюститель ее единства и мощи. В этом бессмертном образе русский народ типически обобщил и художественно воссоздал свои лучшие духовные и физические черты.

Оговоренный боярами и тяжело оскорбленный князем Илья Муромец преодолевает, однако, глубокую обиду и в трудную минуту вражеского нашествия выступает как главный боец и организатор обороны Киева. Он уговаривает других богатырей дружно выступить против врага:

Не ради князя Владимира
И княгини Апраксы-королевичны...
А ради матушки-свято-Русь земли

В этом отразилась древняя и глубокая черта мировоззрения русского народа, который, несмотря на классовый гнет, всегда умел объединить свои силы и выступить под началом выдающихся полководцев на защиту своей страны. Оборона Руси от внешних врагов составляет основной пафос русских героических былин.

Другой важнейшей идейной чертой русского эпоса, исходящей из тех же патриотических основ народного мировоззрения, является резко отрицательное отношение к княжеским междуусобиям. «У нас...,— писал Н. Г. Чернышевский,— сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями... Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце». [1] В XI—XII вв. в ожесточенной братоубийственной войне князья разоряли Русскую землю, приводили на нее половцев, но русский народ, осуждая политику феодалов, продолжал воспевать в былинах идеалы сравнительно недавней старины — времен Владимира, когда государство еще не распалось на отдельные княжества. В эти трудные времена «усобиц» и «крамол», когда, по выражению Слова о полку Игореве, «рекоста бо брат брату: „се мое, а то мое же", и начаша князи про малое „се великое" млъвити», устный эпос вместе со Словом и летописью выражал волю народа к единству и независимости Руси. Эпос подчеркивал, что богатыри (например, черниговец Илья и ростовец Алеша) все по собственному почину, возмужав, отправляются из родительского дома именно в Киев, в центр государства. Они хотят —

Ехать в Киев-град ко князю Володимеру
На поможение и сбереженье.

От лица Киева они несут свою службу на «заставе» и совершают подвиги во славу всей «земли святорусской».

Это отрицательное отношение русского эпоса к такой злободневной теме, как борьба князей, безошибочно указывает, вместе с другими признаками, на его народное происхождение и резко противопоставляет наши былины аристократическому по своему духу западноевропейскому эпосу той же, в основном, исторической поры, целиком насыщенному изображениями кровавой борьбы феодалов. В русском эпосе подлинными героями являются богатыри — верные сыны народа, выразители его идеалов и надежд, а «ласковый» князь Владимир служит только объединительным центром, вокруг которого они собираются. В отличие от этого в эпосе западноевропейском вокруг центрального образа владыки-сюзерена, например, образа короля Карла Великого во французской песне о Роланде, группируется придворная верхушка,— рыцари, бароны и графы, которые обычно и выступают главными героями изображаемых событий.

---

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Полное собрание сочинений, т. III. М., 1947, стр. 570.

По образам и настроению своему русский эпос светел и оптимистичен, герои его великодушны и честны, в нем нет гнетущих представлений о неотвратимой судьбе, нет той мрачной мифологической фантастики, зловещих карликов и коварных волшебниц, которые присущи англо-саксонскому эпосу, сагам, песне о Нибелунгах. Качественное своеобразие и достоинства русского эпоса выступают особенно разительно, если вспомнить, что в былинах, как и в Слове о полку Игореве, идеи богатырства, военной славы и чести рождаются в борьбе за оборону своего государства и подчиняются идее охраны мирного труда народа от нападений степных кочевников. Напротив, западноевропейский эпос проникнут идеями рыцарской славы, достигнутой путем кровавого покорения других народов или захватов земель одноплеменных феодалов.

Все это позволяет понять, почему эпос Западной Европы очень рано, уже в средневековье, иссяк в устах народов, русская же былинная традиция пережила многие века и, обогащенная новым социальным опытом народной жизни, продолжает свое развитие в наши дни.

С именем Киева — «матери русских городов» — связаны были основные героические и патриотические темы народного эпоса, имевшие общерусское значение. Но наряду с этой главнейшей тематикой русский эпос воспевал и темы мирного труда, сельской и городской жизни.

Подобно образу идеального богатыря Ильи Муромца эпос создал величественный образ идеального крестьянина-пахаря Микулы Селяниновича, обобщенно отразивший созидательную мощь народа, его мечты о радостном и благодатном труде. Создав образ неустанного труженика Микулы, возделывающего бескрайные просторы родной земли, народ как бы поэтически осознавал себя ее истинным, законным хозяином:

А орет в поле ратай, понукивает,
Из края в край бороздки пометывает,
В край он уедет,— другого не видать,
То коренья, каменья вывертывает,
Да великие он каменья в борозду валит.

Характерно, что Микула Селянинович совершенно спокойно и независимо встречается с подъехавшим к нему князем Вольгой Святославичем. Он легко превосходит в силе и ловкости не только всю княжескую дружину, но и самого Вольгу, князя-оборотня. Суровый пейзаж, окружающий Микулу, каменистая пашня указывают, возможно, на новгородское происхождение этого образа, но общерусское значение его несомненно.

К киевскому циклу былин домонгольского периода могут быть отнесены немногие сюжеты иного характера. Таковы былина о Соловье Будимировиче, отразившая в сильно измененных временем чертах историю женитьбы гостившего в Киеве будущего норвежского короля Гаральда Смелого на дочери Ярослава Мудрого Елизавете, и былина о трагической любви Михаила Потыка к его

неверной жене. Последняя былина приближается к типу былин-новелл с бытовой тематикой, более характерных уже не для Киева, а для отдельных княжеств в особенности для Галицко-Волынского. Расцвет этой богатой земли в XII — начале XIII в. сказался и на народном творчестве.

Былина о Дюке Степановиче помнит имя византийского императора Мануила (XII в.) — «царя Этмануйла Этмануйловича»,— который был связан с Ярославом галицким. Приезд иноземца — богача Дюка Степановича, обладавшего будто бы самой «Индией богатой», отражает, возможно, посещение Галича в 1165 г. двоюродным братом императора Мануила Андроником.

«Господин Великий Новгород» с его вечевым строем, богатствами, торговым бытом, высокой культурой сделал свой значительный вклад и в развитие русского эпоса. Население Новгорода, удаленного по своему географическому положению от беспрестанной борьбы с кочевниками на южных границах государства, разрабатывает в эпосе преимущественно сюжеты городского быта. Такова былина о Садко, чудесном гусляре, который очаровал своей игрой самого «водяного царя», получил от него несметные богатства, а под конец, после многих приключений, выстроил великолепную церковь. Садко — представитель демократической среды. Случайно разбогатев, он вступает в борьбу с «вятшими людьми», побеждает в торговых делах богатое купечество. Былина о Садко относится к XII в. В новгородских летописях говорится, что в 1167 г. «Съдко Сытинець» построил каменную церковь Бориса и Глеба. Эта церковь просуществовала в Новгороде до XVII в. и действительно отличалась величественными размерами и пышностью.

Другой герой новгородского эпоса — Василий Буслаев, яркий представитель удалой новгородской вольницы, буйных ушкуйников, выразитель стихийного социального протеста против традиций иерархического средневекового общества. Никоновская летопись под 1171 г. отмечает смерть «посадника Васки Буславича», на основании чего и былины о Буслаеве могут быть отнесены к XII в.

Новгородская летопись под 1118 г. сообщает о «сотском» Ставре, которого Владимир Мономах привез в Киев вместе с несколькими новгородскими боярами и заточил в тюрьму, повидимому, за их противокняжескую политику. Этот эпизод поэтически отразился в былине о Ставре Годиновиче, который был заточен Владимиром в «погреба глубокие», но затем спасен своей ловкой и смелой женой, переодевшейся мужчиной и обманувшей князя.

4

Поэтические богатства фольклора, в особенности эпоса, оставили заметный след в историко-повествовательной литературе древней Руси. Достаточно вспомнить теснейшую связь с фольклором Слова о полку Игореве, выразив-

шуюся в органическом усвоении и творческой переработке автором Слова многих традиционных образов и типичных стилистических особенностей народной поэзии (см. гл. 6).

Фольклорные черты стиля Слова о полку Игореве, как и некоторых других произведений древнерусской литературы, подтвержденные былинами в позднейших записях, говорят о большой устойчивости народно-поэтической традиции. Многие стилистические особенности русского эпоса, веками отшлифованные в устах народа, восходят к глубокой древности. Таковы, например, явления параллелизма, особенно отрицательного («Не ясен сокол тут вылетывал, не черный ворон тут выпархивал, выезжал тут злой татарченок»), постоянные эпитеты (чистое поле, синее море, хоробрая дружина, каленые стрелы, серый волк, сизый орел, черный ворон и др.), некоторые тавтологии, повторы и традиционные эпические формулы. Можно предполагать, что основные композиционные особенности былин — «запев», «зачин» (завязка действия), повествовательная часть и «исход» также принадлежат к древним чертам русского эпоса.

Предпринятые в последнее время исследования самой системы идейно-поэтических и эстетических представлений фольклора, и прежде всего эпоса, дают хотя еще и неполный, но ценный материал для выяснения национально-самобытных истоков русской литературной культуры.

В русском фольклоре, а вслед за ним и в древнерусской литературе, метафора и сравнение, как средства художественного изображения героя, основываются чаще всего на сопоставлении человека, его переживаний или действий с миром животных и растений, с явлениями природы, небесными светилами.

Излюбленная в средневековье соколиная охота способствовала утверждению в поэзии образа героя сокола. Например, в былинах:

Не ясен сокол по чисту полю полетывает,
А едет Добрынюшка со землей татарскиих...

Или

И стал напущать он на полкы татарские,
Что ясен сокол на стада галечья.

В Слове о полку Игореве уподобления соколам многочисленны. Например, в запеве древнего Бояна: «Не буря соколы занесе чрез поля широкая, галицы стады бежать к Дону великому», или «О, далече зайде сокол [Игорь], птиць бья к морю» и др. Своеобразным применением того же образа является фольклорное представление о женитьбе как об опутывании сокола:

Ах ты выкини, мати, опутинку,
Еще чем мне опутать ясна сокола.

Точно так же в Слове о полку Игореве половецкие ханы говорят о возможной женитьбе молодого Владимира на Кончаковне: «А ве соколца опутаеве красною девшею».

Изображение врага в фольклоре привлекает обычно образ черного ворона:

Как черны вороны налетывали,
Набегали тут три татарина...

В Слове о полку Игореве: «Чрьной ворон поганый половчине».

В народной поэзии распространено сопоставление героя с небесными светилами:

Одно красное солнце на белом свете,
Один сильный богатырь Илья Муромец.

Или

Одно солнушко катится по небу,
Один князь княжет над Русью.

Близкое сопоставление наблюдается в Слове о полку Игореве: «Солнце светится на небеси, Игорь князь в Русской земли». Смерть героя, как указывалось выше, сравнивается с заходом солнца.

Представление о смерти героя на поле брани рисуется на фоне характерной для южнорусских степей природы. В народных песнях убитому «доброму молодцу» «постелюшка... ковыль трава постлана», в Слове о полку Игореве: «Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе и на ковылу зелену паполому постла».

Народно-поэтическая символика горя широко привлекает образы как бы сочувствующей природы. Например, в причитании над павшими воинами говорится:

Темный лес к зени [земле] приклоняется,
Никнут травы—цветы от жалости.

Или в лирической песне:

Белая березынька приклонись к земле стоит...
Тужит плачет девица в высоком терему.

В Слове о полку Игореве, когда дружина Игоря потерпела поражение,— «ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли приклонилось», или «плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславе. Уныша цветы жалобою и древо с тугою к земли приклонилось».

Изображение войн, жестоких битв с врагами за независимость родной земли занимает большое место и в народном эпосе, и в древнерусской литературе. Изучение многовековой поэтической традиции русских воинских повестей,

в особенности в трудах академика А. С. Орлова, давно уже привело к установлению свода выразительных художественных «формул», которыми постоянно пользовались писатели древней Руси при изображении боя. Некоторые старые исследователи полагали, что источники этой богатой литературной традиции лежат в иностранных литературах. Однако эти предположения не были подтверждены достаточными данными, и проблема оставалась нерешенной. Между тем, только обратившись к анализу народного эпоса, как древнейшего предшественника литературы Киевской Руси, мы можем правильно понять природу и характер поэтики русских воинских повестей.

Народная поэзия изображала битву гиперболически, стремилась подчеркнуть несметное количество врагов, пришедших на Русь: ни обозреть, ни сосчитать их невозможно. Так, в былинах:

Посмотрел [Илья] на силушку татарскую,
Конца краю силы насмотреть не мог...
Да всей у них силы числа смету нет...

Таковы же представления о множестве врагов в древнерусской литературе: «И бе множество их, яко не мощи презрети чрез их» (Воскр. л., 1103). «И толико бысть множьство вой, яко и числа нетуть» (Ипат. л., 1173).

Нередко войска неприятеля, осаждающего город, уподоблялись лесу:

Под ту ли-то под стену городовую
Нагоняет тут Батыга силы сметы нет,
Будто черного-то лесу дремучаго...

Летопись говорит: «И ту устретоша полки немецкие: бе бо видети их, яко же и лес...» (Воскр. л., 1268). «И сташа около города, аки борове велицеи» (там же, 1281).

Обычной принадлежностью гиперболических изображений военных событий являлся, например, мотив «стона» земли, на которой шло сражение. Так, во время битвы с Батыем под Рязанью «бьяшася крепко и нещадно, яко и земли постонати», как и в былинах: «Еще матушка сыра земля стонучись стонёт».

Представление о битве в народном эпосе постоянно связывалось с образами грозы, темной тучи:

Накатается вдруг туча темная,
А бы темна туча, туча грозная —
Навалилося ёрда [орда] неверная.

А в Слове о полку Игореве: «Чрѣныя тучи с моря идуть» — символ наступающих половецких войск.

Стук оружия во время битвы постоянно сравнивался с громом:

Как ударились они сперва палицами,—
Словно гром грянул из темной тучи
Приломали они свои палицы.

Сравним в летописи: «Копьем же изломившимся, яко от грома тресновенье быть» (Ипат. л., 1249).

По **былинам** в разгар боя:

Татары в них бьют со крутой горы,
Стрелы летят, как часты дожди.

По летописям: «Идяху стрелы, акы дождь» (Лавр. л., 1097), «попустиша стрелы, аки дождь умножен, на острог» (IV Новг. л., 1169).

В бою само оружие начинает поддаваться:

Помахнулись во сабли во вострыя,
Востры сабли прищербилися,
А й друг друга до крови не ранили.
Помахнулись во копья во вострыя,
Востры копья притупилися.

А в повести о разорении Рязани Батыем: «Неистовый Еупатий тако их бьяше, яко и мечи притупишася».

Разъяренные воины уподоблялись зверям ревущим и змеям свистящим:

Богатырь кричит аки лютый зверь...

Или

Рыкнул татарин по звериному,
Свиснул татарин по змеиному.

В литературе эти образы были еще более излюбленными: «И пободоша их, акы дикыа звери» (перевод Истории Иудейской войны Иосифа Флавия); убийцы князя Бориса «идуще, рыкающе акы зверие дивии» (Чтение Нестора). Даниил Заточник пишет: «Яко же бо змий страшен свистанием своим, так и ты, княже наш, грозен множеством вои».

Голос героя сравнивался со звуком военной трубы: князь Ингварь «воскрычаша, яко труба рати глас подающе» (Повесть о разорении Рязани Батыем), а в фольклоре обычно богатырь «речи говорил, будто в трубу трубил».

Доспехи воинов великолепны:

На добру то бы молодцу справа ясная,
А и панцырь стальной, как заря сиет [сияет].

Или:

От его то от пацыря [панцыря] как луч стоит,
Как луч стоит от красна солнышка.

Или:

На верху шелом как будто жар горит.

Аналогичными образами пользуется и литература, развивая их в яркие картины: «И бе видети страшно в голых доспехах, яко вода солнцу светло сиающу» (Ник. л., 1152), «шите же их яко заря бе, шелом же их яко солнцю восходящу» (Ипат. л., 1251).

Почти всякая битва влекла за собой в поэтическом представлении страшное кровопролитие:

Что межéу их протекли реки:
Протекли реки — реки кровавые,
Что и силы полегло, что сметы нету.

Или:

Кровь горючая ручьем тече из ран глубоких...

Совпадающие образы находим в литературе:

«Течаше кровь крестьянская, яко река сильная» (Повесть о разорении Рязани Батыем). В Тверской летописи говорится: «По удолиам кровь ручием течаше, яко во время дождевное» (1019).

А иногда в поэтическом воображении сказителей бывает и так:

Течуть речки, да все кровавыи,
Через те речки мостят мосты,
Мостят мосты да все головками...

Сравним эти представления с литературным: «рови же... исполнишася мертвыми, и бысть лзе ходити по трупию, акы по мосту» (Ипат. л., 1261).

Количество поверженных врагов в фольклоре и в литературе оказывалось непреодолимой преградой даже для конного всадника:

Навалит трупов коню до стремени,
Горячей крови до подчерева.
В трупах конь не может поскакивати,
Горячей крови прорыскивати.

Летопись дает такой же образ: «А на 7 връст били немець, яко и коневи не мочи трупием скочити» (Воскр. л., 1268).

С этими широко распространенными и типичными картинами военных событий и в фольклорной и в литературной традиции переплетаются образные представления о битве, почерпнутые непосредственно из народного земледельческого быта. Образ битвы-пашни обычен в народной поэзии; так, в позднейшей песне:

Не черным-то зачернелось, зачернелось турецкое чисто поле,
Не плугами поле, не сохами перепахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засеяно казачьими головами...

Подобные образы, несомненно, наличествовали и в древнейшем фольклоре, ибо их творчески воспринял автор Слова о полку Игореве: «Черна земля под копыты костьми была посеяна, а кровию польяна, тугою взыдоша по Руской земли», «Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костьми руских сынов».

Нередко в фольклоре битва сравнивалась с косьбой травы:

Вышли они на темну орду,
Силушки стали бить, как трава косить.

В соответствии с этим и в литературе: «Тогда же гонишася безбожнии [татары]... все люди секуще, яко траву» (Воскр. л., 1238), или «начаша их бити, яко добрые косцы траву косити» (Девгениево деяние).

Побитые враги падали обычно, как снопы. В былинах: «И пал Соловей да как овсяный сноп», в летописях: «А друзии падаху с мостка в ров, акы сноповье» (Ипат. л., 1261).

Для народной поэзии характерным также был образ битвы-пира:

Едет Алеша пьян, шатается,
Ко седельной луке приклоняется.
Завидел Алешу Илья Муромец:
«Говорил я тебе, Алеша, наказывал:
Не пей ты зелена вина,
Не ешь сладки кушанья».
Отвечает Алеша Илье Муромцу:
«Рад бы я не пить зелена вина,
И не есть сладки кушанья:
Напоил-то меня добрый молодец допьяна,
Накормил он меня досыта
Той шелепугой подорожною».

Прекрасную поэтическую картину битвы-пира рисует Слово о полку Игореве: «Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы; ту кровавого вина не доста; ту пир докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». По Повести о разорении Рязани Батыем во время битвы «татарове же сташа яко пияни».

В заключение эпического рассказа сказители былин нередко воздают «славу» своим героям:

Тут Соловникову славу поют,
А Ильюше слава не минуется
Отныне и век по веку.

Близкая концовка в Слове о полку Игореве: «Князем слава, а дружине».

Подобные примеры можно было бы умножить, но и приведенные достаточно убеждают в том, что система основных художественных средств

древнерусской историко-повествовательной литературы в области изображения боевых действий, а также при поэтической характеристике героя или врага, оказывается в значительной мере подготовленной и определенной древними поэтическими представлениями русского народа, которые порождены были его исторической жизнью, героической борьбой за независимость, его социальным бытом. Эти образные представления нашли свое яркое воплощение в фольклоре. Поэтический стиль древнерусской повествовательной литературы не в отдельных совпадениях, а в основе своей, в методе изображения действительности покоится на фундаменте устной народной поэзии. Этот стиль самобытен и проникнут духом историзма. Гиперболизированное сопоставление действий войск с явлениями окружающей природы, с процессами народного труда, поэтические представления о живом сочувствии родной природы русским людям и в горе, и в радости определяют характер данной художественной системы как одной из форм народного мировоззрения.

Образность живого русского языка и художественная символика фольклора составили тот древний поэтический фонд народа, который дал богатые изобразительные средства зарождающейся на Руси историко-повествовательной литературе. Усвоение древнерусскими писателями некоторых образов античной, византийской и южнославянской литературной культуры было таким образом заранее ограничено издавна привычной русскому человеку своей фольклорной и языковой традицией (см. гл. 6).

В дальнейшем, в течение ряда веков, частично во взаимодействии, частично независимо друг от друга, в древнерусской историко-повествовательной литературе и в фольклоре развиваются две однотипные в общих своих чертах, хотя и не тождественные, поэтические системы. Различие этих систем состоит в том, что единые или близкие образные представления отливаются в каждой из них в специфические, только одной из двух традиций свойственные, выразительные словесные формулировки.

Поэтика фольклора и историко-повествовательной литературы развивалась преимущественно в направлении разработки своеобразных и очень живописных, но в значительной мере лишь описательно-эпических традиций. Эти поэтические особенности данных видов словесного творчества были типичным проявлением общих черт средневекового искусства, которое не могло уделять изображению человеческой личности, ее внутреннего, духовного мира того пристального внимания, какое уделяется им в искусстве нового времени.

Многовековая устойчивость поэтических форм фольклора и литературы древней Руси определялась тем, что они в течение долгого времени удовлетворяли эстетическим запросам средневекового общества, отражая в конечном итоге общий характер его сравнительно медленного развития.

Прогрессивные идейно-политические устремления древнерусской литературы, как увидим ниже (см. гл. 6), вырастали на почве тех же исторических явлений русской жизни, которые формировали народное самосознание,

порождали народную заботу о судьбах отечества в первые века существования Киевского государства и обусловливали идейную и поэтическую силу и стойкость русского эпоса.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.— Л., изд. АН СССР, 1947.

Андреев Н. П. Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений. Изд. 2-е. М.— Л., 1938.

Владимиров П. В. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896.

М. Горький. Доклад на Съезде советских писателей 17 августа 1934. О литературе. М., 1937.

Лихачев Д. С. Национальное самосознание древней Руси. М.— Л., изд. АН СССР, 1945.

Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Труды Отдела древнерусской литературы, т. VII. М.— Л., 1949, стр. 17—51.

Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода. История русской литературы, т. I. М.— Л., изд. АН СССР, 1941.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Д. С. Лихачев

Литературное и культурное развитие древней Руси X—XIII вв. восстанавливается неполно. О нем приходится судить по разрозненно сохранившимся произведениям, значительно искаженным позднейшими переписками и переделками. Только случаю обязаны мы сохранением таких значительных памятников, как Слово о полку Игореве и Поучение Владимира Мономаха. Летопись XI—XII вв. дошла до нас лишь в позднейших списках, из которых древнейшие: I Новгородская в Синодальном списке — конца XIII в., Лаврентьевская — 1377 г. и Ипатьевская — начала XV в. Очень многое от древнерусской светской литературы до нас не дошло. Исчезла, например, целиком дружинная поэзия Киевской Руси; незначительные следы оставил, как мы видели, фольклор; уничтоженной оказалась литература Галицко-Волынской области, отрывки летописи которой свидетельствуют об ее высоком литературном развитии. Естественно поэтому, что наши представления о литературе Киевской Руси чрезвычайно неполны и неточны. Причина тому — междоусобные войны, специальный религиозно-дидактический по преимуществу подбор монастырских библиотек — единственных на протяжении ряда веков хранителей литературного наследия Киевской Руси, но в основном — страшная лавина татаро-монгольского нашествия, снесшая с лица земли не только отдельные библиотеки, но целые города и села, поведшая к запустению многих областей.

Как бы ни были случайны и отрывочны наши сведения о литературе киевского периода, представление об особенностях ее развития облегчается тесной связью киевской книжности с русской действительностью, с запросами и нуждами русской жизни. Литература киевского периода чутко откликалась на все политические события и отчетливо отражала изменения общественной идеологии. Этот историзм литературы киевского периода явился основой ее самостоятельности и своеобразия.

1

Истоки русской литературы уходят в дофеодальный период истории Руси. Своим необычайно быстрым ростом русская литература XI—XII вв. обязана прежде всего тому высокому уровню устного русского языка, на котором застает его широкое распространение письменности, связанное с христианизацией.

Русский язык оказался способным выразить все тонкости отвлеченной мысли, воплотить в себе изощренное ораторское искусство церковных проповедников, передать сложное историческое содержание всемирной и русской истории, ответить нуждам нового для Руси, но достаточно старого христианского культа, воспринять в переводах лучшие произведения общеевропейской средневековой литературы. И это произошло потому, что письменный литературный язык опирался на культуру устного литературного языка — на предшествующее развитие «устной литературы», содержание которой не покрывалось одним только фольклором (см. гл. 5).

Судить об этом устном литературном языке мы можем по его отражению в русской письменности XI—XIII вв. Здесь в летописи, в житиях, отчасти в проповедях отчетливо дают себя чувствовать сложные культурные традиции русского ораторского искусства: воинского, посольского, судебного, вечевого и т. д. В самом деле, те великолепные по своему лаконизму, образности, энергии и свободе выражения речи, которыми русские князья перед битвами «подавали дерзость» своим воинам, не выдуманы летописцами: они отражают общую высокую культуру воинских речей, существовавшую на Руси независимо от всякой письменности. Вот, например, известные речи князя Святослава Игоревича к своим дружинникам: «уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино» (Лавр. л., 971); «уже нам некамо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми, мертвии бо срама не имем...» (там же) и т. д.

Эти речи Святослава в известной мере связаны со всей традицией русского воинского ораторского искусства. «Аще жив буду, [то] с ними, аще погыну, то с дружиною»,— говорит Вышата о своей дружине (Лавр. л., 1043). «Потягнете, уже нам не лзе камо ся дети»,— говорит Святослав Ярославич перед битвой с половцами (Лавр. л., 1068). «Да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Рускую землю»,— говорит Василько теребовльский (Лавр. л., 1097). «Луче, братье, измрем сде, нежели сесь [сей] сором възмем на ся»,— говорит Изяслав Мстиславич черным клобукам (Ипат. л., 1150). С такими же речами обращается к своей дружине и Игорь Святославич новгород-северский перед битвой с половцами: «Братья! сего есмы искале, а потягнем» (Ипат. л., 1185) или: «Оже побегнемь, утечемь сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будеть грех сих выдавше пойдемь; но или умремь или живи будемь на единомь месте» (там же). Такие же речи встречаем в Псковской летописи: «Братие, не посрамим отець своих и дедов, кто стар той отець, кто млад той брат;

се же, братие, живот и смерть нам предлежит; постражем за свой живот» (I Пск. л., 1230).

Все эти речи свидетельствуют о высокой культуре устной воинской речи. В них чувствуется и княжеская ласка к дружинникам в назывании их «братьями», и отчетливое представление о воинской чести и чести родины, и мудрость воина (например, в словах Мстислава Ростиславича: «Мы бо аще ныне умрем, умрем же всяко»; Ипат. л., 1178). Но больше всего поражают они стройностью и исключительной сжатостью выражения.

Особым лаконизмом, выработанностью формул, отчетливостью и образностью отличались и речи, произносившиеся на вечевых собраниях. Несомненно, что вече выработало свои формы обращения к массе, умение кратко и энергично выразить мысль в доступной и легко запоминавшейся формуле. Образность и пословичность отличают эти вечевые обращения. Например, в ответ на зов Мстислава Мстиславича пойти на Киев против Всеволода Чермного новгородское вече отвечало ему: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вьржем» (I Новг. л., 1214). Так же энергична и речь посадника Твердислава на новгородском вече: «Даже буду виноват, да буду мертв; буду ли прав, а ты мя оправи, господи» (I Новг. л., 1218).

Летопись донесла до нас много речей, произносившихся послами. По самому своему содержанию эти речи послов были гораздо более разнообразны и сложны, чем речи воинские и даже вечевые. В них меньше традиционных формул, шаблонных оборотов. Вместе с тем они легко заимствуют отдельные формулы из практики иной устной речи — вечевой, воинской, даже разговорной. Однако чем сложнее были задачи, ставившиеся дипломатическому языку, тем более блестяще они разрешались.

Прежде всего поражает характерный образный лаконизм посольских речей: «Аз уже бородат, а ты ся еси родил»,— вспоминает Вячеслав киевский речи, переданные им через послов Изяславу Мстиславичу (Ипат. л., 1151). «Оже есте мой Городець пожгли и божницю, то я ся тому отъожгу противу»,— говорит Юрий Долгорукий через послов Святославу Ольговичу (Ипат. л., 1152).

Особенное значение в посольских речах имела всегда выразительная антитеза: «Да аще [вам] любо, да седита, аще ли ни, да пусти Василка семо» (Лавр. л., 1100); «А поиди, а мы с тобою, не идеши ли, а мы есмь в хрестьном целовании правы» (Ипат. л., 1148); «Годно ти ся с ним [Юрием] умирити,— умиришася, пакы ли а рать зачнеши с ним» (Ипат. л., 1154); «Аще ты ратен—си ратни же, аще ты мирен, а си мирни же» (Лавр. л., 1186) и т. д.

Повидимому, яркой выразительностью отличались и речи, произносившиеся на пирах и тризнах. Пиры были широко распространены в быту княжеском, церковном, купеческом и крестьянском. О погребальных тризнах упоминают Ибн-Фадлан и русская летопись в рассказе о третьей мести княгини Ольги древлянам. О полуязыческих трапезах роду и рожаницам упоминают списки тех исповедальных вопросов, которые священники обязаны были

задавать «на духу». Сохранилось немало свидетельств и о мирских братчинах городских и сельских общин. Наконец, летопись донесла до нас многочисленные свидетельства о пирах князей с их широким гостеприимством. Они устраивались и по поводу вокняжения нового князя, и по поводу построения новой церкви или монастырской стены, и по поводу военных побед, и при дипломатических свиданиях русских князей. На пирах этих произносились похвальные речи, провозглашались здравицы, произносились поучения «духовным отцом» за четвертой чашей. Слово о богатом и убогом говорит, что на пирах этих выступали «ласковьци, шьпилеве, праздьнословьцы, смехословьцы». Следов этого пиршественного ораторства до нас почти не дошло, но о наличии его выразительно свидетельствует надпись на «круговой» серебряной чаре Владимира Давидовича (1139—1151): «А се чара кня[зя] Володимирова Давыдовича, кто из нее пь[ет] тому на здоровья, *а хваля бога своего и осподаря великого кня*[*зя*]». Отзвуком такой хвалы князьям, может быть, является заключительная здравица в Слове о полку Игореве: «Солнце светится на небесе, Игорь князь в Русской земле. Девици поють на Дунаи, вьются голоси чрес море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святей богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели. Певше песнь старым князем, а потом молодым пети: Слава Игорю Святъславличу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичю. Здрави князи и дружина, побарая за христьаны на поганыя плъки! Князем слава а дружине!»

Слава князьям провозглашалась не только на пирах. Ее пели победителю на улице или избранному князю на княжом дворе. Так было в 1068 г., когда киевляне, освободив Всеслава из поруба, «прославиша и [его] среде двора къняжа» (Лавр. л.). Так было в 1242 г., когда псковичи встречали Александра Невского при возвращении с Ледового побоища «поюще песнь и славу государю, великому князю Александру Ярославичу» (Житие Александра Невского в псковской редакции). Так было в 1251 г. при возвращении из победоносного похода Даниила галицкого и его брата Василька «и песнь славну пояху има, богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великого Романа...» (Ипат. л.).

Культура устной речи отчетливо дает себя чувствовать и в тех речах, которые произносились при погребении князей (Александра Невского, Мстислава Ростиславича под 1179 г., Владимира Васильковича под 1288 г. и др.). Можно привести много других случаев, в которых сама действительность настойчиво требовала высокой культуры устной речи. Вспомним речи, произносившиеся при клятвенных заверениях на кресте (например, крестоцеловальные речи на Любечском съезде 1097 г.), речи на княжеских снемах, в заседаниях совета господ в Новгороде, при судопроизводстве и т. п.

Итак, устная речь, выдержанная в традициях русского ораторского искусства, играла выдающуюся роль в русской общественной жизни XI—XIII вв. Общественные формы древнерусской жизни давали ей возможности бóльшего развития, чем даже в последующее время — в XIV—XVII вв.

Однако наибольшего развития эта культура устной речи достигла, несомненно, в фольклоре. В фольклоре перед нами действительное *искусство* и при этом исключительно разнообразное по типам (см. гл. 5).

В фольклоре, как и в речах воинских, вечевых, посольских, судебных и т. д., создался устный литературный язык, который лег затем в основу письменной литературы и продолжал оказывать на нее воздействие в XI—XIII вв. Но не только высокий уровень устной литературы, достигнутый в IX—X вв., обусловил собою быстрое развитие литературы письменной. В основе большинства лучших произведений русской литературы XI—XIII вв. лежат произведения литературы устной. Прежде чем быть записанными в летописи, сказания о походах русских на Константинополь, северно-черноморские легенды, сказания о Вещем Олеге, сказания о премудрой Ольге и т. п. рассказывались или пелись. Речи, записанные в летописи,— воинские, посольские и другие — были действительно произнесены. Почти всякое известие летописи прежде, чем быть записанным летописцем, было им услышано, отложилось в устной речи прежде, чем в письменной. Легенды Киево-Печерского патерика рассказывались десятки лет, передавались из поколения в поколение прежде, чем были собраны в письменный свод — патерик. Житие Бориса и Глеба составлено на основании устных рассказов об их гибели. Следы высокой культуры именно устной речи явственно ощутимы и в Слове о полку Игореве. Даже такое изощренное и тонкое произведение риторического искусства, как Слово о законе и благодати митрополита Илариона, было рассчитано для произнесения вслух, и Иларион, обращаясь к своей «преизлиха насытившейся сладости книжной» аудитории, все же ссылался на то, что было известно его слушателям в устной, а может быть и прямо в фольклорной передаче: он ссылался на *устную* славу, окружающую первых русских князей и Русскую землю. Резко своеобразные и типично «устные» формы фольклора редко проникали в литературу письменную. Древнерусский автор и древнерусский читатель ясно ощущали разницу между устной речью и письменной. Однако письменная литература все время «шлифовалась» вкусами русского читателя, «корректировалась» фольклором. В литературе письменной отмирали все те формы, которые противоречили воспитанным на фольклоре и в обстановке русской жизни читательским вкусам.

Этой «шлифовке» и «корректировке» подвергались даже произведения переводной литературы: в меньшей мере переводы богослужебной и чисто богословской литературы и в бо́льшей мере произведения литературы исторической, сильнее всего интересовавшей русского читателя. Современное понятие перевода не всегда применимо к так называемой переводной литературе Киевского государства. Русские «переводчики» и русские переписчики, а иногда и сами читатели (на полях рукописей) вносили в эти переводы добавления, упрощали язык, иногда сокращали содержание памятника или, наоборот, вставляли целые куски из других произведений. «Переводчики» предпочитали считаться с потребностями читателя иногда в большей мере, чем соблюдать близость к оригиналу.

2

С принятием христианства на Русь перешли многочисленные литературные произведения средневековой Европы и прежде всего Византии, наследницы культурного богатства античности и эллинизма. Константинополь распространял свое культурное и политическое влияние на Запад, на Восток (Малая Азия и Кавказ), на Юг (Северная Африка, несторианская Абиссиния) и даже на далекий Север. На Русь перешли из Византии литературные произведения, созданные в Палестине, Сирии, Египте, Южной Италии и т. д.

Первоначально византийские литературные произведения шли главным образом через Болгарию, письменность которой к моменту принятия христианства на Руси была одной из самых богатых в Европе. Обширный запас византийской переводной литературы на славянском языке был создан в Болгарии по преимуществу в X в., в блестящую эпоху царя Симеона (893—927).

По мнению А. И. Соболевского, на Руси в первые века после крещения были уже «почти все те южнославянские переводы IX—X веков, которые мы знаем по дошедшим до нас спискам». Однако очень рано, со времени княжения Ярослава I, который «собра писце многы, и прекладаше от Грек на Словеньское письмо» (Лавр. л., 1037), переводы начали делаться и на Руси.

Поток литературных произведений средневековой Европы, шедший из Византии, а в некоторых случаях и минуя Византию, вливался в широкое русло самостоятельной русской литературы, подчинялся потребностям русской жизни, подвергался воздействию русских переводчиков, переписчиков. Отдельные переводные произведения перерабатывались, дополнялись многочисленными русскими вставками, включались в состав обширных русских сводных сочинений, постепенно осваивались и становились русскими по своему характеру.

Введение христианства потребовало прежде всего перенесения на русскую почву основного «корпуса» христианского вероучения — Библии. Значение Библии для Киевской Руси не ограничивалось, однако, исключительно религиозной стороной. Чрезвычайно пестрый и в идеологическом и в художественном отношении состав библейских книг, созданных в разное время на протяжении более тысячелетия, включал произведения самых разнообразных жанров, начиная с философской лирики и кончая воинской повестью. Библия заключала в себе обильные фольклорные мотивы, сказочные сюжеты, полулегендарную историю еврейского народа, проповеди, космогонические мифы, биографические повествования, богословские трактаты, лирические песнопения и т. д.

В Библии черпала свое основание не только официальная догматика, но и ереси, не только представители господствующего класса, но и социальные реформаторы — противники рабства и изобличители богатых. Отдельные библейские сюжеты развивала впоследствии народная фантазия (апокрифы); в Библии находила иногда стилистически близкие выражения русская летопись (особенно в передаче воинских эпизодов); русские проповедники пользова-

лись библейскими образами; разнообразное применение получали отдельные библейские сентенции.

Практические потребности богослужения вызвали появление на Руси богослужебных книг. Эти книги должны были служить руководством при совершении довольно сложного к началу XI в. христианского культа. От XI в. до нас дошли в болгарском переводе служебная месячная Минея (собрание служб в календарном порядке на весь год), Триоди («постная» — тексты праздничных служб до пасхи и «цветная» — тексты служб в послепасхальное время), затем служебники и требники (руководства при обычных богослужениях). Помимо исключительно «деловой» части, эти богослужебные книги заключали в себе тексты литературно-поэтического характера — песнопения и чтения, составлявшие, так сказать, художественную часть богослужебного ритуала. Эти богослужебные книги могли служить и для чтения вне церкви и использовались при обучении грамоте (Часослов). В церковных песнопениях — канонах, стихирах, кондаках, икосах Иоанна Дамаскина, Григория Назианзина, патриарха Софрония — не утратилась еще связь с античной и эллинистической поэзией, с настроениями античной философской лирики. Несложные по тематике (молитвы об исцелении и защите, покаянные молитвы, хвалы святым и божеству) церковные песнопения были очень сложны по своей стилистике и перенесли в русский литературный обиход отдельные цветистые выражения, рифму (обычного в Византии глагольного типа), ритмическое построение прозы, сложные и изысканные сравнения.

Рано перешли на Русь и многочисленные произведения учительной литературы — проповеди и поучения, созданные в Византии в целях христианизации языческих стран, для борьбы с ересями и для пропаганды христианской догматики и морали внутри Империи. Отдельные приемы этих произведений восходили к античному ораторскому искусству, к античной эпистолярной практике и к философской прозе. Христианское богословие, теснейшим образом зависевшее от эллинистической философии неоплатоников, в своих философских методах несло традиции софистов Горгия и Протагора. В Киевскую Русь было перенесено огромное количество сочинений христианских писателей III—XI вв. и сборников их произведений. Из учительной литературы особенным распространением пользовались на Руси «отцы церкви» — Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин и другие, из сборников — составленный в X в. в Болгарии при царе Симеоне Златоструй. Вместе со сборниками поучений и проповедей на Русь перешли произведения популярной вопросно-ответной формы (ведущей свое начало от так называемого сократического диалога) и разного рода толкования священного писания (толковые псалтыри и т. д.).

Обличения нравов, весьма распространенные в проповедях и поучениях, давали древнерусскому читателю конкретные представления о быте византийского населения, часто в живом и наглядном изображении рисовали обиход жителей Константинополя, Малой Азии, Египта и др.

Русские переводчики или русские переписчики дополняли переводные поучения своими вставками, применяли поучения к русской действительности. Так, например, в Слове о дерзости Павла апостола, где проповедник уговаривает паству не лениться слушать поучения, читаем такую вставку: «Аще бо бы рать на ны *половецкая* пришла и все наше попленили быша, таче воевода их вретил [угрожал] бы и град наш раскопати... таче бы от царя нашего ят [пленен] и связан, в град приведен был,— не вси ли быхом вскочили и с женами и детми видети его?» Таких русских дополнений переводные поучения содержат немало. Самые сборники, в которых дошли до нас переводные поучения, подбирались на Руси согласно вкусам и потребностям русских читателей.

Авторитарность средневекового мировоззрения требовала подкрепления той или иной мысли в проповеди или поучении цитатой из авторитетного автора. Труд подбора таких цитат облегчался проповедникам и церковным писателям особыми сборниками энциклопедического характера, включавшими изречения известнейших поэтов, философов, ученых и богословов. Тип таких сборников выработался еще в античности и был широко распространен в средневековье. В христианские сборники изречений входили цитаты из священного писания (Псалтыри, Екклезиаста, Книги притч и премудрости Соломона и др.) и из античных писателей в тех случаях, когда они не противоречили христианскому мировоззрению. Сборники эти служили также пропаганде нового мировоззрения и были очень популярны на Руси. Здесь они перерабатывались и дополнялись согласно потребностям русской действительности. Древнейший из списков таких изречений вошел в Изборник Святослава 1076 г. Возможно, на русской почве был составлен Стослов Геннадия, дававший в предельно понятной и доступной форме основы средневекового мировоззрения. Стослов Геннадия был очень ценен для пропаганды новогосударственной власти Киевской Руси: «Царя бойся всею силою твоею», «всякому богатому главу твою поклоняй смирения ради» и т. д. Афоризмами из Стослова пользовался в своем Поучении Владимир Мономах.

Наиболее обширный переводный сборник Киевской Руси — Пчела был составлен в Византии в XI в. В Пчеле особенно резко было сближено мировоззрение христианских и античных писателей. Здесь находились изречения, а иногда и обширные выдержки, рассказы, анекдоты и целые рассуждения из Эсхила, Софокла, Еврипида, Менандра, Феокрита, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Демосфена, Демокрита, Диогена, Сократа, Платона, Пифагора, Плутарха, Эпиктета и др.

Еще больше обогащали русского читателя самыми разнообразными сведениями исторического, географического и бытового характера жития святых. Византия знала в основном два типа житий: проложные и минейные. В Пролог, предназначенный для чтения в церкви, включались краткие, деловито составленные жития, представлявшие собой как бы «послужной список» святого, сравнительно однообразный по своему построению. Более пространные жития

включались в состав Четьих-миней. В Четьих-минеях житие представляло собой обширный литературный памятник, обильно украшенный риторикой и нравоучительными отступлениями с подробным описанием жизни святого, его посмертных «чудес» и заключительной похвалой.

Кроме Прологов и Четьих-миней, существовали и другие сборники, в которых жития были объединены по какому-либо одному признаку, главным образом территориальному. Так, например, в Киевской Руси под названием патериков известны были сборники Синайский, Египетский, Римский и Алфавитный.

Жития святых представляли собой орудие пропаганды нового мировоззрения, наглядно показывали средневековому читателю образцы христианских «добродетелей», в поучительной форме рассказывая ему о новых идеалах христианской религии. Однако, наряду с этим, жития приносили читателю увлекательное чтение, в котором элементы житийно-чудесного переплетались с народной фантастикой, с неизжитыми дохристианскими верованиями и мифами. Выразительные картины искушений святых, занимательные подробности «чудес», воинские эпизоды, разнообразные характеристики святых — монахов-отшельников, юродивых, церковных иерархов, воинов, мучеников, ораторов, князей и т. д., живших в разнообразных исторических и географических условиях, расширяли литературные вкусы читателя, будили его воображение. В сказочной форме показывалась иногда в житиях власть святых над животными, над стихиями природы, чудесные видения, прорицания и исцеления больных. В основе литературной манеры житий лежали античные биографии Ксенофонта, Тацита и особенно Плутарха. Византия знала специальные теоретические сочинения, излагавшие литературные приемы составления житий. Эти приемы подчиняли жития известным трафаретам, которые в значительной мере обедняли житийный жанр, особенно в описаниях детства святого, его смерти и посмертных «чудес».

На русской почве многие из житий были переработаны, а некоторые и дополнены новыми эпизодами. Так, например, было дополнено четырьмя новыми рассказами житие Николы чудотворца. В двух из них местом действия является Киев. Был переработан и расширен значительными дополнениями один из основных сборников житий — Пролог.

Исключительный литературный интерес имеют так называемые апокрифы, т. е. та часть христианских и иудейских религиозных, легендарных сочинений, которые не признавались официальной церковью за достоверные. [1] Апокрифы в поэтической форме дополняли то, чего нехватало в официальных церковных произведениях. В них рассказывалось о том, как первые люди получили знания, о происхождении зла, подробности сотворения мира и человека.

---

[1] Часть этих неофициальных сочинений признавалась вначале «тайными» (ἀπόκρυφα), часть — ложными. Впоследствии и те и другие были в равной степени запрещены.

повествовалось о последних временах мира и загробной жизни. В широкой степени эти рассказы черпали свой материал в античной мифологии, в дохристианских и восточных религиях, в фольклоре и в эллинистической философии.

Установить, какие из апокрифов были известны еще в Киевской Руси, а какие перешли на Русь позднее,— не всегда легко, однако широкое распространение их уже в древнейший период несомненно. От XI в. сохранился отрывок из апокрифических Деяний апостолов — своеобразного романа путешествий с многочисленными сказочными подробностями: чудовищными народами, разбойниками, описаниями дальних краев, приключениями на море и т. д. От XII в. сохранилось Хождение богородицы по мукам — апокриф, имевший громадное распространение в древнерусской литературе. Апокриф этот принадлежит к числу популярных в средневековье сказаний о загробной жизни и конце мира, каковы, например, Откровение Мефодия Патарского, Видение Андрея Юродивого, Житие Василия Нового и т. д. Ближе всего он стоит к апокрифическому Откровению апостола Павла, по схеме которого построена, например, Божественная комедия Данте. Хождение богородицы рассказывает, как богоматерь обходит в сопровождении архангела Михаила места посмертных мучений грешников и добивается для них у бога некоторого облегчения. Богородица видит огненную реку с погруженными в нее грешниками, клеветников и сплетниц, подвешенных за языки и зубы, ленивцев на «одрах» мучений и т. д. Мучения описаны в конкретных картинах и чувственных представлениях: мороз, жар, смрад, тьма и т. д.

На Руси апокриф получил некоторые добавления, из которых особенно интересно рассказывающее о том, как богородица видит в аду людей, которые «Трояна, Хърса, Велеса, Перуна на богы обратиша, бесом злым вероваше, да и доселе мракъмь злынмь одьржими суть». Легенда о Хождении богородицы дожила до XIX в. и отразилась в народном фольклоре (в духовных стихах). Впоследствии в описаниях мучений многочисленные переписчики добавляли тех, кого хотели видеть в аду: «немцев управителей», «бояр злых» и т. д. В аду очутились даже «немилостиви князи, епископи и патриарси, и цари, иже не сотвориша воли божия...».

Большим распространением пользовался в Киевской Руси и другой эсхатологический апокриф — Откровение Мефодия Патарского, рассказывавшее, между прочим, о народах, «заклепанных» Александром Македонским в горном ущелье, из которого они выйдут перед самым пришествием антихриста, растлят и осквернят землю. Об этой легенде вспоминает русский летописец в связи с половецким погромом 1096 г., когда половцы под предводительством «шелудивого» Боняка разграбили Печерский монастырь.

Широко пользовались апокрифами русские писатели: Кирилл Туровский (Евангелием Иакова) и Климент Смолятич (Вопросами Иоанна Богослова).

Апокрифы приходили на Русь не только через Болгарию, но часто и в непосредственных переводах на русский язык с греческого (Сказание Афродити-

ана — апокриф полуязыческого характера), в составе византийских хроник, в устной передаче — через паломников (в сочинении Даниила Паломника указываются апокрифы: о пупе земном, о юдоли плача, о Иордане и др.), наконец через произведения искусства (например, изображение апокрифического благовещения у колодца в киевской Софии).

Византийская историческая литература была представлена на Руси двумя хрониками, отразившими два различных направления византийской исторической мысли: одно, стремившееся примирить античность и античную историю с христианством, и другое, освещавшее историю исключительно с религиозной точки зрения.

Первое из этих направлений представлено переводом хроники Иоанна Малалы из Антиохии, сделанном в Болгарии в эпоху расцвета болгарской литературы при царе Симеоне. Вслед за рассказом о сотворении Адама и вавилонском столпотворении Малала рассказывал историю Ассиро-Вавилонии, Египта, Персии и Греции, сопоставляя ее с историей иудейского народа — центрального в хрониках чисто клерикального направления. Одна из книг хроники была целиком посвящена Троянской войне. В следующих книгах раскрывалась история Рима, Антиохии и главным образом Византии. Хроника Малалы пестрит ссылками на Плиния, Тита Ливия, Геродота, Иосифа Флавия и других, полемизирует с Евripидом, Гомером, Виргилием, обильно насыщена рассказами об античных богах и героях (Кроносе, Зевсе, Ире, т. е. Гере, Гефесте, Геракле, Орфее) и мифологическими сюжетами (здесь повествовалось о похищении Европы, излагались мифы о Тезее и Ариадне, о Данае, о Минотавре, Ромуле и Реме и др.).

Наряду с античными мифами хроника Малалы заключала и кое-какие апокрифические сказания, по преимуществу познавательного значения: об изобретении астрономии Немвродом и еврейской грамоты Сифом и др.

Другая хроника, принадлежавшая перу Георгия Амартола («Грешника»), была переведена на Руси, очевидно, при Ярославе и проникнута исключительно религиозными воззрениями на мир. Хроника Амартола касается по преимуществу истории иудейского народа и истории Византии, в связи с историей христианской церкви, сведения о которой черпались Амартолом из церковной истории Евсевия. Амартол приводит отрывки из житий святых, часто совершает обширные дидактические отступления и экскурсы в область богословия, опровергает язычество, доказывая, что языческие боги «не суть боги, но грешники человеци», обожествленные после своей смерти. Церковная направленность Амартола создала его труду значительный успех у читателей церковников, во многих монастырских библиотеках были его списки, благодаря чему они дошли до нашего времени в значительном количестве экземпляров.

Помимо хроник Амартола и Малалы, на Русь попадали и другие исторические сочинения, менее значительные по объему и содержанию: например, Летописец вкратце патриарха Никифора, хроника Георгия Синкелла и др.

Подробное изучение различных редакций русских переводов византийских хроник убедительно показывает, как упорно и настойчиво расширяли русские переписчики их исторический материал включениями в их повествовательную ткань все новых и новых исторических произведений для наиболее полного освещения всемирной истории. Именно этим способом составилась на основании переводного и частично русского материала обширная компиляция по всемирной истории — Еллинский и римский летописец. Первоначальную основу этой компиляции (первую редакцию Еллинского и римского летописца) составляли переводные византийские хроники: Георгия Амартола (иначе Римский, т. е. византийский, летописец), Иоанна Малалы (иначе Еллинский, т. е. «древнегреческий», летописец) и Летописец вкратце патриарха Никифора. Искусство и высокая требовательность русских авторов, работавших над этой компиляцией или сводом в XII—XIV вв., наглядно видны хотя бы из того, что они, не довольствуясь материалами этих хроник, дорабатывали их вставками, заменами и уточнениями иногда на основании источников этих самых хроник с тем, чтобы более точно и подробно представить события всемирной истории. Вместо соответствующих мест Амартола или Малалы в текст Еллинского летописца включались более подробные библейские исторические книги Ветхого завета, вместо рассказа хроники Малалы об Александре Македонском — более подробный текст Александрии второй редакции (списки второй редакции Еллинского и римского летописца). В те же списки Еллинского летописца второй редакции включается Сказание о трех пленениях Иерусалима Иосифа Флавия с особой повестью Взятие Иерусалима третье Титово, Сказание Епифания о богородице, Видение Даниила, замечательная, новгородская по своему происхождению, повесть о взятии Константинополя крестоносцами, известия о крещении Руси (отличные от летописи), о походах русских князей на Византию (отличные от Повести временных лет), повесть о Казарине и его жене и многие другие. В результате всемирная история на Руси была представлена очень подробным и умело составленным сводом всех лучших тогдашних источников по всемирной истории.

Значение хроник для древнерусского читателя выходит далеко за пределы только тех исторических сведений, которые они ему сообщали: хроники представляли собой энциклопедические произведения, в которых давались, наряду с историческими повествованиями, попытки изложения философии Платона, Аристотеля, объяснение некоторых явлений природы, средневековая география и т. д.

К этой части исторических произведений близко примыкает литература средневекового природоведения, переводы которой занимают большое место в книжности древней Руси. Переводы Христианской топографии Косьмы Индикоплова (т. е. «плавателя в Индию»), Физиолог и различные Шестодневы давали средневековые представления о мире (о них см. гл. 7). Большой интерес вызывали в древней Руси переводные повести и романы, также корректи-

ровавшиеся, сокращавшиеся или дополнявшиеся многочисленными русскими читателями и переписчиками.

Одним из излюбленнейших произведений древнерусского читателя была многократно перерабатывавшаяся в европейской литературе Александрия — роман, восходящий еще к эллинистической литературе. Александрия рассказывала о подвигах и необычайной жизни Александра Македонского, о чудесных восточных странах — Индии и Персии и их фантастических диковинных обитателях — амазонках, любомудрах и т. д. Русского читателя притягивало к Александрии не только обилие событий и занимательность фабулы, но и особая направленность ее, отвечавшая военным тревогам того времени и потребностям только-что христианизированной страны: в романе превозносились воинская доблесть и полководческое умение Александра, смелость его тактики, рыцарство, энергия, прямодушие и неукротимая воля к победе. В Александрии всюду проводилась мысль о превосходстве греческой культуры над «варварской», позволявшая находить широкие аналогии в русской действительности, где христианство еще вело жестокую борьбу с язычеством. На русской почве Александрия подвергалась дополнениям из хроники Амартола и др.

Киевской же Руси принадлежит перевод одного из наиболее крупных произведений мировой литературы, художественное значение которого не утрачено и для нашего времени,— Повести о разорении Иерусалима Иосифа Флавия. Повесть обнимала собой драматические события еврейской истории за два с половиной века и отличалась тем же обилием воинских эпизодов, что и Александрия. Русский переводчик Повести всюду акцентировал представления о воинской чести, о ратной славе, обильно ввел в нее русскую военную терминологию, кое-где дополнив перевод собственными вставками, призывающими к геройству, хваля тех, кто умирает на поле битвы, и проклиная тех «телолюбцев», которые предпочитают умирать от болезни дома. Перевод отличается высокими художественными достоинствами, ритмичностью и вместе с тем простотою речи.

Другой переводной повестью, отвечавшей военным вкусам древнерусского читателя, были Троянские деяния, произведение, приписанное участнику осады Трои — Диктису Критскому и включенное затем в состав хроники Малалы.

Едва ли не лучшей из переводных воинских повестей Киевской Руси была повесть о Василии Дигенисе Пограничнике (Акрите), представлявшая собою прозаический перевод византийской поэмы X в.— литературной обработки византийской богатырской былины. Поэма эта входила в цикл византийских произведений о подвигах богатырей-пограничников, охранявших восточные границы империи. Тема этих произведений была как нельзя более актуальна в Киевской Руси, где существовали аналогичные отношения со степью на востоке и юге. Отдельные черты и эпизоды (например, поединок Девгения с девушкой-богатырем Максимьяной) роднят повесть с русским героическим эпосом. Русским переводчиком подчеркнуты героические сказочные мотивы поэмы, ослаблена любовная тема, опущены некоторые лишние исторические детали;

в отдельных местах как бы еще звучит стихотворная форма греческого оригинала, сохранены рифмы и ритмическая речь. Повесть о Девгении просуществовала в русской литературе до XVIII в., являясь вместе с Повестью о разорении Иерусалима одним из лучших памятников русского литературного языка Киевской Руси.

Наряду с повестями, в которых основное место занимала воинская тематика, из Византии пришли повести сказочного характера. Нравоучительная тенденция этих повестей была выражена более ярко, а самый христианский характер их, несмотря на многочисленные пережитки языческой древности, более силен, чем в повестях воинских. Стилистической особенностью всех этих повестей является обилие афоризмов и изречений, до которых был большим охотником средневековый читатель. Такова, например, повесть об Акире Премудром, в основе которой лежит ассиро-вавилонская повесть об Ахикаре, арамейский текст которой был найден в папирусе V в. до н. э. Другая из повестей этого типа — о Варлааме и Иосафе — представляет собою христианскую переработку одной из версий жизнеописания Будды, особенно распространенной в мировой литературе XI в. Типичные черты восточной мистики и восточной аскезы примирены в ней с христианским монашеским идеалом жизни. Восточного же происхождения переводная повесть о царе Адриане.

Предложенный обзор переводной литературы ясно показывает, что отношение русских переводчиков и читателей к этой литературе было далеко не пассивным. Эти переводы порой граничили с творческими переработками, а самый выбор переводимых сочинений диктовался потребностями русской действительности. Конечно, в переводах богослужебных русские переводчики не вносили добавлений от себя,— это и понятно, но во всей особенно интересовавшей русского читателя литературе исторического характера ясно видна рука русского переделывателя. Переводная литература была подчинена потребностям русского читателя.

Жанровое обилие переводной литературы оказалось весьма плодотворным для литературы Киевского государства. Каждый из жанров — повести, хроники, жития, проповеди, поучения и т. д.— был творчески освоен на русской почве, подвергаясь изменениям согласно потребностям русской жизни, отразил веяния действительности и типические черты культуры Киевского государства. Рядом с византийскими житиями и переводными проповедями составлялись русские, более историчные, жития и русские проповеди, отражавшие русскую действительность. Однако наряду с жанрами, общими для всей христианской литературы Европы, на Руси создавались и свои жанры, возникшие на русской почве совершенно самостоятельно: летописи, воинские повести, повести о княжеских преступлениях, а также произведения, стоявшие вне всяких жанров,— Слово о полку Игореве, Слово о погибели Русской земли и многие другие. Русская литература движется по своему, самостоятельному руслу, беря истоки в дописьменной, устной литературе и фольклоре, захватывая в своем мощном

движении произведения переводной литературы, перерабатывая их, отбирая то, что в первую очередь отвечало русским потребностям, и стремясь вперед, к постепенному накоплению элементов реалистичности, к освобождению от церковности. В этом мощном течении борются силы прогрессивные с силами консервативными, социальный опыт с инертной идеалистической богословской системой, элементы национальные, твердо опирающиеся на запросы и нужды русской жизни, с традициями церковной литературы.

3

Древнейшие из дошедших до нас произведений оригинальной литературы Киевского государства связываются с эпохой княжения Ярослава Мудрого, точно согласуясь с той характеристикой его просветительной деятельности, которую нам оставила летопись. Ко времени Ярослава, согласно наиболее вероятной гипотезе А. А. Шахматова, относится появление так называемого Древнейшего киевского свода — первого русского летописного свода вообще, гипотетически восстанавливаемого на основании позднейших летописей.

Древнейший киевский свод Ярослава имел огромное значение для всего последующего киевского летописания, определив его содержание и стиль. По обилию исторического материала, по разнообразию вошедших в него жанров, а главное по высоте своей идейной направленности и художественным достоинствам Древнейший киевский свод — один из лучших в длинном ряду русских летописей.

Древнейший свод соединил в себе уже в совершенно отчетливой форме все особенности русского летописания: высокое патриотическое сознание летописца, художественность изложения, умелое ведение диалогов, чувство юмора и острую бытовую наблюдательность.

Совершенно исключительное значение для всего последующего летописания имел самый выбор языка, на котором велась летопись,— простого, ясного, лишь в малой степени впитавшего в себя славянизмы церковной книжности. Разителен контраст, который представляет в этом отношении Древнейший киевский летописный свод Ярослава с большинством одновременных ему западноевропейских хроник, составлявшихся на чуждом и непонятном народу латинском языке.

В круг исторических источников составителя первого летописного свода включаются памятники материальной культуры прошлого, данные языка, письменные произведения предшествующей поры — русские и нерусские,— документы и рассказы очевидцев, народные песни и легенды. Составитель Древнейшего свода указывает урочища, рвы и могилы, сохранившиеся от времен минувших (становища Ольги, могилу Игоря у Искоростеня, Олега Святославича у Вручего и др.), ссылается на рассказы очевидцев, тщательно собирает

устные предания, приводит пословицы и поговорки, имеющие историческое происхождение. Голод в осажденной Родне позволяет ему объяснить поговорку «беда аки в Родне»; рассказывая о внезапном исчезновении обров, летописец упоминает пословицу «погибоша аки обри» и т. п. Летописец как бы запросто беседует со своим читателем, напоминает ему о том, что он и сам может знать, будит его любознательность, сообщает ему попутно сведения географические, этнографические, бытовые и т. д. Летописец не допускает в своей работе сознательного искажения действительности или произвольного изменения фактов в материалах своих предшественников. Живое чувство истории, изменяемости мира и значительности совершаемого им дела органически присуще уже составителю Древнейшего свода, в «правдивых сказаниях» записывающему для отдаленных потомков «земли родной минувшую судьбу».

Еще одна черта составляет художественное своеобразие древнейшей русской летописи: это ее крепкая связь с фольклором. Древнейший киевский свод в значительной мере основывается на народных преданиях и былинах: об основании Киева, об овладении Киевом хитростью Олега, о щите, прибитом Олегом на вратах Царьграда, о войнах Святослава и т. д. (см. гл. 5).

Присущий летописцу юмор выражается то в передаче насмешек над тучным польским королем Болеславом («прободем трескою черево твое толъстое»; Лавр. л., 1018), то в юмористическом изображении страданий дьявола при крещении Руси, то в каламбуре по поводу радимичей, потерпевших поражение на реке Пищане от воеводы Волчий Хвост («пищаньци волчия хвоста бегают»). Летописец умеет живо и драматично изобразить то или иное событие, метко охарактеризовать то или иное лицо. Древнейший свод сохранил нам образ бесстрашного и неутомимого в походах богатыря князя Святослава, вещего Олега, мудрого князя Ярослава, предателя Блуда. Драматично рассказано в нем бегство братоубийцы Святополка, которому повсюду чудилась погоня: «Побегнете со мною,— женуть по нас»,— обращается он к отрокам, несшим его на носилках, — «осе женуть, оно женуть, побегнете...» (Лавр. л., 1019).

Владимир Святославич выступает в своде тем ласковым князем «Красным Солнышком», каким мы его знаем и по былинам. Образ Владимира и его характеристика как бы подготовляют собою характеристику Ярослава. Владимир «вспахал землю» и сделал ее мягкой, т. е. крестил Русь, Ярослав «засеял» сердца верующих людей книжными словами, а мы — новые христиане — пожинаем: такова историческая концепция летописца. Похвала Ярославу, составляющая торжественную заключительную часть свода, искусно перевита с похвалой просвещению и книгам: «Се бо суть рекы, напаяюще вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неищетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы...» (Лавр. л., 1037).

Центральные события свода — успехи Киевской державы, крещение Руси и просветительная деятельность Ярослава. Центральная идея свода — величие Руси. Идея эта объединяет единым настроением все изложение свода, пре-

восходно заканчивающегося тенденциозной концовкой: «Радовавшеся Ярослав... зело, а враг сетовашеться, побежаем новыми людьми христианскими» (Лавр. л., 1037).

Есть все основания думать, что древнейшая русская летопись была составлена далеко не сразу, что в ее основание легло произведение типа патерика, которое можно условно назвать Сказанием о первоначальном распространении христианства на Руси. В него вошли рассказы о христианстве Ольги, о первых русских христианах-варягах, о крещении Владимира и Руси с обширною речью философа, о Борисе и Глебе и о просветительной деятельности Ярослава. Все эти повествования связаны единою мыслью о праве Руси на церковную и культурную самостоятельность. Автор Сказания прославляет благочестие русских людей и проводит мысль о свободном, а не подневольном принятии Русью христианства. Вот из этого первого русского исторического сочинения, еще не разбитого по годам, и выросла постепенно древнейшая русская летопись путем присоединения совсем иных по своему характеру — народных в своей основе — сведений. [1]

Поразительно, что и идейно и стилистически это Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси близко подходит к Слову о законе и благодати митрополита Илариона.

В числе книжных людей, составлявших литературное окружение Ярослава, летопись сохранила нам имя Илариона — священника подгородного имения Ярослава села Берестова. Впоследствии, когда Ярослав разорвал отношения с Византией и пытался создать самостоятельную русскую церковь с русской, а не греческой церковной иерархией, Иларион был поставлен в митрополиты по повелению Ярослава собором епископов помимо Константинопольского патриарха. Принадлежащее Илариону Слово о законе и благодати (между 1037 и 1050 гг.) чрезвычайно сложно по построению и мысли, полно символов, олицетворений и риторических фигур: антитез, обращений, вопросов и т. д. Несмотря на свою украшенность и пышность, Слово Илариона отличается четкой архитектоничностью и конструктивностью построения, ясной слагаемостью частей, цельностью и продуманностью замысла, резко отличающих его от позднейших витийственных произведений ораторского искусства XIV—XVII вв.

Слово построено на противопоставлении иудейства и христианства. На этот основной стержень нанизаны различные символы и олицетворения. Под именем «закона» Иларион подразумевает иудейство, под именем «благодати» — христианство. Превознося христианство над иудейством, Иларион стремится возвеличить принявшую его Русь и вводит новое параллельное противопоставление Руси христианской — Руси языческой. Нетрудно заметить в Слове тот же патриотизм «новых христиан», гордящихся своею новою верою и родиной, — «яже видима и слышима есть всеми коньци земля», что и в древнейшей летописи.

---

[1] См. об этом: *Д. Лихачев.* Русские летописи. М.— Л., 1947, стр. 58—76.

Иларион прославляет Русь и ее просветителя Владимира. Всемирная история представляется Илариону как постепенное расширение христианства на все народы мира, в том числе и на русский.

Вторая часть заканчивается прославлением Ярослава—продолжателя дела Владимира на Руси. Заключается Слово молитвой, обращенной к Владимиру, о Русской земле и ее независимости: «донели же стоит мир, не наводи на ны напасти искушения, не предай нас в руки чуждых, да не прозовется град твой — град пленен, и стадо твое — пришельци в земли не своей, да не прорекут страни: где есть бог их».

Блестящее произведение ораторского искусства, предназначавшееся только для избранных слушателей — «преизлиха насытившихся сладости книжные», Слово пользовалось тем не менее огромной популярностью, неоднократно переписывалось и бралось в образец подражаний, одно из которых было составлено даже вне русских пределов — в Сербии (монахом Доментианом в XIII в.).

Литературе эпохи Ярослава принадлежит и первое русское оригинальное произведение житийного жанра: рассказ «о убьеньи Борисове», записанный в летописном своде Ярослава под 1015 г.

Рассказ этот уже в достаточно ясной форме выразил главнейшие особенности агиографических произведений киевского периода: живую связь с современностью, с политической борьбой своего времени, обилие военных эпизодов и черт быта, наличие элементов народно-песенного эпоса и народно-легендарных мотивов, влияние простого и лапидарного летописного языка. Всем этим жития Киевской Руси значительно отличались от современных им византийских житий, где черты исторической действительности преднамеренно сглаживались подводились под ходячие литературные шаблоны. Идеализируя и согласовывая с требованиями христианской морали образ святого, русские жития умеренно привносили в него аскетические мотивы и не заглушали тех черт, которые рисовали святого как практического деятеля своего времени. Свежая струя, внесенная русскими житиями в агиографический стиль, в значительной мере уже застывший в Византии, объясняется в первую очередь теми практическими задачами, которые ставило литературе молодое Киевское государство.

Деятельность первых русских святых была еще недавно у всех на виду, прочно держалась в народной памяти и с трудом поддавалась подведению под житийные шаблоны. В составлении первых русских княжеских житий (хронологически предшествовавших житиям монашеским) агиографами руководила задача создания собственного русского сонма святых и церковного подкрепления авторитета княжеской власти. Летописная статья 1015 г. «о убьеньи Борисове», являющаяся первым из известных нам житий Киевской Руси, написана с нарочитой целью подтверждения авторитета и законности великокняжеской власти Ярослава Мудрого.

Житие рассказывает об убийстве Святополком — сыном Владимира — своих братьев Бориса и Глеба с целью овладения киевским столом. Борис и Глеб

идеализированы как безропотные мученики-христиане, без сопротивления встретившие руку убийцы. Святополк изображен злодеем, исполняющим бесовскую волю, а Ярослав — мстителем за смерть праведных братьев и охранителем их памяти. Рассказ полон бытовых деталей и жизненных положений (например, сцена ограбления Борисова отрока Георгия), драматизован диалогами и монологами, не чужд народной лирики, сочетающейся с церковной в плаче Глеба («Кде суть словеса твоя, еже глаголяше къ мне, брате мой любимый. Ныне уже не услышю тихаго твоего наказания...», Лавр. л., 1015).

К концу княжения Ярослава Мудрого относится, повидимому, основная часть и другого жития на ту же тему — Сказания о убиении Бориса и Глеба. Житие это более тенденциозно, чем летописная статья 1015 г., которую оно использовало в качестве одного из своих источников, и представляет собою настоящий панегирик Ярославу.

Сказание углубило литературную сторону летописной статьи 1015 г., усилило лирические моменты, сделало более выразительными характеристики и патетичнее отдельные сцены, развило диалог и монолог. Это — стилистически сложное произведение, сочетавшее цветистую риторику с лаконизмом летописного языка и вместе с тем чрезвычайно ясное конструктивно, с четким членением на части, последовательным планом и т. д.

Благодаря своим художественным достоинствам Сказание пользовалось широкой популярностью во всем последующем движении древнерусской литературы и дошло до нас в огромном количестве списков, оказав большое влияние на развитие житийного жанра. При этом исключительно важное значение имело то, что Сказание это, так же как и летописная статья 1015 г., было свободно от схематичности византийских житий, хотя неизвестный автор его был, повидимому, настоящим знатоком житийной литературы, проявив знакомство с житиями Дмитрия солунского, Вячеслава чешского, Никиты-мученика, Варвары и др.

Литература эпохи Ярослава не была только узко киевской. Инициативе Ярослава принадлежит создание в Новгороде, так же как и в Киеве, патрональной святыни города — храма Софии, открытие и освящение которого сопровождалось, очевидно, аналогичным учреждением церковной библиотеки и заведением летописи. С именем Ярослава новгородцы постоянно связывали и начало своей автономии.

Русский новгородский епископ Лука Жидята, по воле Ярослава сменивший умершего епископа-грека, был, вероятно, и инициатором первого новгородского свода 1050 г., состав и характер которого выясняется отчасти из сопоставления позднейших новгородских летописей с киевским Начальным сводом 1095 г. Для составления этого свода были привлечены предшествующие летописные записи, ведшиеся в Новгороде при владычном дворе, и киевский Древнейший свод 1039 г. Лука Жидята известен, кроме того, как автор Поучения к братии, точнее к своей новообращенной в христианство пастве, еще не отошедшей

от обычаев языческой старины. Соответственно своей цели — преподать слушателям простейшие правила поведения христианина — поучение отличается чрезвычайной несложностью содержания и отсутствием какой бы то ни было риторической украшенности. Лука учит не говорить «срамные» слова, смирно вести себя в церкви, не богохульствовать, не пить «без года, а здовол, а не до пианьства», почитать «стара человека и родителя своего», судить по правде, не заниматься ростовщичеством, чтить князя и бояться бога. Обычно элементарный характер поучения Луки приписывается особому, якобы присущему Новгороду, характеру литературы. Однако такие же элементарные и незамысловатые поучения для такой же аудитории составлялись и в Киеве. Примером тому может служить большинство поучений Феодосия Печерского (ум. в 1074 г.).

Литературная деятельность Феодосия Печерского служила предметом постоянных разногласий в исследовательской литературе. Повидимому, ему принадлежит только несколько поучений к монахам Печерского монастыря, в которых он рассказывает им, как вести себя в церкви (не опаздывать к богослужению, не прислоняться к стене, при пении Псалтыри соблюдать порядок и т. д.) и вне церкви (кланяться при встрече друг с другом), а также об элементарных христианских добродетелях: смирении, терпении и др. Поучения Луки Жидяты и Феодосия Печерского принадлежат к числу тех произведений учительной литературы, которые были обращены к недавним язычникам, людям, не искушенным ни в книжности, ни в тонкостях новой христианской культуры.

Первый этап оригинальной литературы Киевской державы вывел ее на путь большого и разнообразного развития. Летопись, проповедь и жития — три основных жанра киевской литературы — получили при Ярославе главнейшие черты своего содержания и стиля. Все три жанра, наряду с их преимущественной историчностью и злободневностью, отличаются торжественным характером и монументальными формами, ясностью замысла, определенностью тенденции и стройностью построения.

Четкое идейное наполнение составляет отличительную особенность литературы времени Ярослава. Она служит в первую очередь возвеличению Русской земли среди прочих «языков», прославлению княжеской власти и новой веры. Этой тенденции подчинен составленный при Ярославе первый летописный свод, отчасти проповедь и жития. Жития и свод представляли собой первые попытки широкого обобщения русской истории и создания своего русского олимпа святых.

Особое место в литературе времени Ярослава и ближайших к ней годов занимают произведения, отражавшие практические потребности пропаганды новой религии. В последующей литературе древней Руси черты эпохи никогда не были выражены так ярко и определенно, никогда литературные произведения не были подчинены такому идейному единству.

4

Попытка Ярослава создать вокруг киевской Софии прочный оплот русского просвещения не удалась. Вслед за русским митрополитом Иларионом Константинополь снова присылает митрополита-грека. Центр русского просвещения передвигается со второй половины XI в. в Киево-Печерский монастырь, где получали образование первые русские епископы и попы и где книжность и литература нашли себе до поры до времени надежное пристанище. Монашеские аскетические настроения, усугубленные тревожной политической обстановкой конца XI в., начинают постепенно все больше проникать в литературу.

Первая переработка Древнейшего киевского свода была произведена около 1073 г. монахом Киево-Печерского монастыря Никоном, книжная деятельность которого оказалась особо отмеченной впоследствии в житии Феодосия. Никон был в свое время сослан в Тмутаракань. Поэтому в своде встречаются тмутараканские известия и предания: о поединке черкеса-касога Редеди с Мстиславом (эпизод этот упомянут в Слове о полку Игореве), о хазарской дани и др. Использование фольклора Причерноморья привело к переработке рассказа Древнейшего свода о крещении Руси. Никон ввел в Древнейший свод так называемую Корсунскую легенду, рассказывавшую о взятии Корсуни Владимиром, о сватовстве Владимира и, наконец, о крещении его именно в Корсуни (а не в Киеве или Василеве). «Се же, не сведуще право, глаголють яко крестилъся есть в Киеве, инии же реша в Василеве» (Лавр. л., 988),— добавляет Никон, опровергая версию своего предшественника — составителя Древнейшего свода. В этом рассказе Никона есть фольклорные мотивы, отразившиеся затем в былине о сватовстве Владимира к греческой царевне. По топографической точности легенда, несомненно, принадлежала Причерноморью и именно отсюда попала в свод Никона (В. Л. Комарович). Из других фольклорных мотивов в свод Никона вошли сказания о крещении княгини Ольги, во время которого хитрая Ольга «переклюкала» византийского императора, сделав невозможной его женитьбу на ней. Очевидно, Никоном же введен в летопись и рассказ о трехкратной мести Ольги древлянам за смерть мужа.

В этих рассказах ярко проявилась бытовая наблюдательность летописца, умение живо передать диалог, в лицах рассказать историческое событие. Большой жизненностью отличаются, например, все диалоги княгини Ольги с пришедшими к ней послами от древлян, убивших мужа Ольги — Игоря. Особенно интересен первый из них, в котором Ольга, притворяясь приветливой, встречает древлянских послов словами «добри гостье придоша», на что древляне простодушно отвечают «придохом, княгине». Кончается этот замечательный диалог, в котором от начала и до конца выдержан иронический тон Ольги и простоватый — древлян, вопросом Ольги к скинутым ею в яму послам: «Добра ли вы честь?» и ответом послов: «Пуще ны Игоревы смерти».

Настроение торжества по поводу водворения новой религии, которое охватывало великом Древнейший свод, сменяется у Никона — в новых политических обстоятельствах второй половины XI в.— тревогой за судьбу родины, раздираемой феодальными междоусобиями.

Свои политические устремления Никон выразил осторожно, поместив в свод завещание Ярослава Мудрого (памятник, возможно, апокрифический), в котором Ярослав просит своих сыновей быть «в любви межю собою» и не погубить «землю отець своих и дед своих, иже налезоша трудомь своимь великымь» (Лавр. л., 1054). Чтобы подчеркнуть единство княжеского рода, Никон внес в свой свод и легенду о призвании трех братьев варягов, записанную им на основании рассказов новгородца Вышаты Остромирича, с которым он встретился в Тмутаракани. Вышата побывал в Изборске и на Белоозере. Местные предания Изборска о родоначальнике кривических князей Труворе, новгородские предания о Рюрике и белоозерские о Синеусе Никон, заинтересованный в проведении идеи единства княжеского рода, объединил утверждением, что Рюрик, Синеус и Трувор были братьями, что они были варягами, якобы «призванными» для прекращения местных раздоров. Впоследствии под пером Нестора миф о призвании варягов оброс новыми домыслами.

Вместе с тем в новом своде Никона все сильнее начинают проявляться религиозно-церковное мировоззрение и аскетические идеалы монашества. Никон объясняет поражение и междоусобицы последних лет наказанием за грехи, с тревогою рассказывает о звезде с кровавыми лучами — предвестнице бед и т. д.

Местные интересы Печерского монастыря отразились в своде Никона включением в него под 1051 г. статьи «Чего ради прозвася Печерский монастырь».

Свод Никона был подвергнут основательной переработке в 1095 г. В этом своде окончательно оформилась центральная часть летописи в том ее виде, в каком она вошла впоследствии в Повесть временных лет. Это и позволило исследователям летописания назвать свод 1095 г. «Начальным».

Начальный свод проникнут тем же политическим настроением, что и предшествующий ему свод Никона. Междоусобия князей приняли к этому времени такой характер, что летописцу приходилось не только призывать к прекращению распрей, но обосновывать и само единство княжеского рода.

В обстановке распада Киевского государства автор Начального свода вступил на путь идеализации старых времен и старых князей, которые как бы противопоставлялись и ставились в пример новым. В первых русских князьях летописец больше всего ценит ратную доблесть и неутомимость в походах

Характеризуя Святослава, летописец отмечает его суровый образ жизни предприимчивость, подвижность и прямодушие, с которым он предупреждал о себе врагов: «Хочю на вы ити». «Легъко ходя, аки пардус [гепард], войны многи твореше,— говорит о нем летописец.— Ходя воз по собе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли, или говядину на углех испек ядяху, ни шатра имяше, по подъклад послав и седло в го-

ловах; такоже и прочии вои его вси бяху» (Лавр. л., 964). С особой любовью передает летописец краткие и энергичные обращения князей перед битвами к дружине. Неслучайно приведена речь Святослава к своей дружине перед обступившим ее вдесятеро сильнейшим врагом: «Да не посрамим земле Руские, но ляжем костьми. мертви бо срама не имем, аще ли побегнем, срам имем; и не имем убежати, но станем крепко. аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою» (Лавр. л., 971); лаконичен ответ дружины: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». Суровость воина, презирающего «злато и паволоки», подчеркивает летописец в рассказе о греческом испытании Святослава.

Побуждая князей к активной политике против степи, летописец в полных трагизма и скорби словах повествует о хищных набегах половцев, разорявших страну, толпами уводивших в рабство население сел и городов. Печальные, с осунувшимися и потемневшими лицами, с ногами в путах, гонимые «незнаемою страною»,[1] мучимые жаждою и голодом пленники со слезами говорили друг другу: «Аз бех сего города», а другие: «Аз сея вси [села]».

Летописец Начального свода принадлежал к тем «смысленным мужам», которые видели несчастье Русской земли в распрях князей, головой пробивавших себе дорогу к киевскому столу, и не раз обращались к князьям с призывом: «Почто вы распря имате межи собою, а погании [язычники] губять землю Руськую?» (Лавр. л., 1093).

В своде окончательно оформилась стилистика изображения воинских сюжетов, оформились военная терминология и широкие политические убеждения летописца, не укладывавшиеся в тесные рамки феодальной морали, феодальной верности и феодального вотчинного права; в то же время спокойная неторопливость и свежесть летописного рассказа все чаще перебивается дидактическими отступлениями, житийной стилистикой (в характеристике героев) и церковными мотивами.

Составитель Начального свода подчеркивал былое величие Русской земли, ее единство, необходимость соединенного наступления на степь. Но наряду с развитием больших патриотических идей он осветил и частные интересы Киево-Печерского монастыря, введя рассказы, связанные с его жизнью.

К концу XI в. появляются жития святых аскетов, сменившие первые жития святых-князей. Монашеские идеалы сильнее пробивают себе дорогу в литературе, основным центром которой стал теперь Киево-Печерский монастырь. Киево-Печерский монастырь не был свободен от политических и общественных тревог своего времени, однако, наряду с общегосударственными и общерусскими идеями литературы начала XI в., в его книжных трудах сильнее сказываются местные феодальные тенденции, интересы тех или иных политических группировок. Киево-печерские писатели нередко поднимаются до осознания общенародных интересов в целом, но при этом общенародная идея осложняется

[1] Ср. в *Слове о полку Игореве* «*земля незнаема*» — Половецкая степь.

у них то специально антипольской, то антивизантийской, то антикатолической тенденциями, приверженностью к той или иной политической группе, дробится и обессиливается среди побочных интересов и минутных треволнений.

Многие из произведений, вышедших из стен Киево-Печерского монастыря, являются памфлетами, в которых публицистический элемент, в отличие от прежних произведений начала XI в., связывается с нравоучительными и аскетическими тенденциями и грубой дидактикой.

Первоначальные жития, составлявшиеся в Киево-Печерском монастыре, не сохранились. Не дошел до нас один из первых опытов житийной литературы — Житие основателя Киево-Печерского монастыря Антония, ссылки на которое имеются в Повести временных лет и в Киево-Печерском патерике. Несколько отрывков из этого жития и указания, имеющиеся в Начальной летописи, позволили А. А. Шахматову чрезвычайно высоко оценить этот утраченный памятник. К концу XI в. относится деятельность черноризца Киево-Печерского монастыря Нестора. В 80-х годах XI в. (по предположению А. А. Шахматова) Нестором было составлено Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба. Чтение это представляло собой приспособление жития Бориса и Глеба к нуждам богослужебной практики.

Нестор был писателем с ярко выраженным индивидуальным стилем. Он резко усилил в житии Бориса и Глеба его назидательные и церковные элементы, сделал более отвлеченным изложение, удалив из него весь конкретный исторический элемент. Идея Чтения — необходимость покоряться старейшим князьям. Нестор часто прибегает к риторике и заметно византинизирует изложение, вводя в него традиционные в греческих житиях мотивы. Таким трафаретным сделано в Чтении детство Бориса, с юности зачитывавшегося священным писанием и житиями и мечтавшего принять «венец мученический». Может быть именно поэтому Чтение не получило такого распространения, как предшествующее ему Сказание об убиении Бориса и Глеба.

Значительно шире развернулся повествовательный талант Нестора в следующем его произведении — Житии Феодосия Печерского. Здесь Нестор остался верен своей ученой мало оригинальной книжной манере. Он ввел в житие Феодосия множество легендарных мотивов и литературных штампов. Автор следует обычным приемам церковной агиографии, главным образом жития Саввы Освященного, которому подражает особенно в изображении детства Феодосия и его борьбы с демонами. Многие подробности и эпизоды взяты Нестором и из других церковных житий и часто находятся в противоречии друг с другом. Так, например, Нестор рассказывает о том, что Феодосий был сыном простых родителей, следуя в этом обычным житийным трафаретам, подчеркивающим этим личные заслуги святого в делах благочестия, а немного далее рассказывает о родовитости и богатстве матери Феодосия, на этот раз уже для того, чтобы увеличить значение подвига Феодосия, отрешившегося от мира. Однако, несмотря на чрезмерную «книжность» жития, у Нестора имеются и

реально разработанные эпизоды и характеристики. Жизненен образ матери Феодосия — жестокой, гордой и упрямой, но в которой все эти качества побеждаются ее чрезвычайным чадолюбием, влекущим ее к постоянным унижениям и лишениям. Стиль жития характеризуют традиционные формулы и стремление отойти от живого русского языка к книжной старославянской речи.

В литературе второй половины XI в. происходит борьба между местными феодальными интересами и патриотическим сознанием единства Руси, между аскетическими, монашескими настроениями и потребностями сблизить литературу с политическими задачами живой для авторов современности. Нарастание первых как будто бы ведет к снижению значимости вторых. Но явление это было только временным.

5

Второй после эпохи Ярослава расцвет литературы древней Руси относится ко времени могущественного княжения Владимира Мономаха. Идеи Мономаха, выраженные в его собственных сочинениях, получили широкое распространение в летописи, отразились в описаниях паломничеств и в житиях, дожили до времени создания Слова о полку Игореве, заставляя автора его не раз обращаться за подкреплением своих положений к авторитету «старого Владимира» (Мономаха), и оставались действенными и прогрессивными вплоть до начала новой эпохи — создания национального государства.

Во главе литературы времен Мономаха стоит новый летописный свод — Повесть временных лет.

История создания этого величайшего памятника русского летописания чрезвычайно сложна и запутана. Здесь отложилась работа поколений русских книжников, сказались искания исторической мысли и сложное мировоззрение. Многочисленные литературные источники — устные и книжные, русские и иноземные (язык Повести то просторечный, близкий к разговорному, то книжный, пересыпанный славянизмами и грецизмами) — легли в основу единого грандиозного здания Повести. В создании Повести принимали участие две литературные школы — Киево-Печерская и Выдубицкая, по-разному понимавшие свои задачи, но удачно сложившие свои силы в произведении, отличающемся удивительной законченностью и цельностью архитектоники.

Повесть временных лет одновременно завершает определенный период киевского летописания и становится основой всех последующих летописей, в начале которых она обычно помещалась.

В 1110 г. монах Печерского монастыря Нестор [1] переработал Начальный свод 1095 г. К новому своду Нестор привлек византийский исторический

[1] Был ли Нестор-летописец и Нестор-составитель житий одним лицом — вопрос до сих пор еще не решенный.

материал: хронику Георгия Амартола, компилятивный Хронограф по великому изложению и др.

Нестор связал русскую историю с мировой, придав ей центральное значение во всемирно-историческом процессе. Программа летописца и его задачи точно сформулированы в самом названии Повести: «Се Повести временьных лет, откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть». Показать Русскую землю в ряду других европейских стран, показать, что русский народ не без роду и племени, что он имеет свою историю, которой вправе гордиться,— такова высокая цель, которую поставил себе составитель Повести. Повесть временных лет должна была напомнить князьям

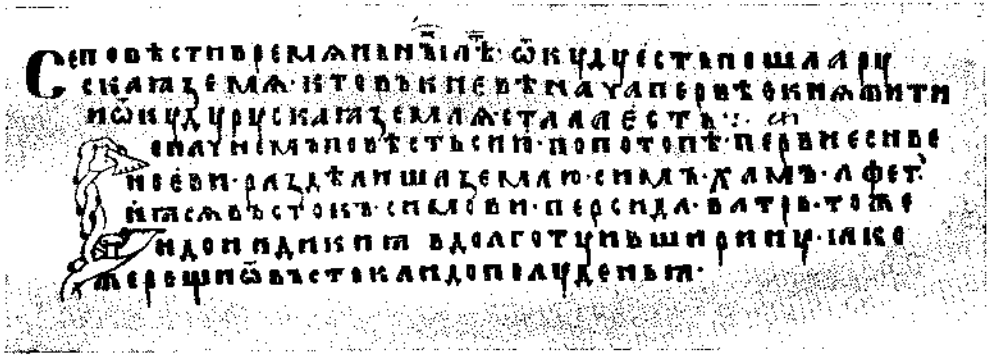


Рис. 36. Начало Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи.

о славе и величии родины, о мудрой политике их предшественников и об исконном единстве Русской земли. Задача эта выполнена летописцем с необыкновенным тактом и художественным чутьем. Широкий замысел сообщил спокойствие и неторопливость рассказу летописца, гармонию и твердость его суждениям, художественное единство и монументальность всему произведению в целом.

Начало Повести временных лет посвящено событиям всемирной истории, предшествующим сложению Киевской державы. Летописец выводит Русь на мировую историческую арену, сообщая самые разнообразные сведения — географические, этнографические, культурно-исторические. Неторопливо раскрывает летописец ту историческую обстановку, в которой родилось Русское государство, рассказывает сперва о народах мира, затем о древнейших судьбах славянского племени и «словенского» языка. Просто и наглядно дает летописец географическое описание Руси, путей, связывающих ее с другими странами, с замечательной последовательностью начиная свое описание с водораздела рек Днепра, Западной Двины, Волги. «Днепр бо потече из Оковьскаго леса, и потечеть на полъдне [юг], а Двина ис тогоже леса потечеть, а идеть на полунощье [север] и внидеть в море Варяжьское; из того же леса потече Волга на

въсток, и вътечеть семьюдесят жерел в море Хвалисьское. Темже и из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы, и на въсток доити в жребий Симов, а по Двине в Варяги. из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр втечеть в Понетьское море жерелом, еже море словеть Руское...» (Лавр. л.). Далее летописец описывает древнейший быт русских племен, рассматривая их как единый народ, и не забывает при этом упомянуть о соседящих с ним мере. черемисах. муроме и мордве.

Чтобы придать особую значительность христианскому просвещению на Руси, Нестор включил в Повесть легенду о путешествии апостола Андрея через Русскую землю. Андрей благословил Киевские горы, а в Новгороде посмеялся банному обычаю: «Како ся мыють и хвощются [хлещутся]» молодыми прутьями и обливаются «квасом усниянымь». «И того ся добьють, егда влезуть ли живи и облеются водою студеною и тако оживуть». «И то творять мовенье собе,— прибавляет Андрей,— а не мученье» (Лавр. л.). В этом сочетании торжественного с комическим проявился подлинный художественный темперамент летописца, не боящегося заставить апостола произносить каламбуры.

Собственно русскую историю Нестор дополнил договорами русских с греками, включил легенды о сожжении Ольгою Искоростеня, о белгородском киселе и др. Летописный миф о призвании варягов под пером Нестора оброс новыми домыслами. Нестор вводит в действие несуществующее варяжское племя «Русь». Рюрик, Синеус и Трувор оказываются «Русью», а так как никакой «Руси» в Скандинавии XI в. не знали даже по преданиям, то Нестор заставил трех братьев явиться по приглашению словен, кривичей и прочих «пояша по собе всю Русь». Противопоставляя Русь Византии, Нестор развил идею независимости Киева от Царьграда и приписал «заморское» происхождение первым русским князьям. Выведение генеалогии правящих династий из «за моря» и вообще из-за рубежа составляло, как известно, средневековую традицию.

Нестору, повидимому, принадлежит пересказ устного сказания о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем на реке Трубеже «на броде, кде ныне Переяславль». Сказание описывает, как вызванные на единоборство русские тщетно искали поединщика, который смог бы противостать печенежскому богатырю, как затем начал «тужить» Владимир киевский, «ся по всем воем», и как, наконец, объявился «стар муж» и рассказал Владимиру о своем оставшемся дома меньшом сыне-кожемяке, который мог бы бороться с печенежином. Приведенный к князю неказистый на вид юноша просит предварительно испытать его, вырывает у разъяренного быка бок с кожей «елико ему рука зая», а затем побеждает в поединке превеликого и страшного богатыря-печенежина. Обрадованный Владимир заложил на месте поединка город, а скромного кожемяку сделал «великим мужем». В этом рассказе Повести временных лет впервые отразилась, ставшая затем излюбленным мотивом русской литературы вплоть до наших дней, мысль о скромности настоящего героизма, о силе народного духа в незаметных внешне героях. Невысокий ростом ремесленник.

пятый сын своего отца, которого даже не берут в поход, побеждает превеликого и страшного богатыря-печенежина.

Сведения о времени после 1093 г. (на котором кончался Начальный свод) даны были Нестором отчасти по личным воспоминаниям, отчасти по воспоминаниям его современников (например, Яна Вышатича), о чем свидетельствует рассказ о событиях 1096 г., когда половцы ворвались в Киево-Печерский монастырь, сожгли и разграбили его богатства.

Спустя короткий срок, в 1116 г., потребовалась новая переработка летописи. Причина, побудившая к этой переработке, заключалась в том, что Повесть, торжественная и патетичная вначале, не давала ответов на вопросы современной ей политики княжения Владимира Мономаха. Поэтому летописание было перенесено в Выдубицкий Михайлов монастырь, державшийся политической ориентации Мономаха. Сторонник Мономаха — Сильвестр — особенно придирчиво переработал последние летописные статьи с 1093 по 1110 гг., идеализировав Мономаха за его походы на половцев, за властную политику, за его ум и смелость.

Сильвестр не скупится приводить речи Мономаха, в которых последний призывал к единству перед лицом внешней опасности, к твердому отпору наступлению кочевников: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще, а Половци землю нашу несуть розно и ради суть, оже межю нами рати; да ныне отселе имемся по едино сердце и блюдем Рускые земли» (Лавр. л., 1097). С сочувствием передает Сильвестр возражения Мономаха дружине, не хотевшей итти в поход на степняков, чтобы не губить по весенней распутице лошадей смердов: «Дивно ми дружино,— говорит им Владимир,— оже лошадий жалуете, ею же кто ореть [пашет]; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смерд, и приехав половчин ударить й стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его именье. То лошади жаль, а самого не жаль ли?»

С тою же целью возвеличения Мономаха Сильвестром введен в Повесть драматичный рассказ попа Василия об ослеплении в междоусобной борьбе с родичами князя Василька теребовльского (Лавр. и Ипат. л., 1097). Множество бытовых подробностей и реалий делает этот рассказ одним из самых живых в летописи киевского периода. Подробно и не торопясь повествует поп Василий, как заманили Василька на именины, как постепенно оставили его одного в комнате, как схватили и схваченного везли затем на телеге в Белгород, где бросили в «истобку малу». Оглядевшись, Василько догадался, что хотят с ним сделать, стал кричать и плакать. Вошли конюхи, разостлали ковер и хотели повалить на него Василька. Василько отчаянно отбивался. Конюхи позвали подмогу, Василька схватили и связали, а затем сняли с печи доску, положили ему на грудь и сели по концам. Но Василько и тут сопротивлялся так отчаянно, что сняли с печи и вторую доску и придавили его «яко персем троскотати». Наточив нож, овчарь Святополка подошел и ударил им в глаза Василька, но сначала

промахнулся и перерезал ему лицо: «И есть рана та на Васильце и ныне; но семь же въвьрте ему ножь в око и изя зеницю, и по семь в другое око въвьрте ножь, и изя другую зеницю». Ослепленного, едва живого Василька снова взвалили на телегу и повезли во Владимир-Волынский. Трогателен путевой эпизод с окровавленной сорочкой Василька, которую ослепители, остановясь для обеда в Воздвиженске, дали постирать попадье. «Сего не бывало есть в Русьской земьли ни при дедех наших, ни при отцих наших, сякого зла» — сказал ужаснувшийся при известии об ослеплении Василька Владимир Мономах и послал за Давидом и Олегом Святославичами сказать: «Поидета к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьской земьли и в нас, в братьи, оже вверженъ в ны ножь: да аще сего не правим, то болшее зло встанеть в нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, Половци, пришедше возмуть землю Русьскую».

Возмущение моральной низостью современных летописцу русских князей и их раздорами составляет основную мысль летописи в описании феодального разброда конца XI в. Не было «сякого зла» в Русской земле, не такие были русские князья в прежние времена, не разоряли они население поборами, обороняли Русскую землю, советовались во всем со своею дружиною, в ладьях на холстинных парусах ходили на самую Византию, гнушались золотом и паволоками, любя одно оружие. «Отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающа по Русьскей земли, ины земля приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую» (Лавр. л.). В этом обращении к русским князьям в 1097 г.— ключ к историческим воззрениям на события своего времени не только составителя Начального свода, но и составителя Повести временных лет. «Есть и сейчас князья, подобные древнему Святославу — это Владимир Мономах: его держитесь»,— как бы хочет сказать выдубицкий летописец.

В 1118 г. Повесть временных лет подверглась некоторой доработке, впрочем не очень значительной. Своим призывом на борьбу со степью, к прекращению междоусобий и к сплочению вокруг Владимира Мономаха выдубицкие летописцы внесли последний штрих в Повесть временных лет, сделав ее цельным и законченным памятником, точно отвечавшим на политические запросы своего времени. Возможно, что в том же Выдубицком монастыре в одну из редакций Повести временных лет было внесено и Поучение Владимира Мономаха.

Богатое многоразличными литературными фактами время Владимира Мономаха ярче всего характеризуется произведениями самого Мономаха — талантливого и начитанного писателя. Сохранившееся в единственном списке Лаврентьевской летописи 1377 г. Поучение Мономаха свидетельствует о высоком уровне образованности в нецерковной светской среде.

В Поучении соединены два произведения: «грамотица» Мономаха своим детям («поучение» в собственном смысле этого слова) и послание Мономаха к князю Олегу Святославичу черниговскому, в котором он оплакивает своего сына Изяслава, убитого в 1096 г. под Муромом в сражении с войсками Олега,

и просит отпустить к нему захваченную сноху — вдову Изяслава: «Да с нею, кончав слезы, посажю на месте, и сядет аки горлица на сусе древе желеючи, а яз утешюся о бозе» (Лавр. л., 1096). В летописном тексте Поучение («грамотица») и послание к Олегу Святославичу не разграничены, и исследователи расходятся во мнении о том, где кончается одно и начинается другое. Также различны мнения исследователей и о том, когда написано Поучение («грамотица»). Вернее всего полагать, что Поучение детям написано Мономахом в преклонном возрасте, когда у него были к тому основания психологического и политического характера. Он подводит в нем итог не только своим «путям» (походам) и «ловам» (охотам), но и всему своему житейскому, государственному опыту.

Жанр посланий отцов к детям был широко распространен в средневековой литературе: в Византии (труд Константина Багрянородного «Об управлении империей» и др.), во Франции («Наставления» Людовика святого), в англо-саксонской литературе и т. д. В русской оригинальной литературе Поучению Мономаха хронологически предшествовало завещание Ярослава I к сыновьям (в летописи под 1054 г.). Однако послание Мономаха резко выделяется своею оригинальностью и художественностью. Поучение Мономаха дает один из весьма немногих образцов средневековых автобиографий, едва ли при этом не лучший. Этот автобиографический элемент, отсутствующий в средневековых «поучениях отца к сыну», вносит в произведение Мономаха конкретный, реальный материал, резко отличающий его от отвлеченных церковных поучений своего времени. Оно не имеет ничего общего ни с одним из известных нам «поучений». Мономах исходит из *собственного* житейского опыта, из опыта *русской* исторической действительности конца XI — начала XII вв., он пишет о событиях *собственной* жизни, обращается к *собственным* детям, учитывая *их* будущее, обращается к *русскому* читателю, полный заботы об интересах *своей* Родины. Русская действительность конца XI и начала XII вв., политическая деятельность Мономаха, его мировоззрение — вот те важнейшие данные, исходя из которых следует прежде всего оценивать Поучение.

Идеологическое содержание Поучения Мономаха не ограничивается призывом сыновей к единению и прекращению княжеских междоусобий. Идея борьбы с братоубийственным междоусобием заключена была еще в завещании Ярослава I: «Имейте в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере». Мономах дает в автобиографической части своего Поучения образ мужественного, деятельного, смелого и неутомимого правителя, печальника о Русской земле, который «ночь и день, на зною и на зиме, не дал себе упокоя». Мономах приглашает заботиться о смерде, о челяди, о «хрестьяных душах» и «убогих вдовицах», призывает к строгому соблюдению крестных целований, осуждает междоусобия и особенно пользование внешней помощью поляков и половцев, которых наводили князья на Русскую землю для решения своих династических споров. «Не давайте сильным погубити человека»,— пишет Мономах в Поучении и вме-

сте с тем приглашает не лениться в учении, не лениться в дому своем и на молитве, не лениться «на войне и на ловех». «На войну вышед, не ленитеся, не зрите на воеводы; ни питью. ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои тоже лязите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе, не розглядавше, леношами внезапу бо человек погыбаеть» (Лавр. л., 1096). Таков своеобразный воинский устав Мономаха.

Политическая программа Мономаха находит себе объяснение в событиях его времени. Мономах после восстания 1113 г. стремился к смягчению ожесточенной феодальной эксплоатации, к установлению на Руси твердой и единой великокняжеской власти и к активному наступлению на степь.

Мономах описывает в Поучении свои «пути» и «ловы», т. е. военные и охотничьи подвиги, всюду, наряду с христианским идеалом воздержания от греха, молитвой, уважением к старшим и духовным лицам, проповедуя идею деятельной жизни, неустанного труда, отваги и энергичной защиты интересов своего народа. «А из Чернигова до Кыева настижьды [около 100 раз] ездих ко отцю, днем есм переездил до вечерни; а всех путий 80 и 3 великих, а прока [остатка] не испомню меньших. И миров есм створил с Половечьскыми князи без одиного 20... А се тружахъся ловы дея... конь диких своима рукама связал есмь в пущах 10 и 20... Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол... вепрь ми на бедре мечь оттял... лютый зверь скочил ко мне на бедры и конь со мною поверже...» (Лавр. л., 1096). Реальным изображением княжеского поведения — походов, сражений, охот, заключений договоров и т. д.— Мономах дополнил свои дидактические наставления: дал нарочитый образец для подражания.

Мономах не стремился дать в своем Поучении законченную автобиографию или законченный автопортрет, но излагал лишь примеры из своей жизни, которые он считал поучительными и в которых постоянно подчеркивается их общественно-идейная сторона. В этом умении выбрать в своей жизни то, что представляло не личный, а гражданский интерес, заключается замечательное своеобразие автобиографии Мономаха.

Мономах сознательно устраняется от попыток самооправдания и не переходит в тон «исповеди». Образ Мономаха выступает в Поучении как бы помимо его воли, чем достигает особенной художественной убедительности. Приводимые Мономахом автобиографические эпизоды отличаются суровой объективностью и отлично согласуются с характеристикой, которую дает ему и сама летопись.

Простота и сжатость литературного стиля и широкие общенародные идеи сообщают Поучению ту летописную монументальность и вместе с тем непосредственность, которые делают его одним из самых привлекательных литературных произведений XI в. В противоположность церковным житиям средневековья и отвлеченным поучениям своего времени произведение Мономаха давало жизненный идеал князя-политика, государственного мужа и хозяина, отвечало на непосредственные запросы русской жизни. Можно предполагать,

что Поучение имело значительный отклик в русской действительности. Неслучайно Владимир Мономах был впоследствии идеализирован русской летописью.

Времени Мономаха принадлежит первое из дошедших до нас описаний паломничеств — Хождение Даниила. Средневековые паломничества в «святую землю» имели существенное познавательное значение, способствовали международному обмену культурными ценностями, приучали к терпимости и развивали в паломниках национальное чувство.

Хождение Даниила описывает путь через Царьград в Палестину тотчас же по завоевании ее крестоносцами, морское путешествие, Ефес, остров Кипр... Повидимому, Даниил вел в пути заметки, которые затем обработал. Замечательной чертой Даниила является отсутствие в нем каких бы то ни было местных тенденций. Всюду, куда он ни попадает, он чувствует себя представителем всей Русской земли в целом. Он называет себя «русския земли игуменом», ставит «кандило» «от всея русьскыя земли», отличается терпимостью к чуждым верованиям (латинству и магометанству) и умеет всюду внушить к себе уважение, не вмешиваясь в распри сарацин и крестоносцев. Даниил свел знакомство со «старейшиной сраниьским» и иерусалимским королем Балдуином I фландрским (1110—1118) и побывал там, куда не пускали других.

Описания Даниила отличаются большой точностью и добросовестностью, почему его Хождение привлекало особый интерес историков и археологов XIX в. и было переведено на иностранные языки. Внимание Даниила привлекают не только религиозные достопримечательности,— он наблюдает торговлю, быт и земледелие. На острове Ахии «рождается мастика и вино доброе и овощь всякий», на Фаворской горе Даниил отмечает «смоковь, рожьци и масличие много зело», на горе Хевроне «земля благословенна есть... пшеницею, и вином, и маслом, и всяким овощом обильна есть зело, и скотом умножена есть». В окрестностях Иерихона «земля добра и многоплодна, и поле красно и ровно, и около его финици мнози стоят высоци, и всякая древеса многоплодовита суть». Хозяйственный глаз Даниила виден в точных указаниях им расстояний между отдельными местностями, размеров зданий и т. д. В рассказы Даниила о священных местах и предметах обильно введен апокрифический и легендарный материал, местные легенды и т. п.

Всюду, где он только может, Даниил стремится проверить чудесный элемент Библии на материальных памятниках. Он пытается убедиться в реальности событий священной истории, собирает сведения об одежде, привычках, жилищах действующих лиц Библии. Даниил видел камень, под которым лежит «глава первозданного Адама», «пуп земли в Иерусалимском храме», «дуб Мамврийский» и т. д. Все это показывали ему палестинские «гиды». Этот примитивный «материализм» Даниила, наряду с чрезвычайным чистосердечием и искренностью, составляет замечательную черту его Хождения.

Наши представления о литературе времени Мономаха далеко не полны, но и то, что мы знаем, свидетельствует о том широком и разнообразном пути, на

который вступила в это время культура древней Руси, черпавшая свои идейные силы в защите общенародных интересов, в идее единения перед лицом внешней опасности.

В литературе этого периода нет той стройности и торжественной самоудовлетворенности, которая была в литературных произведениях времени Ярослава, но она ближе к русской жизни, она разнообразнее, как разнообразнее были и запросы эпохи, она неспокойна и тревожна, как тревожны были события того времени. Любовь к родине теснее связывается с конкретными заботами об общенародных интересах и ярче всего проявляется в публицистических выступлениях летописи.

6

В XII в., все усложняясь и углубляясь, идет процесс постепенного подчинения литературы местным интересам. В XI в. русская литература была по преимуществу литературой Киева и отчасти Новгорода. Теперь же, в XII в., создаются местные литературные школы в Турове, Смоленске, Галицко-Волынской области, Владимиро-Суздальской Руси и т. д. В литературу широкой струей вливаются особенности говоров, в ней сказываются бытовые различия, местные интересы, порой все более сильно ощущаются церковные, аскетические настроения. Внимание учительной литературы — проповеди, поучений и т. д.— сосредоточивается главным образом на отвлеченных истинах веры и благочестия. Политические тенденции, проникающие в литературу, приобретают более узкий, местный, а иногда и личный характер, свидетельствующий о яростной феодальной борьбе. Литература редко поднимается до осознания общегосударственных интересов за исключением летописи, крепкие традиции которой долго еще будут сдерживать напор областнических настроений.

К числу писателей, отразивших в себе типические особенности литературы XII в., относится Кирилл Туровский, уроженец города Турова, в первую половину своей жизни аскет-столпник, во вторую — деятельный политик и церковный администратор. Кириллу, которого впоследствии назвали «русским Златоустом», с течением времени было приписано чрезвычайно много произведений, что значительно затрудняет определение его литературного наследства. Однако и то, что несомненно может быть присвоено Кириллу, рисует его плодовитым и деятельным писателем. Повидимому, Кириллу принадлежат восемь поучений, связанных с церковными днями: Поучение в неделю ваий, на пасху, в фомину неделю, в неделю о мироносицах, в неделю о расслабленном, в неделю о слепом, на вознесение, на «собор 318 отец». Кроме того, Кириллу принадлежит Поучение о слепце и хромце и ряд гимнографических сочинений. Из жития Кирилла известно, что им было написано еще обличение ереси о «субботнем

посте» ростовского епископа Федора, что он находился в переписке с Андреем Боголюбским и т. д., но произведения эти не сохранились.

В проповедях Кирилла Туровского блестящая форма доминирует над содержанием, над идейностью произведения. Кирилл Туровский часто прибегает к утонченным приемам византийских проповедников: к аллегориям, противоположениям, сравнениям, уподоблениям, вопросно-ответной форме изложения, оживляет проповедь введением пространных диалогов и монологов, стремится к ритмичности и плавности речи. Благодаря своим внешним достоинствам произведения Кирилла переписывались древнерусскими книжниками наравне с сочинениями самых знаменитых ораторов и богословов.

Кирилл — образованный проповедник. Проповеди Кирилла показывают глубокое знакомство его с церковной литературой и греческим языком. Своим образованием Кирилл пользуется в полной мере, иногда даже до излишеств. Однако в произведениях его отсутствуют широта Слова о законе и благодати Илариона, бытовые моменты, черты эпохи. Он варьирует в проповедях лишь традиционные церковные темы — иногда прославление какого-либо церковного события, иногда отвлеченно-назидательное поучение.

Единственный известный нам случай, когда Кирилл откликнулся на события современной ему жизни, находится в Поучении о слепце и хромце. Обличения на «сановников и буев во иереих», которые встречаются в этом Поучении, были прямо направлены против Андрея Боголюбского и епископа ростовского Федора. Поучение рисует Кирилла как активного участника феодальной борьбы, однако не поднявшегося до осознания общегосударственных и общенародных интересов.

Климент Смолятич, другой знаменитый проповедник XII в., повидимому, во многом схож с Кириллом Туровским. Летопись сочувственно характеризует Климента: «Бысть книжник и философь так, яко же в Руской земли не бяшеть». Климент был вторым, после Илариона, митрополитом русским, поставленным вопреки воле константинопольского патриарха. Византийская церковь цепко держалась за право ставить на Руси своего митрополита-грека, и поэтому избрание Климента собором русских епископов, подобное избранию за столетие перед тем Илариона, не могло не восприниматься как торжество антивизантийской, русской политики. Однако на этот раз русские епископы не были так единодушны в своем решении, как во времена Ярослава. Многие из них стали на сторону византийской церкви, а сам Климент Смолятич, в отличие от Илариона, не выразил в своих произведениях ни широких общегосударственных идей, ни глубокого понимания действительности.

От Климента, которого его противники обвиняли в излишнем пристрастии к «Омиру» (Гомеру), Аристотелю и Платону, сохранилось лишь единственное послание — литературная защита символического толкования священного писания и связанных с этой манерой ораторских приемов проповеди, типичных для современной Клименту византийской школы экзегетов. Послание это,

адресованное пресвитеру Фоме, показывает наличие в Киевской земле споров о предпочтительности тех или иных литературных приемов и свидетельствует о существовании в ней различных литературных школ и утонченной писательской культуры. Однако, наряду с защитой схоластических принципов «приточного» — символического способа толкования Библии, Климент в том же послании оправдывается от обвинений своих политических противников, проявляя себя как участник политической борьбы, которую он вел, однако, подменяя идейный пафос борьбы личным.

Начиная с середины XII в., процесс феодального обособления земель ведет к усиленному дроблению и летописания между отдельными областями. В этих областных летописях отлагаются местные черты и особенности, местные литературные манеры. Еще в XI в. некоторые города вели свои летописные записи, однако только в XII в. вполне оформляются характерные черты областных летописей.

Повесть временных лет обычно помещалась в начале областных летописей. Благодаря Повести, каждая из летописей XII в., будучи областной, не переставала вместе с тем быть летописью русской. Повесть временных лет служила к ним как бы политическим введением, была программой единения Русской земли, воспитывала читателя в этом чувстве. В местной летописи древнерусский читатель видел как бы продолжение рассказа Повести о распрях князей, крамолами разорявших Русскую землю.

Не многие из областных летописей отличаются такими художественными достоинствами, как Галицко-Волынская, содержание которой преимущественно связано с сложной и запутанной историей борьбы феодалов. «Начнемь же сказати бесчисленныя рати и великыя труды и частыя войны и многия крамолы и частая востания и многия мятежи...» (Ипат. л., 1227) — в этом вступлении не только программа летописания, в нем и мировоззрение летописца, воспринимавшего историю родной страны как нескончаемую цепь крамол и бедствий.

В Галицко-Волынской летописи нет размаха и широкого замысла летописца Повести временных лет, но в деталях, в языке и в стиле, в непосредственном ощущении бедствий своей Родины она достигает иногда значительной высоты. В мелких, казалось бы незначительных, эпизодах, летописец умело передает дух своего тревожного времени, черты эпохи. Летописец с увлечением описывает военные события: иногда как очевидец и почти всегда как современник.

В Галицко-Волынской летописи сложились традиции книжной цветистой поэтической речи с отголосками народной поэзии: жители Галича устремляются к своему князю, «яко дети ко отчю, яко пчелы к матце, яко жажющи воды ко источнику». Не чужда она и некоторой идеализации своих героев: «Бе бо дерз и храбор, от головы и до ногу его не бе на нем порока»,— характеризует летописец молодого князя Даниила Романовича, первым врубившегося в ряды татар в битве при Калке. Красочно описывает летописец вооружение ратников:

«Щит их яко заря бе, шелом же их яко солнцу восходящу». Довольно часты на страницах летописи пословицы: «Не погнетши [подавив] пчел меду не едать», «един камень много горньцев [горшков] избиваеть» и др. Отдельные черты стиля Галицко-Волынской летописи сближают ее со Словом о полку Игореве.

Галицко-Волынская летопись умеет «без гнева» и раздражения оценивать достоинства врагов, понимать их культуру и поэзию. С удивительной бережливостью Галицко-Волынская летопись донесла до нас половецкую легенду о степной траве евшан полыни (1201), тонко передающую поэзию благоуханной половецкой степи.[1] В этой легенде с замечательной остротой и сочувствием передана тоска по родине половецкого хана Отрока, вспомнившего родные степи по запаху полыни. Ни уговоры, ни половецкие песни не могли вначале заставить Отрока вернуться на родину из Абхазии, где он прижился, но когда «гудец», певший ему половецкие песни, протянул понюхать евшан-полынь, Отрок заплакал и сказал: «Лучше лечь костями на своей земле, чем быть славну на чужой».

В отличие от летописания других областей, Новгородская летопись обладает чрезвычайной деловитостью и лапидарностью стиля, близостью языка к бытовому просторечию и деловой, юридической прозе. Летописные своды — торжественные обозрения предшествующей истории, литературно обработанные и снабженные вставными произведениями, — редки в новгородском летописании. Стиль Новгородской летописи точно следует погодным записям, систематически и беспрерывно ведшимся при новгородском владычном дворе в новгородском детинце. От этого Новгородская летопись богата фактическим материалом и исключительно точна в приводимых ею сведениях.

Особенное развитие Новгородская летопись получила после переворота 1136 г. при энергичном реформаторе новгородских порядков архиепископе Нифонте, когда были составлены работы подготовительного к летописанию характера (монахом Кириком). Остроумная догадка, высказанная еще в середине XIX в. археологом Д. И. Прозоровским, сопоставившим в новгородской Синодальной летописи две записи — одну 1144 г., где летописец говорит о своем поставлении в попы новгородской церкви Якова, и другую — 1188 г., где говорится о смерти попа церкви Якова Германа Вояты, служившего в церкви Якова «полъпятдьсят лет» (т. е. с этого самого 1144 г.), позволила установить имя одного из реформаторов новгородского летописания XII в.— Германа Вояты.

Круг интересов новгородского летописца середины XII в. замкнут по большей части пределами родного города. Не мудрствуя лукаво, новгородский летописец заносит в летопись известия об утонувших в Волхове попах, сообщает об унесенных разливом Волхова дровах и сене, о слышанном им зимою «в истьбе седяще» громе и даже о собственном поставлении в попы. Он рассказывает

[1] Легенда эта легла в основу стихотворения А. Майкова «Емшан».

о всякого рода городских происшествиях и раздорах, о затянувшейся дождливой осенней погоде и выпавшем «яблоков боле» граде. Летописца интересует, сколько стоил «воз репы» либо «кадка малая» жита. Все это изложено летописцем довольно крепким и последовательным просторечием: то он рассказывает, как посадника Якуна раздели «яко мати родила» и скинули с великого моста, то сообщает о том, что тверичи, громя Торжок, одирали жен и девиц «до последней наготы, рекше до срачицы [рубашки]».

В начале XIII в. происходит новый перелом в Новгородском летописании: значительно расширяется обычная тематика летописных записей. Летописца начинают интересовать события вне стен его родного города. Появляются сведения о событиях южнорусских, до того почти совершенно отсутствовавшие в Новгородской летописи. Этот интерес летописца возникает в связи с политикой новгородского князя Мстислава Удалого, вмешавшего Новгород в дела северо-восточных княжеств.

Краткость, сила и выразительность прямой речи составляют замечательную особенность Новгородской летописи этой поры. Лаконизм, образность, почти пословичность отличают речи Новгородской летописи. Сильна и выразительна угроза князя Юрия новгородским послам, которой он, стоя с войском в Твери, подкрепил свое требование выдать своих недругов: «Не выдадите ли, а я поиел есмь коне Тхверью, а еще Волховомь напою» и ответ новгородцев: «Княже, кланяемътися,— братьи своей не выдаваем, а крьви не проливай; паки ли твой мечь, а наше головы» (1225). Таковы же энергичная речь Мстислава Удалого, сказанная им на вече против Ярослава, пытавшегося перенести центр новгородской торговли в Торжок: «Да не будеть Новый Търг Новгородом, ни Новгород Тържькомь, нъ къде святая София — ту Новгород», и ответ князя Ярослава новгородцам, глубоко вторгшимся в пределы Суздальской земли: «Мира не хочем, а мужи у меня; а далече есте шли и вышли есте аки рыбы на сухо».

Дух новгородского веча, умение задеть чувствительные стороны вечевой толпы, легко воспринимаемая поговорочная форма, в задачу которой входило привлечь сторонников и объединить их крылатой формулой,— все это составляет типическую черту прямой речи в Новгородской летописи.

Не вполне выяснено происхождение помещенной в Новгородской летописи под 1204 г. Повести о взятии Царьграда крестоносцами, в которой многое заставляет предполагать об ее новгородском происхождении. Автор Повести подробно, как очевидец, описал разгром Константинополя полчищами западноевропейских крестоносцев, варварское уничтожение и разграбление предметов искусства и пространно и деловито, в обычном летописном стиле, изложил предшествующую погрому историю Византии.

Константинополь издавна притягивал к себе новгородцев, которые, стремясь к церковной самостоятельности, пытались завязать непосредственные отношения с константинопольским патриархом в обход киевского митрополита. Привлекал

к себе новгородцев Константинополь и как центр искусств, внимание к которым характеризует новгородскую литературу. Из Константинополя новгородцы порой приглашали к себе зодчих и живописцев.

Начиная с XI в. и кончая XV в., в Константинополь направлялись многочисленные паломнические группы. До нас дошло несколько описаний Царьграда и путеводителей, из которых первое принадлежит знатному новгородцу — Добрыне Ядрейковичу, бывшему впоследствии епископом новгородским под именем Антония. Добрыня путешествовал в Царьград может быть даже для приглашения в Новгород византийских мастеров около 1200 г. и оставил Сказание мест святых в Цареграде.

Наряду с религиозными достопримечательностями Добрыня интересуется в Константинополе зданиями и произведениями искусства. Изложение его Хождения суше и деловитее, чем Даниила. Как русский, Добрыня с гордостью отметил в Константинополе почитание русских святых Бориса и Глеба, упомянул о блюде княгини Ольги в храме Софии, отметил находившихся с ним одновременно в Константинополе русских. Так же, как и книга Даниила, Сказание мест святых в Цареграде Добрыни дает, благодаря своей точности и обстоятельности, исключительно ценный для археологов материал.

В отличие от Даниила Добрыня всюду остается новгородцем.

Сильнее всего идейные и художественные традиции летописи XI — первой четверти XII в. сказались в летописании киевском, сосредоточившемся в XII в. в Выдубицком монастыре — том самом, в котором создались последние редакции Повести временных лет.

Выдубицкий летописец XII в. попрежнему призывает к единению, к верности старшему князю, к активному сопротивлению половцам, отличает князей, которые не радуются междоусобному кровопролитию и вместе с тем проявляют личное бесстрашие в битвах с половцами. Воинская тематика и рыцарская мораль занимают значительное место в летописи. Княжой Выдубицкий монастырь в центр исторического повествования ставит биографии киевских князей, в кратких характеристиках которых проявляется особенная сила летописи. Лучшая из таких княжеских биографий посвящена Изяславу Мстиславичу: повидимому, она досталась летописцу уже в готовом виде.

Усиливающийся церковный колорит Киевской летописи не делает, однако, ее излишне однообразной, от чего не всегда был избавлен другой значительный памятник киевской литературы — Киево-Печерский патерик.

К 20-м годам XIII в. относится возникновение основной части Киево-Печерского патерика — посланий епископа суздальского и владимирского Симона печерскому монаху Поликарпу и Поликарпа — печерскому игумену Акиндину. Симону принадлежит, кроме того, Слово о создании церкви Печерской, пространный рассказ о «чудесных» обстоятельствах построения главной монастырской святыни — Успенского собора. Сказание повествует о чудесном происхождении средств на построение церкви, о чудесном указании места, где

она должна была быть построена, о чудесной присылке богородицей мастеровозчих и иконописпев из Константинополя и о чудесном указании «меры» церкви, при помощи которой должен был быть разбит ее план. «Чудеса» сопровождают построение церкви и ее освящение в 1089 г. Сказание подводило итог устным рассказам, которые должны были внушить мысль об особой святости Печерского монастыря — центральной святыни Русской земли. И действительно, если в XI в. Новгород и Полоцк обзаводятся, по примеру Киева, соборами Софии, то в XII в. под впечатлением рассказов и легенд о печерской церкви строятся по ее «образцу» соборы в Ростове, Смоленске, Старой Рязани, Суздале, Владимире-Волынском и Владимире на Клязьме (см. гл. 8).

Послание Симона Поликарпу написано в обличение «санолюбия» последнего. Поликарп был недоволен своим положением простого монаха в Печерском монастыре и домогался различными путями епископского места. Симон советовал Поликарпу оставаться монахом Печерского монастыря, уверяя его, что «един день в дому божиа матере [т. е. в Печерском монастыре] паче тысяща лет». Для наглядного доказательства почетности его местопребывания в конце своего послания Симон приводит 9 рассказов о Печерском монастыре, каждый из которых должен был свидетельствовать о степени святости этого места.

Следующее затем послание Поликарпа Акиндину, как бы написанное в ответ на послание Симона, содержит 11 рассказов о печерских монахах. Возможно, что в число этих рассказов входят и последующие прибавления, но основная часть их, несомненно, принадлежит 20-м годам XIII в.

Рассказы Симона, а в особенности Поликарпа, полны бытовыми подробностями, живо рисующими жизнь Печерского монастыря. В них получили отражение различные ремесла, которыми занимались печерские монахи, монастырская торговля (солью, хлебом) и монастырская политика. «Чудеса» происходят то в келье иконописца, то в пекарне, то у гробовщика. Один из монахов заставил бесов ворочать жернова и молоть на себя пшеницу; другой принудил их таскать в гору с берега Днепра бревна.

Большой выразительности достигают в рассказах диалоги, близко стоящие к диалогам летописи. Патерик отражает ее язык и стиль. Переплетающаяся с бытом фантастика придает рассказам занимательность и сюжетное разнообразие. В них изображаются исторические события и лица. В годы феодальной раздробленности патерик живо напоминал своим читателям об историческом прошлом родины, о Киеве XI в., способствуя тем самым сохранению идеи единства Русской земли.

Рассказами патерика увлекался впоследствии А. С. Пушкин, отмечавший в них «прелесть простоты и вымысла» (письмо к Плетневу от 1831 г.).

Сравнительно поздно возникает новый центр летописания на северо-востоке Руси.

Непосредственное продолжение Повести временных лет — епископский летописец Переяславля-южного и отчасти местный летописец Ростова легли

в основу первого Владимирского свода 1177 г., начатого по воле Андрея Боголюбского при главном храме Владимирского княжества — владимирском Успенском соборе. Смерть Андрея Боголюбского прервала выполнение этого свода, но ненадолго.

В 1193 г. при Всеволоде «Большое Гнездо» на основе нового пересмотра предшествовавшего владимирского летописания по летописи Переяславля-южного (на этот раз княжеской, а не епископской) составляется владимирский великокняжеский свод.

Составление обоих владимирских сводов конца XII в. было связано с новыми внешнеполитическими притязаниями владимирского князя (см. т. I, Введение). Притязания эти потребовали коренного изменения обычной летописной схемы русской истории: Владимир становится в центре летописания, которое, что особенно важно, приобретает общерусский характер.

Владимиро-Суздальская летопись сильнее, чем какая бы то ни было другая, отразила церковные аскетическо-монашеские интересы летописца. Летописец часто пользуется цитатами из священного писания, прибегает к нравоучениям, дидактике, моральным сентенциям, иногда не в меру многоречив и риторичен. Нередко летописец перебивает свое повествование риторическими отступлениями, заимствуя отрывки из проповедей и поучений, а иногда перенося и приспособляя к своему изложению отдельные куски из предшествующего летописания.

Временами во Владимиро-Суздальской летописи встречаются яркие картины феодальной жизни: предательства, злодейства, убийства, нарушения клятв, восстания и междоусобия, в изображении которых владимирский летописец обнаруживает вкус и темперамент художника.

Один из лучших владимирско-суздальских летописных рассказов — повесть об убиении Андрея Боголюбского. Это, собственно, типичное житие, но рассказанное с подробностями очевидца. Живой диалог и драматично изображенное сопротивление Андрея Боголюбского убийцам делают повесть одной из самых ярких в литературе второй половины XII в.

Церковная настроенность владимирско-суздальского летописца не отвлекает его, тем не менее, от мирских забот. Он — деятельный сторонник сильной княжеской власти. Свою книжную начитанность летописец постоянно использует для прославления, пропаганды и освящения церковным авторитетом власти князя. В характеристиках владимирских князей летописец прибегает к житийному стилю, приписывает князьям чисто монашеские добродетели, во всем оправдывает их и расточает им гиперболические похвалы. Действия князей объясняются летописцем благочестивыми мотивами, а победы их — божественной помощью.

Под 1206 г.— временем отъезда Константина, сына владимирского князя Всеволода, в Великий Новгород — летописец обильно приводит выдержки из священного писания, чтобы подкрепить ими авторитет княжеской власти. Летописец как бы напутствует Константина перед отъездом его в город, издавна

стремившийся освободиться от власти князя. «Власти мирьскые от бога вчинены суть», «[князь] богу слуга есть. мьстя злодеем» и т. д. Вручая Константину крест и меч, Всеволод говорит ему: «Се [крест] ти буди охраньник и помощник, а мечь прещение и опасенье. яже ныне даю ти пасти люди своя от противных».

Те же сентенции о сильной и нелицеприятной княжеской власти находим мы и под 1194 г.: «Князь бо не туне мечь носить, в месть злодеем, а в похвалу добро творящим», «судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих меньших и работящих сироты и насилье творящих» и т. д.

Суровое морализирование, восхваление твердой, а главное справедливой «правый суд судящей» власти, способной подавить бояр, «обидящих меньших»,— это не случайные особенности владимиро-суздальской княжой летописи, идеологически обосновывавшей реальные притязания владимирских князей.

В начале XIII в. характер Владимирской летописи становится более светским. Замечательна та реформаторская работа, которую проделал летописец во Владимирском своде 1212 г., составленном по воле князя Юрия — сына Всеволода «Большое Гнездо». По верному наблюдению исследователя владимиро-суздальского летописания М. Д. Приселкова, составитель свода 1212 г. значительно модернизировал церковную лексику предшествовавших сводов 1177 и 1193 гг., заменив устаревшие и малопонятные слова более понятными: «утопе» — «утонул», «крьнеть» — «купить», «комони» — «кони», «ядо» — «снедь», «двое чады» — «двое детей» и т. д. Изменяя лексику и отбрасывая чрезмерно церковную окраску предшествующего владимирского летописания, составитель свода 1212 г., однако, ни в чем не изменил исторической схемы и летописной идеи своих предшественников.

Владимирская летопись не единственная летопись северо-восточной Руси: параллельно ей существовала летопись Ростовская; из свода 1212 г. возникла летопись Переяславля-Залесского.

Каждая из областных летописей XII — начала XIII в. по-своему подхватила отдельные стороны общего им всем источника — Повести временных лет,— но сильно сузила его идейное богатство, широкое русло его политических интересов. Галицко-Волынская летопись развивает поэтическую и эмоциональную сторону киевского летописного стиля, но дробит повествование описаниями мелочей и тягот феодального быта; Новгородская летопись замкнулась в узком кругу городских, вечевых, а иногда и обывательских интересов; Киевская летопись меньше всего внесла нового, постепенно растрачивая старое. В противоположность всем им Владимиро-Суздальская летопись — сухая, официальная, торжественно-церковная — была летописью одной политической тенденции, одной идеи — единой и сильной власти владимирского князя.

Литература второй половины XII — начала XIII в. дробится между множеством областей и обилием противоречивых тенденций. Киев, Владимир, Новгород, Смоленск, Туров, Галич и Владимир-Волынский — каждый из этих городов составляет самостоятельный литературный центр. Идеи, значительно

опережающие эпоху, борются в литературе с усилением областнических тенденций, народная стихия — с рафинированной книжной культурой. В любом из литературных произведений второй половины XII в. мы сталкиваемся с удивительным разнообразием словаря, со сложными литературными традициями, иногда с образами народной поэзии и всегда с устойчивыми местными особенностями стиля и языка. Эта пестрота школ, стиля, традиций, жанров — своеобразное отражение феодального дробления в литературе — была связана с другой характерной чертой XII в.: интенсивным влиянием на утонченную культуру верхов русского общества многовековой местной народной культуры.

Именно эта последняя черта с особенной резкостью сказалась в Слове о полку Игореве — произведении, соединившем в себе лучшие стороны древней русской литературы, проникнутом горячим чувством любви к Родине как к единому целому.

7

К концу XII в. определилась слабость враждующих русских княжеств, созрела идея необходимости согласованного отпора степи. Эта идея, лежавшая в основе некоторых русских летописных сводов и начавшая было угасать во второй половине XII в., лучшее и наиболее художественное свое выражение получила вне летописи.

К 1187 или 1188 гг. относится создание величайшего произведения древней русской литературы — Слова о полку Игореве.

Рукопись Слова была найдена в конце XVIII в. известным любителем и собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным в сборнике светского содержания, включавшем в свой состав Девгениево деяние, Повесть об Акире, Повесть об Индийском царстве и др.

С Слова снята была копия для Екатерины II, предполагавшей воспользоваться ею для своего исторического труда. В 1800 г. Слово было издано Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве с его учеными друзьями: А. Ф. Малиновским, Н. Н. Бантыш-Каменским и Н. М. Карамзиным. В 1812 г. сборник, включавший в свой состав Слово о полку Игореве, сгорел в московском пожаре вместе с домом Мусина-Пушкина.

В начале XIX в., когда состояние филологической науки было весьма низким, а в истории было широко распространено представление о низком уровне культуры древней Руси, высокие поэтические достоинства Слова послужили поводом для всякого рода сомнений в его подлинности. П. П. Румянцев считал его сочиненным в XVIII в.; митрополит Евгений Болховитинов относил его к XV—XVI вв.; Качеповский и Сенковский видели в нем произведение, написанное в конце XVIII в. в подражание Оссиану.

В дальнейшем, с развитием русской исторической науки и изучения истории русского языка, подлинность Слова не могла уже возбудить сомнения серьезных

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

ПИСАННАЯ

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ

съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА
ВЪ Сенатской Типографіи,
1800.

СЛОВО

О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, (а)

ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по

ПѢСНЬ

О ПОХОДѢ ИГОРЯ,

СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,

ВНУКА ОЛЬГОВА.

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ *Игоря*, сына *Святославова!* начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по

(а) *Игорь Святославичь* родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ *Георгіемъ*; женился въ 1184 году на Княжнѣ *Ефросиніи*, дочери Князя Ярослава Володимировича *Галицкаго*: въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

Рис. 37. Титульный лист и начало Слова о полку Игореве в издании 1800 г.

и беспристрастных исследователей. Слово изучалось в широкой исторической перспективе; объяснялись многие явления языка Слова, которые казались непонятными в конце XVIII — начале XIX в.; сходные со Словом грамматические обороты, художественные образы были обнаружены в народной поэзии и во многих книжных произведениях, остававшихся ранее неизвестными. Высказываемые в самое последнее время некоторыми западноевропейскими учеными сомнения в подлинности Слова основываются на невежественном отсутствии живого ощущения древнерусского языка и древнерусской литературы, а главное на сознательном желании уронить ценность древнерусской культуры, представить ее неспособной к созданию произведений, столь высоких по своей художественности.

Изучение Слова в течение XIX в. было столь же плодотворно для Слова, сколько и для самой русской науки. Интерес, который оно возбудило к древнерусской литературе и к древнерусскому языку, способствовал изданию большого числа не известных дотоле памятников, стимулировал палеографические исследования и занятия историей русского языка.

Слово о полку Игореве изучалось представителями самых разнообразных литературоведческих школ, поэтами, лингвистами и историками; Словом занимался А. С. Пушкин, оставивший нам черновики своей подготовительной работы к его переводу; Слово переводили В. А. Жуковский, А. Майков и др.

Не было ни одного крупного русского филолога, который не писал бы о Слове. Всего в исследовательской литературе о Слове насчитывается до 700 работ.

Многочисленные переводы Слова на языки народов СССР говорят о широкой любви всего советского народа к Слову о полку Игореве. Изучение Слова в советское время было особенно плодотворно для установления той литературной и исторической обстановки, в которой оно родилось (исследования акад. А. С. Орлова, акад. Б. Д. Грекова, Н. К. Гудзия, Д. В. Айналова, М. Д. Приселкова, В. Ф. Ржиги и др.).

Слово о полку Игореве продолжило и расширило летописный жанр исторических повествований, внесло в него сильную струю народного поэтического творчества, а с другой стороны, углубило публицистические идеи летописи, придало историческому повествованию элегическую настроенность и драматизм.

Прозаическая летописная констатация необходимости единения для отпора степным кочевникам сменилась в Слове страстной агитационной речью, подчинившей себе формы народной лирики, ораторского искусства, воинской повести. Это различное отношение к своей теме и связанное с этим различие в стилистике особенно наглядно выступает при сравнении летописных рассказов (в Ипат. и Лавр. л.) о трагическом походе на половцев Игоря Северского в 1184 г. с рассказом Слова о тех же событиях.

Задача летописных рассказов — последовательный хронологический рассказ о походе. Идея защиты Русской земли, упреки русским князьям за неосторожность («не воздержавше уности, отворише ворота на Русьскую землю»),

идея воинской чести («оже ны будеть не бившися возвратитися, то сором ны будеть пуще смерти»; «поидемь, но или умрем, или живи будемь, на одиномь месте») находят себе в летописных рассказах отчетливое, но побочное выражение. В противоположность летописным рассказам, задача Слова целиком агитационная: «Смысл поэмы,— писал К. Маркс,— призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».[1]

Единая мысль, единая настроенность пронизывают все Слово от начала и до конца. Это — мысль о необходимости единения перед лицом вражеской опасности, это скорбь по поводу жесточайших бедствий русского населения от княжеских крамол и половецких нашествий. И основная идея произведения, и пронизывающее его настроение слиты здесь в единое целое. Призыв к единению слышится в Слове не только в непосредственных обращениях его автора к русским князьям или в его осуждениях княжеских крамол — с этим зовом соединено лирическое звучание всего текста Слова о полку Игореве.

Тот же призыв к единению слышится и во всех лучших произведениях второй половины XI—XII вв. Он звучит и в летописях — в киевской, владимирской, переяславской, и в черниговском Слове о князех, одновременном Слову о полку Игореве, и в некоторых житиях, и в повестях о княжеских преступлениях. Наконец, с идеей единения князей тесно связан популярный культ русских князей — братьев Бориса и Глеба.

Автор Слова не только с гениальной художественной силой выразил эту наиболее передовую идею своего времени, заслуга его и в том, что он эту идею понял так глубоко, с такой широтой и] прозорливостью, как никто из его современников. Широта воззрений автора Слова о полку Игореве в том, что он сумел подняться над ожесточенной борьбой Ольговичей и Мономаховичей, с похвалой и сочувствием отзываясь о лучших представителях и тех и других. Прозорливость автора Слова о полку Игореве в том, что он идею единения впервые связал с идеей сильной княжеской власти и тем придал ей реальную весомость, указал конкретный путь к ее осуществлению. Не бессилие русских князей отмечает автор, а их силу и могущество. Великий Всеволод суздальский так силен, что мог бы «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти». Будь он на юге, «была бы чага по ногате, а кощей по резане». Галицкий Ярослав Осмомысл «высоко» сидит «на своем златокованном столе, подпер горы угорьскыи своими железными полкы», заступил пути венгерскому королю, затворил ворота к Дунаю. Несчастие русского народа не в том, следовательно, что Русская земля бессильна и князья в ней слабы. Беда ее в том, что никто из русских сильных князей не слышит призыва «загородить полю ворота своими острыми стрелами».

Автор Слова о полку Игореве гордится Русью — «звоном славы» в Киеве, почетом от греков, немцев и венецианцев. Вместе с Игорем он гордится честью

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. XXII, стр. 122.

русского оружия. Как и дружина князя, «жадная веселья», он в конце своего произведения провозглашает славу русским князьям. В нем можно угадать одного из тех сторонников сильной централизованной княжеской власти, которые были во Владимирской и Галицкой Руси XII—XIII вв.

Слово — песнь о Русской земле. Широкий замысел обращения ко всей Русской земле, ко всем русским князьям с призывом «загородить полю ворота своими острыми стрелами» определил и основные черты художественного построения Слова.

Слово о полку Игореве произведение удивительно цельное. Содержание и форма слиты в нем до нерасторжимого единства.

Небольшое по объему Слово (2875 слов; не многим больше $^1/_4$ печатного листа) чрезвычайно обширно по своей теме. В зачине к Слову автор говорит, что он собирается вести свое повествование «от стараго Владимера [Мономаха] до нынешняго Игоря». Излагая историю несчастного похода на половцев князя Игоря, автор охватывает события русской жизни за полтора столетия и ведет свое повествование, «свивая славы оба полы сего времени», постоянно обращаясь от современности к истории, сопоставляя прошлое с настоящим. Автор вспоминает века Бояновы, годы Ярославовы, походы Олеговы, времена старого Владимира (Мономаха). В своеобразной перекличке, которую устраивает автор русским князьям, участвуют и его современники, и их предшественники.

Широкому хронологическому охвату повести соответствует и широта ее территориального охвата.

Едва ли в мировой литературе есть произведение, в котором были бы одновременно охвачены такие огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), Черное и Азовское моря, Дон, Волга, Рось и Сула, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмутаракань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др.,— вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор Слова не выключает Русскую землю из среды окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а литовцев, финнов (хинове), половцев, ятвягов и деремялу (литовское племя) — непосредственно втянуться в ход русской истории.

Подобно Ярославу галицкому, прозванному за свой политический ум Осмомыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обозревает происходящее, автор Слова видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее частях: «Девици поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева»; «трубы трубят в Новегороде, стоят стяги в Путивле»; «кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве» и т. д. Одновременно с походом Игорева войска двигаются к Дону половцы «неготовыми дорогами», скрипят их немазаные телеги.

Таким же, как у него самого, обостренным слухом и зрением, способным прозревать пространство, наделяет автор и своих героев: когда Всеславу в Полоцке позвонят к заутрени рано у святой Софии в колокола,— он в Киеве уже звон слышал, а когда князь Олег вступал в золотое стремя в городе Тмутаракани,— тот звон слышал великий Ярославов сын Всеволод, а Владимир (Мономах) всякое утро уши себе закладывал в Чернигове.

Широкое пространство действия преодолевается гиперболической быстротой передвижения действующих лиц. Всеслав хитростями подперся на коне и скокнул к городу Киеву и коснулся копьем золотого престола киевского. Отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синей ночной мгле, на утро же оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав-князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал, до петухов, Тмутаракани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси сами герои Слова приобретают гиперболические размеры: Владимира Святославича нельзя было пригвоздить к горам Киевским; галицкий Ярослав — подпер горы Угорские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж Слова, всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, итти дождю стрелами с Дону великого... Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря широкая печаль течет по Руси. Скачет Жля по Русской земле, мыкая в пламенном роге погребальный пепел.

Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щекот соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки составляют титанический фон, на котором развертывается действие Слова. Широки и «космичны» образы плача Ярославны, противопоставленного автором шуму битвы в идеальной дали на Дунае. Ярославна в плаче обращается к ветру, веющему под облаками, несущему корабли по синему морю, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и «лелеял» святославовы насады до Кобякова стана, к солнцу, которое для всех тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

В радостях и печалях русского народа принимает участие вся русская природа: понятие родины — Русской земли — объединяет для автора ее историю, «страны» (т. е. сельские местности), города, реки и всю природу. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности; Донец стелет бегущему из плена Игорю постель на зеленом берегу, одевает его теплым туманом, сторожит чайками и дикими утками.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы; принимают участие в судьбе Русской земли даже стены городов, унывающие при поражении русского войска.

Слово проникнуто ощущением пространства и простора. Оно усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц, совершающих большие перелеты («не буря соколов занесла за поля широкие, не галочьи стада бегут к Дону великому...», вороны несутся к синему морю и т. д.). Ветры и отдаленное море подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить весь ее горизонт, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора Слова охватывает подробности походной жизни степных переходов, приемы защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей. Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противопоставлен образу пустынной Половецкой степи — «стране незнаемой», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

По точному определению академика А. С. Орлова, героем Слова является не какой-нибудь из князей, а вся «*Русская земля*, добытая и устроенная трудом великим *всего русского народа*. Храбрые полки Игоря идут „за землю Русскую"; это не просто воины, ратники, кмети, а „русичи", дети Руси; углубление их во вражескую степь сопровождается горьким прощанием с родиной: „О Русская земля! уже ты за курганом". Знаменитый дед Игоря, Олег, получил от автора Слова укоризненное прозвище „Гориславич", вместо отчества своего „Святославич", за то, что в усобицах своих усеял трупами родную землю и нарушил мирный труд ее „ратаев" — пахарей. Княжеские распри и крамолы допустили „поганых со всех стран" ходить „с победами на землю Русскую". И вот все областные князья призываются к единению и общей защите Русской земли».

Таким образом, Слово о полку Игореве — это поэма о всей Русской земле, образ которой, ее природа и история широко и свободно очерчены автором. Только начало Повести временных лет с ее общим обзором географического расположения Русской земли может быть сближено со Словом в этом широком абрисе, но деловитое и последовательное описание Русской земли в Повести не имеет поэтической и элегической настроенности Слова, в нем отсутствует движение и характерное стремление к антитезам, к неожиданным сопоставлениям, к объединению в едином действии крайних пространственных пунктов, к поэтической непоследовательности и прерывистости повествования.

Широкий ландшафт Руси, в описании которого объединились лирика и публицистика,— основной агитационный прием автора Слова. Широта кругозора — идейного и художественного — основа его мироощущения.

Художественная принадлежность Слова определяется самим автором поразному: как «повесть», как «песнь» и как «слово». Ни один из этих терминов не имел на Руси точного значения; вот почему автор Слова мог назвать свое

произведение и тем, и другим, и третьим, не вступая в противоречие с самим собой и с литературной традицией своего времени. Но дело не только в этом. Подобно многим гениальным произведениям, Слово о полку Игореве выходит за пределы жанровых традиций своего времени, как выходят, например, за их пределы Божественная комедия, Евгений Онегин, Мертвые души, Война и мир. Вот почему бесплодны попытки точно и узко определить «жанровую природу» Слова то как «былину XII в.», то как произведение светского красноречия, то как воинскую повесть и т. д. Как только мы отвлечемся от тех деталей, к которым стремятся приковать наше внимание исследователи, и взглянем на все произведение в целом, так скоро убедимся в том, что Слово о полку Игореве не могло исполняться как былина, не могло быть произнесено в торжественной обстановке перед князем как ораторское произведение, не было предназначено для включения в летопись как обычная воинская повесть. Легкость, с которой подыскиваются параллели к Слову во всех видах книжного и народного творчества, больше всего свидетельствует против того, что оно принадлежит к одному какому-либо жанру.

В Слове соединено историческое повествование с героической лирикой. Элементы стилистики воинских повестей, летописные термины объединены в Слове с приемами народного эпоса и лирики. От летописи и воинской повести зависит военная терминология Слова: «вступить в стремень», «копие преломити», «испити шеломом Дону» (как символ победы), «исполнитися ратного духа», обычная рыцарская мотивировка действий дружины: «нищучи себе чти, а князю славы» и многие другие. В Слове ярко выражены отдельные элементы ораторской стилистики (например, обычные у проповедников того времени гиперболы) и витийственное красноречие учительной литературы (книжные параллели к отдельным местам Слова были указаны у митрополита Илариона, в апокрифическом Слове о Лазаревом воскресении и др.). Народная стихия Слова выражается в отрицательных метафорах («Немизе кровави брезе не бологомь бяхуть посеяни, посеяни костьми руских сынов»), в постоянстве эпитетов (чистое поле, серые волки, острые мечи, синее море и др.), в отдельных характерных для народной поэзии образах (особенно многочисленных в плаче Ярославны и в сне Святослава), в аллитерациях, в гиперболах и в сравнениях.

Однако автор освежает традиционные книжные и фольклорные мотивы, давая им неожиданное освещение, углубляя и продолжая их в контексте. Так, например, обычную метафору воинских повестей «летяху стрелы как дождь» автор оживляет новым ее применением: тучи идут с моря — итти дождю стрелами.

Это соединение элементов народного творчества с приемами ученой книжной литературы как нельзя лучше соответствует национальному значению Слова, его народному содержанию и, во всяком случае, не является случайным стилистическим решением автора. В зачине Слова автор показывает себя сознательным и глубоким стилистом; он размышляет о том, какой характер придать повествованию: «начати же ся той песни по былинам сего времени» или

«по замышлению Бояню»; в некоторых случаях он стилизует поэтические приемы последнего.

Важною особенностью Слова, которая может служить признаком связи его одновременно с книжной поэзией и русским фольклором, являются детали строения, сближающие его со стихотворными произведениями. В Слове можно установить строфы и рефрены, ритмическую организацию речи и музыкальность ее звучания.

Но автор Слова о полку Игореве вовсе не стремился к соединению особенностей разных жанров — книжных и фольклорных, к тому, чтобы создать произведение, в равной мере чуждое всем литературным и фольклорным формам. Рассматривая Слово о полку Игореве в целом, мы убеждаемся в преобладании в нем лирического начала: это произведение лирическое по преимуществу. Грандиозная общественная и эпическая тема разрешена в нем средствами лирики. К Русской земле обращена вся полнота личных чувств его автора, весь эмоциональный подъем его. И именно эта лирическая взволнованность Слова, а не элементы стихового ритма, не элементы рифм и аллитераций, делает Слово произведением поэтическим.

Попытки решить вопрос о сословно-классовой принадлежности автора, о месте его происхождения и составлении Слова до сих пор были бесплодны. Но ясно одно: был ли он киевлянин или черниговец, воин или придворный, он прежде всего был *русским* образованным человеком, хорошо знакомым с книжной литературой своего времени и устным народным творчеством, для которого в равной мере были дороги интересы различных княжеств, умело объединяемые им в свободном от феодальной ограниченности повествовании.

Влияние Слова было весьма велико для всего последующего развития русской литературы. Следы знакомства со Словом найдены в пограничном Пскове в начале XIV в. (цитата из Слова в Псковском апостоле 1307 г.). В начале XV в. подражание Слову отчетливо заметно в цикле сказаний о Куликовской битве. В начале богатого военными событиями XVI в. Слово снова привлекает к себе интерес и переписывается во Пскове (или в Новгороде).

8

На грани двух эпох, в самом преддверии татаро-монгольского нашествия, стоит своеобразное произведение ростово-суздальской литературы, соединившее в себе некоторые особенности литературы домонгольского периода с зачатками новых политических веяний и новых литературных вкусов,— Моление Даниила Заточника.

Моление принадлежит к числу наиболее загадочных памятников древней русской литературы. Неясен прежде всего адресат этого произведения: ученые относят отдельные редакции Моления то к Юрию Долгорукому (1108—

1157), то к Ярославу Владимировичу (1182—1199), то к Андрею Владимировичу Доброму (1102—1141) и т. д. Неясна также и сама личность Даниила: одни из исследователей считают его дворянином, другие — дружинником князя, третьи — холопом. В последнее время была высказана весьма вероятная мысль, что Даниил не имел устойчивого социального положения. Не решен вопрос и о том, был ли Даниил вообще заключен, имеет ли Моление под собою какую-либо историческую основу, было ли двое Даниилов или один. Так же разнохарактерны и оценки литературных достоинств памятника. Одни из исследователей видели в нем «нескладную болтовню», другие высоко ценили композиционную ясность и художественную стройность Моления.

Лишь адресат одной из редакций Моления может быть указан точно: это князь Ярослав Всеволодович, сидевший в Переяславле-Залесском на княжении с 1213 по 1236 г.

Моление представляет собою обращение, «мольбу» некоего Даниила к князю, чтобы он взял его к себе на службу. Даниил восхваляет ум и книжное образование, различными историческими и бытовыми примерами доказывает необходимость для князя иметь мудрых советников, а затем всячески стремится показать свою начитанность и хитроумие. Прославляя князя, Даниил вместе с тем пытается разжалобить его ссылками на свое несчастное положение. Можно предположить, что Даниил был заточен на озере Лаче, откуда и обращал к Ярославу свое Моление. В одном месте Даниил ссылается на свои неудачи в ратном деле. Были ли, однако, эти неудачи Даниила реальными или в указании на них следует видеть обычную в средневековье манеру возвеличения властителя путем контрастного сопоставления с собою — остается неясным.

Основная часть Моления состоит из своеобразных, ритмично организованных строф, с ассонансами и общим повторяющимся обращением в начале: «княже мой, господине». Строфы распадаются на излюбленные в средневековой литературе афористические изречения, пословицы и небольшие рассуждения. В подборе книжного материала Даниил выказывает себя широко образованным писателем, человеком из утонченной литературной среды, который не боялся остаться непонятым. Ему знакомы библейские книги; он цитирует Псалтырь, книгу Иова, Евангелие, Стословец Геннадия; знает Изборники Святослава, Пчелу, повесть об Акире Премудром, летописи, произведения Илариона, народные пословицы («безумных бо ни куют, ни льют, но сами ся ражают», «ни птица во птицах сычь; ни в зверех зверь еж; ни рыба в рыбах рак; ни скот в скотех коза...» и т. д.). Из западных или византийских сочинений попали в Моление Даниила описания цирковых игр и игр жонглеров перед королями и царями, затем некоторые бытовые реалии, ему знаком социальный уклад западноевропейских стран: в этом убеждает обильно рассыпанная в Моление западноевропейская социальная терминология: «рытари» (рыцари), «магистрове» (магистры), «дуксе» (герцоги), «король» и др.

Если иногда трудно угадать в упоминаемых в Моления реалиях конкретные явления русской жизни, то общая тенденция и идеологическая направленность этого произведения вполне конкретны: они связываются с новым соотношением социальных сил на северо-востоке Руси, борьбой княжеской власти с боярством. Восхваляя Ярослава, Даниил ясно заявляет себя сторонником сильной княжеской власти, противником бояр и черного духовенства. Многочисленными афоризмами Даниил стремится обосновать неограниченность власти князя, подчеркивает его значение: «Женам глава муж, а мужем князь, а князем бог», «орел птица — царь надо всеми птицами, а осетр — над рыбами, а лев — над зверми, а ты, княже, над переславцы. Лев рыкнет, кто не устрашится; а ты, княже, речешь, кто не убоится», «гусли строятся персты, а град нашь твоею [князя] державою» и т. д. «Лучше бы ми вода пити в дому твоем,— обращается Даниил к Ярославу,— нежели мед пити в боярстем дворе; лучше бы ми воробей испечен приимати от руки твоея, нежели боранье плечо от государей злых». В одной из редакций эта антибоярская тенденция выражена еще ярче: «Конь тучен, яко враг сапает на господина своего; тако боярин богат и силен смыслит на князя зло».

В заключительной части Даниил обращается к богу с просьбой: «Силу князю нашему укрепи» и повторяет слова митрополита Илариона, как бы непосредственно вводя нас в обстановку надвигающегося нашествия монголов: «Не дай же, господи, в полон земли нашей языком [народам], незнающим бога, да не рекут иноплеменницы: где есть бог их...».

Эти заключительные строки последнего из произведений домонгольской литературы, возвращающие нас к ее истокам — Слову о законе и благодати Илариона, выражают вместе с тем излюбленную идею русской литературы, X — XIII вв., золотой нитью проходящую через все основные ее произведения: идею независимости Родины. К этому клонились призывы летописи к борьбе с половцами, призывы Слова о полку Игореве к единению перед лицом внешней опасности и, наконец, обращения Моления к утверждению сильной княжеской власти.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Д. Киево-Печерский патерик. Киев, 1931.

Владимиров П. Древняя русская литература Киевского периода XI—XIII вв. Киев. 1901.

Гудзий Н. К. Слово о полку Игореве. Литературная учеба, 1937, май.

Ипатьевская летопись. Полн. собр. русск. летоп., изд. Археогр. комиссией, т. II. Изд. 2-е, СПб., 1908.

Истрин В. М. Очерки по истории древней русской литературы домосковского периода. Пгр., 1922.

История русской литературы. Институт литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, т. I. М.— Л., 1941.

Лаврентьевская летопись. Полн. собр. русск. летоп., изд. Археогр. комиссией, т. I. Изд. 2-е, Л., 1926.

Лихачев Д. С. Русские летописи. Л., 1947.
Новгородская I летопись по Синодальному списку. СПб., 1888.
Орлов А. С., акад. Древняя русская литература XI—XVI вв. Л., 1945.
Орлов А. С., акад. Слово о полку Игореве. Л., 1946.
Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, вып. I—IV. М., 1861.
Петухов Е. В. Русская литература. Древний период. Пгр., 1916.
Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития (обзоры редакций и тексты). М., 1915.
Слово о полку Игореве. «Литературные памятники». М.—Л., 1950.
Сперанский М. Н. История древней русской литературы, ч. I, Киевский период. 1923.
Шахматов А. А., акад. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Летопись занятий Археогр. комиссии, т. XX. СПб., 1908 (и отдельно).
Шахматов А. А., акад. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Н. С. Чаев

1

Просвещение в древней Руси рано достигло значительного развития. Об этом свидетельствуют, например, сведения о деятельности князя Ярослава по распространению книг, несомненно, обусловленной не только личными склонностями князя, но и возраставшими потребностями киевского общества в знаниях. Известно, что Ярослав не только сам «книгам прилежа и почитая е [их] часто и в нощи, и в дне», но «собра писце многы и прекладаше [переводил] от Грек на Словеньское письмо, и списаша книгы многы». Он же положил начало библиотеке при Софийском соборе в Киеве: «[Ярослав] любим бе книгам, и многы, написав, положи в святей Софьи» (Лавр. л., 1037). Как мы видели выше (гл. 6), в состав литературы времени Ярослава с необычайной быстротой входят русские оригинальные произведения, впервые освещающие судьбы и значение Руси и русского народа. Сыновья Ярослава, Святослав и Всеволод, представляются весьма образованными людьми своего времени; последний, например, «дома седя, изумеяше пять язык». И в дальнейшем случаи большой образованности в княжеской среде нередки. Владимир Мономах, автор известного Поучения, имел широкое образование и был, несомненно, знаком с иностранной литературой (в частности, греческой и латинской). Один из князей Ольговичей, Никола Святоша, сделавшийся в начале XII в. монахом, собрал много книг,— они составили впоследствии значительную часть библиотеки Киево-Печерского монастыря. «Книжным» князем был и один из героев Слова о полку Игореве — Ярослав галицкий. Братья Андрея Боголюбского, Михаил и Всеволод, бывшие некоторое время в Греции, также знали несколько языков. Сын Всеволода «Большое Гнездо» — Константин, окружил себя учеными людьми, занимался переводами с греческого и собрал, подобно Николе Святоше, большую библиотеку. Есть

свидетельство, что князь Роман Ростиславич (конец XII в.) будто бы даже разорился от покупки книг.

Положение духовенства и значительная идеологическая роль последнего в феодальном обществе превращали его в древней Руси, как в Византии и в Западной Европе, в «ученое сословие» средневековья. Если князья и высшая феодальная знать могли, как это бывало, оставаться мало образованными, а иногда и вовсе неграмотными, то для духовенства, особенно высшего, не только грамотность, но и подлинная образованность были совершенно необходимы и обязательны.

И действительно, среди духовенства мы видим весьма крупных писателей и просвещенных людей, авторов оригинальных литературных произведений, главным образом поучений и проповедей. Среди них надо назвать киевского митрополита Илариона, новгородского епископа Луку Жидяту, Феодосия Печерского, летописцев Нестора, Сильвестра и других, Кирилла туровского, Авраамия смоленского, написавшего много книг «ово своею рукою, ово многими писцы», наконец, Даниила Заточника и др. Все это были русские люди, их сочинения были написаны на русском языке. Этим преимуществом не обладали греки, возглавлявшие русскую митрополию и епископские кафедры, так как они обычно не знали русского языка и должны были действовать при помощи переводчиков. В числе «книжных людей» могут быть названы и рядовые попы и монахи. Известно, что ими окружил себя князь Ярослав и поощрял их к переводу греческих книг на русский язык. Монахи часто посещали Константинополь, Афон и Иерусалим в качестве богомольцев и сообщали затем своим русским иноотечественникам разнообразные сведения, собранные в специальных описаниях путешествий.

Весьма образованными были иногда также и отдельные представители княжеской дружины и боярства. Таков, например, некий черниговский боярин, Федор, блестяще обучивший дочь местного князя Михаила, Ефросинию. И жития последней узнаем, что она «не во Афинех учися, но афинейски премудрости изучи», т. е. освоила весь круг тогдашних знаний: «философию, риторию и всю грамматикию» под руководством своего светского наставника. Можно упомянуть женщин высшего феодального круга, стоявших почти на одинаковом культурном уровне с мужчинами, например, сестру князя Ярослава Предиславу, дочь полоцкого князя Георгия — Ефросинию; образованными, повидимому, были и дочери Ярослава, бывшие замужем за французским, шведским и венгерским королями.

Сознание необходимости просвещения, а также его качественная высота в киевском обществе ярко выявляются из суждений современников. «Велика бо бывает полза от ученья книжного,— говорит, например, летописец,— книгами бо кажеми [наставляемы] и учими есмы пути покаянью; мудрость бо обретаем и воздержанье — от словес книжных. Се бо [т. е. книги] суть реки, напаяющи вселенную, се суть исходища [т. е. источники] мудрости. Книгам бо

есть неищетная глубина... Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно,— продолжает летописец,— то обрящеши велику ползу души своей» и т. д. (Лавр. л., 1037). «Подобны суть книги глубине морской,— читаем в одном из сборников, так называемом Измарагде,— ныряя в которую износят дорогой бисер». О значении книжного чтения «некий калугер [монах]», открывающий своим Словом Изборник Святослава 1076 г., говорит в образных сопоставлениях следующее: «Узда — коневи правитель есть и въздержание; правьднику же — книгы. Не составить бо ся корабль без гвоздий, ни правьдник — бес почитания книжьнаго. Красота воину — оружие и кораблю — ветрила; тако и правьднику — почитание книжьное». Иногда среди указанных суждений современников слышатся требования серьезного и внимательного отношения к содержанию книг: «Со многим прилежанием почитай словеса, а не тщися листы токмо обращати,— читаем в одном из популярнейших в то время сборников, Прологе,— аще ти [тебе] есть требе [нужно] не ленися, но и двакраты прочитай словеса, да разумееши силу их». Наконец, слышится и речь, осуждающая поверхностное отношение к чтению и усвоению знаний. «Повежь ми [скажи мне], убо, нечестиве и неразумиве,— гневно обращается к читателю неизвестный автор одного поучения,— что ся хвалиши книги чтя и вся проходив, а разума чтомому не ведая, и кориши разум книжный?» «Ум без книг, аки птица опешена. Якож она взлетети не может, такоже и ум недомыслится совершена разума без книг»,— заключает один из русских книжников конца XII в. (сборник Пчела).

Рис. 38. Подпись дочери Ярослава, французской королевы Анны на жалованной грамоте Суассонскому монастырю.

Таково было отношение к книгам и просвещению в древней Руси. Далее из слов первого киевского митрополита из русских Илариона, что «не к неведущим бо пишем, но преизлиха насыщьшемся сладости книжныа»,— можно предположить, что обыкновенной, рядовой грамотностью и просвещенностью были охвачены не только высшие круги русского общества XI в., но, возможно, и более широкие слои городского населения. Раскопки в древнерусских городах, особенно в Новгороде, приносят все больше и больше ремесленных изделий и бытовых предметов XI—XII вв., снабженных надписями мастера или владельца. Особенно интересны надписи новгородских сапожников на колодках заказчиков, помеченных их именами. Все это свидетельствует, что грамотность глубоко проникла и в городскую ремесленную среду. Развитие городских ремесел, торговля с Востоком и Западом требовали с возрастающей настоятельностью грамотности, например, от купцов и некоторых ремесленников. Но все же необходимо подчеркнуть, что образованность была главным образом привилегией княжеско-боярских и церковных слоев. О классовой ограниченности просвещения, о его преимущественной принадлежности феодалам и об

его большом значении именно для них прекрасно говорит один из блестящих ораторов и образованных людей XII в.— Кирилл туровский: «Аще бо мира сего властители, иже в житейских вещах труждаются, прилежно требуют книжного почитания», то, продолжает Кирилл,— «кольми паче нам подобает учиться в них и всем сердцем взыскати сведения словес божиих о спасении душ наших писанных».

В XII—XIII вв. число центров просвещения увеличивается: наряду с Киевом и Новгородом выступают Ростов и Суздаль, Смоленск, Полоцк, Чернигов, Галич. Главными очагами образованности в этих городских центрах были епископские кафедры, монастыри, а часто и княжеский двор, где сосредоточивались книжные богатства, которые затем, после переписки, в копиях («списках») расходились отсюда в разных направлениях.

Любители и собиратели книг известны и в княжеской и в дружинной среде. Своего рода «библиофилом» был, например, курский посадник, у которого проходил отроческое служение Феодосий Печерский. В Киево-Печерском патерике рассказывается о печерском иноке Григории, у которого была целая библиотека («книгы»), принесенная им, очевидно, с воли и подвергшаяся даже нападению «татей».

Сфера влияния этих центров просвещения не простиралась, однако, далеко за черту названных городов. Внегородские монастыри были в рассматриваемый период очень редки, бедны книгами и образованными монахами. Массы сельского населения, сопротивлявшиеся христианству, спутнику их закабаления и порабощения, долго еще продолжали питаться старыми религиозными представлениями, сложившимися еще в условиях первобытно-общинного строя. Известно, с какой враждебностью была встречена пропаганда христианства в отдаленных от Киева местностях и землях (см. гл. 3).

Христианизация расширила и углубила связи древней Руси с Византией и южным славянством, и усилила ее связи со странами Западной Европы. Лишь в середине XI в., после официального разрыва между Константинополем и Римом, под влиянием появляющейся на Руси полемической литературы, постепенно слагаются враждебные отношения к «латинянам». Однако эти враждебные отношения никогда не достигали в домонгольской Руси той степени, как позже в Московской Руси. Впрочем, и в это время не обходилось без крайностей. Так, Поликарп причисляет к проявлению «беснования» уменье говорить на иностранных языках — еврейском, греческом, латинском и др. Размах политических и экономических связей Руси отразился в едва ли преувеличенных похвалах летописца, когда он говорит, что Владимир Святославич «бе живе съ князи околними миром с Болеславом Лядьскым, и с Стефаномь Угрьскымь и с Андрихомь Чешьскым, и бе мир межю ими и любы» (Лавр. л., 996) или что «слава великая» Владимира Мономаха «ко странам дальним, рекуще и греком, и к угром, и ляхом, и чехом, дондеже и до Рима проиде». Католические Польша, Венгрия и Чехия являлись ближайшими странами, с которыми древняя

Русь поддерживала постоянные связи. Ими объясняется появление в Галицко-Волынской летописи, например, сведений о различных католических святых. Поэтому понятно знакомство русской феодальной среды не только с греческим и латинским, но и с современными им западноевропейскими языками.

2

В этих условиях огромную роль должны были играть средства распространения просвещения — школы и письменность.

Вопрос о школах и способах обучения в древней Руси далеко не ясен. На основании свидетельств летописи, относящихся к сравнительно короткому промежутку времени (988—1037), можно предполагать существование в этот период школ двух типов: «высших» для детей знати и «низших» для подготовки рядового церковного клира, попов, дьяконов и пр. О первых свидетельствует известная летописная запись о том, как Владимир после крещения «послав нача поимати у нарочитое чади дети и даяти нача на ученье книжное» (Лавр. л., 989); о вторых — запись о предписании Ярослава попам «учити люди» (Лавр. л., 1037) и о том, что Ярослав «собра [в Новгороде и, несомненно, в Киеве] от старост и поповских детей 300 учити книгам». Есть еще одно не вполне достоверное свидетельство (приводимое В. Н. Татищевым), относящееся к 1086 г., об открытии княгиней Анной Всеволодовной при Андреевском монастыре в Киеве специальной женской школы, где «собравше младых девиц (около 300 человек) неколико обуча их писанию, також ремеслам, пѣнию, швению, и иным полезным им ремеслам». Наличие школ на Руси домонгольского периода подтверждает, между прочим, и Стоглав (XVI в.), указывая, что «в старину» в разных русских городах «многие училища бывали, грамоте, и писати, и пети, и чести учили». Стоглав имеет в виду, кажется, именно Русь XI—XIII вв., а не последующий период XIII—XV вв., когда в тяжких условиях монгольского ига вместе с общим упадком культуры и дело просвещения явно заглохло.

В «низшей» школе, существовавшей при монастырях или, быть может, в виде более или менее значительных групп учащихся около отдельных священников и подготовлявшей почти исключительно лиц для обслуживания культа, преподавалось чтение, письмо и пение; при этом руководствами служили, вероятно, как и в более позднее время, только богослужебные книги. В школах, где обучались дети «нарочитой чади», кроме только что названных «наук», могли преподаваться также «философия, ритория и вся грамматикия». Учащиеся получали там также сведения по географии, истории, о животном и растительном мире и т. п. Наконец, существовало и индивидуальное обучение; так, например, Феодосий Печерский был отдан «на учение божественных книг единому от учитель»; выше мы уже упоминали о боярине Федоре, несомненно, индивидуально обучавшем княжну Ефросинию.

Рис. 39. Шестоднев Иоанна, экзарха болгарского (по списку конца XII—начала XIII в.).

Однако дело обучения в школах, а также при индивидуальных занятиях, находилось, как правило, в руках духовенства. Обучение шло, повидимому (точных сведений у нас нет), так же как и позже, например, в XV—XVI вв. Дети принимались в школу «достигши седмого лета». Первый год посвящался изучению азбуки и преодолению техники письма; читались обычно Псалтырь,

Рис. 40. Остромирово евангелие.

Часослов, Апостол. Во второй год читались и заучивались «вся божественные писания». Вполне возможно, что уже тогда должны были появиться и учебные пособия (они известны нам лишь в списках XV в.). Это так называемые азбуковники, в которых, кроме алфавита, складов букв (аз-буки... и т. д.) и молитв, помещались также толкования «неудобь познаваемых» слов, главным образом греческих и некоторых болгарских, сербских и т. д. Кроме того, в этих азбуковниках уже тогда, как и позже, могли находиться различные мелкие статьи, посвященные, например, правилам морали и поведения, календарь, начатки арифметики и т. п. В монастырских школах, а также при индивидуальном обу-

чении, вероятно, прибегали к чтению и заучиванию наизусть текстов Библии и сборников, например, Шестоднева, Златой матицы, Пчелы и других, откуда черпались знания, преимущественно, философско-назидательного характера.

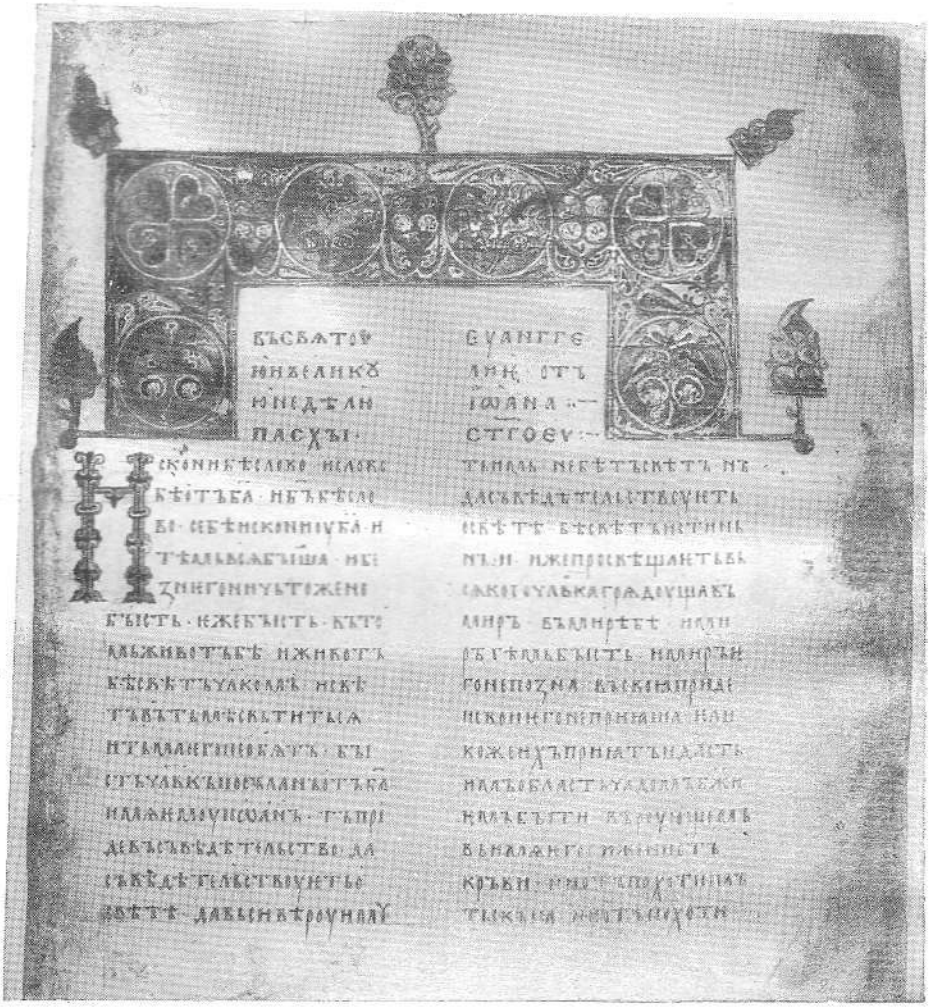


Рис. 41. Мстиславово евангелие.

Весьма важным моментом в образовании школьника должно было явиться его обучение письму. Переписка книг была единственным тогда средством их распространения. Перепиской книг в древней Руси занимались все книжные люди, не исключая даже и феодалов, хотя они имели для этого переписчиков и могли приобрести книгу, стоившую далеко не дешево. Книжным письмом являлся тогда так называемый устав, такой же как у болгар

и сербов (рис. 31), подражавший, в свою очередь, графике устава византийских рукописей IX в. Устав представляет собой медленное, торжественное письмо, имеющее целью прежде всего красоту и правильность формы каждого отдельного знака — буквы. Последние пишутся прямо, с правильными линиями

Рис. 42. Евангелист Лука (миниатюра Остромирова евангелия).

и округлениями. Сложные буквы пишутся в несколько приемов. Общий характер письма уставом строго геометрический: в уставе XI—XII вв. буквы, как правило, пишутся в границах прямоугольника и овала (в более ранних памятниках византийского устава — квадрат и круг). Такого рода почерк, разумеется, требовал больших навыков, терпения и долгого срока обучения. Писали крайне медленно, достигая значительного совершенства, не уступавшего луч-

или византийским и латинским образцам; таковы, например, известные Остромирово евангелие 1056—1057 гг., Мстиславово евангелие начала XII в. и др. (рис. 40 и 41). Книги, особенно литургические, украшались пышными

Рис. 43. Евангелист Марк (миниатюра Мстиславова евангелия).

заставками, инициалами и, наконец, миниатюрами — распусанными красками и золотом (рис. 42 и 43; см. также гл. 4).

Книги писались на пергамене (коже) чернилами при помощи гусиного пера; писание «каламом» (палочкой), характерное для Византии до IX в., на Руси не привилось. Чернила изготовлялись из железистых составов. Они отличались бурым (коричневатым) оттенком и большой прочностью. Особенного искусства

в переписке книг достигали монахи, которые преимущественно и занимались этим делом; кроме них перепиской занимались попы, дьяки и другие представители клира. Были и светские писцы — ремесленники. На это указывают такие, например, приписки в рукописях, как: «Путята писал», «Угринец писал» и т. д.; отсутствие при именах церковных званий указывает, вероятно, на их светское, мирское состояние.

Местами средоточия переписки книг являлись монастыри, в частности, наиболее крупный монастырь этого времени — Киево-Печерский. При монастырях собирались значительные библиотеки. Из жития Феодосия Печерского мы узнаем не только о переписке книг «день и ночь», но даже и об их переплете. Так, например, в то время как монах Никон переплетал книги, Феодосий сидел вблизи него и прял нитки, нужные для сшивки листов.

3

Основным источником знаний являлась обращавшаяся тогда довольно обширная переводная (с греческого) литература, появившаяся первоначально в конце IX в. на территории Болгарии (при царе Симеоне), а затем перешедшая на Русь. Экземпляры различных сборников — «антологий», заключавших избранные статьи по разнообразным вопросам, представляли собой излюбленную форму литературы того времени. Они находили место как в монастырских, так и в частных княжеских и боярских библиотеках, откуда они, путем переписки, получали распространение среди грамотных слоев населения древней Руси.

Сведения по всем областям знания преподносились тогдашнему читателю в религиозной оболочке. Таков же был характер средневековой науки и литературы и в Византии, и в Западной Европе. «Средние века,— говорит Ф. Энгельс,— присоединили к богословию и подчинили ему все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму».[1] На службе богословия были не только философия, юриспруденция, но и история, и естествознание, и география, и другие отрасли знания.

Одним из основных источников богословских и философских знаний в древней Руси являлись сочинения византийского церковного писателя VIII в. Иоанна Дамаскина. Эти сочинения (богословие, грамматика и диалектика были переведены на древнеболгарский язык уже в X в. и затем перешли на Русь. Так, например, богословие Дамаскина, под названием «уверие», упоминается в XII в. во введении к Сказанию о Борисе и Глебе, к XII в. отно-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. XIV, стр. 674—675.

сятся и ранние списки сочинений Дамаскина; но, несомненно, они обращались и в XI в.

Грамматика Дамаскина носила следующее название: Книга философская св. Иоанна Дамаскина о осьми частях слова, елика пишем и глаголем. В ней прежде всего объяснялось, что совершенно необходимо при обучении и изучении «словесности» знание «частей, ими состоится слово» (т. е. частей речи), «аще бо в душе и без них состоится слово, но ко второму рождению плоти,— разъясняет Дамаскин,— еже устнами и гласом являему, тогда и части к составлению требуют». Далее в грамматике следует учение о частях речи, указывается изменение имен по родам, числам и падежам, глаголов — по временам, наклонениям и лицам. Следует отметить, что переводчик грамматики известный Иоанн, экзарх болгарский, не просто переводил ее с греческого, а приспосабливал текст к особенностям славянского языка. Сознательность переводчика, знание им славянского, а также других языков прекрасно подчеркиваются его предисловием к грамматике Дамаскина, помещаемым и в ее русских списках. Наличие в последних этого предисловия характеризует, между прочим, и уровень древнерусского читателя. Он должен был быть достаточно образованным, чтобы воспринимать мысли Иоанна. Изложив сначала ход переводов Евангелия при Константине (Кирилле) и Мефодии, Иоанн, говоря о своей переводческой деятельности и подчеркивая всю трудность этого дела, пишет, например, следующее: «Молю же вас, почитающих книги сия, с благоразумием почитание творити и прощати мя, вдеже мняще мя, разны глаголы [т. е. слова] преложена. Не возможно бо равны полагати еллинский язык во ин язык прелагаем; и ко всякому языку, во ин язык прелагаему, тож де бывает». И далее Иоанн поясняет высказанную мысль о невозможности слепо придерживаться буквальности в переводах: «иже бо глагол [т. е. слово] во ином языце красен, то в другом не красен, а иже во ином страшен, то в другом не страшен,... еже во языце имя мужеско, то в другом женско... Обаче, оставивше сущее слово, разум [смысл] сущий равносилен положихом; ибо разума ради прелагаем книги сия, а не точию глагол ради сущих». Таковы задачи, которые ставил перед собой и перед другими переводчиками Иоанн, требовавший не только формального знания «грамматики», но и глубокого реального понимания смысла и стиля языка.

Диалектика того же Дамаскина, будучи составленной под влиянием разных философских систем античности, и особенно Аристотеля, знакомила читателя с элементами этих систем. Определение задач философии (или диалектики) Дамаскина овеяно духом средневековья. «Философия,— говорит Дамаскин,— есть разум сущих, познание вещей божественных и человеческих, видимых и невидимых; она есть поучение смерти, уподобление богу; она есть хитрость хитростем и художество художеством, тою бо всяка хитрость обретается и всяко художество; она есть любление премудрости, премудрость же истинная бог есть и убо любовь, еже к богу, сия есть истинная философия». Отсюда проповедь

о крайней осторожности к так называемой «языческой» философии, от которой следует заимствовать только «все доброе» и отвергать все исполненное «сатанинские прелести» и противное истине (т. е. христианству). «И первые убо, еже от еллинских премудрец, добрейшая предложу,— заявляет Дамаскин в диалектике,— ведый, яко еже благо... свыше есть сходяй от отца [т. е. бога] светом». «Аще ли, что истине сопротивно,— предупреждает он далее,— сатанинские льсти обретение темное, и помысла умышление злобесного». По содержанию диалектика Дамаскина распадалась на «зрительное» и «деятельное»; «зрительное» в свою очередь разделялось на богословское и естественное, а «деятельное» на обычное, домостроительное и «градовное». После приведенного разделения диалектики, идут рассуждения о разуме и мысли, о существенном и случайном, о родах и видах, о сходстве и различии, о количестве и качестве и т. д.

Философские познания почерпались русскими людьми XI—XIII вв. также из многочисленных сборников, известных под названием Пчела. Здесь, кроме всякого рода избранных кратких слов и поучений церковного характера, находились и изречения из античной литературы и философии: Плутарха, Платона, *Филона*, *Исократа*, *Харикла*, *Демокрита*, *Клитарка*, *Мосха*, *Диогена*, Эсхила, Софокла, Феокрита, Этеокла, Менандра, Эпихарма, Геродота, Фукидида, Еврипида, Пифагора, Демосфена, Сократа, Ксенофонта, Аристида, Ликурга, Аристотеля, Катона, Эпиктета, Эпикура и др. Кроме суждений, так сказать, отвлеченно-философского характера, содержание большинства слов, поучений и изречений Пчел касалось моральных сюжетов. Вот примерный состав этих сборников: «о житейской добродетели и о злобе», «о мудрости», «о чистоте и целомудрии», «о мужестве и о крепости», «о правде», «о дружбе и братолюбии» и т. д. Изречения упомянутых выше философов привлекались в эти главы прежде всего в силу заключенных в них морализирующих тенденций. Так, в главе «о мудрости» можно было познакомиться, например, со следующим суждением о ней Диодора: «Мудра дума паче многих рук, и мудрый паче крепкого», или Пифагора: «Ни коня без узды возможно есть держати, ни богатства без ума» и т. д. Впрочем, правила морали русский читатель XI—XIII вв., кроме Пчелы, почерпал и из известного поучения Ксенофонта и Феодоры, включенного, между прочим, в состав Изборника Святослава 1073 г., а также и из различных книг библейского содержания, например, Притч и Премудрости Соломона, Иисуса сына Сирахова, из книг апокрифического содержания, распространенных в образованном древнерусском обществе, и т. п.

С философскими представлениями, изложенными в сочинениях Дамаскина и сборниках, ближайшим образом связываются также и космогонические представления о мире и устройстве последнего. Здесь главнейшими источниками являлись Шестоднев упомянутого Иоанна, экзарха болгарского, Небеса Иоанна Дамаскина, несомненно известная уже тогда книга Козьмы Индикоплова, сочинения Епифания Кипрского, цитируемого, между прочим, и в летописи, и, наконец, апокрифические сказания.

Шестоднев, наиболее распространенный источник представлений о вселенной, имел целью объяснить, исходя из Библии, порядок творения мира. В основании мира, по учению Шестоднева,— четыре стихии: «Четыре состава быша: земля, огнь, вода, воздух». Полемизируя с «еретиками и языческими мудрецами», заявлявшими, что небо и земля вечно существуют, как и бог, Шестоднев, устами его подлинного автора Василия Великого, развивает следующую

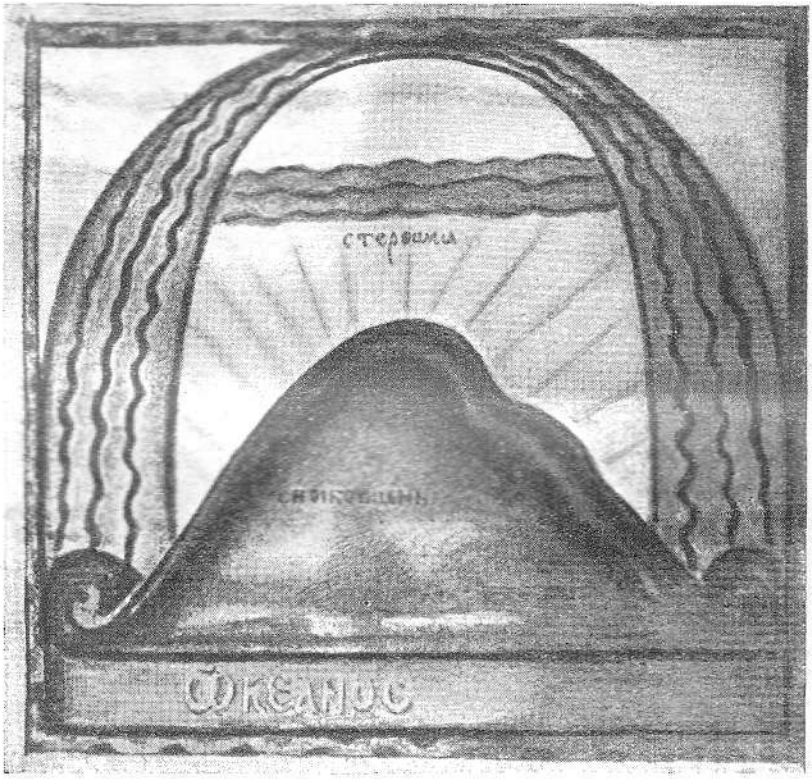


Рис. 44. Система мира по Козьме Индикоплову (миниатюра Синайского списка).

теорию: «Но никто из них [т. е. еретиков и языческих мудрецов] не сумел сказать: в начале сотворил бог небо и землю. Всякая вещь имеет начало и потому не следует думать, что мир безначален... Моисей не сказал, что земля была прежде всего, а сказал сотворил бог небо и землю». После «бог сказал: да будет свет — был это огонь: молния, солнце, луна, звезды и огненная сила в земных вещах. Так произошли четыре стихии мира».

Любопытны космогонические представления в сочинении Иоанна Дамаскина Небеса. В центре мира лежит земля; землю обтекает океан, из которого получают воду моря. Эта вода, как стоячая, имеет горький вкус, но, вследствие

влияния солнца, подымается вверх, очищается и обращается в облака, из которых изливается уже в виде дождя, делаясь, таким образом, сладкою, и т. д.

По Индикоплову система мира представлялась следующим образом: обитаемая земля — четырехугольная плоскость, имеющая протяжение в длину вдвое большее, чем в ширину. Вокруг земли обтекает океан, который образует четыре входа в землю, именно: Средиземное и Каспийское моря, Аравийский и Персидский заливы. За океаном во все стороны тянется твердая земля, куда люди не могут добраться, хотя некогда они там жили. На восточной стороне этой земли расположен рай. На крайних пределах недостижимой земли со всех сторон

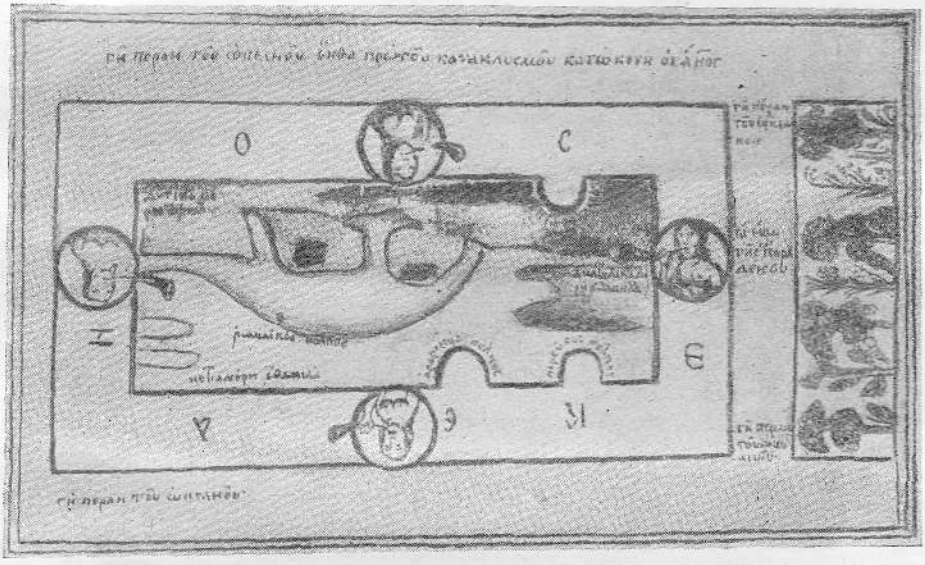


Рис. 45. Карта земли по Козьме Индикоплову (миниатюра Синайского списка).

подымается громадная стена, которая вверху закругляется и образует небесный свод. По небу совершают свое движение небесные светила, но не вокруг земли, так как она сливается с небом, а вокруг конической горы, которая находится на севере... Солнце составляет $^1/_8$ всей земли, чем и объясняется расхождение солнечных лучей. Планетами, по мнению Индикоплова, управляют особые разумные силы; так, например, именно эти силы набирают воду из морей в облака и затем выпускают ее на землю в виде дождя (рис. 44 и 46).

Учение об управляющих миром духах было известно в древней Руси также из сочинений Епифания Кипрского. Оказывается, были духи облаков, мглы, осени, весны, ветра, света и т. д. Следует отметить, что учение это находило богатейшую питательную почву в сохранившихся еще языческих представлениях, от которых далеко не были свободны и образованные верхи древней

Руси. Обоготворение явлений природы (физических, животного мира и т. п.) все еще имело значительное распространение. Напомним, например, культовые праздники весны, лета, первого дождя или грома и т. п. Обычная тогда борьба с различными физическими и общественными бедствиями посредством заговоров, заклинаний и различных обрядов обусловливалась одухотворением последних (нечистая сила, черные боги; см. гл. 3).

Наконец, обширный материал о мире и его устройстве доставлялся весьма популярной у тогдашнего читателя апокрифической литературой. Она знакомила с различными сведениями об устройстве вселенной, идущими от античной традиции. Так, например, в апокрифе О небесах говорится: «Небо — одно по существу, но по числу их девять. Семь небес сотворены по образу семи веков. На первом из них луна; на втором — Гермес [планета]; на третьем — Афродита; на четвертом — солнце; на пятом — Арис [Марс]; на шестом—Зевс; на седьмом — Крон. Выше седьмого неба помещены другие звезды — 12 числом, а именно: овен, юнец, близнецы, рак, лев, дева, рыбы...» В некоторых апокрифах отразились черты богомильского учения о создании мира, которое пронизано идеей борьбы доброго и злого начала, бога и сатаны.

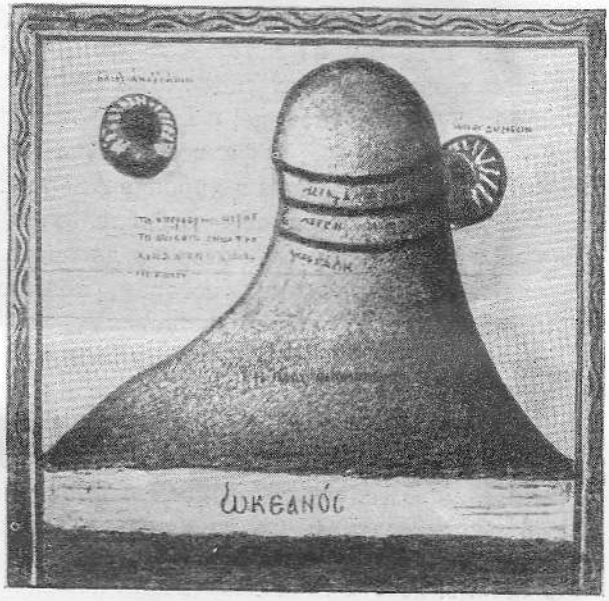


Рис. 46. Земля и солнце по Козьме Индикоплову (миниатюра Синайского списка).

Таковы были распространенные на Руси космогонические представления. Перешедшие сюда, через посредство переводной литературы, из Византии, они продолжали и в последней, как и во всей Западной Европе, еще долго иметь действенное значение. Не менее силен был в древней Руси интерес к историческому знанию, к осмыслению прошлого человечества и, в частности, своей родной земли. Историческая литература того времени занимает второе место после богословско-философской и космологической. К услугам читателя XI—XIII вв. были переводные хроники Амартола, Малалы, Никифора, Палея историческая и Палея толковая, наконец, русские летописи.

Например, из Хроники Малалы русские узнавали любопытные сказания о Троянской войне, о похождениях Александра Македонского и т. п. Кроме

выяснения причин тех или иных событий и их последствий, читателям предлагалась и краткая характеристика участвовавших в них героев. Малала устанавливал в своей хронике известную преемственность в описании событий с греческими и римскими историками и поэтами, например, Гомером («Омир» в славянском переводе) и Вергилием. Упоминался здесь и Еврипид, «который, обрет от тех [Гомера и Вергилия], многи повести хитростию сложи» и т. п.

Чтение Амартола знакомило с историей библейской, вавилонской, римской и византийской (до 867 г.). Кроме изложения событий церковно-политического характера, Амартол сообщает много сведений о событиях у разных народов, о состоянии у них науки и искусств, об их нравах и обычаях. Сообщает он и различные известия из истории древних народов, о замечательных мифологических и исторических лицах, например, о Прометее, Орфее, Посейдоне, Аполлоне, Афине, Артемиде; о Гомере, Зеноне и Кораксе; о Ликурге и Солоне и их законодательстве; о философах Анаксагоре, Пифагоре, Платоне и Аристотеле. Богато рассыпаны в хронике Амартола и рассказы из Иудейской истории Флавия, из апокрифов — о сивиллах, о врачевании Соломона, о царице Савской и т. д. Обильный материал для чтения доставляли и Палеи — опыты изложения ветхозаветной истории, полные апокрифических сказаний, а также сведений о царях вавилонских, персидских, египетских и римских (до Тиберия).

К кругу этих сочинений, знакомивших русского читателя с мировой историей, в XI—XII вв. присоединились русские летописи, освещавшие историю Русской земли, сообщавшие сведения о соседних народах, осмыслявшие исторические судьбы Руси, и разнообразные произведения русской учительной и житийной литературы. Об ее идейном воспитательном значении говорилось выше (см. гл. 6).

Немалую роль в распространении исторических, этнографических и географических знаний сыграли сочинения Мефодия Патарского и упоминавшегося уже Козьмы Индикоплова. Географические сведения черпались также и из указанных выше хроник и летописей, а в более живой форме из непосредственных впечатлений у русских путешественников в Византию, Палестину и славянские земли (например, паломничество игумена Даниила и др.).

Суммируя сведения о странах и народах мира, встречаемые в письменных источниках домонгольского времени, можно очертить узкие границы географического кругозора людей древней Руси (рис. 47). По существу, однако, в основе географических знаний средневековья как русского, так западного и византийского лежит античная традиция, донесенная почти неизмененной до позднего средневековья. Средневековые карты являются в большинстве случаев простыми копиями древних карт, отдельные части которых подвергаются некоторой переработке. Так, в основе древнейшей из сохранившихся средневековых настенных карт мира — Гирфордской (второй половины XIII в.; рис. 48) — лежит карта Агриппы (так называемая карта Августа). В ней переработаны

лишь северные страны (частично по данным Адама Бременского, XI в.). Характерно обычное для средневековья расположение Востока наверху и центральное положение Палестины — «Святой Земли».

В произведениях исторического характера, где вопросы хронологии занимают весьма видное место, обнаруживаются представления русских летописцев о летосчислении и делении года на части.

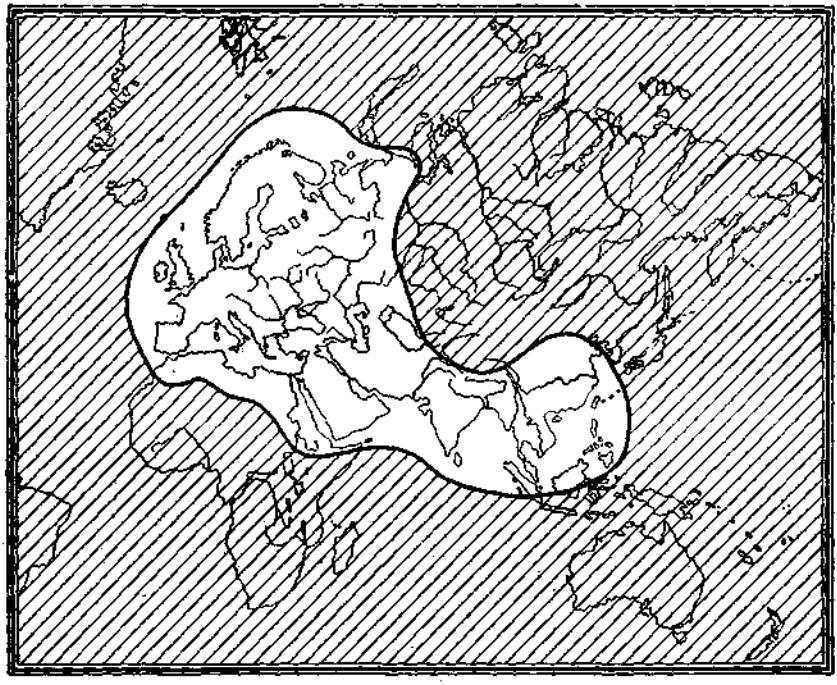


Рис. 47. Границы географических знаний домонгольской Руси (составлена Б. А. Рыбаковым).

Летосчисление в древней Руси велось от «сотворения мира». Эта система была перенесена на Русь из Византии, где ее выработка относится еще к отдаленным временам раннего христианства. В длительных разысканиях о времени «рождения Христа» древние богословы и астрономы, с помощью библии и пасхалий (о них ниже), вычисленных по имевшимся тогда наблюдениям о движении светил, пришли к выводу, что это время падает на 5508 г. от «сотворения мира». Такова была дата, установленная византийской хронологией. Кроме нее, были и другие расчеты этой даты: 5500 или 5506 гг. Все три системы счета применялись и в древней Руси, но чаще следовали первой. Даты, которые находил русский читатель той эпохи в исторических сочинениях, представлялись в сумме лет, протекших от «сотворения мира» до «рождения Христа» (т. е. 5508,

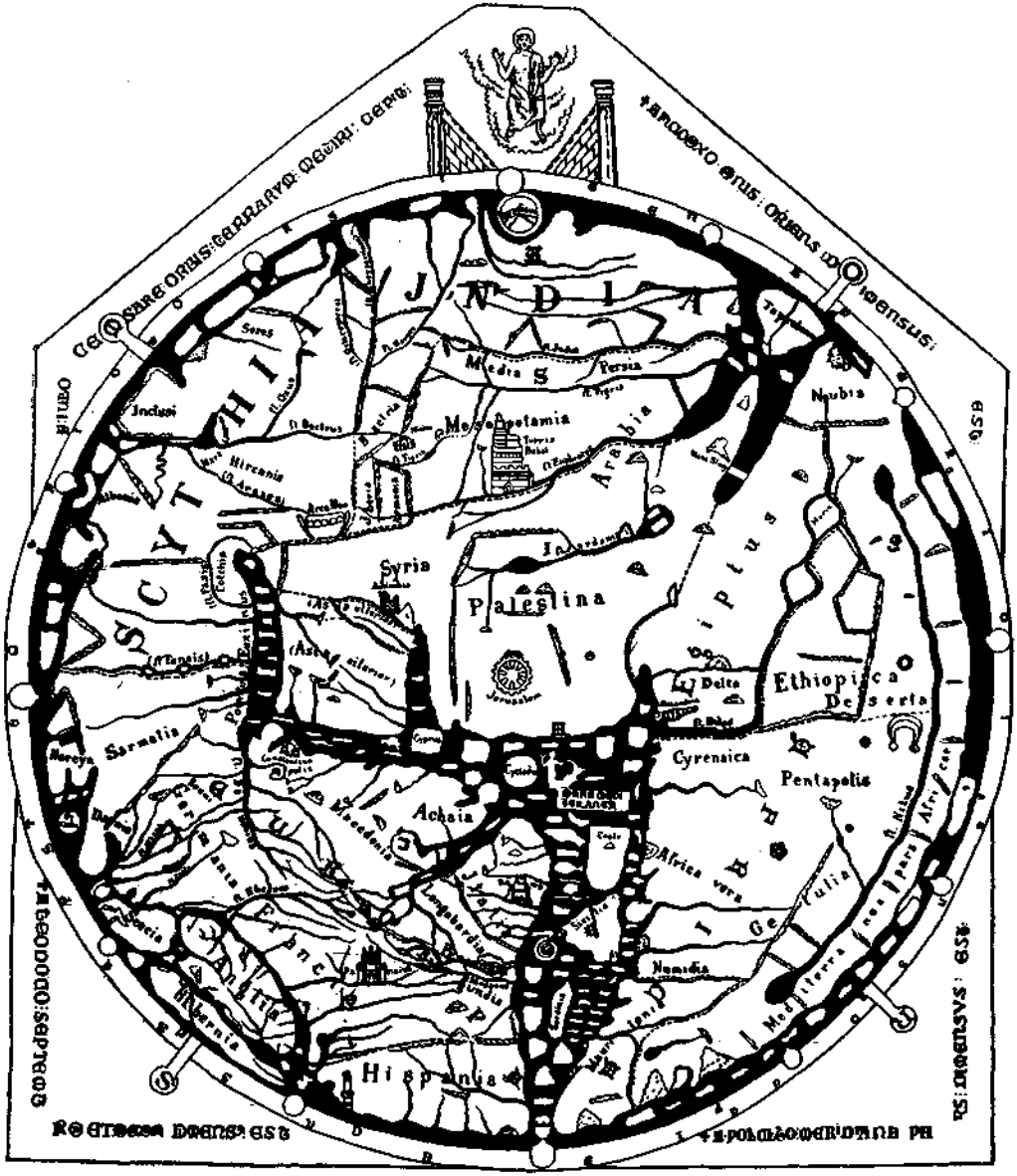


Рис. 48. Гирфордская карта мира (1283—1286 гг.).

5500 или 5506) плюс количество лет, протекших от «рождения Христа» до года данного события. Так, например, год крещения Руси выражался, как 6496 (т. е. 5508+988). Началю года, как и в Византии, считалось с 1 сентября. Кроме сентябрьского, в древней Руси употреблялся и мартовский год (с 1 марта).

Летосчисление выражалось еще и в счете времени индиктами, т. е. 15-летними циклами. В Восточной Римской империи индикты связывались с совершением переписей и взиманием податей. Этот счет времени велся также от «сотворения мира» и в сентябрьских годах. Счет по индиктам совмещался с обычным летосчислением, например: 6914 год индикта 14 мая 12 (6914 : 15 = 460; остаток 14 показывал текущий год индикта).

Год распадался на месяцы, недели и дни. Недели и месяцы шли по общепринятому тогда в Византии и Западной Европе Юлианскому календарю. Старые общеславянские названия месяцев были вытеснены римскими. Дни слагались в семидневные недели «седьмицы». Названия дней недели были теми же, что и сейчас, и лишь «воскресенье» именовалось «неделей».

Определенной системы часосчисления, кажется, не было. Слово «час» существовало, но, судя по источникам, очень редко употреблялось для выражения известного астрономического отрезка времени,— чаще с ним связывалось просто представление о «кратком моменте». Час, повидимому, определялся на глаз, и идея о 24 часах в сутках была чужда древней Руси. Сутки делились на утро, день, вечер и ночь. Утро начиналось тогда, когда люди вставали после сна и начинали свою деятельность (например: «Жена встает от нощи и дает брашно дому и дела рабыням»). Впрочем, вполне возможно, что в высших кругах древней Руси имела распространение система, принятая, между прочим, в Византии: согласно этой системе день делился на 12 равных частей — дневные часы; на столько же частей делилась и ночь, от захода до восхода солнца,— ночные часы. Длина таких «часов» постоянно изменялась с временами года и особенно по ночам, когда счет мог производиться лишь приблизительно. Кроме указанной системы, существовала другая, при которой сутки делились на 8 частей, причем 4 части приходились на день, от восхода до захода солнца, и 4 части на ночь. Части эти также не могли быть равны одна другой: летом дневные части были значительно длиннее ночных, зимой же — наоборот.

В древней Руси были распространены и различные сведения из области естественных наук — зоологии, ботаники, минералогии, медицины. Источниками их были Физиолог, упомянутые уже Шестоднев и Палеи, сборники в том числе Изборник Святослава 1073 г. и, вероятно, азбуковники — своеобразные энциклопедические словари средневековья. Представления о мире естественно-исторических явлений облекались в фантастические черты, что характерно для средневекового миросозерцания. Описания камней, растений, животных, обязательно одухотворенных, давались обычно в свете христианской морали и символики.

Физиолог сообщал, например, сведения о животных как существующих, так и вымышленных. Вот их список: лев, пеликан, бык, феникс, орел, осел,

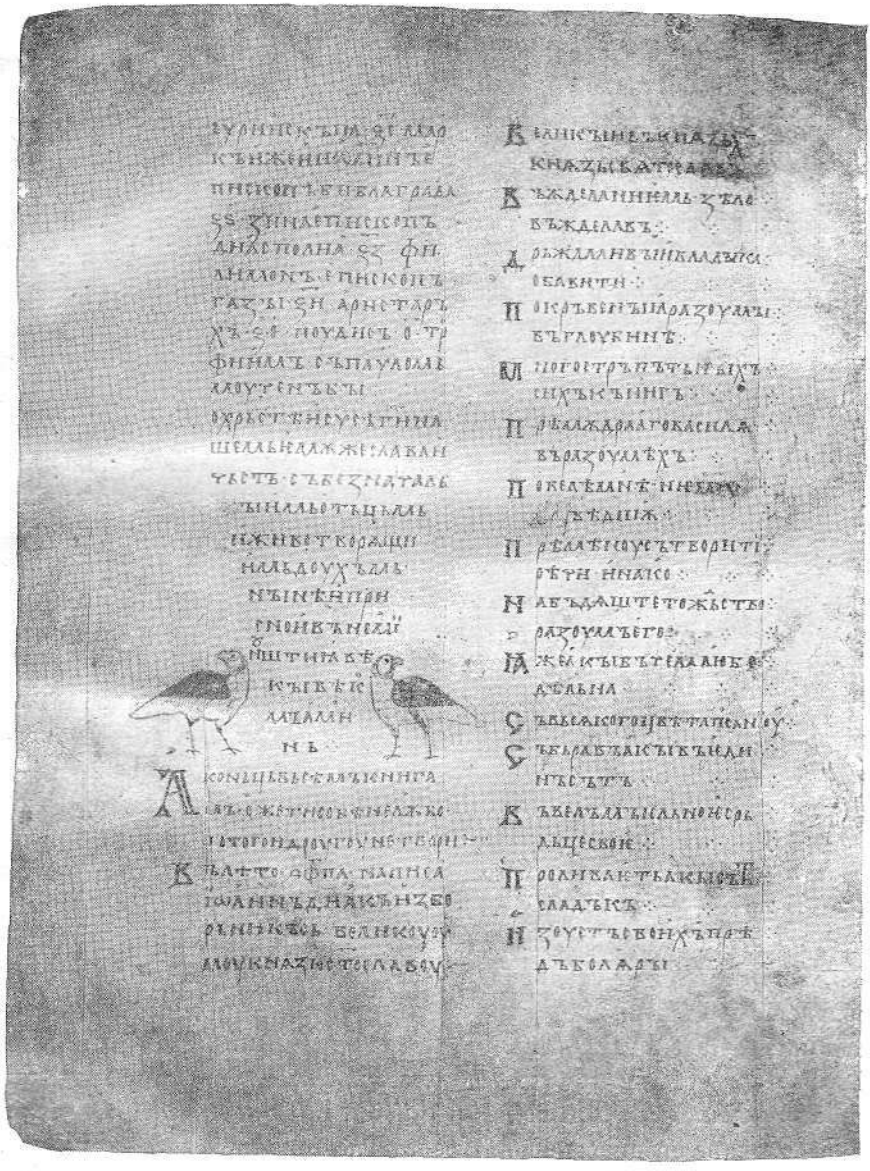


Рис. 49. Изборник Святослава (1073 г.).

цапля, змея, сирена, онокентавр, лисица, пантера, черепаха, ласточка, серна, обезьяна, слон и др. Наблюдения над животными часто сопоставлялись с текстами библейскими и евангельскими. Образы зверей получали символическое значение,— ими начинали обозначать, например, Христа, божию матерь (единорог, голубь). «Естество слона таково,— сообщалось в Физиологе,— если упадет, не может встать; не сгибаются у него колени. Когда он захочет спать, то засыпает, прислонившись к дубу. Охотники же, понимая слоновое естество, подпиливают дерево. Когда слон, придя, обопрется о него, дуб сломится и слон начнет реветь». Далее следовало описание, как на помощь слону приходит

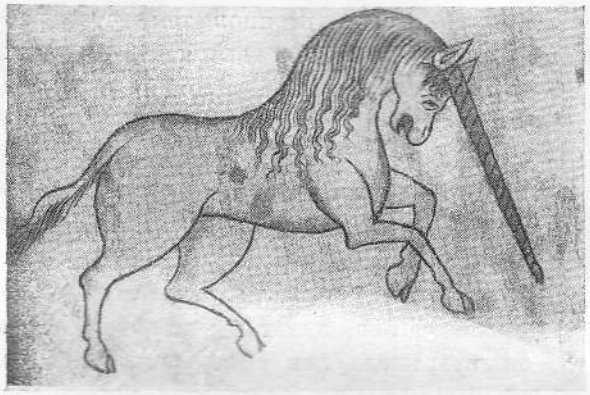


Рис. 50. Единорог (по списку Козьмы Индикоплова XV в.).

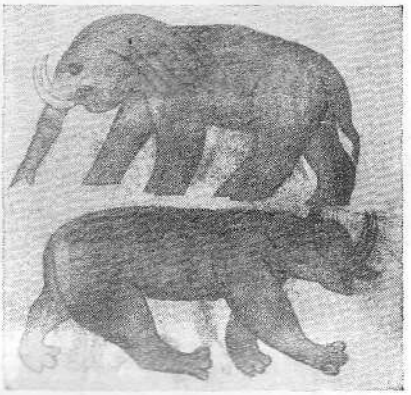


Рис. 51. Слон и носорог (по списку Козьмы Индикоплова XV в.).

12 других слонов и как они, наконец, с помощью «малого слоника», поднимают его. Мораль: «Естество же малого слона таково: если покадишь или волосом, или костью его, где бы то ни было — ни бес, ни змея туда не войдут. Пришел великий слон: это закон,— и не может его [теперь уже человек] поднять. И 12 слонов пришли и не могли поднять, а после всех пришел святой разумный слон и поднял человека. Сам всех больший, он смирился и принял рабий образ, чтоб всех спасти». Так зоологическое описание слона переплетается с христианской символикой, и последняя сообщает первообразу целебную силу. В том же стиле описывается обезьяна, которая «самого диавола лице есть имать бо начаток, а конец не имать, еже есть ошибь [хвост]; яко же диавол,— начинает морализировать автор,— первее бе един от архангел, тож конец его не преста добре, якоже и си опиица [т. е. обезьяна], не имуща ошибия, такоже диявол не имый конца».

В Шестодневе давалось, например, описание мира пресмыкающихся в своеобразной классификации. После описания внутреннего устройства рыб автор Шестоднева сообщает (даем перевод): «К иному роду принадлежат так

называемые черепокожные, например, раковины, гребенки, морские улитки, веретенки и тысячи разнообразных устриц. Иной опять, кроме сего, род составляют так именуемые мягкочерепные: крабы, раки... Иной род мечущих икру, и иной живородящих. Живых детей рождают вьюны и мокрицы и вообще животные, так называемые хрящеватые. Живородящие суть: большая часть китов, дельфины и тюлени, о которых рассказывают, что они новорожденных детей своих, чем-нибудь испуганных, приняв опять в чрево, прячут там». Здесь же описываются птицы, насекомые (пчелы, саранча) и т. п. Птицам часто придается символическое значение милосердия, чадолюбия и вечности: например, пеликан оживляет своих птенцов тем, что, расклевав свою грудь, выпускает на них свою кровь; феникс, прожив 500 лет, сгорает на благовонном костре на горе Гелиополь, однако в пепле уже на другой день обнаруживается червь, затем птенец и, наконец, новый, взрослый феникс. О львах рассказывается: львица рождает чад мертвыми и слепыми, но приходит лев, дунет им в ноздри, и они оживут; когда лев спит, очи его бодрствуют; когда он бежит, то заметает след своим хвостом и т. д.

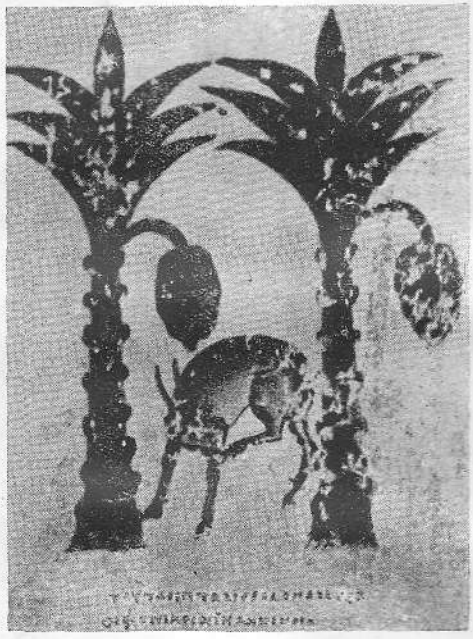


Рис. 52. Пальмы и антилопа по Козьме Индикоплову (миниатюра Синайского списка).

Теми же чертами фантастики, смешанной с реальностью, отличаются и представления средневековья о растениях и камнях. Они были свойственны также и русскому образованному человеку XI — XIII вв. Источники этих представлений те же, что и по зоологии, т. е. главным образом Физиолог и Шестоднев. Вот, что, например, мог узнать русский читатель о мире растений из Шестоднева: «В растениях найдешь признаки, похожие на человеческую юность и старость: одни деревья, будучи срезаны, прозябают вновь; а срубленные и обожженные сосны превращались, заметим, даже в дубы». «Известно и то,— продолжает поучать автор Шестоднева,— что в некоторых деревьях естественный порок исправляется заботами садовников, например, кислые гранаты и горькие миндали, когда ствол у корня будет провернут и в самую середину сердцевины впущен тучный клин из певга, переменяют горький свой сок на приятный». Если в первом примере причудливо сплелось фантастическое и реальное, во втором — речь идет о прививке и изменении человеком свойств растения.

Так, наряду с полуфантастическими сведениями о природе появлялись первые наукообразные представления о ней.

Едва ли еще не в большей степени овеяны чудесным камни и их свойства. Большое значение в этой области имела переводная статья Епифания Кипрского О камнях. Различными толкованиями и объяснениями были охвачены такие, например, камни, как сардион, смарагд, анфракс, сапфир, гиацинт, аметист. Толкования свойств камней сводились к следующим: смарагд «зелен есть», и его сила — «лице видети в нем»; анфракс — обладает способностью светиться сквозь платье. Любопытна заимствованная, повидимому, у Плиния, заметка Епифания о гиацинте; последний, оказывается, якобы добывался в Скифии следующим образом: ободрав агнца, бросают его в пропасть, и когда орел выносит его наверх вместе с прилипшими гиацинтами, то, съев мясо, оставляет камень на горах, а люди, выследив орла, подбирают камни; гиацинт якобы обладает свойством гасить огонь и помогать женщинам при родах. Характерно также богословско-символическое истолкование Физиологом свойств алмаза: разыскать его можно в восточной стране и только ночью; алмаз не «испытывается» ничем, но сам испытывает (своей твердостью) другие камни. «Так и Христос,— поясняет Физиолог,— всем судит, а не судится никем».

Аналогичными были и сведения по анатомии и физиологии. «Состав» человеческого тела объяснялся, например, так: оно содержит в себе четыре элемента — «имать бо от огня теплоту, от воздуха же студеньство, от земли же сухоту, от воды же мокроту». Тогдашним книжникам был хорошо известен даже «состав тела» библейского Адама: оно было создано из земли, кости—от камня, кровь — от моря, очи — от солнца, мысль — от облака, дух — от ветра, тепло — от огня, «а душу вдохнул господь».

Приведенные представления определяли и отношение образованных людей XI—XIII вв. к болезням. Они объясняли болезни действиями либо бога, либо дьявола. Главнейшим средством избавиться от болезней или предохранить себя от них были поэтому молитвы и заклинания. Были известны и некоторые «медицинские» средства. Так, например, по рецептам одной из статей Изборника Святослава 1073 г. в целях предохранения от болезней рекомендовалось обращать особое внимание на пищу: в марте сладко ешь и пей, в апреле репы не ешь, в мае поросят не ешь и т. д. В качестве лечения предлагалось иногда пользоваться чудесными свойствами отмеченных выше камней; так, индийский камень будто бы излечивал от водянки. В древней Руси, повидимому, не было в обращении какого-либо специального трактата о болезнях и их лечении. Соответствующие сведения, поэтому, получали из разных сборников, частью названных выше. Огромную роль в области лечения болезней играли различные приметы — знамения и волхование — ведовство: «Немощь волшьбою лечат, и наузы, чарами, бесом требища приносят» — с горечью констатирует одно из поучений (Слово, как жити христианом). Любопытно отметить, то лечением болезней были заняты главным образом женщины — «бабы мерьские».

Волшебство, ведовство совмещалось у них с функциями повитух и лекарок. Так, в позднейшем Слове Кирилла, архиепископа кипрского, «о злых дусех» говорится: «А мы ныне хотя мало поболим или жена или детя, то оставльше бога, врача душам и телом, ищем проклятых баб-чародеиц, наузов и слов прелестных слушаем; глаголют нам, навязываючи наузы, такую диаволю прелесть, або чадо беса бесом изгонити». «О, горе нам,— восклицает Кирилл, — прельщенным бесом и скверными бабами». О приемах «баб» дает некоторое представление такая запись: «Не требе еже навязати на выю детищу бесовских врачеваний, лжоимянных хранилища, не приимати еже от баб помазания и вдымания [вдыхания] и некоего шептанья...» и т. д. Или «начнет [баба] на дети наузы класти, смеривати, плююще на землю, рекше, беса проклинает, а она его боле призывает — творит ся дети врачующе...» Наузами назывались различные ладанки с чудодейственными травами (рис. 53), а также амулеты и змеевики (рис. 54), которым приписывали магическое значение.

Рис. 53. Ладанка-науз (из раскопок М. К. Каргера в Десятинной церкви).

Место знахарей и волхвов занимали христианские «чудотворцы». Так Киево-Печерский патерик рассказывает, как «некто от Киева богатых прокажен сый. И много от волхвов и от врачев врачуемь бываше, и от иноверных человек искать помощи и не получи...»; тогда он обратился к печерскому монаху - живописцу Алимпию, тот «взем вапницю [палитру или горшочек с краской-ваной], и шаровными ваны, ими же иконы писаше, и сим лице ему украси и струпы гнойные замазав», отчего якобы проказа прошла. Тот же патерик рассказывает об армянине-враче, услугами которого пользовался Владимир Мономах.

В представлениях широких слоев древнерусского общества о судьбе человека и о его здоровье, находившихся в руках либо бога, либо дьявола, получают особое значение приметы и гадания: «храмина трещит», «ухозвон», «вороно-грай», «куроклик», «пес воет», «мышеписк», «сон страшит», «искра из огня пря-

вет, сгорит человек» и т. п. Волхвы и кудесники, обладавшие, по воззрениям населения, силой истолкования примет и даром прорицания, несмотря на преследования со стороны духовенства, являлись попрежнему необходимыми и в христианизованной Руси. К их помощи прибегало не только неграмотное сельское население и городские низы, но весьма часто и князья и бояре, а также купцы, охваченные в большей степени и грамотностью и средневековой образованностью. Впрочем, последняя, как мы видели, была пронизана элементами *чудесного и фантастического*.

Рис. 54. Змеевик (Государственный Эрмитаж).

Древнерусская летопись полна записями о зловещих «знамениях», грозных и непонятных явлениях природы, небо представлялось населенным чудовищами, которые иногда даже падали на землю, предвещая беду.

Так, новые запасы знаний, получаемые из литературы, перемешивались со старыми представлениями. Оценивая значение книжного просвещения, нельзя не отметить еще раз, что очерченные выше начатки знаний о природе и мироздании преподносились этой литературой в богословско-символическом освещении, служили материалом для доказательства «целесообразности» и «премудрости» деятельности «бога-творца». Поэтому все явления оказывались в связи не причинной, но телеологической, и лишь отдельные редкие факты получали причинное истолкование. Однако и в этой своей исторически обусловленной идеалистической форме эти запасы книжных знаний значительно расширяли умственный кругозор читателя, будили его мысль и ставили перед ним новые

вопросы. Это было большое прогрессивное движение по сравнению с языческим прошлым, с его примитивными и замкнутыми представлениями о природе и мироздании. Сами церковники вскоре хорошо оценили революционизирующую силу просвещения народа и его опасность для церкви и господствующего класса. Киево-печерский патерик оценивает уже как «бесовское прельщение» прилежное чтение книг и особенно Ветхого завета. Эта мысль сквозит и в Шестодневе, где утверждается невозможность познания человеком всех тайн «божественной премудрости и силы», что бесполезно «мыслью вин пытати», т. е. стремиться раскрыть причинную связь явлений — это лежит за пределами разрешенного богом познания, и человек должен «все еже рече божественное писание приимати не прещисе и не сумнешисе», т. е. без возражений и сомнений.

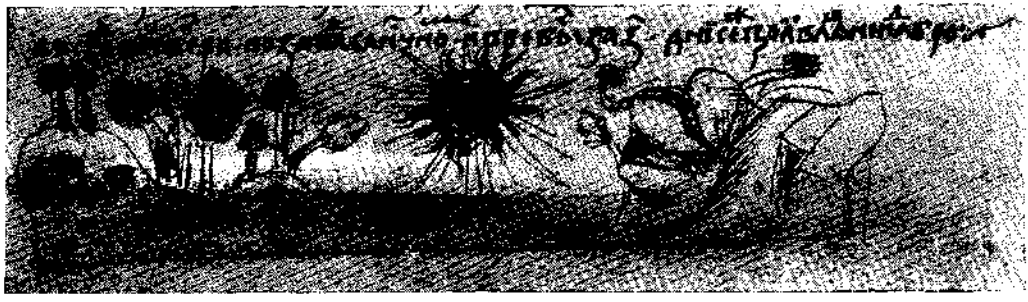


Рис. 55. Затмение солнца (миниатюра Кенигсбергской лет.).

Однако книжная литература, с образцами которой мы познакомились выше, освещала своим мистико-символическим истолкованием явления более или менее далекие от практических потребностей русского ремесла и процесса материального производства в широком смысле слова. В развитии техники различных ремесел древней Руси, строительства, военного дела, торговли, искусства и т. д. накапливался не связанный с этой литературой опыт практического познания явлений, свойств вещей и технических приемов.

Так, практические потребности хозяйства и торговли вызывали необходимость знакомства с началами арифметики. Известны были, например, четыре правила арифметики, дроби, возможно — так называемая «золотая строка», т. е. простое тройное правило. Русская Правда свидетельствует о том, что русским были уже знакомы довольно сложные действия над именованными числами. Цифровые знаки изображались буквами славянского алфавита (единицы, десятки, сотни), тысячи изображались буквами, но с прибавлением особого знака. Русским приходилось иметь иногда дело и с очень крупными числами, особенно при разных календарных вычислениях. Так, например, новгородский диакон Кирик (1136) высчитал число дней от «сотворения мира» по 1136 г. (оказалось 29 120 652 дня). В связи с календарными расчетами, в частности

при вычислении пасхалий (т. е. пособий, с помощью которых определялся месяц и первый день церковного праздника пасхи), необходимы были некоторые представления по астрономии. Принципы, лежавшие в основе подобных вычислений. — «круг луны» и «круг солнца»,— были, повидимому, известны русским.

Древней Руси были известны и некоторые элементы геометрии. Однако при измерении земель допускались часто крупные ошибки. Впрочем, такие ошибки были часты при измерении земель и в Византии, и в Западной Европе. Теория, разработанная Эвклидом в древней Греции, в раннее средневековье была прочно

Рис. 56. «Спаде змей превелик» (миниатюра Кенигсбергской лет.).

забыта, и лишь в XII в., после перевода геометрии Эвклида с арабского и еврейского на латинский язык, Европа начала вновь с ней знакомиться.

Таким представляется круг обращавшихся в древней Руси знаний, питавших преимущественно высшие круги общества (духовного и светского). Его средние слои, в том числе и низшее духовенство (попы и дьяконы), обладали обычно лишь простой грамотностью. Охарактеризованные выше, в общих и кратких чертах, знания являлись одновременно господствующими и в Византии, и в Западной Европе. Таким образом, образованность и вообще просвещение на Руси XI—XIII вв. по своему уровню и качеству мало отличалось от образованности и просвещения Византии — передовой культурной страны того времени: в эту эпоху они стояли, собственно, на одинаковом уровне.

Дальнейшую эволюцию этой суммы знаний Руси задержала грозная катастрофа 30—40-х годов XIII в. В разрушительной стихии монгольского нашествия погибли многие центры культуры того времени; ростки, а подчас и богатые уже всходы средневековой образованности оказались надолго приглушенными тяжкой, «иссушавшей душу русского народа» властью татаро-монгол.

ЛИТЕРАТУРА

Бобынин В. В. О состоянии математических знаний в России до XVI в. Журн. Мин. нар. просв., 1884, ч. 232.

Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. I, гл. IV и VIII. Изд. 2-е, 1901.

Лавровский П. А. О древнерусских училищах. Харьков. 1854.

Поводин М. П. Образование и грамотность в древнем периоде русской истории. Журн. Мин. нар. просв., 1871, ч. 153.

Порфирьев И. История русской словесности, ч. I. Изд. 7-е, 1904.

Перетц В. Н. Образованность в Киевской Руси. Книга для чтения по русской истории под ред. проф. М. Довнар-Запольского, ч. I. М., 1904.

Райнов Т. Наука в России XI—XVII веков. М.— Л., 1940.

Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908.

Смирнов С. Бабы богомерзкие. Сборник статей в честь В. О. Ключевского.

Сухомлинов М. И. О языкознании в древней России. Ученые записки II отдел. Акад. Наук, кн. I, 1854.

Харлампович К. В. К вопросу о просвещении на Руси в домонгольский период. 1901.

Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944.

Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. М., 1920.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

АРХИТЕКТУРА

Н. Н. Воронин и М. К. Каргер

1

Историю древнерусского зодчества было принято начинать с каменных храмов, выстроенных в Киеве в X—XI вв. Некоторым исследователям при этом казалось, что эти памятники создавались в дикой, малокультурной стране, вообще не знавшей до тех пор зодчества, и появление этого искусства приписывалось целиком «влиянию Византии» и пришедших на Русь византийских зодчих.

Каменное строительство в городах Киевской Руси действительно явилось крупным шагом вперед по сравнению с предшествующим временем. Однако совершенство и своеобразие древнейших каменных построек на Руси неизбежно заставляет признать, что они создавались народом, который имел свою давнюю строительную культуру, свои глубокие художественные традиции. Только этим можно объяснить и поразительную быстроту, с какой была освоена новая и сложная техника каменного строительства, и ее самостоятельное развитие. К сожалению, вопрос о древнейших традициях русского строительного искусства не может быть освещен с должной полнотой, так как о строительстве до X в. мы судим лишь по отрывочным археологическим данным и косвенным указаниям письменных источников.

Памятники древнейшего строительства представлены пока лишь жилыми и хозяйственными постройками, техника сооружения и тип которых продолжали существовать и в Киевской Руси.

Основным типом жилища дофеодального периода на юге являлась постройка, которую можно назвать полуземлянкой (рис. 57). Ее основная часть вырезывалась непосредственно в материковом грунте. Стенки либо обмазывались глиной, либо облицовывались деревом. Землянки обычно имели прямоугольную форму. Размер их был крайне незначителен. Из грунта же вырезывались и ступени схода и места для сидения и сна. Надземная часть восстанавливается

лишь гипотетически. Повидимому, она делалась также из глины с деревянным каркасом. Реконструировать форму кровли по археологическим данным с безусловной точностью пока не удается. По расположению столбов можно установить в отдельных случаях двускатную, а иногда односкатную кровлю. Для отопления этих жилищ служила глинобитная печь или очаг, устраивавшиеся на полу землянки или же на небольшом возвышении. Выше (см. т. I, гл. 4) приводилось описание подобных жилищ русов у араба Ибн-Русте (X в.), который отметил и способ топки при помощи очага и «остроконечную» кровлю из задернованного дерева, похожую, по его словам, на кровлю христианской церкви.

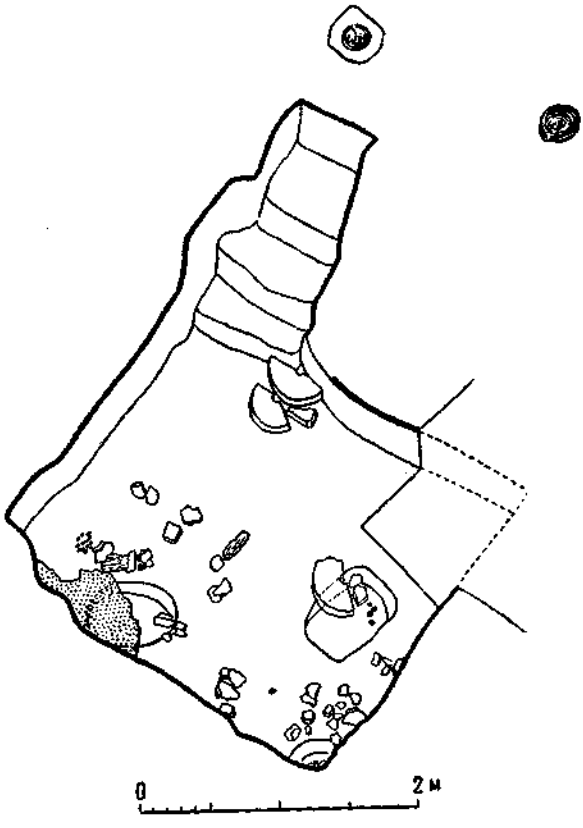


Рис. 57. Полуземлянка XII — XIII вв. в Киеве (раскопки М. К. Каргера).

Подобные полуземлянки существовали в Среднем Поднепровье еще в глубокой древности. Этот тип жилища является характерным и для позднейших славянских городищ VIII—IX вв., переходя и в жилищное строительство древнерусских южных городов XI—XIII вв. (Княжа Гора, Витичев, Шаргород, сам Киев). Несомненно, что самый характер построек этого рода исключал возможность какого-либо художественного оформления жилища. Ничтожные по своей внутренней площади и обеспечивавшие лишь минимально необходимые бытовые условия полуземляночные жилища стоят еще за чертой, отделяющей строительное дело от строительного искусства. Также земляными в своей основе были древнейшие укрепления поселений, ограждавшихся простыми земляными валами.

Однако не подлежит сомнению, что с глубокой древности в лесной полосе Восточной Европы получило большое развитие плотничное дело. Выше (т. I, гл. 4) были приведены примеры срубных жилищ на волжском Березняковском городище середины первого тысячелетия нашей эры. К ним можно прибавить теперь постройки Старой Ладоги VII—X вв. Первые сведения письменных

источников о русах и славянах X в. говорят о давнем развитии у них плотничного искусства.

Ибн-Фадлан видел, как прибывшие в Болгары купцы-русы строили для себя и своего живого товара — рабынь — поместительные рубленые жилища; другой арабский писатель, Ибн-Мискавейх, рисуя образ воина-руса, отмечает, что, кроме оружия, у его пояса были обязательно плотничные инструменты. Важнейшей отраслью плотничного искусства было и древнейшее русское градостроительство, сооружение рубленых крепостных стен и башен пограничных городов Киевской Руси, к которому привлекались не только южные строители, но также и плотники севера, обогащавшие строительный опыт юга. В Вышгороде времени Ярослава Мудрого упоминается специальный мастер — «градник» Миронег. Новгородские плотники уже в конце X в. смогли соорудить грандиозный бревенчатый собор Софии о 13 верхах, а в 1020—1026 гг. в Вышгороде была выстроена рубленая церковь о 5 верхах над могилами Бориса и Глеба. Все эти факты свидетельствуют о том, что русские «древоделн» и «горододельцы» X—XI вв. опирались на многовековый опыт, позволивший им решать трудную задачу сооружения крупных монументальных бревенчатых зданий. В процессе обширного культового и гражданского строительства X—XI вв. древнее ремесло плотников быстро превращалось в подлинное высокое искусство, совершенствовавшееся на создании крупных городских ансамблей и композиционно-сложных жилых и культовых сооружений.

Несомненно поэтому, что, наряду с жилищем описанного выше полуземляночного типа, в Киевской Руси было распространено и срубное жилье, занимающее как бы промежуточное положение между массовым полуземляночным жилищем беднейших горожан и пышными хоромами знати. Письменные источники свидетельствуют о довольно устойчивом типе такого жилья. Его основным конструктивным элементом являлась «клеть», т. е. прямоугольный сруб. При этом иногда жилой комплекс складывался из нескольких «клетей»: одна, с печью, называлась «истобкой», «избой» и служила для зимнего жилья, вторая, соединенная с первой промежуточным помещением — «сенями», называлась «клетью» и служила для жилья летнего. В жилище господствующих классов эта схема получала более развитое выражение, усложнялась и обогащалась; жилье становилось двухэтажным, бóльшим по масштабу и богато украшалось; особое внимание обращалось на сени, завершавшиеся вышкой, и терем с шатровой кровлей. В отделке фасадов этих «хором», несомненно, применялась резьба и, вероятно, раскраска. На богатых княжеских и боярских дворах рядом с жилыми хоромами сооружались обширные и светлые постройки — «гридницы», представлявшие залы для дружинных пиров и совещаний (см. т. I, гл. 4).

При всей скудости сведений источников об этих типах жилья, можно все же утверждать, что даже в массовом деревянном жилище, несомненно, уже были элементы искусства. Самая трехчленность жилого комплекса содержала возможность его живописной композиции, что и выявилось с большой яркостью

в более сложных «хоромах» знати. Некоторые письменные источники позволяют догадываться об особой украшенности сеней — входной части комплекса — и живописной «теремной» вышки, о многокрасочной внутренней росписи богатого жилища.

Еще богаче художественное творчество «древоделей» должно было выразиться в культовом деревянном зодчестве восточного славянства еще языческого периода.

Прямые археологические данные о культовых языческих постройках у восточных славян отсутствуют. Однако есть все основания полагать, что они были подобны храмам прибалтийских славян, описанным современниками. Эти храмы, по словам Титмара Мерзебургского, представляли большие деревянные постройки, стены которых были покрыты резьбой, изображавшей славянских богов и богинь. Внутри стояли деревянные статуарные изображения богов, одетых в шлемы и панцыри. Из другого западного источника (Житие Оттона Бамбергского) мы знаем довольно подробно, как выглядели постройки славянского города Щетина, которые до недавней поры всеми исследователями принимались также за храмы. Являлись ли, однако, описанные здания, названные в Житии «континами», храмами или гражданскими постройками,—сказать трудно. Высказано предположение, что в названии их можно видеть связь этих зданий с «концами», т. е. городскими корпорациями, на которые распадались и многие древнерусские города. Автор Жития Оттона так описывает эти постройки: «Были в Щетине четыре контины и одна из них главная была удивительной архитектуры и отделки. Внешняя и внутренняя сторона стен украшена была резными выдающимися [выпуклыми] изображениями людей, птиц, зверей, так живо сделанными, что, кажется, они дышали и жили, и краски, которыми покрыты были изображения внешней стороны стен, были наредкость так прочны, что ни ливень, ни снег не могли на них действовать. В ней хранились разные драгоценные вещи, оружие и пр. В ней же был идол...» Судя по тому, что идол упомянут на последнем месте, можно думать, что контина не столько храм, сколько здание для общественных собраний. Это становится еще более вероятным из описания трех других контин: в них, по словам Жития, были только скамьи и столы по стенам, потому что тут «имели славяне обычные свои собрания и совещания, сюда сходились в известные дни и часы и пировать, и рассуждать о важных делах».

Повидимому, и для восточнославянских языческих храмов была характерна богатая декоративная обработка, а также соединение в одном здании не только культовых, но и гражданских функций. Жилищное, культовое и крепостное строительство велось одними и теми же плотничными мастерами, что способствовало выработке общих художественных и конструктивных приемов для всех трех отраслей древнейшего деревянного зодчества.

Те же плотники строили и первые христианские храмы, которые едва ли многим отличались от других построек языческого времени. Отрывочные летопис-

ные свидетельства сообщают об их существовании в Киеве еще в конце IX—начале X в. Сведения эти, однако, допускают различные толкования и не позволяют с уверенностью относить упоминаемые церкви к довладимировой поре. Если даже и допустить существование отдельных христианских храмов в Киеве в IX—X вв. (церковь Ильи), то все же остается несомненным, что постройки эти были еще единичными, не характерными для архитектурного облика Киева IX—X вв. Только при Владимире начинается строительство деревянных и каменных христианских храмов как в самом Киеве, так и в других городах Киевской Руси. По словам Титмара Мерзебургского, в Киеве в начале XI в. было более 400 церквей и 8 торжищ. Это несомненное преувеличение свидетельствует, однако, о том, что Киев начала XI в. производил на иноземцев впечатление города, уже изобиловавшего христианскими храмами.

Анализ сведений о названных выше первых крупных деревянных храмах в Новгороде и Вышгороде приводит к заключению, что в их архитектурном облике отложился градостроительный опыт их зодчих. Новгородская София конца X в., повидимому, представляла собой сложную композицию из 13 рубленых «столпов» — башен; Борисоглебский храм в Вышгороде 1020—1026 гг. был, как можно думать, пятистолпным храмом. Судя по сделанному Ибн-Русте сравнению кровель жилищ русов с «остроконечными» кровлями деревянных церквей, можно предполагать, что «верхи» этих башнеобразных храмов были пирамидальными шатровыми кровлями.

Все эти отрывочные данные позволяют сделать вывод, что ко времени принятия христианства и первого знакомства древней Руси с каменной архитектурой русское строительное искусство обладало большим опытом деревянного зодчества, в котором уже откристаллизовались глубоко своеобразные композиционные приемы и сложились свои эстетические идеалы. Характерной чертой древнейшей русской деревянной архитектуры была любовь к высоким столпообразным массам здания как в жилой архитектуре (терема, вышки сеней, повалуши), так и в культовой (многоверхие храмы); эти черты объединяли внутреннюю застройку города в целостный ансамбль с его крепостным обрамлением из рубленых стен и башен.

На эту почву древних самобытных традиций и попадает византийское каменное зодчество.

2

Выше (гл. 3) мы видели, каким мощным идейным оружием в руках княжеско-боярской знати Киевской державы стала новая христианская религия и церковь, «освятившая» своим авторитетом и ускорившая становление феодального общества и упрочившая отношения господ и подданных. Одним из важнейших средств пропаганды византийского православия являлось монументальное искусство. Нигде в Европе того времени это искусство не было столь развито

и усовершенствовано, как в Византии, нигде оно не было столь ясно проникнуто руководящими идеями церкви и государства. Летописное сказание о «выборе веры» (Лавр. л., 987) очень выразительно подчеркивает, что русские послы в Константинополе, присутствовавшие на богослужении в греческом храме, прекрасно оценили огромную действенную силу византийского церковного искусства. Для сооружения первых каменных храмов в Киеве князь Владимир и пригласил греческих зодчих.

Будучи самым своим появлением связано с христианизацией Руси, каменное зодчество и развернулось главным образом в области культового строительства и в меньшей степени — дворцового и военного. «Средние века,— замечает Ф. Энгельс,— присоединили к богословию и подчинили ему все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию».[1] Естественно поэтому, что и основная линия искусства развивалась в сфере искусства религиозного, церковного.

Византийские зодчие познакомили русских строителей с новой для них строительной техникой и новыми выработанными вековой архитектурной традицией Византии типами зданий. Таким вполне законченным в конструктивном и художественном отношении типом культового здания был так называемый крестовокупольный храм. Основой плана такого храма является прямоугольник, расчлененный 4 столбами, несущими главу, на 9 ячеек; примыкающие к подкупольному квадрату и крытые полуциркульными сводами ячейки образуют архитектурный крест; угловые же части перекрывались полуциркульными или купольными сводами; стены по осям столбов членились лопатками (плоскими вертикальными выступами). С востока к храму примыкали алтарные полукружия — апсиды. С запада храм мог быть удлинен еще тремя дополнительными делениями; количество столбов при этом увеличивалось до шести. Храм мог быть расширен и в поперечном направлении и стать пятинефным (неф — пространство между рядами столбов). В западной части храма устраивалось поднятое на сводах помещение второго яруса — хоры, которые иногда продолжались и над боковыми нефами. Алтарь отделялся от помещения для молящихся невысокой алтарной преградой, представлявшей зачаточную форму позднейшего иконостаса. Внутри храм был богато украшен мозаичной и фресковой росписью; полы, столбы и панели отделывались полированным камнем. Внешний облик храма ясно выражал его конструкцию: стенные лопатки членили фасады по осям столбов, полукруглые закомары, завершающие фасады, отражали форму сводов, по которым и крылось здание. Фасады храма не штукатурились, и кладка из рядов тонкого кирпича и камня на розоватом растворе извести с примесью толченого кирпича («цемянке») оставалась открытой, создавая своеобразный эффект двуцветности и полосатости фасадов, оживленных, кроме того, игрой светотени в рядах двухуступчатых декоративных ниш. Узкие

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. XIV, стр. 674—675.

окна освещали храм, завершавшийся светлым многооконным барабаном и куполом главы. Этот тип храма и лег в основу развития культовой каменной архитектуры на Руси.

Обращаясь к рассмотрению ее древнейших памятников, нужно помнить, что военные грозы, проносившиеся над Киевом и другими городами древней Руси, феодальные войны и, особенно, татарский разгром 30-х годов XIII в., разрушили большинство зданий. Они или вовсе исчезли с лица земли и их облик может быть до известной степени восстановлен только с помощью археологических раскопок, или, в результате позднейших ремонтов и перестроек, они дошли до нас в значительно искаженном виде. Поэтому о важнейших памятниках приходится судить в большинстве случаев лишь по их незначительным остаткам.

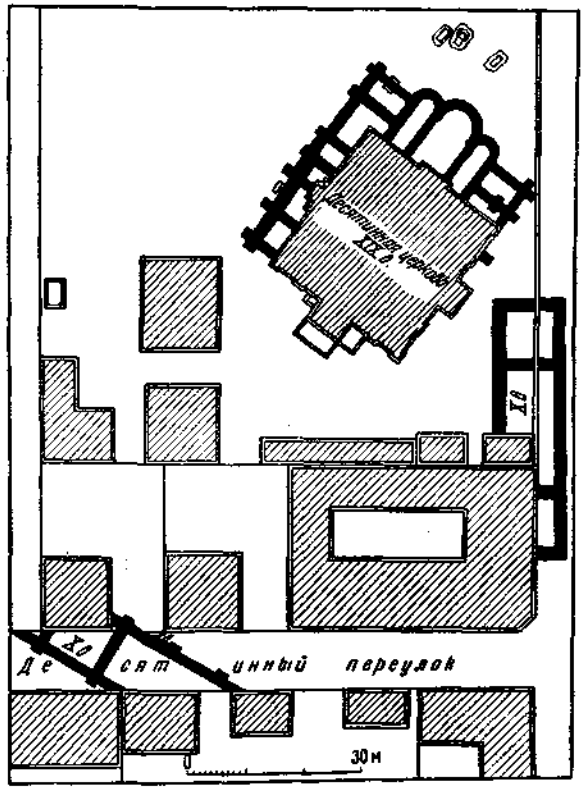


Рис. 58. Киев. Десятинная церковь и окружающие ее здания (по Д. В. Милееву).

От церковного строительства Владимира до нас дошли лишь фундаменты древнейшей каменной постройки Киева — Десятинной церкви, выстроенной князем Владимиром в 989 — 996 гг. Этот храм рухнул во время штурма Киева полчищами Батыя; его руины простояли до XVII в. В 20-х годах XIX в. на развалинах древнего храма была сооружена по проекту архитектора В. Стасова новая церковь в ложновизантийском стиле. Уже в 1908 — 1911 гг. фундаменты Десятинной церкви в части, не застроенной стасовским зданием, были частично исследованы раскопками, но лишь в 1938 — 1939 гг. после сноса новой церкви удалось раскрыть и изучить полностью этот древнейший памятник.

Десятинная церковь (рис. 58) представляла собой первоначально сравнительно небольшой 6-столпный трехапсидный храм, который вскоре, в самом начале XI в., был расширен дополнительными боковыми открытыми галереями. Мысль некоторых исследователей, что первоначальная Десятинная церковь была

базиликой, раскопками не подтвердилась: Десятинная церковь была типичной крестовокупольной постройкой. Можно предполагать, что внешние галереи, опоясывавшие храм, были ниже его и придавали объему здания ступенчатый характер. Если доверять сообщению позднейшего источника (Список градом Русским, Воскр. л.), Десятинная церковь имела исключительно сложное завершение якобы «о полутретьядцати [т. е. 25] връсех», что напоминает о многоглавии дубовой новгородской Софии конца X в. и о 13-главии киевского

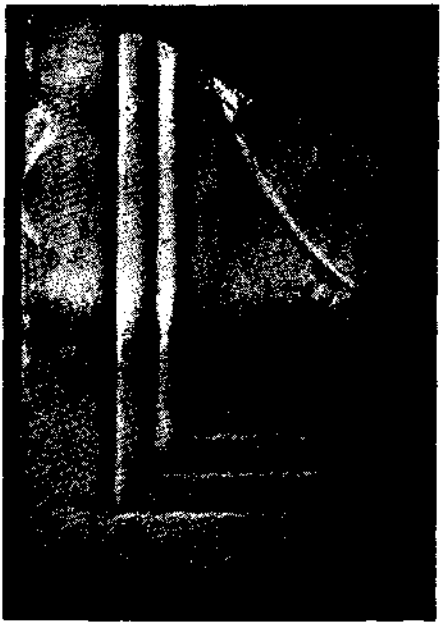


Рис. 59. Шиферная плита из Десятинной церкви (раскопки М. К. Каргера).

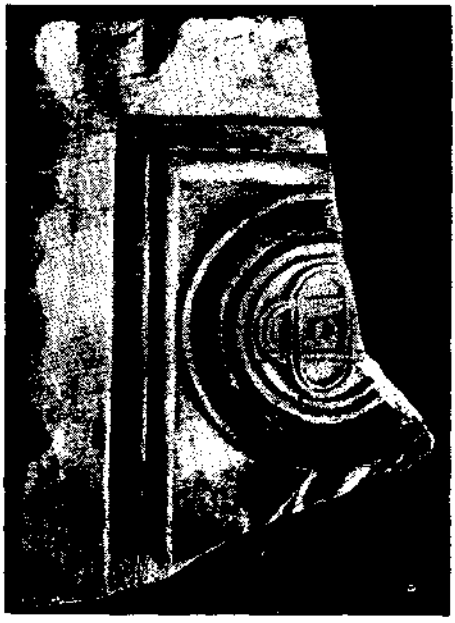


Рис. 60 Шиферная плита из Десятинной церкви (раскопки М. К. Каргера).

Софийского собора. Внутри храм имел хоры, открывавшиеся аркадами в его центральное пространство. Фрагменты мраморных колонн с византийскими капителями, резных шиферных плит (рис. 59 и 60), многочисленных фресок и мозаик, а также многоцветные поливные плитки полов, найденные при раскопках, свидетельствуют об исключительной пышности внутреннего убранства церкви. Раскопками были обнаружены интересные технические особенности сооружения. При закладке фундаментов апсид строители сделали сплошную выемку земли на всем их пространстве и на дне этого котлована уложили два ряда деревянных настилов, залитых раствором извести. На этом настиле уже клались фундаменты полукруглых апсид. Подобные деревянные лежни были найдены и под остальными стенами. Деревянные субструкции под фундаментами Десятинной церкви *не являются исключительной особенностью этой постройки. Этот прием широко*

применялся в киевском зодчестве X—XI вв. и известен не только в церковных, но и в гражданских постройках.

Таким образом, уже древнейший памятник монументального каменного зодчества Киева обладает такими художественными и техническими особенностями, которые не находят аналогий в византийском зодчестве и свидетельствуют об отражении русских вкусов и условий.

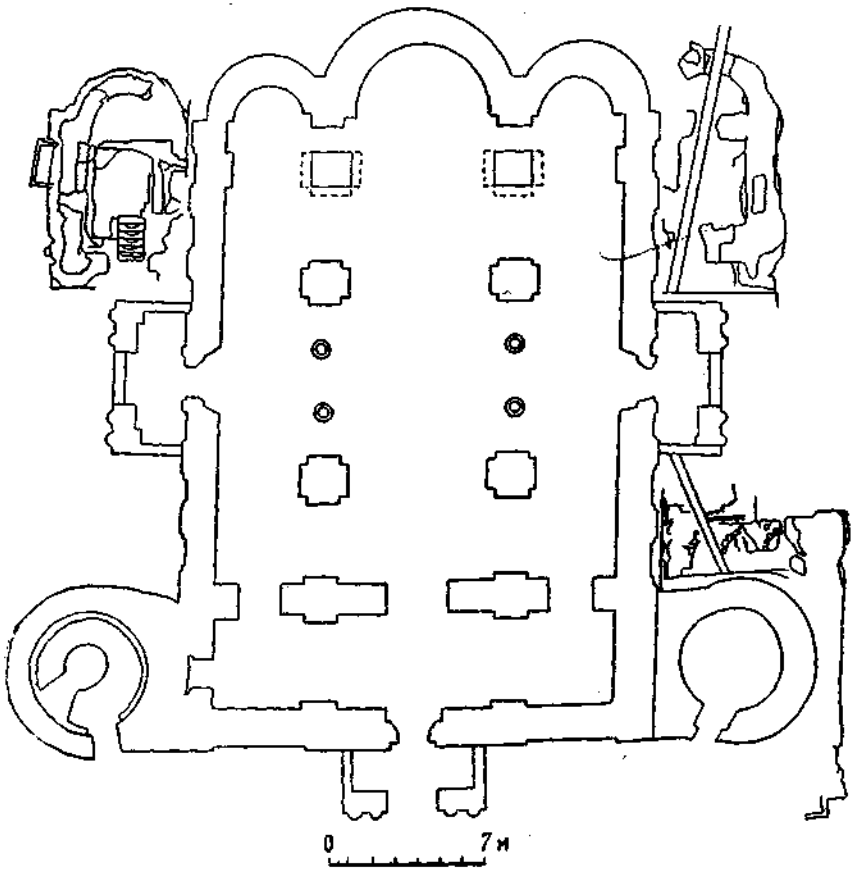


Рис. 61. Чернигов. Собор Спаса. План.

Десятинная церковь располагалась на большой городской площади, названной в летописи Бабиным торжком. На этой площади были поставлены вывезенные из Корсуня «четыре коне медяны» (т. е. квадрига коней) и «две капищи медяны» (повидимому, алтари). Вокруг церкви располагались каменные княжеские дворцы и дворцы знати. Таким образом, храм включался в широкий архитектурный ансамбль городской площади, свидетельствуя о широте градостроительных замыслов строителей.

В старой литературе еще несколько памятников ошибочно рассматривались как постройки Владимира (Трехсвятительская церковь и церковь Спаса на Берестове в Киеве, церковь Василия в Овруче, Успенский собор во Владимире-Волынском). Эти памятники, возможно, действительно стоят на месте старых храмов Владимировой поры, но выстроены они значительно позже и не имеют никакого отношения к X в.

Зодчество первой половины XI в. известно нам значительно лучше. Этот период представлен сохранившимися памятниками Киева, Чернигова, Новгорода и Полоцка.

Сын Владимира, князь Мстислав черниговский и тмутараканский, построил в обоих своих городах, Тмутаракани и Чернигове, по собору. Тмутараканский собор не сохранился, и только раскопки позволят, быть может, когда-нибудь восстановить облик этого важнейшего памятника древнерусского зодчества.

Черниговский собор Спаса, законченный уже после смерти Мстислава (1036), сохранился до настоящего времени (рис. 61). Он представляет собой, подобно первоначальной Десятинной церкви, большую трехнефную постройку, с тремя апсидами на востоке, и не уступает ей по богатству внутренней отделки. Раскопками были обнаружены прекрасные полы из резных орнаментированных шиферных плит, стены были первоначально покрыты фресковой росписью. Собор был богато освещен. Внутри, в его западной части, помещались обширные хоры («полати», рис. 62), куда вел особый ход по винтовой каменной лестнице в цилиндрической башне у северо-западного угла (юго-западная башня выстроена в XVIII в. на месте старой крещальни). Фасады собора расчленены лопатками, которые выражают внутренние членения здания. Кровля здания лежала непосредственно на сводах, т. е., по древнерусскому выражению, «по закомарам». Собор завершался пятью главами (рис. 63). Уже в XI в. он получил дополнительные пристройки у восточных углов, предназначавшиеся для погребения членов княжеской фамилии.

Почти одновременно, в 1037 г., другой сын Владимира, киевский князь Ярослав, заложил новую соборную церковь Софии. Она должна была, заменяя Десятинную церковь, стать новым церковно-политическим центром Киевского государства.

Постройка Софийского собора была лишь частью большой строительной программы. Одновременно с его закладкой Ярослав предпринял новую крупную реконструкцию города. «Город» Владимира был уже недостаточен для растущей столицы Киевской Руси. Ярослав обнес новыми стенами разросшийся городской посад (см. т. I, рис. 122). От этой новой линии обороны сохранились до нашего времени лишь развалины Золотых ворот. Рисунок XVII в. позволяет представить в общих чертах облик этого башнеобразного сооружения с широким проездом, перекрытым арками, и небольшой надвратной церковью. Ворота служили одновременно торжественной триумфальной аркой, вводившей в город, в центре которого возвышался Софийский собор. Самое название Золотых ворот, так же

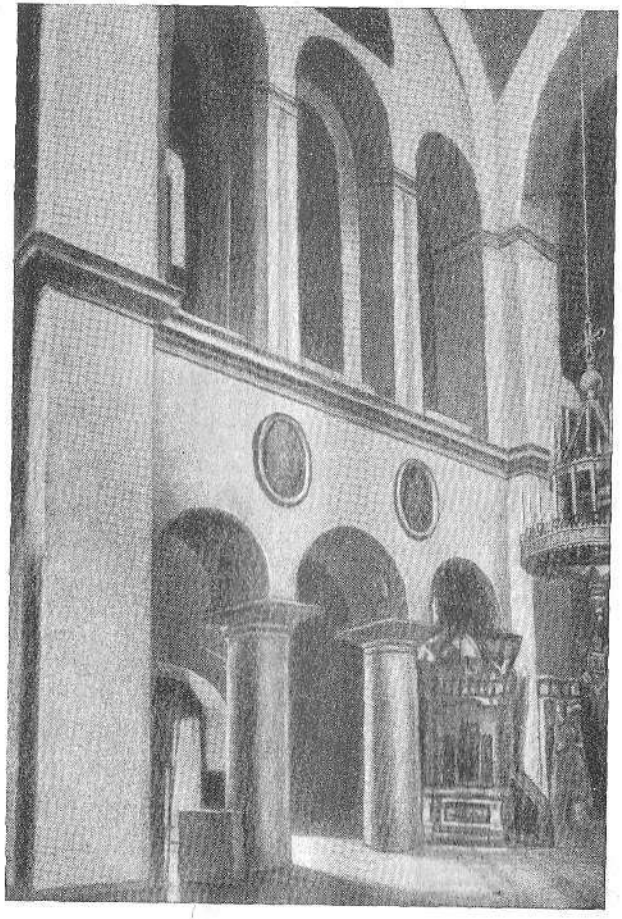


Рис. 62. Чернигов. Собор Спаса. Интерьер.

Рис. 63. Чернигов. Собор Спаса. Восточный фасад.

Рис. 64. Киев. Софийский собор. Современный вид (фото Аршеневского).

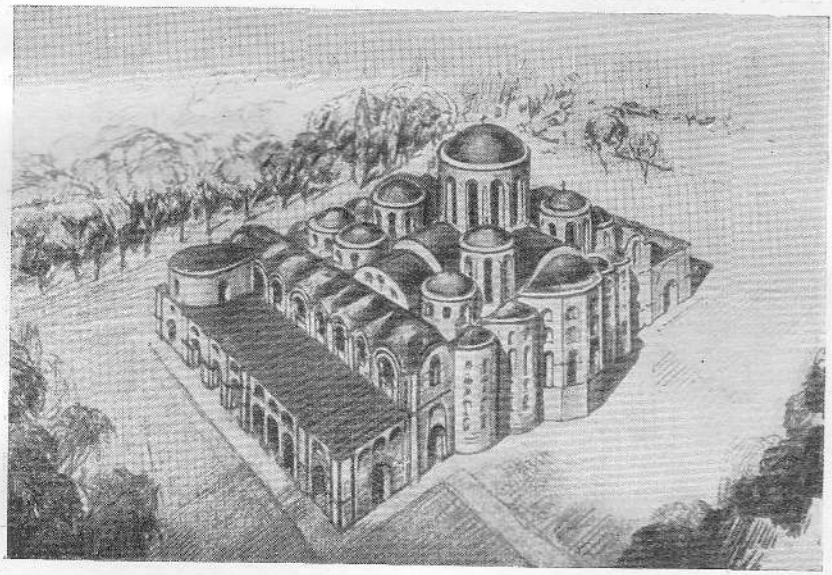


Рис. 65. Киев. Софийский собор. Реконструкция.

же как и нового городского собора, отражает стремление Ярослава противо поставить бурно растущую столицу Русской державы «Восточному Риму» — Константинополю: в Киеве, как бы споря с прославленными постройками Царьграда, создавались свои, русские Золотые ворота, свой великолепный Софийский собор.

Киевская София (рис. 64 и 65), если мысленно удалить ее барочные обстройки XVII—XVIII вв., представляет огромное пятинефное здание, опоясанное двумя открытыми галереями. Аркады этих галерей в настоящее время заложены, а над галереями надстроен второй этаж. Внутреннее пространство

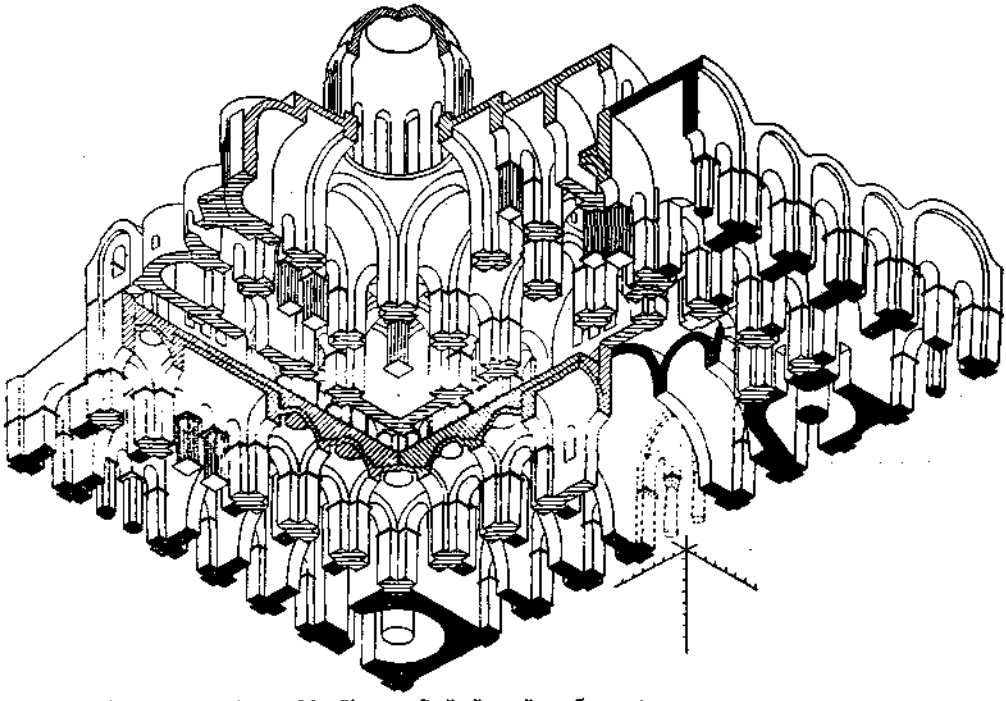


Рис. 66. Киев. Софийский собор. Аксонометрия

здания (рис. 66) расчленено вереницами столбов на небольшие квадратные ячейки, перекрытые полуциркульными сводами или куполами. Боковые нефы и западная часть здания заняты огромными, залитыми светом куполов хорами, куда попадали через две украшенные светской росписью лестничные башни у юго-западного и северо-западного углов собора. Хоры предназначались для князя, его семьи и высших слоев княжеского боярства, которые, таким образом, находились во время богослужения буквально *над* своими подданными. Хоры выразительно символизировали противоположность двух классов крепнущего феодального строя. Как и в черниговском соборе Спаса, кровля Софии лежала первоначально непосредственно на сводах, т. е. «по закомарам». Огромный

массив здания завершался 13 куполами, вновь напоминающими о 13-верхом дубовом Софийском соборе Новгорода. Возможно, что под воздействием русской деревянной архитектуры массы киевской Софии приобрели свою необычайную, сложную и выразительную ступенчатую пирамидальную композицию. Сохранившийся восточный фасад здания с его пятью алтарными апсидами украшен уступчатыми нишами с полуциркульным верхом (рис. 67). Такой же облик имели и древние окна собора. Чередование широких рядов красного кирпича и камня и розоватой извести оживляло поверхность фасадов игрой цветных полос и пятен света и тени. Открытые аркады галерей, скрывавшие в своем полумраке нижние части стен огромного храма, как бы связывали его с окружающим миром.

Входивший в собор горожанин видел тонущее в полумраке расчлененное столбами пространство под хорами, а дальше перед ним открывалось богато освещенное центральное пространство храма (рис. 19); на золотом фоне мозаик выступали суровые фигуры святых и богородицы — «Нерушимой стены» в алтарной апсиде. В среднем нефе на уровне хор были помещены фресковые портреты строителя собора князя Ярослава и его семьи; фрески покрывали стены и других второстепенных частей здания. Шиферные барельефные парапеты хор, драгоценные ткани и богатейшая церковная утварь довершали пышный и торжественный облик центрального храма столицы Ярославовой державы.

Как в основе Десятинной церкви и черниговского Спасского собора, так и в основе киевской Софии лежит типичная схема крестовокупольного храма. Тип пятинефного собора сложился в Константинополе и попал в обиход русского зодчества начала XI в., пройдя переработку в какой-то восточной школе византийской архитектуры, вероятнее всего в Малой Азии. Однако эта пятинефная основа Софийского собора в сочетании с наружными галереями, с могучими асимметрично поставленными башнями, с динамической композицией ступенчатого объема, завершенного живописным 13-главием,— оказалась глубоко переосмысленной. Софийский собор в своем сложном целом свидетельствует о том, с какой поразительной быстротой было освоено и коренным образом переработано русским зодчеством византийское наследие и с какой смелостью в каменную архитектуру вошли русские художественные идеи и принципы.

Построенные Ярославом одновременно с Софийским собором церкви Ирины и Георгия, известные нам лишь по раскопкам, по своим плановым решениям несколько проще Софии. Обе церкви являлись трехнефными постройками с галереями. Сохранившиеся остатки башен у обоих построек свидетельствуют о существовании хор.

Раскопки на территории древнего Киева вскрыли фундаменты и нескольких каменных зданий гражданского характера (рис. 58). В плане они представляют вытянутые прямоугольники, длиной до 30—40 и шириной до 12—13 м. Внутри здания разделены поперечными стенами на несколько самостоятельных помещений. Найденные при раскопках обломки мраморных деталей, мозаики,

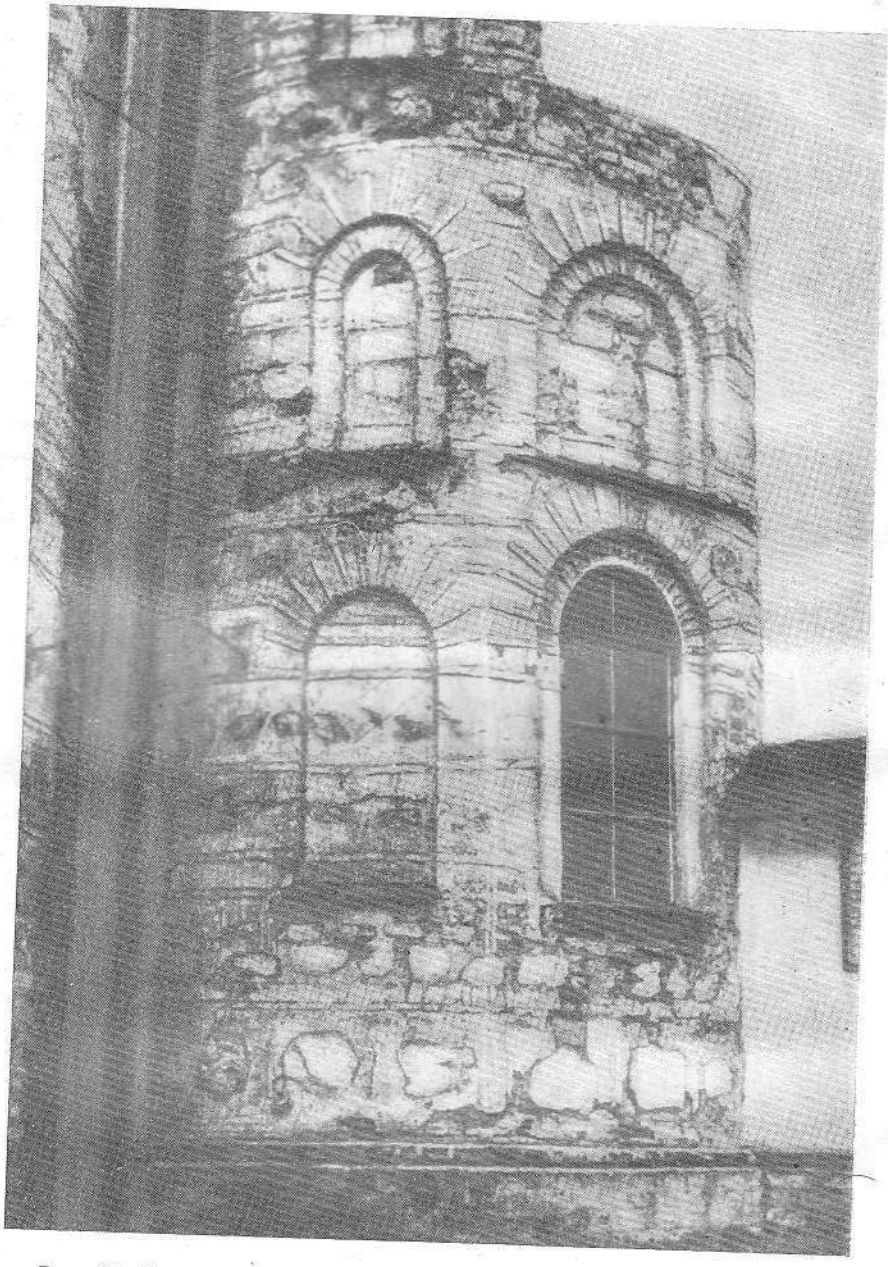


Рис. 67. Киев. Софийский собор. Кладка апсид (фото Софийского архитектурного заповедника).

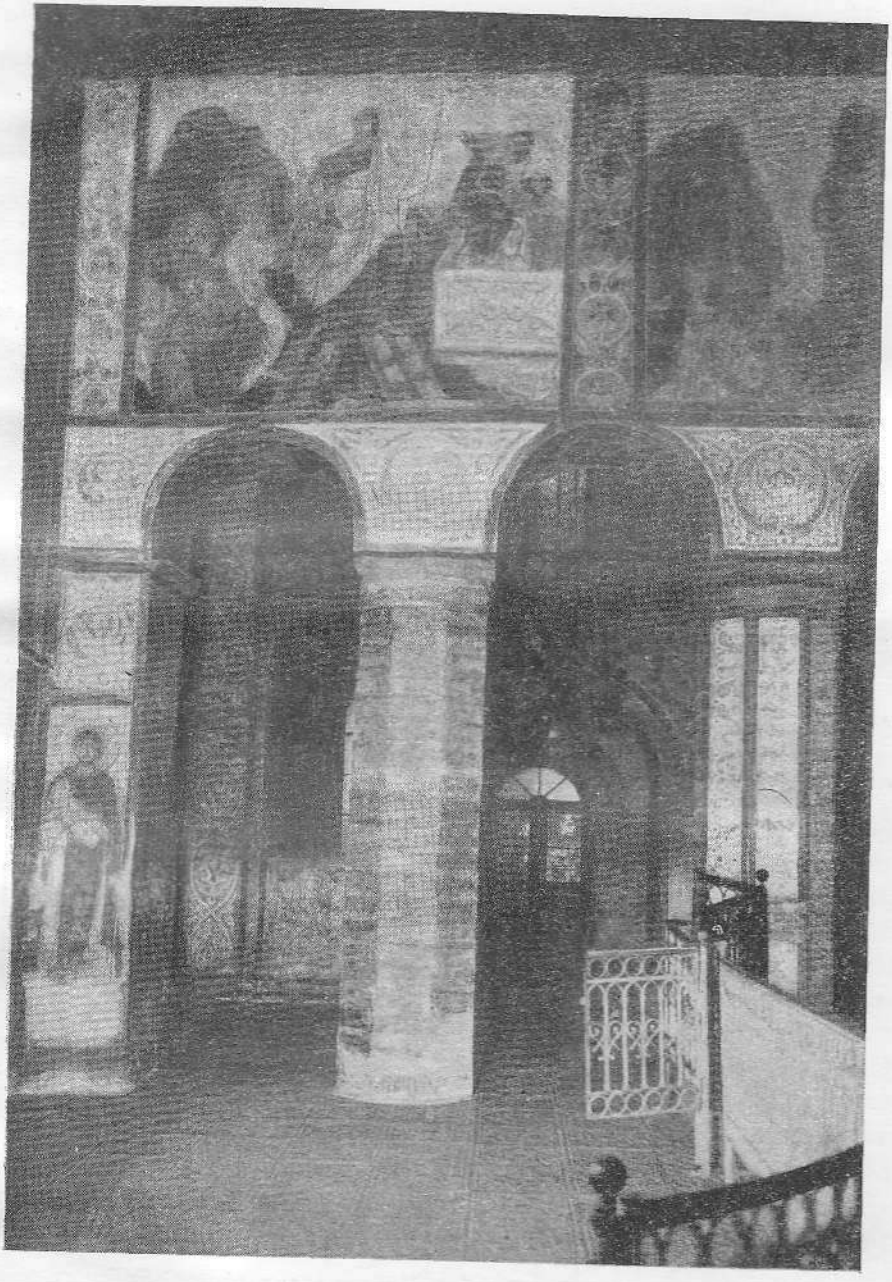


Рис. 68. Киев. Софийский собор. Аркада под хорами.

фресок, круглых оконных стекол свидетельствуют, что эти светские здания не уступали по пышности своей отделки величественным храмам киевского «акрополя». Эти здания, повидимому, следует отождествлять с упоминаемыми в письменных источниках и эпосе гридницами — пышными большими залами для собраний княжеской дружины (см. т. I, гл. 4). По своей строительной технике эти остатки парадных дворцовых сооружений ближайшим образом связаны с церковными постройками X—XI вв. Они также выстроены из красного кварцита и плоского кирпича; под их фундаментами были найдены те же деревянные лежни, как и описанные выше субструкции киевских храмов.

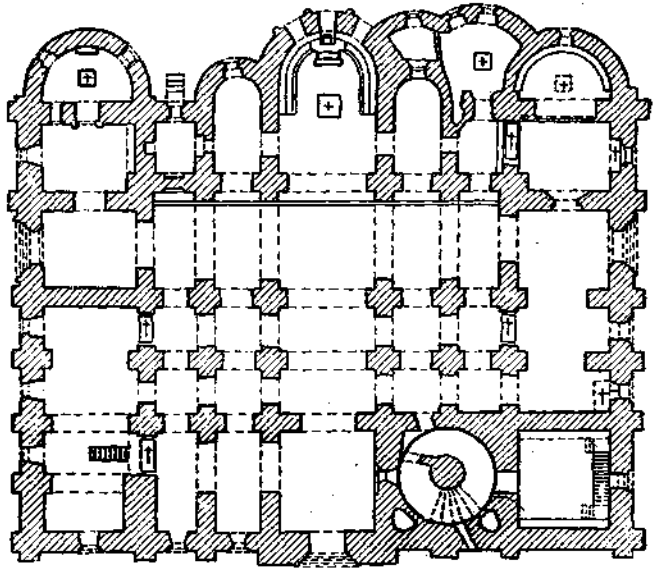


Рис. 69. Новгород. Софийский собор. План (по В. В. Суслову).

Единство стиля и техники древнейших каменных зданий на Руси и их художественное своеобразие ставит вопрос о зодчих, создавших эти памятники. О вызове византийских мастеров летопись говорит лишь в связи с сооружением первого каменного храма — Десятинной церкви. Несомненно, что пришлые мастера были окружены огромным коллективом русских ремесленников различных специальностей, часть которых работала над изготовлением строительных материалов, а часть и на самой постройке. Материалы изготовлялись на месте строительства; здесь работали каменосечцы; здесь формовали кирпич и подсушивали его на солнце. На древних кирпичах иногда видны отпечатки ног домашних животных и птиц, забежавших на строительную площадку. Подле Софийского собора была открыта раскопками и большая керамическая печь, в которой обжигали кирпич для постройки собора. На строительстве вырастал комплекс связанных с ним мастерских. Источники рисуют колоритную картину широкого вовлечения ремесленников Киева в строительство Ярослава. Когда во время постройки церкви Георгия оказалась нехватка рабочей силы, князь позвал тиуна и спросил: что это значит; оказалось, что ремесленники не шли на княжескую постройку, боясь остаться без оплаты, — «понеже дело властельское»; тогда князь приказал возить на телегах куны к Золотым воротам и объявить,

что рабочие получат по ногате на день, «и бысть множество делающих»,— заключает рассказ. Очевидно, за полвека киевского строительства из среды этих ремесленников выросли и свои, русские зодчие, с успехом заменившие греков.

Каменные храмы были построены и в двух других крупнейших центрах Киевской державы — Новгороде и Полоцке.

Новгородское зодчество XI — начала XII вв. было тесно связано с киевским.

После пожара, уничтожившего 13-верхий деревянный Софийский собор, по повелению новгородского князя Владимира, сына Ярослава, в 1045—1050 гг. строится новый каменный собор Софии.

Новгородская София (рис. 69) повторяла киевскую не только по имени. Подобно киевской, она представляет огромное пятинефное здание, чрезвычайно близкое по организации внутреннего пространства к киевским памятникам XI в. Боковые нефы и западная часть здания имеют хоры; ход на них был устроен в башне у юго-западного угла здания. Уже в самом начале XII в. новгородская София получила двухэтажные боковые и западную паперти, повидимому, возникшие на месте древних галерей с открытыми аркадами, подобных киевским.

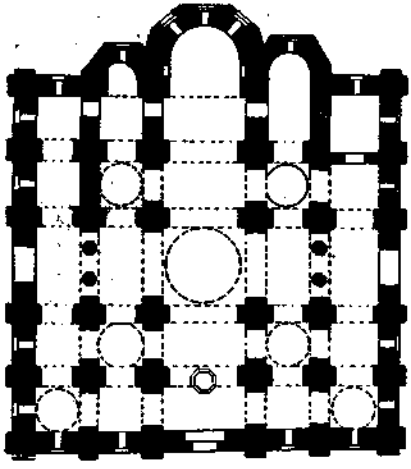


Рис. 70. Полоцк. Софийский собор. План (по И. М. Хозерову).

Однако наряду с чертами сходства с киевским Софийским собором, в новгородской Софии есть особенности (рис. 71), свидетельствующие о значительной переработке уже в древнейшем памятнике новгородского зодчества киевского «образца». При родственной грандиозности масштабов и архитектурного замысла новгородский собор значительно проще и строже. Его суровые неподвижные массы увенчивает монументальное пятиглавие, интерьер, по сравнению со сложным и живописным интерьером киевской Софии,— серьезен и строг. В этих важнейших чертах новгородской Софии несомненно отразился иной дух новгородской культуры и своеобразие складывающейся самостоятельной архитектурной школы Новгорода. К числу особенностей новгородской Софии нужно отнести также лопатки, срезанные вверху откосом, двускатную кровлю («щипцом») над четырьмя членениями здания, полукоробовые своды угловых восточных членений. Эти особенности свидетельствуют о том, что в Новгороде шла самостоятельная переработка киевских образцов. Вслед за Киевом и Новгородом, князья третьего крупнейшего города Киевской Руси — Полоцка — строят во второй половине XI в. третий на Руси Софийский собор (рис. 70).

Рис. 71. Новгород. Софийский собор. Южный фасад (фото Л. А. Мацулевича).

Этот памятник также теснейшим образом связан с киевской Софией. К сожалению, от него сохранились лишь самые нижние части стен и алтарные апсиды, вошедшие в состав выстроенного на старом основании нового униатского костела. Подобно киевской и новгородской Софии, храм был огромным пятинефным зданием с тремя гранеными апсидами на восточном фасаде (распространенное мнение, что собор в древности имел еще три апсиды на западном фасаде окончательно не подтверждено). В западной части и над боковыми нефами также существовали хоры. Убранство сохранившихся апсид поясом двухуступчатых ниш с полуциркульным верхом свидетельствует о киевской декоративной традиции. Представление о верхе здания дает известие позднейшего источника о том, что храм завершался семью главами.

3

Рассмотренные древнейшие памятники русского зодчества X—XI вв. объединяются в особую группу не только общностью породившей их блестящей и глубоко своеобразной культуры Киевской Руси, но и единством их стиля.

Архитектура Киевской Руси характеризуется прежде всего своей прочной связью с княжеско-дружинными верхами формирующегося феодального общества: ее памятники — это парадные дворцы и величественные храмы.

Характерной особенностью всех этих сооружений являются их огромные размеры, особенно разительные, если иметь в виду полуземляночные и деревянные городские жилища, среди которых они возвышались: подчеркнутая монументальность зодчества X—XI вв. является одним из его важнейших качеств. Уже своей поражавшей сознание горожан и крестьянства величиной новые каменные здания наглядно утверждали могущество феодальных господ и ничтожество простых людей, внушали мысль о покорности власти и ее «божественной» силе.

Новые храмы и дворцы не были единичными изолированными зданиями. Они органически связывались с городским ландшафтом, включаясь в широкий архитектурный ансамбль городской площади. Открытые аркады подчеркивают эту связь, создавая в то же время иллюзию легкости вздымающихся к главному куполу масс храма (София киевская). Двуцветность фасадов, их убранство нишами, обогащающими их игрой света и тени, наконец, золото куполов — все это сообщало внешнему облику храма дух праздничного и жизнерадостного великолепия.

Столь же разительным был гигантский интерьер храма, характеризующийся бóльшей (София киевская) или меньшей (София новгородская) сложностью и живописностью, при которой с любой точки открывались новые и новые перспективы столбов, сводов, и арок. При огромных масштабах здания, его расчлененность на две зоны — богато освещенные княжеские хоры и полутемное

пространство под ними — ощущалась еще не с той силой, как это будет позднее, тем более, что весь храм от пола и до купола был украшен с расточительной роскошью.

Богатство внутренней отделки здания составляет характернейшую черту архитектуры X—XI вв. Изысканная мозаичная и фресковая роспись, декоративная скульптура, майолика и инкрустации из цветного благородного камня, отделка полированным мрамором, объединяясь с роскошью драгоценной утвари, тканей, икон, производили ослепительное впечатление. Храм или дворец представлял собой гармонический синтез искусств, подчиненный архитектуре и направленный на выявление заложенной в ней идеи.

Существенной чертой соборов XI в. является наличие особых квадратных или круглых лестничных башен, вводящих на хоры. Они усиливают выражение мощи и величия в образе храма и в то же время связывают его чертами общности с теремными ансамблями хором знати и башнями городских стен. Есть основания полагать, что некоторые соборы связывались и непосредственно с княжеским дворцом при помощи переходов.

Художественное совершенство и законченность древнейших памятников русского зодчества ставят их в первый ряд шедевров мировой архитектуры, среди которых они выделяются своим ярким русским своеобразием и самостоятельностью запечатленной в них архитектурной мысли.

Художественная культура Киевской державы имела огромное влияние на последующее развитие древнерусского зодчества. Памятники ее послужили высокими образцами для зодчих нового исторического этапа — периода феодальной раздробленности.

4

По словам К. Маркса, эпоха Владимира знаменует собой вершину развития «империи Рюриковичей», эпоха Ярослава — начало ее заката. [1] Во второй половине XI в. внутри Киевской державы вызревают силы, разрушающие ее непрочное единство. Феодализм окончательно побеждает. Вырастают и крепнут новые феодальные «полугосударства-княжества», постепенно освобождающиеся от подчинения Киеву. Усиливается значение новых удельных столиц (Новгород, Галич, Владимир, Рязань, Смоленск, Полоцк и др.). Эти феодальные центры, хотя и стремятся не уступать по своему блеску «матери городов русских» — Киеву, все же несравненно скромнее его по масштабу. Наряду с ремесленно-торговыми городами вырастают княжеские замки, укрепленные боярские усадьбы, монастыри. Христианство проникает в отдаленнейшие края Руси. С победой феодальных отношений меняется самый характер религиозной идеологии. Если при Владимире и Ярославе христианство, применяясь к полу-

[1] *K. Marx.* Secret diplomatic history..., стр. 77.

языческим нравам княжеско-дружинных верхов, приобрело оптимистические черты, то теперь оно постепенно превращается в религию отшельников и монахов, в учение о тщете земного мира, его греховности и возмездии «страшного суда». Выше мы видели, как отразились эти крупные общественные изменения на развитии литературы (гл. 6). Не могли не отразиться эти перемены и на развитии зодчества, перед которым выдвигались жизнью новые художественные и технические задачи.

Как и в период Киевской Руси, так и теперь, архитектура играла огромную роль в оформлении новых феодальных центров, стремившихся выразить в монументальных постройках свою силу, значение и могущество своих князей, конкурировать с ослепительным великолепием зданий Киева. Отправными образцами здесь явились те новые архитектурные решения, которые были выработаны в новых условиях на почве самого Киева. Таким образом, на первых порах Киев сохранял руководящее значение.

Характерным для этого этапа художественного развития является сокращение масштабов зданий, церковных, в частности. При этом старые конструктивные и художественные элементы постройки приобретают новое значение: те же хоры, крестообразные столбы, арки и настенные лопатки более резко дробят пространство храма, оно делается более простым и ясно и строго расчлененным. Внутреннее убранство значительно упрощается: мозаику постепенно сменяет фреска, полированный камень — фресковая имитация «мраморной» отделки. Наружный объем храма также приобретает строго очерченный геометрический характер; типичным становится «кубический» храм с позакомарной кровлей и массивной главой. Для зданий этой поры характерна простота гладких фасадов, теряющих двуцветность и часто побеленных. Все эти черты резко отличают архитектуру XII—XIII вв. от зодчества Киевской Руси X—XI вв. и свидетельствуют о появлении нового архитектурного стиля.

В условиях экономической и политической самостоятельности русских княжеств, расположенных в различных районах страны и находившихся в сношениях с различными областями и народами, этот новый стиль приобретает своеобразный облик в искусстве каждого княжества. Единый художественный поток развития искусства Киевской Руси расчленяется на ряд областных самостоятельных течений, характеризуемых особыми художественными и техническими чертами.

Известное упрощение средств и художественного качества архитектуры были исторически необходимы и сторицей возместились последующим развитием, так как каменное зодчество получило несравненно более широкое распространение, что дало возможность выявления неисчерпаемого своеобразия творчества русских зодчих различных областей Руси. Но при этом многообразии оно сохранило и свое единство, обеспеченное на первых порах прочностью общей киевской художественной традиции.

Киевское зодчество 60—70-х годов XI в. еще продолжало и развивало традиции эпохи Ярослава. Сыновья Ярослава, конкурируя между собой, создают за городской чертой столицы свои фамильные монастыри. Монастырские соборы Ярославичей по масштабу и пышности оформления немногим уступали фамильным монастырям их отца и матери (монастыри Георгия и Ирины).

В начале 60-х годов XI в. подле городской стены Изяслав Ярославич заложил большой шестистолпный храм Дмитрия — соборную церковь Дмитриевского монастыря (рис. 72, *1*). Богато украшенный мозаиками и фресками, мозаичными

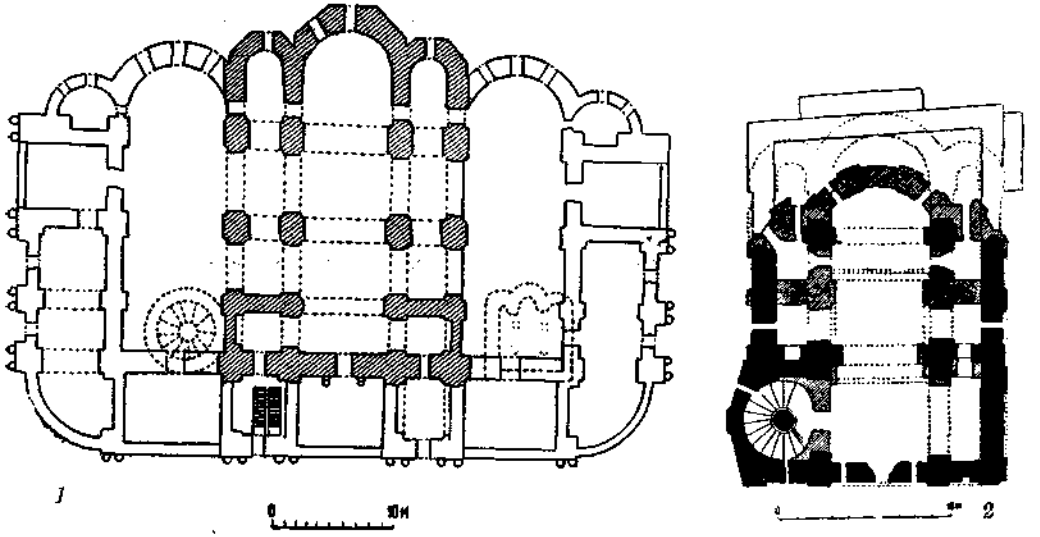
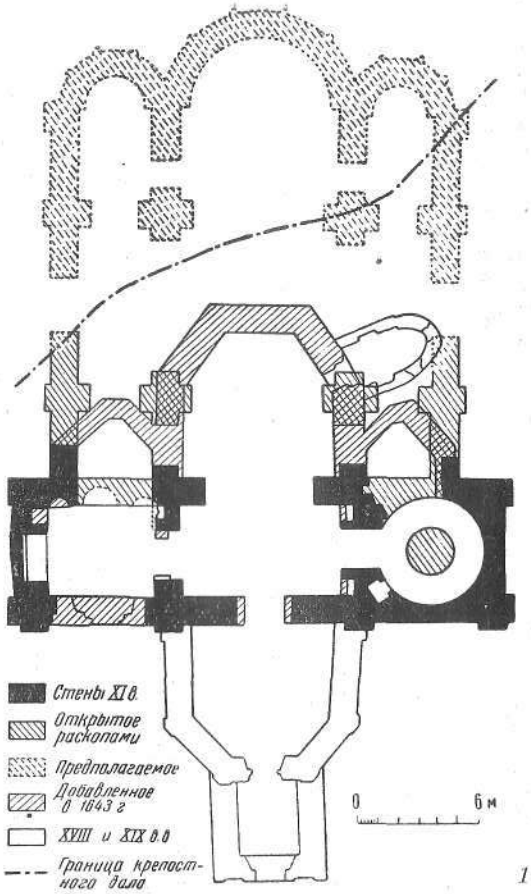
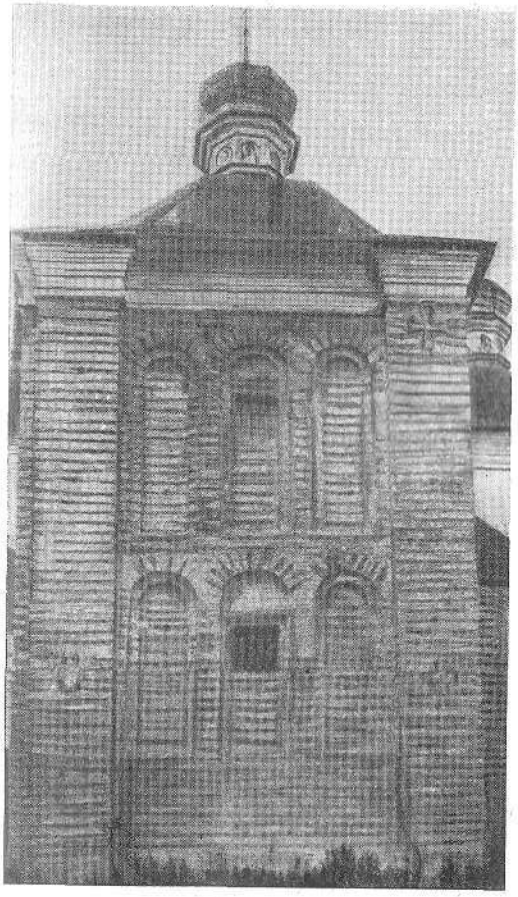


Рис. 72. Киев. *1* — собор Дмитриевского (Михайловского Златоверхого) монастыря; *2* — церковь Михаила в Выдубицком монастыре. План (по К. Шероцкому).

полами и плитами с барельефными скульптурами, этот собор дожил до нашего времени, но не под своим первоначальным именем. Выстроенный в 1108 г. сыном Изяслава князем Ярополком Изяславичем собор архангела Михаила, находившийся некогда подле монастыря отца и разрушенный, повидимому, во время монгольского разгрома Киева, впоследствии, при восстановлении киевских руин, дал свое имя сохранившемуся собору Дмитрия. Изучение топографии древнего Киева, плана и особенностей техники кладки собора, исследование стиля его мозаик привело к выводу, что известная под именем Михайловского Златоверхого собора постройка, в действительности, представляет собор Дмитриевского монастыря Изяслава. У северо-западного угла собора были найдены фундаменты круглой башни с лестницей внутри, которая вела на хоры; у юго-западного угла открыты основания небольшой квадратной в плане пристройки.



1



2

Рис 73. Церковь Спаса на Берестове под Киевом: *1* — план (по П. П. Покрышкину); *2* — деталь фасада (фото Н. Н. Воронина).

Таким образом, собор Дмитриевского монастыря еще сохраняет многие черты архитектурного стиля Киевской Руси.

В 1070 г. князь Всеволод Ярославич заложил в своем монастыре на Выдубичи близ загородного Красного двора собор архангела Михаила. Собор строился очень долго и был освящен лишь 18 лет спустя — в 1088 г. Выстроенный на высокой горе над Днепром собор Михаила уже к концу XII в. оказался под угрозой катастрофы в связи с размывом днепровского берега. По инициативе князя Рюрика Ростиславича, прославленный зодчий Петр Милонег в 1199 г. укрепил берег, выстроив каменную подпорную стену. Летописец с восторгом и изумлением описал это дотоле невиданное инженерное сооружение. Однако впоследствии и стена Милонега, и восточная часть собора все же рухнули в Днепр. Сохранившаяся часть собора, реставрированная в начале XVIII в. (рис. 72, *2*), как было установлено раскопками, представляет лишь западную половину церкви, которая первоначально была необычно удлиненной шестистолпной постройкой. К юго-восточному и северо-восточному углам примыкали различные по высоте и по площади пристройки, служившие усыпальницами. Башня, внутри которой помещается лестница на полати собора, здесь как бы несколько вдавлена в тело здания, благодаря чему она лишь незначительно выступает за линию его северной стены. Храм был большой парадной постройкой, богато украшенной внутри.

Второй фамильный монастырь, выстроенный Всеволодом для своей дочери Янки, по имени которой он назывался Янчин, до нас не дошел, и даже местоположение его точно не установлено.

Большим шестистолпным храмом была и выстроенная на рубеже XI—XII вв. церковь Спаса на Берестове — собор фамильного монастыря Владимира Мономаха (рис. 73). Как и в соборе Выдубицкого монастыря, в церкви Спаса лестничная башня тоже как бы вдавлена в тело здания, лишь наполовину выступая за линию южного фасада постройки. Крещальня, расположенная в северо-западном углу собора, также несколько выступает за линию северного фасада. К юго-восточному углу храма примыкала, как и в Выдубицком соборе, усыпальница. Восточная половина собора, не сохранившаяся до нашего времени, была вскрыта раскопками.

Собор Киево-Печерского монастыря, построенный князем Святославом Ярославичем в 1073—1078 гг. (рис. 74), в дальнейшем стал образцом для других монастырских и городских соборов XI—XII вв. Если мысленно удалить многочисленные позднейшие пристройки, то Успенский собор предстанет перед нами также в виде шестистолпного храма с тремя гранеными апсидами (рис. 75). Сохранявшиеся до разрушения памятника фашистскими захватчиками части его восточного и северного фасадов показывают, что они удерживали еще старую строгую систему убранства: кроме лопаток, соответствовавших внутренним членениям здания, плоскость стен оживлялась поясами двухуступчатых ниш с полуциркульным верхом. У северо-западного угла храма находилась

Рис. 74. Киев. Успенский собор Печерского монастыря. Общий вид (фото Н. Н. Воронина).

кубического типа четырехстолпная, увенчанная небольшим куполом, крещальня (оказавшаяся внутри более поздней северной пристройки).

Дальнейшее развитие зодчества Киевской Руси пошло по пути упрощения этого архитектурного типа. Башня для входа на хоры заменяется узкой лестницей в толще западной или северной стены. Пристраиваемое ранее специальное помещение для крещальни вводится внутрь здания. Изменяется и техника кладки: чередование рядов кирпича и камня исчезает, заменяясь кладкой из одного кирпича на растворе; слой раствора становится значительно тоньше.

Эти изменения встречаются уже в Киевских памятниках 30—40-х годов XII в. Так, в церкви Успения на Подоле (в Киеве), выстроенной в 1131—1132 гг., ход на хоры устроен в толще западной стены и имеет вид узкой щели. Ближайшие аналогии Успенской церкви представляют церковь Кирилловского монастыря (1140; рис. 76, *1*) и собор Георгия в Каневе (1144).

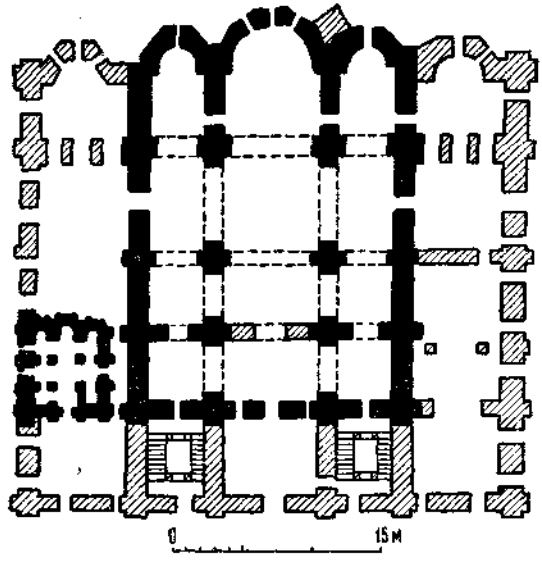


Рис. 75. Киев. Успенский собор Печерского монастыря. План (по К. Шероцкому).

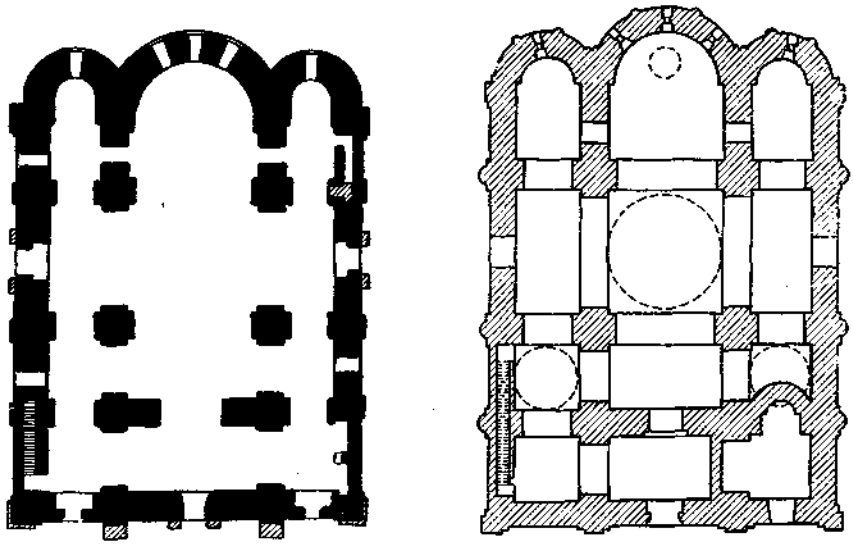
Этот же тип храма, восходящий к Успенской церкви Киево-Печерского монастыря, лежит в основе многих городских соборов XII в. в различных удельных столицах периода феодальной раздробленности. Не случайно, что многие из них повторяли даже имя печерского храма: Успенские соборы в Смоленске, Владимире-Волынском, Старой Рязани (рис. 142, *1*), Суздале и Владимире на Клязьме (рис. 115) были данью традиции, идущей от печерского «образца». Сохранившиеся соборы Владимира-Волынского, Старой Рязани и Владимира на Клязьме и по своему архитектурному облику стояли в несомненной зависимости от киевской художественной традиции. То же, повидимому, можно сказать и о не дошедших до нас памятниках — соборах Смоленска и Суздаля. Сведения о постройке последнего вполне определенно указывают на то, что Мономах приказал снять меру киево-печерского Успенского собора и построить суздальский по его «подобию».

Своеобразный облик получает в XII в. зодчество Чернигова.

Близкий по плановому решению к киевским храмам XII в. Успенский собор Елецкого монастыря (рис. 76) отмечен уже некоторыми особенностями. Зодчий вводит помещение крещальни внутрь храма и окружает храм с трех сторон

галереями. Остатки этих галерей были обнаружены раскопками. Характерна и декоративная обработка фасадов храма: закомары храма отрезаны аркатурным пояском (рис. 77), тянущимся по южному, западному и северному фасадам. Фасады членятся пилястрами с мощными полуколоннами.

Близок к Елецкому храму и выстроенный в 1186 г. князем Святославом Благовещенский собор, развалины которого были раскопаны в 1946—1947 гг. (рис. 78). Это был обширный шестистолпный храм, обстроенный также широкими галереями с трех сторон. В его внутреннем убранстве возобновляется древняя



1 *2*

Рис. 76. *1* — церковь Кирилловского монастыря в Киеве. План (Музей Всероссийской Академии художеств); *2* — собор Елецкого монастыря в Чернигове. План (по П. Лашкареву).

техника мозаичных полов: раскопками обнаружен большой фрагмент мозаики — павлин в круглом медальоне. Во внутренней, как, повидимому, и во внешней отделке храма был применен резной белый камень. Один из найденных фрагментов — птица в ременном плетении (рис. 218) — может быть, происходит от алтарного белокаменного кивория (надпрестольной сени). Расчлененные лопатками с полуколоннами фасады опоясывала аркатура, подобная арочному поясу Елецкого собора (рис. 77).

В процессе этой большой творческой работы кругозор зодчих Поднепровья значительно расширяется. Памятники Чернигова свидетельствуют о знакомстве русских зодчих с романской архитектурой, отдельные детали которой они с большим тактом и вкусом вводят в убранство зданий. Таковы отмеченные выше в некоторых постройках арочные пояса и пилястры с полуколоннами (рис. 77) и любовь к резным белокаменным деталям, оживляющим кирпичные фасады.

В Чернигове еще давно была найдена белокаменная капитель с плетеным орнаментом романского характера (рис. 79); при исследовании крайне искаженного позднейшими переделками Борисоглебского собора в Чернигове (XII в.) были

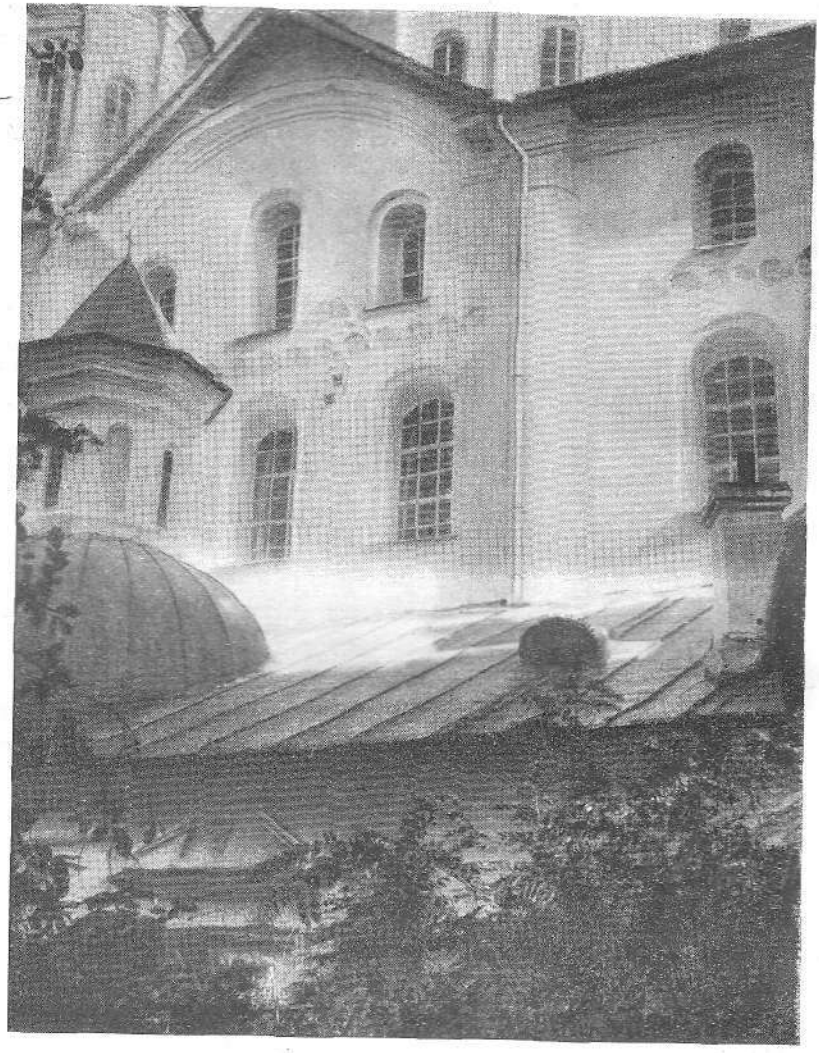


Рис. 77. Чернигов. Собор Елецкого монастыря. Фасад (фотоархив ИИМК).

обнаружены база от монументальной колонны с рельефными изображениями барса и орла и две белокаменных капители, украшенные резным плетеным орнаментом и фигурами звериного стиля. Есть основания предполагать, что и вышеупомянутая капитель происходит из этого же храма. Все эти черты

свидетельствуют о росте самостоятельных вкусов русских мастеров, давно переставших видеть в византийском предании непреложный канон, свободно и смело обогащающих свою архитектурную палитру.

Во второй половине XII в. в Киеве и других городах Киевской земли получает распространение новый тип малого четырехстолпного храма. Если выработанный в княжеских фамильных монастырях Киева тип большого шестистолпного собора удовлетворял и потребностям главного храма удельной столицы, то новый тип четырехстолпного храма отвечал нуждам как феодального двора, так и небольшого городского прихода.

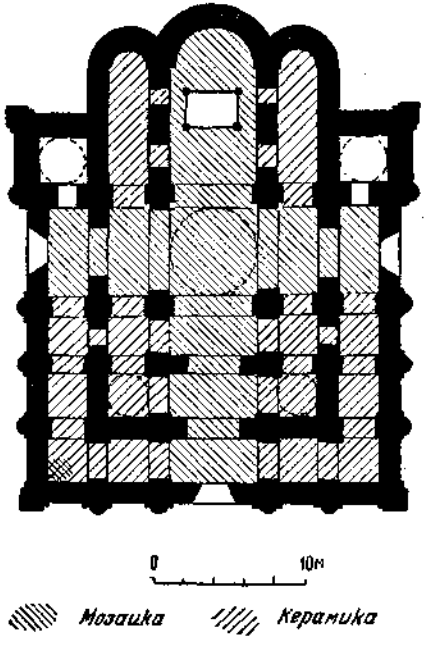


Рис. 78. Чернигов. Благовещенский собор. План (по Б. А. Рыбакову).

К этому типу относится небольшая квадратная в плане четырехстолпная церковь, известная под именем Васильевской или Трехсвятительской, выстроенная князем Святославом Всеволодовичем в 1183 г. на «Великом дворе». Ее особенностью являются наружные лопатки, осложненные мощными полуколоннами — черта, характерная для смоленской архитектуры. Эта маленькая дворцовая церковь уже весьма далека от пышной представительности киевского княжеского строительства XI — начала XII в.

Близкую аналогию этому памятнику представляет малый четырехстолпный храм Зарубского монастыря, развалины которого были раскопаны в начале XX в. Фасады Зарубского храма так же, как и фасады церкви Василия, были расчленены полуколоннами.

К последним годам XII, а может быть и к началу XIII в., относится маленькая четырехстолпная церковь на Вознесенском спуске в Киеве, развалины которой были впервые обнаружены еще в 70-х годах XIX в., а в 1947 г. были раскопаны и исследованы вновь (рис. 80). Эта церковь имеет весьма существенные особенности. Боковые апсиды ее, прямоугольные снаружи и полуциркульные внутри, сближают эту постройку с некоторыми смоленскими и полоцкими храмами той же эпохи. Фасады церкви членятся лопатками сложного профиля с полуколонкой, с которыми мы также встретимся в смоленской архитектуре конца XII — начала XIII в. Этот памятник, принадлежащий к поре постепенного ослабления Киева, свидетельствует о том, что теперь не Киев дает своих мастеров феодальным столицам, но мастера областных школ строят в Киеве, принося в его архитектуру свои местные особенности.

Выстроенный в те же годы киевским князем Рюриком Ростиславичем в своем городе Овруче на северо-западе Киевского княжества небольшой четырехстолпный храм Василия отличается исключительным своеобразием. В композицию храма вводятся угловые многогранные лестничные башни. Фасады храма членятся пучковыми пилястрами с полуколонками, подобными пилястрам описанного выше храма на Вознесенском спуске. К сожалению, нет возможности восстановить первоначальное завершение храма, в котором зодчие этой поры проявляли особую смелость и новаторство.

Русские зодчие XII в. подвергают решительной переоценке основу основ византийской традиции — крестовокупольную систему церковного здания. Как увидим ниже, одним из первых новаторов в этой области был полоцкий зодчий Иоанн, построивший в середине XII в. в полоцком Евфросиньевом монастыре Спасский собор, в композицию которого вошло движение, и замкнутый куб здания получил ступенчатовздымающийся башнеобразный характер (рис. 98). В 90-х годах XII в. ту же идею развили зодчие Троицкого собора в Пскове (рис. 112). Созданный на рубеже XII—XIII вв. храм Пятницы в Чернигове оставляет далеко позади названные первые опыты русской переработки крестовокупольной системы (рис. 81).

Рис. 79. Капитель, найденная в Чернигове (фотоархив ИИМК).

Этот памятник, как справедливо предполагают, был построен тем же князем Рюриком Ростиславичем, что и Овручская церковь; оба памятника, повидимому, строил один мастер — любимый зодчий князя Рюрика Петр Милонег: общие черты в деталях сближают Пятницкую церковь с храмом в Овруче. Возможно, что последний имел и аналогичное Пятницкой церкви решение верха.

В отличие от шестистолпных соборов Полоцка и Пскова Пятницкая церковь — небольшой, стройный по своим пропорциям четырехстолпный храм. Зодчий любовно убрал его фасады нарядной и простой орнаментацией, положив на апсидах под двойной аркатурой полосу кирпичного решетчатого узора, а под окнами боковых фасадов протянул ленту упрощенного меандра. Сложные пучковые пилястры на фасадах и тонкие тяги на апсидах направляют внимание зрителя к венчающей части храма, на которой сосредоточен весь эффект. Угловые своды здания в четверть окружности сочетаются с полуциркульными сводами средних нефов, образуя трехлопастное завершение фасадов. Подпружные арки сильно приподняты над сводами боковых нефов и образуют второй ярус

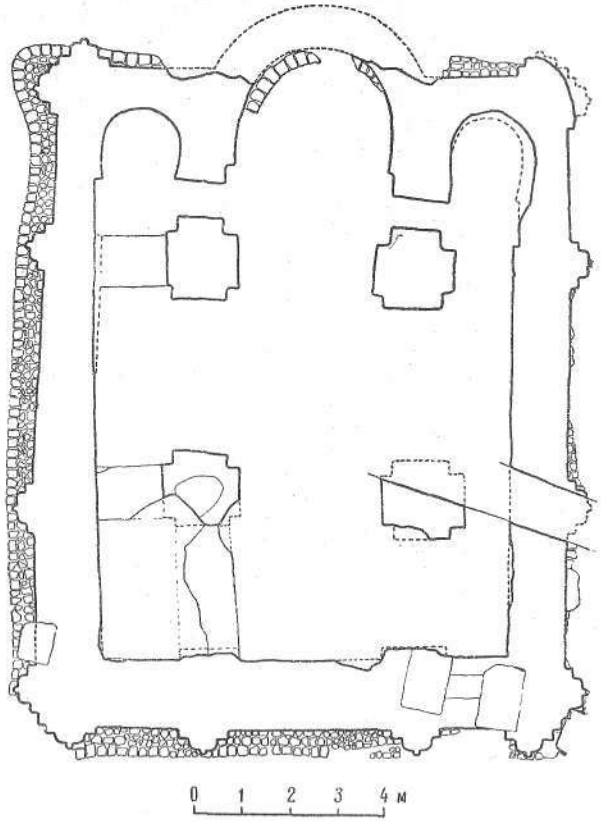


Рис. 80. Киев. Церковь на Вознесенском спуске. *План (раскопки М. К. Каргера).*

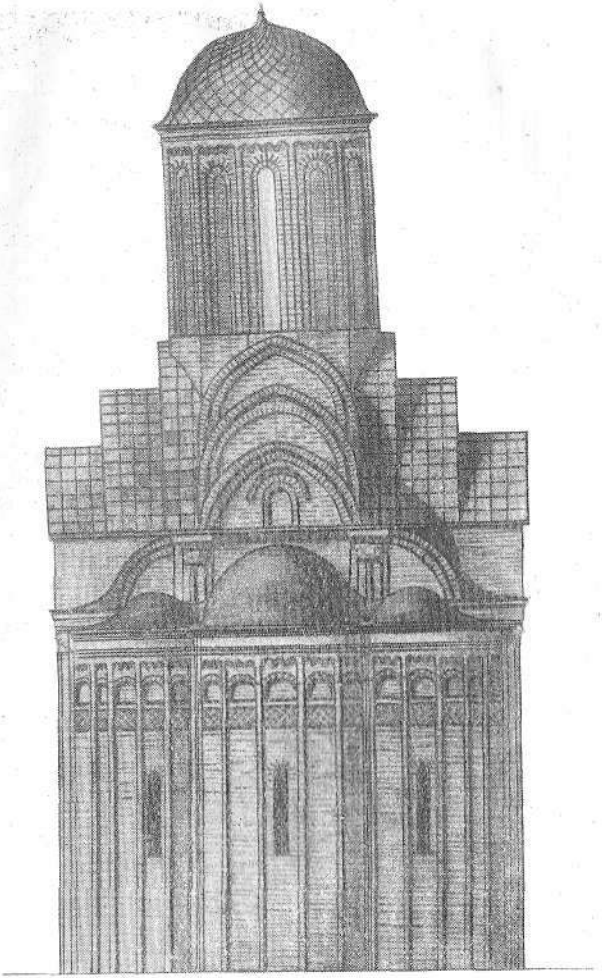


Рис. 81. Чернигов. Церковь Пятницы. Восточный фасад (реконструкция П. Д. Барановского)

закомар перекрытия. Наконец, в основании высокого и стройного барабана поставлены четыре вполне декоративных кокошника. Стремительная динамика верха подчеркнута стрельчатой формой закомар, придающей особую остроту композиции в целом. Зодчий решительно отверг старую концепцию неподвижного, замкнутого объема храма и с гениальной смелостью утвердил новый русский идеал архитектурной красоты. Вполне справедливо предположение, что эта новая композиция здания навеяна образами деревянной русской архитектуры.

Церковь Пятницы в Чернигове, вместе с названными выше памятниками Полоцка и Пскова, свидетельствует, что в середине XII — начале XIII в. в архитектуре феодально-раздробленной Руси, наряду с областными различиями школ, начинают вырабатываться новые русские художественные идеалы, равно дорогие зодчим разных княжеств. Нельзя не сопоставить этого примечательного факта со Словом о полку Игореве и с его призывом русских князей к единению.

6

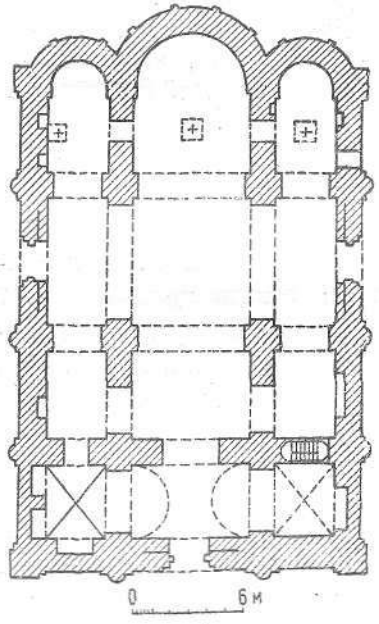
Начиная с XII в., наряду с медленным, но неуклонным падением роли Киева, возрастает значение городов Галицко-Волынской земли, которые в XII и начале XIII в. становятся значительными культурными центрами. В крупнейших из них (Владимир-Волынский, Холм и, особенно, Галич) в это время развертывается большая строительная деятельность, памятники которой до сих пор недостаточно оценены в истории древнерусского зодчества. К сожалению, они сохранились очень плохо, а остатки многих из них археологически мало изучены.

Если, рассматривая в предыдущем разделе зодчество Поднепровья XI—XIII вв., мы видели черты своеобразия, отличающие собственно киевское зодчество от архитектурной школы Чернигова, то еще более значительные локальные различия обнаруживаются в архитектуре юго-западной Руси, где складываются две школы — Волынская и Галицкая.

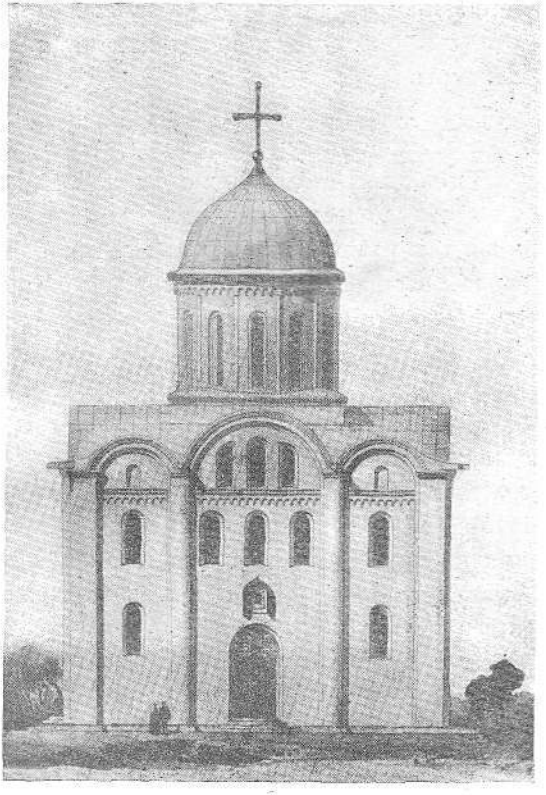
Выстроенный князем Мстиславом Изяславичем в 1160 г. Успенский собор во Владимире-Волынском после неоднократных капитальных перестроек к XIX в. представлял собой руины, в которых было трудно узнать памятник древнерусского зодчества. В конце XIX в. он был восстановлен. Собор сохранил древний шестистолпный план и части стен. Некоторые черты убранства фасадов храма — массивные полуколонны на лопатках и, особенно, аркатурный пояс, отрезающий тимпаны закомар,— позволяют теснейшим образом сблизить Владимиро-Волынский собор с собором Елецкого монастыря в Чернигове (рис. 82). Высказывавшееся предположение о том, что башни, существовавшие еще в XIX в. у северо-западного и юго-западного углов собора, были старые, судя по отчетным материалам реставрации XIX в., нельзя считать основательным.

Ближайшую аналогию Успенскому собору представляют развалины церкви над рекою Лугом во Владимире-Волынском, относящейся, несомненно, также к XII в. Не только план этого большого шестистолпного храма, но и обработка его северного (сохранившегося) фасада полуколоннами на лопатках полностью повторяют формы Успенского собора.

Оба памятника свидетельствуют о том, что зодчие Волыни твердо держались строительной традиции Поднепровья.



1

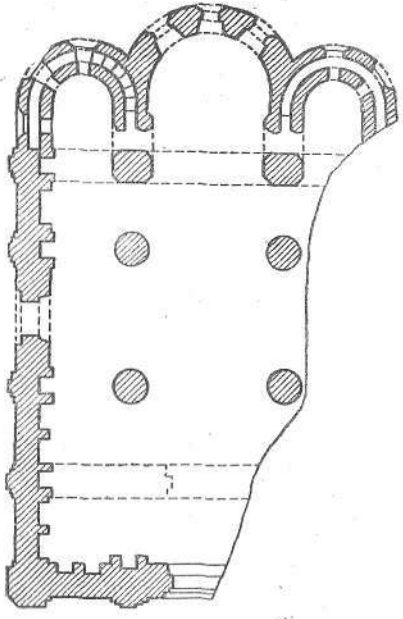


2

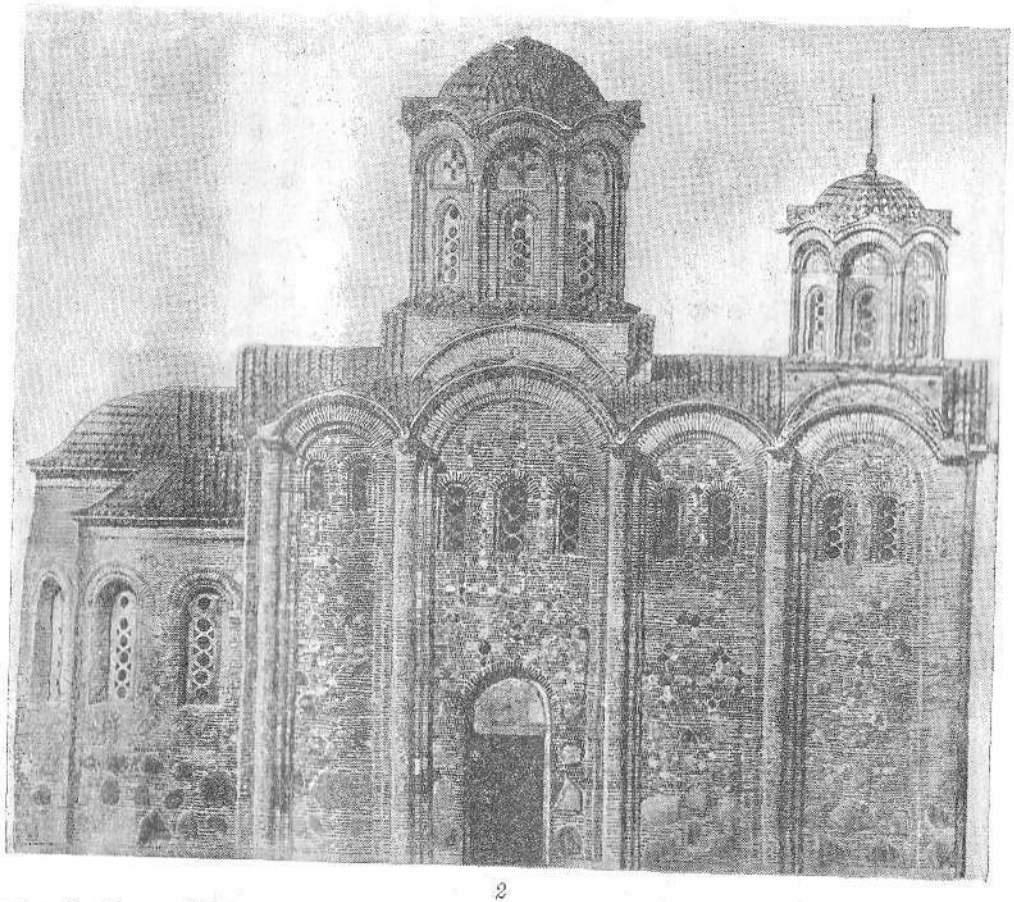
Рис. 82. Владимир-Волынский. Успенский собор: *1* — план; *2* — западный фасад (обмер и реконструкция Г. И. Котова).

На крайнем севере Волынской земли, на Немане лежало маленькое Гродненское княжество, выделившееся в начале XII в. и возглавленное князьями волынской династии. В столице княжества Гродно, расположенном на высоком берегу Немана, раскопками были открыты руины каменных построек крепости, представляющие ныне, вместе с сохранившейся церковью Бориса и Глеба, весьма своеобразную группу памятников XII столетия.

Борисоглебская церковь (рис. 83) дошла до нас в полуразрушенном виде — ее южная стена с частью сводов обрушилась в Неман. Это четырехстолпный храм с притвором, увенчанный, вероятно, тремя главами. Круглые столбы, несшие



1



2

Рис. 83. Гродно. Церковь Бориса и Глеба «на Коложе»: *1* — план (по В. В. Суслову); *2* — северный фасад (реконструкция П. П. Покрышкина).

своды, и главы придавали интерьеру просторный «зальный» характер. В стенах вставлены многочисленные «голосники» (глиняные сосуды, имеющие акустическое значение), полы были устланы желтыми и зелеными майоликовыми плитками. Храм не имел обычных хор, их, видимо, заменяли высоко поднятые своеобразные деревянные балконы, шедшие вдоль трех стен до алтаря, в боковых апсидах которого шли внутристенные узкие лестницы, выводившие на эти балконы. Особенно оригинально внешнее убранство храма — его фасады членились плоскими лопатками со скругленными углами, на фоне красной кирпичной кладки сверкали выложенные из майоликовых плиток кресты и вставленные в стены ряды глыб полированного камня различных оттенков.

Остатки других каменных зданий лежат на территории высокого кремлевского мыса (рис. 84). В его центре раскопки открыли сохранившиеся на значительную высоту развалины шестистолпного храма. Его план очень необычен: средняя апсида незначительно выступает из плоскости стены, а боковые врезаны в ее толщу; квадратные столбы со срезанными углами членят пространство храма. Глава храма была расположена не симметрично, ближе в западной части храма. Углы здания, так же как и столбов, срезаны и не имеют лопаток, плоские со скругленными углами лопатки помещены лишь по осям столбов. В западной части храма были хоры, ход на которые устроен по винтовой каменной лестнице, помещенной в юго-западном углу в особой полукруглой кирпичной клетке. Храм сложен из тонкого кирпича, и его фасады, как и в Борисоглебской церкви, пышно убраны вставками майоликовых плиток, зеленых поливных чаш и огромными глыбами полированного камня. Особенно замечателен майоликовый пол храма представляющий в подкупольной части сложную орнаментальную композицию.

Каменными были не только храмы, но и башни Гродненской крепости, сохранившиеся в незначительных остатках на южном краю мыса и на западном его углу; кирпичные фасады южной башни (так называемый «терем») были, как и храм, украшены полированным камнем.

Хронология этих зданий точно не определена. Повидимому, безымянный храм в крепости построен в первой половине XII в., ко второй его половине можно относить Борисоглебскую церковь; каменные башни сменили деревянные укрепления в XII—XIII вв.

Памятники Гродно столь своеобразны как по своим строительным приемам, так и по роскошной полихромии наружного убранства, находящей параллель лишь в многоцветности русской архитектуры XVI—XVII вв., что мы с полным правом можем говорить об особой гродненской архитектурной школе XII в. Отдельные черты ее памятников сближают их с памятниками Смоленска и Полоцка. Мы не знаем, работали ли в Гродно мастера из Волыни или из соседних областей, но они создали здесь здания совершенно оригинальные и поражающие своей яркой красотой, глубоко отличные от строгого стиля, завещанного киево-византийскими «образцами». Можно думать, что это были и местные зодчие, во

всяком случае на кирпиче гродненских зданий среди многочисленных знаков мастеров есть знаки мастеров гродненских князей.

Крупным художественным и культурным центром в XII — начале XIII в. становится Галич. Это был большой город, живописно раскинувшийся в холми-

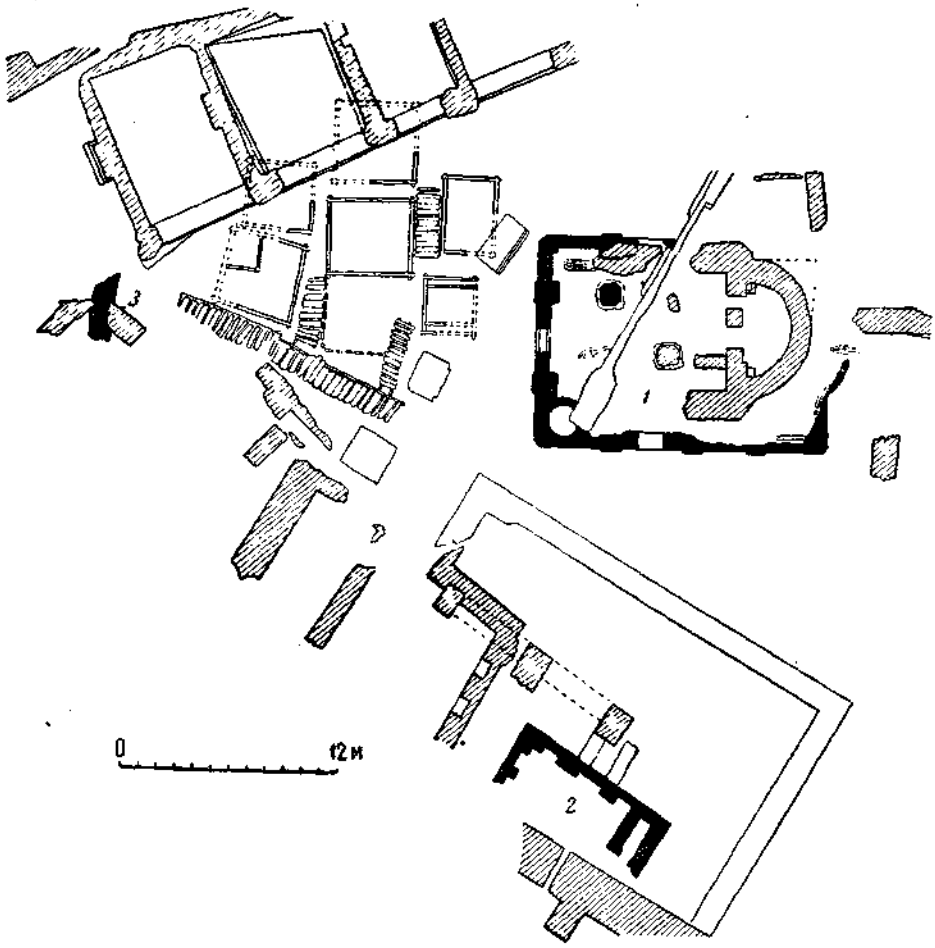


Рис. 84. Гродно. Здания кремля (по раскопкам 1933—1939 гг.): *1* — нижняя церковь; *2* — южная башня («терем»); *3* — остатки западной башни.

стой местности на притоке Днестра Лукве. Здесь, в хорошо укрепленном участке, размещался княжеский двор, далее к югу лежала огражденная валами площадь торга, на которой стоял городской Успенский собор; к торгу примыкал также прикрытый мощными валами посад. В окрестностях столицы располагались отдельные поселки и монастыри с их каменными храмами. На территории

Галича известно до 30 развалин древних каменных построек. В отличие от Поднепровья и Волыни, здесь строили не из кирпича, а из естественного камня, используя разные по техническим и художественным свойствам породы алебастра и известняка, добывавшегося по Днестру. Кладка велась из точно вытесанных квадров белого камня с заполнением внутренней полости стены бутом; каменная кладка повышала геометрическую правильность и четкость форм здания и позволяла применить в его обработке резное убранство в значительно

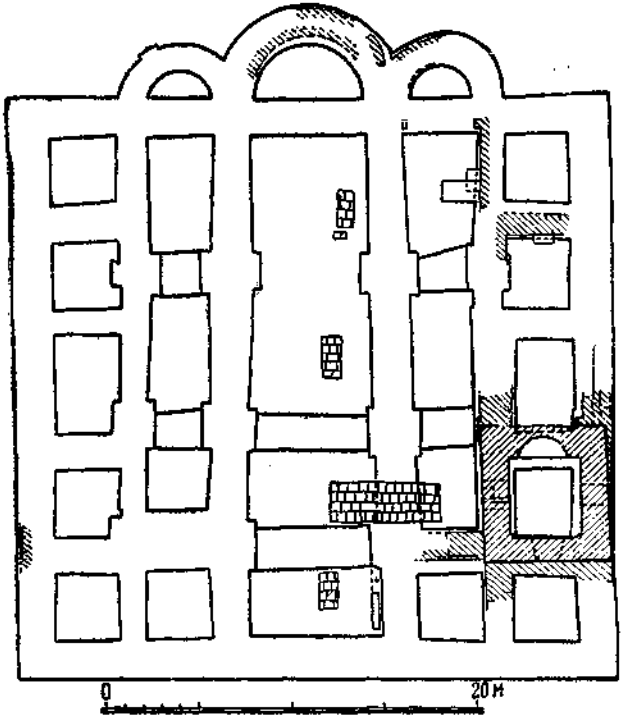


Рис. 85. Галич. Успенский собор. План.

большей мере, нежели это было в кирпичной архитектуре. Почти во всех развалинах зданий обнаружены характерные майоликовые плитки от нарядных цветных полов.

Крупнейшей постройкой Галича был большой городской собор Успения, созданный князем Ярославом Осмомыслом около 1157 г. Его фундаменты и части стен, открытые раскопками (рис. 85), дают представление об этом величественном храме. По своему типу он несколько напоминает Благовещенский собор в Чернигове (рис. 78) и Успенский собор во Владимире (после обстроек Всеволода III, см. ниже рис. 115). В отличие от последних, основу Галицкого собора составляет не шести-, но четырехстолпный, повидимому одноглавый, храм, окруженный закрытыми галереями; в их юго-западном углу помещалась

крещальня в виде маленькой капеллы с апсидой в толще стены. С запада в храм вводил богато украшенный резьбой портал. Многочисленные фрагменты резных деталей — капителей, орнаментальных частей, масок и т. п.— свидетельствуют об обильном применении скульптуры в убранстве храма.

Открытые раскопками руины зданий дают представление о небольших четырехстолпных храмах обычного для XII в. типа, таковы развалины церкви Спаса и неизвестного по имени храма «под Дубровой» (рис. 86). Единственным сохранившимся памятником этого рода является церковь Пантелеймона. Выстроенная в княжение Даниила Романовича, она была перестроена в XVI в.

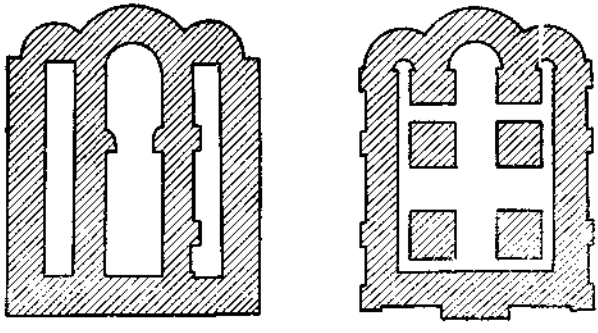


Рис. 86. Галич. Планы церкви Спаса и церкви «под Дубровой» (по К. Скуревичу).

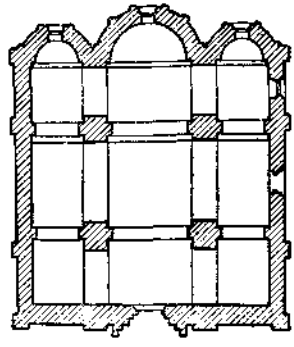


Рис. 87-а. Галич. Церковь Пантелеймона. План (по К. Скуревичу)

и тогда же превращена в костел Станислава (рис. 87-а). По своим массам и по организации внутреннего пространства памятник очень близок к четырехстолпным храмам Киева, но в отличие от последних фасадная обработка церкви Пантелеймона обогащена деталями романского происхождения. Это — аркатурный фриз апсид, опирающийся на полуколонки с резными капителями, перспективные порталы на западном и южном фасадах, с богатыми резными белокаменными архивольтами и капителями (рис. 87-б).

Из записи Ипатьевской летописи под 1152 г. об обстоятельствах смерти галицкого князя Владимира можно почерпнуть драгоценные сведения об ансамбле княжеского двора в Галиче и придворной церкви Спаса. Здесь мы читаем: «И яко же съеха Петр [посол] с княжа двора и Володимер [князь галицкий] поиде к божници к святому Спасу на вечернюю и яко же бы на переходех до божницы и ту види Петра едуща и поругася ему...» Из этого отрывка можно заключить, что хоромы построенного до 1152 г. княжеского двора в Галиче были связаны непосредственно с дворцовой церковью Спаса системой высоких переходов. Двухэтажные хоромы дворца с их лестничной башней — «сенями» и переходами к дворцовому храму образовали характерный и живописный ансамбль, очень типичный для XII в. Как увидим далее, галичский дворец

ближайшим образом напоминает несколько более поздний дворцовый ансамбль, созданный князем Андреем в Боголюбовском замке (см. т. I, гл. 4).

Вторым центром большого строительства был город Холм, основанный князем Даниилом во второй четверти XIII в. Судя по летописным известиям,

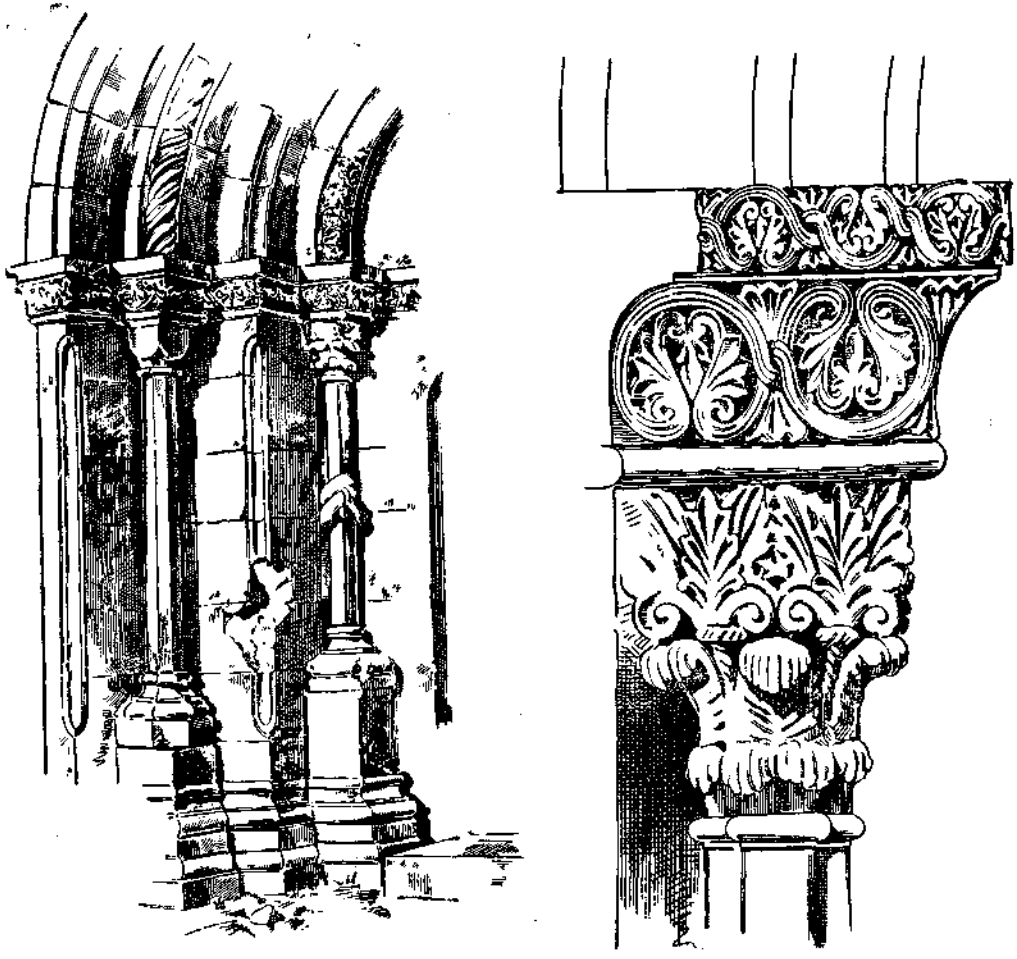


Рис. 87-б. Галич. Церковь Пантелеймона. Портал и деталь портала (по К. Скуревичу).

он был одним из наиболее богатых памятниками монументального искусства городов. В 40—50-х годах XIII в. князь Даниил выстроил здесь церкви Иоанна Златоуста, Козьмы и Демьяна и в 1260 г. большую церковь богородицы. Первые две церкви погибли в грандиозном пожаре 1259 г., уничтожившем город, поэтому наши представления о холмских постройках основываются главным образом

на подробном описании церкви Иоанна Златоуста под 1259 г. в Ипатьевской летописи. Уже самая подробность этого описания свидетельствует о том восхищении и удивлении, которые вызвало это прекрасное здание. Летопись сообщает о развитом скульптурном и полихромном убранстве церкви: «Зданье же ее сице бысть: комары [своды] четыре, с каждого угла превод и стоянье их на четырех головах человецских [4-сторонних капителях] изваяно от некоего хытреца... двери же ея двоя украшены камеиьемь галичкымь белым и зеленым холмъским тесаным, узоры те [сделаны] некимь хытрецемь Авдьем прилепы от всех шаров [красок] и злата, напреди ихъ же бе изделан Спас, а на полунощных святый Иван, яко же всем зрящим дивится...» Незначительные фрагменты этих скульптур были найдены в раскопках. Церковь Козьмы и Демьяна имела, вместо обычных, столбы, тесанные «из целого камня», т. е., видимо, колонны. Полы из медных залитых оловом плит и майоликовых наборов, богато отделанные надпрестольные сени храмов говорят о большой изысканности галицкого искусства и его общих чертах с владимиро-суздальским (см. ниже).

Тот же рассказ летописи позволяет судить о красоте архитектурного ансамбля Холма — второй столицы Даниила. К группе трех названных храмов присоединялась высокая башня — вежа из тесаного дерева на каменном фундаменте; она господствовала над городом и, по словам летописца, «светилась на все стороны». Здесь же, около церкви Козьмы и Демьяна, Даниил «посади сад красен». Неподалеку от Холма, видимо на пути к нему, путника встречал высокий «столп», увенчанный огромным каменным изваянием орла высотой более 5.5 м.

Галицкая земля, лежавшая на юго-западном пограничьи Руси и постоянно втягивавшаяся то в военные, то в мирные соприкосновения с западными соседями, гораздо шире, чем другие русские княжества, знакомилась с культурой Запада. Знакомство зодчих с романским искусством сказалось и в архитектуре, об этом говорят отмеченные выше черты наружного убранства зданий. Вероятно, что в Галич и Холм вначале попадали и пришлые западные зодчие.

Относительно Холма летопись сообщает, что Даниил охотно принимал в свой новый город приходивших русских, польских, немецких мастеров и подмастерьев разных ремесл и укрывал бежавших из татарского плена русских ремесленников. Летопись указывает, что некоторые предметы архитектурной отделки зданий были привезены с Запада. Так, например, в окнах холмской церкви Иоанна были «римские стекла», т. е. витражи. Для церкви Марии в Холме князь Даниил вывез из Угорской земли (Венгрии) «чашу мрамора багряна изваяну мудростью чюдну и змьевы главы беша округ ея». Эта чаша, поставленная в качестве водосвятной («крестильницы») пред западными дверями церкви, как и многие другие особенности галицкой архитектуры и ее скульптурной декорации, находит себе в древнерусском быту аналогию в водосвятной чаше, поставленной Андреем Боголюбским на дворе Боголюбовского замка, также перед западными вратами дворцовой церкви (см. ниже). Однако как на далеком

северо-востоке Руси, так и здесь, в пограничном Галицком княжестве, архитектура имела свой ярко выраженный русский характер, определенный прочностью русской традиции и самостоятельностью художественной мысли. Названный летописью холмский русский скульптор Авдий, создавший роскошное резное убранство церкви Иоанна, был, несомненно, не одинок, он, видимо, являлся наиболее выдающимся из многих безымянных русских зодчих-«хитрецов», строивших многочисленные каменные здания Галича и Холма XII—XIII вв.

7

Еще недавно было принято рассматривать зодчество XII—XIII вв. Смоленской и Полоцкой земель нераздельно как «белорусское» зодчество, противополагавшееся зодчеству остальной Руси, как нечто особое и самостоятельное. Эта точка зрения не верна исторически и глубоко порочна в выводах. В действительности, в рассматриваемый период, и Смоленское и Полоцкое княжества

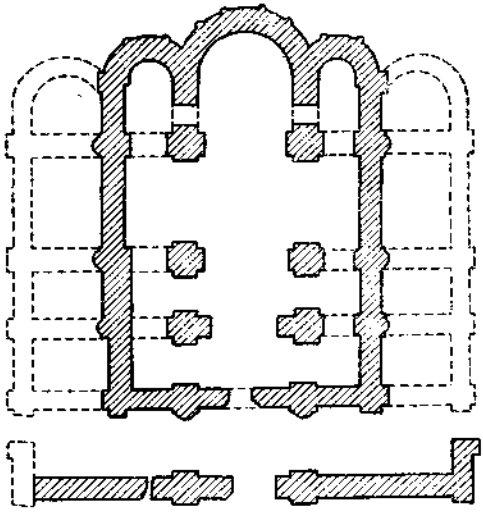


Рис. 88. Смоленск. Церковь Бориса и Глеба на Смядыни. План.

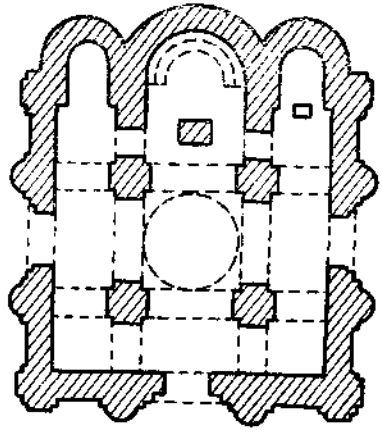


Рис. 89. Смоленск. Малый храм на Смядыни. План.

существовали как самостоятельные политические единицы, со своими особенностями как во внутреннем строе, так и в связях с внешним миром. Памятники этих областей являются произведениями двух областных архитектурных школ, неразрывно связанных общими чертами с архитектурой других русских княжеств XII—XIII вв. Поэтому искусство Смоленской и Полоцкой земель необходимо рассматривать раздельно, и в то же время отнюдь не отрывая его от общерусского художественного развития.

Смоленская земля с конца XI в. зависит в политическом и церковном отношении от центра вотчины Мономаха — Переяславля-южного. В 1101 г. в Смоленске был построен Владимиром Мономахом большой городской собор Успения богородицы. Случайными земляными работами на Соборной горе в Смоленском кремле были частично обнаружены его стены, сложенные из характерного тонкого кирпича — плинфы, основного строительного материала Поднепровья. Как и соборы северных городов мономаховых владений — Ростова и Суздаля, собор Мономаха в Смоленске, вероятно, исходил из того же образца — собора Киево-Печерского монастыря, т. е. был шестистолпным храмом.

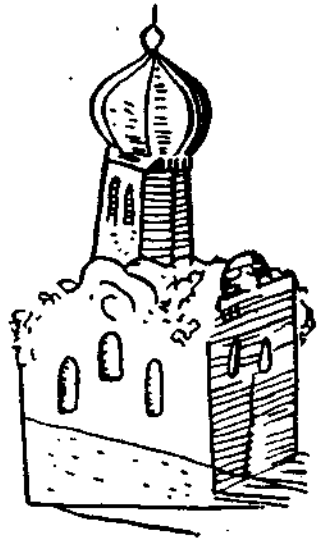


Рис. 90. Смоленск. Малый храм на Смядыни (по плану Гондиуса).

Смоленск быстро становится крупным торговым и ремесленным городом, во многом схожим с Новгородом. Здесь также играет большую роль городское вече, входящее в конфликты с княжеской властью. И в самой структуре города много сходного с новгородской. Детинец с собором стоял на одной стороне Днепра, под ним на «Подолии» селилось торгово-ремесленное население, занимавшее и противоположный низменный берег. Источники упоминают о сотенной и кончанской организации населения (Пятницкий и Крылошевский концы, «Петровское сто»). Подобно новгородскому княжескому Городищу и в Смоленске княжеский двор находится вне городской черты — на Смядыни. С 40-х годов XII в. Смоленское княжество играет уже самостоятельную роль, пытаясь иногда оказывать влияние на ход политической жизни Киева и Новгорода. В это время развертывается в Смоленске большое княжеское и городское строительство. До нас дошли лишь его единичные памятники, частью в руинах, открытых раскопками, частью в искаженном позднейшими перестройками виде. Но и они дают все же возможность говорить об оригинальных чертах смоленской архитектуры.

Обстраивая свою резиденцию на Смядыни, князья стремятся сделать ее «вторым Вышгородом», что подчеркивает направление художественных интересов смоленских феодалов и стремление подражать киевской архитектуре.

В 1145—1146 гг. на Смядыни был выстроен обширный соборный храм — «великая церковь Бориса и Глеба»,— известный нам лишь по раскопкам его развалин (рис. 88). Близкий по своим формам к черниговским храмам XII в. Борисоглебский собор был шестистолпным, т. е. следовал установившейся в это время в Киеве и других феодальных центрах, идущей от Печерского собора, схеме, легшей в основу и смоленского собора 1101 г. В западной части Борисоглебской церкви помещались хоры, ход на которые шел, вероятно,

в толще северной стены. Фасады членились плоскими лопатками с полуколоннами, поверхность апсид оживлялась тонкими тягами. Позднее собор обстраивается с трех сторон галереей, предназначавшейся быть усыпальницей смоленских князей, и приобретает черты сходства с аналогичным решением Успенского собора во Владимире (после обстроек Всеволода; рис. 115) и черниговских храмов (рис. 78). Внутри храм был украшен фресковой росписью; особенно богато были отделаны полы, выстланные цветными поливными плитками; часть

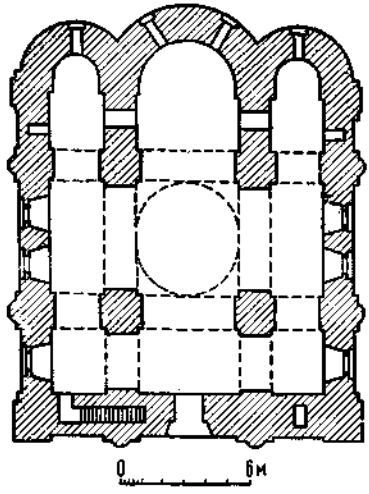


Рис. 91. Смоленск. Церковь Петра и Павла. План (по И. М. Хозерову).

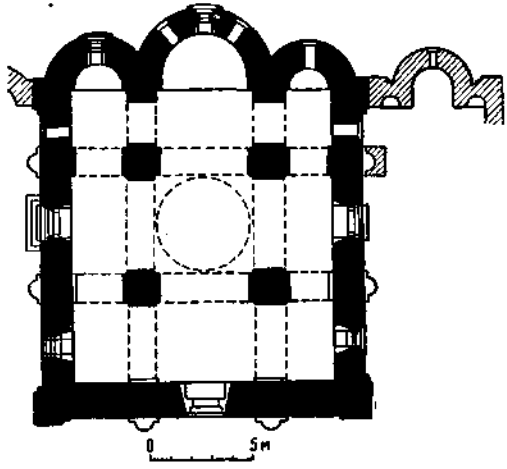


Рис. 92. Смоленск. Церковь Иоанна Богослова. План (по И. М. Хозерову).

пола была набрана из фигурных плиток, образовавших сложные многоцветные узоры.

В ближайшем соседстве с большим Борисоглебским храмом сохранились развалины второй церкви, относительно названия которой существуют различные предположения (вероятно — церковь Василия). Это небольшой, почти квадратный в плане храм с четырьмя крестчатыми столбами, несшими главу, и тремя апсидами (рис. 89). Тройное вертикальное членение фасадов ясно выражает внутреннюю структуру четырехстолпного здания. Средние стенные лопатки осложнены полуколоннами; судя по изображению здания на плане Гондиуса (рис. 90), можно предполагать, что завершение фасада имело трехлопастное очертание, почему и была подчеркнута полуколоннами его возвышенная средняя треть, а окна были размещены необычно (среднее подтянуто кверху). Кровля шла по сводам и была свинцовой.

Вариантами дальнейшей разработки типа малого смядынского храма являются церкви Петра и Павла и Иоанна Богослова в Смоленске.

В церкви Петра и Павла (рис. 91), являющейся, повидимому, приходским храмом купцов «Петровского ста», на хорах появляется придел в виде особой закрытой камеры — первоначальное назначение хор как помещения для знати начинает заменяться иным: хоры используются для устройства индивидуальных молелен. В наружной обработке здания применены аркатурный пояс с поребриком, сложные порталы входов и характерные для смоленского зодчества пилястры с полуколоннами. В церкви Иоанна Богослова (рис. 92) нужно отметить пристройку у восточных углов здания двух приделов, использовавшихся как усыпальницы (ср. Спасский собор в Чернигове), и применение в обработке фасадов, кроме лопаток с полуколоннами, выложенных из кирпича крестов и других фигур. Оба памятника относятся ко второй половине XII в.

В конце XII в. строится последний княжеский храм — церковь Михаила архангела (1191—1194; рис. 93). Она принадлежала, вероятно, к ансамблю нового княжеского двора князя Давида Ростиславича; в ее западной части были приготовлены ниши-аркосолии для княжеских погребений. Здание имеет весьма своеобразную композицию. План храма крестообразен, к нему с трех сторон примыкают притворы, а алтарная апсида сильно выдвинута на восток. Основная центральная часть храма, завершаемая главой, значительно вытянута кверху. Перекрытие угловых частей сводом в четверть окружности связано с особой формой верха фасадов — или трехлопастного очертания, или с перекрытием углов особыми плоскими кровельками. Притворы и алтарная часть с пониженными прямоугольными боковыми апсидами образуют подчиненные основному массиву объемы. Ярко выраженная самими пропорциями вертикальность здания подчеркнута сложными пилястрами, создающими стремительные пучки вертикалей, влекущие глаз кверху. В обработке стройного и легкого барабана применены типичные уступчатые ниши. Точно так же и внутреннее пространство храма, с его открытыми в помещение для молящихся высокими притворами, производило сильное впечатление своей свободой и высотой. Смоленские княжеские зодчие по-своему откликались на новые архитектурные

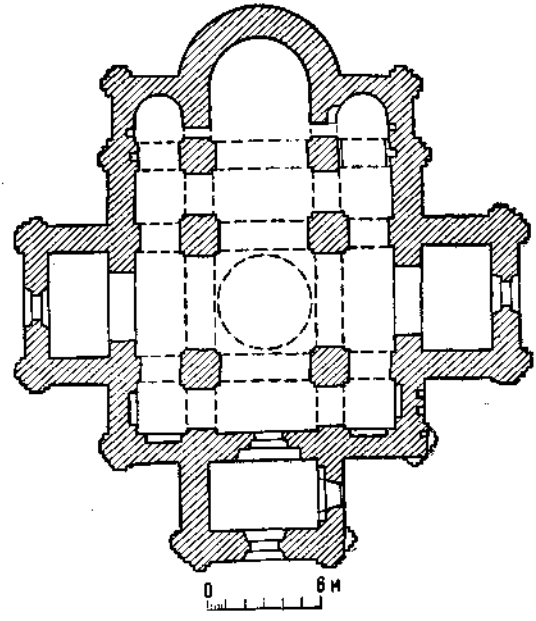


Рис. 93. Смоленск. Церковь Михаила архангела. План (по И. М. Хозерову).

идеи своего времени, отразившиеся в черниговской церкви Пятницы (рис. 81) и соборе полоцкого Евфросиньева монастыря (рис. 98). Стройный и высокий четверик Михаило-архангельского храма, усиленный,—как мощными контрфорсами — высокими притворами и апсидой, также воплощал в своем образе идею могучего роста и движения ввысь. Верх здания еще не обследован и, может быть, имел необычное решение, которое еще более сблизит этот выдающийся памятник смоленского искусства с передовым течением русского зодчества конца XII в. Едва ли случайно летописец подчеркнул изумившее его своеобразие и необычность этого храма «в полунощной стране»; богатство и великолепие внутреннего убранства этого княжеского собора вызывали восхищение русских и иноземцев. Есть основания думать, что при ближайшем исследовании вскроются другие особенности памятника и, в частности, его связь с ансамблем княжеского двора.

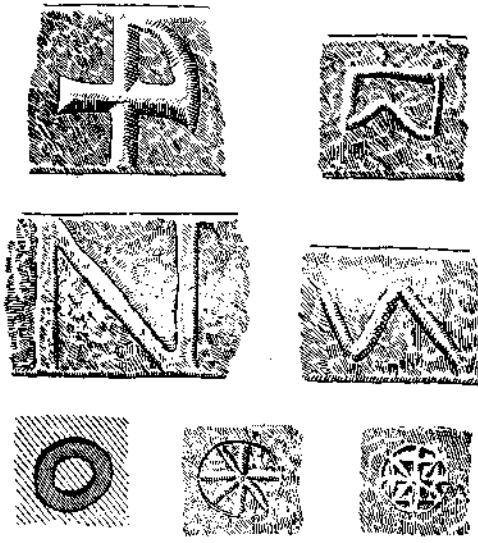


Рис. 94. Клейма и знаки на смоленском кирпиче (по И. М. Хозерову).

Все рассмотренные памятники Смоленска построены из кирпича; кирпич в форме тонкой (3—4 см) плитки обычно квадратной формы («плинфа»), как и лекальный, применявшейся для выкладки полуколонок и тяг, выделывался в деревянных формах местными мастерами. Многочисленные и разнообразные по своим формам клейма и знаки мастеров (рис. 94) свидетельствуют о развитии этого ремесла в Смоленске. Кирпич клался на слое известкового раствора. В кладке сводов иногда применялись полые глиняные кувшины.

Восприняв, как и другие ветви русского зодчества XII в., техническую и художественную традицию Поднепровья, смоленская архитектурная школа перерабатывает эту традицию в духе своих местных вкусов. Облик смоленских храмов характеризуется монументальностью и сдержанной простотой. Кирпичные стены белились или подвергались обмазке известковым раствором; мощные полуколонны лопаток или пучковые пилястры, глубокие теневые пятна перспективных порталов, строгий пояс аркатуры или кирпичный узор из крестов скупо подчеркивали мощь и несколько суровую пластичность здания. Можно думать, что в этих чертах смоленского зодчества отразились вкусы торгово-ремесленных слоев города. В этом смысле смоленская архитектура образует как бы среднее звено между зодчеством Поднепровья и Великого Новгорода. Западные торговые связи Смоленска объясняют знакомство смоленских зодчих

с деталями романской архитектуры. Мы видели их и в храмах Чернигова, Волыни, Галича. Они столь прочно входят в обиход русского зодчества этой поры и столь органично и своеобразно включаются в убранство его памятников, что становятся фактически русскими. Вековой строительный опыт смоленских зодчих завершается постройкой Михаило-архангельской церкви — произведения выдающегося по своему историческому и художественному значению. Мы видели в Киеве, Чернигове и Овруче памятники, созданные смоленскими зодчими или обнаруживающие их влияние. Их искусство было знакомо также Новгороду и Пскову (см. ниже).

8

Соседнее со Смоленским Полоцкое княжество возникло значительно раньше: оно выступает уже во времена Владимира Святославича как антагонист Киевской державы, отстаивая свою самостоятельность. Само географическое положение Полоцкой земли, на середине важнейшей артерии Киевской державы Волховско-Днепровского пути, ставило ее перед постоянной угрозой как со стороны Киева, так и со стороны Новгорода. С запада она граничила с племенами Центральной Европы (пруссы, литва и др.); Неман и Западная Двина связывали Полоцкое княжество с западными странами. Еще более, чем в Смоленске, здесь княжеская власть была ограничена вечевыми порядками. Как и в Смоленске, княжеская резиденция в Полоцке имела самостоятельную территорию вне городской черты.

Все эти особенности отношений Полоцка к внешнему феодальному миру не могли не выразиться в своеобразном истолковании общих древнерусскому феодальному зодчеству типов здания. Выше мы уже видели, как зодчие полоцкого Софийского собора переосмысливали формы киевской Софии. Еще бóльшим своеобразием отмечено полоцкое зодчество XII в., свидетельствующее о самостоятельной переработке, в частности, культового здания. Полоцкие памятники этого времени, как и смоленские, дошли до нас в крайне фрагментарном, полуразрушенном или перестроенном виде, а ограниченность письменных сведений о них еще более усложняет научное освещение истории полоцкого зодчества.

Наиболее ранний, после Софийского собора, памятник — церковь Благовещения в Витебске (XII в.; рис. 95) уже показывает то направление, в котором шла переработка в Полоцкой земле обычной крестовокупольной схемы храма. Здание значительно вытягивается по продольной оси с востока на запад, его средний неф уширяется за счет боковых. С востока храм завершается одной полукруглой массивной апсидой, боковые — скрыты в угловых частях восточной стены и снаружи не выражены. В западной части здания помещались хоры

с ходом на них в толще западной стены. Боковые фасады равномерно членились плоскими лопатками на четыре части и завершались дугами позакомарного покрытия. Стены снаружи не были оштукатурены и оживлялись чередованием рядов кирпичной кладки и желтоватого известняка.

К середине XII в. относится ряд памятников Полоцка, связанных между собой как общностью технических приемов, так и некоторыми композиционными особенностями,— это не существующие ныне руины Борисоглебского и Пятницкого храмов Бельчицкого монастыря и сохранившийся целиком собор Спасо-Евфросиньева монастыря.

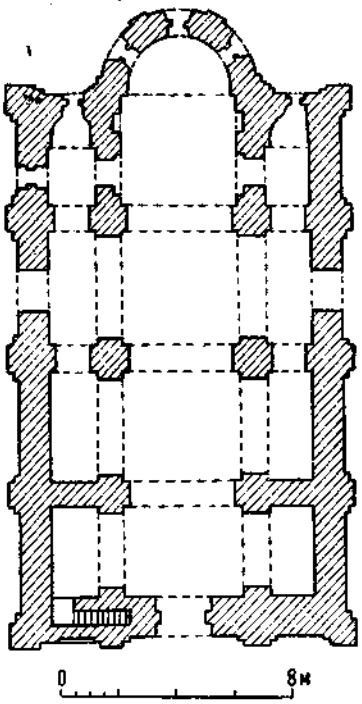


Рис. 95. Витебск. Церковь Благовещенья. План (по А. М. Павлинову).

Наибольший интерес представляет Евфросиньевский собор (до 1161 г.). Его вытянутый план (рис. 96 и 97) с шестью столбами и одной выступающей апсидой отдаленно напоминает церковь Благовещения в Витебске, однако вся конструкция здания подвергнута весьма своеобразной и определенной переработке. Прежде всего, значительно усилены все опорные части: утолщены стены, укрепленные, кроме того, лопатками смоленского типа (с полуколонной), столбы массивны. Это резкое увеличение прочности здания вызвано стремлением строителя возможно более вытянуть его массы кверху, придав им башнеобразный характер и сильное движение (рис. 98).

Центральная часть здания приподнимается над пониженным нартексом и алтарной апсидой; на ее сводах возведен четырехгранный постамент, обработанный по сторонам в форме трехлопастной арки; на нем возвышается стройный барабан главы. Ступенчатое нарастание масс здания особенно ярко выражено со стороны западного фасада. Перед нами один из ранних опытов подвергнуть коренному переосмыслению традиционную схему крестовокупольного храма с ее неподвижным и замкнутым «кубическим» объемом. Зодчий достигает задуманной цели, не боясь нанести определенный ущерб внутреннему пространству храма. При большом утолщении стен и столбов здания интерьер становится крайне стесненным: боковые нефы превращаются в узкие проходы, восьмигранная форма западных столбов почти не увеличивает пространства (рис. 99). К тому же на хорах появляются приделы в форме маленьких замкнутых молелен, что еще более загромождает внутренность храма.

Строителем Евфросиньевского собора был полоцкий зодчий Иоанн, приглашенный княгиней Евфросинией из полоцкого Бельчицкого монастыря. Борисоглебский храм этого монастыря (середина XII в.), сохранявшийся в руинах, очень напоминал по своему плану Евфросиньев собор и, весьма вероятно, имел подобную же композицию. Можно предполагать, что это была первая постройка зодчего, в которой он искал

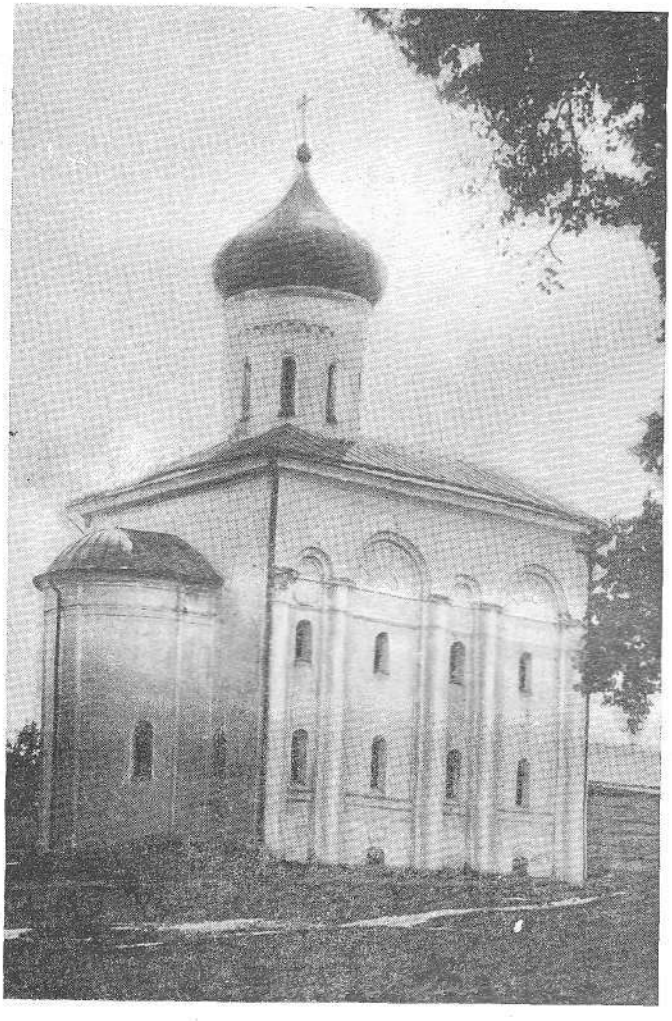


Рис. 96. Полоцк. Церковь Спасо-Евфросиньева монастыря. Общий вид (фотоархив ИИМК).

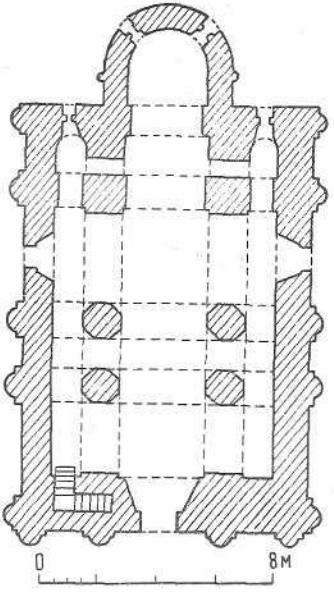


Рис. 97. Полоцк. Церковь Спасо-Евфросиньева монастыря. План (по А. М. Павлинову).

путей реализации того смелого замысла, который был повторен им в Евфросиньевом соборе. Ему же, видимо, принадлежит и малая Пятницкая церковь Бельчицкого монастыря, представлявшая небольшое продолговатое бесстолпное здание. Любопытно, что при всем своеобразии этих построек в них еще наблюдается стремление напомнить декоративный эффект

старой киевской «полосатой» кладки: поверхность стен церкви Бориса и Глеба имеет следы специальной подкраски, подражающей этой технике. Здесь же были открыты раскопками фундаменты третьего большого монастырского храма с притворами, напоминающими притворы Михаило-архангельской церкви в Смоленске.

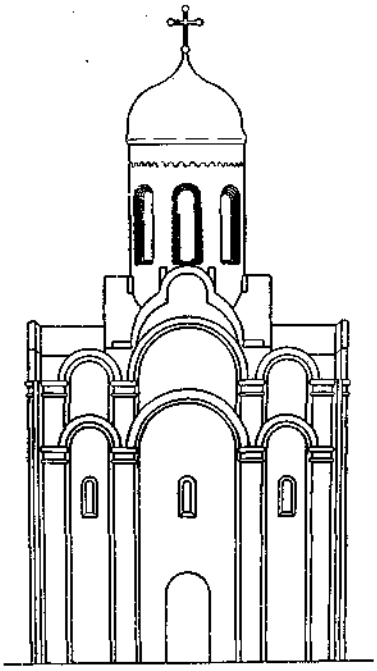


Рис. 98. Полоцк. Церковь Спасо-Евфросиньева монастыря. Реконструкция (по И. М Хозерову).

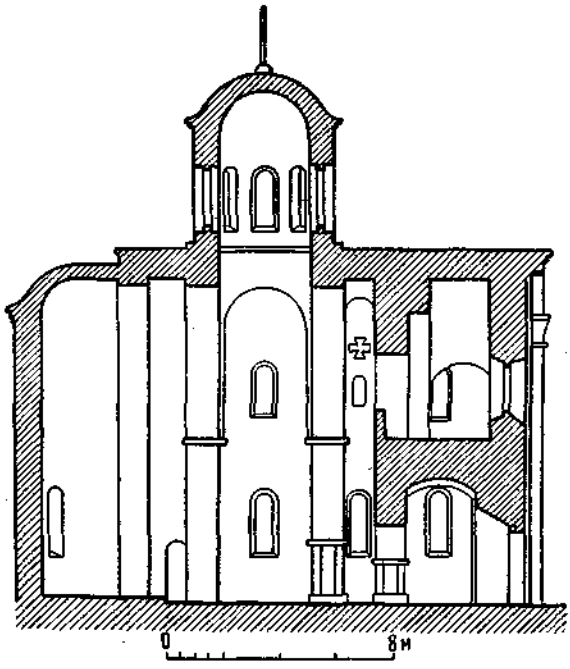


Рис. 99. Полоцк. Церковь Спасо-Евфросиньева монастыря. Разрез (по А. М. Павлинову).

При всей отрывочности наших знаний о полоцком зодчестве мы можем сказать, что и здесь в XII в. шла плодотворная творческая работа русских мастеров над развитием киевского архитектурного наследия, давшая свои оригинальные результаты. Полоцкий зодчий Иоанн один из первых подошел к осуществлению новой динамической и смелой композиции крестовокупольного храма, которая увлекает зодчих других областей и становится *общерусской* темой.

9

В 30—40-х годах XII в. Новгород превращается в вечевую республику. Местное новгородское боярство завладевает важнейшими звеньями политической власти, оттесняя князя на второй план. Упадок княжеской власти над городом

Рис. 100. Новгород. Николо-Дворищенский собор. Общий вид (фото Л. А. Мацулевича).

сказался, между прочим, и в том, что князья переселяются на Городище, подле которого возникают крупнейшие княжеские монастыри — Юрьев, а несколько позже —Спасо-Нередицкий.

С потерей власти князья теряют и свой храм — Софию. Новгородская София из княжеского храма, каким она была в XI в., становится храмом Новгородской республики. Есть основание думать, что именно с этим было связано и расширение храма в начале XII в., выразившееся в замене открытых галерей, окружавших его с трех сторон, двухэтажными папертями.

В течение первой трети XII в. новгородские князья, может быть учитывая непрочность своего положения в Детинце, возводят постройки на Торговой стороне.

Уже в самом начале XII в. князь Мстислав закладывает новый храм Николы на Ярославовом Дворище (1113). Николо-Дворищенский собор (рис. 100) представляет собой большую пятикупольную трехнефную постройку с хорами в западной части здания. В основе здания лежит уже знакомая нам схема киево-печерского Успенского собора. Плоские лопатки фасадов и традиционные декоративные пояса двухуступчатых ниш с полуциркульным верхом подчеркивают приверженность князя и зодчих к старым формам. Николо-Дворищенский собор был княжеским, придворным храмом; даже духовенство этой церкви было подчинено не архиепископу, а непосредственно князю; так, когда архиепископ Нифонт отказался из политических соображений обвенчать князя Святослава на новгородке, последний «веньцяся своими попы у святого Николы». Весьма вероятно, что хоры собора были связаны переходами с княжеским дворцом. Однако церковь Николы совершенно не похожа на те небольшие придворные княжеские храмы, которые описаны выше. Наоборот, как по размерам, так и по своим художественным особенностям Никольский собор стоит ближе к городским, столичным соборам XII в.

Через несколько лет после закладки Николо-Дворищенского собора, за городом, напротив новой княжеской резиденции — Городища, основывается новый княжеский Юрьев монастырь. Возникновение этого монастыря и его дальнейшая история тесно связаны с той политической ролью, которую приобретает Городище, ставшее в начале XII в. княжеской резиденцией и новым крупным центром политической жизни города. В 1119 г. князь Всеволод закладывает Георгиевский собор Юрьева монастыря (рис. 101). Летопись сохранила нам имя его строителя — русского мастера Петра. Георгиевский собор по своим размерам и строительному мастерству, несомненно, занимает первое место после Софии, явно конкурируя с ней. Храм сохраняет старую схему трехнефного шестистолпного собора, но гениальный русский зодчий достиг здесь поразительной художественной выразительности, доведя до предела лаконичность форм и строгость пропорций, придавших мощному телу собора характер монолитного, законченного целого. К северо-западному углу собора примыкает квадратная в плане башня с лестницей, ведущей на хоры. Асимметричное трехглавие увенчивает

храм. Реставрационные работы 1933—1935 гг., освободившие фасады собора от пристроек и искажений XIX в., позволили полностью восстановить его первоначальный внешний облик (рис. 102). Были открыты пояса двухуступчатых ниш с полуциркульным верхом, чередующиеся с поясами окон; в некоторых нишах сохранились фрагменты фресковой росписи. Древние порталы с полу-

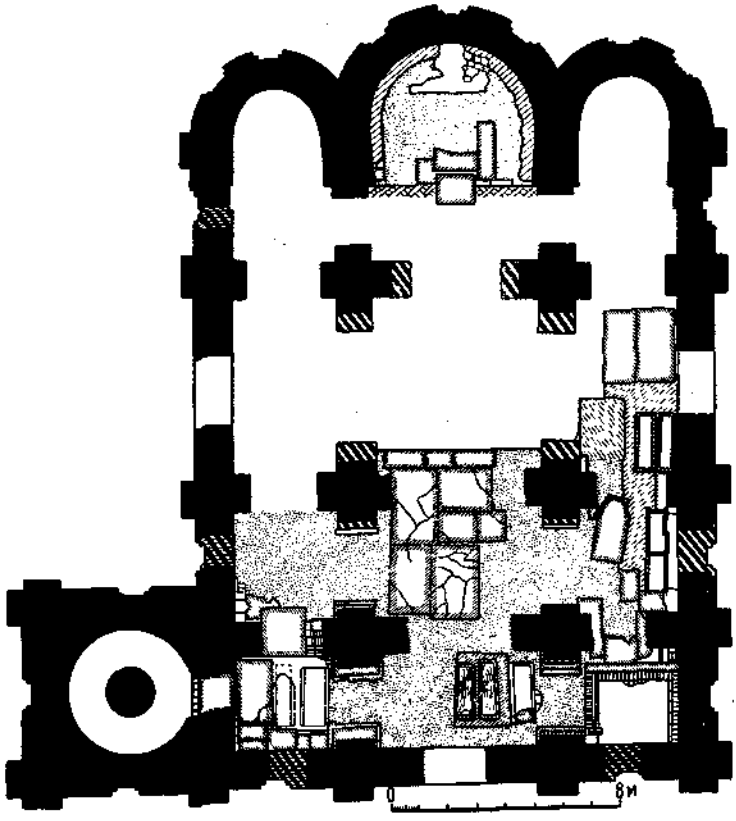


Рис. 101. Новгород. Георгиевский собор Юрьева монастыря. План (обмер М. К. Каргера).

циркульным верхом были обрамлены, как и окна собора, уступчатыми нишами. Все это свидетельствует, что, подобно Дворищенскому, Георгиевский собор несет на себе явную печать киевской художественной традиции. Княжеское строительство держалось в русле старых художественных форм, с которыми была связана прошлая история ослабевавшей княжеской власти в Новгороде.

Близкий по замыслу Георгиевскому собору храм Антониева монастыря (1117—1119), возможно, также принадлежал творчеству мастера Петра (рис. 103).

Вслед за постройкой собора Юрьева монастыря наступает резкий упадок княжеского строительства в Новгороде, что, несомненно, стоит в связи с превращением Новгорода в боярскую республику.

В чрезвычайно напряженной политической обстановке конца первой трети XII в. строятся два последних городских княжеских храма. Оба они заложены

Рис. 102. Новгород. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Общий вид после реставрации (фото М. К. Каргера).

князем Всеволодом незадолго до его политической катастрофы — церковь *Ивана на Опоках в 1127 г. и церковь Успенья на Торгу в 1135 г.* Оба эти памятника сохранились лишь в очень незначительной степени, позволяющей восстановить лишь их план, представляющий упрощение и сокращение схемы Николо-Дворищенского собора. Оставаясь шестистолпными зданиями, обе постройки лишены башен. Вход на хоры устраивается теперь в толще западной стены. Крестчатые столбы заменяются квадратными, фасадные обработки, судя по

сохранившимся нижним частям стен церкви на Опоках, ограничивались плоскими лопатками, выражающими внутренние членения здания.

После 1135 г. князья не выстроили в Новгороде ни одного здания. Даже в перестройке и укреплении стен и башен Детинца в течение XII—XIV вв. князья не принимают никакого участия. Летопись сообщает после 1135 г. всего

Рис. 103. Новгород. Собор Антониева монастыря. Общий вид.

лишь о трех фактах княжеского строительства, но не на городской территории, а исключительно на Городище. Кроме выстроенной князем Мстиславом в 1103 г. церкви Благовещения, князь Святослав Ростиславич выстроил в 1165 г. деревянную церковь Николы, смененную в 1191 г. деревянной же церковью того же имени. Нужно подчеркнуть, что обе церкви выстроены уже из дерева. Князья, начиная с XII в., чувствовавшие себя в Новгороде крайне непрочно, нередко

Рис. 104. Новгород. Церковь Спаса-Нередицы. *Общий вид* (фото М. К. Каргера).

сбегавшие с новгородского стола по собственному почину, а чаще изгоняемые вечем, не могли иметь стремления к крупным, многолетним по выполнению постройкам, а такие постройки, как София или Георгиевский собор, стали просто непосильными для казны новгородского князя.

Только при учете этих новых политических условий становится понятным последний памятник княжеского строительства в Новгороде — знаменитая церковь Спаса-Нередицы, выстроенная князем Ярославом Владимировичем в 1198 г. [1]

Церковь выстроена в придворном монастыре подле Городища. Князь Ярослав Владимирович не мог, да, видимо, и не стремился, дать в этой постройке хотя бы отдаленное напоминание грандиозного собора Юрьева монастыря, выстроенного

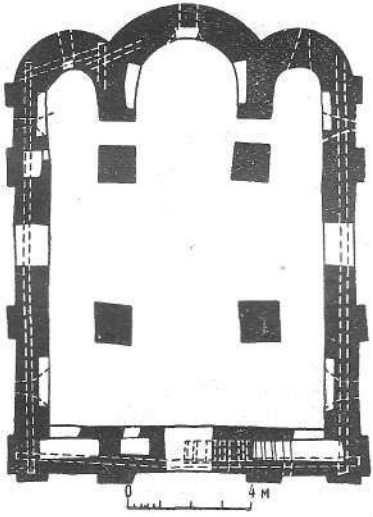


Рис. 105. Новгород. Церковь Спаса-Нередицы. План (по П. П. Покрышкину).

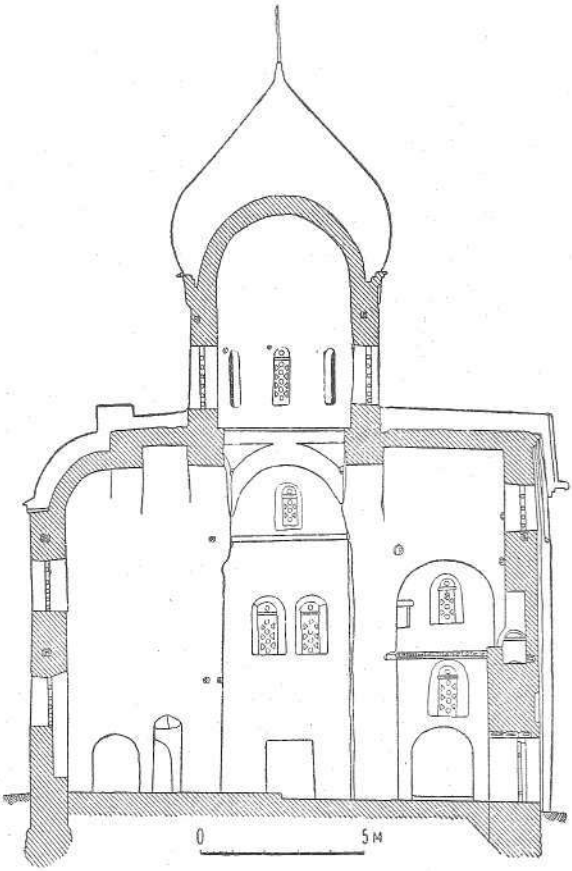


Рис. 106. Новгород. Церковь Спаса-Нередицы. Разрез (по П. П. Покрышкину).

тоже в качестве придворной церкви, но 80-ю годами раньше. Всем своим художественным обликом новый княжеский храм (рис. 104) связан с тем архитектурным стилем (о нем см. ниже), который был рожден новыми условиями периода феодальной раздробленности и разрабатывался в Новгороде в течение

[1] Этот выдающийся памятник был варварски разрушен фашистскими захватчиками.

Рис. 107. Новгород. Церковь Петра и Павла на Синичей горе. Апсиды (фото М. К. Каргера).

XII и XIII вв. По сравнению с грандиозными княжескими сооружениями XI и начала XII вв. церковь Спаса-Нередицы — очень маленькая, скромная постройка (рис. 105). Это небольшой храм кубического типа, почти квадратный в плане, с четырьмя столбами внутри, несущими купол. Узкий щелевидный ход в толще западной стены ведет на хоры, углы которых заняты небольшими приделами; только средняя бревенчатая часть хор открывается внутрь церкви. В отличие от высокого технического мастерства Софии и Георгиевского собора Юрьева монастыря Нередица не блещет геометрической четкостью линий и форм (рис. 106). Стены ее чрезмерно толсты, кладка груба, хотя и повторяет старую киевскую систему чередования слоев камня и кирпича на растворе извести с примесью толченого кирпича.

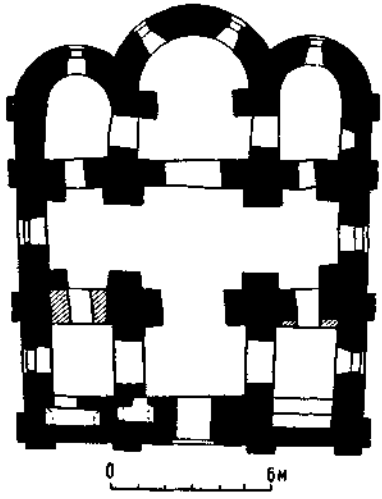


Рис. 108. Новгород. Церковь Петра и Павла на Синичей горе. План (обмер М. К. Каргера).

Упадок княжеского строительства, однако, ни в коей мере не является свидетельством упадка новгородской архитектуры второй половины XII в. Наоборот, именно ко второй половине XII и XIII вв. относится то бурное развитие строительной деятельности, о котором говорят почти ежегодные записи новгородских летописей и памятники которого в большом количестве сохранились до нашего времени как в самом Новгороде, так и в его пригородах (Старая Ладога, Старая Руса).

Теперь вместо грандиозных, но единичных храмов появляются небольшие по величине, но строящиеся в большом количестве. Они имеют обычно почти квадратный план, три апсиды с востока и четыре столба, поддерживающие купол; многокупольность, характерная для более раннего строительства, в новгородском зодчестве с конца XII и до начала XV в. совершенно неизвестна. Все части здания, кроме центральной, перекрыты коробовыми сводами, на которых лежит кровля, образующая с каждой стороны три полукружия (комары). Место пышных открытых хор в этих маленьких храмах занимают тесные закрытые камеры приделов, соединенных между собой небольшим деревянным помостом; приделы посвящаются фамильным патронам строителей храма, подчеркивая его частный, индивидуальный характер.

Первый дошедший до нас памятник нового стиля — церковь Благовещенья у деревни Аркажи под Новгородом, выстроенная в 1179 г., сохранилась только до половины; верхняя же часть ее стен и своды перестроены в XVI в., поэтому и ее восьмискатное покрытие отнюдь нельзя относить к древнейшей поре. Гораздо лучше сохранилась церковь Петра и Павла на Синичей горе, выстро-

енная в 1185—1192 гг. «лукиничами», т. е. уличанами Лукиной улицы (рис. 107 и 108). Будучи столь же типичным памятником, она имеет и характерные особенности: ее подкупольные столбы крестчаты в плане, на внутренней поверхности стен выступают мощные лопатки, церковь сложена из одного кирпича, древность которого не вызывает сомнения. Эти черты памятника объясняются воздействием смоленской архитектуры, следы которого встречаются в Новгороде и позже.

Церковь Уверения Фомы на Мячине озере, выстроенная в 1195—1196 гг., обычно привлекалась в качестве первого образца пониженных боковых апсид, что позже имело место в Нередице. Эта особенность не может быть принята во внимание, ибо от церкви XII в. сохранились лишь фундаменты; все остальное заново перестроено в XV в.

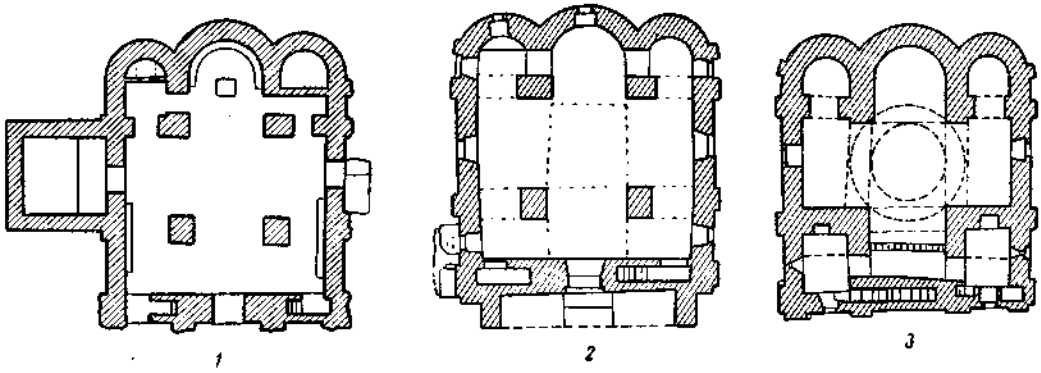


Рис. 109. Старая Ладога. *1* — безымянная церковь. План; *2,3*— церковь Георгия. Планы нижней части и на уровне хор (по Н. Е. Бранденбургу).

Церковь Кирилла в Кирилловском монастыре, заложенная (в 1196 г.) Константином и Дмитром, и церковь Ильи на Славне, заложенная в том же году Ерешей, сохранились лишь в нижних частях (церковь Кирилла до половины высоты, церковь Ильи—лишь в самой нижней части). Эти памятники теснейшим образом связаны с отмеченными выше памятниками городского строительства и особенно церковью Спаса-Нередицы.

Большое количество каменных храмов было выстроено в XII в. в Старой Ладоге; два из них сохранились полностью (церкви Георгия и Успения), два безымянных храма были открыты раскопками в конце XIX в. (рис. 109, *1*), третий — церковь Климента, выстроенная новгородским архиепископом Нифонтом в 1153 г.,— был раскопан в 1911—1912 гг. Церковь Георгия является одним из лучших по законченности форм и сохранности образцов новгородского зодчества второй половины XII в.— это одноглавый четырехстолпный кубический храм с тремя апсидами (рис. 109, *2, 3*). В углах хор помещаются маленькие замкнутые камеры приделов, соединенные между собой деревянным помостом.

От церкви Спаса в Старой Русе, выстроенной в 1198 г., сохранились лишь старые фундаменты и местами нижние части стен. Верхняя часть церкви выстроена вновь в XVI в., не говоря о других более поздних переделках.

Развитие нового стиля продолжается и в XIII в., как показывает сохранившаяся только в нижней части церковь Федора Стратилата на Софийской стороне в Новгороде, выстроенная в 1292—1294 гг.

Среди этих типических памятников новгородского зодчества XII—XIII вв. особое место занимает построенная новгородскими купцами церковь Параскевы Пятницы на Торгу (1207; рис. 110). К обычной четырехстолпной основе храма

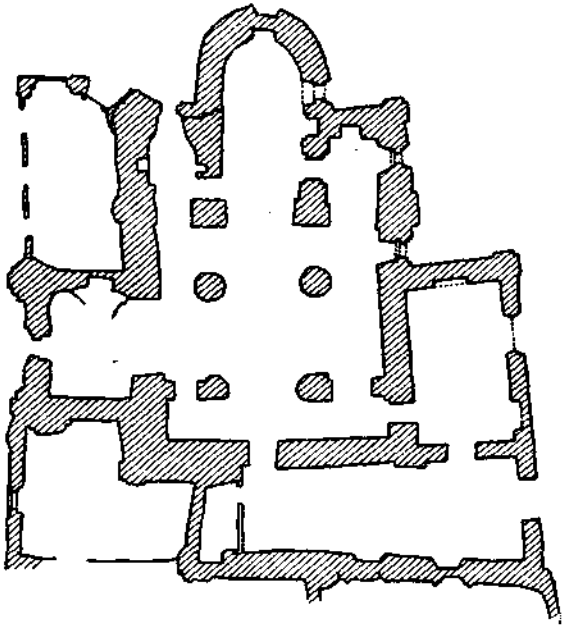


Рис. 110. Новгород. Церковь Пятницы. План.

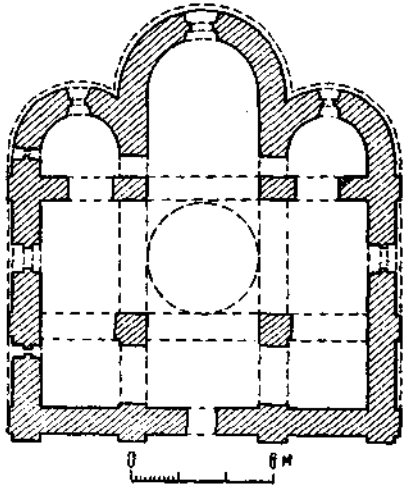


Рис. 111а. Псков. Собор Спаса в Мирожском монастыре. План (по А. М. Павлинову).

с трех сторон примыкают небольшие притворы, боковые апсиды прямоугольны, членящие фасады пилястры имеют сложный «пучковый» характер, наконец, есть основания предполагать, что фасады храма имели не обычное позакомарное, а трехлопастное покрытие, соответственно необычной системе сводов — полуциркульного в центре и в четверть окружности по углам. Все эти черты мы видели в Михаило-архангельской церкви в Смоленске. Очевидно, что смоленское зодчество конца XII — начала XIII вв. оказывало свое воздействие и на Новгород.

Резкий перелом в новгородской архитектуре XII в., который не мог не броситься в глаза при изучении перечисленных выше памятников, объяснялся

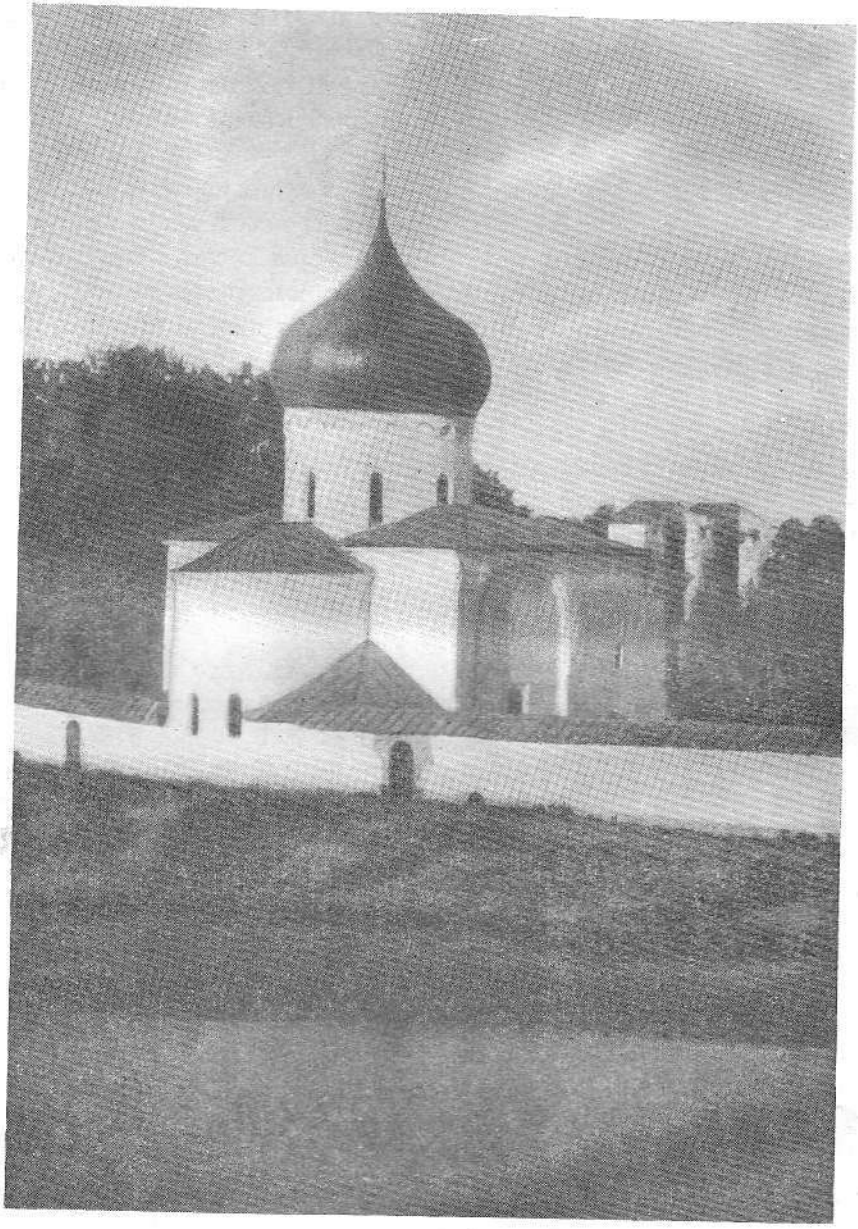


Рис. 111б. Псков. Собор Спаса в Мирожском монастыре — общий вид (фотоархив ИИМК).

в искусствоведческой литературе то влиянием климата, то влиянием «художественной воли» новгородского архиепископа Нифонта. Несостоятельность этих объяснений не нуждается в доказательстве. Как мы видели выше, этот «перелом» не является местным фактом истории новгородского искусства, но отражает общерусское изменение архитектурного стиля. Его особая выразительность в новгородских памятниках конца XII — начала XIII в. была связана с особым составом их строителей. Это были, с одной стороны, представители местного новгородского боярства, вышедшего победителем из борьбы с князем, развернувшейся в начале века; с другой стороны, среди строителей нельзя не заметить и более демократической прослойки, выступающей не только в лице неродовитых купцов и купеческих корпораций, но иногда и в лице городских общин (уличан). Этим была определена и судьба старой киево-византийской системы обработки фасадов — она уходит в прошлое. Архитектура приобретает ту суровую и вместе с тем интимную простоту, которая еще в большей степени выражается в новгородском зодчестве последующих столетий.

В середине XII в. начинается строительство и в Пскове, пока скромном новгородском пригороде. Здесь новгородский архиепископ Нифонт строит церковь Спаса в Мирожском монастыре (рис. 111*а* и 111*б*), значительно отличающуюся от новгородских храмов XII в. Церковь имела пониженные угловые части, благодаря чему все здание приобретало резко выраженный характер крестообразной постройки. Есть основания думать, что аналогичную своеобразную форму имела упомянутая выше построенная тем же Нифонтом ладожская церковь Климента.

К XII—XIII вв. относится большой шестистолпный собор Ивановского монастыря в Пскове, свидетельствующий о знании псковскими зодчими новгородских «образцов» — храмов мастера Петра; в отличие от последних Ивановский собор не имеет лестничной башни. Однако уже в конце XII в. псковские зодчие проявляют тенденцию к независимому от Новгорода пути художественного развития. Как позволяют заключать древние рисунки, изображающие псковский Троицкий собор (ок. 1193 г.; рис. 112), он представлял собой дальнейший шаг по пути русской переработки византийской крестовокупольной системы, начатой полоцким зодчим Иоанном (рис. 98). В нем были органически соединены композиционные принципы башнеобразного Спасо-Евфросиньевского собора с его трехлопастным постаментом под барабаном и прием высоких боковых притворов смоленского храма Михаила-архангела. Троицкий собор предопределяет последующее обособление псковского зодчества в своеобразную ветвь русской архитектуры XIV—XV вв.

Огромный размах строительных работ в Новгороде второй половины XII в., а также начало строительства в Пскове свидетельствуют о том, что с XII в. в Новгороде, несомненно, работало несколько местных строительных артелей. Летопись, скупая на имена зодчих и художников, тем не менее сохранила нам, кроме имени строителя Георгиевского собора — мастера Петра, еще имя Корова

Рис. 112. Псков. Троицкий собор (реконструкция Н. Н. Воронина).

Яковлевича с Лубяной улицы, выстроившего в 1198 г. церковь Кирилла в Кирилловском монастыре под Новгородом. Псков также к концу XII в. располагал, повидимому, своими мастерами.

10

Окончательное оформление Владимиро-Суздальской земли в самостоятельное феодальное княжество происходит в конце XI — начале XII в., являясь непосредственным результатом распада Киевской державы. При разделе феодальных владений между сыновьями князя Всеволода Залесье входит в состав вотчины Владимира Мономаха и его дома. В течение всего XI в. здесь идет острая социальная борьба, связанная с укреплением феодальных отношений; восстания свободных общинников-смердов, оформляющиеся как языческие движения под руководством волхвов, вызывают усиленную работу киевской церкви на севере и организацию местной епископии (епископы Леонтий и Исаия).

К концу XI и началу XII в. относятся и первые княжеские постройки в основных городских центрах края — Ростове и Суздале. Здесь, по словам письменных источников, Мономах построил большие городские соборы; образцом для них послужил собор Киево-Печерского монастыря, который был с этой целью обмерен. Раскопки Суздальского собора, открывшие основания мономахова здания, показали, что это был монументальный кирпичный шестистолпный собор с притвором и тремя апсидами, художественно и технически связанный с киевской строительной традицией (рис. 137); повидимому, собор и сооружался под руководством киевских зодчих. Постройки Мономаха на севере переносили киевское архитектурное наследие в новые феодальные центры, не подвергая его существенной переработке.

При Мономахе выдвигается новый город — а вскоре политический центр земли — Владимир на Клязьме, занимающий выгодное положение по отношению к старому Суздалю. Мономах превратил этот город в крупный военно-стратегический пункт, укрепив его мощными земляными валами с деревянными стенами. Рядом с крепостью был построен княжеский укрепленный двор с придворным каменным храмом Спаса.

Преемник Мономаха, князь Юрий Долгорукий, продолжал постройку новых княжеских городов-крепостей в важнейших районах края: в 1152 г. возникает город Переяславль-Залесский на берегу Плещеева озера, город Юрьев-Польской в центре «залесского» черноземного «ополья», далее — Дмитров и Москва.

С этими новыми княжескими городами связано и строительство каменных храмов, которые летопись перечисляет под 1152 г. Это — церкви Георгия во Владимире и Юрьеве, Спаса — в Переславле, Бориса и Глеба — на дворе Долгорукого в селе Кидекше под Суздалем. Сохранившиеся до нашего времени два последних памятника и вскрытые раскопками фундаменты церкви Георгия во

Владимере позволяют составить довольно полное представление об этих постройках. Все они одного типа и почти одних размеров (рис. 113). Это небольшие четырехстолпные храмы с одной главой, тремя апсидами и хорами внутри, т. е. здания того типа, который получил в это время большое распространение и в других феодальных центрах. Хоры, очевидно, связывались с жилыми зданиями двора системой переходов, о чем говорит заложенная дверь на хоры Переславского собора. Церковь служила и усыпальницей: в специальных стенных нишах (аркосолиях) полагались умершие члены княжеской семьи (церковь в Кидекше). Внутреннее пространство храма резко расчленено хорами, крестчатыми столбами и отвечающими им внутренними лопатками. Лопатки фасадов точно выражают конструкцию здания; оно массивно и характеризуется тяжелыми пропорциями. Его внешний облик суров и строг: в Кидекше лишь аркатурный пояс с каменным резным поребриком опоясывает здание на уровне хор (рис. 114), выше его стена утончается, завершаясь спокойными дугами закомарного покрытия. Порталы, вводящие с трех сторон в храм, также предельно просты: прямоугольные выступы косяка переходят без капителей в полуциркульные архивольты.

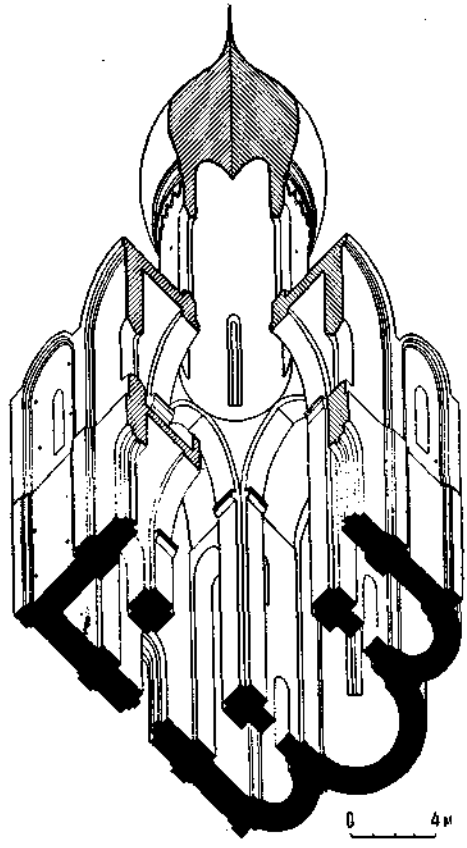


Рис. 113. Переяславль-Залесский. Спасский собор. Аксонометрия (обмер Г. Ф. Корзухиной).

Все храмы Долгорукого построены из тесаного белого камня с заполнением внутренней полости стен и столбов бутом, залитым известковым раствором. Эта техника придавала постройкам особую геометрическую правильность, а белый камень позволял применять в убранстве фасадов резьбу. Белокаменная кладка, не известная в киевском зодчестве, равно как применение в обработке фасадов здания аркатурного пояса с поребриком и перспективных порталов известны нам из архитектуры Галича XII в. (см. выше). Повидимому, строительство Юрия и было проведено силами зодчих, работавших до того в Галиче.

Суровая мощь и лаконичная простота этих древнейших памятников владимиро-суздальского зодчества, похожих скорее на крепостные сооружения, чем

на храмы, с большой силой воплощают дух своего времени, полного военных тревог и напряжения нескончаемых походов Юрия Долгорукого. Его строительство еще не ставит перед собой сложных идеологических задач; оно удовлетворяет практической потребности обеспечить небольшими храмами новые княжеские городки и пригородные имения.

Рис. 114. Кидекша. Церковь Бориса и Глеба.
Общий вид (фото Н. Н. Воронина).

Последующие судьбы владимирского зодчества связаны неизменно с княжеским заказом. Архитектура становится сильнейшим орудием княжеской политики, направленной на усиление могущества Владимиро-Суздальской земли и власти ее князей, пытающихся, опираясь на горожан, вступить в борьбу с феодальным дроблением Руси.

Сын Долгорукого, князь Андрей Боголюбский, окончательно порывает с Киевом и переходит на север. Владимир становится княжеской столицей, отодвигая на второй план Суздаль и Ростов. Подобно тому, как столетием раньше Ярослав Мудрый, поднимая значение Киева, начал грандиозное строительство,

так теперь северная столица, претендовавшая стать центром Руси и заменить Киев, пышно обстраивается князем Андреем. Город переживает период бурного роста. По сторонам Мономаховой крепости с востока и запада вырастают новые оборонительные линии земляных валов, ограждающих с востока — посад, с запада — княжескую аристократическую часть (см. т. I, рис. 123). В последнюю

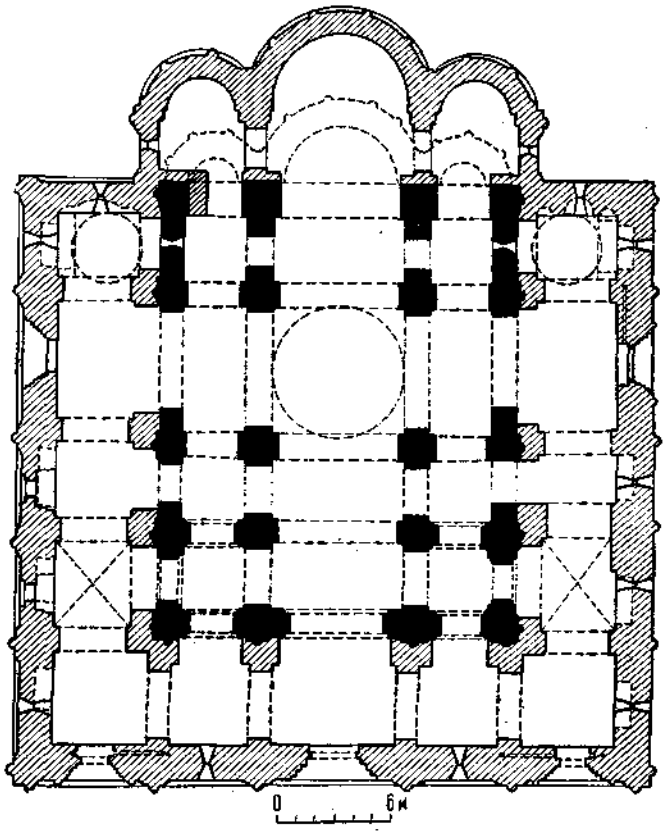


Рис. 115. Владимир. Успенский собор. План (по И. Карабутову).

вводили построенные в 1164 г. торжественные белокаменные ворота, носившие название (по оковке золоченой медью дубовых полотнищ ворот) «Золотых» (см. т. I, рис. 276 — 278). Симметрично Золотым воротам на восточном конце города помещались каменные Серебряные ворота. Остальные ворота были деревянными; деревянными были также укрепления, шедшие по гребню валов.

Одновременно с большим крепостным строительством в столице велась постройка Боголюбовского замка и ряда храмов, в том числе большого

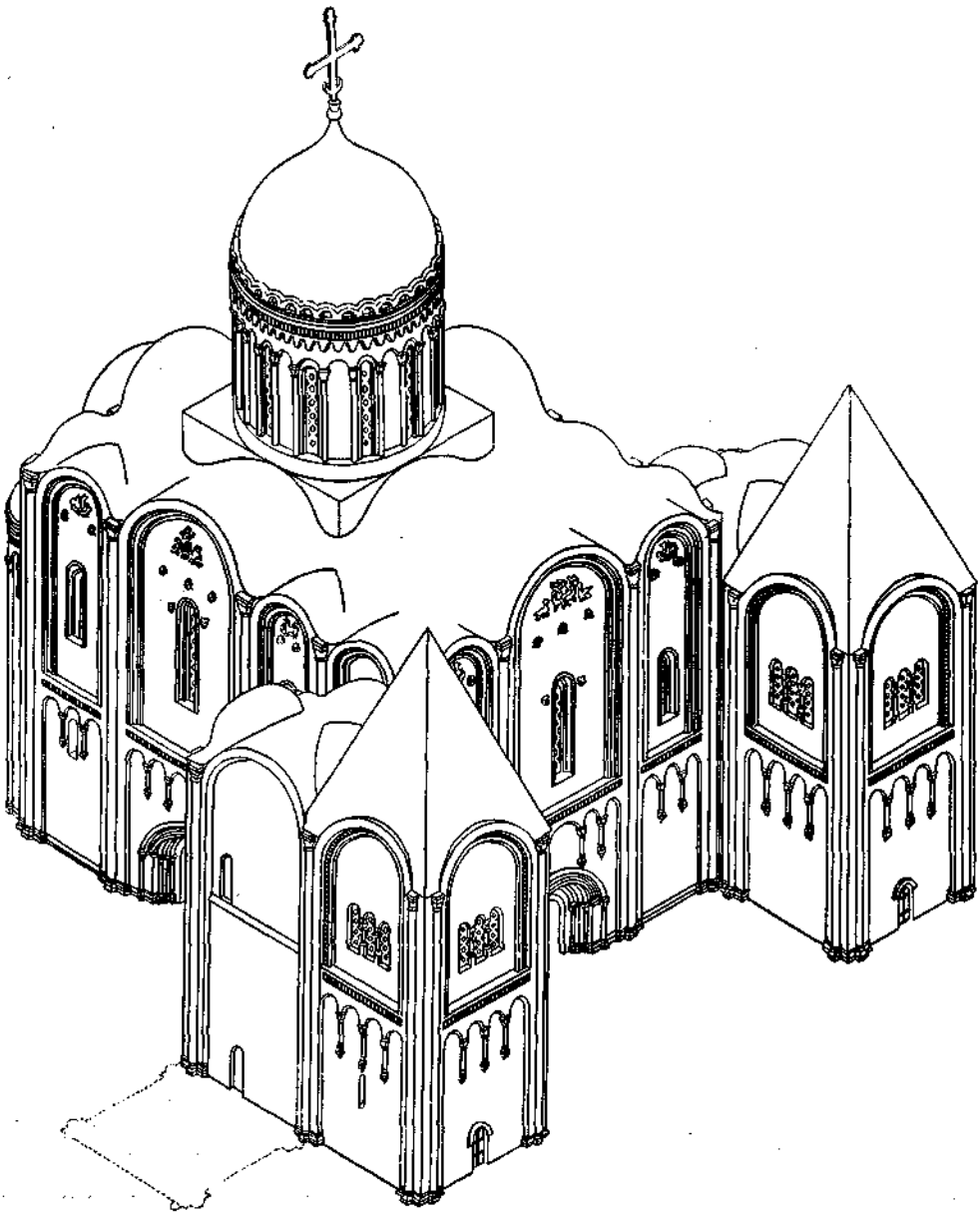


Рис. 116. Владимир. Успенский собор. Реконструкция первоначального вида (по Н. Н. Воронину).

Успенского собора во Владимире. Все это напряженное строительство охватывает сравнительно небольшой период—с 1158 по 1165 г. В нем участвуют, наряду с пришлыми мастерами, многочисленные кадры строителей различных профессий из среды владимирских горожан, получающие здесь большой практический опыт и первоклассную художественную и техническую выучку. Напряженная атмосфера идейной церковной и политической борьбы, связанной с ростом нового феодального центра и усилением княжеской власти, претендующей подчинить себе и объединить другие княжества Руси, накладывает свой отпечаток и на архитектуру, сообщая ей предельную заостренность и выразительность.

Большой Успенский собор во Владимире (1158—1161; рис. 115) следует обычной в то время схеме шестистолпного городского собора. Поставленный на краю

Рис. 117. Владимир. Дмитриевский собор. Львы в пятах арок (фотоархив ИИМК).

высокого городского холма, круто обрывающегося к реке, белокаменный храм с его сверкавшей золоченой медью главой господствовал над городом и был виден с далеких речных путей. Он был окружен постройками епископского двора; две лестничные башни вводили с севера и юга на его хоры (рис. 116). Строители сознательно и с большим художественным тактом связывали эту центральную постройку города с его живописным природным и архитектурным ландшафтом. Пропорции храма становятся более легкими, что особенно ощущается внутри здания, насыщенного богатейшей утварью и тканями и покрытого сплошной фресковой росписью. Развивается убранство фасадов; скромный арочный поясок сменяется богатым аркатурно-колончатым поясом с «кубоватыми» капителями; фресковые изображения святых между колонок превращают пояс в красочную ленту, охватывающую собор (рис. 183). Верхние части стен над поясом получают скульптурное убранство в виде резных из камня масок, фигур зверей, птиц и отдельных композиций. Отдельные детали обиваются золоченой медью. Резные львы в пятах арок внутри собора свидетельствуют о принадлежности собора князю (рис. 117). При всем богатстве убранства здания, его конструктивная ясность нисколько не нарушается; декоративная живопись, скульптура и металло-пластика целиком подчиняются архитектурному замыслу. Великолепие и драгоценное убранство нового величественного храма прекрасно

удовлетворяло замыслам князя — собор предназначался стать центром самостоятельной, не зависимой от Киева митрополии.

В этой связи владимирские церковники предприняли большую работу по созданию местных реликвий. Главной «святыней» собора и Владимирской земли стала «чудотворная» икона богоматери. Ее культ был особенно развит,— она изображалась как покровительница княжеской политики, стольного Владимира и владимирских «людей». Ей посвящались новые храмы и был установлен новый праздник «покрова богородицы». В честь этого праздника и была построена церковь Покрова на Нерли под Боголюбовским замком (1165; рис. 118 и 119), являющаяся единственным сохранившимся почти без искажений памятником андреевского строительства и лучшим произведением княжеских мастеров. Зодчие этого храма нашли изысканные пропорции, позволившие при сохранении старого типа четырехстолпного храма придать его массам исключительную стройность, легкость и вертикальную устремленность (ср. типологически тождественную церковь Бориса и Глеба в Кидекше). Внутри это достигается удачно найденным соотношением высоты и ширины арочных пролетов между столбами и стенами (рис. 120), снаружи это подчеркнуто более легкой формой алтарных апсид, с тонкими полуколонками, сложными многообломными пилястрами с приставной колонкой, создающими пучки влекущих глаз кверху вертикалей. Сама поверхность стены разбивается игрой светотени от выступающих деталей и рельефов, становясь как бы иллюзорной. Резные камни на всех трех фасадах расположены по одной схеме (рис. 121). Центр фасадной композиции занимает изображение библейского царя Давида, окруженного символическими фигурами птиц и львов, а в боковых закомарах изображены грифоны, терзающие ягненка. Проходящий через все три фасада фриз женских масок связан с посвящением храма богородице. Гармоничность форм и утонченность образа ставят храм Покрова на Нерли в первый ряд шедевров русского и мирового зодчества.

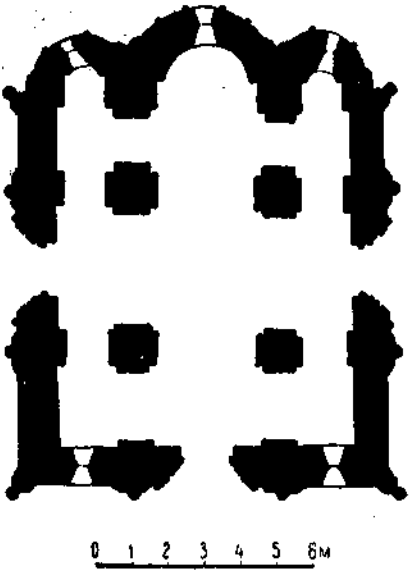


Рис. 118. Церковь Покрова на Нерли. План (обмер Г. К. Патрикеева и Н. Н. Устинова).

Летопись, рассказывая о постройках князя Андрея и описывая их невиданную красоту и декоративное богатство, объединяет в одно целое постройки во Владимире и Боголюбове. И действительно, они обнаруживают много общих черт.

Боголюбовский замок, его дворец и собор строятся в тот же период (1158—1165) и, несомненно, одними и теми же зодчими. Сохранившиеся

части зданий, дополняемые данными раскопок (1934—1938), позволяют в общих чертах реконструировать его ансамбль (рис. 122). Замок, подобно городу Владимиру, располагался на высоком берегу Клязьмы и был огражден земляными валами с деревянными и каменными укреплениями на них. Он запирал выход от Суздаля по Нерли и Клязьме и являлся важнейшим стратегическим пунктом в системе княжеских городов. В то же время замок был почти постоянной княжеской резиденцией, и на это было обращено едва ли не главное внимание строителей, создавших чрезвычайно пышный комплекс княжеского дворца.

Дворцовый ансамбль представлял собою сложное и живописное сочетание ряда зданий. Его центральной частью является дворцовый собор; к северу от него размещался не сохранившийся до нашего времени каменный дворец, связанный с хорами собора каменным же монументальным переходом. Нижняя часть перехода была прорезана двумя арками — пешеходной и проездной; в прямоугольном пилоне между ними было небольшое помещение, предназначенное, вероятно, для дворцовой стражи («сторожи дворные»). На переход вводила винтовая лестница в квадратной башне, связывавшейся с собором новым звеном перехода на арках. Как показали раскопки, и с южной стороны к собору примыкал подобный же переход со второй башней — он соединял комплекс с замковой крепостной башней, расположенной на склоне городского холма.

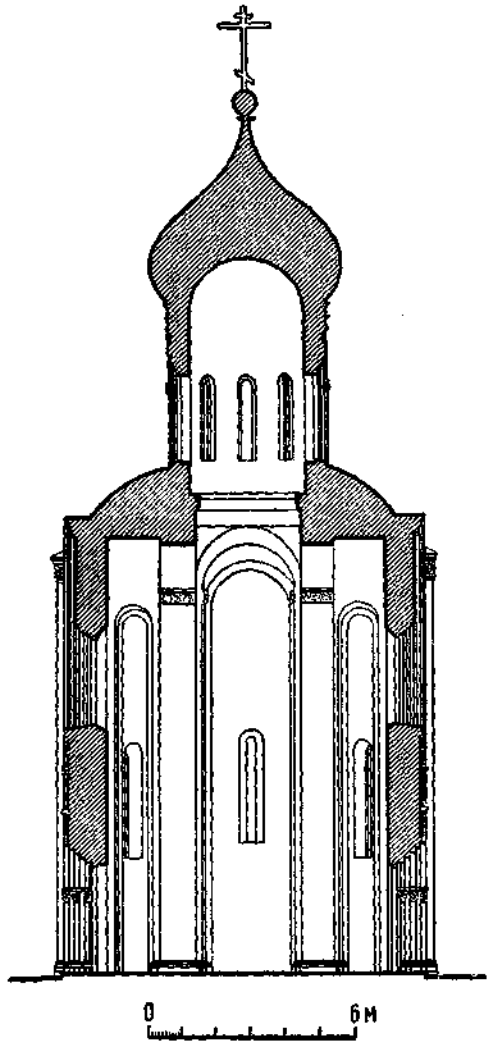


Рис. 120. Церковь Покрова на Нерли. Разрез (обмер Г. К. Патрикеева и Н. Н. Устинова).

Все эти здания живописно располагались по южному краю города, обращаясь своей восточной стороной к речной пристани, куда открывалось широкое тройное окно и вход лестничной башни. Западной стороной здания выходили на

Рис 119. Церковь Покрова на Нерли. Общий вид.

дворцовую площадь и объединялись горизонталями аркатурно-колончатых фризов; в обработке фасада перехода между пешеходным и проездным пролетами была применена глухая арка; в убранстве, наряду с рельефами, была допущена и круглая скульптура (рис. 123). Архивольты и резные детали, как и во владимирском Успенском соборе, были окованы золоченой медью; арки и своды проходов были покрыты орнаментальной фресковой росписью. Переходы, вероятно,

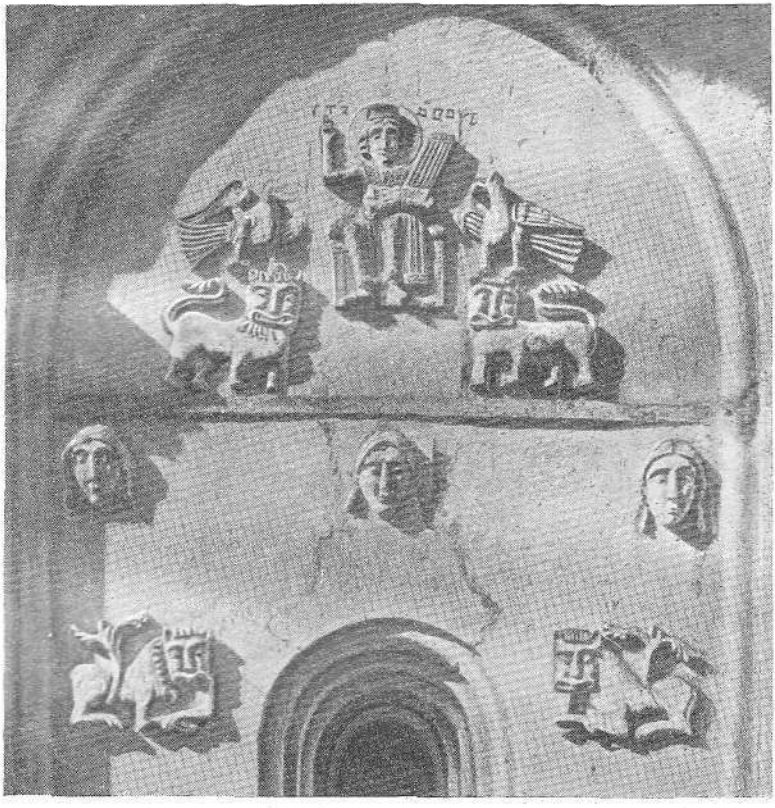


Рис. 121. Церковь Покрова на Нерли. Рельефы.

были крыты на два ската; лестничные башни, возможно, завершались четырехгранными шатрами, подобно башням крепостных стен и вышкам теремов. Несомненно, в тех же формах был выдержан и сам княжеский каменный дворец, бывший по меньшей мере двухэтажным. Вся площадь замкового двора была выровнена и выстлана белокаменными плитами; тесанные из камня водостоки отводили атмосферные осадки к склону замковой горы.

Характер придворного собора (рис. 125) определялся его особым назначением обслуживать узкий круг обитателей замка — князя и его приближенных;

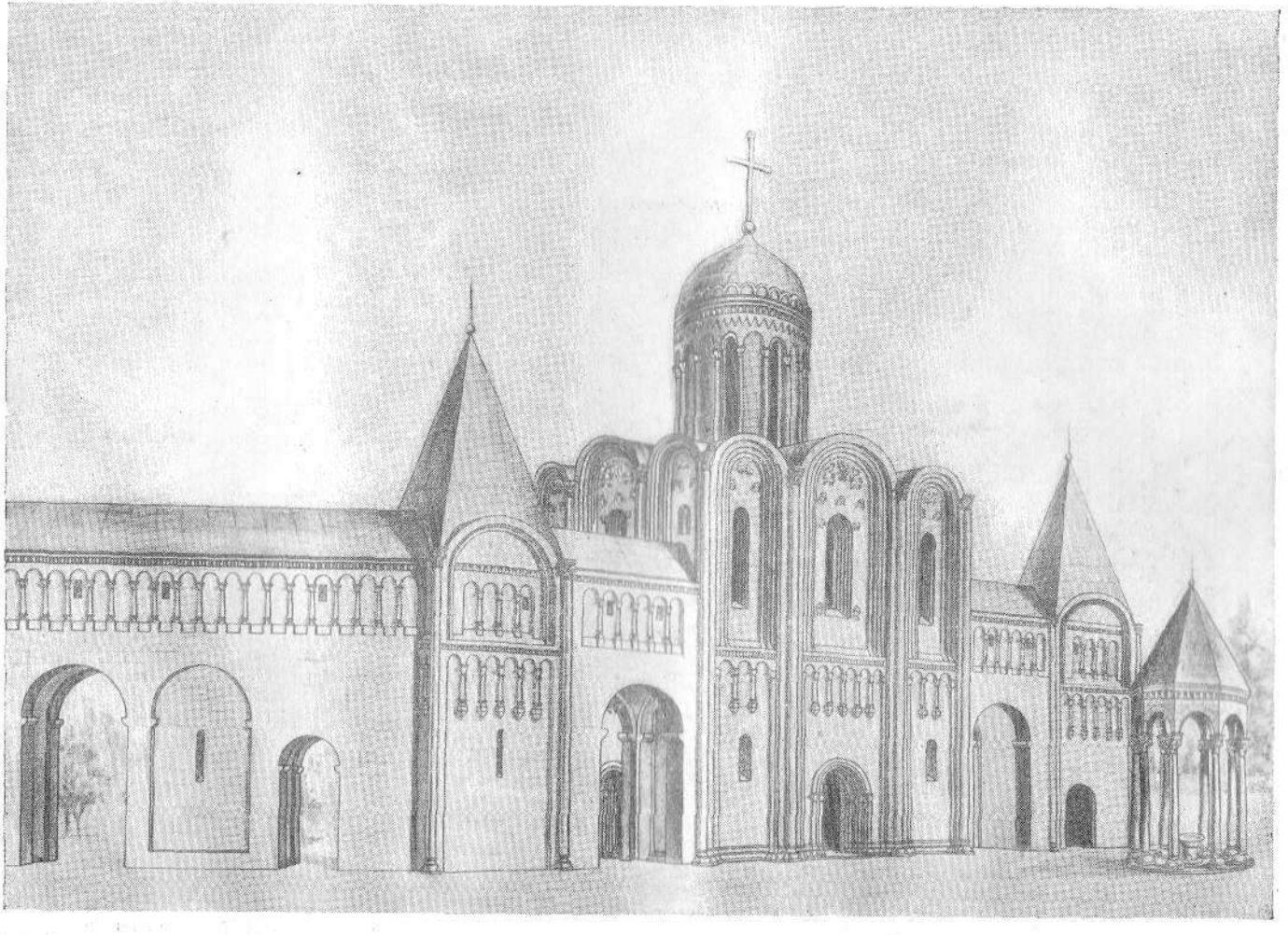


Рис. 122. Боголюбовский дворец (реконструкция Н. Н. Воронина и Л. Н. Лебедева).

на хоры храма, по словам летописи, князь вводил также купцов и послов из соседних языческих стран, с латинского запада и из Византии — «да видять истиньное хрестьянство и крестяться»; ослепительная пышность и богатство княжеского храма выразительно свидетельствовали о силе и мощи северного князя. Внутреннее пространство собора, по сравнению с постройками Юрия, приобрело более просторный и торжественный характер — круглые колонны с базами аттического профиля и резными капителями заменили крестчатые пилоны; своды хор были несколько приподняты; легкая белокаменная преграда, завершавшаяся, вероятно, сквозной аркадой, отграничивала алтарь. Так была

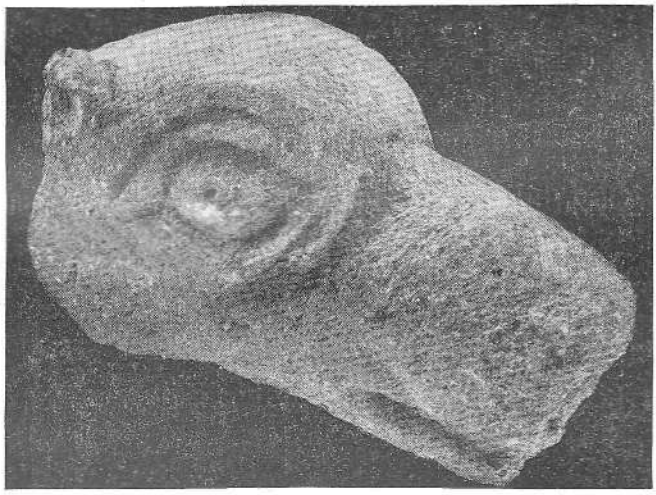


Рис. 123. Боголюбовский дворец. Резная голова зверя (раскопки Н. Н. Воронина).

переосмыслена обычная схема придворного храма. Стены и своды собора покрывала фресковая роспись, колонны были расписаны под сероватый мрамор; пол хор был устлан цветными майоликовыми плитками (рис. 124), а пол самого храма, покрытый толстыми плитами красной меди, походил на золотой. Описываемые летописью пышные облачения, утварь из золота и серебра, осыпанная драгоценными камнями, довершали общий художественный эффект здания. Обработка фасадов собора была в общем близкой церкви Покрова на Нерли и владимирскому Успенскому собору.

Перед окованным золоченой медью западным порталом собора на замковой площади стояла на трехступенчатом пьедестале большая каменная водосвятная чаша (рис. 126). Восемь стройных круглых колонн с мощными базами и изящными лиственными капителями несли восемь арок, поддерживавших восьмигранный шатер кивория.

Рис. 124. Боголюбовский дворец. Майоликовые плитки пола (раскопки Н. Н. Воронина).

Так выглядел пышный ансамбль Боголюбовского замка в его центральной части. Вокруг располагались хозяйственные и служебные постройки: казна, погреба, конюшни, склад оружия и т. п. По своему культурно-историческому и историко-художественному содержанию Боголюбовский замок не уступает современным ему западноевропейским замкам, отличаясь от них своеобраз-

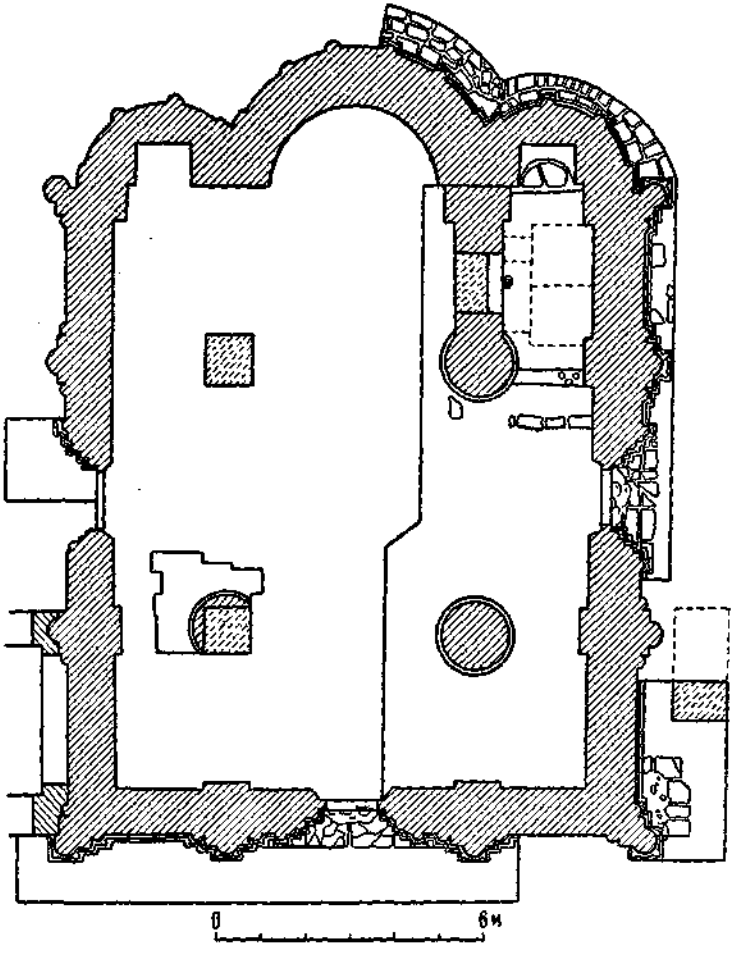


Рис. 125. Боголюбовский дворец. Собор. План (раскопки и обмер Н. Н. Воронина).

ным решением и красотой ансамбля, определенного местными условиями и разработанной русским зодчеством системой жилого комплекса (см. т. I, гл. 4).

Резьба по камню, применяемая в декорации всех построек времени князя Андрея, характеризуется высоким округлым рельефом; в этом отношении

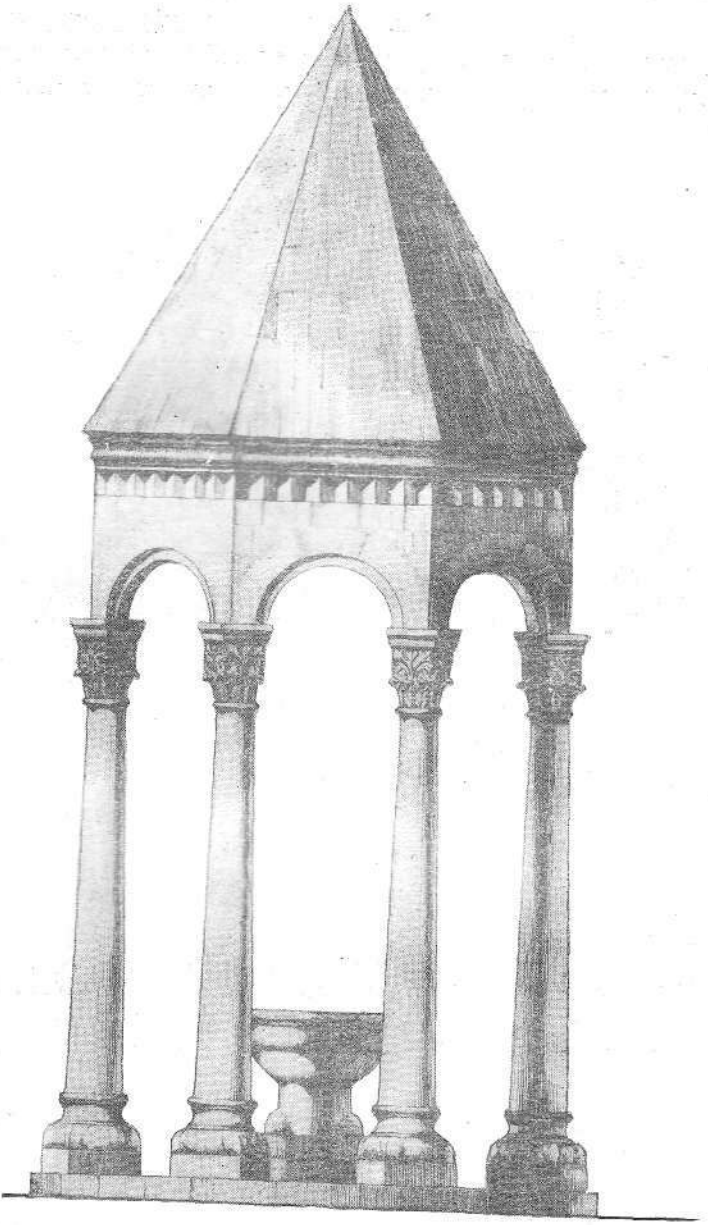


Рис. 126. Боголюбовский дворец. Киворий (реконструкция Н. Н. Воронина и Г. К. Патрикеева при консультации проф. Н. Б Бакланова).

показательна резьба лиственных капителей, напоминающая сочностью и скульптурностью листьев далекие античные протооригиналы, переработанные средневековыми мастерами (рис. 127).

Одним из главнейших результатов андреевского строительства явилось образование сильной школы владимирских зодчих и мастеров различных строительных профессий. Здесь были каменотесы, резчики по камню и металлу, медники, керамисты и живописцы. Несомненно, русские мастера

Рис. 127. Фрагменты капителей владимирского Успенского собора (Государственный Исторический музей; фото Н. Н. Воронина).

Рис. 128. Знак княжеского мастера на камне кивория (фото Н. Н. Воронина).

строили в 1164 г. Золотые ворота города Владимира; княжеский знак на одном из камней ворот позволяет заключить о зависимости мастеров от князя и образовании при его дворе постоянных кадров строителей. Такой же знак на пьедестале боголюбовского кивория (рис. 128) показывает, что и в этой, наиболее необычной для русского зодчества, постройке участвовал владимирский княжеский мастер.

Зодчие князя Андрея подняли владимирскую архитектуру на новую, более высокую ступень. Их творчество включалось теперь в сложную совокупность средств идейно-политической борьбы, и созданные ими здания служили одним из сильнейших орудий пропаганды величия и могущества владимирских

князей и развитого в это время церковниками культа богородицы. Старые схемы крестовокупольных храмов наполняются новым художественным смыслом, выраженным в изысканности пропорций здания, красоте его интерьера, своеобразии и красочности декоративной обработки. В композиции храма с башнями ясно сказывается интерес к образам киевской архитектуры XI в., желание напомнить центральный храм Киевской Руси — Софию. Особого развития достигает в зодчестве мастеров Андрея монументальный дворцовый ансамбль, который восходит в своей основе к композиции деревянных русских хором с их сенями и переходами. Глубоко захватывая и совершенствуя весь прошлый художественный опыт русского зодчества, архитектура времени Боголюбского использует и некоторые детали западной романской архитектуры. Этим как бы подчеркивалась необязательность старой киево-византийской традиции и право русского искусства на самостоятельный путь развития.

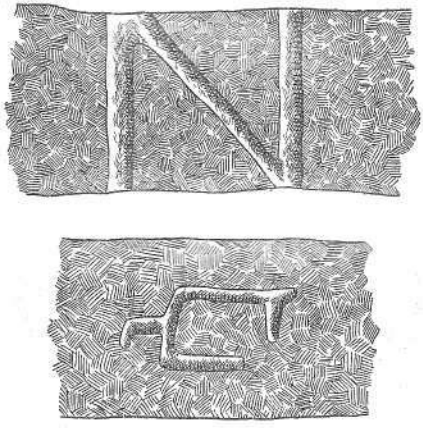


Рис. 129. Знаки на кирпиче XII в. (раскопки Н. Н. Воронина во Владимире).

При преемнике князя Андрея — Всеволоде III (1177—1212) летописец мог со справедливой гордостью заявить о полной художественной и технической самостоятельности владимирского зодчества. Всеволод уже «не искал мастеров от немец»; этот же летописный текст уже вполне определенно указывает далее на феодальную зависимость русских мастеров от князя и церкви. Вместе с этим развивается и обогащается строительная техника; наряду с белокаменной кладкой, в конце XII и начале XIII в. входит в обиход кладка из кирпича. Кирпич производился тут же на месте, знаки на нем (рис. 129), подобно смоленским и черниговским, свидетельствуют о местном развитии и этого ремесла. Кирпич применялся преимущественно для построек гражданского характера; судя по данным раскопок, дворец Всеволода во Владимире был частью кирпичным, кирпичным же был собор Успенского «княгинина» монастыря во Владимире (1201).

Напряженная борьба общественных сил, наполнявшая княжение Андрея и завершившаяся его гибелью, сменяется при Всеволоде относительным спокойствием. Всеволод подчиняет своей власти наиболее непримиримых внешних врагов. Общерусский авторитет владимирского князя неизмеримо возрастает. Владимирский летописец именует Всеволода «великим», его огромная военная мощь находит высокую оценку в Слове о полку Игореве. Упрочивается и внутреннее положение княжеской власти,— громя оппозиционные выступления недоволь-

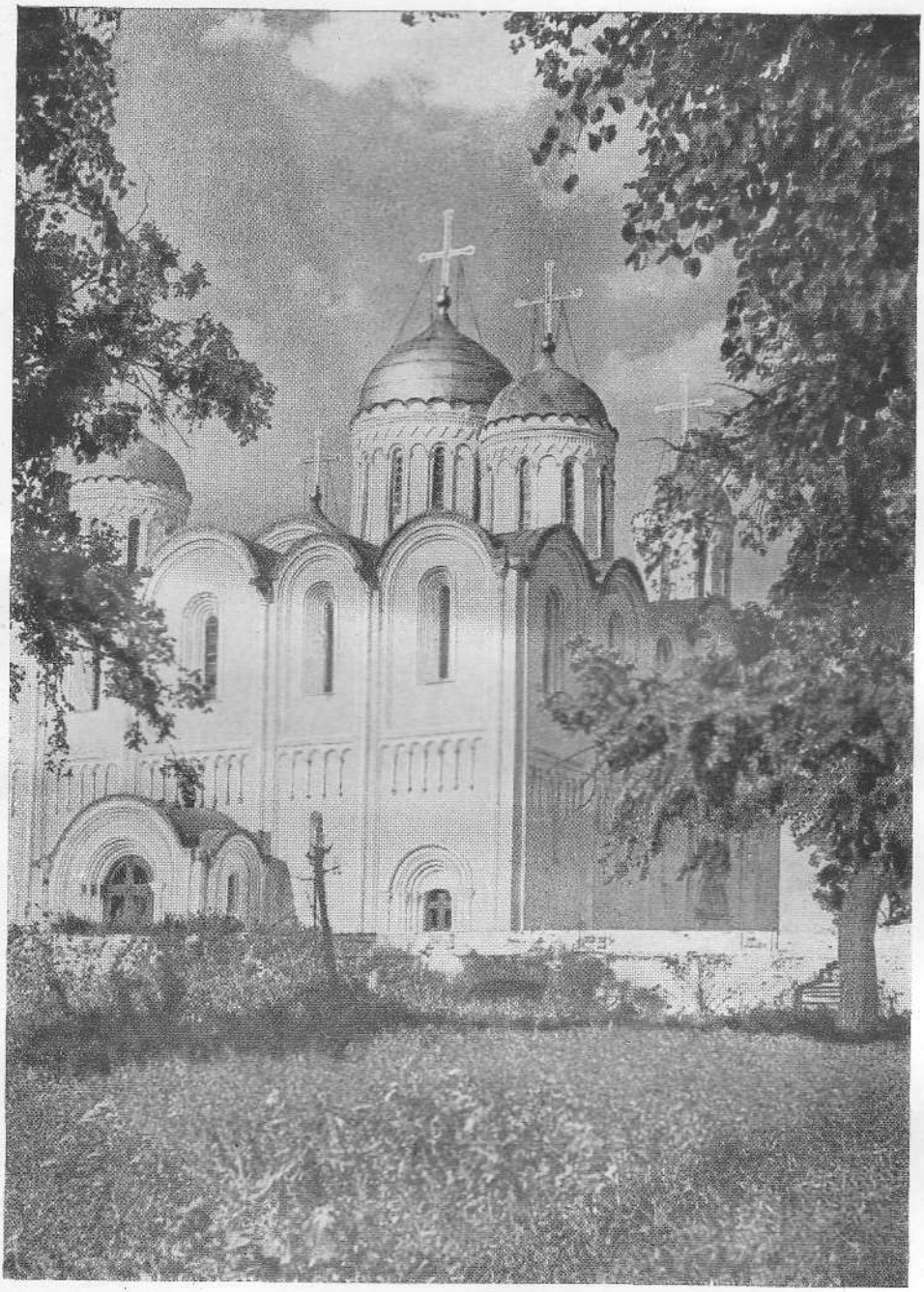


Рис. 130. Владимир. Успенский собор. Общий вид
(фото Упр. по делам архитектуры РСФСР).

Рис. 131. Владимир. Дмитриевский собор. Общий вид.

ной боярской знати, Всеволод в то же время ограничивает политическое значение горожан Владимира, переносит в Средний город беспокойный владимирский торг и возводит укрепления Владимирского детинца (1194—1196). Его каменные стены (см. т. I, рис. 279) оградили княжеский и епископский дворы в южной части Среднего города, открываясь на городскую площадь каменными боевыми воротами, представлявшими, как показали раскопки 1936—1937 гг., упрощенное повторение владимирских Золотых ворот. На их верхней площадке помещалась епископская церковь Иоакима и Анны, отличавшаяся пышным внутренним и наружным убранством.

Княжеские и епископские зодчие, продолжая работать по княжескому заказу, украшают столицу новыми прекрасными постройками. Как и при Андрее Боголюбском, владимирские мастера с большой выразительностью и наглядностью воплощают в своих произведениях новые вкусы и идеи времени «великого Всеволода», мысль о торжестве его власти, о ее царственном могуществе.

Наиболее крупной работой, выпавшей на долю мастеров Всеволода, было восстановление пострадавшего во время городского пожара владимирского Успенского собора (1185—1189). Старый собор был обнесен с трех сторон галереями (рис. 115), связанными с его стенами арками. Арочные проемы в старых стенах превратили их как бы во внутренние столбы. Алтарная часть была сломана и заменена более обширной, причем получилось несоответствие апсид трем средним нефам. Собор превратился в величавое пятинефное сооружение. По его углам были поставлены еще четыре главы, и собор стал пятиглавым; при этом верх здания получил ступенчатое построение, так как своды галерей Всеволода были понижены и над ними выступали закомары старого Андреевского собора (рис. 130). Галереи были предназначены стать усыпальницей княжеского рода,— в стенных аркосолиях были поставлены гробницы, бывшие до этого в старом соборе.

Русские мастера прекрасно справились со сложнейшей в художественном и техническом отношении задачей, слив обстройки в единое целое со старым зданием и создав, по существу, новый грандиозный собор. Своими масштабами, широтой и величавостью мощных пропорций новый храм прекрасно отвечал властным притязаниям Всеволода III на руководство жизнью всей Руси. Собор его столицы стремился соперничать с храмами древнего Киева и крупнейшими постройками других феодальных столиц.

Характерно, что Успенский собор был задуман без включения в убранство его фасадов резного камня, на его стены попали лишь случайные рельефы с Андреевского собора. Подобной же строгостью и даже скупостью был отмечен собор княжеского Рождественского монастыря во Владимире. В этом можно видеть отрицательное отношение к скульптурной декорации со стороны духовенства, несомненно усматривавшего в ней напоминание о языческой скульптуре, Успенский же собор был центральным епископским храмом.

Построенный неподалеку от Успенского собора Дмитриевский собор — дворцовый храм княжеского двора в Детинце (1194—1197; рис. 131)—еще ярче и сильнее выразил дух своего времени. Типичная схема четырехстолпного храма, такая же, как и в постройках Долгорукого и как в Покрове на Нерли, наполнена здесь новым содержанием. Прежде всего изменились пропорции здания. По сравнению с суровой неподвижностью храмов Юрия, с легкой стройностью и устремленностью ввысь церкви Покрова на Нерли, дворцовый собор Всеволода характеризуется мужественной слаженностью и царственным спокойствием членений. Иной характер приобрело и внутреннее пространство здания; вместо устремленных вверх узких арочных пролетов, характерных для церкви Покрова на Нерли, здесь царит торжественный и спокойный ритм широких арок, величественное и неподвижное пространство великокняжеского храма. Задачам усиления пышности и церемониальности храма служит и чрезвычайно развитое резное убранство его фасадов. Резьба покрывает барабан, верхние части стен, одевает орнаментом колонки аркатурного пояса и заполняет простенки между ними. Расположение резных камней одних над другими горизонтальными рядами (рис. 132 и 231) подчеркивает тяжесть и количество рядов белого камня. Сравнение этого резного убора с тяжеловесной драгоценной тканью, одевающей собор, очень метко передает впечатление, производимое дворцовым храмом Всеволода: собор действительно как бы воплощает образ всесильного владыки, облаченного в пышные, затканные сказочными узорами одеяния. В отличие от убранства церкви Покрова на Нерли, здесь скульптурная декорация приобретает самодовлеющее значение; однако она не нарушает еще строгой конструктивной ясности здания,—его пилястры с полуколонками, пронизывая ковер резного камня, четко выражают конструктивные линии постройки.

Указывалось, что резное убранство собора является развитием лаконичной композиции скульптур в церкви Покрова на Нерли; действительно, и здесь мы находим трижды повторенную фигуру Давида (ср. рис.121 и 220), но этим и ограничивается сходство. Другие закомары также имеют свои центральные композиционные группы: вознесение Александра Македонского на грифонах, изображения святых, портрет строителя — Всеволода III с сыновьями. Остальное пространство занято отдельными фигурами птиц, зверей, чудовищ, растений, среди которых изображения святых и христианские сюжеты занимают ничтожное место. Только колончатый пояс был сплошь занят фигурами святых. Попытки вскрыть смысл резного ансамбля Дмитриевского собора, исходя из церковной или «отреченной» литературы (Псалтырь, Голубиная книга и пр.), едва ли правомерны. Само «строчное» расположение отдельных резных изображений, как бы самодовлеющих и не связанных друг с другом, исключает возможность единого повествовательного замысла. Напротив, прослеживаемое в системе резного убранства чередование рядов растительных рельефов с рядами изображений животных обнаруживает чисто орнаментальное расположение резных камней, а соотношение христианских, мифологических и звериных образов, при

явном перевесе последних, свидетельствует об отсутствии единого христианского содержания всей системы убранства. Вероятнее думать, что она и имела преимущественно декоративное значение подобное эффекту богато орна-

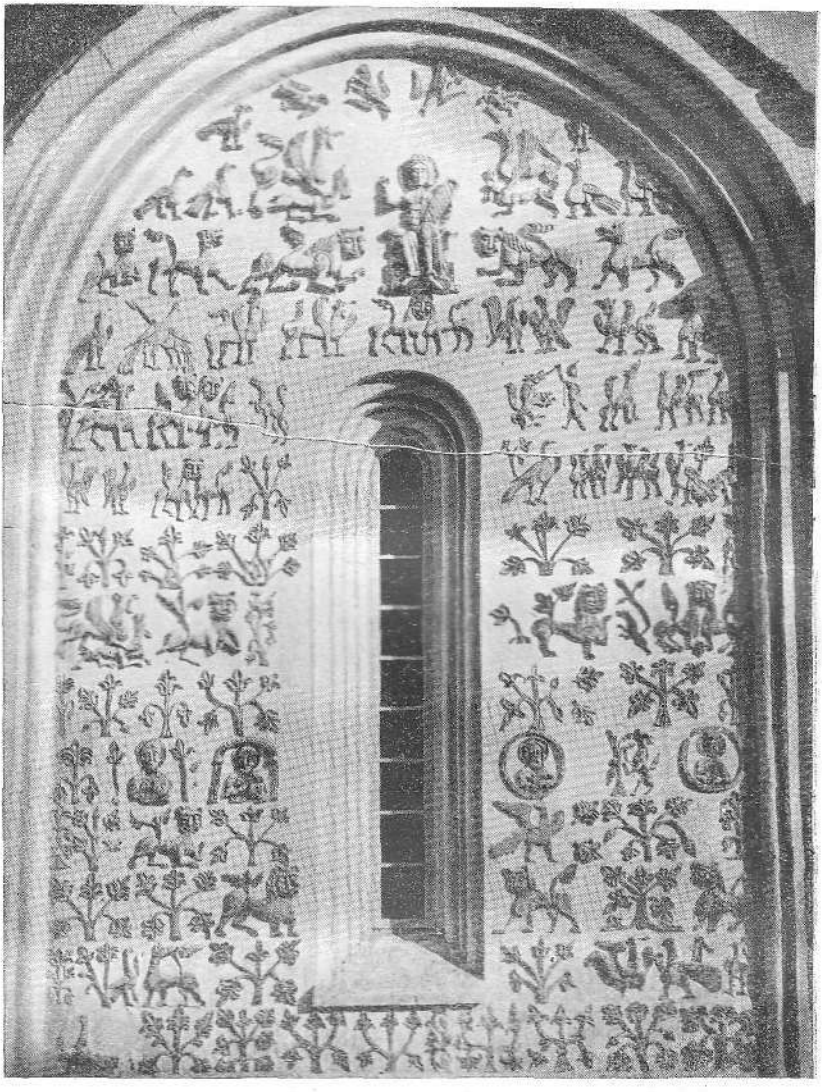


Рис. 132. Владимир. *Дмитриевский собор.* Рельефы.

ментированных тканей и пелен, украшавших храм внутри. И в этом отношении владимирские скульпторы блестяще выполнили свою задачу, использовав для ее решения разнообразные по характеру и происхождению «образцы»: русские и привозные произведения прикладного искусства, узорчатые ткани и вышивки

из княжеских и храмовых ризниц и т. п. Созданный ими резной убор здания, не имеющий себе подобных в мировой архитектуре, неизмеримо повысил силу художественного воздействия дворцового собора Всеволода III.

Резьба Дмитриевского собора подверглась неоднократным реставрациям, заменившим многие старые рельефы ремесленными подражаниями им; так, например, из числа фигур пояса бесспорно древними являются лишь фигуры правой части северной стены (рис. 133), отдельные подделки есть и в рельефах

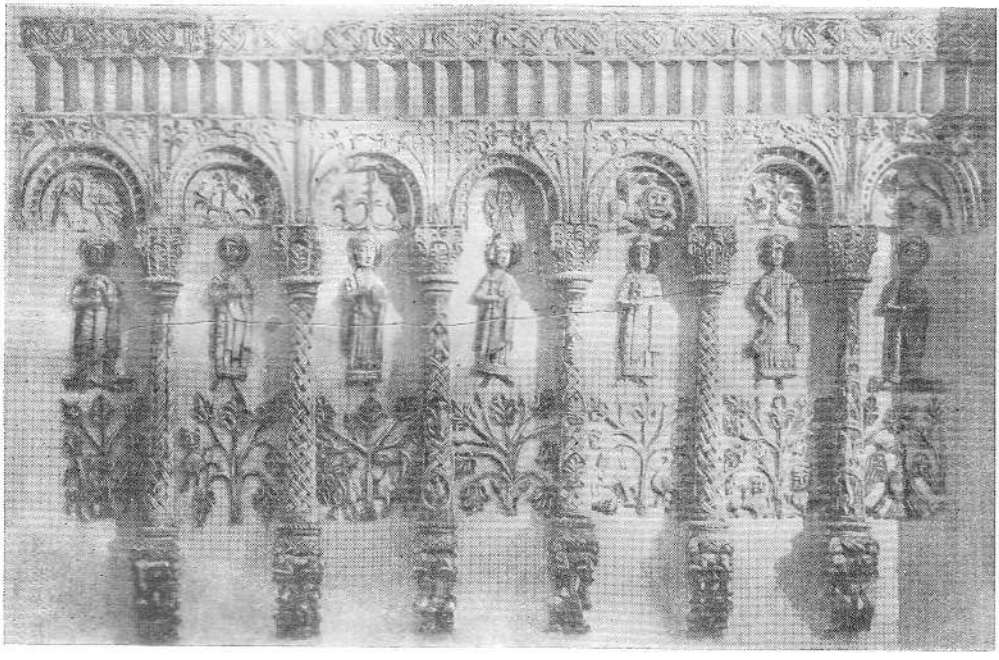


Рис. 133. Владимир. Дмитриевский собор. Часть фриза северной стены.

верхней части стены (Крещение на южном фасаде и др.). В составе древних рельефов прослеживаются две разные в художественном и техническом отношении группы (рис. 221 и 223): одна — несущая традиции круглого высокого рельефа, использующая пластические возможности камня, другая — плоскостная, стремящаяся к орнаментальной передаче формы; к этой манере принадлежат, например, рельефы левого деления южной стены. Показательна в этом отношении и совершенно плоскостная трактовка лиственных капителей, резко отличная от сочной, как бы шевелящейся листвы капителей андреевского времени (рис. 134). В этих двух группах рельефов отражены не только различные «образцы», которые воспроизводили резчики, но и разные стилистические манеры: плоскостная была связана с традициями русской резьбы по дереву, вторая — стремилась к освоению объемной передачи образа.

Варварская «реставрация» Дмитриевского собора, произведенная при Николае I, лишила собор двух лестничных башен, примыкавших к его западным углам и вводивших через переход на хоры,— это были как бы повернутые под прямым углом пристройки Боголюбовского собора (рис. 135). Система переходов связывала собор с постройками княжеского двора, располагавшимися к северу и югу от собора. Последний следует, таким образом, представлять в связи со сложным архитектурным ансамблем, напоминавшим, повидимому, ансамбль Боголюбовского дворца.

Такого же характера сложным комплексом был собор придворного Рождественского монастыря с его лестничными башнями и переходами, связывавшими его с жилыми монастырскими зданиями. Упомянутый выше собор Успенского «княгинина» монастыря (1201) также свидетельствует об усложнении композиции культового здания. По данным летописи, к собору примыкали по сторонам два придела, служившие одновременно усыпальницами женщин княжого дома—здесь были погребены жены Всеволода III и Александра Невского. Подобную композицию мы видели выше в черниговском Спасском соборе, в церкви Иоанна богослова в Смоленске и других храмах.

Рис. 134. Владимир. Дмитриевский собор. Капитель.

В итоге строительства Всеволода III стольный Владимир стал одним из красивейших городов Руси, богатым великолепными каменными зданиями. Как и их предшественники—зодчие князя Андрея, мастера Всеволода показали прекрасное понимание градостроительных задач, с большим вкусом выбирая место для построек и включая их в городской ансамбль. Наиболее эффектной панорамой города была его южная сторона, обращенная к реке, здесь и были поставлены лучшие здания столицы. Владимирские зодчие проявляют себя как зрелые и умудренные большим опытом мастера строительного искусства. Для их творчества характерна спокойная и торжественная ясность архитектурного образа, правдивость средств художественного выражения. Они с поразительным тактом удерживают декоративные элементы в рамках строгого подчинения конструктивной логике здания и обнаруживают тонкое понимание связи

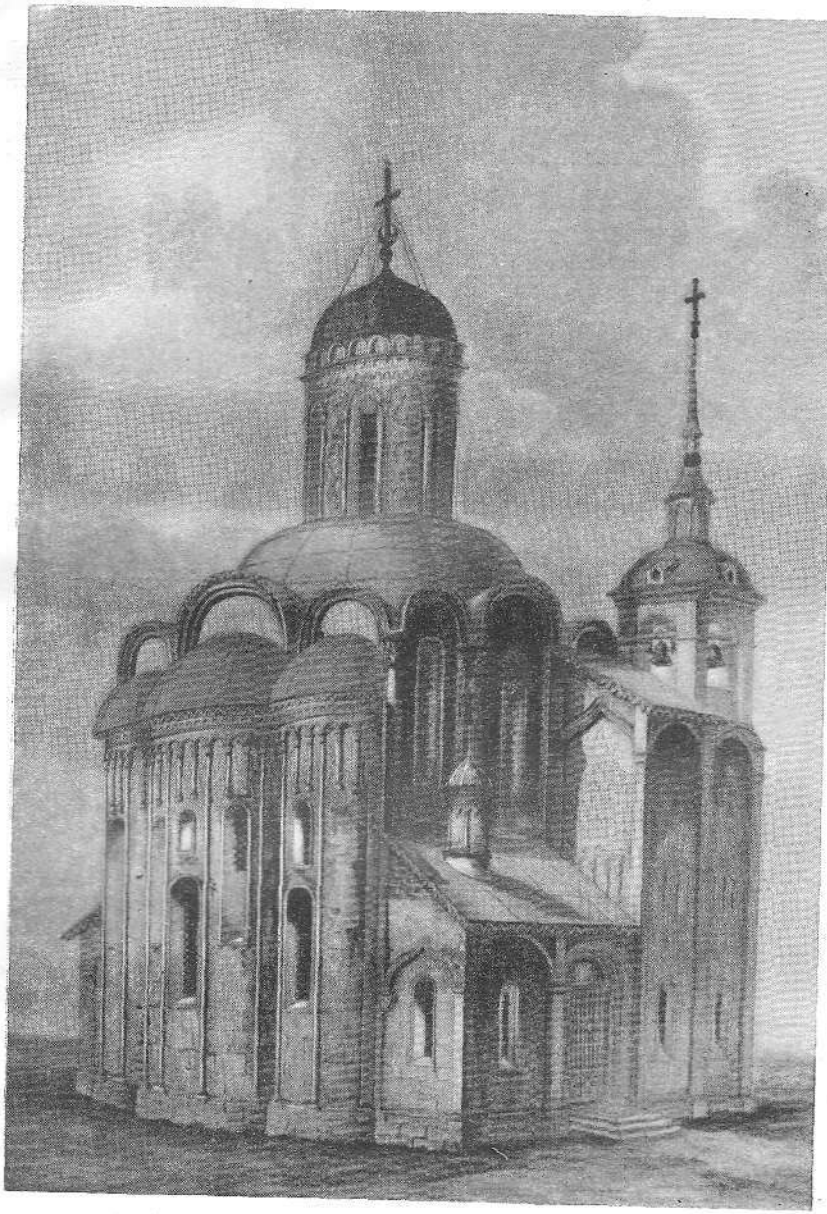


Рис. 135. Владимир. Дмитриевский собор. Вид до реставрации (по С. Строганову).

постройки с окружающим городским ландшафтом. Кроме храмов, они создают и ряд светских ансамблей, как, например, дворец Всеволода и укрепления владимирского детинца. Характерно и дальнейшее расширение их художественного кругозора — они несомненно знакомы с зодчеством соседних княжеств и, в частности, вводят, наряду с белокаменной кладкой, кладку из кирпича, создающую, в сочетании красной стены с белокаменными деталями, новый декоративный эффект. Усложнение и прогресс архитектурного творчества находят выражение и в явном выделении светских тенденций с их любовью к пышной украшенности здания, резко отделяющих собственно княжеское строительство от церковного.

После смерти Всеволода Владимирское княжество дробится между его наследниками. Владимир теряет роль единственного политического центра земли. Строительство перемещается в другие города: Ростов, Ярославль, Суздаль, Юрьев-Польской и основанный в 1221 г. Нижний Новгород. Подобно тому, как древний Киев передал свое художественное и культурное наследие новым феодальным центрам, Владимир в XIII в. передает свою художественную культуру удельным городам северо-востока. Теперь образуются две строительные школы. Одна, работающая в Ярославле и Ростове, развивает кирпичное строительство, применяя в отделке здания резной белый камень. Другая—строит в Нижнем Новгороде, Суздале и Юрьеве-Польском, продолжая высокую традицию белокаменной архитектуры и богатого резного убранства. От значительного строительства в Ростове, известного нам лишь по летописям, до нас ничего не дошло. От Успенского собора в Ярославле (1215) сохранились лишь образцы кирпича, майоликовых плиток полов и обломок рельефа — львиная голова. Также и от белокаменного Спасского собора в Нижнем Новгороде (1225) сохранились лишь фрагменты резьбы, в частности, артистически исполненная капитель колончатого пояса (рис. 136).

Сохранившиеся памятники — соборы в Суздале и Юрьеве-Польском — свидетельствуют о растущем интересе строителей и зодчих к пышному резному убранству зданий. Суздальский собор Мономаха, с его строгими кирпичными фасадами, и маленький и простой храм Долгорукого в Юрьеве-Польском уже не удовлетворяют новым вкусам и разрушаются. На их месте строятся новые богато украшенные храмы.

Суздальский собор (1222—1225; рис. 137), претерпевший значительные разрушения и надстроенный в верхних частях из кирпича в XVI в., сохранил свои древние стены до уровня аркатурного колончатого пояса. Храм повторял шестистолпную схему Мономахова собора, расширенную теперь тремя притворами по сторонам. Западный был двухэтажным; в его северной стене помещалась лестница, вводившая во второй этаж и оттуда на хоры. Собор впервые не был связан с княжеским или епископским двором и был *городским* собором в собственном смысле. На его хорах могли присутствовать не только князь и его приближенные, но городская знать — богатые купцы и горожане.

Рис. 136 Нижний Новгород. Собор Спаса. Капитель колончатого пояса (Музей г. Горького. Фото Н. Н. Воронина).

Повидимому, с этим была связана огромная площадь хор, простиравшихся до среднего нефа, и удлинение алтарной части храма. Хоры прекрасно освещались двумя световыми западными главами, образовавшими, вместе с центральной, асимметричный трехглавый верх собора. Его строитель владимирский князь Юрий Всеволодович, по словам летописи, создал церковь «краснейшю первыя», т. е. более украшенную, чем собор Мономаха. Действительно, собор сохранил густо покрытые резьбой порталы двух притворов, в которых мерцали тончайшим золотым рисунком роскошные медные врата (см. т. I, рис. 91), резьбой были покрыты даже зубцы поребрика над аркатурой пояса; в увлечении резным убором мастера решаются прервать лентой плетенки, вставкой резных масок и фигур распластанных на угол львов лопатки фасада, нарушая его архитектоническую логику, а сплошь орнаментированные колонки порталов разрываются резной «бусиной» (рис. 138). Несомненно, что стены над поясом также были насыщены резным камнем. Характерно при этом, что лишенные резьбы нижние части стен были сложены из грубо обработанного камня, и на их неровном фоне еще эффектней выделялась белокаменная резьба. Той же любовью к орнаментальности и красочности характеризовалась и внутренняя отделка собора: во фресковой росписи изображения святых выступали среди широких бордюров пестрого растительного орнамента, а сверкающие цветные майоликовые полы летописец сравнил с «мрамором красным разноличным». Дух торжественной официальности и представительности, присущий памятникам Владимира XII в., исчезал, сменяясь стремлением к жизнерадостной цветистости и узорчатости архитектуры.

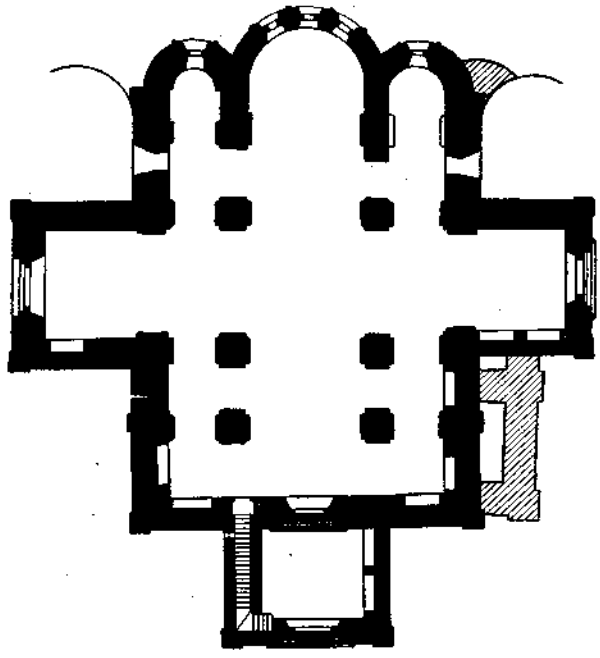


Рис. 137. Суздаль. Собор Рождества богородицы. План. Заштрихованы стены собора Мономаха (обмер А. Д. Варганова).

Тенденции, наметившиеся в Суздальском соборе, находят свое дальнейшее развитие в Георгиевском соборе Юрьева-Польского, построенном князем Святославом Всеволодовичем незадолго до разгрома Владимирского княжества татарами (1230—1234; рис. 139). Памятник, подобно Суздальскому собору, разрушился,

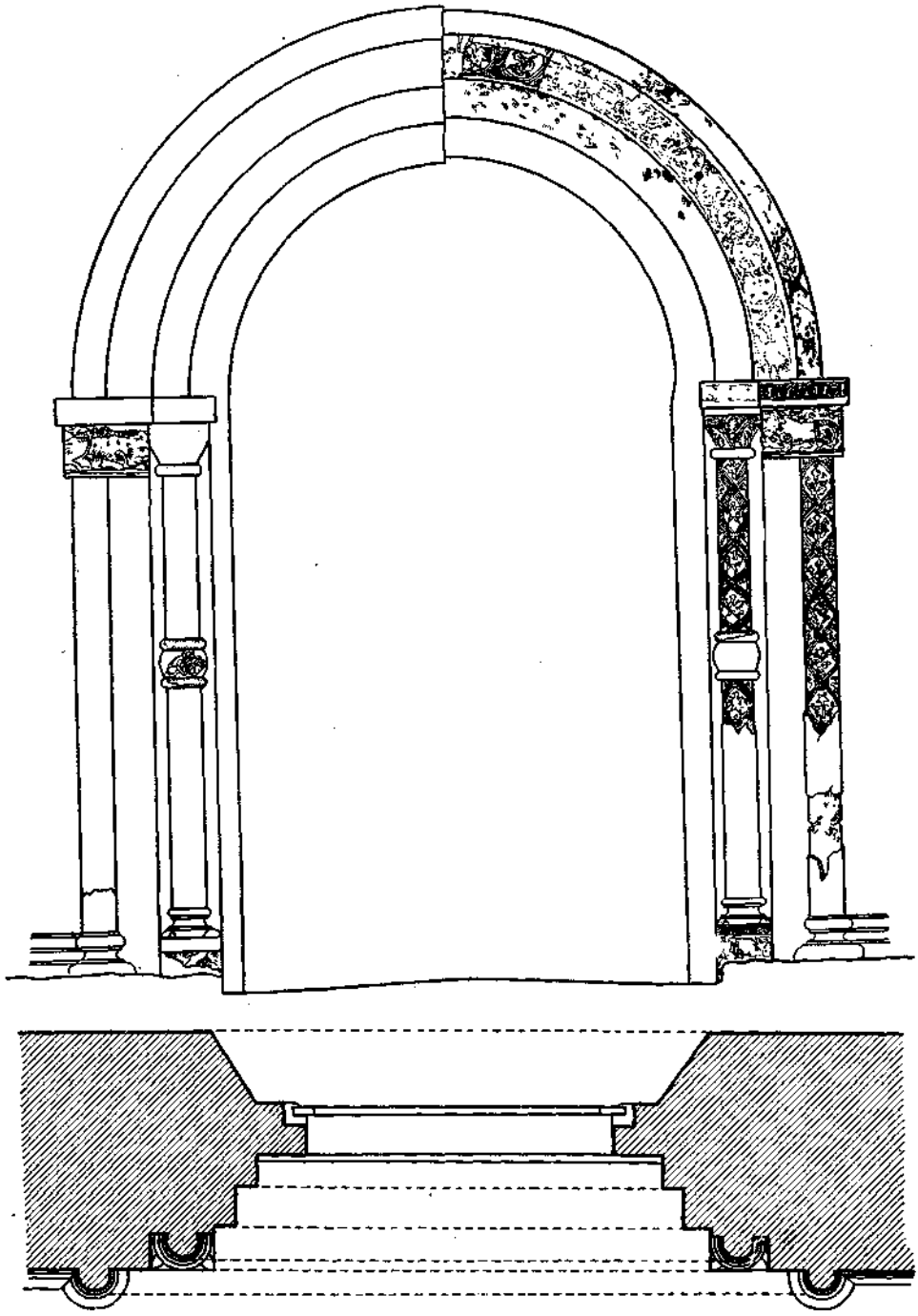


Рис. 138. Суздаль. Собор Рождества богородицы. Южный портал (обмер А. Д. Варганова).

сохранив неповрежденными лишь некоторые нижние части стен, верх же его в конце XV в. был собран из старого резного камня московским строителем В. Д. Ермолиным; во время этой перестройки было совершенно перепутано расположение камней, что лишает возможности с бесспорной полнотой восстановить первоначальную систему резного убранства собора. Это четырехстолпный одноглавый с тремя апсидами храм, к которому, как и у Суздальского

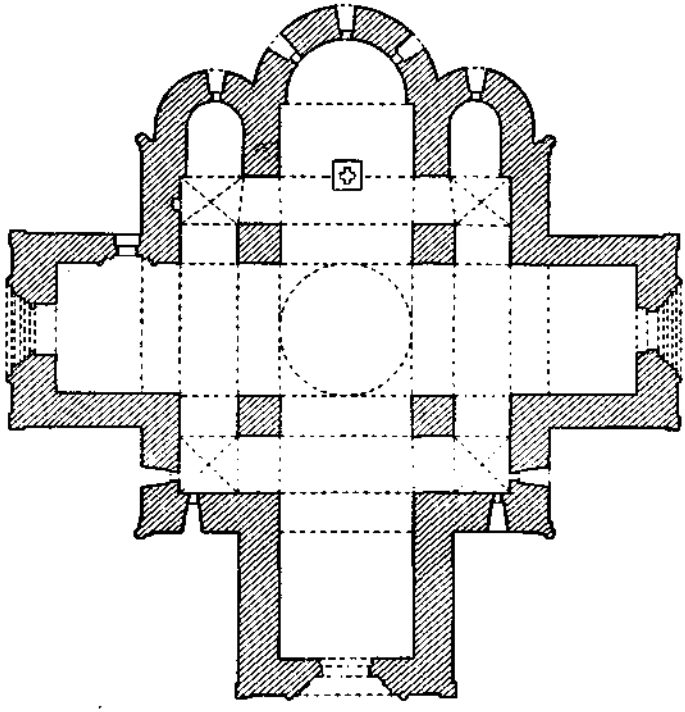


Рис. 139. Юрьев-Польской. Собор Георгия. План (по Ф. Рихтеру).

собора, с трех сторон примыкают притворы, увеличивающие площадь храма и завершенные снаружи килевидными закомарами (рис. 140); подобной же формы были, очевидно, и закомары фасадов. Как можно предполагать, собор не имел хор, и его внутреннее пространство было свободным и богато освещалось двумя ярусами высоких узких окон. Возможно, что западный, более обширный притвор имел, как и в Суздальском соборе, второй этаж, который сообщался с храмом через небольшой арочный проем и, заменяя хоры, служил своего рода «ложей» для княжеской семьи. Симметрическую композицию храма нарушал примыкавший к его северо-восточному углу Троицкий придел, служивший княжеской усыпальницей.

Резное убранство фасадов, проделавшее длительный путь от храмов Боголюбского к Дмитриевскому и Суздальскому соборам, достигает в Юрьевском соборе поразительного развития и сложности.

Все плоскости стен вместе с лопатками и колонками от цоколя и до главы покрываются сплошным узором (рис. 141). Здание воздействует на зрителя не непосредственно архитектурными средствами, но пышным скульптурным убранством, превращающим здание как бы в огромный резной ларец. Нижние части фасадов покрыты плоским ковровым узором, высеченным на уже сло-

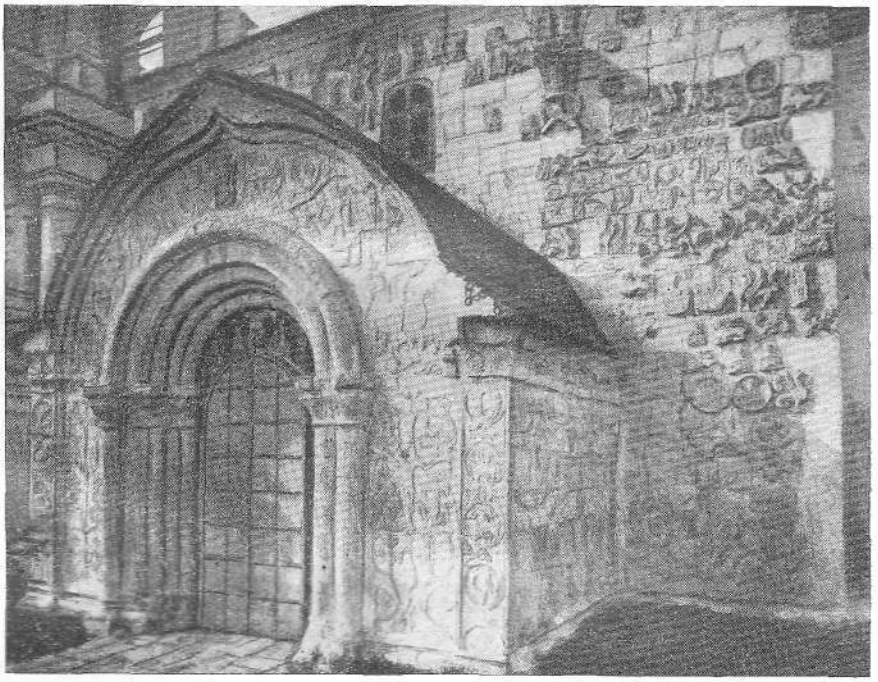


Рис. 140. Юрьев-Польской. Собор Георгия. Притвор.

женном камне стены; этот плоский узор оплетал колонки и лопатки и подстилал фон горельефных изображений, занимавших верхние части стен над аркатурным поясом. Изучение сохранившихся резных камней установило, что эти горельефные фигуры образовали помещавшиеся в закомарах сюжетные композиции христианского содержания (преображение, распятие, семь отроков эфесских и др.). Ниже их, очевидно, помещались отдельные изображения зверей, чудищ и др. Аркатурно-колончатый фриз, как и в Суздальском соборе, углублен в стену, арочки килевидной формы густо оплетены резьбой и превращаются в элемент орнамента; меж колонок вставлены изваянные на самостоятельных плитах фигуры святых, образовавшие развернутую композицию

«деисусного чина» (рис. 234). Скульптурная декорация приобретает здесь более выдержанное христианское содержание. Но не эта церковная тематика определяет общий дух резного убранства, в которое русские резчики вложили все богатство своей декоративной фантазии. Сложнейшая техника нанесения коврового узора на готовую поверхность стены, требующая изощренного искусства и безошибочной точности резца, свидетельствует, что эти мастера достигли высокого технического совершенства. Поэтому они теперь с бóльшей свободой перерабатывают свои «образы» и создают образы зверей и ска-

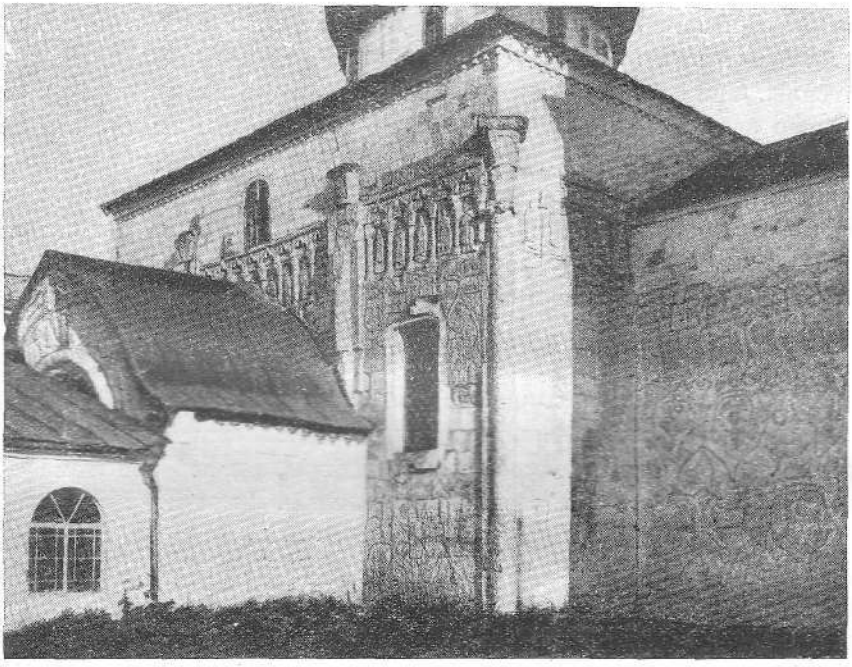


Рис. 141. Юрьев-Польской. Собор Георгия. Общий вид.

зочных чудищ, близкие русскому фольклору (рис. 238). Они облекают античного кентавра в русский богатый костюм (рис. 239, *2*), дракон становится похожим на змея-горыныча, а сирены превращаются в вещих сиринов народной поэзии. Христианское и сказочное сплетаются в неповторимо своеобразном целом скульптурного убора храма.

Юрьевский собор завершает собой сложную и богатую эволюцию владимиро-суздальского зодчества, проделавшего менее чем за полтора столетия большой путь.

Постройки Мономаха на северо-востоке и технически и художественно еще принадлежали киевской строительной традиции.

Так же на основе архитектурного опыта русского юга и, вероятно, при участии пришлых мастеров из Галича создаются первые белокаменные храмы Юрия Долгорукого. Их облик суров и прост, они играют скромную роль в новых княжеских городках и усадьбах, лежащих в суздальско-юрьевском «ополье».

Со времени Андрея Боголюбского, с началом обостренной идейно-политической борьбы за усиление Владимирской земли и за объединение под властью владимирской династии раздробленной Руси, архитектура становится сильнейшим оружием этого глубоко прогрессивного движения, находящего поддержку со стороны горожан. На энергичном и широком строительстве во Владимире и Боголюбове вырастают владимирские зодчие, вкладывающие в это дело свои свежие силы. Они с большой чуткостью воплощают в новых зданиях столицы и княжеского замка и мысль о могуществе князя и его земли, и религиозные идеи утонченного владимирского культа богоматери. Они доводят до изысканного совершенства композицию обычной схемы храма, находят гармоничные пропорции и разрабатывают, используя детали западного происхождения, своеобразную богатую систему убранства фасадов, подчиненную архитектурному замыслу: появляется изящный колончатый пояс, торжественные порталы, сложные пилястры, резной камень, полихромия, оковка деталей позолоченной медью. Как в культовом, так и в гражданском зодчестве на основе русской традиции создаются сложные архитектурные ансамбли.

В княжение Всеволода зодчие, используя накопленный опыт, создают новые памятники, отражающие идеи и вкусы этой поры. Их ведущая тема — апофеоз власти Всеволода, величие и торжество его земли. В архитектуре сталкиваются два течения: церковное, утверждающее строгость и суровую простоту архитектуры, и светское — проникнутое интересом к пышному резному убранству здания, к его декоративному богатству. Это течение побеждает в строительстве преемников Всеволода, приобретая новый характер.

Растущее значение горожан, ослабление княжеской власти, связанное с дроблением княжества, наконец, дальнейшее совершенствование зодчих обусловливают сильное проникновение в княжеское искусство народных вкусов, черт народного искусства и фольклора. Торжественная феодальная представительность архитектуры уступает стремлению к жизнерадостной узорчатости здания, цветистой орнаментальности убранства интерьера, изменению самого организма здания (живописность его композиции, расширение хор в Суздальском и исчезновение их в Юрьевском соборе и пр.).

Идейная насыщенность владимирского зодчества, его органическая связь с прогрессивными, поддерживаемыми горожанами объединительными устремлениями «владимирских самовластцев» обусловила его стремительный расцвет и высокое художественное совершенство и предопределила выдающееся значение «владимирского наследства» в истории русского национального зодчества.

К юго-востоку от Владимиро-Суздальского княжества и почти одновременно с ним в конце XI — начале XII в. оформляется Рязанское княжество, расположенное на границе лесного севера и степного юга. В политическом и церковном отношении Рязанское княжество было связано с Черниговским, вместе с которым входило во владения черниговского княжеского рода. Рязань, несомненно, должна была испытывать сильнейшее воздействие художественной культуры Чернигова, которое и отразилось в местных памятниках зодчества. Они дошли до нас лишь в открытых раскопками развалинах храмов, которые, однако, дают возможность создать некоторое представление об их характере.

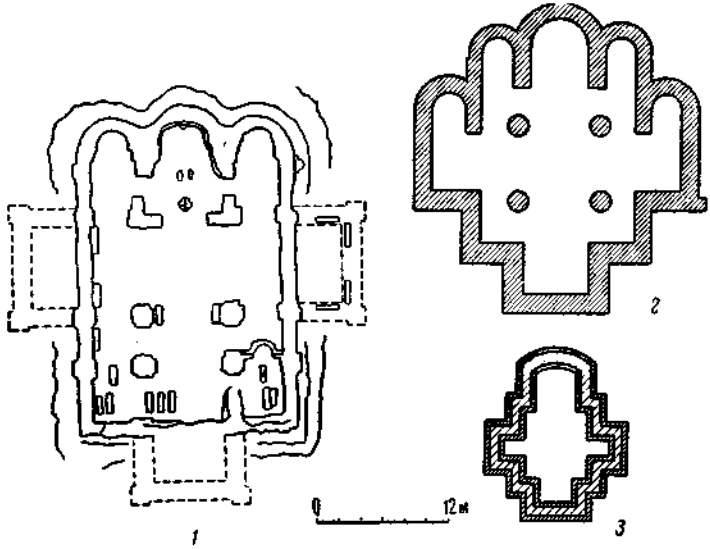


Рис. 142. Храмы Старой Рязани и Ольгова города (раскопки XIX в.): *1* — Успенский собор: *2* — церковь Бориса и Глеба; *3* — церковь Ольгова города.

Древняя столица княжества — ныне огромное городище Старая Рязань на правом берегу Оки под городом Спасском — представляла собой большое городское поселение, укрепленное земляными валами и естественными прибрежными оврагами (см. т. I, рис. 281). Первоначальное поселение занимало лишь небольшой северный угол современного городища, а затем, с ростом города, его территория была обнесена второй линией земляных укреплений. Здесь раскопками были вскрыты основания трех больших храмов. По состоянию источников их даты и даже названия не поддаются вполне точному определению, но несомненно, что эти здания построены не ранее второй половины XII в.

Первый храм (вероятно, Успенский собор; рис. 142, *1*) исключительно близок по своему плановому решению, формам и размерам собору Елецкого

Рис. 143. Резные камни из Старой Рязани (фото Н. Н. Воронина).

монастыря в Чернигове (ср. рис. 77); здесь повторена даже крещальня в юго-западном углу, что было также связано с прочностью язычества в древней земле вятичей и более поздней христианизацией края. Основной массив шестистолпного собора осложнен тремя притворами, пристроенными, вероятно, позже и использованными в качестве княжеских усыпальниц; этим храм напоминал Суздальский собор (рис 137). Это, повидимому, первая каменная постройка в Рязани (вероятно, середина XII в.).

Второй храм Старой Рязани, открытый раскопками 1949 г., также представлял собой большой трехапсидный шестистолпный собор, но без притворов; полуколонны лопаток указывают на ту же черниговскую традицию.

Третий храм Старой Рязани (вероятно, церковь Бориса и Глеба; рис. 142, *2*), раскопанный в 1888 г., помещавшийся в северо-западной части города, своим крестчатым планом сближается с собором Юрьева-Польского, но боковые притворы здесь оформлены как приделы и заканчиваются с востока

полукруглыми апсидами. Может быть, не без влияния дворцового Боголюбовского собора крестчатые столбы заменены круглыми. Памятник датируется концом XII — началом XIII в.

Отмеченные черты указывают на несомненное сходство рязанского зодчества с владимиро-суздальским и на их взаимодействие. Тем не менее внешний облик памятников был своеобразным,— основной массив здания строился из кирпича, декоративные детали выполнялись из белого камня с резными растительными и звериными орнаментами. Подобное сочетание кирпичной кладки с белокаменными деталями мы видели в черниговской и владимирской архитектуре; если поверхность стен не обмазывалась известью, то фасады зданий были двуцветными; сохранившиеся от Успенского собора резные детали скорее всего принадлежали к порталам (рис. 143); в отличие от владимиро-суздальской, рязанская резьба по камню менее совершенна. Из внутреннего убранства следует отметить наборные из поливных плиток полы.

Интересным памятником рязанской архитектуры является небольшая бесстолпная крестчатого плана церковь Ольгова городища на Оке при устье реки Прони (вторая половина XII в.; рис. 142, *3*); это церковь маленького княжеского городка, поставленная при входе в черту валов и, вероятно, игравшая оборонительную роль, о чем говорят и ее мощные стены.

Таким образом, сохранившиеся памятники рязанского зодчества показывают, что оно складывалось под сложным влиянием черниговского Юга и владимирской строительной культуры; есть также основания видеть и черты воздействия архитектуры Кавказа (Абхазия, Северный Кавказ).

12

Мы осветили первые столетия истории русского зодчества, прошедшего за X—XIII вв. большой и плодотворный путь. Он делится на два исторически закономерных этапа. Первый, краткий, но блистательный, связан с высокой и пышной культурой Киевской державы X—XI вв., послужившей основой культурного и художественного развития Руси на втором этапе — в период феодальной раздробленности. Киевское наследие в значительной мере определило единство архитектуры, широко распространившейся в XI—XIII вв. по всем областям Русской земли и образовавшей областные школы, в памятниках которых запечатлелось своеобразие художественного творчества различных районов Руси, обусловленное особенностями их социально-экономического развития.

Русские зодчие, совершенствуя свое мастерство, не замыкаются в узких границах своих феодальных мирков, они живо интересуются работой своих собратьев в соседних княжествах — все новое и двигающее вперед довольно быстро становится достоянием многих мест; мы не раз отмечали черты взаимодействия областных школ и случаи прямого обмена мастерами. Интерес зодчих

привлекает и искусство соседних народов, они смело вводят в обиход понравившиеся им технические или декоративные новшества, оригинально переосмысляя их и сплавляя в сложном органическом единстве своих произведений. В этом энергичном творческом процессе быстро стираются следы давних византийских «образцов» и приемов и крепнут своеобразные черты русского архитектурного искусства, проявленные им с первых шагов. Первые сведения письменных источников сохранили величавый образ 13-верхой новгородской Софии, срубленной новгородскими плотниками X в., и имена вышгородских «древоделей» зодчих Миронега и Ждана Николы. В своеобразной композиции киевской Софии мы угадываем отражение деревянной архитектуры и участие русских зодчих. В XII—XIII столетиях русские летописи запечатлели имена выдающихся русских «каменных здателей» — полочанина Иоанна, новгородцев Петра и Корова Яковлевича, зодчего князя Рюрика Ростиславича Петра Милонега, галичского скульптора — «хитреца» Авдия. Их, несомненно, было больше — остались безымянными произведения гениальных архитекторов Владимирской земли и других областей.

Наряду с господствующим церковным строительством развивается гражданское; в дворцовых ансамблях Галича и Боголюбова мы снова видим блестящее развитие русской традиции и связь композиции этих пышных княжеских резиденций с древними принципами «хоромного строения». Казавшуюся неприкосновенной схему крестовокупольного собора зодчие XII—XIII вв. перерабатывают на свой русский лад; в Полоцке, Смоленске, Пскове, Чернигове появляются замечательные памятники этой *общерусской* работы, вторящие объединительным идеям Слова о полку Игореве и начинающие путь, который продолжит архитектура возрождающейся после монгольского разорения Руси XIV—XV вв. С полным основанием мы можем сказать, что татарское нашествие оборвало стремительное движение русского искусства на таком подъеме, который обещал его дальнейший быстрый и сверкающий расцвет.

ЛИТЕРАТУРА

1—3

Айналов Д. В. Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви. Труды XII археол. съезда, т. III. М., 1905.

Айналов Д. В. Киев — Царьград — Херсонес. Изв. Таврической Ученой Архивной комиссии, в. 57. Симферополь, 1920.

Брунов Н. И. О хорах в древнерусском зодчестве. Труды секции теории Росс. ассоциации научно-исследов. ин-тов обществ. наук, т. II. М., 1928.

Брунов Н. И. К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII вв. Сборник Русская архитектура. М., 1940.

Воронин Н. Н. Главнейшие этапы русского зодчества X—XV столетий. Изв. Отделения истории и философии АН СССР, 1944, № 4.

Воронин Н. Н. Древнерусские города. М.— Л., 1945.
Записки Отделения русской и славянской археологии, 1915, т. X.
Каргер М. К. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода. Труды Всеросс. Акад. художеств, т. I. Л.— М., 1947.
Киевский Софийский собор. Древности Российского государства, I—IV. СПб., 1871—1887.
Лашкарев П. Церкви Чернигова и Новгород-Северского. Труды XII археол. съезда, т. II. М., 1902.
Макаренко М. Чернигівський Спас. Київ, 1929.
Моргилевский И. В. Київська Софія в світі нових спостережень. Сборник «Київ та його околиця...» Киев, 1926.
Моргилевский И. В. Спасо-Преображенський собор у Чернигові за новими данными. Сборник «Чернигів та північне лівобережжя...». Киев, 1924.
Срезневский И. О храмах языческих славян. Чтения в Общ. истории и древн. российских. 1846, III.
Шероцкий К. Киев. Киев, 1918.

4—5

Айналов Д. В. Архитектура черниговских церквей. Труды XIV археол. съезда, т. III. М., 1909.
Барановский П. Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове. Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.— Л., 1948.
Горностаев Ф. Об архитектуре древних храмов Чернигова. Труды XIV археол. съезда, т. III. М., 1909.
Каргер М. К. К истории киевского зодчества конца XII — начала XIII в. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, вып. XXVII.
Моргилевский И. В. Успенська церква Елецького монастыря. Сборник «Чернигів та північне лівобережжя...» Киев, 1928.
Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. Материалы и исследования по археологии СССР, № 11, М.— Л., 1949.

6

Воронин Н. Н. Раскопки в Гродно. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, вып. XXVII.
Каргер М. К. Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, вып. III.
Петрушевич А. Историческое известие о ц. Пантелеймона в Галиче. Львов, 1881.
Петрушевич А. Критико-историческое рассуждение о наддиестрянском городе Галиче и его достопамятностях. Львов, 1888.
Скуревич К. Зодчество западных славян и влияние на него романской архитектуры. СПб, 1904.

7—8

Брунов Н. И. Беларуская архітэктура. Зборнік артыкулаў. Минск, 1928.
Воронин Н. Н. У истоков русского национального зодчества. Архитектура СССР, 1944, № 5.
Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, в. XI.
Хозеров И. М. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества. Научные изв. Смоленского гос. унив., т. V, вып. 3. Смоленск, 1929.
Хозеров И. М. К исследованию конструкции Спасского храма в Полоцке. Смоленск, 1928.
Шчакацихін М. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва, т. I. Минск, 1928.

Каргер М. К. Новгород Великий. М., 1946.
Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Новгородском Юрьеве монастыре. Сов. Археология, VIII, Л., 1947.
Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860.
Мясоедов В. К. Никола Липный. Сборник Новгор. общ. любителей древности, вып. III. Новгород, 1910.
Покрышкин П. П. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви. Материалы по археологии России, № 30. СПб., 1906.
Строков А. и *Боеусевич В.*, Новгород Великий. Л., 1949.
Суслов В. В. Материалы к истории древней Новгородско-Псковской архитектуры. Записки Русск. археол. общ., 1887, т. III.

10

Артлебен Н. А. Древности Суздальско-Владимирской области, сохранившиеся в памятниках зодчества. Владимир, 1880.
Бережков Д. Н. О храмах Владимиро-Суздальского княжества XII—XIII вв. Владимир, 1903.
Бобринский А. Резной камень в России (атлас). М., 1916.
Воронин Н. Н. К вопросу о взаимоотношении галицко-волынского и владимиро-суздальского зодчества XII—XIII вв. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, вып. III.
Воронин Н. Н. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945 (здесь дана основная библиография).
Воронин Н. Н. Дворец Андрея Боголюбского. Архитектура СССР, 1939, № 11.
Воронин Н. Н. Основные вопросы реконструкции Боголюбовского замка. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, вып. XI.
Воронин Н. Н. Боголюбовский киворий. Там же, вып. XIII.
Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. Материалы и исследования по археологии СССР, № 11. М.— Л., 1949.
Толстой И. и *Кондаков Н. П.* Русские древности, вып. VI. СПб., 1899.
Труды I археол. съезда и атлас к ним. М., 1871.

11

Корзухина Г. Ф. Рязань в сложении архитектурных форм XII—XIII вв. 1-й сборник аспирантов ГАИМК. Л., 1929.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЖИВОПИСЬ

М. К. Каргер

1

Памятники живописи дохристианского периода не сохранились до нашего времени; однако из письменных источников и былинного эпоса мы знаем о росписях теремов и богатой полихромии языческой скульптуры, которые свидетельствуют о глубоких и древних традициях изобразительного искусства у славян. Как мы видели, с момента христианизации искусство Киевской Руси переживает крупный сдвиг. Осваивается и достигает высокого совершенства каменное зодчество, а вместе с ним входит в обиход монументальная и станковая (иконная) живопись.

Значение этого этапа в художественной истории древней Руси ярко выражено в летописном рассказе о выборе новой религии Владимиром, где подчеркнута роль внешней стороны византийского богослужения и, в частности, роль живописного убранства храма. Послы, ездившие в Византию для ознакомления с новой религией, были особенно поражены художественным эффектом греческого обряда: «Не свемы,— говорили они,— на небе ли есмы были ли на земли — несть бо на земли такого вида, ни красоты такоя... мы убо не можем забыти красоты тоя» (Лавр. л., 987). Сила воздействия монументального изобразительного искусства Византии, отраженная в этом рассказе, подчеркнута и в другом эпизоде. Грек-философ, знакомивший Владимира с основными понятиями христианства, развернул перед ним «запону», на которой был изображен Страшный суд — сюжет, выражавший наиболее ярко дисциплинирующую силу византийского православия. Его идеология была наиболее полно воплощена в сложной системе храмовой росписи, разработанной в течение многовековой истории христианского искусства; для изображения различных сюжетов и тем христианского вероучения существовали обязательные правила и нормы (иконография), которым должен был строго следовать художник. Художественный строй этого искусства был чуждым реализма, условным и идеалистическим.

Живопись была органической, неотъемлемой частью христианского храма. Его стены были обычно покрыты мозаиками или фресковыми росписями, которые вместе с декоративной скульптурой, пышной отделкой интерьера и драгоценной утварью сливались в единое художественное целое, строго подчиненное архитектурному замыслу. Внутреннее пространство храма еще не было расчленено высоким иконостасом, который сложится значительно позднее; алтарь отделялся лишь невысокой алтарной преградой, не скрывавшей роспись апсид.

Первыми декораторами древнерусских храмов были вызванные на Русь мастера-греки. Они перенесли в русское искусство вековой художественный опыт церковного искусства Византии и познакомили русских с техникой мозаики, фрески и иконописи.

Мозаичная техника являлась наиболее сложной. Изображение или орнамент выкладывались из искусно подобранных кубиков цветного стекла (смальты) или из кусочков цветного естественного камня, вдавливавшихся в нанесенный на поверхность стены цементирующий раствор. Рефлексы смальты создавали своеобразный эффект мерцающей красочной поверхности. Фресковая техника также была рассчитана на долговечность росписи и имела свои технические трудности. Художник писал по сырому нанесенному на стену грунту, так что краска проникала в него на некоторую глубину и приобретала большую прочность; в связи с этим роспись могла вестись лишь определенными частями, которые художник мог исполнить за короткий срок, пока не просох грунт. Мастер должен был обладать безупречной точностью руки и безошибочным навыком, так как исправления потребовали бы замены грунта. В отличие от мозаики, фреска давала матовую, притушенную поверхность. Оба эти вида живописного убранства были рассчитаны на восприятие издали; поэтому они отличались монументальностью формы, ее обобщенностью и отсутствием мелкой детализации. Станковая (иконная) живопись пользовалась в качестве материала особым образом приготовленной и скрепленной шпонами доской, которая также грунтовалась и тщательно выглаживалась; художник писал по сухому грунту.

Для русского искусства X—XI вв. характерной и ведущей была именно монументальная живопись (фреска, мозаика); иконопись имела значительно меньшее значение, при этом немногочисленные известные нам иконы этого времени по своим художественным особенностям близки к монументальному искусству.

Монументальная живопись древнейших киевских храмов X—XI вв. представлена мозаикой и фресковыми росписями. До настоящего времени сохранились мозаики киевской Софии и собора Михайловского Златоверхого монастыря, но они были также и в Десятинной церкви, Успенском соборе Киево-Печерского монастыря и в некоторых других храмах. Стенописи XI в. сохранились лишь в киевской Софии и в черниговском Спасском соборе.

Древнейшая киевская Десятинная церковь, выстроенная князем Владимиром, была богато украшена мозаиками и фресками. Они сохранились лишь в виде незначительных обломков, найденных во время раскопок. Эти фрагменты (рис. 144) свидетельствуют о чрезвычайно высоком художественном качестве древнейшей киевской стенописи. Живописная лепка лиц, их подчеркнуто объемная трактовка, полное отсутствие каких-либо признаков графической сухости — все это свидетельствует о том, что этот древнейший памятник был еще чрезвычайно далек от плоскостной, полной условности и отвлеченного символизма

Рис. 144. Фрагмент фрески Десятинной церкви (раскопки Д. В. Милеева).

манеры, которая будет типичной для искусства периода феодальной раздробленности XII—XIII вв. В системе убранства Десятинной церкви необходимо отметить соединение мозаик и фресковой росписи. В собственно византийских памятниках этот прием неизвестен, в Киеве же он встречается не только в Десятинной церкви, но и в Софии, и в соборе Михайловского Златоверхого монастыря.

Киевский Софийский собор (1037) сохранил почти полностью все свое мозаичное и фресковое убранство (правда, в значительной части еще находящееся под записью середины XIX в.). Мозаики покрывают центральный купол,

подпружные арки и главную алтарную апсиду. Своды, столбы и стены храма украшены фресками. От мозаики купола уцелело лишь центральное погрудное изображение вседержителя (рис. 145), одна фигура архангела (из четырех) и фигура апостола Павла в барабане. Остальные части погибли и заменены

Рис. 145. Киев. Софийский собор. Мозаика купола. Вседержитель (фотоархив ИИМК).

поздней масляной живописью на новом грунте. Из четырех евангелистов, изображенных на парусах, сохранилась лишь фигура Марка. На подпружных арках в круглых медальонах были размещены изображения сорока мучеников; значительная часть их сохранилась, лишь немногие заменены масляной живописью. На западной стороне восточной пары столбов изображено «благовещение».

Мозаика апсиды сохранилась почти полностью. Конха занята огромным изображением богоматери-оранты, известной под именем «Нерушимой стены». Ниже — пояс с изображением евхаристии (причащения апостолов), далее — пояс с изображением отцов церкви. Композиция мозаичных изображений характеризуется строгой представительностью, фигуры монументальны, уравновешены и, как правило, неподвижны. В композициях, где движение обусловлено самим содержанием (сцена причащения апостолов), оно передано в тяжеловесной ритмике.

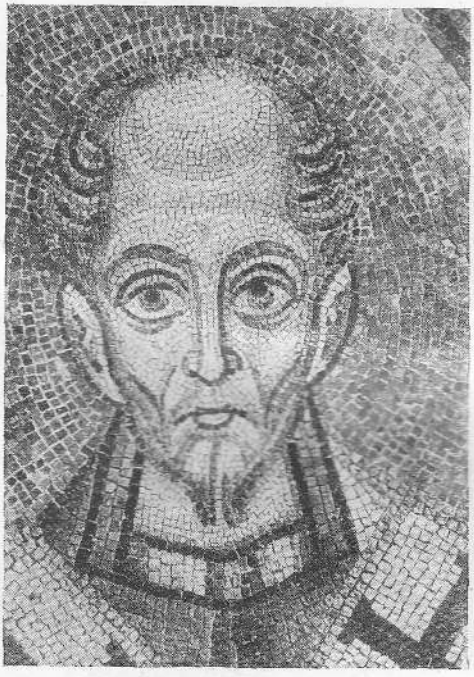


Рис. 146. Киев. Софийский собор. Мозаика алтаря. Иоанн Златоуст (фотоархив ИИМК).

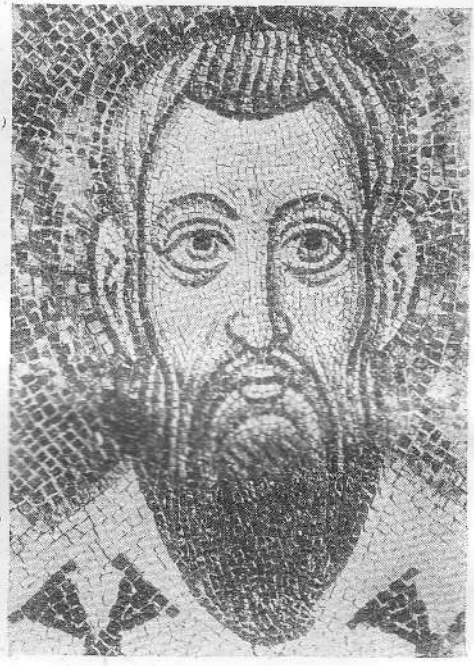


Рис. 147. Киев. Софийский собор. Мозаика алтаря. Василий Великий (фото Аршеневского).

Несмотря на то, что набор смальт, которыми пользовались мозаичисты, был чрезвычайно ограничен, мозаики Софии отмечены исключительно яркой красочностью. Для лиц мозаичисты пользовались наборами естественных розоватых, теплого тона камней (мрамор, шифер); из смальт глубоких, интенсивных цветов набирали одежды, архитектурные детали композиции, орнаменты. Фигура оранты — «Нерушимой стены» облачена в светлосинюю одежду и плащ фиолетового тона с золотыми полосами, за поясом — белый шитый платок. Белые хитоны апостолов обогащены глубокими переливами серовато-фиолетовых и серо-синих тонов. В облачениях святителей мастерски сопоставлены черные

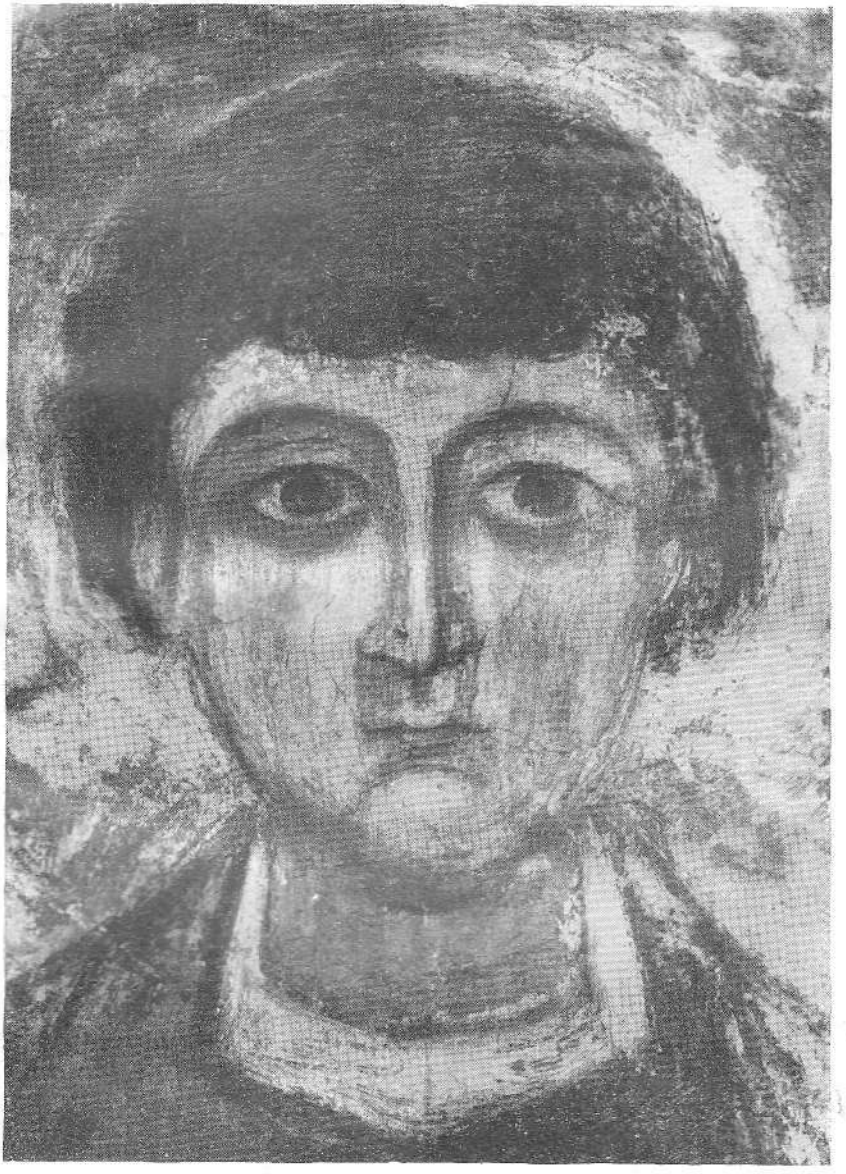


Рис. 148. Киев. Софийский собор. Фреска. Пантелеймон (фото Софийского архитектурного музея-заповедника).

кресты на белых омофорах с фиолетовыми, зелеными, серебристо-серыми тонами, а переплеты книг в их руках усажены разноцветными яркими смальтами, передающими роскошное оформление книги. Особую звучность придавал мозаичным изображениям золотой фон, дававший при различных условиях освещения тысячи оттенков, благодаря особой структуре золотых смальт.

Рис. 149. Киев. Софийский собор. Фреска. Апостол Павел (фото Софийского архитектурного музея-заповедника).

Рис. 150. Киев. Софийский собор. Фресковый портрет Анны Ярославны (фото Софийского архитектурного музея-заповедника).

В мозаиках Софии уже значительно сильнее, чем в росписи Десятинной церкви, ощущается условный схематизм, плоскостность и церемониальная неподвижность фигур; однако эти черты софийских мозаик нельзя преувеличивать. Мозаичные изображения мучеников, евангелистов из евхаристии и особенно отцов церкви из нижнего пояса мозаик апсиды отмечены, несмотря на некоторый графический схематизм и условность трактовки, индивидуальной портретной характеристикой. В этом смысле очень выразительна фигура

Рис. 151. Киев. Софийский собор. Роспись башни. Сцена охоты (фото Софийского архитектурного музея-заповедника).

Иоанна Златоуста (рис. 146): худощавое с острыми чертами энергичное лицо фанатика поражает силой передачи индивидуальных черт. Перед нами тот самый проповедник аскетизма и строгой нравственности, «безжалостный ко греху», как говорили о нем современники, который с константинопольской кафедры осыпал упреками не только утопавшую в излишествах придворную знать, но и саму императрицу (Евдоксию), сравнивая ее с Иродиадой и Иезавелью. Рядом с ним не менее характерна тяжеловесная монументальная фигура Василия Великого со спокойным, уверенным лицом (рис. 147).

Эти черты ярче выступают в расчищенных частях фресковой росписи Софии. Лица Пантелеймона (рис. 148) и, особенно, апостола Павла (рис. 149) наделены

исключительной психологической выразительностью, это именно еще лица, а не «лики». Сама фигура апостола Павла своей свободной постановкой и естественной легкостью складок одежд напоминает фигуры античной живописи.

На стенах киевской Софии, наряду со святыми и небожителями, был помещен и коллективный портрет семьи Ярослава. Фигура самого Ярослава, державшего в руках модель храма, погибла и известна лишь по рисунку XVII в.;

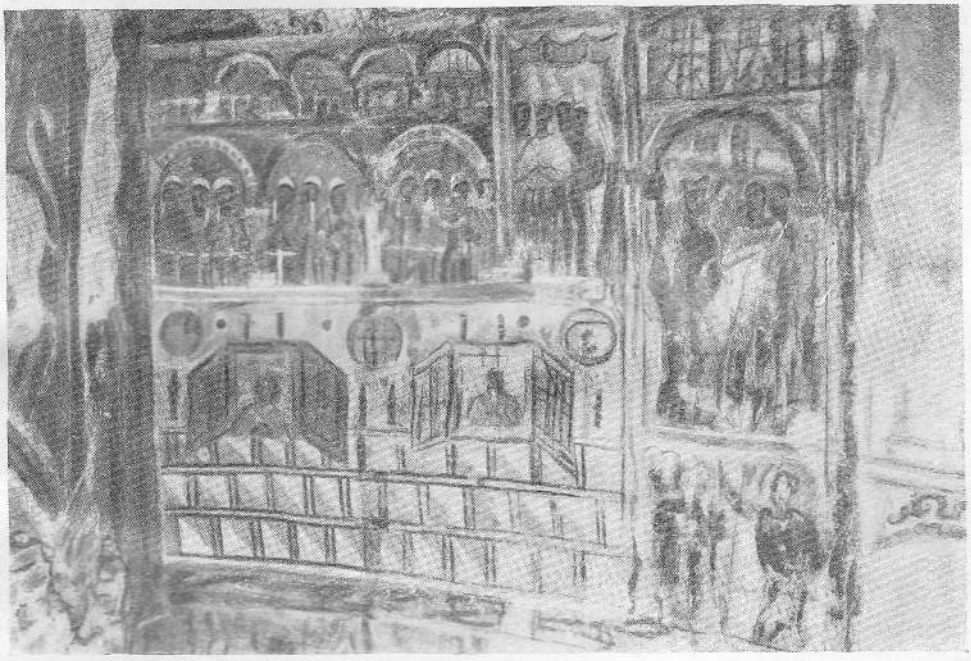


Рис. 152. Киев. Софийский собор. Роспись башни. Императорская ложа (фото Аршеневского).

от мужской половины княжеской семьи фрагментарно сохранились изображения двух младших сыновей; женская же половина семьи Ярослава сохранилась прекрасно (см. т. I, рис. 167). Эта замечательная фреска является древнейшим памятником русского портрета (рис. 150). Индивидуальность характеристики лиц дополняется весьма точной передачей реальных одежд и уборов, вплоть до известной по литературным источникам знаменитой гривны на шее Елисаветы.

На стенах двух башен Софии сохранились редчайшие образцы светской живописи XI в. Башни служили входом на хоры (полати). Так как полати были местом сбора придворной знати и нередко служили местом приема гостей, вполне естественно, что вход на них был украшен росписью дворцового характера. На стенах башен из-под поздней записи были раскрыты сцены охоты (рис. 151),

травли зверей, цирковые состязания на ипподроме, скоморохи, музыканты, акробаты и пр. (рис. 25, 269 и 270). В центре росписи юго-западной башни изображена византийская (?) императорская ложа, в которой находится император (в нимбе) и ряд придворных (рис. 152—153).

Вопрос о том, какой быт представлен в росписях башен киевской Софии, — русский (киевский) или византийский, не решен окончательно. Если старые

Рис. 153. Киев. Софийский собор. Роспись башни. Придворные (фото Аршеневского).

исследователи были склонны относить все содержание росписи к византийской действительности, то есть и противоположная точка зрения, объясняющая всю роспись башен как отражение реального быта киевского княжого двора. Однако изображение императора, константинопольского ипподрома, нерусские типы и одежды придворных не позволяют считать всю роспись башен отражением киевского придворного быта; в то же время охота и скоморошество, игры, пляски и акробатические представления были в равной мере распространены как при константинопольском, так и при киевском дворе, так что можно связывать эти черты росписи и с реальным бытом киевского княжого двора. Существенно, что в сценах охоты изображены животные, не известные в Византии, и характерные русские приемы охоты.

Для росписи башен в еще большей мере, чем для остальных фресок Софии, характерна динамика в построении фигур и композиции. Резкие, порывистые движения преследуемых зверей в сцене охоты, скачущие на конях всадники и состязание колесниц на ипподроме придают росписи башен характер живого повествовательного рассказа, чрезвычайно далекого от условного символизма церковных росписей. Персонажи росписи башен, особенно придворные из сцены на ипподроме, охарактеризованы с большим реализмом. Восточные типы лиц, яркие константинопольские или варварские костюмы, свободная

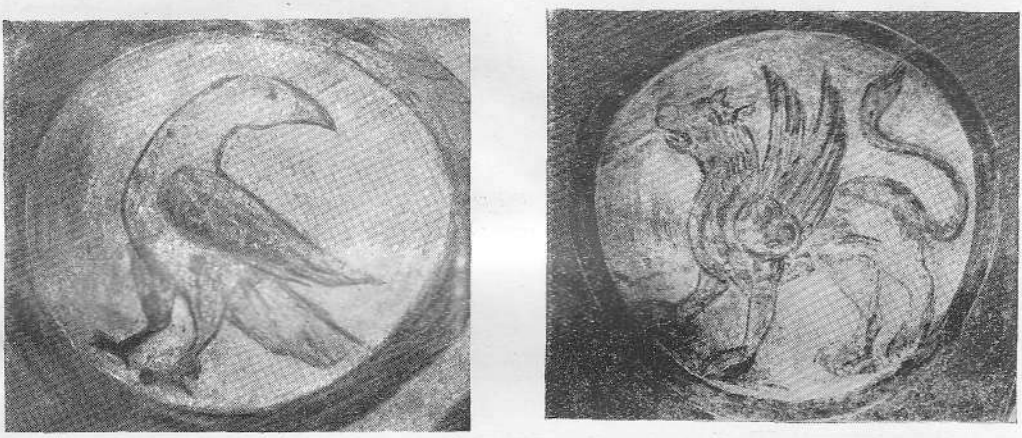


Рис. 154. Киев. Софийский собор. Роспись башни. Птица и грифон.

группировка индивидуально охарактеризованных действующих лиц вызывают в памяти реалистические иллюстрации светских рукописей эллинистической поры.

Наряду с сюжетами из придворной жизни в росписи башен изобилуют изображения фантастических зверей и птиц (рис. 154), близких по своему характеру к звериному орнаменту, распространенному в эту пору в русском прикладном искусстве.

Роспись башен киевской Софии является драгоценным памятником светской живописи древней Руси. Подобные стенописи светского содержания, несомненно, покрывали стены киевских дворцов, так же как и дворцов византийской знати. Но от росписи киевских дворцов дошли лишь ничтожные фрагменты, не позволяющие восстановить хотя бы даже частично их содержание. Дошедшие до нас мозаики XII в. в дворце норманнского короля Рожера II сицилийского в Палермо с изображением сцен охоты ближайшим образом напоминают тематику росписи башен Софии, однако стилистически эти росписи совершенно различны. Византийские писатели сообщают и о других дворцовых росписях этого жанра.

Ближайшую связь с мозаиками Софии имеют мозаики собора Михайловского Златоверхого монастыря. Судя по описанию Павла Алеппского (XVII в.),

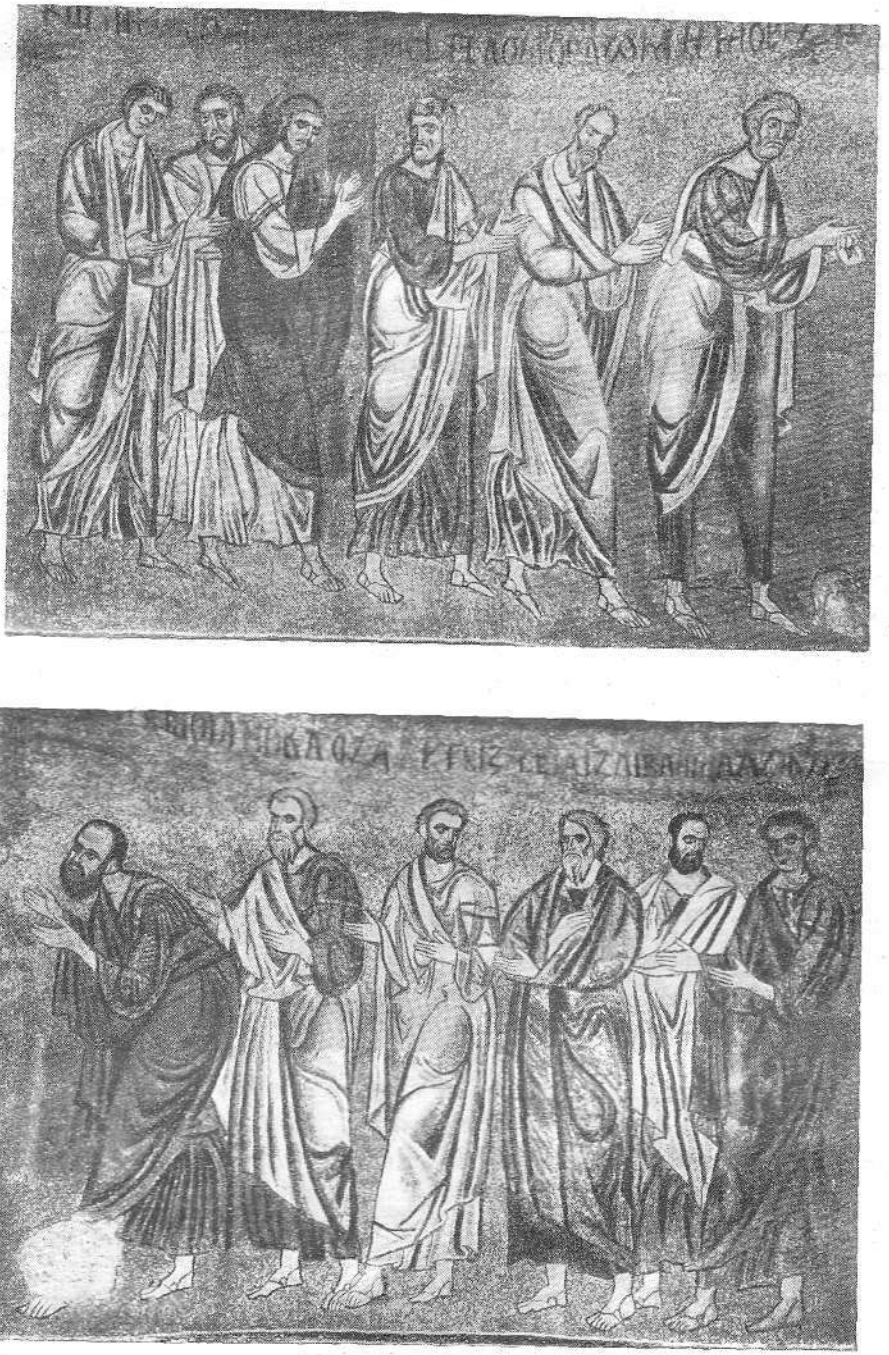


Рис. 155. Киев. Собор Михайловского Златоверхого монастыря. Мозаика. Евхаристия (фото Софийского архитектурного музея-заповедника).

мозаики здесь размещались так же, как в Софии, и были близки к ним и по содержанию; из их состава до нашего времени сохранились, да и то неполностью, только мозаики апсиды. Композиция евхаристии (рис. 155) отличается от аналогичной композиции в Софии с ее изолированными однообразными фигурами более свободным размещением их в живых динамичных группах. Самые фигуры лишены той тяжеловесной скованности, которая характерна для софийской мозаики; удлиненные пропорции и свободные раккурсы придают беседующим между собою апостолам гораздо больший реализм. Их лица переданы живописной лепкой, отличающей их от суховатой графичности софийских мозаик. Красочное богатство мозаик обличает в их мастере выдающегося художника-колориста, создающего каждый раз исключительное по красоте и целостности цветовое решение и смело сочетающего в одеждах апостолов белые и черные, яркозеленые и оранжевые, фиолетовые, бирюзовые и розовые тона.

До недавнего времени было принято относить михайловские мозаики к началу XII в. Однако теперь можно считать установленным, что собор Михайловского монастыря на самом деле был храмом Дмитриевского монастыря, выстроенным в XI в. князем Изяславом (см. гл. 8). И техника кладки этого собора, и стиль его мозаичной росписи позволяют отнести этот памятник к более ранней поре, чем начало XII в. На видном месте в апсиде собора было помещено изображение Дмитрия Солунского (рис. 156). В этой фигуре воина в античном панцыре и плаще есть основания видеть не только изображение патрона князя Изяслава, носившего христианское имя Дмитрия, но может быть даже портретные черты самого князя.

Черниговский Спасский собор сохранил драгоценный фрагмент своей фресковой росписи, обнаруживающей, как и фрески Софийского собора в Киеве, живучесть эллинистических традиций. Изображение Феклы на арке под северо-западным куполом (рис. 157) исполнено мастером высокого художественного дарования. Характерной чертой его манеры является построение образа чисто живописными средствами. Лицо святой лишено малейших признаков аскетизма.

Наряду с мозаиками и фресками в Киевской Руси появляются и памятники станковой живописи (иконы). Древнейшие из них привозились из Византии. Так, например, в сообщении Ипатьевской летописи об окончании постройки Десятинной церкви упоминается, что церковь была богато снабжена церковными сосудами, крестами и иконами.

Древнейшим памятником станковой живописи является известная икона так называемой Владимирской богоматери, вывезенная из Константинополя в Вышгород, княжеский город под Киевом, позже, в 1155 г., перевезенная во Владимир, а оттуда в 1395 г.— в Москву. Расчистка иконы в 1919 г. от многовековых записей и олифы позволила установить, что от древнейшей живописи сохранились лишь лица матери и ребенка (рис. 158). Лицо богоматери отмечено глубокой эмоциональной напряженностью. На темнозеленой прокладке (санкирь)

Рис. 157. Чернигов. Спасский собор. Фреска. Фекла (фото Черниговского музея).

Рис. 158. Владимирская богоматерь. Деталь (фотоархив ИИМК).

Рис. 156. Киев. Собор Михайловского Златоверхого монастыря. Мозаика. Дмитрий Солунский

дана живописная лепка объемных форм тонкого смуглого лица. Теми же приемами, но в несколько более светлых розоватых тонах, выполнено лицо ребенка. Образ богоматери лишен условности и торжественной неподвижности, которая так характерна для большинства ее византийских изображений XI—XII вв. Интимность, глубокий психологизм и своеобразный лиризм иконы как бы предвосхищают те художественные явления, которые будут характерны для русского искусства XIV—XV вв.

Распространение письменности на Руси вводило еще один вид искусства — книжную миниатюру. Древнейшие русские миниатюры сохранились в известном Остромировом евангелии, написанном в 1056—1067 гг. дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира (рис. 42). Остромир был приближенным киевского князя Изяслава, поэтому самая рукопись и украшающие ее миниатюры с изображениями четырех евангелистов были исполнены в Киеве. Утонченное мастерство миниатюры, яркое орнаментальное окружение фигур евангелистов и обилие золота делают эти миниатюры похожими на ювелирное произведение.

В 1079—1087 гг. были исполнены русские дополнения к латинской псалтыри, принадлежавшей жене князя Изяслава — Гертруде. В миниатюрах этой рукописи дважды представлены портреты киевского князя Ярополка с женой Ириной (рис. 159). На первой миниатюре Ярополк и его жена в коронах изображены в позе «предстоящих» перед фигурой апостола Петра, по размерам вдвое превышающей фигуры Ярополка и Ирины. У ног апостола — коленопреклоненная мать Ярополка, жена Изяслава — Гертруда. Все три фигуры в пышных одеждах, расшитых драгоценными камнями. На другой миниатюре (см. т. I, рис. 165 *а*) изображен Христос на троне, венчающий Ярополка и Ирину. Князя и его жену подводят к трону Христа апостол Петр и Ирина — патроны княжеской фамилии.

Мстиславово евангелие, исполненное между 1103 и 1117 гг. Алексой для новгородского князя Мстислава, сохранило миниатюры с изображением евангелистов, несомненно, скопированные с миниатюр Остромирова евангелия (рис. 43).

В числе древнейших киевских миниатюр необходимо упомянуть еще о миниатюрах Изборника Святослава. Сборник этот был написан по заказу киевского князя Изяслава в 1073 г., но в том же году попал в руки Святослава. Последний распорядился пришить к рукописи согнутый пополам лист пергамена, на одной стороне которого был изображен Христос, а на другой — коллективный портрет княжеской семьи (см. т. I, рис. 159). В отличие от семейного портрета Ярослава Мудрого в Киево-Софийском соборе, полного торжественной церемониальности, семья Святослава представлена в виде компактной и непринужденной группы, так что фигура княгини полностью закрыла находящегося за ней одного из ее сыновей, от которого видна только шапка. В церемониальном портрете, требовавшем расстановки фигур по одной линии с некоторым расстоянием между ними, подобный прием был бы, конечно, недопустим.

Рис. 159. Трирская псалтырь. Миниатюра.

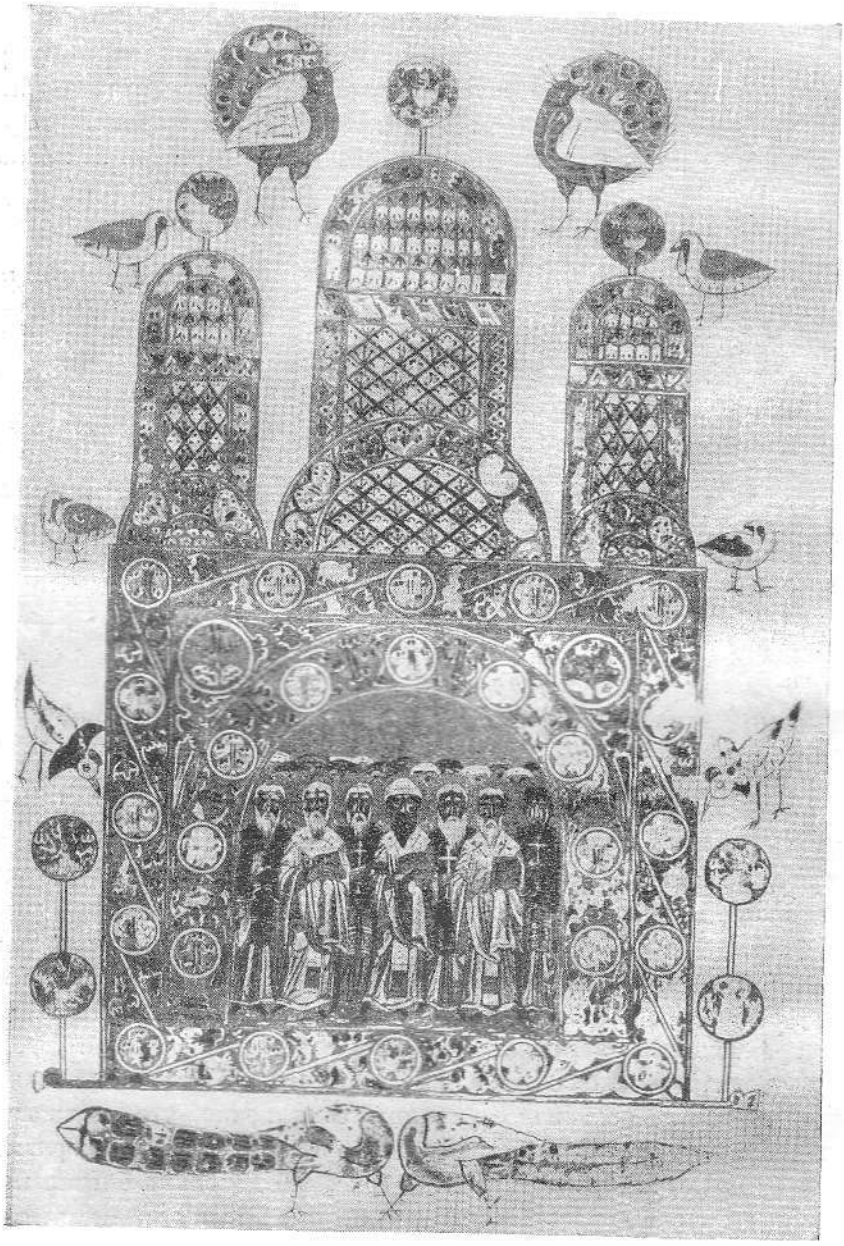


Рис. 160. Изборник Святослава 1073 г. Заставка.

Кроме миниатюр с потретами, в Изборнике есть еще две заставки (рис. 160). На фоне пятикупольного византийского храма изображены группы святых, чрезвычайно большеголовых при незначительном росте фигур. Рукопись 1073 г. была копией с болгарской, составленной для царя Симеона. Весьма вероятно, что с нее были скопированы и заставки рукописи. Орнаментация заглавных букв Изборника несет на себе несомненное влияние этого оригинала.

Особый интерес представляют рисунки, сделанные мастером на полях рукописи (рис. 161). Два из них дают мотивы звериного орнамента — фигуру крылатого грифона и зверя, выполненные киноварным контуром. Два других

Рис. 161. Изборник Святослава 1073 г. Рисунки на полях.

изображают, как показывают русские надписи над ними, фигуры знаков зодиака — «стрельца» и «девицу». Фигура девы — это действительно русская «девица», ярко, хотя и наивно реалистически, охарактеризованная орнаментировавшим рукопись мастером: он изобразил ее с молодым курносым лицом, с торчащими в стороны косицами и в народном платье. Подобного рода наивно-реалистические бытовые картинки встречаются на полях рукописей и позднее.

Наряду с миниатюрой особую отрасль украшения рукописной книги представляла орнаментация: заставки, концовки и заглавные буквы. Древнейшие русские церковные рукописи XI в. представляли собой копии византийских или южнославянских оригиналов, поэтому естественно, что воспроизводился и орнаментальный убор этих книг. Так, например, заставки и орнаментация заглавных букв Остромирова евангелия (рис. 40) довольно близко копируют пышные многокрасочные растительные и звериные мотивы византийских и южнославянских рукописей. Однако и в этой древнейшей русской рукописи, изготовленной в Киеве, отдельные орнаментальные изображения воспроизводят и местные мотивы звериной орнаментики, широко распространенные в памятниках прикладного искусства (см. гл. 10).

2

Рассмотренные выше памятники древнейшего периода истории русской живописи показывают, что мы имеем здесь дело с искусством, еще далеким от условности и отвлеченного символизма; оно нередко дает образцы портретных изображений, наделенных острой эмоционально-психологической характеристикой. Живопись стремится преодолеть плоскостность и неподвижность и передать объемность человеческой фигуры, не лишенной элементов движения. Художник выявляет форму средствами живописной лепки и богатой красочной гаммы.

Эти важнейшие черты русской живописи X—XI вв. и ее типичные изобразительные средства являются наследием античного, точнее, эллинистического искусства, переданного на Русь через искусство Византии. Само византийское искусство этого времени было полно противоречий; в нем сосуществовали и боролись различные течения; от искусства, насквозь пропитанного переживаниями античности, и до типично-феодального искусства с его условным изобразительным строем и церковно-схоластическим мировоззрением. Полная пережитков патриархальной старины эпоха Владимира и Ярослава с ее дружинным бытом и начальным христианством, еще чуждым аскетических крайностей и отрицания земных радостей, являлась благодарной средой для проявления эллинистических традиций в живописи. Но как в самой Византии, так и на Руси это художественное течение постепенно уступало место все более и более крепнущей струе церковно-схоластического искусства.

Этот новый стиль живописи отражал глубокие изменения в общественной жизни и идеологии, связанные с победой феодализма и началом феодальной раздробленности. Он формировался главным образом под влиянием церковной идеологии, быстро развивавшейся во вновь основанных крупных монастырях. В обстановке нарастающей классовой борьбы значение церкви, как сильнейшего аппарата феодального гнета, необычайно возросло. Борьба с языческими пережитками, проникшими в христианское мировоззрение и обрядность, привела церковь к отрицанию и старого христианства, принявшего в дружинной среде Киевской Руси оттенок жизнерадостной мирской религии (см. гл. 3). Усилилась проповедь монашеского аскетизма и отрицания земного мира, что с неизбежностью должно было наложить отпечаток и на искусство. Если живопись X—XI вв. представляла относительно целостное явление и была связана с культурными центрами Поднепровья, то в XI—XIII вв., подобно тому, как это было в зодчестве (см. гл. 8), выступают местные линии художественного развития, связанные с процессом феодального дробления Руси и переработкой киевской традиции. Уже в памятниках начала XII в. черты нового стиля выражены достаточно отчетливо, а в конце XII в. в местных художественных школах это новое художественное направление выступает в окончательно оформившемся виде. Раньше, чем мы обратимся к рассмотрению памятников областных школ, необходимо охарактеризовать общие черты нового стиля.

Живописи XII в. свойственна прежде всего нарочитая условность и отвлеченность ее образов: она не ставит задачу отобразить реальную действительность; наоборот, она преобразует реальные явления в условные символические схемы, в идеалистические формулы. С этим связаны и новые изобразительные приемы и средства. Живопись как бы не знает пространства; исчезает объемность предметов; действие развертывается в одной плоскости или в крайне ограниченном пространстве. Человеческая фигура распластана в двух измерениях и окружена ровным, одноцветным, иногда золотым фоном. Условный горный или архитектурный пейзаж является такой же плоской задней декорацией.

Вторым отличительным признаком живописи периода феодальной раздробленности является статичность. Все — и люди, и природа, и вещи — запечатлено в состоянии неподвижности. Человеческая фигура развернута чаще всего совершенно фронтально; складки одежд тяжело падают вниз; лицо неподвижно и бесстрастно — оно становится «ликом». Если сюжет вынуждает к изображению движения, то оно передается как бы в оцепенении, превращаясь, в сущности, в застылую, омертвелую видимость движения. Для одновременного изображения нескольких человеческих фигур, даже объединенных каким-либо действием, характерен так называемый закон изокефалии (т. е «равноголовия»): все фигуры стоят на одной линии, их головы расположены по одной горизонтали. Пейзаж не нарушает этой статичности, напротив, мягкие овальные очертания горок или симметричные формы «палатного письма» подчеркивают ее.

Для нового стиля характерна подчеркнутая роль линии, контура; меньшую роль играет лепка цветовым пятном, т. е. живопись в собственном смысле этого слова.

Фресковая живопись была попрежнему органически связана с архитектурой, подчиняясь законам архитектоники здания и подчеркивая их; ее изобразительные средства оставались глубоко монументальными, будучи всегда рассчитаны на многочисленных зрителей, смотрящих издалека; поэтому композиция и теперь лаконична, лишена каких-либо подробностей и доступна для быстрого освоения. Огромная сила воздействия этого искусства не подлежит сомнению. Монументальная живопись в сжатых, доступных даже для неподготовленного зрителя образах развертывала сложнейшие догматы и краткую энциклопедию христианства: недаром современники называли церковную роспись «библией для неграмотных».

Тематика византийской иконографии, сложившейся в условиях развитого феодального общества, несшая на себе не только тяжелый груз средневековой церковной догматики, но и пережитки античных представлений, разумеется, была не всегда понятна и доступна в новой, более широкой среде: теперь живопись вместе с архитектурой проникала в новые, далекие от Киева города. Поэтому византийская иконография довольно быстро перерабатывается и дополняется: вводятся новые темы, связанные с жизнью русской церковной орга-

низации, делаются попытки связать христианство с древними языческими представлениями. Так, например, получал новый смысл заимствованный из Византии культ Власия, воспринявшего на Руси функции славянского бога Велеса, культ Флора и Лавра, покровителей коневодства, и т. п. (см. гл. 3). Но в основном византийская иконография была близка идеологии господствующего класса феодальной Руси; этим, в частности, и объясняется органическое врастание византийского искусства в культуру древней Руси и его переработка русскими мастерами различных областных школ.

И в живописи, как и в зодчестве, Киев играет на первых порах ведущую роль.

3

Памятников монументальной живописи XII в. в Киеве и других городах Поднепровья дошло до нас значительно меньше, чем от предшествующего периода. Очень фрагментарно сохранились росписи в соборе Елецкого монастыря в Чернигове и в церкви киевского Выдубицкого монастыря.

Наиболее сохранной, хотя еще и не расчищенной в большей своей части, является роспись Кирилловского монастыря под Киевом (рис. 162). Плоскостная, графическая манера росписи, отказ от эллинистических традиций предшествующего времени, условность и отвлеченность образов — все это делает кирилловскую роспись типичным памятником нового стиля XII—XIII вв. В алтарной апсиде, кроме обычной фигуры богоматери, композиции евхаристии и святителей, были изображения святых, заключенные, подобно портретам, в рамы. В южной апсиде развертывался цикл изображений из жития Кирилла епископа Александрийского. На западной стене храма и на примыкающих к ней арках и сводах раскинулась характерная для росписей этого времени композиция Страшного суда. Разработанная с чрезвычайной подробностью, эта тема была призвана дисциплинировать сознание средневекового человека, она напоминала о многочисленных разновидностях наказаний, которые ожидают непокорных грешников в загробном мире. Плоскостные, тяжелые и неподвижные фигуры кирилловской росписи лишены каких-либо индивидуальных черт. Сравнение их с фресковыми изображениями из киевской Софии, нередко еще индивидуально портретными, показывает, как далеко зашел процесс феодального перерождения старых художественных традиций, о котором была речь выше.

Этому процессу способствовало и появление русских мастеров-живописцев, которые, быстро восприняв искусство греков, вносили в свои произведения черты своего художественного мышления. Уже на рубеже XI—XII вв. источники называют знаменитого русского живописца Алимпия; он был отдан в ученье греческим мастерам, работавшим над росписью собора Киево-Печерского монастыря, участвовал в их мозаичных работах, а затем «добре извык хитрости

иконней, иконы писати хитр бе зело», и его имя стало столь же значительным, как имена позднейших русских мастеров кисти—Андрея Рублева и Дионисия. Вместе с ним упоминаются в Киево-Печерском патерике его сотоварищ по искусству иконного письма Григорий и два подмастерья Алимпия. Несомненно русским был и мастер кирилловской росписи,— все надписи фресок русские;

Рис. 162. Киев. Церковь Кирилловского монастыря. Фреска (копия А. В Прахова).

в применении яркой, цветистой палитры проявляется характерная любовь к ковровой пестроте ансамбля.

Искусство живописи привилось не только в монашеской среде, но стало и одной из профессий светских городских ремесленников. Так, например, при раскопках в Киеве в одном из городских полуземляночных жилищ было найдено 14 горшочков с разными красками (рис. 163). Характерно при этом, что этот же

мастер имел какое-то отношение и к прикладному искусству,—здесь же были найдены художественные поделки из бронзы и серебра, сырье и заготовки для выделки янтарных бус и пр.

Рис. 163. Горшочки с краской из жилища ремесленника в Киеве XIII в. (раскопки М. К. Каргера).

4

Древнейшие памятники новгородской монументальной живописи относятся к началу XII в. Выстроенный в 1045—1050 гг. Новгородский Софийский собор оставался более полувека нерасписанным внутри. Только весной 1108 г., как сообщает новгородская летопись, «почашя пьсати святую Софию, стяжаниемь святаго владыкы [Никиты]». Неизвестно, когда была закончена роспись основного здания собора. В 1144 г., по сообщению той же летописи, были расписаны его боковые притворы.

От росписи новгородской Софии сохранились лишь ничтожные фрагменты В простенках между окнами центрального купола расположены фигуры восьми пророков. Они изображены в рост в обычных типах и позах, в руках у них свитки с текстом пророчеств. Надписи у фигур и тексты на свитках исполнены крупным уставом на русском языке. Выполненные в исключительной по монументальности манере фигуры пророков отличаются эпическим спокойствием лиц, жестов и движений, широкой декоративной трактовкой одежд. Классическая ясность и простота этих изображений, строгость пропорций, неутраченная, несмотря на некоторую схематизацию форм, пластичность человеческой фигуры заставляют вспомнить лучшие традиции константинопольской школы византийского искусства. Однако, сравнивая пророков новгородской Софии с купольной

мозаикой апостола из киевской Софии, можно отметить некоторые особенности новгородских фресок, выражающиеся в несколько грубовато написанных конечностях фигур, в большей застылости поз, сравнительной большеголовости, больших широко открытых глазах и пр. Не только русские надписи, но и существенные особенности в трактовке лиц и фигур, сближающих эти изображения с более поздними новгородскими росписями XII в., не оставляют сомнения в том, что роспись 1108 г. была выполнена не греческими, а русскими, повидимому, новгородскими мастерами. Ввиду крайней фрагментарности софийских фресок восстановить общую схему росписи не представляется возможным. Во время реставрационных работ 90-х годов XIX в. на стенах собора были обнаружены лишь немногочисленные фрагменты древней росписи, которые были варварски сбиты или закрыты цементной штукатуркой.

Рис. 164. Новгородский Софийский собор. Фреска. Царица Елена (фото Л. А. Мацулевича).

От росписи притворов, исполненной в 1144 г., сохранилось несколько фрагментов. Среди них главное место принадлежит открытой ниже уровня современного пола собора, отлично сохранившейся композиции Деисуса с погрудными изображениями Христа, богоматери и апостола Павла. Эта фреска обнаруживает ближайшее родство с более поздними росписями Новгорода (конца XII в.). В том же южном притворе при раскопках был найден небольшой кусок фресковой штукатурки с изображением трех голов портретного характера. Высказывавшееся предположение, что этот фрагмент является частью композиции, изображавшей заказчика храма князя Владимира Ярославича и его сыновей, лишено оснований. По манере письма этот фрагмент близок к упомянутому выше изображению Деисуса.

Сохранившееся в том же притворе изображение византийского императора Константина и матери его Елены (рис. 164) резко отличается по характеру ис-

полнения как от купольной росписи 1108 г., так и от упомянутых фресок притвора. Условность, абстрактный схематизм, плоскостность изображений доведены здесь до предела. Лица, как и фигуры, не имеют объема. Мастер не пользуется лепкой формы цветом, он не применяет световых бликов, полутонов, глубоких теней. Контурный рисунок является здесь основным изобразительным средством, его графически точные линии проложены уверенной рукой изощренного мастера. Рисунок как бы лишь слегка расцвечен легкими голубыми, белыми и розовато-оранжевыми красками. Изображение Константина и Елены не имеет аналогий ни в русской, ни в византийской живописи и было исполнено, несомненно, русским мастером, как о том свидетельствовала надпись (позже исчезнувшая) над головой Елены, сделанная древним уставным письмом — *Олена*. Обычно эту фреску относили к росписи притворов 1144 г. В недавнее время высказано предположение, что изображение Константина и Елены является древнейшим фрагментом софийской стенописи и относится к XI в.

Тридцатилетие, отделяющее софийскую роспись 1108 г. от росписи софийских притворов 1144 г., отмечено в художественной жизни Новгорода напряженной и разносторонней деятельностью как в зодчестве, так и в живописи. Достаточно вспомнить, что именно в это тридцатилетие были воздвигнуты крупнейшие сооружения Новгорода, оставшиеся непревзойденными в течение всей последующей истории города — собор Благовещения на Городище (1103), собор Николы на Ярославовом Дворище (1113), собор в Антониеве монастыре (1117), и собор Георгия в Юрьеве монастыре (1119).

Новгородские летописи сообщают о росписи только одного из названных четырех храмов — собора в Антониеве монастыре. Но отсутствие известий о росписи других построек свидетельствует лишь о недостаточной систематичности летописных записей, связанных с художественной жизнью города: все названные сооружения сохранили фрагменты древних фресковых росписей, некогда сплошь покрывавших их стены.

Большая часть стенописи собора Николы на Дворище безвозвратно погибла при многочисленных пожарах, ремонтах и перестройках храма. На стенах собора сохранились в разных местах лишь незначительные фрагменты его былого великолепного убранства. Наиболее сохранившимся и художественно значительным остатком росписи является фрагмент фрески на западной стене храма, изображающий многострадального Иова, сидящего за городской стеной на гноище, и его жену, подающую ему на длинной палке пищу и питье (рис. 165). Эта фреска значительно отличается как от купольной росписи Софии, так и тем более от росписи софийского притвора исключительным изяществом и утонченностью форм. Фигура жены Иова поражает изысканностью пропорций, свободной пластичностью в трактовке фигуры с ее величавым, но в то же время мягким женственным характером. Легкий наклон головы, несколько удлиненный овал лица его, мягкая живописная лепка, — все эти черты сближают николо-

Рис. 165. Новгород. Николо-Дворищенский собор. Фреска. Жена Иова (фото М. К. Каргера).

дворищенские фрески с росписями Киева XI и, особенно, начала XII в.; ближайшей аналогией является роспись крещальни киевской Софии (начала XII в.). Фрески Николо-Дворищенского собора исполнены, несомненно, русскими мастерами. Но в отличие от росписей Софийского собора, в которых проступали своеобразные черты складывающейся новгородской школы, роспись Николо-Дворищенского собора свидетельствует о временном оживлении новгородско-киевских художественных связей.

На стенах Георгиевского собора Юрьева монастыря до недавнего времени не было известно ни одного фрагмента древней росписи. Открытые раскопками 1932—1933 гг. под новым полом собора многочисленные фрагменты фресковой живописи, сбитой со стен при реставрации начала XIX в., были первым свидетельством о былом великолепном убранстве храма. Вскоре были обнаружены орнаментальные росписи в оконных проемах, а также фрески в куполе башни собора. Здесь, в простенках между окнами, были помещены фигуры святителей, преподобных и князя, изображенных в рост, и, наряду с ними, огромные погрудные изображения богоматери-одигитрии и вседержителя. Роспись Георгиевского собора была исполнена, повидимому, вскоре после окончания постройки, и, подобно росписи Николо-Дворищенского собора, тесно связана с киевскими художественными традициями.

Роспись собора Антониева монастыря была случайно обнаружена под новой штукатуркой при ремонте собора в 1898 г. и тогда же грубо реставрирована. Вторично фрески были раскрыты лишь в наше время. В алтаре расчищены композиции из цикла жития Иоанна Предтечи, Введение во храм и несколько отдельных фигур, а в центральной части храма фрагменты из композиции Успения и Рождества. Антониевские фрески по характеру письма довольно резко выделяются среди всех других новгородских росписей первой половины XII в. (рис. 166) своим сильным, жестким, порой несколько грубоватым рисунком. Лица характеризуются довольно резкими зелеными, а местами красными притенениями; особенно характерна резкость контуров, проявляющаяся в трактовке отдельных голов, склонность мастера к острой и эмоционально выразительной характеристике (рис. 167). Эти особенности позволили сближать антониевские фрески с миниатюрами рейхенаухской и регенсбургской школ или с романо-византийскими росписями Италии XII в. Эти черты росписи объясняются тем, что строитель монастыря Антоний был уроженцем Рима, он сохранил за собой и в Новгороде прозвище «римлянин». По словам его жития, он, живя в Новгороде, не знал русского языка. В монастырской ризнице хранились до недавнего времени ювелирные изделия западного происхождения. Едва ли, однако, исполнителем всех антониевских фресок была артель пришлых мастеров — слишком много характерных черт связывает эти фрески с русской художественной традицией. Но вполне вероятно, что в составе мастеров были отдельные иноземные живописцы, своеобразная художественная манера которых оказала воздействие и на их русских сотоварищей.

На стенах башни Антониева собора открыта, к сожалению пока не полностью, своеобразная роспись светского содержания, исполненная одной лиловато-красной краской, нанесенной техникой фрески на розовато-кремовую от примеси толченого кирпича хорошо заглаженную штукатурку. Особое внимание привлекает небольшая фигурка бородатого мужчины, одетого в короткий, доходящий лишь до колен кафтан, чулки и характерные башмаки на высоких каблуках с загнутыми кверху носками. Он изображен в профиль с непокрытой

Рис. 166. Новгород. Собор Антониева монастыря. Деталь фрески. Голова старца (фото М. К. Каргера).

Рис. 167. Новгород. Собор Антониева монастыря. Деталь фрески. Фигура юноши (фото М. К. Каргера).

головой, с вытянутыми вперед руками. Над головой процарапана надпись — *Петр*. Предполагают, что это портрет зодчего, строителя собора Юрьева монастыря и, вероятно, Антониева собора — новгородского мастера Петра.

Росписью притворов Софийского собора в 1144 г. заканчивается цикл памятников новгородской монументальной живописи первой половины XII в., отделенный почти полувековым интервалом от новгородских росписей второй половины XII в.

Фрески 1189 г. церкви Благовещенского монастыря под Новгородом (которую ошибочно принято называть церковью Благовещения в Аркаже; рис. 168) отмечены особенностями окончательно складывающейся к концу XII в. новгородской художественной школы: яркой, полнозвучной красочностью при

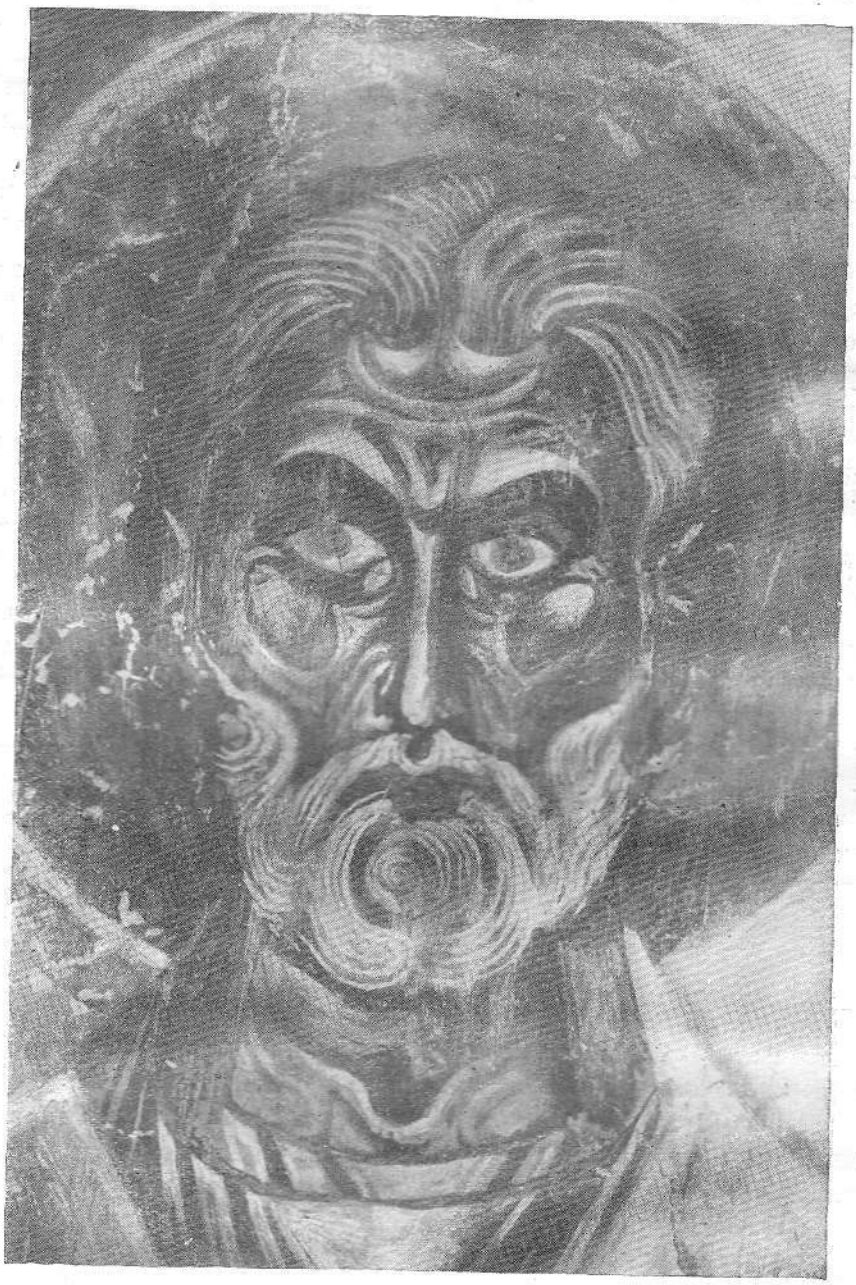


Рис. 168. Новгород. Благовещенская церковь. Деталь росписи. Голова святого (фото Центр. гос. реставр. мастерских).

крайней ограниченности палитры, подчеркнутой ролью линии, резким контурным рисунком. Мастер пользуется здесь в основном желтыми охрами, зелеными и коричневыми тонами. Локальный тон лиц зеленый или коричневый со светло-желтым охрением. Чрезвычайного развития достигает в этой росписи линейная разделка лиц, нередко покрытых сложным графическим чисто орнаментальным узором морщин и складок.

Роспись церкви Спаса-Нередицы, разрушенной немецко-фашистскими захватчиками, исполненная в 1199 г., представляет наиболее драгоценный памятник новгородской монументальной живописи XII в. Все стены, столбы, своды, арки и купол храма были сплошь покрыты фресками прекрасной сохранности. В куполе была помещена композиция Вознесения, ниже в барабане — пророки, на подпружных арках — медальоны с погрудными фигурами сорока мучеников. В конхе алтарной апсиды — богоматерь-оранта, ниже — евхаристия и два ряда изображений отцов церкви (рис. 169). На стенах и столбах храма поясами были расположены отдельные фигуры святых и композиции на евангельские и библейские темы (рис. 170). На западной стене развертывалось большое изображение Страшного суда. Все эти композиции располагаются с большой свободой по поверхностям стен, столбов и сводов, переходя за угол стены, облегая стены, подобно ковру, нарушая строгие законы архитектоники. Нижняя часть стен была покрыта орнаментальной росписью, подражавшей панелям из различных сортов мрамора. Содержание и система росписи в основном следует установившейся к этому времени традиции. Своеобразный новгородский колорит с преобладанием ярких, интенсивных цветов — красно-коричневых, желтых, зеленых, белых и синевато-голубых — и характерный резко оконтуривающий форму рисунок, наконец, чисто русские надписи, с нередко пробивающимися местными особенностями новгородского говора (мена ц и ч),— все это говорит о новгородском происхождении мастеров Нередицы.

В целом нередицкая роспись проникнута суровым, мрачным духом. Гигантская картина Страшного суда, огромные полуфигуры грозных архангелов, покровителей воинов и княжеской власти, скованные в мертвенном покое тяжелые фигуры святых, неотступно и пристально глядящих со стен храма огромными черными глазами,— все это внушало мысль о беспомощности и ничтожестве человека перед страшной силой божества. Вместе с тем, создавая ансамбль росписи княжеского храма, новгородские мастера внесли в него много реалистического чувства в выразительно индивидуализированных образах пророков и святителей. В композиции Крещения живо переданы фигурки складывающих одежды людей. В Страшном суде сцена богача и бедного Лазаря проникнута чисто народным юмором: сидящий в адском пламени богач молит Лазаря о капле воды, а сатана подает ему сосуд с огнем; надпись гласит: «Друже богатый, испей горящего пламени...»

Изучение художественных манер и технических особенностей нередицкой росписи позволило установить, что она была исполнена группой русских

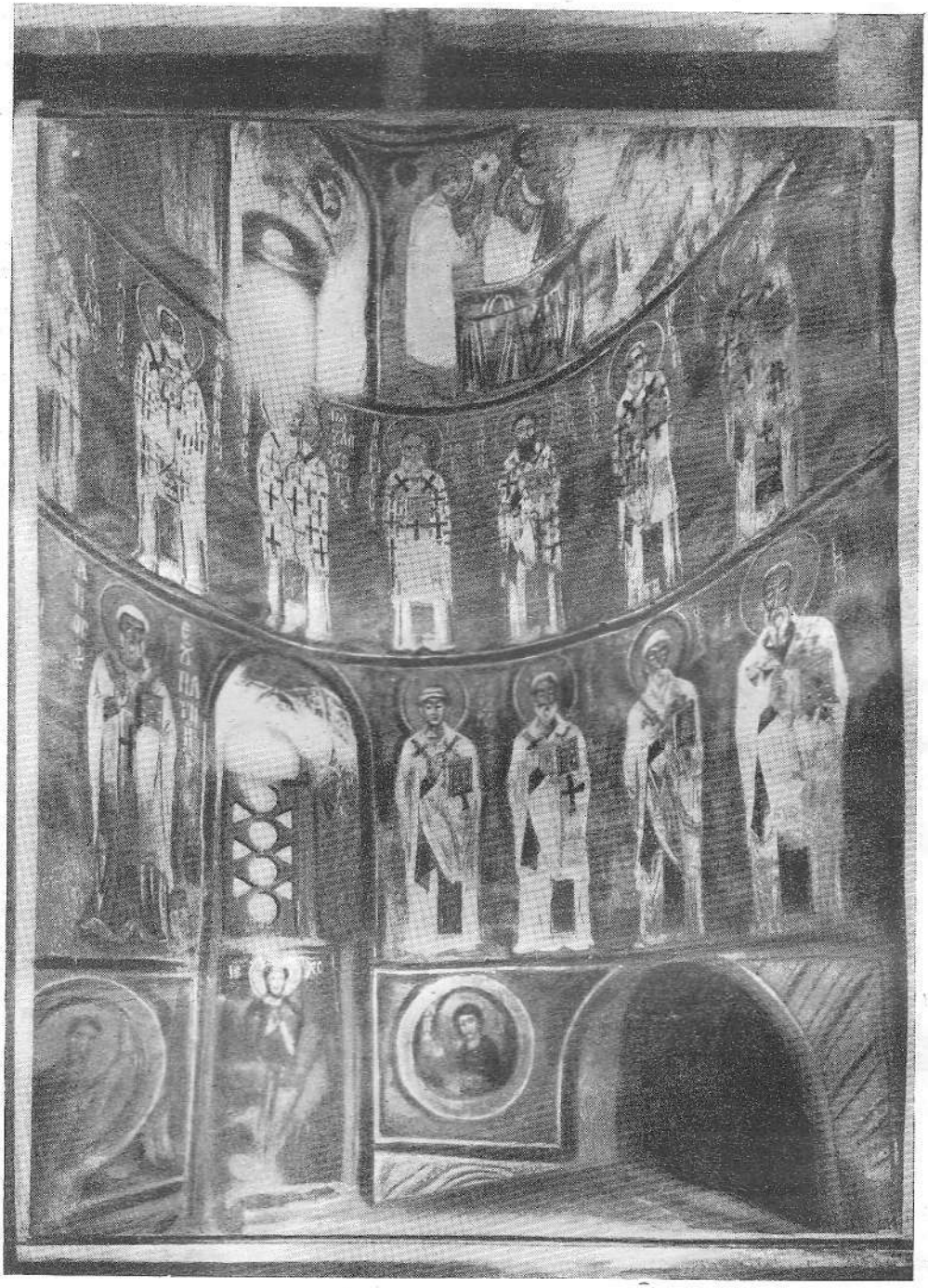


Рис. 169. Новгород. Спас-Нередица. Роспись апсиды
(фото Центр. гос. реставр. мастерских).

мастеров, каждый из которых в рамках обязательных иконографических схем и типов сумел сохранить свою творческую индивидуальность. Один пишет широким живописным мазком, приближаясь по манере к тем течениям, которые были связаны с эллинистическими традициями (рис. 171). Другой, наоборот, характерен сильно выраженной склонностью к графической манере с подчеркнутой ролью контура, тщательного рисунка, нередко даже к некоторой орнаментальности в трактовке лиц и одежд (рис. 172). Если фигуры первого мастера отличаются грузными процорциями, большими головами и несколько одутловатыми лицами,

Рис. 170. Новгород. Спас-Нередица. Фреска. Крещение (фото Л. А. Мацулевича).

то для фигур второго мастера характерны стройные, слегка удлиненные пропорции. Исключительно своеобразна третья манера, к которой можно отнести почти все большие композиции на южной, северной и западной стенах храма. Они объединены общностью принципов симметричной компоновки и характерными пропорциями фигур, а также постановкой их в сдержанном движении, родством типов лиц, трактовкой одежд с одинаковыми приемами моделировки складок. Однако в пределах этой манеры есть несколько индивидуальных «почерков», свидетельствующих о том, что в данной манере работал не один мастер, а по крайней мере три, отличавшихся различной степенью точности рисунка и остроты характеристик персонажей. В этом отношении выделяется сложная композиция Страшного суда. Здесь вычурные раккурсы фигур, обостренный, эскизный, порой несколько небрежный рисунок и исключительная экспрессивность

характеристик доходят до преувеличений. Среди мастеров Нередицы были и менее самостоятельные художники. Так, один из них явно подражает манере второго мастера, но упрощает ее. Интересно, что части росписи, исполненные в той или иной манере, характеризуются единством приемов в трактовке и лиц и одежд и даже общностью графических особенностей сопровождающих надписей. Это показывает, что каждый мастер исполнял то или иное изображение от начала и до конца.

Рис. 171. Новгород. Спас-Нередица. Фреска. Пророк (фото Л. А. Мацулевича).

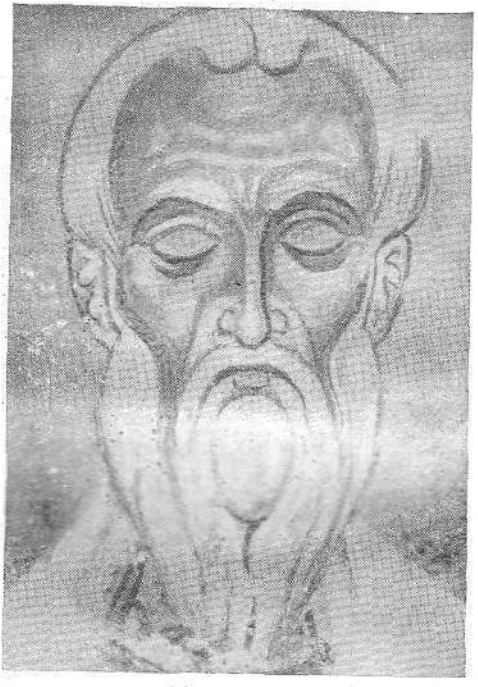


Рис. 172. Новгород. Спас-Нередица. Фреска. Святитель (фото Л. А. Мацулевича).

При всем своеобразии живописных манер и технических навыков, мастера Нередицы создали исключительно целостную по декоративному замыслу и единству сложной иконографической схемы роспись, которая удовлетворяла и точно разработанным церковно-каноническим требованиям и пожеланиям заказчика росписи — князя Ярослава Владимировича, вносившего в обычную схему различные дополнения и изменения. Так, в храме был изображен сам князь Ярослав, подносящий модель созданного им храма Христу (рис. 173); при всей схематичности и условности это изображение, несомненно, имеет все же реалистические черты, придающие ему характер портрета. В недавнее время было высказано мнение, что фреска изображает князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского.

Точная дата росписи церкви Георгия в Старой Ладоге неизвестна, так же, как и дата постройки самого храма. На стенах церкви сохранились лишь части раз-

Рис. 173. Новгород. Спас-Нередица. Фресковый портрет Ярослава (фото А. Лядова).

личных композиций и отдельных фигур. Купол занят изображением Вознесения, ниже — в простенках между окнами — фигуры пророков. Сохранившиеся на южной стене храма фрагменты позволяют реконструировать систему росписи стены. В нижней части над «мраморировкой» панелей находилась компози-

ция Крещения, выше шел ряд фронтально поставленных фигур в рост под аркатурой, еще выше размещался пояс погрудных изображений мучеников в

Рис. 174. Старая Ладога. Церковь Георгия. Фреска. Чудо Георгия (фото Государственного Русского музея).

круглых медальонах. Западная стена и примыкающие участки южной и северной были заняты сложной композицией Страшного суда, от которой уцелели лишь фрагменты. Особый интерес представляет роспись диаконника, где сохранилось изображение «чуда Георгия о змии» и отдельные фигуры в медальонах

(рис. 174 и 175). Роспись церкви Георгия заслуженно считается одним из наиболее характерных образцов новгородской монументальной живописи XII в.

Рис. 175. Старая Ладога. Церковь Георгия. Фреска. Анфим (фото Государственного Русского музея).

Ближайшее родство ладожских фресок с росписью церкви Благовещения и особенно Нередицы позволяют относить их к двум последним десятилетиям XII в. Подобно фрескам второго мастера Нередицы ладожская роспись отличается

ярко выраженным графическим характером. Точный, уверенный рисунок, подчеркнутая роль контура и тонкое чувство силуэта сочетаются с яркой, цветистой красочной гаммой, придающей росписи праздничный, нарядный вид. Эти особенности еще более подчеркиваются склонностью мастера к орнаментальному узорочью в трактовке лиц, одежд, архитектурного и горного пейзажа, особенно в обрамлении композиций и отдельных фигур медальонами и аркатурами. Орнаментальные мотивы играют в росписи Ладоги очень большую роль. Колористическое мастерство художника с особой силой запечатлено в «чуде Георгия» (рис. 174). На белесоватом фоне выступает фигура конного Георгия в голубовато-синем хитоне, золотисто-желтых доспехах, коричнево-красном плаще, фиолетовых штанах и белых сапожках. Его конь голубовато-белой масти имеет красно-коричневую гриву и хвост. Фигура царевны в белом одеянии отвечает белому дракону с синевато-стальной чешуей. Исключительно русские надписи, сопровождающие изображения, и весь характер росписи не оставляют сомнений в том, что ладожская стенопись исполнена новгородским мастером, может быть, одним из участников росписи Нередицы. Расчищенное в другой ладожской церкви (Успения) изображение князя-мученика так же позволяет связать роспись и этой церкви с деятельностью новгородских мастеров, работавших нередко за пределами не только своего города, но и, как показывают фрагменты фресок церкви в приходе Гарда на о. Готланде, за пределами новгородской земли.

Широко распространенное в научной литературе убеждение о ближайшей связи росписи Мирожского монастыря во Пскове (относимой исследователями то к середине, то к концу XII в., а некоторыми даже к началу XIII в.) с росписями Ладоги и Новгорода, далеко не бесспорно. Мирожская роспись, хотя и может быть до известной степени сопоставлена с росписью церкви Георгия в Ладоге и росписью Нередицы, но, по сравнению с ними, обнаруживает значительно бо́льшую связь с классическими памятниками византийской школы как в трактовке фигур, так и в композиционных решениях (рис. 176).

Расчищенные советскими реставраторами памятники новгородской станковой живописи XII—XIII вв. показывают, что и для нее были характерны все стилистические особенности живописи монументальной. Так, фигуры Петра и Наталии, раскрытые на обороте знаменитой новгородской иконы XII в. богоматери-знамения, как бы перенесены на икону со стен нередицкой церкви (рис. 177). Икона Георгия из Юрьева монастыря представляет также образец монументальных традиций в иконописи.

В новгородских иконах выразительнее, чем в росписях, выступают особенности сложившейся ко второй половине XII в. новгородской школы. Ее лучшими памятниками являются иконы Николы (Гос. Русский музей; рис. 178) и Евана, Георгия и Власия (там же; рис. 179). Последняя поражает смелостью цветовых сочетаний — желтого, синего, белого с пылающим красным фоном. Яркая, полнозвучная красочность с преобладанием сочных несмешанных тонов, некоторая грубоватость рисунка, русские типы отдельных персонажей, свидетельствующие

о реалистических элементах, просачивающихся в замкнутую сферу иконописи,— все эти особенности делают новгородскую школу XII—XIII вв.

Рис. 176. Псков. Спасо-Мирожский собор. Фреска. Архангел (*фото Парли*).

явлением глубоко своеобразным, воспринявшим некоторые черты почти не дошедшего до нас народного искусства.

В еще большей степени элементы местного народного искусства выступают в рисунках на полях новгородских и псковских рукописей XII—XIII вв., где

иллюстратор или писец рукописи, не сдерживаемый нормами канона, мог делать все, что подсказывало ему собственное художественное сознание. На полях псковского Устава XII в. сохранилось несколько рисунков подобного рода. На одном из листов изображен лежащий на пригорке под деревом человек,

Рис. 177. Новгород. Икона Петра и Наталии (фото Центр. гос. реставр. мастерских).

подложивший правую руку под голову (см. т. I, рис. 146); подле него лежит лопата. Современная рисунку надпись гласит: «Делатель трудися». Эта бытовая сценка, исполненная с исключительным реализмом, является одним из бесспорных доказательств существования в XI—XII в. наряду с феодальным церковным искусством другой, вполне самостоятельной линии народного искусства, проникнутой трезвым, хотя порой и наивным реалистическим сознанием.

Своеобразие развития новгородского искусства отчетливо выявлено также в орнаментации новгородских рукописей XII и первой половины XIII в. Здесь

постепенно исчезает прежняя многокрасочность растительных и геометрических узоров. Их сменяют орнаменты, выполнявшиеся либо одной красной киноварью с разделкой фигур черным, либо трех- и четырехцветные узоры с характерным

Рис. 178. Новгород. Икона Николы (фото Государственного Русского музея).

для Новгорода контрастным сочетанием тонов: яркозеленого, синего, желтого и красного. Эти яркие чистые краски рукописных орнаментов XII—XIII вв. подготовляют ту немногосложную, но насыщенную цветовую гамму, которая

будет характерной для новгородских рукописей XIV в. Наряду с этим мотивы византийской орнаментации инициалов и заставок вытесняются типичной древне-

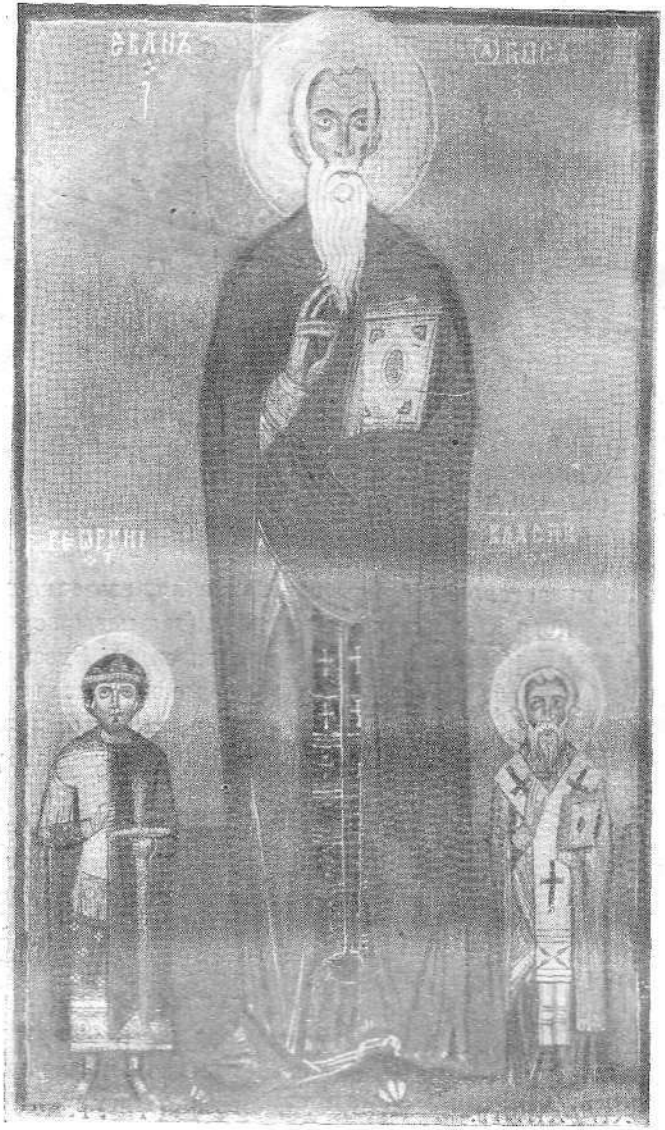


Рис. 179. Новгород. Икона Евана, Георгия и Власия (фото Государственного Русского музея).

русской «звериной» орнаментацией — фигурами птиц и зверей в плетении, растительными мотивами, плетением с головой зверя или птицы, мотивами двух геральдически сопоставленных и сплетенных хвостами птиц и т. п. Примером

может служить рукопись нотного кондакаря XII в., украшенного на первой странице заставкой из двух птиц в ленточном плетении и многочисленными звериными инициалами в тексте.

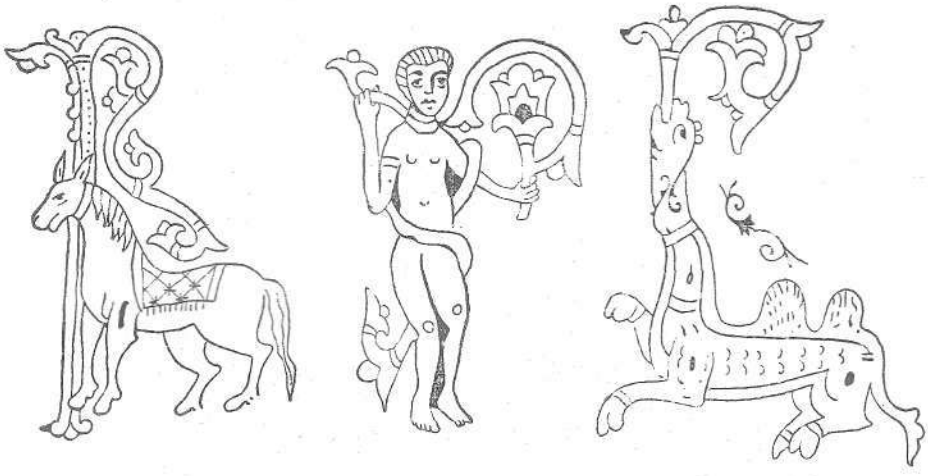


Рис. 180. Инициалы Юрьевского евангелия.

Особый интерес представляет орнамент евангелия, выполненного в 1120—1128 гг. для новгородского Юрьевского монастыря (так называемое Юрьевское евангелие). Здесь в инициалах, кроме элементов звериной орнаментики (головы зверей, фигуры птиц, зверя, растительных пальмет, плетения и т. п.), присутствуют мотивы, навеянные, очевидно, образами русской народной мифологии или сказочными сюжетами (рис. 180). Так, например, на одном инициале мы видим фигуру нагой женщины, опутанной веткой растительного плетения, на другом — фигуру птицы с человеческим торсом, руками и мужской головой, на третьем — у дерева стоит оседланная лошадь, на нескольких инициалах — фигуры зверя, также стоящего у дерева, причем одна из этих звериных фигур имеет на спине два горба (возможно, народное воспроизведение, по описаниям, верблюда, которого северный мастер никогда живым не видел).

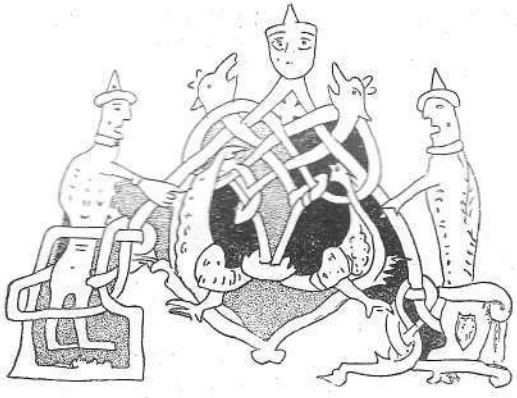


Рис. 181. Заставка в недельном евангелии XII—XIII вв.

Рукопись одного из новгородских евангелий XII—XIII вв. (рис. 181) имеет интересную заставку, составленную из мотивов птиц в плетении и звериных голов,

Рис. 182. Заставка из Апостола XIII в.

увенчивающихся человеческой головой в фас; по бокам стоят две человеческие фигуры, также запутанные в плетении. Возможно, что в рисунке этой заставки мы имеем пережиток древнего мотива женского божества, окруженного поклоняющимися ему людьми и животными (см. гл. 11).

Другой вариант новгородских рукописных узоров XII—XIII вв. выявляет также местную, но, повидимому, идущую от другого источника, чем звериный орнамент, художественную традицию. В некоторых рукописях XII—XIII вв. орнаментация инициалов образована красочными геометрическими узорами с простейшими мотивами креста, треугольника, ромба, криволинейных завитков и геометризованных плетеных и растительных мотивов. Характер этих мотивов и красочная гамма узоров чрезвычайно близки русским народным крестьянским вышивкам и росписям, часть которых по своим прототипам восходит к начальной эпохе древнерусского искусства. Можно предполагать, что и данные орнаменты новгородских рукописей связаны с одновременной им народной крестьянской росписью и вышивкой (см. гл. 11).

Среди рукописей XIII в. один из Апостолов (название богослужебной книги с «деяниями» апостолов) имеет на обороте первого листа изображение церкви (рис. 182), которая в византийских рукописях обычно служила обрамлением для миниатюры с фигурами святых. В новгородской же рукописи весь фасад церкви заполнен сплошным ковровым узором из переплетенных птиц, запутанных лентами плетений. Узор начинается от основания церкви и, огибая маленькую, оставленную пустой рамку входа, подымается вверх, заполняя все купола пятиглавого храма. В этом изображении церкви мы имеем интересную параллель к тем богатым резным по камню ковровым узорам, которые покрывают стены собора в Юрьеве-Польском (см. гл. 8).

5

Владимиро-суздальские храмы, судя по летописным описаниям, были наполнены «многоразличными иконами и драгим каменьем без числа и сосуды церковными», стены же их были покрыты фресковыми росписями. От былых великолепных стенописей сохранились только жалкие остатки, а большинство древних икон и сосудов или сгорело, или разграблено, или же было вывезено в XV—XVI вв. в Москву, куда была увезена и знаменитая икона Владимирской богоматери (см. выше и рис. 158). Этот памятник, попавший во Владимир в начале возвышения Владимирской земли несомненно сыграл большую роль как образец высокого искусства и источник вдохновения владимирских художников XII—XIII вв.

Древнейшая фресковая роспись украшала построенный Мономахом Суздальский собор. От нее в раскопках были найдены лишь незначительные фрагменты орнамента. Однако из источников мы знаем, что эта роспись повторяла схему росписи Успенской церкви Киево-Печерского монастыря.

Из стенописей времени Андрея Боголюбского сохранились лишь остатки наружной росписи владимирского Успенского собора. Она украшала его аркатурно-колончатый пояс: меж колонок изображены фигуры святых, над малень-

ким окном помещены синие павлины, а по сторонам его лента растительного зеленого орнамента (рис. 183). Эта роспись опоясывала цветной лентой белые фасады собора и как бы предваряла появление на них богатого резного убранства. Андреевские мастера расписали и достроенный Андреем собор Спаса в Переяславле-Залесском; остатки его фресок, безжалостно сбитые во время варварской реставрации конца XIX в., представляли часть композиции Страшного суда

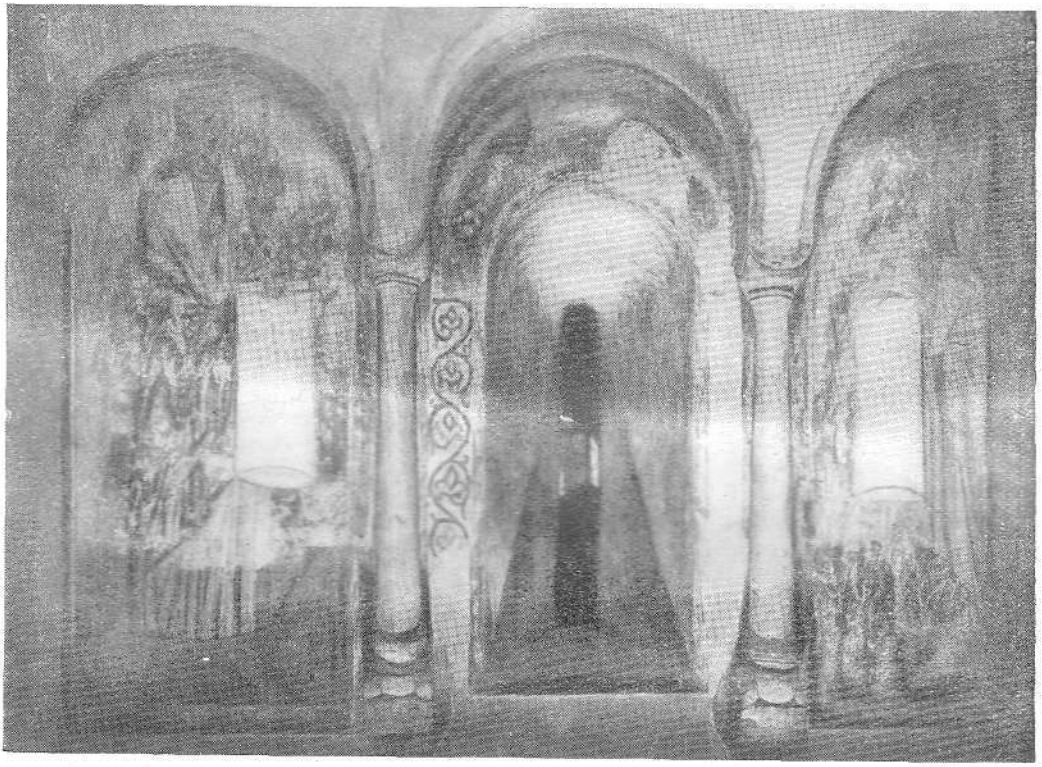


Рис. 183. Владимир. Роспись фриза Успенского собора (фото Центр. гос. реставр. мастерских).

под хорами собора; нижние части столбов были расписаны, как в Нередице, «под мрамор». Фресковая роспись сохранялась до середины XIX в. и в куполе лучшей постройки андреевских зодчих Покрова на Нерли; здесь было большое изображение вседержителя, а простенки барабана занимали фигуры апостолов в изящных арочных обрамлениях.

От всеволодовой росписи Успенского собора во Владимире сохранилось лишь несколько фигур святых, помещенных, как и в Покрове на Нерли, в арочных обрамлениях, подчеркивающих связь монументальной живописи с архитектурой.

Дворцовый храм Всеволода, Дмитриевский собор, сохранил значительные части композиции Страшного суда на сводах под хорами (рис. 184). На центральном своде изображены 12 апостолов на престолах с сонмом ангельского воинства за ними; на малом южном своде развернуто шествие праведных в рай и представлен самый рай: богоматерь на престоле и «праотцы» Авраам, Исаак и Иаков в райском саду («лоно Авраамово»). Артистически согласованная мягкая гамма росписи,

Рис. 184. Владимир. Дмитриевский собор. Фреска. Апостолы на престолах (фото Центр гос. реставр. мастерских).

построенная на полутонах — голубых, светло-зеленых, синевато-стальных, светло-коричневых, лиловых, коричневато-красных, зеленовато-желтых, превосходно связывает части росписи единым, благородным, несколько холодноватым колоритом. Основным мастером росписи был неизвестный по имени грек, блестящий представитель столичного константинопольского искусства; его руке принадлежат общая композиция и исполнение фигур апостолов и ангелов южного склона. Апостолы представлены в непринужденных позах, они как бы беседуют друг с другом; их стройные фигуры прекрасно ощущаются под сложными складками одеяний, напоминая эллинистические статуи. Облик каждого из апостолов наделен своими индивидуальными чертами (рис. 185 и 186); в их типах

сказываются живые наблюдения художником пестрой многонациональной толпы византийской столицы: в лицах апостолов можно угадать черты греков, армян, сирийцев. Мастер является прирожденным живописцем, обладающим безупречной точностью кисти и артистическим чувством формы. Ангелы северного склона и роспись юго-западного свода принадлежат русскому мастеру, превосходно овладевшему искусством учителя, но ученик имеет свой творческий облик, свое русское понимание искусства. Лики ангелов северного склона

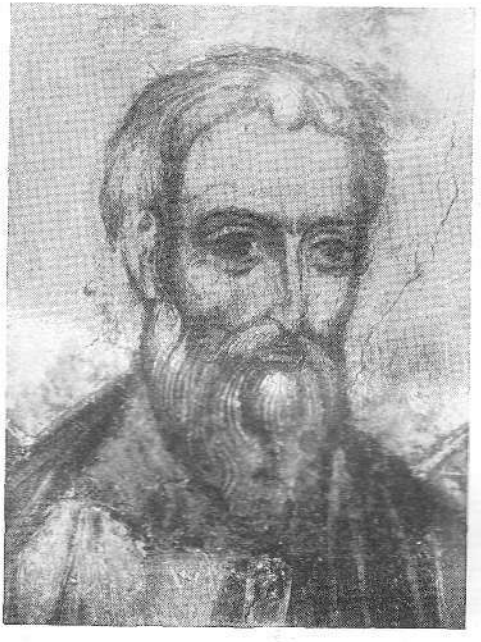


Рис. 185. Владимир. Дмитриевский собор. Фреска. Апостол Матфей (фото Центр. гос. реставр. мастерских).

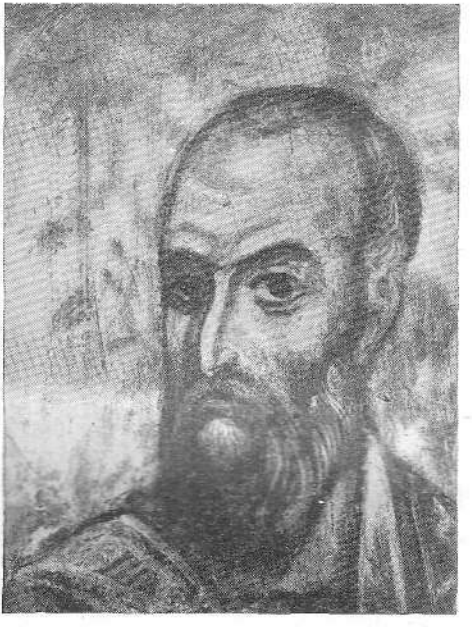


Рис. 186. Владимир. Дмитриевский собор. Фреска. Апостол Павел (фото Центр. гос. реставр. мастерских).

проще и задушевнее, в них нет напряженного психологизма, они более округлы и интимны; в образах праведных жен сквозят русские этнические черты. Любовь к узорочью и орнаментальности находит выход и в изображении причудливой растительности «райского сада», и в склонности русского живописца к графическим, линейным приемам, к стилизации образа. Эти черты искусства владимирского мастера перекликаются с плоскостно-орнаментальной струей в пластике Дмитриевского собора (см. гл. 8). Роспись Дмитриевского собора является последним и ярким отзвуком тех эллинистических переживаний, которые мы отмечали еще в искусстве Киевской Руси. Не случайно их появление именно в Дмитриевском соборе, в архитектуре которого с такой силой проявилось светское начало с его любовью к пышной полуязыческой резьбе.

Иконопись времени Всеволода была очень родственна по своему духу росписи Дмитриевского собора.

Из состава древнейшего иконостаса (алтарной преграды) одного из владимирских храмов происходит продолговатая икона Деисуса (Гос. Третьяковская галерея); ее благородная гамма и золотой фон напоминают драгоценную эмаль, а головы юного Христа и ангелов отмечены глубокой одухотворенностью. Весьма вероятно, что эта икона была исполнена в той же художественной мастерской, которая работала над росписью Дмитриевского собора.

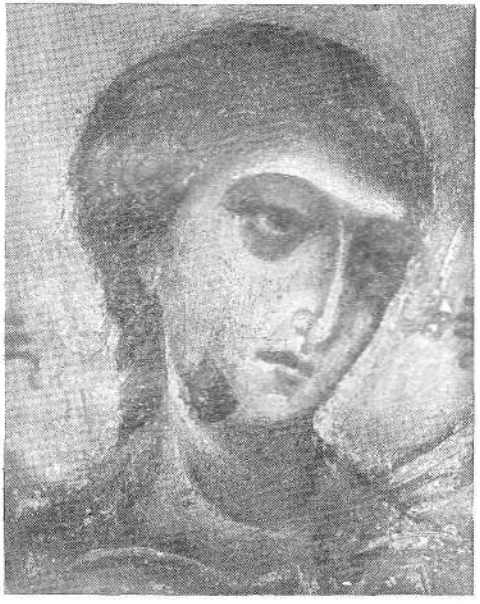


Рис. 187. Владимир. Дмитриевский собор. Фреска. Голова ангела (фото Центр. гос. реставр. мастерских).

Столь же характерна большая фрагментарно сохранившаяся икона патрона князя Всеволода III Дмитрия Солунского (происходящая из города Дмитрова). По своим масштабам и монументальности форм она почти не уступает фреске (рис. 188). Дмитрий изображен сидящим на троне с высокой спинкой, на нем дорогие одежды, на голове — кесарский венец; он держит на коленях полуобнаженный меч, как бы являя наглядную иллюстрацию верховной власти могучего Всеволода и его «божественного права» казнить и миловать — «князь бо не туне меч носит». Голова Дмитрия имеет портретные черты, и небезосновательно предположение, что они передают облик самого Всеволода. Это выдающееся произведение владимирского искусства всем своим идейным строем очень родственно замыслу придворного Дмитриевского собора, его величию и царственности.

От времени преемников Всеволода до нас сохранились лишь фрагменты росписи 1233 г. Суздальского собора (рис. 189). В апсиде диаконника открыты две головы старцев, изображенных в рост в обрамлениях арочек на колонках связывающих роспись с архитектурой. Лики отмечены большой тонкостью исполнения, уверенной точностью рисунка и лепки живописной формы. Но все же в них усиливается плоскостность и графичность, столь характерные для русского искусства этой поры. Весьма вероятно, что суздальские фрески принадлежат кисти ростовской артели живописцев епископа Кирилла. Особый интерес представляет орнаментальная насыщенность росписи — фигуры святых выступают среди ярких бордюров растительного и геометрического орнамента, устилающего широкими узорчатыми лентами стену. В этом отношении суздальская

Рис. 188. Икона Дмитрия Солунского (фото Центр. гос. реставр. мастерских).

роспись обнаруживает общие черты с растущей декоративностью резного убранства архитектуры Владимирской земли XIII в.

Как можно догадываться, процесс феодального дробления Владимирского княжества отразился и в появлении новых местных черт в локальных центрах северо-востока. В происходящей из Ярославля иконе богоматери-оранты (рис. 190) вновь обнаруживается интерес к киевской художественной традиции (возможно, что она и была исполнена в Киеве). Величавая фигура богоматери, облаченная в сверкающие золотом одежды, приводит на память торжественные образы мозаик. Но наряду с этим изображения ангелов в круглых медальонах отмечены сильнейшими чертами живописности и чисто эллинистического иллюзионизма в изображении ликов и одежд (рис. 191).

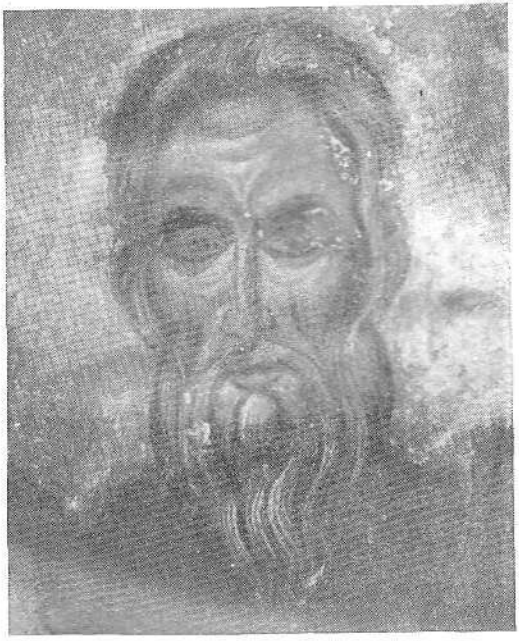


Рис. 189. Суздаль. Рождественский собор. Фреска. Старец (фото А. Д. Варганова).

6

Памятники живописи городов Поднепровья, Новгородской и Владимирской земель являются основным материалом, которым мы располагаем для воссоздания истории русского изобразительного искусства X—XIII вв. От творчества художников других областей до нас дошли совершенно ничтожные остатки, позволяющие сделать лишь некоторые предположения об особенностях этих ветвей живописи феодальной Руси. Так, например, незначительные фрагменты фресок, сохранившиеся в подцерковьи Софийского собора в Полоцке и в развалинах храмов полоцкого Бельчицкого монастыря, представляют преимущественно орнаменты. Остатки фресковой росписи полоцкой церкви Спаса свидетельствуют о том, что здесь живопись в бóльшей мере, нежели зодчество, сохраняла киевские традиции. Фрагменты росписи орнаментального характера найдены также на стенах развалин церкви Борисоглебского монастыря на Смядыни, под Смоленском. Небольшой фрагмент росписи в церкви Петра и Павла в Смоленске позволяет связывать смоленскую живопись XII в. с теми художественными течениями, которые наиболее ярко представлены в Новгороде и Старой Ладоге в конце XII в. Однако этот вывод имеет пока лишь предварительный характер.

Рис. 190. Оранта ярославская. Ангел

Оглядываясь на путь, пройденный русской живописью от конца X и до начала XIII столетия, мы можем сделать некоторые общие выводы.

Рис. 191. Икона. Оранта ярославская (фото Центр. гос. реставр. мастерских).

Развитие живописи, как и зодчества, органически связано с историей русского народа — история искусства довольно точно совпадает с основными этапами исторического процесса в целом.

Живопись Киевского периода представляет достаточно целостное явление; в конце XI в. мы знаем имя замечательного киевского художника Алимпия — мозаичиста и живописца. Можно не сомневаться, что, как и в зодчестве, это не единичный факт, что Алимпий был не одинок и что русские живописцы появились значительно раньше. Только этим можно объяснить быстрое развитие высокого живописного искусства и его органическую связь с русскими потребностями и вкусами. В живописи X—XI вв. характерна борьба двух направлений — эллинистического, проникнутого переживаниями реалистических тенденций, и нарастающего церковно-схоластического отвлеченного искусства,— эта борьба отражает противоречивость культуры Киевской державы.

Период феодальной раздробленности XI—XIII вв. расширяет круг развития изобразительного искусства, активизирует процесс появления многочисленных русских художников и артелей живописцев, которые работают по украшению храмов новых столиц и рядовых городов росписями и иконами. Мы видели их облик в Новгороде и Владимире. Складывающийся новый стиль живописи периода феодальной раздробленности, при общности его главнейших черт, охарактеризованных выше, приобретает своеобразное выражение в искусстве областных школ, отражая местные особенности культуры. Перед нами прошли памятники Новгорода с их яркой мажорной красочностью, с прорывающимся у художников интересом к подчеркнутой силе и экспрессии образов; это искусство глубоко отлично от владимирского утонченного искусства, связанного с иной социальной почвой великокняжеской столицы, с иными идейными задачами, выдвигавшимися политической борьбой владимирской династии. Вместе с этим в живописи конца XII—XIII вв. появляются некоторые *общие* черты, свидетельствующие о специфически русских вкусах к орнаментальной сложности рисунка, к нарядному и красочному узорочью декоративной системы. Эти черты есть и у новгородских мастеров, и у живописцев ростовской артели в Суздале.

Сделанный обзор древнерусской живописи X—XIII вв. показывает, сколь далека от истины ее старая оценка, как «провинциального ответвления» византийского искусства. Открытия советских реставраторов непрерывно обогащают ее сокровищницу новыми выдающимися памятниками. Русская живопись домонгольского периода все яснее выступает перед нами как большое и самостоятельное искусство со своими национальными и местными чертами, искусство, нисколько не уступающее по высоте своих достижений ни западноевропейской, ни византийской живописи того времени.

ЛИТЕРАТУРА

Айналов Д. В. и Редин Е. К. Киево-Софийский собор. Записки Русск. археол. общ., IV, 1889.

Ainalov D. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit Berlin — Leipzig, 1932.

Артамонов М. И. Мастера Нередицы. Новгородский исторический сборник, в. 5. Новгород, 1939.

Артамонов М. И. Один из стилей монументальной живописи XII—XIII вв. Сборник аспирантов ГАИМК. Л., 1929.

Анисимов А. И. Домонгольский период древнерусской живописи. Вопросы реставрации, т. II. М., 1928.

Варганов А. Д. Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, в. V. М.— Л., 1940.

Wulff O. und *Alpatov M.* Denkmäler der Ikonenmalerei. Dresden, 1925.

Грабарь А. Фрески апостольского придела Софии киевской. Записки Русск. археол. общ., XII, 1918.

Grabar I. Die Freskomalerei der Dimitry Kathedrale in Wladimir. Berlin.

История русского искусства, под ред. И. Грабаря, т. VI.

Кондаков Н. П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.

Кондаков Н. П. О фресках лестниц Киево-Софийского собора. Записки Русск. археол. общ. III, 1888.

Лазарев В. Н. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, в. XIII. М.— Л., 1946.

Лазарев В. Н. Новгородская живопись XII—XIV вв. Известия АН СССР. Серия истории и философии, т. 1, № 2. М., 1944.

Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947.

Лазарев В. Н. История византийской живописи, т. I—II, М., 1947.

Макаренко М. Найдавнішна стінопись княжої України. Україна, 1924, № 1—2.

Монгайт А. Л. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. Кр. сообщ. ИИМК АН СССР, в. XXIV, М.— Л., 1949.

Мясоедов В. К. Фрагменты фресковой росписи Софии новгородской. Записки Отдел. русск. и слав. археол., X, 1915.

Мясоедов В. К. Фрески северного притвора Софии киевской. Записки Отдел. русск. и слав. археол., XII, 1918.

Фрески Спаса-Нередицы. Атлас со вступительной статьей В. К. Мясоедова. Л., 1925.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И СКУЛЬПТУРА

Б. А. Рыбаков

1

Уцелевшие до наших дней образцы церковного искусства древней Руси не раскрывают перед нами всего богатства творческой фантазии, всего обилия художественных образов, которыми была так полна древнерусская жизнь.

Жизнь была во много раз богаче и полнокровнее, чем тот ее церковный уголок, который сохранился под каменными сводами храмов и лучше известен нам. Говоря об искусстве X—XIII вв., мы должны помнить, что деревня в то время не испытывала никакого влияния церкви — там, «по украинам» все еще попрежнему молились Перуну, молились Сварожичу в овинах, попрежнему хоронили своих покойников в курганах. Да и в городах христианские проповедники жаловались, что церкви, несмотря на все их благолепие, пустуют, а на игрищах в любую пору, и в ветер, и в дождь полно народа. Здесь, на улицах и площадях города, собирается множество горожан разного положения, разного возраста: молодые жены, сверкающие нарядами, юноши, жаждущие состязаний в силе; сюда старики приводят детей. Весь город иногда собирался на эти зрелища («беседу града»). Здесь, на игрищах, во всей полноте раскрывалось многообразное народное творчество — песни, пляски, театральные действа игрецов-скоморохов, музыка, живописные маскарады во время «русалий».

Но от этой жизни, от украшавшего ее «узорочья» до нас дошло слишком мало. Тем драгоценнее для нас уцелевшие украшения с языческими символами, обрывки узорчатых тканей или резные камни соборов, говорящие не столько о худосочном аскетизме церкви, сколько о неукротимой жизнерадостной фантазии мастеров-горожан.

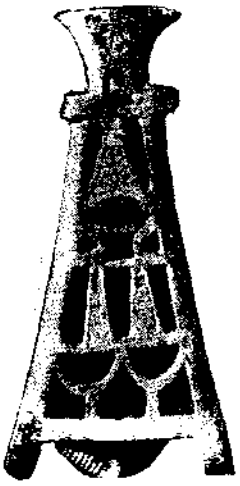
Когда речь идет о Руси X—XIII вв., то ее прикладное искусство не довесок к живописи и архитектуре, а особая область, пронизанная живым народным духом, единственный сохранившийся до нас уголок народной жизни, где мы

можем видеть творчество русских людей, не подчиненное церковной идеологии, а иной раз прямо восстающее, бунтующее против нее. Церковь запрещает музыку, обличает пляски, а мастер серебряных дел смело вырезает на запястье изображение гусляра, «гудящего гораздо», и пляшущей женщины с распущенными рукавами. Церковь запрещает борьбу, а на рельефах Дмитриевского собора во Владимире скульптор высекает фигуры двух борющихся мужчин. Церковь ополчается против почитания птиц и «рощений», а на золотых колтах княгинь и боярынь обычно красовались птицы и «древо жизни». Таких примеров открытого нарушения русской жизнью церковных запретов можно привести много. Все они говорят о том, что декоративное «прикладное» искусство X—XIII вв. составляло в действительности особую, большую и независимую область творчества, отражающую ту сторону мировоззрения русских людей, которая сформировалась еще до христианства и существовала, несмотря на христианство и вопреки церковным запретам. Это было то мировоззрение, которое навеяло слитную с природой языческую образность Слова о полку Игореве и отразилось на стенах соборов Владимира причудливыми белокаменными садами, полными своей особой жизни, загадочной для нас, но многозначительной для современников. Истоки этого мировоззрения уходят так глубоко в седую славянскую старину, что мы даже не можем их как следует проследить: в наших руках осталось слишком мало подлинных вещей того времени.

Быт древнего славянина был так же богато насыщен искусством — резьбой по дереву, красочными вышивками, сложными тканым узорами,— как и быт русского крестьянина XIX в., изученный этнографами. Наиболее полно народное творчество сказалось в вышивке (см. гл. 11), пронесшей через тысячелетия изображения великой богини земли — Берегини и сохранившей магические узоры, восходящие к отдаленным эпохам.

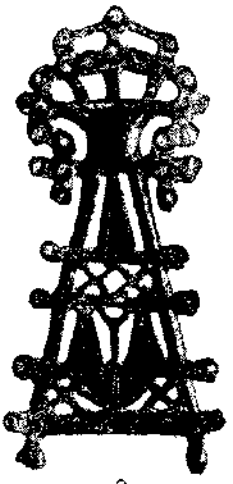
Искусство антов III—V вв. н. э. известно нам лишь по металлическим украшениям, занимавшим в быту славянина очень незначительное место. Но даже на бронзовых фибулах, расцвеченных эмалью, мы находим изображения, являющиеся как бы отражением или воспроизведением исчезнувшего мира вышитых узоров. Такова, например, застежка из Новгорода Северского (рис. 192, *2*): вытянутая бронзовая полоса украшена большими белыми эмалевыми вставками, а рядом с ними, по концам, помещены две стилизованные женские фигуры с поднятыми вверх руками, обращенные головами к центру полосы. Красные угловатые геометризованные фигуры на белом фоне и своим цветом, и манерой, и расположением напоминают фигуры богинь на белых полотенцах. Описываемая застежка IV в. н. э. является как бы «бронзовой моделью» полотенца, где вышивка красными нитками по полотну заменена красной эмалью на фоне белой эмали.

На других предметах с эмалью, относящихся к той же эпохе, мы видим какие-то изображения, в которых можно угадывать головы быков, жертвенники, человеческие фигуры, но все это настолько сильно стилизовано, все эти образы

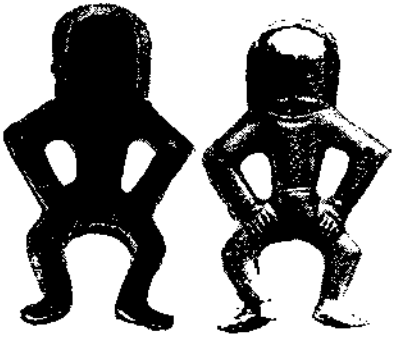


1

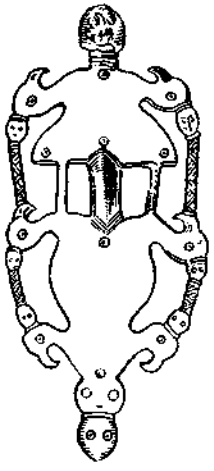
2

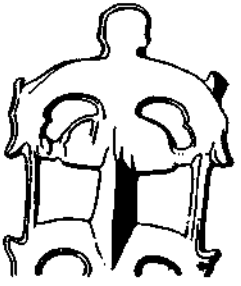


3

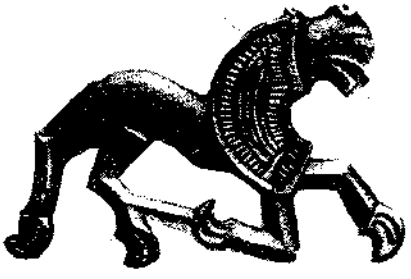


4





7



5

6

Рис. 192. Украшения V—VII вв.: *1* и *3*— бронзовые застежки от плащей (фибулы), украшенные цветной эмалью, V в. (Калужская и Смоленская обл.); *2* — застежка со стилизованным изображением женщины, подражающим вышивке, V в. (Новгород-Северский); *4—6* — серебряные позолоченные фигуры коней и человека, VI в. (Мартыновка близ Канева); *7* — фибулы VII в. со сложной композицией из птиц, змей, зверя и человеческой фигуры (Украина).

прошли такой долгий путь схематизации, что наша мысль уже не может безошибочно определить их сюжеты (рис. 192, *1*, *3*). Если такая предельная стилизация является концом какого-то пути развития, то следует сказать, что этот путь был, повидимому, пройден в таких областях народного славянского творчества, которые для той отдаленной эпохи нам неизвестны, например, в вышивке.

В V—VI вв. искусство южнорусских племен отражает сдвиги, происходившие в эту бурную эпоху. Сближение лесных племен Приднепровья с родственными степными племенами, потомками скифов и сармат, привело к тому, что на смену геометризованным фигурам появились более живые образы. Для новой эпохи характерны изображения человеческих фигур, коней и различных зверей. На реке Роси близ села Мартыновки найден клад вещей VI в., среди которых особенно интересны четыре серебряных фигурки пляшущих мужчин в вышитых русских рубахах, с длинными непокрытыми волосами и несколько изображений скачущих коней с золотыми гривами (рис. 192, *4*—*6*). Вскоре после этого в VI—VII вв. в Среднем Приднепровье появляются застежки для плащей (фибулы) с интересной композицией из человеческой фигуры в центре и различных животных и птиц по бокам (рис. 192, *7*). Мы видим эту композицию, отображающую поклонение богине природы, и в скифо-сарматском искусстве, и в искусстве дунайских племен первых веков н. э., и много позднее в русской вышивке (см. гл. 11); причем вышивка сохраняет не только общую схему, но даже отдельные детали, как например, поверженных врагов под копытами коней спутников богини Берегини (рис. 193, *1*). Берегиня иногда заменялась посвященным ей деревом — березой, а иногда условным ромбическим символом. В русском деревенском искусстве X—XII вв. продолжается эта же тема Берегини в окружении коней или оленей или в сопровождении условного ромбического знака, который, может быть, символизировал женщину. Подобные изображения известны нам главным образом на северных окраинах славянского мира (рис. 193, *2*—*5*).

2

Искусство русской деревни X—XIII вв. известно нам тоже только фрагментарно, только по металлическим украшениям, положенным в курганы, и незначительным обрывкам тканей. Но все же мы можем говорить о том, что в изобразительном творчестве деревни сосуществовали и состязались друг с другом два принципа: более древний магический и приходящий ему на смену принцип эстетический. Часть сюжетов украшений и элементов орнамента явно магического заклинательного характера выполняла в свое время роль заговоров на благоденствие или оберегов от зла. Нашего далекого предка успокаивал и радовал вид этих оберегов, и отсюда, из этой радости, и рождалось чувство красивого. Самое понятие красивого, украшенного, узорчатого становилось равнозначным хорошему, доброму, благожелательному, оберегающему. Так, в народном

представлении всякий орнамент становился заклинанием, каждый магический знак превращался в орнамент. Создавался синтез магического и эстетического начала. На протяжении веков древнее магическое содержание выветривалось, оставалась лишь старая форма, воспринимаемая как привычное украшение. И наоборот, чем глубже мы заглядываем в прошлое, тем ощутимее первоначальный смысл. Каждое жилище украшалось охранительными изображениями: над кровлей возвышался конек «кнѣс», окна обрамлялись изображениями птиц или цветов, на причелинах вырезался знак солнца, у порога прибивалась подкова, а внутри, около печи был печной столб (олицетворение охранителя домашнего очага — домового) или «коник» — резное изображение конской головы, которая в сказке о девочке-сиротке заменяет ей родных.

В резной деревянной посуде, в тканях, украшающих жилище (убрусы в красном углу, подзоры простыней, столешники), и особенно в женском и девичьем костюме и головных уборах мы видим постоянное присутствие определенных символов, переходящих из века в век как какие-то заклинательные письмена далекой языческой старины.

Мир представлялся нашим далеким предкам наполненным «злыднями», «упырями», рассеянными повсюду; их нужно было отогнать и уберечь себя. В жизни человека бывают моменты, когда особенно опасны «ворожба», «сглаз», духи зла,— это рождение, свадьба, похороны. Полнее всего украшен языческими символами наряд девушки-невесты. Именно тогда, когда девушка уходит из-под покровительства духов своей родной семьи («дедов»), когда она начинает новую жизнь на новом месте, она больше всего нуждается в оберегании. К убору невесты может относиться и большинство курганных украшений как от головного убора (височные кольца), так и от «гривной тварн» — шейных украшений.

Попытаемся расшифровать эти языческие «письмена», частично дожившие до нас в виде утратившего свой смысл орнамента. Начнем обзор с наиболее понятных и ясных изображений. В курганах XI—XIII вв. в погребениях женщин (может быть, невест?) часто встречаются отдельные амулеты и целые комплекты амулетов, надетых на одну основу (рис. 194, *1*). Здесь мы находим фигурки коней с солнечными знаками на туловище (рис. 194, *3*). Конь всегда был распространеннейшим символом добра, благоденствия и счастья. В этом сказалась важная роль коня в трудовых процессах славян-земледельцев. Конь в то же время связан с солнцем, как бы заменяет его. Образ коня-солнца встречается и в резьбе, и в вышивке позднейшего времени. Солнечные знаки мы встречаем и на другом виде амулетов — миниатюрных топориках (рис. 194, *2*).

В составе амулетов мы находим ложки — символ сытости, довольства; встречаются ключи — знак сохранности, целости. Присутствуют здесь и гребни, украшенные звериными головами, напоминающие известную сказку о том, как чудесный гребень, превращаясь в лес, преграждает путь бабе-яге (рис. 242). Среди амулетов встречаются отлитые из бронзы или серебра зубы или челюсти

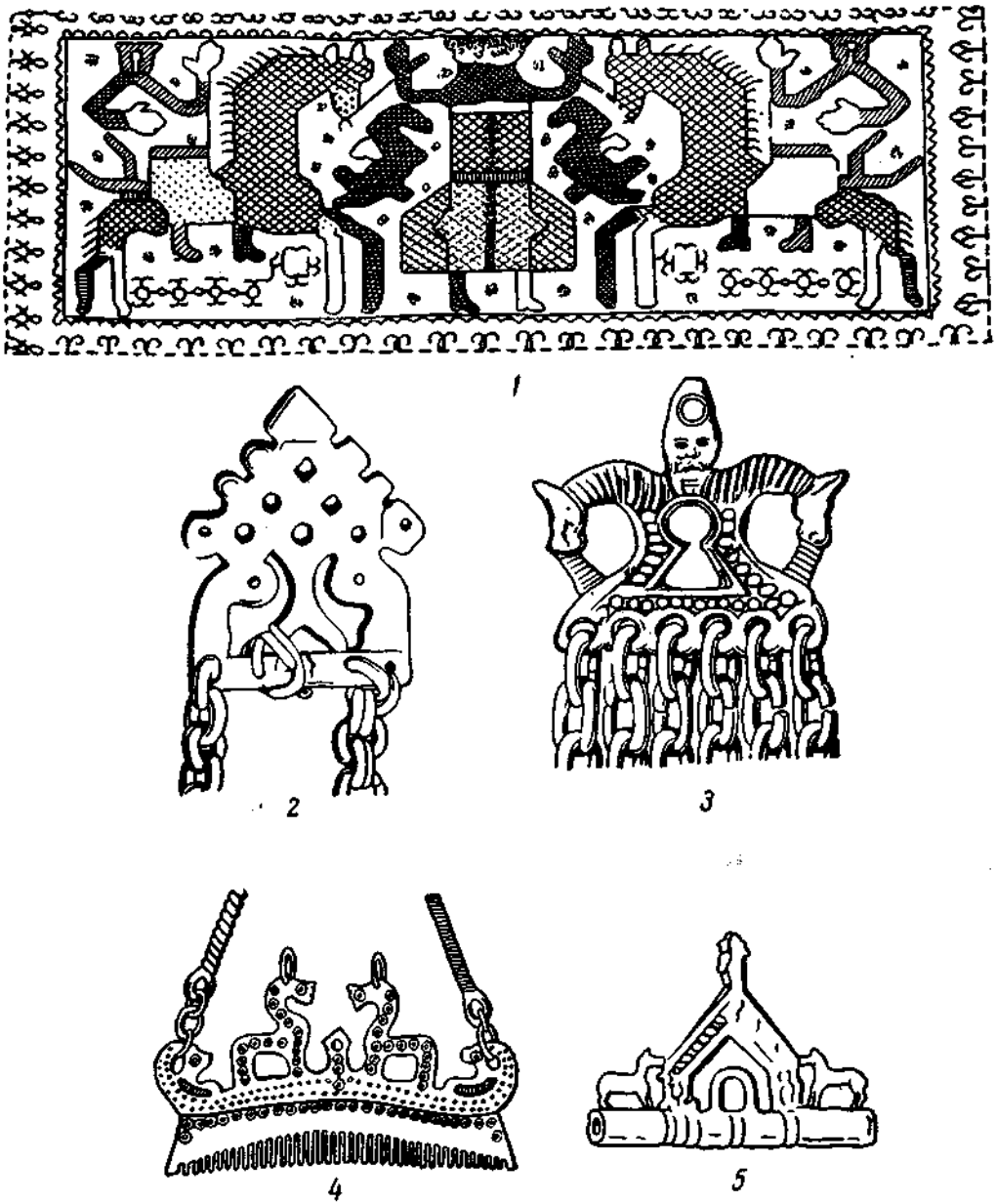


Рис. 193. Изображения древнерусской богини земли — Берегини и заменяющих ее символов: *1* — севернорусская вышивка XIX в. с изображением женского божества и всадников, восходящим к скифской эпохе; *2* — женское украшение X в. из Новгородской земли со стилизованным изображением двух оленей по сторонам стилизованного дерева; *3* — подвеска с изображением божества и двух коней; *4* — подвеска-гребень X в. с изображением коней по сторонам ромбического знака, заменяющего богиню; *5* — бронзовый игольник XI в. (Костромская обл.) с изображением коней по сторонам здания (храма?).

хищного зверя, изображения птиц (рис. 194, *4—5*). В северных и северо-восточных областях, где русские соприкасались с чудским населением, бытовал особый тип украшений — шумящие подвески в виде уточек или коньков. У коньков часто привешивались на цепочки бубенчики, а у уточек — утиные лапки.

Птица (не хищная) в фольклоре и прикладном искусстве всегда обозначала доброе начало. Птица была связана с космогоническими легендами. По одной из них мир возник так: по первозданному океану плавала птица, нырнув на дно, она достала в клюве комочек земли, от которого и пошла сама земля и все живое на ней. По другому варианту легенды — посреди океана возвышалось дерево, а жизнь началась от двух птиц, свивших гнездо на дереве. И вот в прикладном искусстве Восточной Европы мы находим и золотую уточку с комочком в клюве (волжские болгары), и многочисленные изображения двух птиц у дерева в русских древностях XI—XIII вв. и в русском народном искусстве XIX в. Две птицы — символ семейного счастья.

Разобранные нами амулеты (коньки, уточки, ложки, ключи и др.) становятся ясными по своему содержанию, когда мы сопоставляем их с русскими сказками, где мы находим те же образы.

Но среди курганной «гривной утвари» есть несколько категорий схематизированных украшений, смысл которых угадывается лишь при сопоставлении их с другими, преимущественно этнографическими материалами.

Женщины украшали шею не только бусами, но и металлическими подвесками. Из них наиболее понятны многочисленные «лунницы» — в форме полумесяца — и круглые подвески, имитирующие солнечный диск с лучами (рис. 195, *1*). То обстоятельство, что в одном ожерелье мы встречаем иногда по нескольку «солнц» и по нескольку «лун», может говорить уже о переходе от магического начала к эстетическому, орнаментальному.

Менее ясны другие мотивы, например, пять одинаковых, поставленных наискось квадратов, образующих крестообразную фигуру (о ней см. ниже), и решетчатый узор из четырех или из шести линий. Этот мотив известен и на древних тканях, где он имеет устойчивое традиционное начертание: квадрат, разделенный на четыре части, а в центре каждого малого квадрата изображена точка. Этот узор встречается только на женских одеждах и украшениях (височные кольца, браслеты). Устойчивость этой фигуры в русском искусстве (с XI по XIX вв.), наличие ее в искусстве других народов заставляют видеть в ней важное звено древних языческих «письмен». В расшифровке его нам приходит на помощь этнография. В Белоруссии в середине XIX в. сохранялся следующий обычай: когда хозяин ставил новую усадьбу, то очерчивал квадрат, делил его на четыре части (не диагоналями) и в каждый из четырех малых квадратов клал по камню; камни брались с четырех разных полей. Таким образом, эту загадочную, но очень живучую фигуру древнерусского орнамента мы можем рассматривать как идеограмму усадьбы, двора, именно новой, строящейся

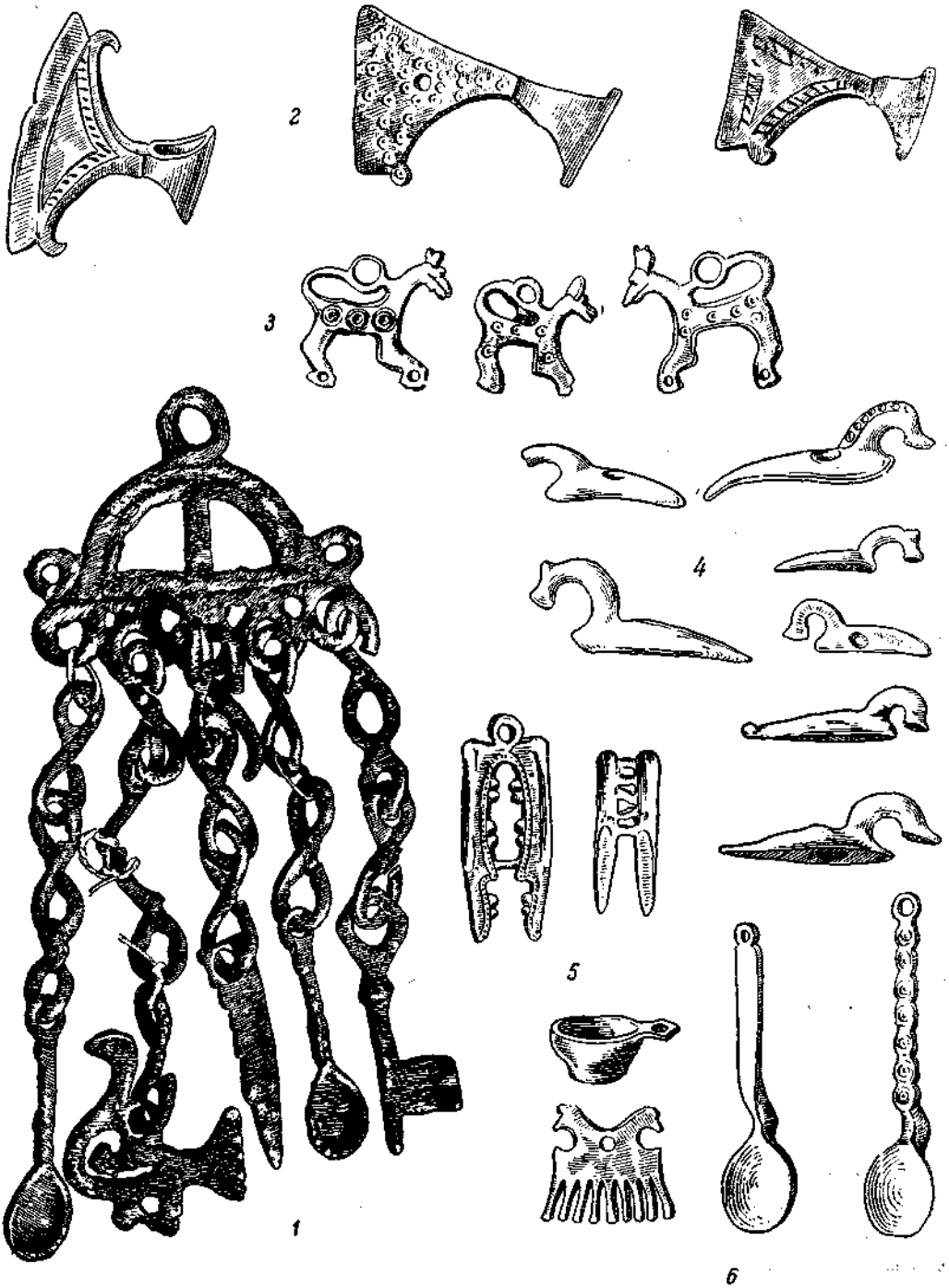


Рис. 194. Амулеты-обереги из русских деревенских курганов XI—XII вв.: *1* — набор амулетов: ложки, птица, стилизованная челюсть хищника, ключ (Смоленская обл.); *2* — обереги-топорики (Владимирская обл., Киевская обл.); *3* — обереги-«коньки»; *4* — костяные уточки от головного убора (Белоруссия); *5* — стилизованные изображения челюсти хищного зверя; *6* — разные амулеты.

усадьбы (рис. 195, *2*). Мы видим ее на тканях из смоленских и черниговских курганов и на городских изделиях (браслеты, дробницы на одежде, кресты-складни; рис. 195, *4—9*).

Вторая, столь же устойчивая фигура — квадрат с выступающими концами каждой стороны — напоминает венец сруба деревянного дома (рис. 195, *10—11*).

При постройке дома ряд магических церемоний производился при укладке на землю *первого венца* нового дома, называемого «окладом». Оклад ставился старейшим из плотников или самим хозяином. Можно думать, что решетка из четырех линий и есть идеограмма жилища, точнее нового, строящегося дома. Возможно, что появление этих «строительных» мотивов на женской одежде было связано первоначально с одеждой невесты: девушка начинает новую жизнь, новая семья должна ставить себе новый двор, строить новый дом.

Из числа древних идеограмм, пронизывавших прикладное искусство, легко расшифровывается знак воды — одна или несколько волнистых линий. Эти волнистые линии мы видим и на шумящих подвесках-уточках X—XII вв., и на позднейших вышивках рядом с плавающими птицами, и, как правило, на глиняных горшках X—XIII вв. Волнистый орнамент — идеограмма воды — в верхней части сосуда, расположенный как раз на том уровне, до которого горшок наполнялся жидкостью, мог выражать на языке древних славян благое пожелание полноты — «да будет этот сосуд всегда полным». В городской жизни встречаются надписи подобного содержания, заменившие собой древнюю идеограмму. В XIII в. волнистый орнамент на керамике исчезает; очевидно, его первоначальный смысл уже забылся.

Искусство русской деревни в дофеодальный период было насыщено языческими заклинательными элементами, которые постепенно утрачивали свой смысл и становились простым узором, видоизменялись. Но в XII—XIII вв. появляется стремление к «украшательству», к удовлетворению чисто эстетических потребностей без всяких забот о символике. Примером такого развития любви к узорности являются височные кольца земли вятичей (рис. 196). В XI—XII вв. они еще просты и украшены скромным нарезным орнаментом, а позднее, в XIII в., они обрастают красивыми кружевными узорами, превращаясь в изысканное и сложное украшение.

3

Городское прикладное искусство дофеодального периода так же, как и деревенское, доступно нашему изучению лишь в очень незначительной степени. Резные носы и борта кораблей, резная мебель и посуда, расшитые шелком и золотом ткани, сверкающая сбруя, пестрые шатры богатырских застав, роспись щитов, украшения святилищ — обо всем этом мы можем только догадываться или судить по незначительным обрывкам.

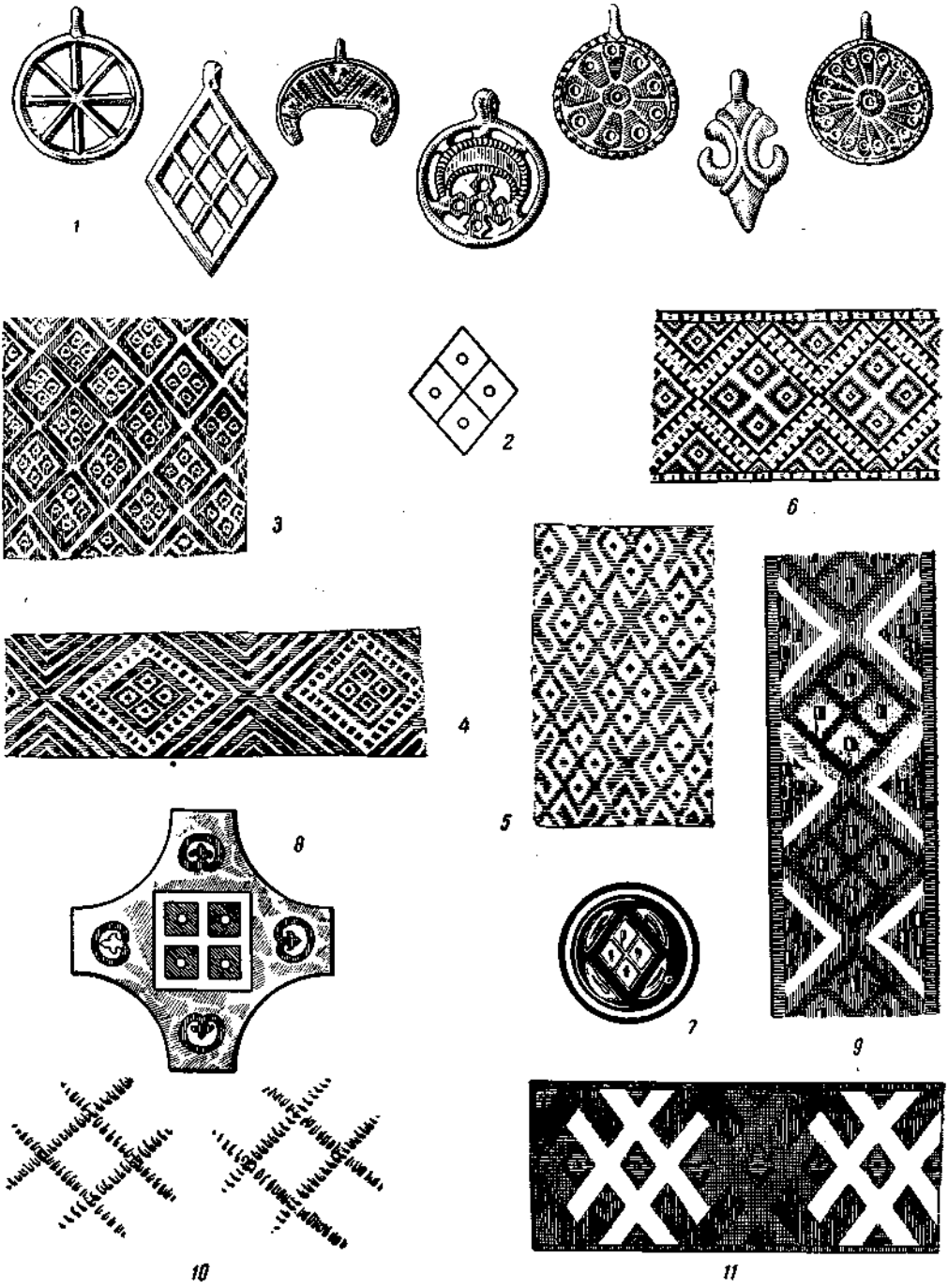


Рис. 195. Символический языческий орнамент на украшениях и тканях X—XIII вв.: *1* — образцы шейных украшений XI—XIII вв. с различными символами (солнца, луны и др.); *2* — схема магической фигуры, прочерчиваемой на земле при закладке нового дома; *3—4* — узор на тканях из курганов Смоленской области; *5* — узор на ткани из кургана XII в. в Чернигове; *6* — орнамент женской рубахи XIX вв. (Брянская обл.); *7* — узор на браслете XII в. из Чернигова; *8* — узор на эмалевой дробнице XIII в.; *9* — узор на паневе XIX в. (Брянская обл.); *10* — орнамент на сосуде IX—X вв.; *11* — орнамент на головном уборе XIX в.

В страшном пламени погребальных костров погибло множество узорочья. При археологических раскопках курганов X в. археологи с грустью обнаруживают скипевшиеся бесформенные груды и слитки, где золото и бронза, серебро и стекло сплавились вместе. Но, судя по уцелевшим остаткам, можно сказать, что дружинно-княжеский быт был щедро насыщен декоративным искусством. Украшенность одежды, оружия, сбруи была отличительным признаком этой социальной среды; тогда «по одежке встречали», и каждый боярин не щадил серебра и золота на украшение самого себя, своей жены, своей дружины, чтобы было чем похвастать на пиру у князя в стольном Киеве. Обилие украшений говорило не только о богатстве их владельца, но и о количестве искусных рук при его дворе.

Женские украшения этой эпохи известны нам по находкам в Смоленске (Гнездовский клад), в Киеве, Чернигове и на Волыни. Серебряная основа вещи покрывалась узором из тысяч микроскопических зерен и обрамлялась кружевом из тонких серебряных проволок. Уже тогда русские художники применяли позолоту и чернь, создававшие яркую игру контрастов на светлом фоне серебра. Почти все технические приемы, которые применялись на Руси в дальнейшем, были выработаны русскими мастерами самостоятельно еще в X в. К принятию христианства и к моменту более тесного соприкосновения с византийской культурой русское прикладное искусство пришло с большим запасом своих художественных богатств, со своим стилем орнамента, со своими приемами. В отличие от византийской сухости или изощренного эстетизма Русь любила сочный, полнокровный рисунок узора (рис. 196). Растительный орнамент — сочные листья, плодоносящие деревья, распускающиеся цветы — как бы символизировал растущие творческие силы молодой Руси. Даже древняя княжеская тамга, которая теперь изображалась на поясах княжьих воинов, приобретала характер цветка.

Геометрический орнамент отодвинут в это время на последнее место. Можно указать на несколько складных карманных расчесок, украшенных узором из соприкасающихся квадратов, поставленных наискось. Возможно, что характер этого узора был навеян тканым или вышитым рисунком.

Растительный и звериный орнамент оттесняет подобные узоры. Из растительных узоров в X в. на видное место выдвигается композиция из четырех цветков или стилизованного «древа жизни» в форме геральдической лилии, вписанных в квадрат и обращенных в четыре стороны. Мы видим эту композицию и на знаменитых черниговских турьих рогах, и на бляшках от портупеи из Смоленска, Киева или Приладожья, и на позолоченных массивных застежках полушубка из кургана Гульбище в Чернигове (рис. 197, *1*). Эта же композиция встречается на плащах, изображенных на фресках XII в. (например в Нередице), и хорошо известна среди этнографических вышивок. Смысл композиции из четырех оберегающих символов, устремленных в разные стороны, становится ясным, если мы вспомним, какую важную роль в народных верованиях играют «четыре

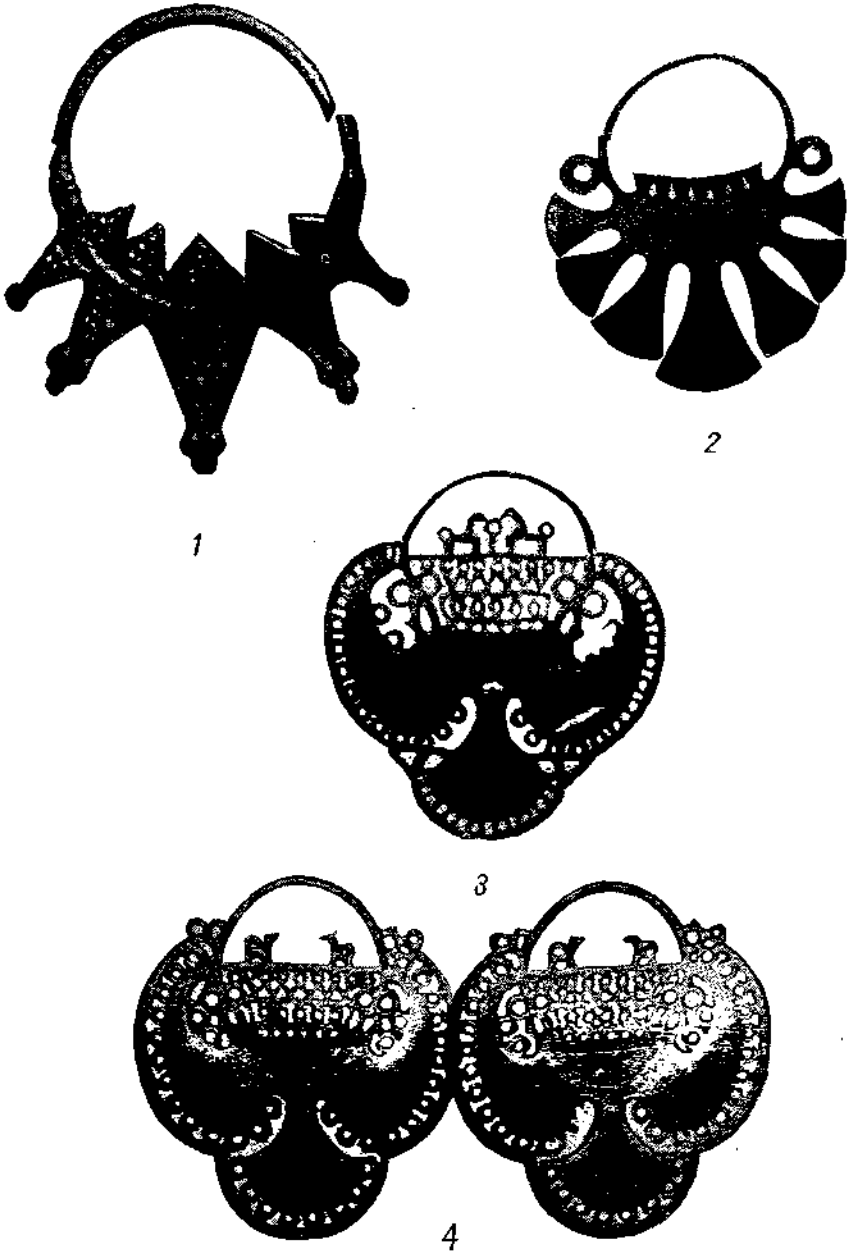


Рис. 196. Эволюция височных колец IX—XIII вв.: *1* — височное кольцо IX в. (Рязанская обл.); *2* — височное кольцо XII в. (Московская обл.); *3—4* — поздние варианты височных колец с усложненным узором (XIII—XIV вв.).

стороны». При выполнении магических обрядов нужно поклониться «четырем ветрам, на все четыре стороны». Если хотят изобразить неотвратимую опасность, то говорят, что она грозит «со *всех* четырех сторон». Четыре стороны — это перекресток путей, где витязь размышляет, в которую сторону ему поехать; перекресток путей — место гаданий и заговоров. Чтобы обезопасить себя «со всех четырех сторон», древние люди и создавали четырехчастную композицию из разных символических знаков — то из знаков огня, то из четырех птиц, то из четырех растений, то ставили четырехликого идола или жертвенник с четырьмя выступами по странам света. В дальнейшем именно эта четырехчастная растительная композиция повлияла на выработку русской формы крестов-энколпионов.

Во всех приведенных выше примерах разного типа орнаментов важно отметить, что не только вещи одного стиля, но вещи с одинаковым, почти тождественным рисунком встречаются в разных концах Руси — и на новгородском севере, и на суздальском северо-востоке, и на киевском юге. В этом сказывалось завершение процесса складывания единой культуры, единого языка в границах единого Киевского государства.

Кроме растительного орнамента, в эту эпоху в дружинно-боярском быту находит себе все больше и больше применения так называемый «звериный стиль», изображение различных чудовищ и птиц, переплетенных причудливыми ветвями. Пока трудно объяснить появление этого стиля. Возможно, что он связан с княжескими ловами, когда и дружинники и сами князья превращались в охотников, рыскавших по лесу и высматривавших среди веток различных зверей или вынимавших пойманного зверя из тенет. Возможно так же, что появление звериных мотивов связано с желанием господствующего класса обособиться от простонародного искусства с его мирными сюжетами и украсить свои одежды и доспехи устрашающими звериными образами. В феодальном мире эти устрашающие образы кристаллизуются в геральдических львов, барсов, леопардов и разных фантастических животных, торжественно помещаемых на знаменах, щитах и гербах. Интересен в этом смысле пояс дружинника Северской земли IX в. с изображениями хищных птиц, терзающих ланей.

На некоторых бляшках от ожерелья мы встречаем изображение дракона, вписанное в круг, а позднее, в XI в., появляются грифон и крылатый барс. Через юго-восточных славян далее на север проникал образ крылатой собако-птицы Сэнмурва-Симаргла, известный на Северском Донце еще в IX в., а в Смоленске в X в. (тарелка из Гнездовского могильника). В конце X в. Симаргл вместе с Хорсом (богом солнца) стал в центре Киева рядом с другими славянскими богами «владимирова пантеона».

Образцом звериной орнаментики X в. может служить костяная крышка от колчана из Шестовиц (близ Чернигова; рис. 198, *1—2*).

Встречаем и изображения человека. Таковы, например, однородные по рисунку серебряные бляшки из разных дружинных курганов X в., на которых

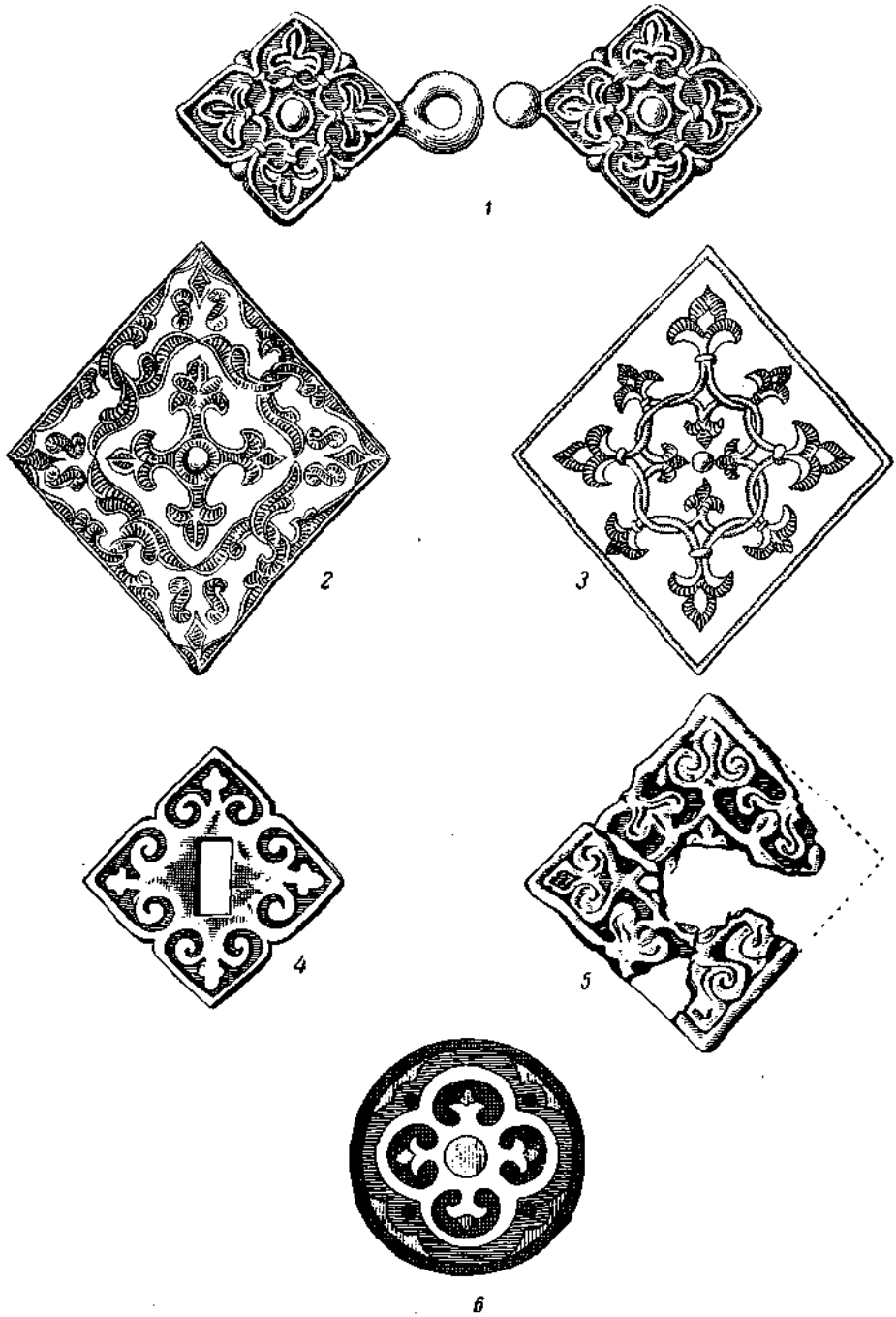


Рис. 197. Вещи X в. с узором из четырех цветков, обращенных в разные стороны: *1* — застежки из кургана Гульбище в Чернигове начала X в.; *2—3* — накладки на турьи рога середины X в. из Черной Могилы в Чернигове; *4—5* — поясные бляхи X в. из Гнездова близ Смоленска; *6* — узор на золотом колте XII в.

Рис. 198. Образцы «звериной» орнаментики X в.: *1—2* — костяные крышки от колчанов (Шестовицы близ Чернигова), X в.; *3—5* — серебряные бляшки с изображением человека, держащегося за двух больших птиц (Курская и Владимирская обл.).

мы видим человека, охватившего руками шеи двух больших птиц (рис. 198, *3—5*). Этот мотив, известный у разных народов древности, отражает извечную мечту человечества о полете над землей. Сказочный сюжет вошел в популярный на Руси роман Александрию и в позднейшем искусстве XI—XII вв. оформился как «вознесение Александра Македонского» (см. ниже рис. 231, *2*). Русские сказки сохранили древнюю легенду о полете на птицах (сказка о живой воде).

Прекрасным образцом русского прикладного искусства середины X в., образцом, в котором сочетались и растительный и тератологический орнамент и изображения людей, является большой турий рог из княжеского кургана Черная Могила в Чернигове (рис. 199). Турий рог — священный сосуд — изображается обычно в руках божества; из него также пьют в честь богов, он является атрибутом жреца. В Черной Могиле два рога были положены рядом с жертвенным ножом для закланий животных: князь был одновременно и верховным жрецом. Рог огромного, вымершего ныне, дикого быка — тура — оковывался по устью серебром, на середине тулова прибивалась ромбическая серебряная пластинка с описанной выше четырехчастной заклинательной композицией. Оковка меньшего рога украшена только растительным орнаментом, сочными гирляндами, оплетающими всю верхнюю часть сосуда (рис. 199, *2*).

Особого внимания заслуживает большой рог (рис. 199, *1*), серебряная оковка которого обрамлена растительным узором, наведенным чернью. Основной фон прочеканен и позолочен. На этом золотом поле рельефно выделяются причудливо изогнутые и переплетенные между собою светлые фигуры птиц, зверей и фантастических животных (рис. 200, *1*). Некоторые из них кусают друг друга, иные стоят отдельно; на тыльной стороне оправы — два чудища, обращенные спинами; их хвосты срослись в одну пальметку, разделяющую оправу на две части. На лицевой стороне посреди всех чудищ и зверей художник изобразил сцену, которой, судя по всему, он придавал важное значение. На первый взгляд содержание сцены очень простое: двое охотников стреляют в птицу, но когда мы начинаем вглядываться внимательнее, то видим ряд интересных деталей (рис. 200, *2*). Одна из фигур — мужчина в рубахе или в кольчуге с непокрытой головой. В руке у него лук, но стрелы уже нет, она только что спущена с тетивы. Вторая фигура — женская и, судя по длинным косам,— это девушка. В руках у нее лук и опустевший колчан. Самое интересное заключается в том, что хотя обе фигуры обращены к большой птице и стреляют в нее, но стрелы оказались позади мужчины. Одна стрела поломана, вторая стрела летит вверх, а третья стрела летит прямо в голову мужчине. Все это похоже на сказку. Загадочный сюжет разъясняется одной черниговской же былиной об Иване Годиновиче, известной по записи еще XVII в. В былине поется о молодом дружиннике, увезшем из Чернигова невесту Марью. По дороге на них напал царь Кащей, за которого Марья была уже просватана. Иван победил было Кащея, но тот склонил Марью на свою сторону и связал Ивана. В это время прилетает вещая птица, пророчащая гибель Кащея. Дальнейшие события

1

2

Рис. 199. Серебряные оправы турьих рогов из княжеского кургана Черная Могила в Чернигове (середина X в.): *1* — оправа рога со звериной орнаментикой; *2* — оправа рога с растительным узором.

и изображены на турьем роге: Кащей велит Марье принести лук и стрелы и пытается убить вещую птицу, но заговоренные стрелы летят обратно, и одна из них убивает Кащея. Вероятно, эта древняя былина отражала какое-то важное событие из жизни Чернигова, если ее главный момент — смерть страшного Кащея Бессмертного от вмешательства птицы (сохранившейся в гербе города

Рис. 200. Турий рог из Черной Могилы: вверху — развернутое изображение оправы; внизу — деталь изображения.

Чернигова) — оказался вычеканенным на священном сосуде князя — жреца эпохи Святослава.

В художественном отношении этот турий рог очень важен, так как показывает, что ко времени принятия христианства русское искусство находилось на достаточно высокой ступени развития. Тератологический стиль, развившийся на Руси в X в., с одной стороны, органически вырастает из звериных композиций VI — VII вв., а с другой — является родоначальником стиля прикладного искусства XI — XII вв.

Исконным, родным материалом для славянских и русских скульпторов и резчиков было дерево и отчасти глина. Из дерева делали языческих идолов, деревянной резьбой украшали храмы, из дерева вырезали домашнюю и культовую утварь в виде птиц, деревянные головы коней резались на «коньках» жилищ и носах ладей (см. т. I, рис. 130 и 198).

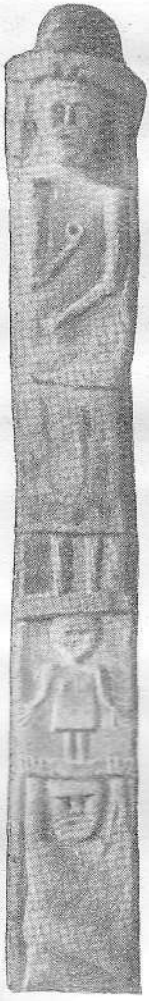


Рис. 201. Славянский языческий идол X в. с изображением подземного царства, земли и неба (Западная Украина, река Збруч).

Летописец под 945 г., рассказывая о заключении Игорем договора с греками, упоминает о клятве Игоря и дружины его на холме, «где стояше Перун». Позднее, в рассказе о занятии Владимиром княжеского стола в Киеве (Ипат. л., 980) говорится о постановке Владимиром нескольких статуй («кумиров») языческим богам «на холму вне двора теремного», причем о статуе Перуна говорится, что она была деревянной, но с серебряной головой и золотыми усами. Непосредственно вслед за этим сообщается, что Добрыня, посаженный Владимиром в Новгороде, также «постави кумиры над рекою Волховом» (см. гл. 3). Эти известия, в сопоставлении с рядом других, позволяют заключить, что монументальные скульптурные изображения языческих богов были распространены у восточных славян. Скульптурные изображения богов видел у русских купцов на Волге и арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан; они представляли собой высокие деревянные столбики, завершавшиеся резными головами. Подобные же сведения в отношении западных славян находим у некоторых западноевропейских писателей (Титмар Мерзебургский, Адам Бременский, Гельмольд, Сефрид и Саксон Грамматик). Бóльшая часть подобных скульптурных изображений богов делалась из дерева и иногда украшалась обкладкой — листами золота и серебра. В рассказе летописи об убийстве христианина варяга и его сына варяг говорит язычникам, что их боги суть «делани руками в древе, сокирою и ножем» (Ипат. л., 983).

У славян были и каменные идолы, причем навыки ваяния в дереве переносились и в работу по камню. Особенно интересен четырехликий идол, найденный в Западной Украине в реке Збруч в 1848 г. (рис. 201). Он, очевидно, был свержен с холма в реку, как были сброшены после крещения и идолы Перуна в Киеве и Новгороде. В збручском идоле мы явно ощущаем привычку скульп-

тора к ваянию из деревянного столба, на котором он неглубоким рельефом намечает фигуры, не нарушающие общего столбообразного облика изваяния. Выше мы видели обломок статуи какого-то новгородского идола (см. рис. 13).

Збручский идол дает нам всю космогонию древних славян. Он разделен на три горизонтальных яруса: в нижнем — бог «пекла», бог подземного царства, держащий на руках землю; в среднем ярусе — люди, жители земли, мужчины и женщины, взявшись за руки, образуют хоровод. Верхний ярус — небо, «ирье», местопребывание богов. На главном месте — Великая богиня с турьим рогом в руке. Ее плодоносящая сила подчеркнута тем, что женщина, расположенная в среднем ярусе на этой плоскости, изображена с ребенком. Быть может, именно эта богиня называлась «рожаницей»? На соседней плоскости — мужское воинственное божество (может быть, Перун или Род?) с мечом у пояса и конем у ног. Это — бог дружинников, воинов. Два других божества менее выразительны.

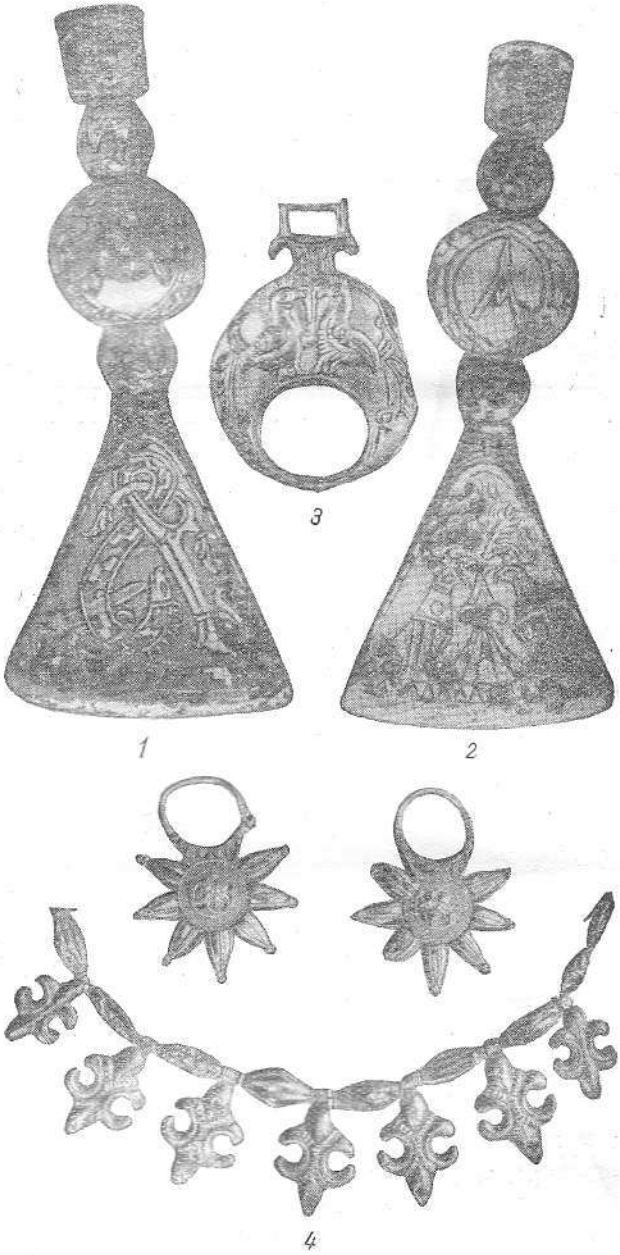


Рис. 202. Образцы городских художественных изделий: *1—2* — стальной топорик XII в. с серебряным и золотым узором; *3* — серебряное украшение сбруи (Киев); *4* — серебряные женские украшения XII в. (два колта и ожерелье с семью «кринами»).

Скульптор, изваявший збручского идола, не стремился к реализму, он довольствовался схемой, условным символом. Всех четырех богов он поместил под одной шапкой, голову подземного бога он показал на трех плоскостях и везде так, что получился как бы трехглавый бог. Лица слегка намечены резцом Эта статуя не была изображением определенного бога. Это был идол, охранявший «со всех четырех сторон» — совмещавший в себе все мироздание, все трицарства — землю, «пекло» и рай. Этот сложный синтетический образ был выражен средствами и скульптуры и живописи (в глубоких впадинах сохранились следы раскраски).

Повидимому, восточнославянская пластика знала и рельефную декоративную резьбу,— она была у славян прибалтийских. Так Титмар Мерзебургский, кратко описывая славянский языческий храм в городе Редигосте, отмечает в нем, кроме статуй богов в шлемах и кольчугах, украшение деревянных стен снаружи «чудесной резьбою, представляющей образы богов и богинь». Эта же черта славянских храмов привлекала внимание и других западных писателей. Выше (гл. 8) приводилось свидетельство о резном убранстве главного храма в Щетине. Резьбу по дереву отмечает Саксон Грамматик в своем описании славянского храма в городе Арконе. О наличии этого рода резьбы по дереву в языческих храмах и в жилищах восточных славян мы можем заключить хотя бы по тому несомненному влиянию, которое она оказала на технику и стиль позднейшей русской каменной рельефной скульптуры XII — XIII вв.

5

Городское прикладное искусство периода феодальной раздробленности известно нам по многочисленным и очень разнообразным образцам (рис. 202). Здесь и женские украшения княгинь и боярынь, зарытые в землю во время татарского нашествия, и украшенные цветными заставками и инициалами книги в переплетах с многоцветной эмалью, и художественно отлитые паникадила и написанные «жженым златом» композиции на церковных вратах.

К величайшему сожалению, быт рядовых горожан известен нам значительно хуже, и мы не можем дать полной характеристики искусства всех социальных слоев города. Там, где возможно сопоставить вещи (украшения) деревенских смердов, рядовых горожан и боярско-княжеские вещи, мы должны сказать, что горожане в своей массе значительно ближе к деревне, чем к княжьему двору. Но это относится к личному быту горожан.

Если же мы перейдем к продукции городских мастеров, которая готовилась по заказу феодального двора, то мы увидим совершенно иное искусство. Мы не найдем ни традиционных для деревни коней, ни «великой богини», ни обилия солнечных знаков. Дружинная среда города изгнала из своего искусства и

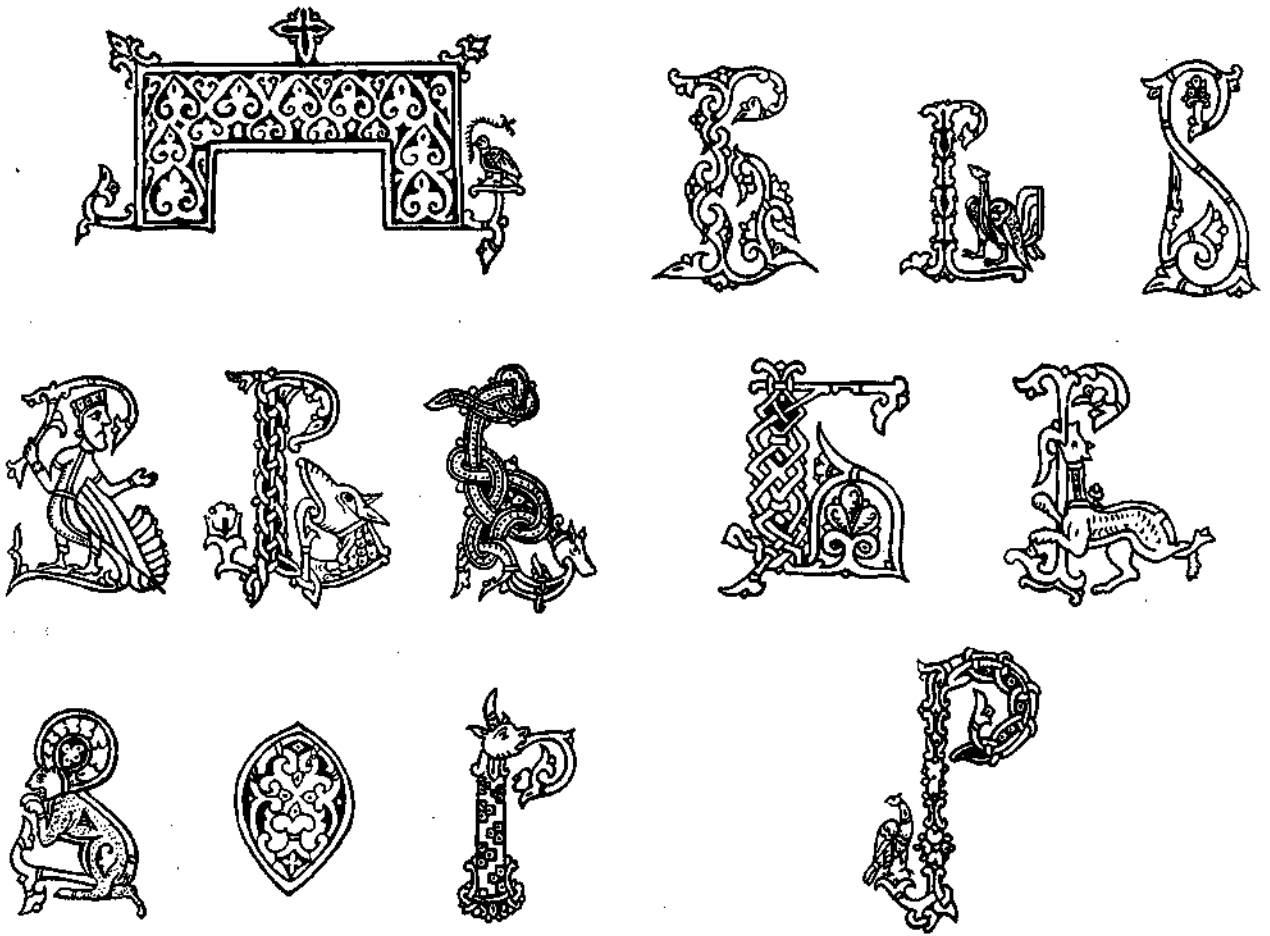
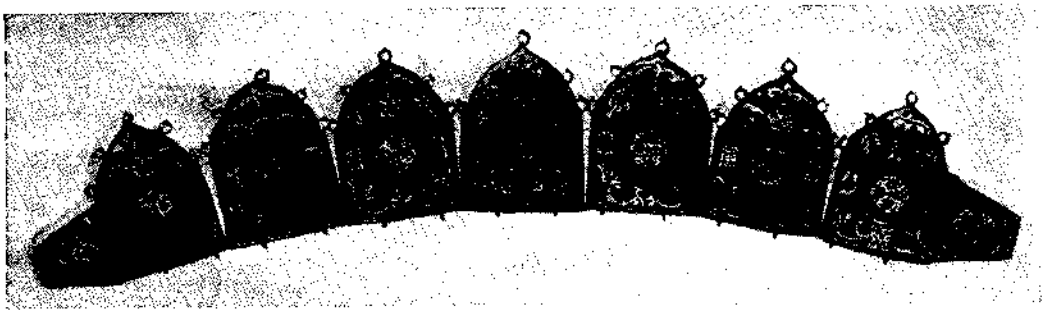
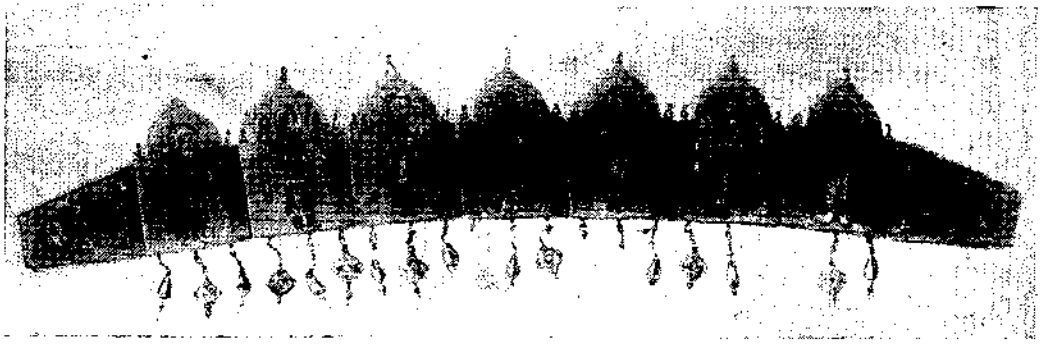


Рис. 203. Заглавные буквы из рукописного евангелия Юрьева монастыря в Новгороде (1120-е годы).

предала забвению все связанное с земледельческим культом смердов, но включила в него такие образы, которые были не известны деревне, как, например, грифон, сирин и др.



1



2

Рис. 204. Золотые диадемы XI—XII вв., украшенные эмалью: *1*— **диадема с изображением «вознесения Александра Македонского» (Поросье), XI в.;** *2* — **диадема с деисусным чином (Киев, XII в.).**

Однако, когда мы говорим о бытовом искусстве феодальной знати города, мы должны учесть, что все его произведения пронизаны единством стиля: они были изготовлены руками рядовых горожан, «кузнецов меди, серебру и золоту», каменосечцев, резчиков кости и дерева, руками мастеров из народа. Быть может, этим и объясняется то, что вне узко церковной сферы (фреска, икона, скульптурное изображение святого) бытовое искусство было удивительно единым по своему духу и образам, в которых художники выражали свою мысль. Это единство создавалось народной основой городского искусства, той самой народной основой, которая пронизывает и Слово о полку Игореве с его фольклорными мотивами. Если мы возьмем три разные сферы декоративного искусства— женские «узорочья», орнаментику книг и украшений архитектуры, то мы

увидим большую внутреннюю общность и близость их между собой. Инициалы Остромирова евангелия 1056 г. (рис. 40) по своей расцветке и форме воспроизводят узоры перегородчатой эмали (диадема из Сахновки; рис. 204, *1*). Еще большую зависимость рисовальщика от образцов эмальерного искусства мы видим в миниатюрах этой рукописи: фигуры евангелистов наведены золотыми контурами, которые явно воспроизводят золотые перегородки эмали (рис. 42).

Еще больше сходства мы видим между инициалами Юрьевского евангелия 1120-х годов (см. гл. 9 и рис. 180 и 203) и различными изделиями XII в. из серебра. Рисунки букв радуют глаз четкостью и плавностью контуров. Все изгибы отличаются изяществом и красотой. Фантазия автора расцветила христианскую богослужебную книгу разнообразными фигурами зверей и птиц. Здесь мы встречаем двугорбого верблюда, коня под чепраком (рис. 180), барсов, змею, медведей, львицу, кошку, собаку, волка, единорога. Столь же богат и мир пернатых: фазан, журавль, сокол или ястреб, ворон в пасти волка и разные мелкие птицы на ветках. Однажды нарисован сирин в короне из отдельных округленных пластин. На одном инициале видим две женские фигуры в длинных одеяниях, как бы бросающие цветы на гроб. Буква *р* однажды изображена в виде обнаженной женщины с пышным цветком в руке (рис. 180).

Вглядываясь в орнаментику Юрьевского евангелия, мы замечаем ее органическую связь с ювелирным делом. В одном случае художник изобразил эмалевый городчатый узор с характерными кружочками, присущими эмали XII в. Другая буква воспроизводит плетеный орнамент, обычный на костяных изделиях с характерными для костерезного дела двойными контурами и точками в середине; даже сюжет здесь выбран именно такой, какой встречается в резьбе по кости,— змея. Несколько раз плетение букв воспроизводит кольчужное плетение серебряных проволочных браслетов и гривен. Завитки многих букв чрезвычайно близки к чеканным ручкам сосудов. Невольно вспоминаются мягкие очертания ручек у сосудов из новгородской Софийской ризницы работы мастеров Братилы и Косты (рис. 224): дата старейшего из них чрезвычайно близка к евангелию Юрьева монастыря — 20-е годы XII в. С этими сосудами его сближают и одинаковые там и здесь изображения цветов. Можно указать и точки соприкосновения с медным литьем так называемых вщижских арок (см. т. I, рис. 76): разделка перьев птиц совершенно одинакова; округлые цветообразные хвосты вщижских птиц аналогичны цветам юрьевских инициалов. Даже чудище, окруженное плетенкой, до мелочи одинаково и там и здесь. Барс с мордой en face сближает буквы евангелия с серебряными широкими браслетами и владимирскими рельефами, где такие барсы обычны. Бегущий зверь с цветком во рту, изображенный на одном из инициалов, многократно встречается на колтах и других ювелирных изделиях. Отметим, что гравированный рисунок на серебряном браслете из клада 1896 г. во Владимире по своей композиции является типичной книжной заставкой XIII в., только перенесенной на серебро. Словом, контурные киноварные инициалы 1120—1128 гг. тесно связаны по своей графике,

сюжетам и стилю с одновременными им изделиями других отраслей прикладного искусства этого столетия.

Работы по серебру очень близки и к деталям архитектурного убранства. На посуде и на серебряных запястьях мы видим аркатурные поясы, внутри которых изображены человеческие фигуры или позолоченные птицы, точь-в-точь как на владимиро-суздальских белокаменных соборах. Некоторые типы орнамента XII в. (например плетенка) совершенно одинаковы на запястьях и на Дмитриевском соборе XII в. Приведенных примеров достаточно для того, чтобы убедиться в том, что в различных областях городского прикладного искусства в XII в. существовал один и тот же стиль. Каждый мастер, каждый художник знал, что и как делают его собратья, все они мыслили одними образами.

Начнем обзор основных отраслей прикладного искусства с тех русских изделий, которыми так восхищались современники в Западной Европе,— с эмали и черни.

Перегородчатой эмалью украшались по преимуществу части женского головного убора и «гривной утвари», золотые диадемы, колты и рясны (цепи, на которых висели колты) и большие медальоны ожерелий. Иногда пластинки с эмалью набивались на переплеты книг; изредка встречаются отдельные иконки самостоятельного значения, где легкие росчерки пера и кисти заменены многотрудной работой златокузнеца и эмальера.

Вещей с эмалью очень много среди богатых княжеских кладов, зарытых в тяжелое время татарского нашествия. Немногочисленность вещей с эмалью в Смоленске и Новгороде объясняется не тем, что там не было этого вида искусства, а тем, что там не приходилось покидать зарытые в земле сокровища.

В числе лучших русских эмалей можно назвать две золотые диадемы — обрамления «городчатых венцов». Одна из них, найденная в Сахновке (Поросье), относится к XI в. (рис. 204, *1*). На среднем из семи ее щитков изображен полет Александра на грифонах, а на всех остальных — знакомая уже нам по искусству X в. композиция из четырех, обращенных в разные стороны, зеленых узорчатых листьев. Вокруг — пышная стилизованная растительность. Подобную растительность мы встречаем на колтах и на рясных. Вторая диадема из старой княжеской части Киева (рис. 204, *2*) относится к более позднему времени (XI—XII вв.), и здесь мы видим целый «деисусный чин» на семи островерхих щитках. Только на боковых пластинках художник позволил себе некоторую вольность — он изобразил здесь женщин в кокошниках и с серьгами и миниатюрное «древо жизни», отдав этим дань старым языческим воззрениям.

То же проявление двоеверия мы видим и на многочисленных золотых колтах с эмалью. Более ранние из них, относящиеся к XI—XII вв., обычно украшены изображениями птиц или сиринов, сидящих у дерева (рис. 205). Это отголоски космогонической легенды о творении всего живого двумя птицами, гнездящимися на дереве среди океана. Этот же мотив переходит и на рясны, где ритмично чередуются бляшки с птицами и бляшки с деревьями или цветами.

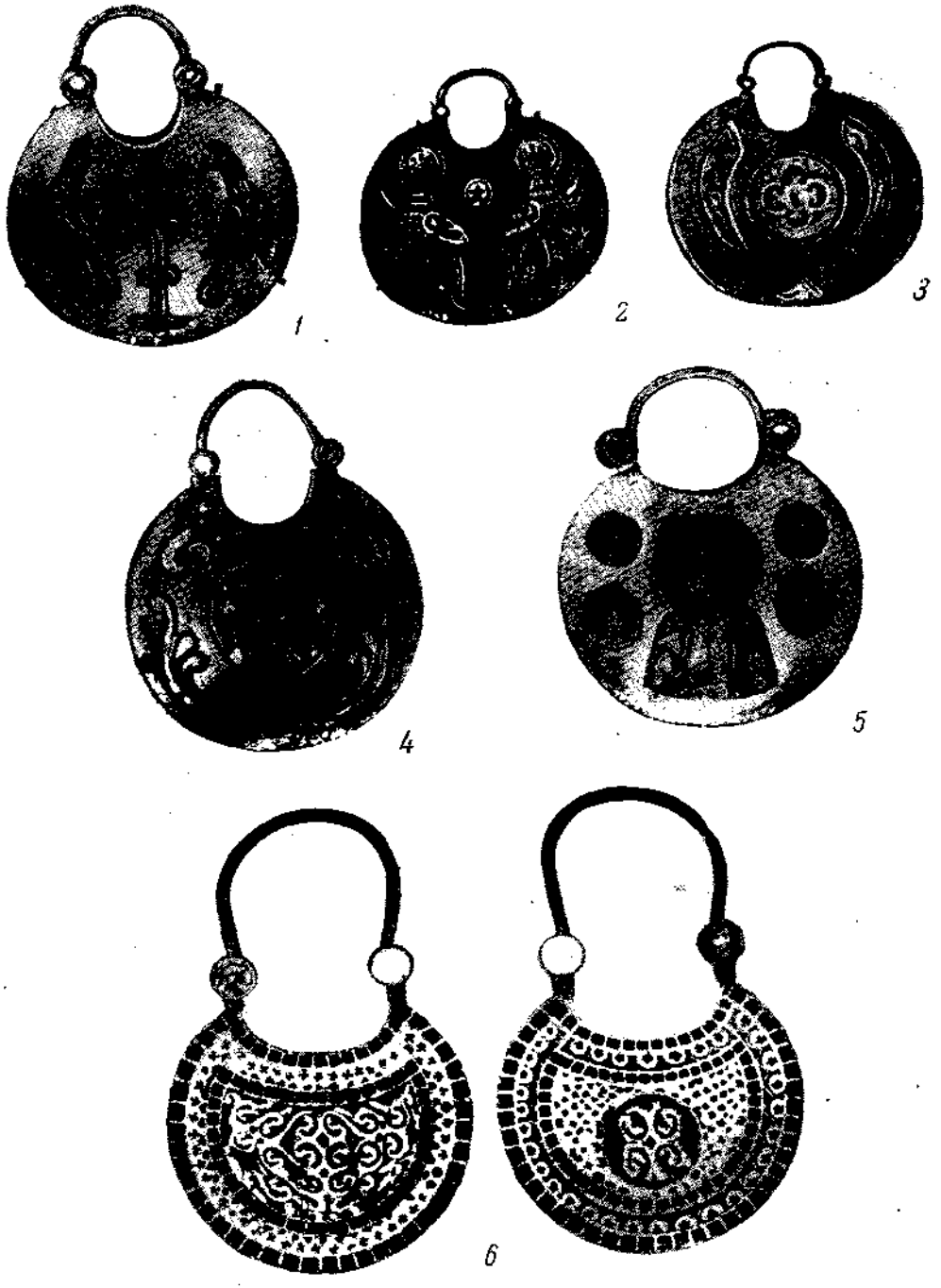


Рис. 205. Золотые колты XI — XIII вв.: *1* — колт с изображением «древа жизни» и двух птиц; *2* — колт с двумя сиринами; *3* — оборотная сторона этого же колта; *4* — колт с изображением женщины в кокошнике; *5* — колт с изображением христианского святого XII — XIII вв.; *6* — золотые колты с геометрическим и растительным узором (Галич).

В изображение сиринов — птице-дев с нежными ликами русские мастера вкладывали много любви, вкуса и старания. Если вместо реальных птиц изображались сирины, то дерево превращалось в маленький условный значок, как бы идеограмму «древа жизни». Самыми поздними колтами являются те, на которых изображены христианские святые, заменившие собой к XIII в. все более старые языческие символы (рис. 205, *5*).

В стиле орнаментации колтов мы можем уловить некоторые областные различия. Так, например, галицкие колты (рис. 205, *6*) резко отличаются от описанных выше киевских; рисунок там дробнее, мельче, он заполняет всю плоскость украшения сплошь, тогда как в киевских эмаль дана только отдельными пятнами на золотом сверкающем фоне.

Особую школу художников-эмальеров мы видим в Рязанской земле в начале XIII в. Вероятно, здесь был изготовлен великолепный набор женских украшений, найденных в 1822 г. в Старой Рязани и сразу привлекших внимание к русским древностям (рис. 207). В состав клада входили большие нагрудные медальоны, украшенные по краям тончайшей трехслойной сканью, поразительной красоты, цветными камнями, а в середине эмалевыми изображениями богородицы и двух святых — Ирины и Варвары. Одно из этих имен, очевидно, и носила владелица этих вещей. Большие колты были украшены изображениями Бориса и Глеба; по бокам каждой фигуры — стилизованные цветы, имеющие аналогии в черниговских эмалях. Старые языческие символы все еще держатся и здесь; плащи обоих князей покрыты схематическими изображениями «древа жизни».

Из эмалей других областей следует отметить крест Евфросиньи полоцкой, сделанный мастером Лазарем Богшею около 1162 г. (интересный своей надписью) и гривну («гряту с финифтом») XIII в. из Каменного Брода на Волыни.

Каменнобродская гривна (рис. 206) представляет собой плоскую овальную пластину с вставленными в нее девятью круглыми золотыми медальонами, содержащими поясные изображения Христа (в центре), богоматери и Иоанна крестителя (по сторонам), затем двух ангелов, двух апостолов — Петра и Павла, и на концах гривны — двух русских святых: князей Бориса и Глеба («деисус»). К концам гривны прикреплены две продолговатые орнаментированные золотые пластины. Мастер этой вещи был очень искусен: эмаль наложена тонким слоем, краски хорошо сохранились и представляют подбор ярких и чистых тонов, прекрасно выдержанных в общей, темносиней тональности всей гривны. С преобладающими в расцветке темносиними тонами мастер сопоставляет яркие, изумрудно-зеленые цвета, чередуя их и в кругах нимбов, и в раскраске одежд, и в пестрой расцветке перышек на крыльях ангелов. Кроме этих двух основных цветов, употреблены еще телесный воскового оттенка, яркожелтый, белый, светлокоричневый и красный. Эмали построены на принципе использования, кроме цвета самих эмалей, декоративного эффекта золотой поверхности орнаментируемой вещи, как фона для эмалевых изображений. Рисунок фигур

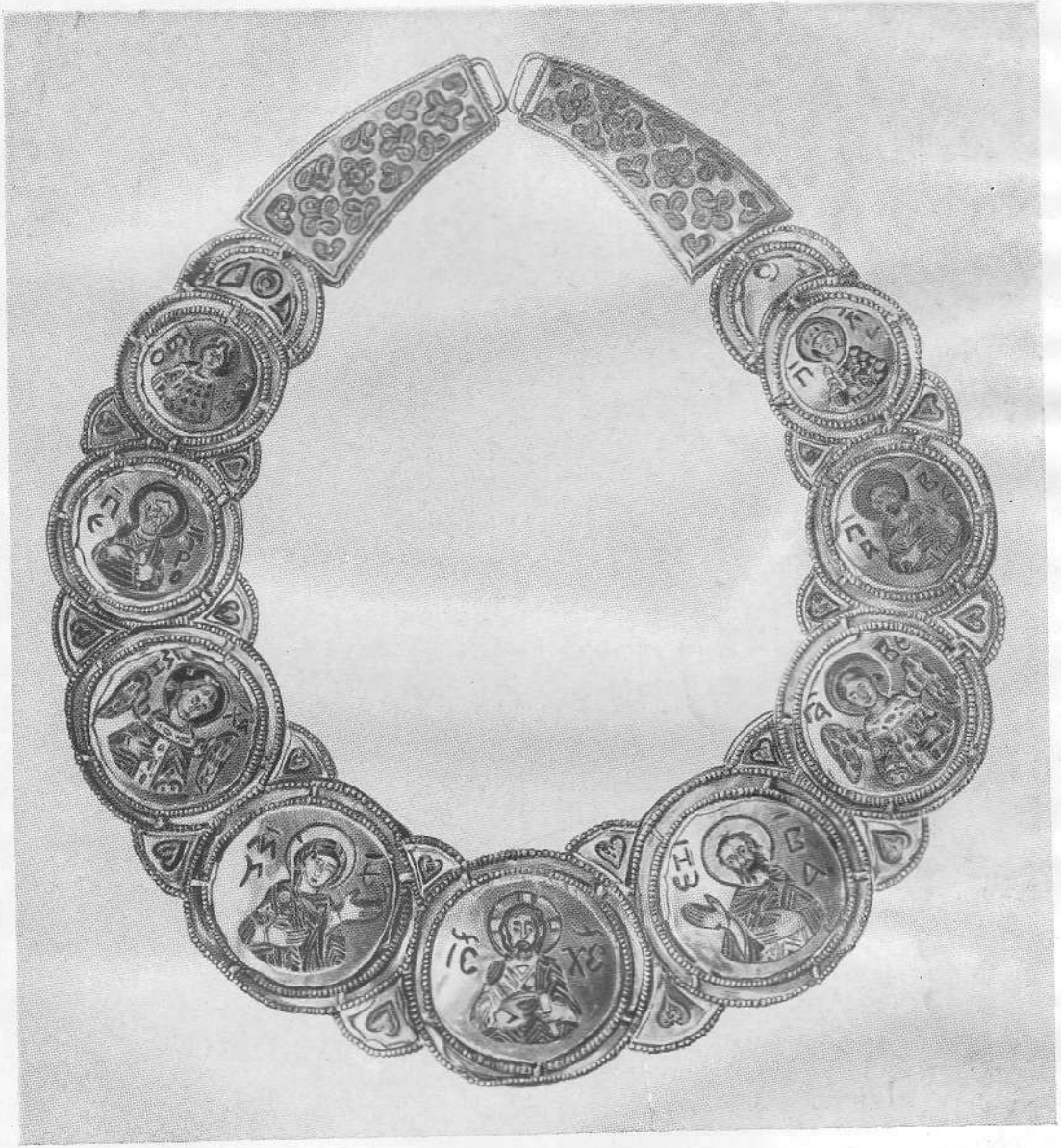


Рис. 206. Золотое оплечье из Каменного Брода. XIII в.

Рис. 207. Клад золотых вещей с эмалью (Старая Рязань), XIII в.

прекрасно согласован с формой орнаментируемой плоскости и подчинен принципам общего декоративного узора, с которым связана и их красочная расцветка.

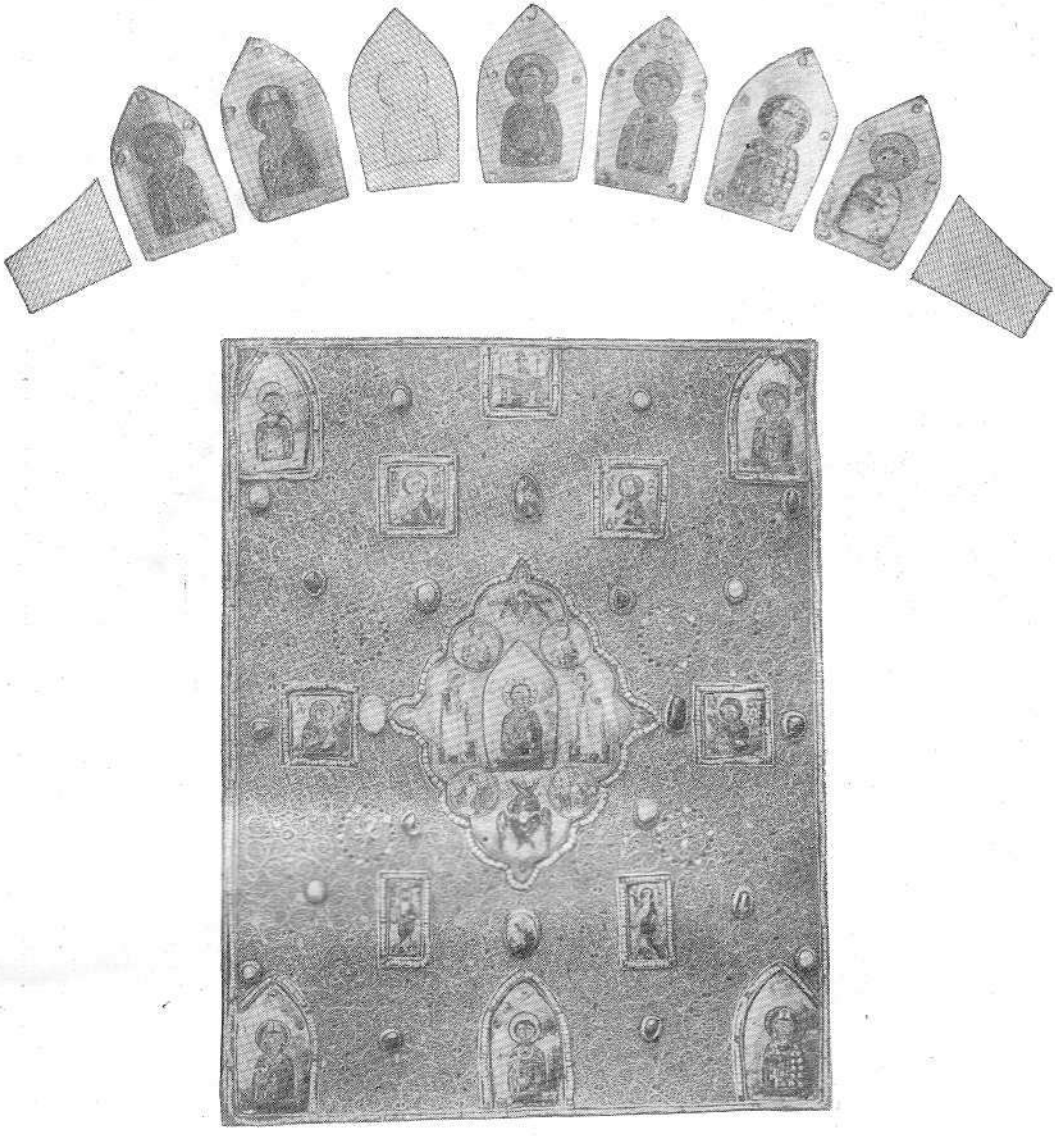


Рис. 208. Переплет Мстиславова евангелия и «городчатый венец» из его эмалей.

Возможно, что эта гривна была первоначально «цатой» для украшения иконы, а позднее была приспособлена для ношения.

На драгоценном переплете знаменитого Мстиславова евангелия уцелели шесть пластинок с изображениями святых; двух из них по плащам с сердце-

видным узором можно определить как Бориса и Глеба (в нижних углах переплета). Это работа второстепенного мастера. Форма пластинок наводит на мысль, что они первоначально были предназначены для диадемы и лишь впоследствии попали на доску переплета (рис. 208). Самый переплет является работой XVI в.

Руку хорошего мастера обнаруживают изображения на бронзовом крестескладне из окрестностей Киева (рис. 209). На каждой стороне складня в круглых медальонах изображены различные святые; на одной стороне — обычный

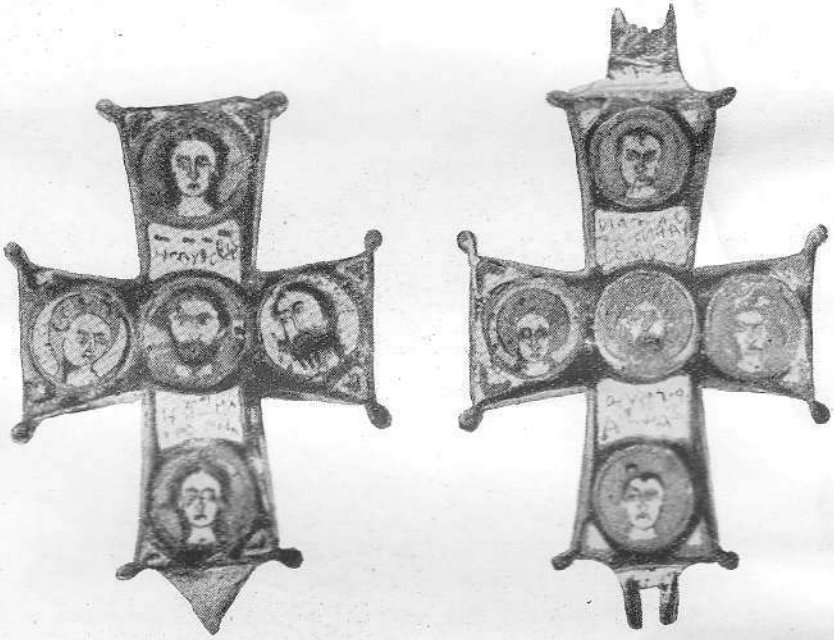


Рис. 209. Бронзовый крест XIII в. с эмалевыми изображениями.

«деисусный чин», а на другой — возможно, христианские патроны владельца вещи и его семьи: Симеон, Анастасия и Елена. Крупные лица выполнены художником очень выразительно. Дата креста Симеона — последние годы перед татарским нашествием.

К этой же поре относятся «дробницы» с эмалью на саккосе митрополита Алексея. На нем сохранилось в полной неприкосновенности «ожерелье» — богатая отделка ворота золочеными тисненными бляшками, дробницами с эмалью и жемчугом. Дробницы — двух родов. Одни из них с христианскими изображениями, выполненными очень выразительно и умело. Художник избегает больших плоскостей одноцветной эмали и расчленяет их красивыми завитками золота, изображающими складки одежды. Другие дробницы полны языческой тематики: древо и пара птиц, разные варианты «четырехцветковой композиции» и другие сюжеты (рис. 210). Особенно интересна дробница в форме

квадрифолия, на которой помещено изображение птице-девы в кокошнике и с распростертыми крыльями. Обычно в древнерусском искусстве распростертые крылья изображались у враждебных человеку хищных птиц. Быть может, художник хотел изобразить здесь Деву-обиду, простершую свои «лебединые крилы». Смешение языческого с христианским здесь столь же сильно, как и в женских украшениях или в рельефах белокаменных соборов XII в.

Для древнерусских эмалей характерно изумительное понимание мастером законов декоративного рисунка, совершенное расположение мотивов на орна-

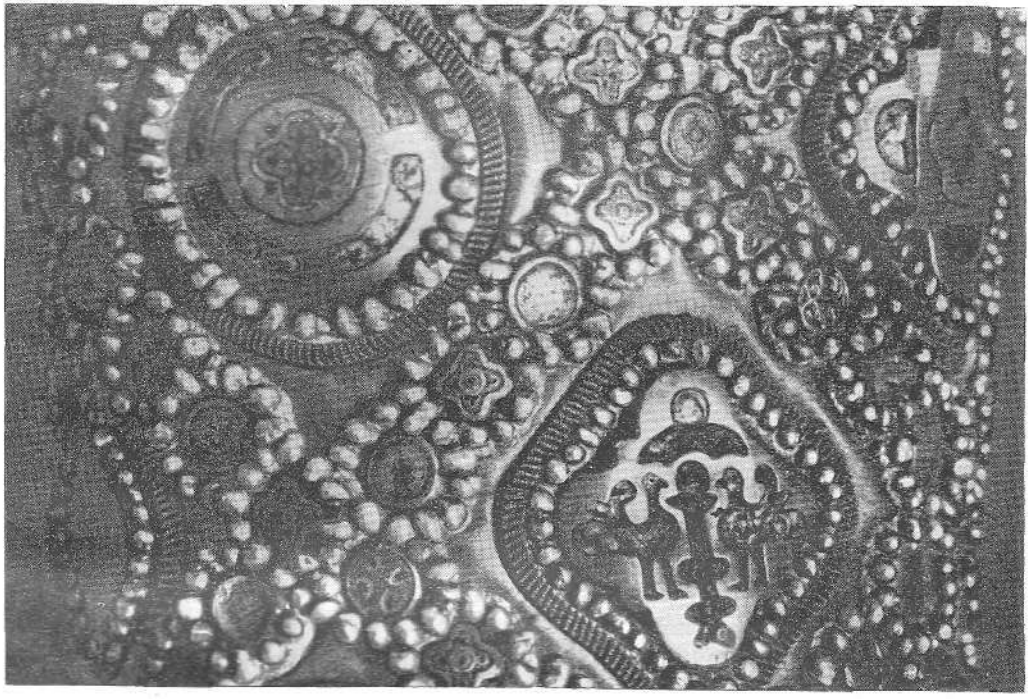


Рис. 210. Золотые дробницы с эмалью XII—XIII вв. на поручах митрополита Алексея

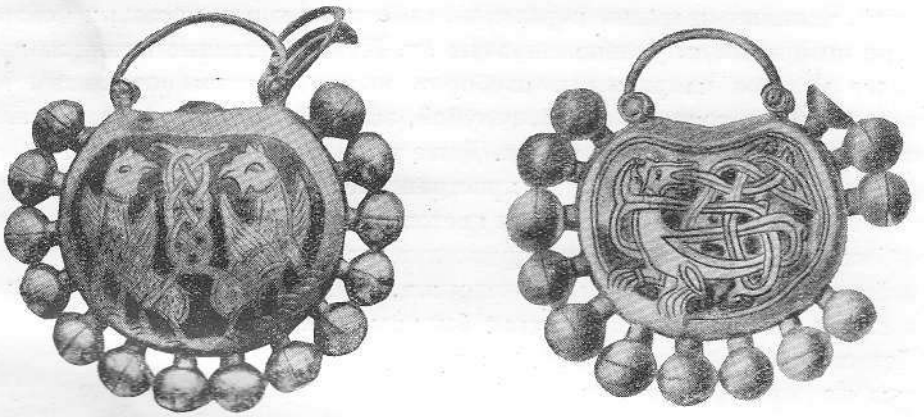
ментируемой плоскости и, наконец, подчинение трактовки мотивов приемам местной орнаментальной традиции. Цветные эмали даны всегда в сочетании с золотом, и игра света на отполированной разноцветной поверхности эмалей подчеркивается и усиливается блестящей поверхностью золота самой вещи. Византийские эмальеры всегда стремятся притушить яркий блеск золота и использовать его игру уже в отраженном свете, преломившемся сквозь прозрачную цветную поверхность эмалевого фона. Древнерусские же мастера как бы инкрустируют эмалями золотую поверхность вещи и по-своему не менее тонко находят необходимое соответствие между цветным эмалевым изображением и остальной поверхностью золотой вещи. Тот же принцип лежит и в вы-

боре цветовых соотношений эмали. Византийские эмальеры стремятся к гармоничному сочетанию различных тонов, к установлению, где это оказывается возможным, плавных цветовых переходов, избегают резких цветовых контрастов или, по возможности, уравновешивают их. Художественные интересы древнерусского мастера направлены, наоборот, к контрастным сочетаниям ярких красок основных тонов — синей, голубой, зеленой, желтой и красной эмалей, блестящих, как самоцветные камни. Даже тогда, когда он воссоздает по византийским оригиналам священные христианские изображения, он стремится к цветовому богатству узоров и ярких цветовых соотношений. В этом сказывается та любовь к яркой красочности и прихотливому узорочью уборов, которую в народной мечте о сказочной красоте человека, его жилья, утвари и одежды отразили почти все наши древнерусские былины и народные сказки.

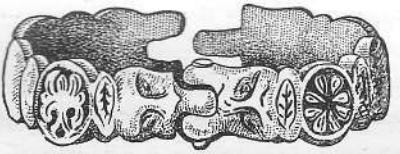
Помимо «тончайших эмалей», иностранцы восхищались русскими работами чернью по серебру. Это — особый и интересный раздел бытового искусства, в котором полнее всего ощущается живой пульс русской творческой мысли.

Изделия с чернью очень разнообразны: колты, браслеты, перстни, мощевики, кресты-складни и многое другое. В этой отрасли искусства мы также можем уловить некоторые областные различия; так, например, киевские мастера предпочитают серебряные или позолоченные фигуры на черневом фоне, тогда как владимирские «кузнецы серебру» очень осторожно и умеренно используют чернь, предпочитая более мягкое сочетание — золотые фигуры на чистом серебряном фоне. В Галицком княжестве, ранее чем в других областях, начали применять контурную чернь. И все же, несмотря на некоторые областные различия, вполне закономерные в эпоху феодальной раздробленности, и этот раздел прикладного искусства можно рассматривать как часть *общерусской* культуры XII—XIII вв.

На серебряных колтах с черневым узором (рис. 211, *1*) чаще всего изображали птиц или барсообразного зверя с процветшим хвостом и цветком во рту. В XII в., в отличие от предыдущего столетия, появляется плетенка вокруг фигур, которая постепенно отвоевывает себе все больше и больше места, лишая рисунок изобразительности и делая его все более орнаментальным. Некоторые варианты плетенки полностью совпадают с плетенкой в архитектурной резьбе второй половины XII в. На многих черневых изделиях XII в., изготовленных для боярско-княжеского круга, мы еще видим древнюю символическую тематику. Это и не удивительно, так как, судя по проповедям, боярство также верило в гадание по птицам, нанимало скоморохов для празднования древних русалий и вообще было очень далеко от аскетического христианского идеала. На «узорочьях» из убора киевских, черниговских и владимирских княжен мы найдем и традиционных птиц на колтах (вспомним «птичьи» названия головных уборов — сорока, кика, кокошник), и двух птиц по сторонам священного древа, и это древо отдельно, и идеограмму новой усадьбы, и знак солнца, и многое другое.



1



2

Рис. 211. Серебряные изделия с чернью XII—XIII вв.: *1* — колты; *2* — браслет из черниговского клада, найденного в 1923 г.

В качестве яркого образца пережитков магических символов в городском искусстве древней Руси можно привести серебряный браслет из клада, найденного в стене Спасского собора в Чернигове (рис. 211, *2*). Браслет состоит из двух створок, каждая из них заканчивается головами льва и львицы, которые соприкасаются при застегивании браслета. Створка разделена на три медальона, между которыми изображены ветки растения; средний медальон на обеих створках украшен «триквестром» — знаком огня, домашнего очага. На медальонах,

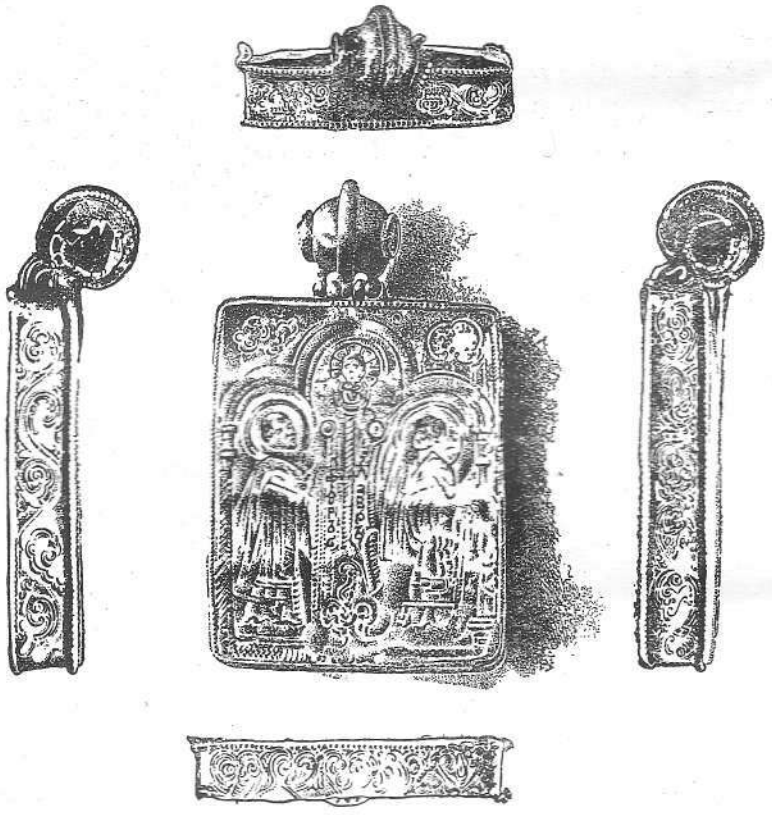
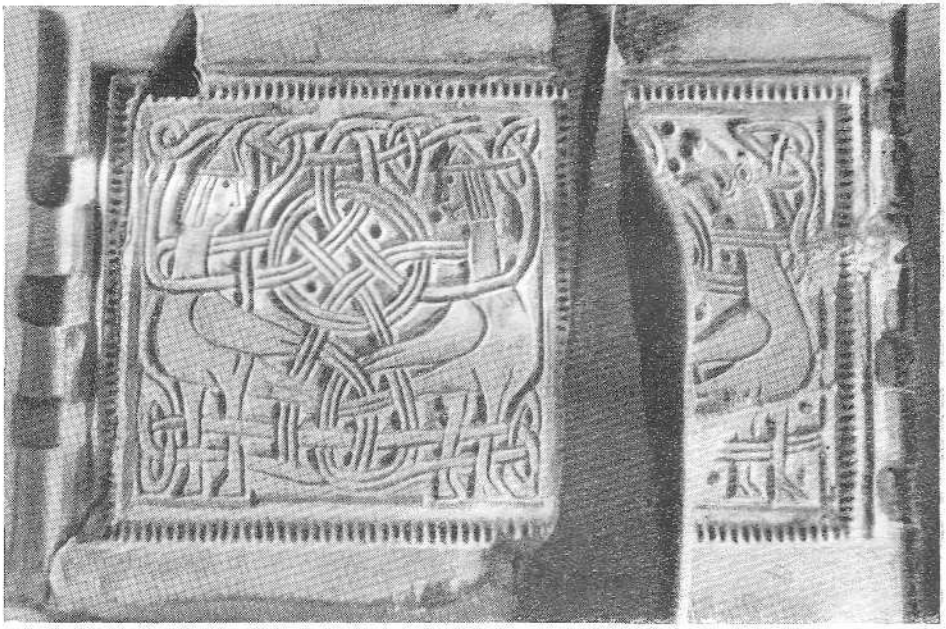


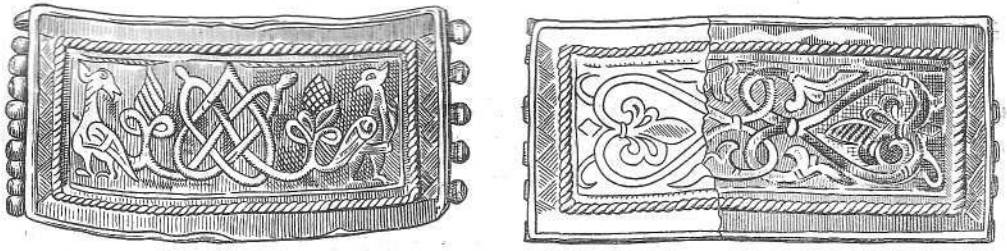
Рис. 212. Серебряный мощевик XIII в.

примыкающих к головам львов, изображены: на одном — знак солнца, а на другом — крестообразная композиция, напоминающая заклинательные четырехсторонние узоры. Около голов львиц (женского начала): у одной — древо жизни, символ плодородия, а у другой — хорошо знакомый нам по древним и позднейшим вышивкам знак новой усадьбы. Все вместе взятое мы предположительно можем осмыслить так: браслет — «обручье» символизирует соединение

мужского начала (лев, солнце, знак безопасности) с женским (львица, древо жизни, дом); связующим звеном является огонь домашнего очага. Возможно, что браслет был изготовлен как свадебный подарок невесте, и поэтому он содержал набор пожеланий и заклинаний, выраженных архаичным языком идеограмм, очевидно еще вполне понятных русским людям XII в.



1



2

Рис. 213. *1* — литейная форма для браслета (Киев; увеличение); *2* — серебряный браслет (Владимир). Орнамент в обоих случаях близок к заставкам рукописей XII—XIII вв.

Другим примером сочетания декоративного с магическим является известное суздальское оплечье (см. т. I, рис. 169), где есть исполненное чернью изображение св. Глеба с такими же стилизованными цветами, как и на старорязанском колте с эмалью. Кроме того, здесь есть два медальона с процветшим кре-

стом и два — с изображением замысловато награвированного «древа жизни». Самыми интересными, самыми живыми и потому драгоценными для нас

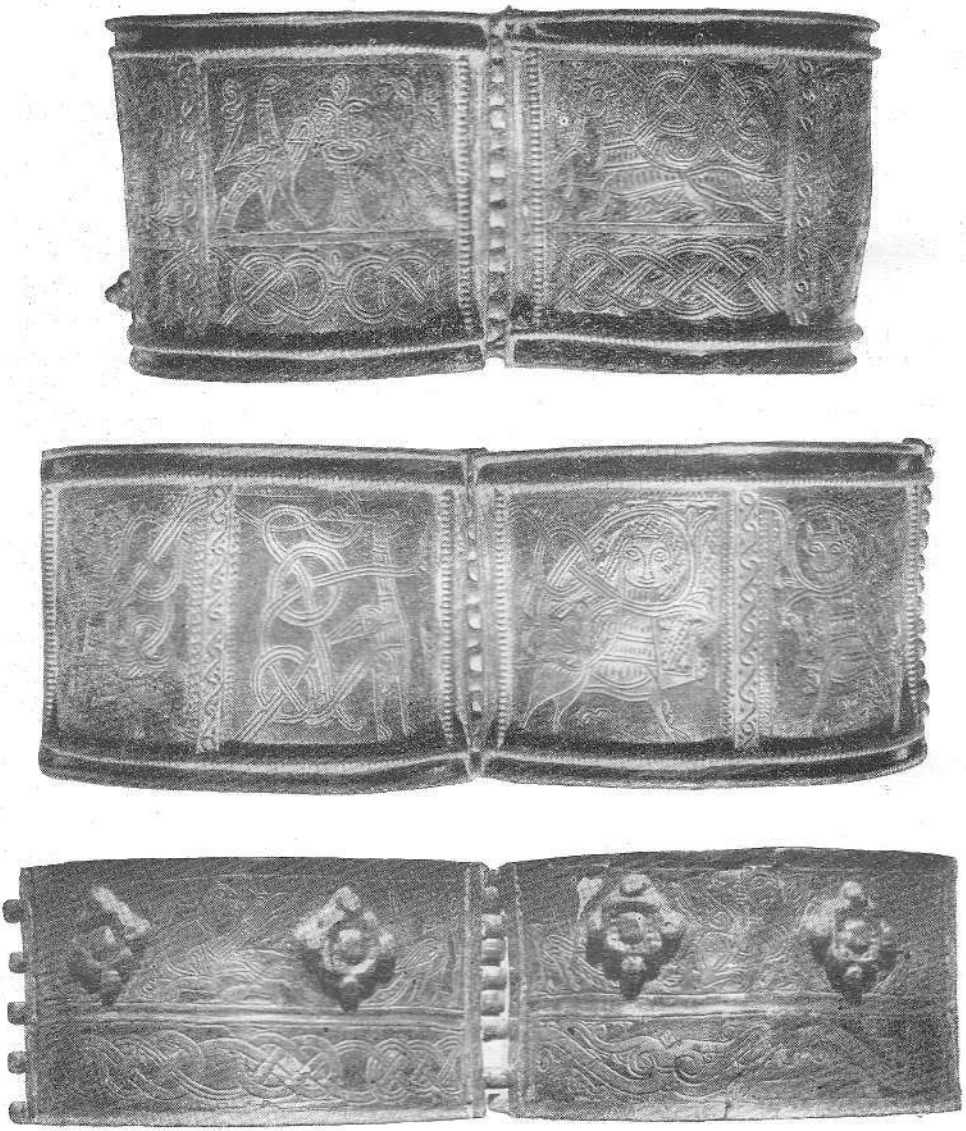


Рис. 214. Серебряные браслеты XII—XIII вв. (Киев).

являются изображения на широких пластинчатых браслетах. Часть их отливалась в литейных формах, и одна такая форма была найдена при раскопках

в Киеве (рис. 213, *1*). Здесь мы видим симметричную композицию из двух человеко-птиц в плетении, как в рукописных заставках (рис. 214—215). Другие браслеты изготовлялись индивидуально, гравировкой. Здесь, помимо птиц, деревьев, кентавров и львов, мы часто видим изображения людей, помещенные

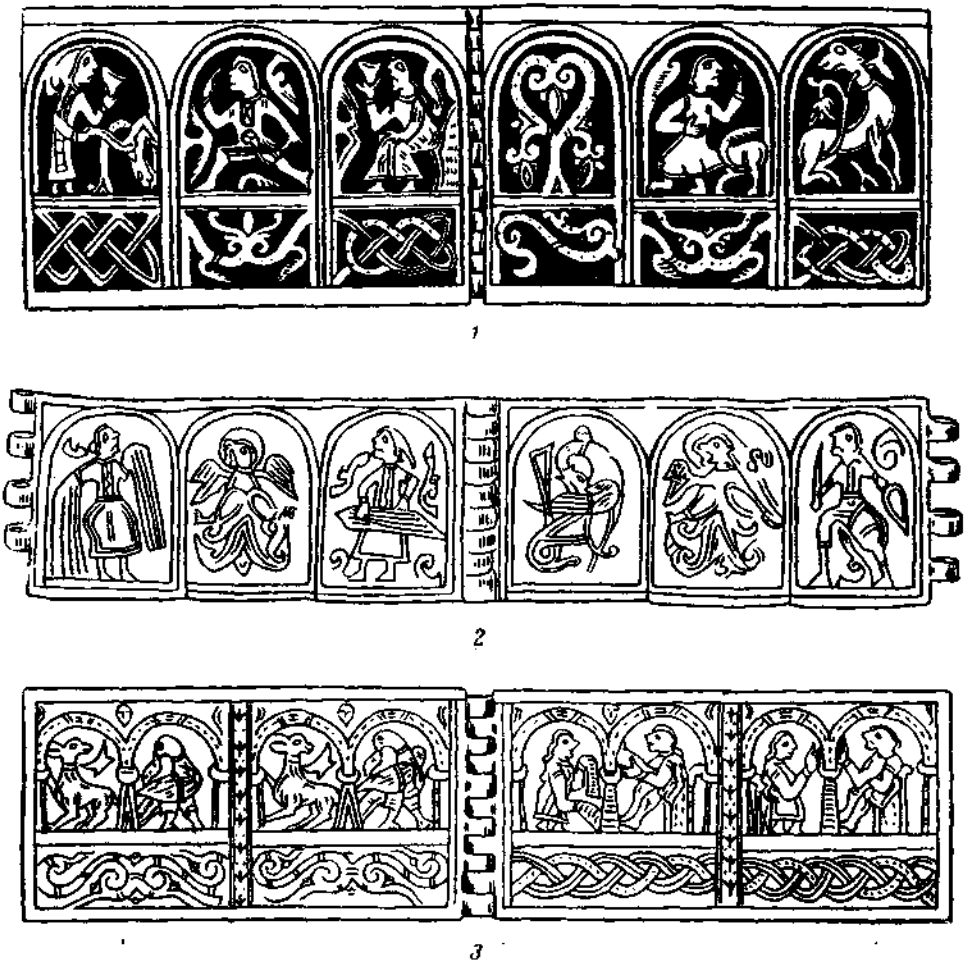


Рис. 215. Серебряные браслеты с изображениями людей: *1* — Тверь; *2* — Киев; *3* — место находки неизвестно.

в арочках. Браслет из Тверского клада 1906 г. (XIII в.) содержит три фигуры: две женщины в узорных одеждах с сосудами в руках и мужчина, показывающий пальцем в небо. Сопоставление со средневековым искусством Средней Азии позволяет установить, что эти фигуры обозначали три стихии: землю, воздух и воду (на данном браслете пропущен огонь, изображавшийся в виде муж-

чины с жаровней; рис. 215, *1*). На браслете из Киева (рис. 215, *2*) среди фантастических птиц мы видим фигуру молодого гусляра в колпаке, в длинной вышитой рубахе и с пятиугольными гуслями в руках. Под звон его гусель пляшет женщина в вышитой одежде с длинными распущенными рукавами, а сзади нее выступает в воинственном танце молодой мужчина с саблей в одной руке и откинутым в сторону щитом пехотинца в другой. По своему содержанию эта сцена напоминает нам изображения Диониса, аккомпанирующего менаде и воину. Но вся трактовка здесь чисто русская, тесно переплетенная и с фольклором (сказка о Лягушке-царевне, пляшущей с распущенными рукавами), и с изображением народных игрищ в миниатюре летописи, где также художник нарисовал пляшущую женщину с распущенными длинными рукавами (см. рис. 23). Подобная сцена представлена и на двух парных браслетах из собрания ГИМ (рис. 215, *3*). Здесь музыкант-домрачей сидит, а женщина пляшет, распустив длинные узорчатые рукава своей одежды. В двух соседних арочках мужчина и женщина сидят друг против друга и просто беседуют; состояние разговора передано в условной манере: одна рука поджата, а другая как бы подтверждает жестикуляцией слова беседующих. Изображения на этих браслетах являются отражением реальной жизни, ее наиболее веселой и привлекательной праздничной стороны, тех «бесовских игрищ», «плясаний» и «в долони плескания», которые так бичевались церковными моралистами.

6

В XII—XIII вв. искусство художников, украшавших быт, все больше и больше обращается к орнаменту как к таковому, к узору, почти или вовсе освобожденному от магического содержания. Элементы, из которых компануется орнамент, сами по себе имели когда-то смысл благожелательных идеограмм, но теперь они этот смысл утрачивают. Эстетическое восприятие орнамента сказывается в том, что происходит определенный отбор из числа древних магических идеограмм,— чисто геометрические фигуры забываются, исчезают и предпочтение отдается тому, что близко к жизни и красиво,— цветам, побегам трав, изогнутым ветвям деревьев.

Древнее языческое искусство, вскормленное земледельческой деревней и долго еще там жившее, в городе XII в. постепенно отмирало. На украшениях женского головного убора, функция которых заключалась в обереганни владелицы (особенно в момент свадьбы), происходит интереснейшая замена старых охранительных символов (птицы, грифоны, священные деревья и др.) новыми богами, христианскими святыми. Очевидно, воззрение людей на назначение «украс» осталось прежним, их продолжали считать оберегом от зла, но старые формулы заклинаний заменились новыми — христианскими. «Деисусный чин» заменил птиц у древа жизни, святые отцы заменили грифонов, а вместо великой богини

природы—Берегини-рожаницы с воздетыми к Хорсу-солнцу руками появилась христианская богоматерь-оранта (см. гл. 9), а может быть, и апокрифическое «вознесение Александра» (ср. бесполую фигуру с воздетыми к небу руками на диадеме из Сахновки; рис. 204) рассматривалось как легальная форма изображения древней богини. Язычников преследовали за то, что они кланяются «написавше жену в человеческий образ»; богородица-оранта или безымянная фигура с поднятыми руками были хорошей заменой привычных образов.

Однако в умах русских горожан совершился не только переход от одних заклинательных формул к другим, но и отказ от них, открытие самодовлеющей красоты узора. В XII в. широко применялся плетеный орнамент, перешедший впоследствии в рукописи и державшийся там до XV в. Развитие техники скани (см. т. I, гл. 2) вызвало к жизни спиральный орнамент, который обильно представлен на вещах конца XII и XIII вв. Привычные изобразительные сюжеты — птиц, грифонов, «четырехцветковую композицию» — художники теперь начинают располагать орнаментально, повторяя по нескольку раз одно и то же сочетание. Примером декоративности может служить известный шлем Ярослава Всеволодича (отца Александра Невского; см. т. I, рис. 261). Все символическое, оберегательное сосредоточено на помещенной над челом чеканной фигуре архангела Михаила и на четырех изображениях святых и среди них Федора—патрона владельца — на вершине шлема (рис. 226). По тулье шлема мастер начала XIII в. пустил орнаментальную полосу из сердцевидных клейм, внутри которых мы найдем и цветы, и птиц, и грифонов (рис. 216, *1*). Художник очень ритмично расположил чеканные изображения по три, применив «четырехлистную композицию» в качестве разделительного знака: вся полоса разделена «четырехлистником» на участки по три сердцевидных клейма; среднее из них — цветок или стилизованное дерево, а по сторонам этой внутренней оси симметрии — две птицы или два грифона, обращенные головами к цветку.

Другим образцом внутреннего ритма является серебряный браслет XIII в. из Владимира (рис. 216, *2*). В нижней части идет узор из восьми однородных плетеных узлов, а в верхней части в восьми арочках помещены симметрично расположенные барсы и птицы. Внутри каждой арочки художник размещает фигуры с большим композиционным мастерством.

К XIII в. и, возможно, тоже к владимиро-суздальскому искусству относится хороший образец черневой работы—серебряный мощевик, на верхней крышке которого в трехлопастной арке помещены фигуры двух святых («Флор» и «Лавор») и Христа (рис. 212). Свободные пространства художник заполнил цветами. На боковых сторонах мастер блеснул сразу тремя вариантами растительного орнамента. Один из них близок к рассмотренному выше орнаменту на шлеме Ярослава; а два других — к белокаменной резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1234).

К концу домонгольского периода любовь к узорности сказалась в том, что художники-декораторы не довольствовались только обрамлением, только от-

дельными полосами орнамента, а покрывали, как ковром, своим узором целые плоскости. Это мы видим и на стенах Георгиевского собора, сплошь покрытых резным белокаменным ковровым узором, и в росписи Суздальского собора, и на

1

2

Рис. 216. Ритмическое построение орнамента: *1* — серебряная оправа тульи шлема князя Ярослава Всеволодича, начало XIII в.; *2* — браслет XII—XIII вв.

серебряных окладах больших икон, где среброкузнецы, устав чеканить узор, изобрели басму — способ механической орнаментации больших плоскостей.

Верхом совершенства русского прикладного искусства было изготовление медных церковных врат, расписанных «жженым златом». Об их технике говорилось выше (см. т. I, гл. 2). В этом искусстве русские художники опередили своих

западноевропейских современников; на Западе нам не известны подобные изделия, а на Руси они изготавливались в Киеве, Старой Рязани, Новгороде и Суздале.

На так называемых «Лихачевских вратах» из Новгорода, относящихся к XIII в. (рис. 217), в верхней части изображено благовещение, а на четырех основных тяблах — фигуры четырех евангелистов. Каждое тябло обрамлено изысканным и разнообразным, различным с каждой стороны орнаментом.

Еще большее многообразие узоров и изобретательность декоратора проявились в замечательном памятнике искусства Владимирской Руси — западных и южных вратах Суздальского собора (рис. 218). Они были изготовлены в 1222—1233 гг. мастерами владимирского епископа Митрофана для перестроенного в 1222—1225 гг. собора, богато украшенного резным камнем. Обитые медными листами, образующими на каждой двери двадцать восемь клейм, врата были своего рода наглядной церковной энциклопедией; на западных были представлены главные христианские праздники, на южных — события ветхозаветной истории и особенно «деяния» архангела Михаила, покровителя княжеской власти. Все эти композиции, выполненные с большим художественным мастерством «золотым письмом» на темном фоне оксидированной меди, были снабжены обстоятельными русскими надписями. Каждый лист отделен от другого массивными продольными и поперечными полукруглыми валиками, богато украшенными растительными узорами. Средний валик, разделяющий половинки дверей, включает в свои растительные орнаменты медальоны с изображениями святых, соименных лицам княжого дома и епископа. Внизу в четырех нижних листах вместо священных сцен помещены изображения зверей и крылатых грифонов в причудливых растительных и плетеных разводах. На западных дверях на каждой половинке имеются массивные литые бронзовые ручки в виде львиной головы с кольцом во рту. Орнамент врат настолько сложен и в то же время точен, что наводит на мысль о строгом построении его при помощи угольников и циркуля. Художник проявил большое искусство, скрыв от глаз зрителя всю свою предварительную геометрическую композиционную работу за свободной живописной трактовкой орнамента и обилием разнообразных узоров. В обрамлении пышно украшенных резьбой порталов собора врата представляли исключительно эффектное зрелище,— мерцание золотого рисунка на зеленовато-черном фоне уподобляло врата тяжелой и драгоценной золототканной завесе входа.

7

Во время Владимира I еще не выработалось отрицательного отношения к скульптуре как греховному языческому искусству. Летописный рассказ о походе Владимира на Корсунь сообщает, что Владимир взял из Корсуня в Киев «медяне две капищи и 4 кони медяны, иже и ныне стоять за святою Богоро-

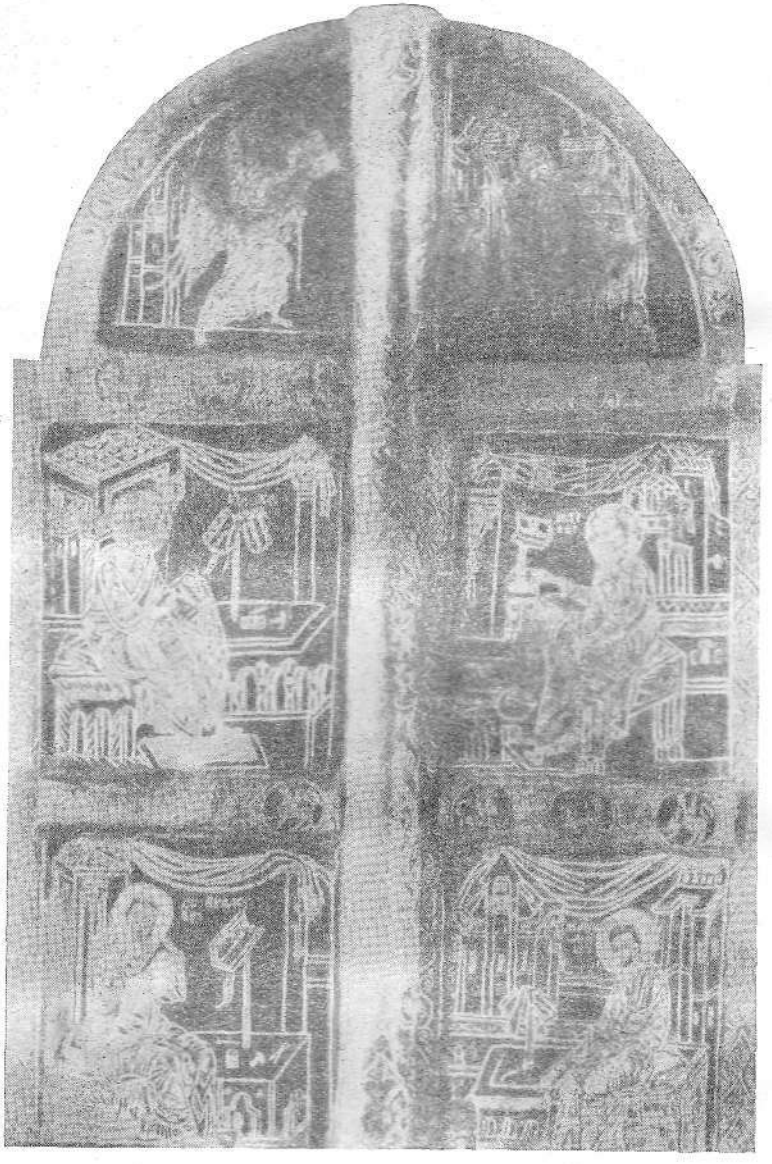


Рис. 217. Орнамент, наведенный золотом на вратах; начало XIII в. (так называемые «Лихачевские врата»).

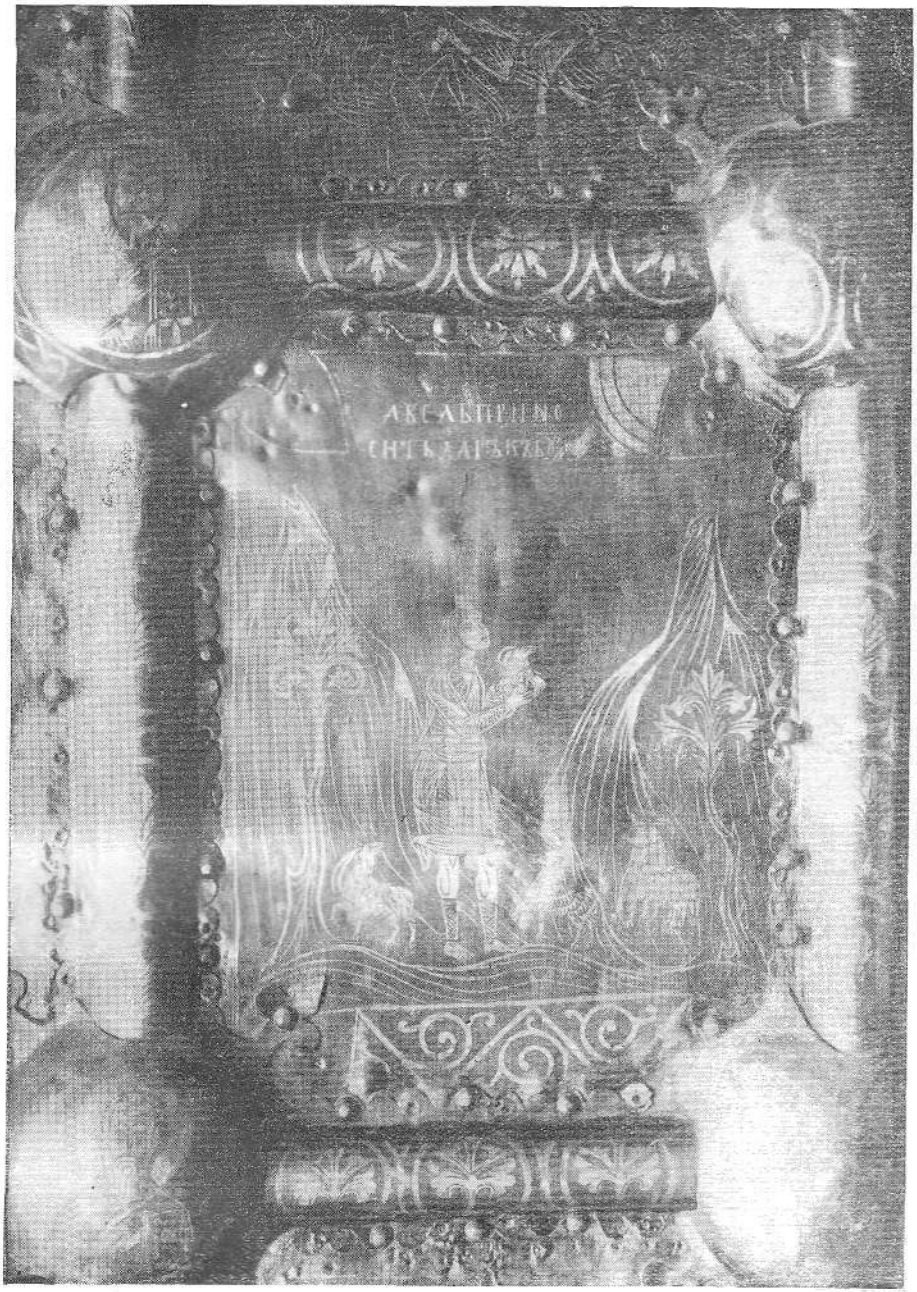


Рис. 218. Деталь Судальс ких врат.

дицею, яко же не ведуще мнять я мраморяны суща» (Ипат. л., 988). Владимир привез в Киев античную бронзовую группу, изображавшую квадригу коней, подобную, очевидно, тем бронзовым статуям, которыми были украшены площади Константинополя и одну из которых венецианцы, после взятия Константинополя, вывезли к себе в Венецию и украсили ею фасад собора св. Марка, где она и стоит доныне. Привозя в свою столицу — Киев — античные статуи, Владимир, видимо, стремился соперничать с Константинополем в общем украшении города, для чего и поставил бронзовую квадригу на открытой площади в непосредственной близости от сооружаемых им новых храмов. Что представляли собой две медные «капищи», пока остается загадочным, — может быть, это были медные алтари, по данным же позднейшего варианта этого рассказа («яко жены образом») можно заключить, что это были статуи.

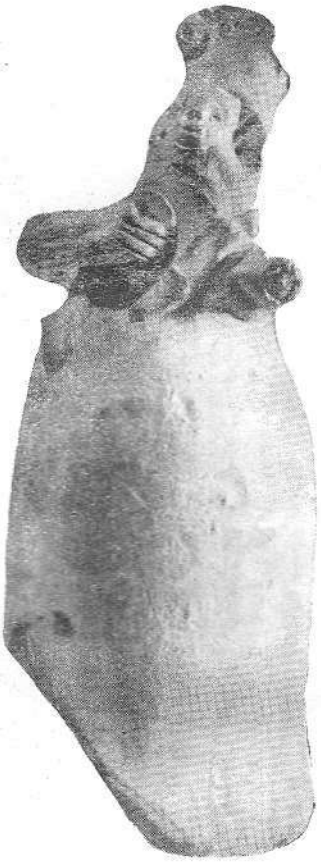


Рис. 219. Глиняная фигурка XI—XII вв. (Киев).

Однако, с укреплением христианства и начавшейся борьбой против язычества, в число его «отреченных» искусств попала и скульптура — она связывалась слишком непосредственно с представлением об изображениях изгоняемых языческих богов. Поэтому скульптура в древней Руси не получила особого развития и не стала самостоятельной отраслью изобразительного искусства, ограничиваясь или сферой мелкой пластики (змеевики, кресты-складни, чеканные изделия, глиняные игрушки; рис. 219) или же служила убранству каменных зданий. Как увидим ниже, в манере некоторых владимиро-суздальских резчиков даже в конце XII и начале XIII в. еще будет звучать древняя традиция плоскостной деревянной резьбы.

Декоративная резьба по камню в киевской архитектуре X—XI вв. имела, как мы видели выше (см. гл. 8), характер плоского растительного или геометрического орнамента. Таковы были шиферные плиты хор или полов храмов. Этот плоскостной стиль сохраняет резьба и в период феодальной раздробленности.

К концу XI и началу XII столетия можно отнести два интереснейших шиферных рельефа, возможно, служивших для украшения княжеского дворца на Берестове близ Киева.

На одном из них (рис. 220, *1*) изображен молодой безусый мужчина в легком плаще, раздирающий руками пасть бросившегося на него льва. Сзади борющихся изображено дерево, дополняющее композицию. Лев показан подчерк-

1

2

Рис. 220. Шиферные рельефы из Лаврского музейного заповедника в Киеве. XI—XII вв : *1* — Геракл, побеждающий льва; *2* — Кибела, мать богов, едет на львах.

нуто страшным; скульптор особенно постарался обрисовать его обнаженные зубы и огромный глаз. Но чувствуется, что живого льва он не видал, так как и морда и лапы зверя переданы плохо. В фигуре же человека много жизни и движения. Особенно хорошо лицо — оно горделиво спокойно, и только глаза внимательно следят за могучим противником, вставшим на задние лапы. Скульп-

тор, изваявший этот рельеф из волынского шифера, очевидно, повидал на своем веку много памятников античного искусства. Вспомним хотя бы о том, с каким вниманием и любовью русские путешественники осматривали художественные сокровища Царьграда, с каким сожалением они отмечали впоследствии варварские разрушения царственного города рыцарями-крестоносцами. По своему содержанию рельеф неясен — он может изображать библейского Самсона, убившего льва в пустыне, но может отражать и античный миф о Геракле, одним из подвигов которого было единоборство со львом. Наличие на рельефе дерева как будто бы несколько противоречит признанию в герое Самсона.

Второй рельеф (рис. 220, *2*) еще более загадочен: в четырехколесной дышловой повозке, в которую впряжены лев и львица, полулежит женщина в кокошнике и сравнительно короткой одежде. В христианской мифологии мы не находим объяснения подобной композиции, а в античной мы знаем Кибелу, мать богов, ездившую на львах. Здесь только нет и признаков того оргиастического духа, который был присущ культу этой богини.

Если допущение, что на этих рельефах изваяны Геракл и Кибела верно, то мы получаем как бы два символических изображения — мужского и женского начала. Мужчина усмиряет льва силой; женщине львы покоряются сами. Парность рельефов, принадлежащих, по всей вероятности, одному мастеру (ср. первого льва со львицей второго рельефа), и их стилистическое единство свидетельствуют о том, что обе вещи предназначены были дополнять друг друга и, как это часто бывало в древности, выражать одну мысль; каждый рельеф был как бы словом, а оба они были целой фразой, как целой фразой был и свадебный браслет из Чернигова. Быть может и эти рельефы были изготовлены по случаю женитьбы какого-либо князя (в связи с обычной в таких случаях перестройкой дворца); они могли украшать женскую и мужскую половину дворца. В древнерусском искусстве, особенно в летописных миниатюрах, было много символики подобного рода («птиць верху древа» — символ поражения; женщина с простертыми руками — символ беды и др.). Время создания рельефов — по всей вероятности, эпоха Владимира Мономаха, от которой до нас дошли сведения о замечательных мастерах прикладного искусства, делавших раку Бориса и Глеба, восхищавшую иностранцев, и изготовивших по заказу Владимира «терем серебрен» в Борисоглебскую церковь в Вышгороде и «божницу» над гробом его сестры.

К XI—XII вв. относятся два интересных рельефа из красного овручского шифера, находившиеся в Михайловском Златоверхом монастыре в Киеве. На каждом рельефе изображено по два всадника, едущих навстречу друг другу, так же как на привычной для русского народного искусства композиции на полотенцах. Разница та, что здесь нет центральной фигуры женского божества, но фигуры попираемых символов зла под копытами коней здесь есть в трех случаях. По своему плоскостному стилю оба рельефа очень близки к деревянной резьбе, их мастер еще не забыл ее навыков.

На одном из них представлены св. Георгий, поражающий змея (левый всадник) и, как предполагается, сопменный ему Ярослав Мудрый (в крещении Георгий), также вонзающий копье в змея (рис. 221, *1*). Тяжеловатые кони напоминают стилизованных пряничных коньков с картинно выгнутыми шеями и грубовато поставленными ногами. Посадка всадников русская, с оттянутой назад стопой. Волосы у всадников сделаны так же, как и на монетах и печатях этой эпохи,— крупными шариками. В бородатом длинноносом лице предполагаемого Ярослава можно уловить черты портретности (ср. т. I, рис. 6, скульптурный портрет Ярослава Мудрого в реконструкции М. М. Герасимова).

Другой рельеф (рис. 221, *2*) с такими же двумя воинами-всадниками явно подражает первому в расположении фигур, способе изображения конской гривы и плащей всадников. но можно отметить и ряд отличий. Фигуры коней более реалистичны, здесь иначе переданы детали доспеха и совершенно по-другому трактованы волосы. У обоих всадников изображены круглые щиты, отсутствующие у всадников первого рельефа. Под копытами левого коня находится поверженный и пронзенный копьем бородатый воин в кольчуге и шлеме и с обломком копья в руке. Правый всадник — безбородый мужчина с опущенными вниз усами, придающими и ему черты портретности. Стилистические отличия обоих рельефов не особенно велики и могут быть объяснены тем, что одновременно работали два разных скульптора. Но вполне можно допустить и другое,— что рельефы сделаны разновременно и второй мастер старался по возможности быть близким как по композиции, так и по манере к работе своего предшественника. Ввиду несомненной портретности каждого правого всадника и вероятной принадлежности этих портретов известным историческим лицам, для нас представляется особенно важным по возможности точно определить изображенных на рельефах князей. Обычно считают, что второй рельеф изображает Дмитрия Солунского. а соседний всадник — князя Изяслава (Дмитрия) Ярославича. Это предположение основано на том, что Михайловский монастырь, где находились эти рельефы, ранее назывался Дмитриевским по христианскому имени Изяслава. Однако рельефы находились в Михайловском монастыре на случайном месте, они были явно принесены сюда откуда-то; вызывает сомнение и отождествление левого всадника второго рельефа с Дмитрием Солунским, который в ту эпоху нигде не изображался верхом на коне. А если левый всадник не Дмитрий Солунский, то правый не Дмитрий — Изяслав. В XI—XII вв. с конем изображался Федор Стратилат. Такое изображение было помещено, например, на печати князя Мстислава — Федора, сына Владимира Мономаха. В Киеве рядом с Михайловским находился Федоровский монастырь, основанный этим князем около 1128 г. Возможно, что из развалин Федоровского монастыря и происходят интересующие нас рельефы. Тогда правого всадника второго рельефа мы можем предположительно отождествить с одним из крупных государственных деятелей и полководцев древней Руси — Мстиславом Владимировичем (1076—1132), а бородатый воин под копытами

1

2

Рис. 221. Рельефы из Михайловского монастыря XI—XII вв.: *1* — предполагаемое изображение Ярослава Мудрого; *2*— Федор Стратилат и князь Мстислав-Федор (?).

коня Федора Стратилата — один из побежденных врагов, может быть полоцкий князь, разбитый войсками Мстислава в 1128 г., в тот год, когда в Федоровском монастыре Мстислав начал строить каменную церковь.

Историю русской пластики очень трудно изложить последовательно, так как большинство вещей со скульптурной отделкой не поддается точной датировке. Единственное исключение представляют монеты и печати, которые можно

Рис. 222. Золотой змеевик с именем Василия («Черниговская гривна»).

распределить более или менее точно внутри большого отрезка времени, отмечаемого для других вещей суммарно, как XI—XIII вв. Свинцовые вислые печати дают нам некоторые хронологические вехи (рис. 223). Печати князей XI в. (Мстислава тмутараканского, Ярослава Мудрого, Всеволода и Изяслава Ярославичей) — большие, грубоватые, с неумело вырезанными лицами и надписями. Исключение составляют монеты Ярослава Мудрого — серебреники хорошей и тонкой работы; именно этим серебреникам неумело подражали шведские короли.

Печати, приписываемые Владимиру Мономаху,— более тонкой, но все же не вполне совершенной работы. Изображенные на них фигуры все еще поясные и маловыразительные. Близки к ним по стилю и печати киевского тысяцкого боярина Ратибора (1079—1113), посылавшего свои грамоты из Тмутаракани в Киев. На них изображался христианский патрон Ратибора — Климент. Один из вариантов печати этого крупного боярина отличается тщательностью и пропорциональностью изображения; возможно, что он относится уже к XII в. От времени Мономаха до нас дошел великолепный золотой амулет-змеевик,

Рис. 223а. Русские печати XI—XIII вв. (по Н. П. Лихачеву и Б. А. Рыбакову): *1* — Ярослав Мудрый; *2* — Изяслав Ярославич; *3* — Владимир Мономах; *4* — боярин Ратибор; *5* — печать секретной переписки с надписью «дьнѣслово»; *6—7* — Святослав Ольгович и его жена Мария; *8* — Всеволод Ольгович.

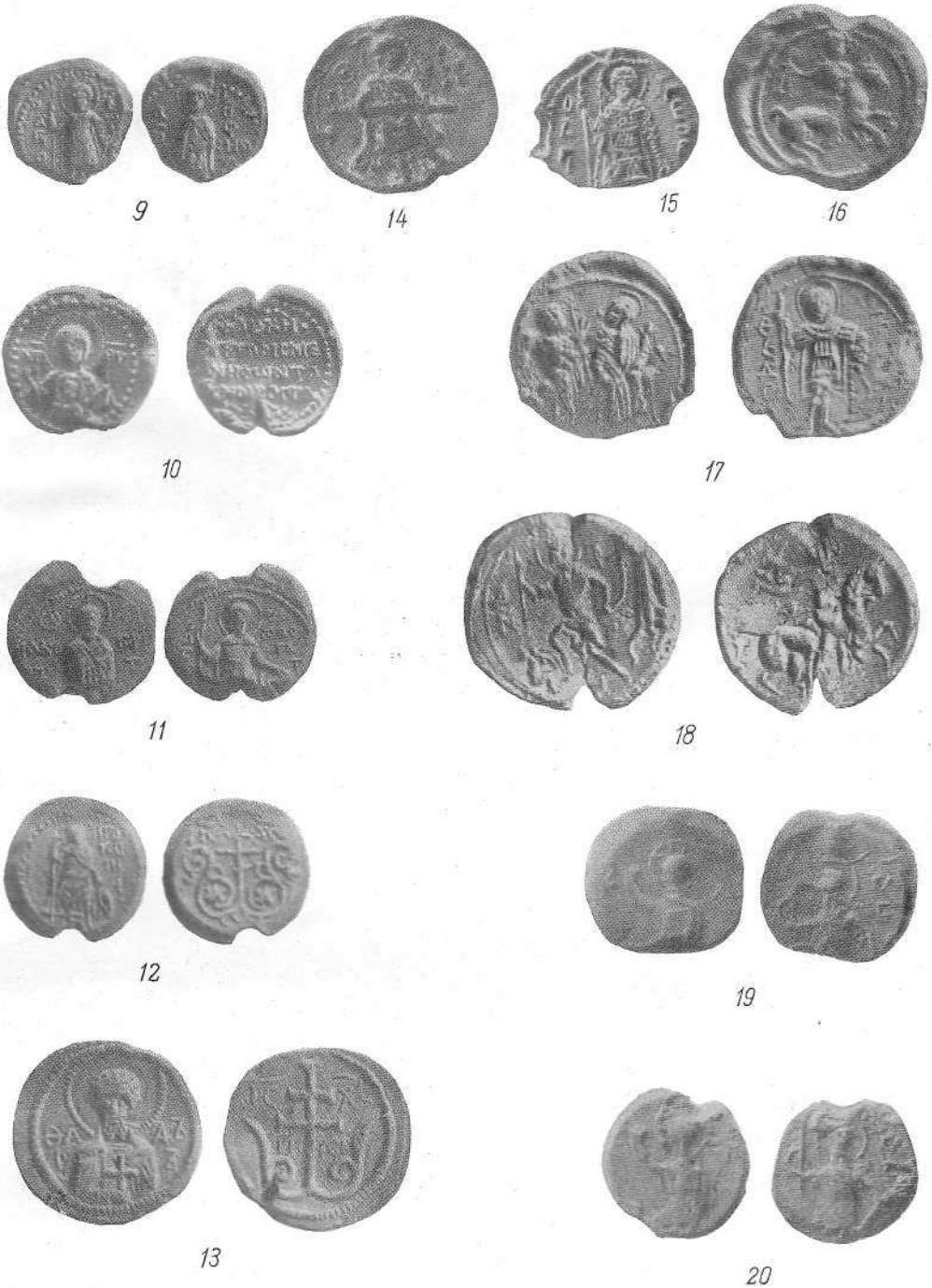


Рис. 223б. Русские печати XI—XIII вв. (по Н. П. Лихачеву и Б. А. Рыбакову): *9* — Игорь Ольгович и горожане Киева; *10* — архиепископ новгородский Нифонт; *11—13* — печати середины XII в.; *14* — Юрий Долгорукий; *15* — Андрей Боголюбский; *16* — Юрий Всеволодич; *17* — Святослав Всеволодич; *18* — Александр Невский; *19—20* — печати грубой работы середины XIII в.

найденный на реке Белоусе в окрестностях Чернигова (рис. 222). Это так называемая «черниговская гривна», которую не без основания приписывают самому Владимиру Мономаху, охотившемуся в этих местах тогда, когда он был черниговским князем. На одной стороне амулета изображена женская голова, терзаемая змеями. Клубок звероподобных змей напоминает нам мотив сплетенных зверей в памятниках искусства X в. На другой стороне змеевика дана в рост фигура архангела Михаила с крупной непропорциональной головой, равняющейся $^1/_4$ всего туловища. В трактовке лица можно уловить нечто общее с лучшими печатями этой эпохи, что может еще больше укрепить нас в мысли о принадлежности амулета Мономаху. Мастер-резчик этой замечательной вещи каждым своим штрихом старался показать, что он работает не на простого заказчика. Мы не знаем ни одного бронзового змеевика, который был бы так насыщен, даже перегружен декоративными чертами, как этот золотой змеевик. Помимо круговой каймы из листьев, резчик постарался каждую букву заклинательной надписи покрыть орнаментальной насечкой.

Из печатей первой половины XII в. следует назвать печать Мстислава, сына Мономаха, и две интересные печати, которые связывают с именами беспокойного Святослава Ольговича и его жены Марии (рис. 223). Они интересны тем, что несут на себе, возможно, портретные изображения (без нимбов). На печати Марии, вместо обычной богородицы или Марии Египетской, сопменной княгине, изображена женщина в пышных княжеских одеждах с узорчатой короной на голове и без всяких атрибутов святости. Очевидно, это — сама княгиня.

В середине XII в. во всех русских городах начинается расцвет искусства изготовления печатей, отражающий более общие художественные сдвиги. Печати киевских князей Всеволода Ольговича (до 1146 г.), Изяслава Мстиславича (до 1151 г.), Ростислава Мстиславича (до 1167 г.), печать горожан Киева (1146) и печати епископов (Мануила смоленского, Нифонта новгородского) — все они, вместе с рядом безымянных, еще не определенных печатей, являются образцами очень тонкой и изощренной художественной резьбы. Фигуры святых-патронов теперь изображаются в рост, резчик тщательно разделывает детали одежды, атрибуты, оружие. Рельеф становится более высоким; устанавливаются новые более правильные пропорции фигур — голова равняется уже не $^1/_4$, а $^1/_6$ всего роста. Надписи становятся очень четкими и каллиграфически красивыми. В печатях северо-восточных князей одновременно с указанными качествами мы улавливаем любовь к декоративности: складки одежды завиваются в причудливые завитки, на щитах процарапывается узор, создаются пышные формы процветшего креста, напоминающие суздальское оплечье (см. т. 1, рис. 169). Такова, например, печать Юрия Долгорукого: пеший Георгий, закинув щит за спину, выступает вправо с обнаженным мечом; складки его одежды декоративны.

Печати конца изучаемой эпохи очень интересны в том отношении, что они указывают на резкий перелом и упадок этого раздела пластики. Печати

Александра Невского, князя, начавшего княжить в эпоху наивысшего расцвета Руси, а умершего в тяжелую годину татарщины, отражают различие этих двух

Рис. 224. Серебряные сосуды работы мастеров Братилы и Косты. Середина XII в. (Новгород).

периодов — одни из них сделаны изощренной рукой мастера, воспринявшего опыт предыдущих поколений, а другие — грубые и неумелые — были вырезаны человеком, утратившим чувство художественности. Печати младших современ-

ников Александра и его сыновей своим беспомощным примитивизмом убедительно свидетельствуют о том, что уже ушло в область воспоминаний то время, когда «украсно украшенная Русь» была «многими красотами удивлена». Мы привели эти примеры для того, чтобы дать хотя бы некоторые вехи в определении этапов развития мелкой пластики XI — XIII вв.

К середине XII в. относятся чеканные изделия, которые являются своеобразным и технически трудным видом скульптуры. Здесь нужно назвать уже известные нам новгородские сосуды (кратиры) Петра (Петрилы), изготовленные мастерами Братилой-Флором и Константином-Костой (рис. 224; см. также т. I, гл. 2, рис. 113). Каждый из этих сосудов представляет гармоничное сочетание необычной, богатой тенями формы (квадрифолия) с ритмичным орнаментом и рельефными изображениями. Один мастер явно подражал другому. Оригинал был изготовлен Братилой. В его работе чувствуется схематизм, условность фигур, неестественность в изображении рук. Константин, работавший несколько позднее, как бы вдохнул жизнь в те образы, которые ему пришлось повторять. Фигуры приобрели жизненность, полнокровность, одежды стали мягкими и эластичными. В середине XII в., очевидно, развитие художественной жизни шло быстро вперед и различие между

Рис. 225. Сион XII в. (Новгород).

сосудами Братилы и Косты — одно из доказательств его поступательного движения.

К XII в. следует отнести еще одну известную вещь из той же ризницы Софийского собора в Новгороде — это сион (напрестольная утварь; рис. 225). Сион представляет собой как бы модель часовни-ротонды, на шести колоннах которой лежат арки, а на них купол. Сион был переделан, вероятно, в середине XIV в., но от древности остались двустворчатые дверцы между колоннами, числом 12. На них помещены чеканные изображения апостолов в рост. Пропорции их фигур, точечные нимбы, аккуратные рельефные надписи — все это сближает данные изображения с лучшими печатями середины XII в. Апостолы изображены попарно; воспользовавшись этим, чеканщик легкими поворотами голов друг к другу, легкими жестами заставил их как бы разговаривать друг с другом, кроме того, он изобразил их всех идущими. Его работа лучше и тоньше, чем работа Косты, но мысль у него работала в том же направлении — оживить скульптуру, отойти от неподвижности церковного искусства, от застывших человекоподобных схем, поставленных фронтально неподвижных фигур. В результате ему удалось создать интересное произведение — между узорными колоннами храма как бы прогуливались, тихо беседуя друг с другом, стройные фигуры апостолов, облеченных в одежды, ниспадавшие красивыми складками.

Художественное наследие Новгорода отнюдь не исчерпывается этими вещами. Из чеканных изделий очень важны для изучения пластики оклады икон — корсунской богоматери и Петра и Павла. В больших арках помещены чеканные фигуры святых, отличающиеся большой жизненностью. Вокруг арок дан растительный басменный орнамент. Русское происхождение обоих «корсунских» окладов не подлежит никакому сомнению.

К чеканным изделиям начала XIII в. относится упоминавшийся шлем Ярослава Всеволодича. На челе у него изображен архистратиг Михаил, покровитель княжеской власти. На вершине шлема размещены четыре изображения святых, расположенные, как четыре лика збручского идола, «на все четыре стороны» (рис. 226). Характер чеканки — сочный, без излишних деталей, но выразительный. Святые покровители князя грозно и воинственно смотрят со шлема на княжьих врагов, с какой бы стороны они ни нападали.

Искусство скульпторов проявлялось и в других формах. Древнерусские художники резали из камня, лепили из глины и воска и отливали по этим моделям металлические изделия (см. т. I, гл. 2).

Одной из наиболее ранних каменных иконок можно считать найденную в Тмутаракани иконку с изображением святого Глеба (рис. 227, *1*). Приземистая, коренастая фигура князя изображена в княжеской шапке, из-под которой падают на плечи кудри. Плащ оторочен узорной каймой. На левом боку висит меч, перевитый ремнем. Крупные черты лица близки к печатям XI в. Возможно, что иконка связана с князем Глебом Святославичем, прославившим свое пре-

бывание в Тмутаракани измерением Керченского пролива. К XI в. могут быть отнесены грубоватые литые энколпионы с Борисом и Глебом,— первыми русскими национальными святыми, канонизованными наперекор воле Византии. Борис изображался с пятиглавым храмом в руках, а Глеб — с одноглавым.

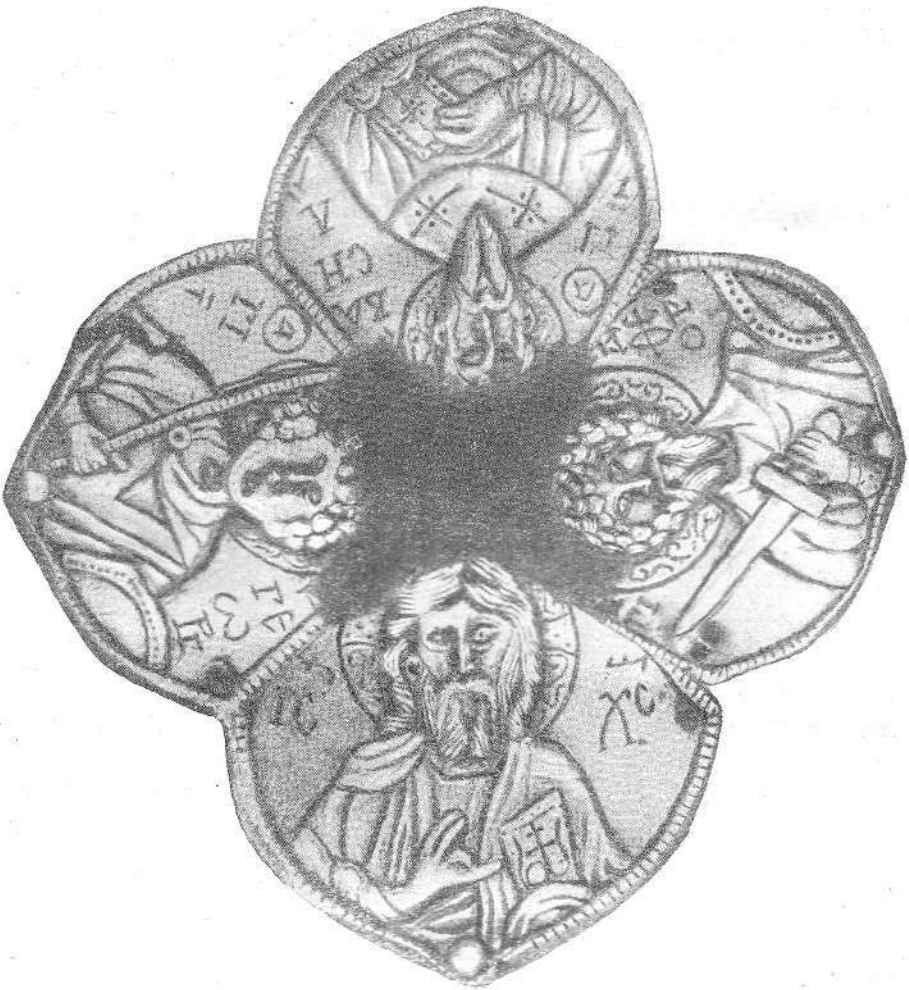


Рис. 226. Чеканные изображения на шлеме князя Ярослава Всеволодича.

От XII в. до нас дошли иконки, резаные из овручского красного шифера, из которого делались пряслица. Одна из таких иконок двусторонняя (рис. 227, *2—3*). На одной стороне в центре — Никола, а по краям — евангелисты; все они в арочках, форма которых отчасти напоминает створки киевских диадем и створки икон-складней XIII в. На обороте скульптор нагромоздил несколько

сцен, тесно заполнив все пространство большеголовыми грубоватыми фигурами. К началу XIII в. относится много разнообразных по стилю изделий мелкой пластики (рис. 228). Можно упомянуть о широко распространенных в 1230-х годах крестах-энколпионах киевского изготовления с распятием на одной стороне и богородицей на другой. Основные фигуры и восемь круглых клейм по концам приводимого нами креста (рис. 228, *3*) сделаны хорошо. Особенностью фигур этого мастера являются крупные кисти рук.

Крест из Княжьей Горы с распятием (рис. 228, *1*) интересен вытянутыми пропорциями и стремлением с предельной выразительностью передать страдание. Художник изобразил вытянутое тело с провисшими руками, на которых обозначены неразвитые мускулы; он с педантичной тщательностью изобразил все 24 ребра. На оборотной стороне Иоанн Богослов представлен в позе печали — он стоит, подперев щеку рукой. Данный крест интересен своим стремлением передать настроение и душевное состояние изображаемых фигур.

Величественную фигуру Христа мы видим на другом кресте-энколпионе той же эпохи (рис. 228, *2*). Он напоминает известную икону «Спас златые власы». По сторонам вырезаны символы четырех евангелистов — лев, телец, ангел и орел. Один из экземпляров этого креста найден в Галиче.

К началу XIII в. относится змеевик с именем Федора, напоминающий печати владимирских князей (рис. 228, *4*).

В мелкой пластике XII—XIII вв. мы найдем много различий, обусловленных и временем и степенью талантливости мастера. Иногда мы встречаемся с примитивной ремесленной продукцией, не возвышавшейся над средним уровнем, иногда же мы видим прекрасные изделия настоящих художников. К таким высоким по своему качеству изделиям относятся две небольшие иконки из пределов Киевского княжества, изображающие один и тот же сюжет — «Уверение Фомы». В связи с развитием городских антицерковных движений, в связи с постоянно возникавшими сомнениями в различных провозглашаемых церковью тезисах, у церковников появилась потребность ответить своим искусством на дерзостные сомнения врагов церкви. Поэтому Кирилл Туровский в своих проповедях подробно останавливается на эпизоде уверения «неверного» Фомы, поэтому, вероятно, и монастырские скульпторы XII—XIII вв. занялись изготовлением иконок, изображавших поражение древнего скептика (рис. 229, *1—2*).

Сюжет и композиция двух дошедших до нас иконок однородны; мастера как бы соревновались друг с другом в тонкости резьбы и выразительности. На одной из иконок Фома изображен ощупывающим рану Христа, но фигуры обоих спокойны. На другой иконке Фома как бы подкрадывается и не успел еще начать своего «освидетельствования». Христос гневно простер руку над ним и не распахнул хитона, как в первом случае. Первый мастер больше склонен к стилизации, передавая одежды условными завитками. Второй мастер дал и лица и одежды очень реалистично. В его идеологии сказался более воинствующий

1

2

3

Рис. 227. Каменные иконки XII—XIII вв.: *1* — иконка с изображением св. Глеба (Тмутаракань); *2—3* — шиферная двусторонняя иконка

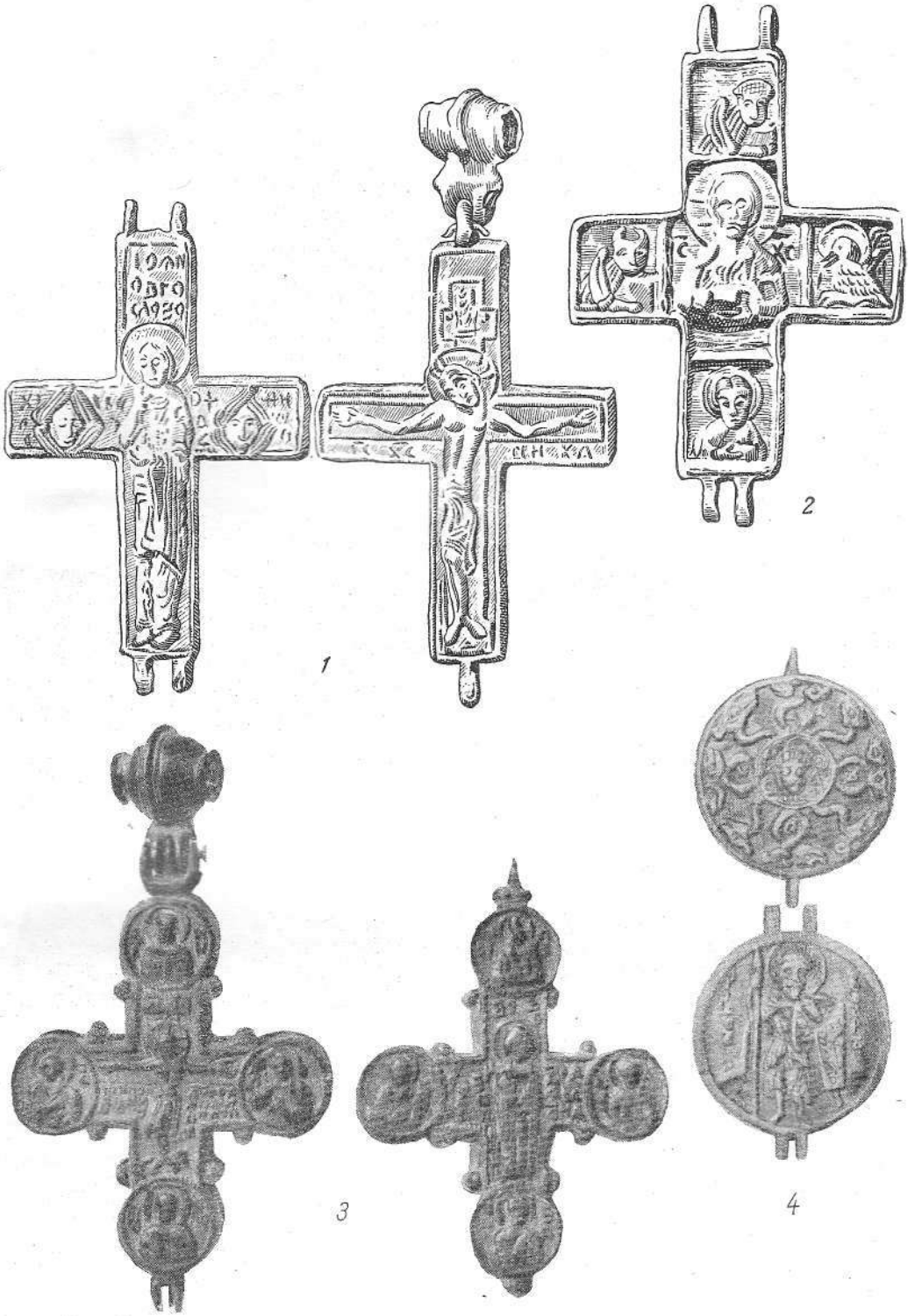


Рис. 228. Образцы художественного литья XIII в.: *1—3* — кресты-складни; *4*— змеевик с именем Федора.

церковник: он заранее обрекает Фому на поражение, художественными средствами убеждая зрителя презирать сомневающегося в «воскресении» Христа.

К тому же кругу высокохудожественных произведений мелкой пластики следует отнести и любопытную иконку из серого литографского камня, из которого в Киеве с таким мастерством резали в XII—XIII вв. литейные формы (рис. 229, *3*). Даже выпуклые двойные линии и выпуклые буквы на этой иконке напоминают литейные формы (ср. рис. 213, *1*). Плоскость иконки поделена между пятью круглыми клеймами. В среднем — сидящий Христос и богородица. Христос — безбород, стиль изображения напоминает рельефы Георгиевского собора 1234 г. (см. ниже, рис. 236). В угловых клеймах — евангелисты с книгами в руках, на которых написано микроскопическими буквами «зачало» — «конец». Одежды всех персонажей покрыты характерными завитками и снова заставляют вспомнить владимиро-суздальскую архитектурную пластику.

1

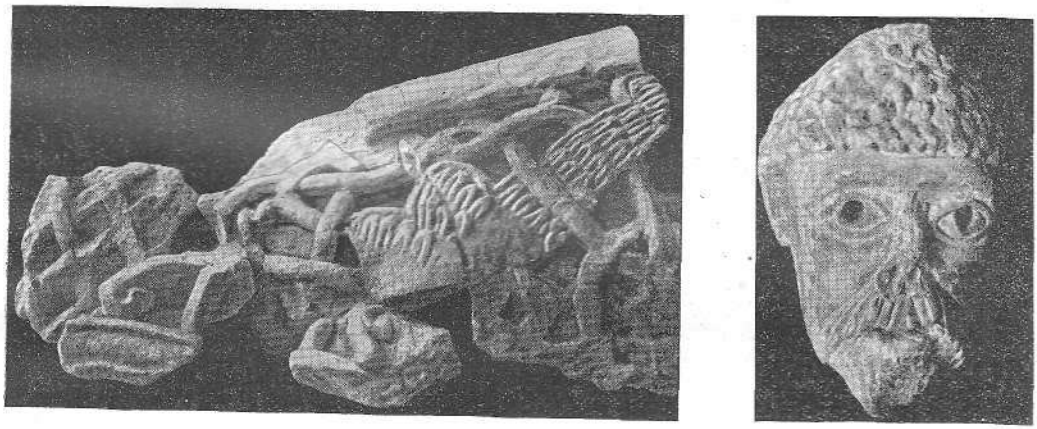
2

3

Рис. 229. Художественная резьба по камню: *1—2* — маленькие иконки с изображением «уверения Фомы» (Киевщина), XIII в.; *3* — иконка из литографского камня, XIII в.

Мы привели здесь очень немного примеров из бесчисленного множества русских городских скульптурных изделий XI—XIII вв. Но и из приведенного ясно, что, помимо многообразия стиля и различия в способностях скульпторов, мы можем говорить о высоком уменьи, о подлинной художественной культуре русских мастеров. Можно только пожалеть, что всё сохранившееся относится лишь к культовой пластике, что светское искусство горожан известно нам очень плохо.

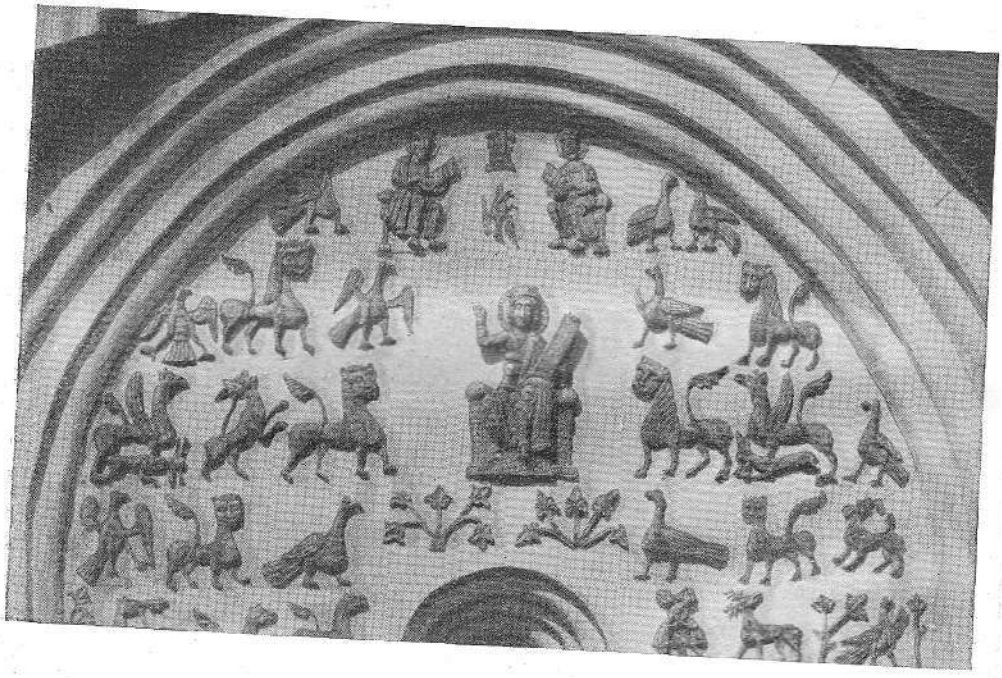
Самой благодарной областью приложения скульптурных талантов была, конечно, архитектура. В ней сливались в одно гармоническое целое и расчет зодчего, и мягкая красочность фресок церковного «писца», и незаметное «рукомесло» каменотесца, и хитрое узорочье «кузнеца злату и меди», и искусство скульптора.



1 *2*

Рис. 230. **Резной камень:** *1* — из Благовещенского собора в Чернигове, 1186 г.; *2* — резная голова из Старой Рязани (фото Н. Н. Воронина).

Убранство храмов резным камнем было известно в ряде русских княжеств. Так, например, в Чернигове, при раскопках Благовещенского собора 1186 г., построенного знаменитым Святославом Всеволодичем, были найдены фрагменты резного белого камня (рис. 230, *1*), представляющие, по всей вероятности, остатки белокаменного кивория над алтарем. В уцелевшей части можно разглядеть птицу, оплетенную характерной для XII в. плетенкой. Недавние работы по изучению другого памятника черниговской архитектуры XII в.— Борисоглебского собора показали широкое применение скульптурной декорации. Портал собора был обрамлен аркой, у подножья которой были изваяны барс и орел. Белокаменную резьбу мы знаем и в Старой Рязани (рис. 143, рис. 230, *2*). Восторженное описание скульптурного убранства храмов сохранила нам галицкая летопись XIII в. Описывая постройки города Холма, летописец упоминает человеческие головы (четырехликие капители), «изваянные от некоего хытреца», затем он говорит о скульптурных работах «хытреца» Авдия, сделавшего два портала с изображениями Спаса и св. Ивана «якоже всим зрящим дивитися...» (см. также гл. 8). В одном поприще (ок. 1300 м) от Холма был поставлен каменный «столп», а на нем красовался «орел камен изваян; высота же



1

2

Рис. 231. Скульптурное убранство Дмитриевского собора во Владимире, 1193—1197 гг.: *1*— Давид-псалмопевец и звери; *2* — вознесение Александра Македонского.

камени десяти лакот, с головами же и с подножьками 12 лакот» (Ипат. л., 1259). Белокаменная скульптура широко применялась и в зодчестве Галича.

Полнее всего любовь к скульптуре проявилась, как мы видели выше (см. гл. 8), во владимиро-суздальском зодчестве, начиная со времени Андрея Боголюбского. Церковь Покрова на Нерли, старый Успенский собор во Владимире и княжеский дворец в Боголюбове были украшены белокаменными рельефами (рис. 121, 123, 127).

Рис. 232. Скульптурное убранство Дмитриевского собора. Детали (плоская манера).

В пластике Дмитриевского собора (1193—1197) мы с особой ясностью можем видеть, как в резьбу по камню проникают традиции народного искусства (рис. 231). Вся верхняя половина этого мощного и пропорционального здания была сплошь покрыта скульптурными изображениями. Значительная часть рельефов исполнена в плоской манере, как бы следуя приемам деревянной народной резьбы. На высеченных из белого камня фигурах мы видим характерный двойной контур, который также постоянно встречается на фигурах людей и животных на серебряных браслетах. Орнамент одной из колонок использует мотив браслетов — фигуру птицы в арочке, — повторяя его по вертикали. Все это говорит об использовании резчиками «образцов» из других отраслей прикладного искусства и об общности их образов с каменной резьбой (рис. 232).

Но не только по стилю и техническим деталям владимирские рельефы близки к другим видам прикладного искусства. Они близки к ним и по духу и по сюжетам. Церковное, христианское оттеснено здесь на задний план, задавлено

Рис. 233. Резное убранство притвора Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

обилием совершенно иных образов. Никакие церковные запреты и каноны не смогли сдержать народной фантазии, и стены княжеского храма покрылись изображениями грифонов, львов, барсов, птиц, оленей и разных фантастических

Рис. 234. Аркатурный пояс Георгиевского собора.

существ. Вокруг окон расцвели сады из деревьев с узорными листьями. Мы найдем здесь и старый скифский мотив — грифона, терзающего лань, и славянскую языческую схему — птицы по сторонам древа, и скачущих всадников на хорошо оседланных конях, и двух борющихся мужчин. В одной из закомар изваяно вознесение на небо Александра Македонского, впрягшего в корзину

двух грифонов. Здесь изображены даже две птицы, предостерегавшие, согласно легенде, Александра от продолжения полета (рис. 231, *2*). При сопоставлении рельефов собора с многочисленными предметами прикладного искусства, так и кажется, что все эти чудища, люди и птицы перешли сюда с серебряных браслетов или чеканной отделки вещей. Пропорция между христианским и языческим здесь такая же, как и в Слове о полку Игореве,— множество «птищей», дивов, волков и очень мало христианского. Здесь это тем более удивительно, что скульпторы украшали не княжеский дворец, не гридницу для богатырских пиров и не языческое капище, а христианский дворцовый собор.

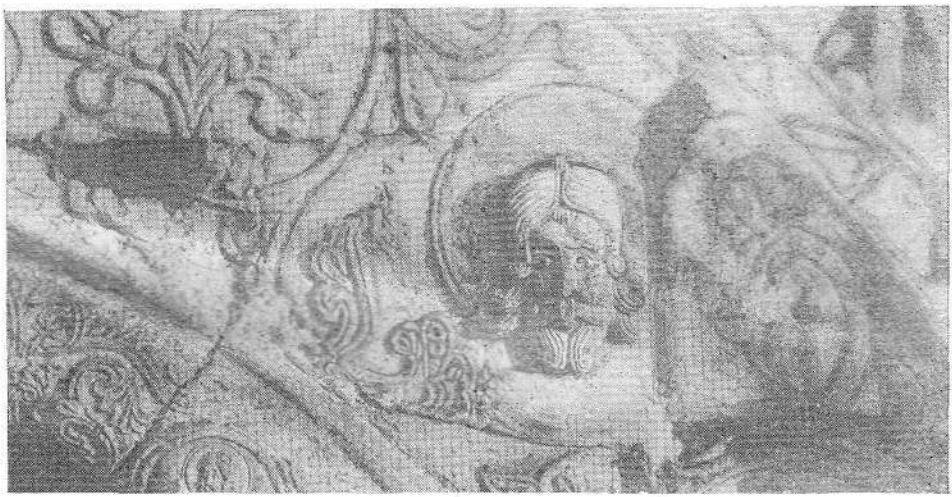
Лебединой песней русской домонгольской архитектуры был Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1230 — 1234). Богатство скульптурного убранства здесь значительно возросло. Резчики-декораторы не оставили ни одного камня без резьбы. По всем стенам, пилястрам, аркам развертывается сплошная богатейшая ковровая резьба (рис. 233). Сложная композиция рисунка на многометровой площади стены не смущала художника. Смелой, уверенной рукой он наносил прямо на стену сначала прочерченный рисунок, а затем резал крупный, но мягкий и плавный растительный узор. Огромные стилизованные деревья вырастали прямо из земли и закрывали своими узорными листьями и цветами стены. Под деревьями иногда сидят птицы (рис. 239, *1*), а на стенах бродят среди каменной листвы грифоны, симарглы, сирины и всевозможные чудища, порожденные средневековой фантазией. На фоне коврового узора рельефно выделялись большие фигуры святых, образовавшие в аркатурном поясе развернутый «деисусный чин» (рис. 234) и большие горельефные композиции христианского содержания в закомарах. В отличие от

1

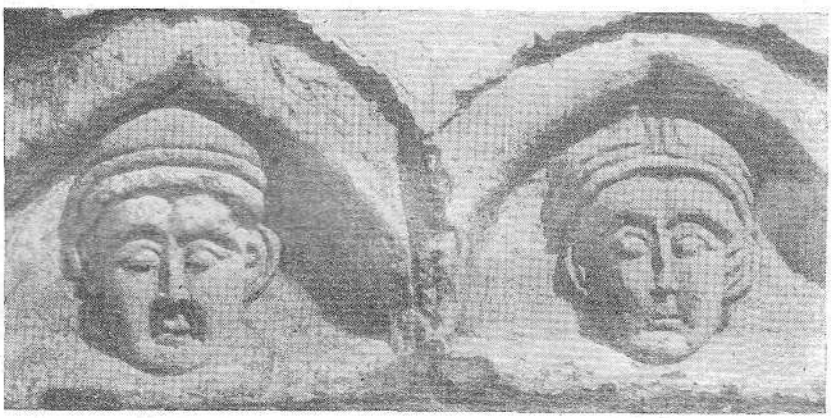
2

Рис. 235. Георгиевский собор. Детали.

узорных стен, которые тонкими завитками листьев своего орнамента производят впечатление трепетной жизни, большие фигуры аркатурного пояса монументальны и неподвижны. В расположении элементов убран-



1



2

Рис. 236. Георгиевский собор. Примеры разных стилистических манер скульпторов.

ства как бы воскресает древняя идея збручского идола. Нижняя половина здания показывает земной мир — корни деревьев почти соприкасаются с настоящей землей, по которой ходят люди, рассматривающие собор. Верхняя же половина отведена небожителям. Как и на идоле, мы встречаем на гранях капителей также чередующиеся головы людей: мужчина — женщина — мужчина.

Рис. 237. Георгиевский собор. *Резная голова.*

Рис. 238. Георгиевский собор. Грифон и птица-сирин.

Облик мужской головы очень далек от изображений святых: голова в маленькой шапочке с узорной тульей, в ухе серьга (рис. 235, *1*). Некоторые рельефы даже в облике святого передают бытовые детали. Таков Георгий, высеченный над порталом, держащий в руке щит с геральдической эмблемой владимирских князей — барсом. Таков Борис в круглом клейме (может быть из другого здания?); у князя мы видим характерную княжескую шапку и четко высеченный меч XIII в. (рис. 235, *2*).

Манеры скульптурного изображения человека мастерами Георгиевского собора были разнообразны. Основные христианские композиции (например, преображение) выполнены в одной манере, но встречаются и резкие отклонения от нее. Интересны в этом отношении отдельные «личины», например, изображение Авакума (рис. 236, *1*). Перед нами князь или богатырь-боярин с холеной расчесанной бородой и красивыми кудрями. Совершенно иную манеру мы видим в других рельефах собора (рис. 236, *2*). Для нее характерны одутловатые, округлые лица совершенно особого стиля, как, например, голова, сохраненная в кладке сводов собора (рис.237). Одной из характерных черт человеческого лица в скульптурах Юрьевского собора является своеобразный пролом посередине лба, как бы глубокая морщина, создающая напряженность выражения.

Убранство Георгиевского собора свидетельствует о проникновении в его стиль и содержание сильнейших воздействий народного прикладного искусства. Об этом говорит и наличие сюжетов, сходных с сюжетами ремесленных изделий (рис. 238), и такие композиции, деталь одной из которых изображена на рисунке 239, *2*. По сторонам пышногодерева стоят два одетых в русские богатые одежды кентавра, похожие на древнерусских всадников. Этот мотив чрезвычайно напоминает русскую народную вышивку, где композиция из двух всадников по сторонам Берегини или ее символа — дерева—была глубоко традиционной. Владимирская пластика также народна, как народен плач Ярославны в Слове о полку Игореве, поэме, которая постоянно вспоминается, когда мы знакомимся с древнерусским прикладным искусством.

Прикладное искусство древней Руси было технически оснащенным, разнообразным по своей форме и богатым по содержанию. Творцами его были люди из народа, и поэтому в прикладном искусстве даже господствующего класса так много чисто народных черт.

Ко времени принятия христианства Русь уже обладала своими художниками, своими техническими приемами, своим стилем искусства. Русские мастера XI—XIII вв. создали ряд прекрасных вещей, составляющих предмет гордости и современников и далеких потомков. Недаром византийский епископ восхвалял в стихах искусную русскую резьбу по кости. Прав был и русский летописец XII в., когда по поводу одной художественной работы он говорил: «нигде же сицея красоты не бысть!».

1

2

Рис. 239. Георгиевский собор. Резное убранство стен: *1* — растительный узор с двумя птицами; *2* — кентавр.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А. А. Резной камень в России. М., 1916 (атлас).

Воронин Н. Н. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв. М., 1945.

Гущин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936.

Кондаков Н. П. Русские клады, т. I. СПб., 1896.

Макаренко М. Скульптура й різбярство Київської Руси перед монгольских часів. Київські збірники історії й археології, I Киев, 1931.

Мацулевич Л. А. Хронология рельефов Дмитриевского собора во Владимире-Залесском. Ежегодник росс. ин-та истории искусств, т. I. Птг., 1922.

Мясоедов В. К. Кратиры Софийского собора в Новгороде. Записки Отдел. русской и славянской археологии, 1915, т. X.

Романов К. К. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском. Изв. Археол. комиссии, вып. 36.

Романов К. К. Святославов крест... Сборник в честь Бобринского. СПб., 1911.

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

Симони П. К. Мстиславово евангелие. СПб., 1904—1910.

Срезневский И. И. О храмах языческих славян. Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1846, III.

Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887.

Толстой И. и *Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства, вып. V и VI, СПб., 1897 и 1899.

Ханенко В. И. и *В. И.* Древности Приднепровья, вып. IV—VI. Киев, 1899—1907.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДРЕВНИЕ ЧЕРТЫ В РУССКОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

Л. А. Динцес

1

Подлинные памятники X—XIII вв., сохранившиеся в значительном количестве, позволили нарисовать с достаточной подробностью общую картину эволюции монументального и прикладного искусства феодальных верхов древней Руси (гл. 8, 9, 10). Особый интерес представляет вопрос о том, каким же было искусство широких народных масс, в первую очередь сельского населения? Частично эта тема была освещена в предшествующей главе. Наблюдения над позднейшими предметами народного искусства позволяют дополнить наши представления о народном искусстве древнейшей поры.

Резные изделия из дерева и кости, ткани, вышивки и т. п., в которых проявлялось по преимуществу народное искусство, не могли противостоять разрушительному действию времени и, если они и дошли до нас, то в настолько фрагментарном виде, что по сохранившимся остаткам их можно установить только наличие той или иной отрасли народного искусства и лишь в самых общих чертах определить ее характер.

Известны, например, обнаруженные в курганах северян остатки шерстяных тканей XI—XII вв. со следами набивного темной краской геометрического узора. К тому же времени относятся найденные при раскопках в верховьях Днепра остатки кривичских шерстяных тканей, весьма совершенных по обработке пряжи, технике многоремизного переплетения нитей и сложному тканому рисунку в виде рядов перекрещенных ромбов (рис. 240). Близкие последнему образцы были обнаружены раскопками в земле вятичей. Древняя вышивка представлена шерстяной тканью кривичей, расшитой геометрическими фигурами яркооранжевой нитью.

Обломки костяных предметов массового обихода (наконечников, гребней, рукоятей ножей и пр.) сохранили части узора также геометрического рисунка.

Он составлен из кружков или концентрических окружностей с точкой в центре («глазков»), связанных иногда с прямыми или ломаными линиями, ромбов, квадратов с внутренним крестообразным заполнением, треугольников, зигзагов, сетки, рядов коротких, прямых линий и т. п. Подобный орнамент сохранился и на изделиях из бронзы, серебра и их сплавов (венчиках, височных кольцах, браслетах, перстнях, круглых, часто сквозных подвесках с внутренним крестовым, радиальным либо решетчатым заполнением и т. п.).

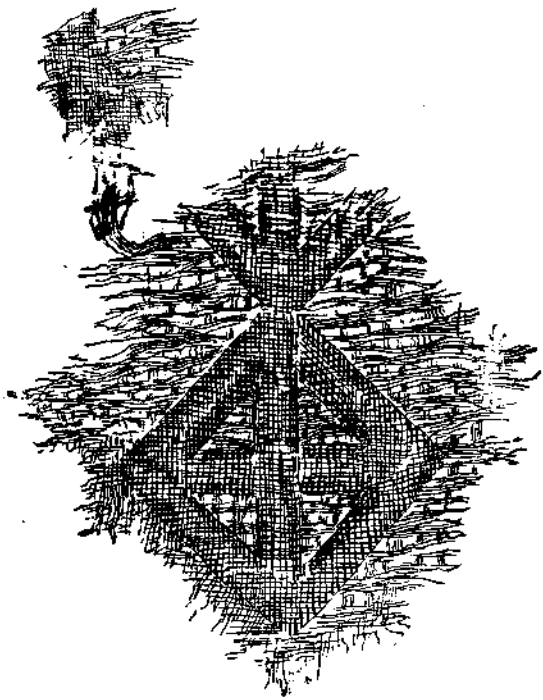


Рис. 240. Ткань XI—XII вв.

Орнамент славянских глиняных сосудов состоит из опоясывающих их волнистых линий, а также из рядов углов, округлых и полукруглых вдавлин и насечек, которые наносились в процессе формовки сосуда.

Этот материал, дающий некоторое представление о характере древнерусской орнаментики бытовых предметов, дополняется изобразительной глиняной скульптурой. Ее памятники встречены в серии находок: в одном из Гнездовских курганов (фрагмент зооморфной фигурки VIII—IX вв.), в Зарайском кургане рязанского типа (свистулька-птица), тверском и коломенском кремлях (головка коня, корова, XII — XIII вв.), на территории Старого Галича (верхняя часть мужской фигурки в колпаке, напоминающей несколько более позднюю бородатую головку в скуфьеподобной шапке из Кремянского городка близ Изюма) и в других пунктах. Наиболее выразительными являются древние глиняные скульптурные изделия, найденные на территории Киева и Киевщины. Они представлены свистульками-кониками, всадниками и птицами, почти не отличимыми от современных украинских, и фигурками женщин, держащих иногда левой рукой младенца (рис. 241).

К изобразительным памятникам народного искусства древней Руси относятся также металлические и костяные подвески XI—XII вв. с изображениями птиц, особенно «уточек» (например, из Кузнецовских курганов Московской области, из раскопок на Славне в Новгороде, из Челмужского могильника на Онежском озере), бронзовые подвески и бляхи с парными разнообращенными голов-

ками коней или птиц (наиболее ранняя бляха — из кривичского кургана VII—VIII вв. у деревни Шиловки на Смоленщине), а также однорядные костяные гребни, спинки которых украшены прорезными изображениями коней либо головками их или изображениями медведей. Обращает внимание исключительная стойкость мотива разнообращенных конских головок, представленных на древнеславянских бляхах и гребнях, равно как и на гребнях конца прошлого века, на которых сохранился даже глазковый орнамент (рис. 242). Этот же мотив сохранился в коньках крыш на русских избах.

Судя по этим предметам, объектами древнеславянских изображений были женщина, всадник, животные, особенно конь, и птицы, часто сдвоенные, т. е. те фигуры, которые до недавнего времени являлись основными мотивами крестьянского искусства — глиняной и деревянной скульптуры, литья, вышивки и ткачества.

Эти данные об изобразительном искусстве низовых слоев населения Киевской Руси, почерпнутые из археологических материалов, дополняются более поздними памятниками народного искусства, в которых представлены не только отдельные мотивы древнеславянского искусства, но и их сюжетные комплексы.

Рис. 241. Глиняные фигурки (Киев).

Народное искусство не является чем-то остановившимся в своем развитии. Как и фольклор, оно «никогда не перестает жить своей особой самостоятельной жизнью» (Н. А. Добролюбов) и создает новые сюжеты и формы. Но, вместе с тем, в народном искусстве, как это мы отметили на примере долговечности мотива парных конских головок, сохраняются унаследованные от прошлого формы и сюжеты. В некоторых случаях это прошлое предстает перед нами почти в неприкосновенном виде, чаще же оно переплетено с новым.

В тех местностях, где крестьянская среда оказалась мало подверженной влияниям помещичьей и городской культуры и развивалась сравнительно независимо от последней, как, например, в деревнях русского Севера, не знавших крепостного права и удаленных от городов, к тому же мало развитых и являвшихся по преимуществу лишь административными центрами,— приверженность мастеров народного искусства к своей старине была особенно стойкой.

Народное творчество, конечно, не являлось пассивным отражением глубокой старины вне связи с окружающей действительностью, как полагали многие исследователи дореволюционного времени. Но, обогащаясь новым, оно вместе с тем не забывало старых образов, придавая зачастую им новое содержание, т. е. переосмысляя их. Слишком длителен и органически целостен был процесс коллективного созидания народом своего искусства, чтобы новое могло бесследно вытеснить традиционные формы.

Это качество народного искусства, аналогичное такой же особенности фольклора, который до наших дней сохранил сказания глубокой древности и былины Владимирова цикла, позволяет обнаруживать даже в недавно изготовленных

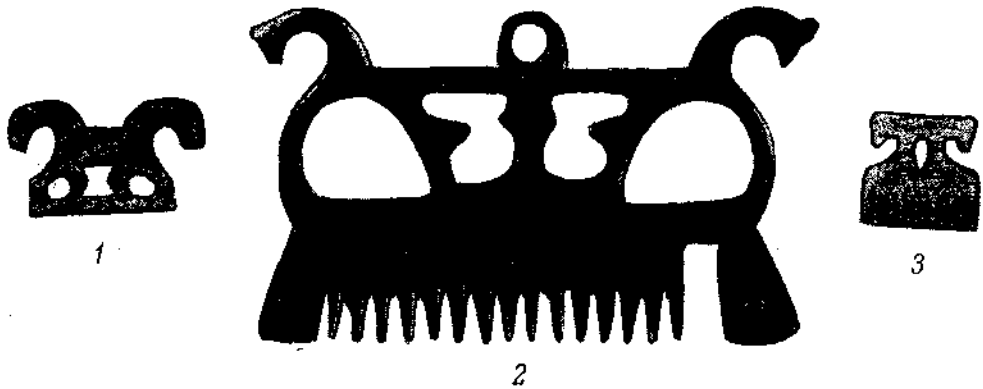


Рис. 242. Гребни: *1* — Пастерское городище; *2* — гребень XIX в.; *3* — славяне.

народных изделиях образы седой старины. Они существуют либо в сравнительно чистом виде, либо устанавливаются методом исключения позднейших «наслоений».

2

В наиболее полном, а иногда почти не потревоженном веками виде эти древнейшие формы сохранились по указанным выше причинам в областях русского Севера. Здесь, в крестьянской среде, вышивка была независима от требований широкого рынка и оставалась домашним женским рукоделием. Это и способствовало сохранности старинных форм шитья, которые передавались из поколения в поколение.

Преимущественно на территории Новгородской, северной половины Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей и Карело-Финской ССР до недавнего времени сохранялось вышивание двусторонним русским швом (термин В. В. Стасова), иначе называемым «росписью» или «досюльным», т. е. давним, старинным швом, и основной вид народной строчки — шов по перевити, по намету или по выдерге.

Шитье двусторонним швом представляет собою накладывание по счету ниток на ткани небольших одинакового размера стежков (красной нитью по холсту или белой по кумачу для наиболее архаических образцов), иногда тесными группами (набором). Это шитье дает двусторонний одинаковый рисунок.

Народная строчка, чаще всего исполняемая белой нитью по холсту, конструктивно близка к двустороннему шву. Но рисунок здесь вышивается по ткани разреженной выдергиванием части нитей утка, а часто и основы, и перевиванием оставшихся нитей («тонек»), в результате чего образуется сквозная сетка, вроде канвы.

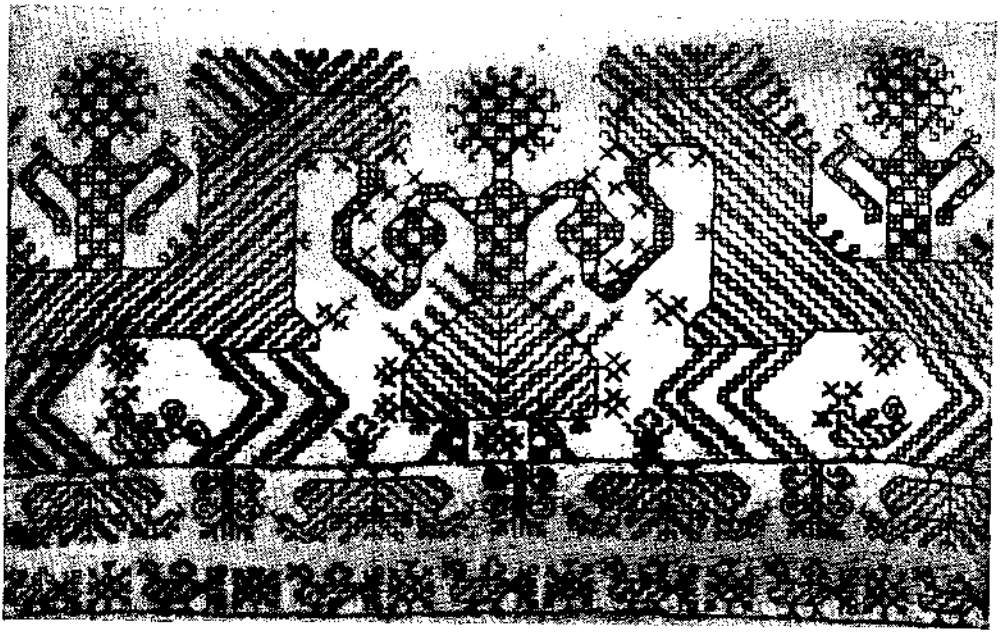


Рис. 243. Дохристианский «чин». Конец полотенца (Архангельская обл., 1820 г.).

Рисунок, выполняемый в двустороннем шве и перевити прямыми стежками, т. е. в точном соответствии со структурой холста, свойственен также народному ткачеству — красной нитью (уток) по белой основе, откуда, вероятно, он и перешел в вышивку.

Чаще всего вышитые и тканые узоры и изображения украшают концы полотенец и подзоры (закрайки) простынь. О древнем обрядовом значении этих предметов говорят не только летописные данные, вроде свидетельства о развешивании полотенец на священных деревьях («дуплинам древяным ветви убрусцем обвешивающе и сим поклоняющеся»), но и сохранявшийся до недавнего времени обычай украшения полотенцами и подзорами «красного» (иконного)

угла в избах, а также значение этих предметов в свадебных и других обрядах, в которых уцелели многие пережитки древнего язычества. Поэтому, естественно, что в шитых по-старинному украшениях полотенец и подзоров открываются древние языческие изображения. «Здесь в огромном количестве примеров можно видеть изображение древнего славянского богослужения (в особенности, поклонения деревьям) и праздников русальных» (В. В. Стасов).

В приводимом конце полотенца 1820 г. из села Вонгуда (б. Онежского уезда), шитого двусторонним швом (рис. 243), представлена широко распространенная сцена, смысл которой получает объяснение в дохристианских верованиях славян. В центре помещена женская фигура в своеобразном одеянии с широко расходящимся подолом. Это женское божество Мать-сыра-земля (Берегиня,

Рис. 244. Дохристианский «чин» с заменой Матери-земли деревом. Вологодская ткань.

см. гл. 10), по древнеславянским представлениям живое действующее существо, которое в Слове о полку Игореве «тутнет», глухо гудит, содрогается с тревожным стуком — «стукну земля, в шуме трава». Еще в недавнем прошлом крестьяне обращались к ней при заклинании жнива: «Мати сыра земля! Уйми ты всякую гадину нечистую от приворота, оборота и лихого дела; поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие...» (см. гл. 3). В Слове св. Григория (софийский список XV в.) имеется известие о том, что в «неделин день... кланяются написавше жену в человеческ образ», что подтверждает не только существование у наших предков «писаных» изображений божеств, но и особенную распространенность изображений женского божества.[1] В руках богиня иногда высоко держит по расцветающему кусту, либо по птице — вестнику ее весеннего возрождения, либо

[1] В термине «написавше» можно предполагать исполнение не только живописного изображения, но вышитого или оттиснутого набоечной доской.

как это видно на приводимом образце, держит за поводья подчиненных ей коней со всадниками. Эти всадники, также иногда держащие растения или сосуды, подбоченившиеся или воздымающие в знак моления руки кверху, являются малыми божествами стихий природы, вроде светлого духа Коляды, который, например, согласно белорусской мифологии, разъезжает на белом коне. Наряду со всадниками или священными конями, предстоящими перед богиней, в этих сценах участвуют представители пернатого царства, в том числе петухи — вестники утра, животворящего света, с ярко выраженными гребнями и пышными хвостами.

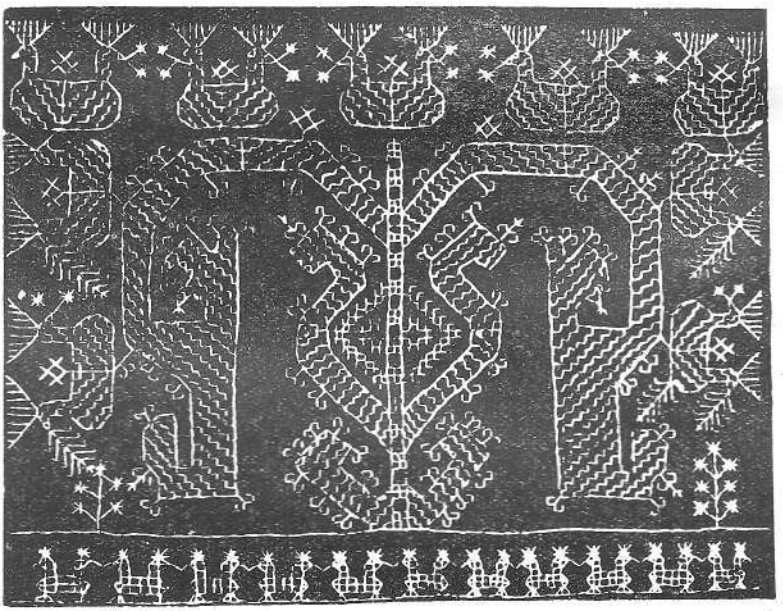


Рис. 245. Символ Матери-земли (дерево) со зверями по сторонам. Конец полотенца (Оятский район, вепсы).

Обязательным является также присутствие высшего славянского солнечного божества. Оно передается дисковидными розетками, различного рисунка крестообразными знаками и совмещением этих знаков в фигуре колеса, знакомыми нам по подвескам из славянских курганов. Вспомним описанный М. Горьким обычай на Оке в «семик» скатывать с горы на Ярилином поле в воду огненное колесо, обернутое паклей, как объясняет писатель — жертву богу Яриле. Эти солярные знаки, равно как и квадраты и ромбы,— видоизменение диска в ткачестве и вышивке (белорусские рукодельницы называют ромб «кругом») как бы пронизывают своим живительным началом на вышивке всю сцену.

Такой дохристианский «чин» солнечного божества, Матери-земли, ее «прибогов» — коней и птиц выразительно передает земледельческий характер

Рис. 246. Олень, дерево и берегини. Конец полотенца (Тихвин).

религиозных представлений древнего славянства о силах природы, о весеннем оплодотворении земли солнцем. В этом «чине» богиня Земли, как это видно на вологодской ткани (рис. 244), часто замещается близким по значению образом цветущего или плодоносного дерева, называемого рукодельницами березкой, яблоней или рябинкой, так же как и в народных песнях женщина обращается в кудрявую рябину (Курская область), березку или яблоню (Север). На вышивке по кумачу оятских вепсов (типологически она была свойственна всему русскому Северу вплоть до г. Калинина), обрамленной рядами парных слитых корпусом птиц с высокими гребнями, по сторонам такого дерева располагаются звероподобные, присевшие на задние лапы существа, очевидно, медведи (рис. 245).

Рис. 247. Человекообразные существа со змеиными придатками. Часть подзора (Новгородский край).

Передние лапы их сливаются с симметрично отходящими от дерева ветвями. Отождествление женщины-богини с деревом получило в вышивке и тканье выражение в слитных образах в виде дерева с конусовидным основанием, т. е. с нижней частью женской фигуры, либо в виде процветшей фигуры богини.

Другие образы славянского языческого пантеона представлены обычно в шитых по перевити изображениях, которые свойственны старым новгородским владениям, особенно Белозерскому краю. Кроме уже знакомых нам фигур птиц и солнечных розеток (в обрамлении), на тихвинском полотенце (рис. 246) представлены олень, слитый с деревом, [1] и женские фигуры, которые стоят на оснащенных судах, плывущих по воде, показанной зигзагами. Очевидно, это — существа, населяющие воду, вроде берегинь. Они имеют признак, отличающий их от изображений богини Земли — плавники на концах рук.

К числу древних изображений в народных вышивках принадлежат и антропоморфные существа со змеиными придатками и окончаниями рук (рис. 247). Они несколько напоминают изображения на амулетах-змеевиках, широко распространенных в XI—XIII вв. в древней Руси.

[1] Трактовка дерева в стилистическом отношении определяется поздним происхождением полотенца.

3

В 1854 г. Н. А. Афанасьев так определил характер русских народных сказок: «В доисторическую эпоху своего развития... народ, обоготворяя природу, видит в ней живое существо... Народные русские сказки проникнуты всеми особенностями эпической поэзии: тот же светлый и спокойный тон, та же обрядность, высказывающаяся в повторении обычных эпитетов и целых описаний и сцен. Раз сказанное метко и обрисованное удачно и наглядно уже не переделывается, а как будто застывает в этой форме и постоянно повторяется. Народ не выдумывал: он рассказывал только о том, чему верил, и потому даже в сказаниях своих о чудесном — с верным художественным тактом останавливался на повторениях, а не отваживался дать своей фантазии произвол, легко переходящий должные границы и увлекающий в область странных чудовищных представлений». Характеристика, данная Афанасьевым строю русских сказок, и утверждение об отсутствии в них «странных чудовищных представлений» целиком приложимы и к древнерусскому народному изобразительному искусству.

Искусство на ранних ступенях своего развития было особенно крепко связано с трудовой деятельностью коллектива, являвшегося его творцом. В этом причина особой устойчивости художественного образа. Образы, соответствующие представлениям коллектива, творились на протяжении веков. Отбрасывалось все случайное, воспринимаемое лишь отдельными индивидуумами, и удерживалось наиболее типическое, отмечаемое всеми. «Вполне ясные признаки материалистического мышления, которые неизбежно возбуждались процессами труда и всей суммой явлений социальной жизни древних людей, обусловили жизненную правдивость образов, перенесенных из близкой древнему человеку природы и потому лишенных какой бы то ни было отвлеченности» (М. Горький). Даже то, что называется религиозным творчеством первобытных людей, было, по определению М. Горького, «в существе своем художественным творчеством, лишенным признаков мистики». Изобразительные формы этого примитивного реализма совпадают с формами народной поэзии.

Подобно постоянным эпитетам и устойчивым сравнениям народной поэзии, точно установленные и потому обязательные типические черты определяют изображаемые объекты. Для богини — это тяжелый абрис пышного одеяния и руки, либо воздетые кверху, либо держащие поводья коней; для водных существ — руки с плавниками; возможно, что встречающиеся в вышивках двусторонним швом и ткачестве изображения женских фигур с особо подробной разработкой кистей рук с пятью пальцами, обращающимися иногда в гребни прялок, являлись в прошлом изображениями Мокоши — богини-рукодельницы (рис. 248; см. гл. 3). Точно так же изображение окрыленной женской фигуры, стоящей иногда на слитых корпусом конях или птицах, соответствовало, по-видимому, представлениям о богине-весне, связанной с птицами и небесными

конями, что отразилось в народных обычаях встречи ее (9 марта ст. ст.) с пряниками-жаворонками и проводов с чучелом лошади. В изображениях небесных коней подчеркиваются характерный выгиб крутой шеи, напряженная динамичность ног, иногда крылья, как признак полета, в птицах — оперенье, а в некоторых случаях и гребень, в деревьях — ветвистость, плодоносность либо цветение. Во всем же остальном изображение сводится к обобщенному силуэту (особенно корпуса), что, однако, не придает ему отвлеченно-схематического вида из-за определенности и выразительности типичных признаков.

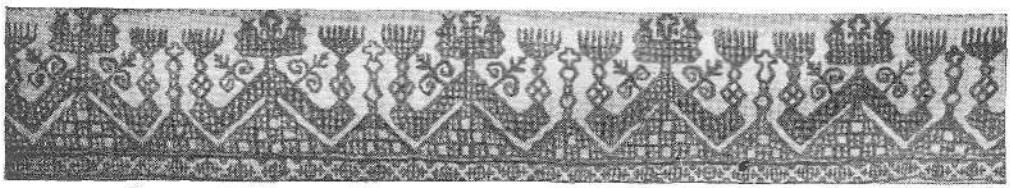


Рис. 248. Изображение Мокоши. Новгородская вышивка.

Проблема движения, построения фигур в сложных раккурсах была мало разработана. Силуэтно-плоскостные антропоморфные изображения и растения всегда строго фронтальны, изображения из мира фауны — профильны. Конные фигуры составляются из фронтально поставленных всадников и профильных коней.

Каким же образом эти недвижные, изолированные, как бы замкнутые в себе объекты приводятся в обусловленное славянскими верованиями взаимодействие? Это достигается не только строго установившимся порядком расположения тесно сближенных фигур, но и ритмическим соответствием их контуров, т. е. подчинением единому линейному композиционному строю. Прохождение контурных линий одной фигуры либо соответствует, либо дополняется контуром соседней. Чаще всего такое ритмическое единство ограничивается трехчастной композицией (вспомним характерную для народных сказок трехчленность и троичность действия), которая повторяется в зависимости от отведенной под узор площади.

Отмечаемые многими исследователями конструктивность и ритмическая слаженность русского народного искусства объясняются наличием этих качеств уже в древнейшую пору его жизни. Они выработались в результате совершенно конкретного отношения древнего земледельца к явлениям окружающего его реального мира.

Та же конкретность содержания вскрывается и в неизобразительной на первый взгляд категории вышивок и тканых узоров, которые украшают полотенца, подзоры, оплечья и подолы рубах и т. п. (рис. 249, 250). Это — розетки, ромбы, квадраты и прямые или косые решетки (обычно расположенные

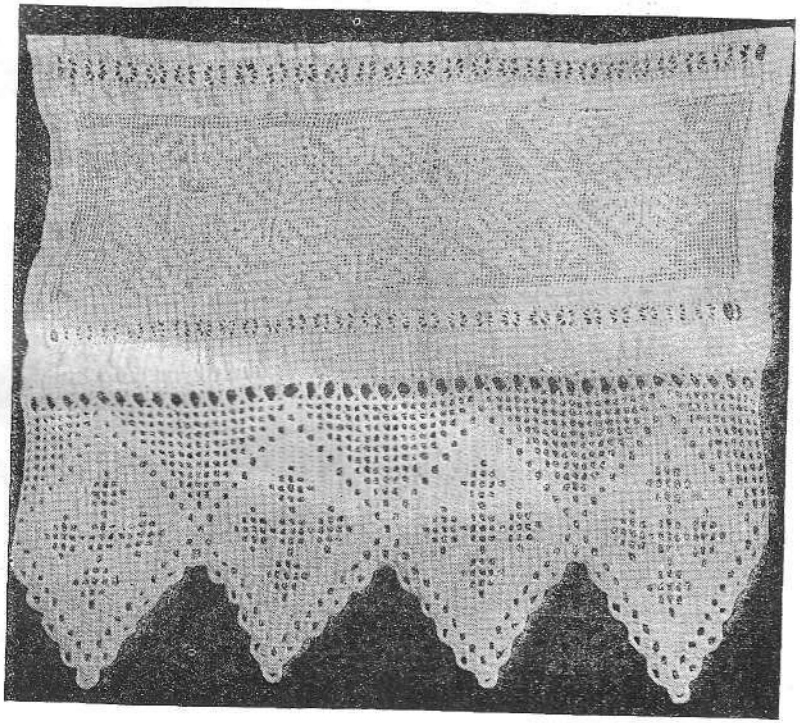


Рис. 249. Геометрический орнамент. Конец полотенца (Кирилловский район Вологодской обл.).

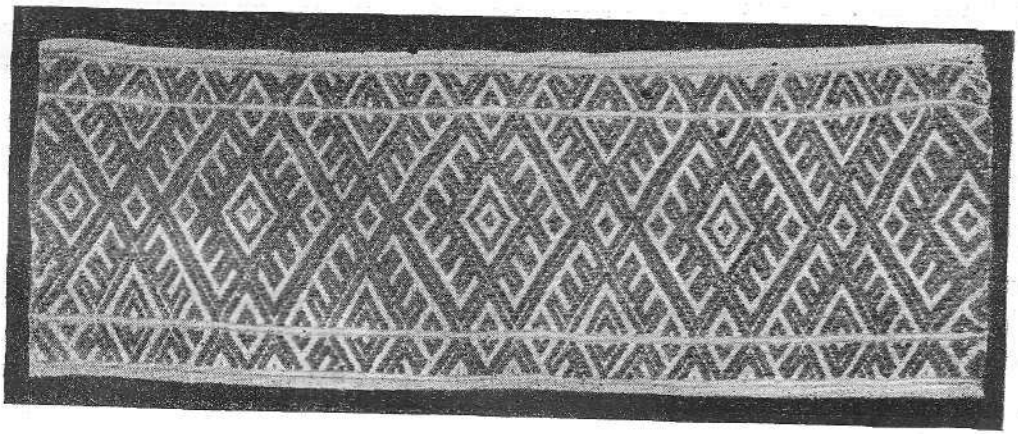


Рис. 250. Геометрический орнамент. Проставка (*Устюжна на Мологе*).

в шашку и разделенные тягами, образующими ромбическую сетку), т. е. знаки солнечного начала. Они аналогичны мотивам геометрического орнамента на древних славянских вещах, добытых раскопками (см. гл. 10).

4

Солнечные знаки, равно как и отдельные фигуры древнеславянского языческого «чина», украшают в Северном крае и Поволжье, в Белоруссии и на Украине резные (в технике трехгранных или более поздних ногтевидных выемок) деревянные предметы различного назначения — вальки, рубели, сундуки, части ткацкого стана, лопаски и донца прялок (рис. 251 и 252), архитектурные

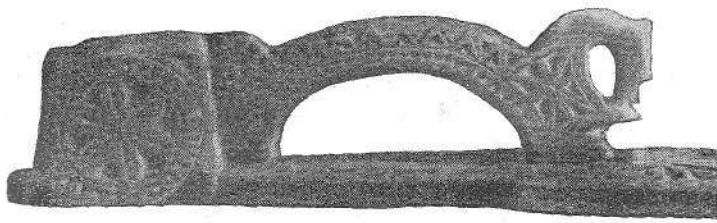


Рис. 251. Солнечные знаки. Ручка валька (Северный край).

детали, а также сосуды, в том числе северные ковши, черпаки и скопкари с резными конями или птицами на ручках (рис. 253). В одном из курганов северян XI—XII вв. были найдены фрагменты деревянного предмета, украшенного резьбой и имевшего форму птицы. Такого рода сосуды, естественно, вызывают в памяти свидетельства древних авторов о священных трапезах и тризнах славян. Пережитки их еще до недавнего времени сохранялись в обычае торжественного убоя животных и общей трапезы в Ильин день. Показательно, что русские резные ковши и черпаки по конструкции и обобщенной передаче формы близки резным деревянным сосудам древнего населения восточного склона Урала. Уральские ковши и черпаки с головками водяных птиц и животных также относились к категории культовых.

Никаких различий как по содержанию, так и по форме узоров и изображений в так называемом мягком материале и в твердом нет. Сцены, подобные вышитым или тканым, резались и на набоечных досках. Возможность многократного воспроизведения этих изображений на холсте позволяла мастеру затратить на изготовление таких досок больше труда и дать сцену моления в более развернутой многоярусной композиции, вроде приводимой олонецкой (рис. 254).

Подобный же развернутый ряд зооморфных фигур дает мезенская школа народной росписи (сиеной по желтому полю), до настоящего времени применяемая к валькам, прялкам, ковшам, архитектурным украшениям и т. п. в поздней, менее схематической форме. Но и в таком виде изображения коней, оленей и птиц строго плоскостны,— они характеризуются типическими признаками и располагаются в традиционном ритмическом строе (рис. 255).

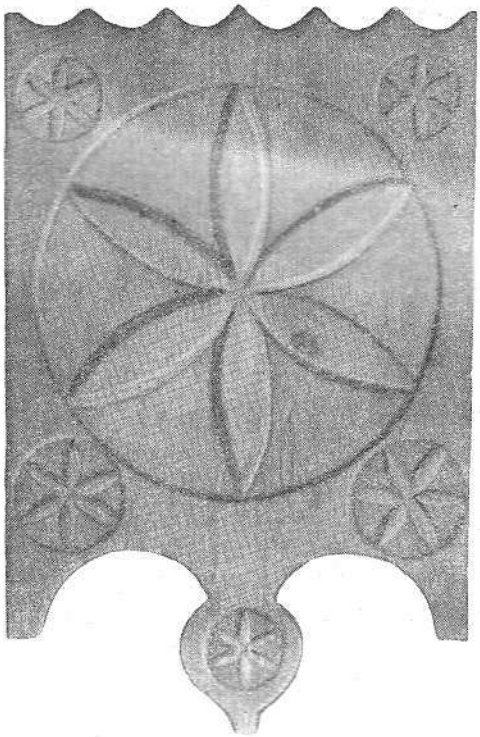


Рис. 252. Солнечные знаки. Донце прялки (*Новгородский край*).

Рис. 253. Резной деревянный черпак (*Северный край*)

Народная скульптура — деревянная резная и лепная из глины и теста — в своих архаических формах дает отдельные изображения, которые когда-то составляли группы, подобные сохранившимся в вышивках. В деревянной скульптуре русского Севера, в повсеместно распространенной глиняной игрушке — свистульке и пряниках — воспроизводятся изображения женщины, всадника, коня, оленя, быка, козы, медведя и птицы (рис. 256, 257). К этому еще следует присоединить своеобразную глиняную скульптуру — диск на подставке, с росписью в виде перекрещенного квадрата в излучении, которая близка солярному узору дисковидных пряников. В настоящее время она сохранилась, например, в игрушке из села Филимонова Одоевского района Тульской области

(рис. 258). Возможно, что вырезанная из одного куска дерева севернорусская игрушка с парными головками коней и округленной задней стенкой в древности изображала влекомый небесными конями солнечный диск (см. гл. 3). Окрашивается эта группа всегда в красный цвет и на задней стенке имеет роспись из мотивов креста и колеса (рис. 259). При раскопках 1936 г. в псковском Кремле

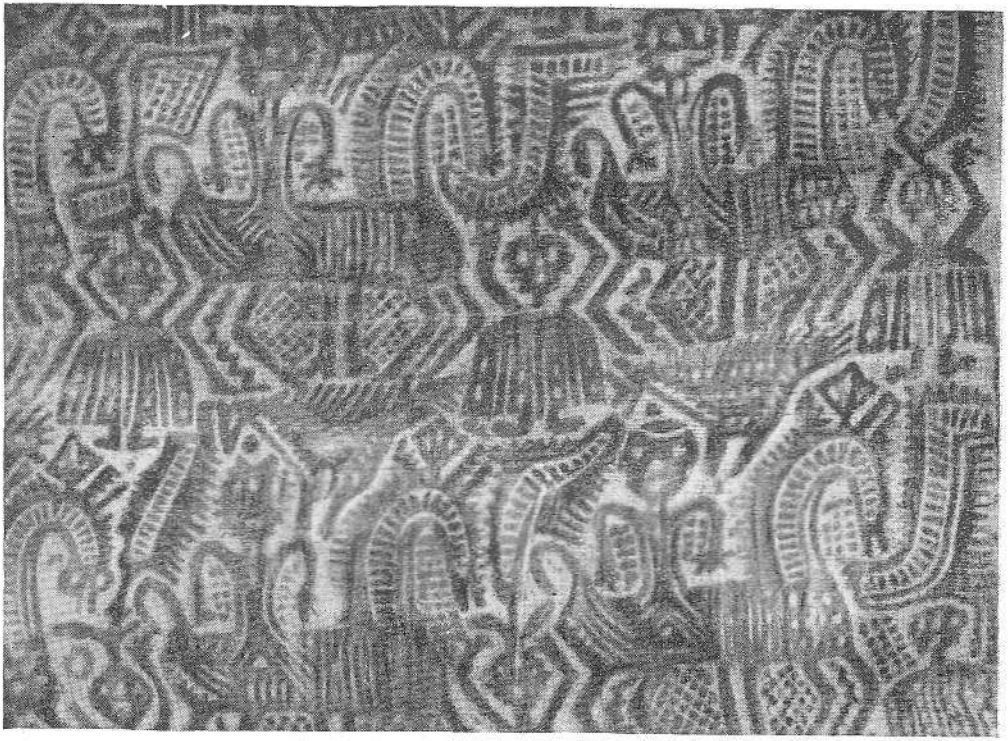


Рис. 254. Многорусная композиция «чина». Набойка (Олонецкий край).

был найден костяной гребень VIII—X вв. с резными изображениями парных разнообращенных коней и ладьи, на мачте которой дан прямоугольник с перекрещенными диагоналями. В народном шитье Гдовского района (строчка по перевити и досюльным швом) сохранился тот же мотив перекрещенного окрыленного квадрата (по терминологии В. В. Стасова — крылатого колеса), на котором стоит идол, очевидно, солнечное божество. Таким образом, является возможным наметить три варианта изображения движущегося по небу солнца: влекомого в колеснице конями, окрыленного и плывущего в ладье.

Постепенно снижаясь в функции до роли игрушек, эта скульптура древних форм до сравнительно недавнего времени обычно изготовлялась к весенним и летним праздникам (масленице, благовещению, троице) и была неотъемлемой

принадлежностью тех «бесовских позоров», в ритуал которых входили «бесовские песни и плясания», «свистание, клич и вопли».

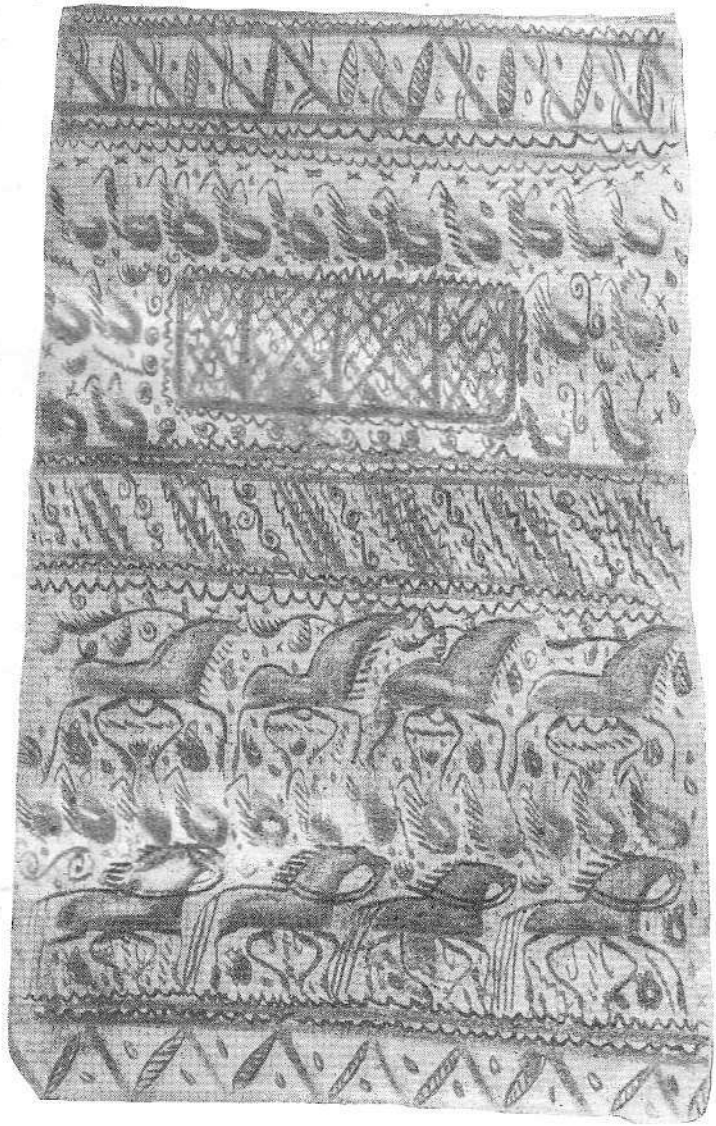


Рис. 255. Деталь росписи прялки (Мезень, Архангельской обл.).

Эти фигурки, независимо от материала, в котором они выполнены, рассчитаны на рассмотрение в фас (антропоморфные) либо в профиль (животные, звери, птицы) и определяются в лицевом или боковом абрисе характерными,

Рис. 256. Деревянная скульптура: *1* — Новгородский край; *2* — Владимирский край; *3* и *4* — Архангельская область.

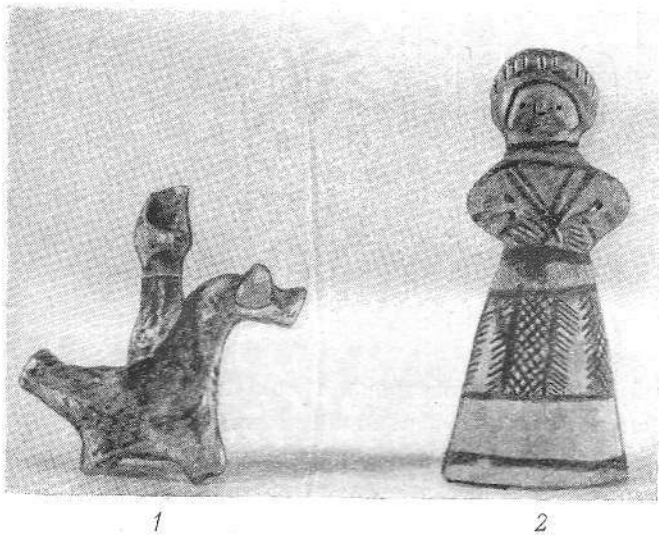


Рис. 257. Глиняная скульптура: *1* — Черниговщина; *2* — Тамбовская обл.

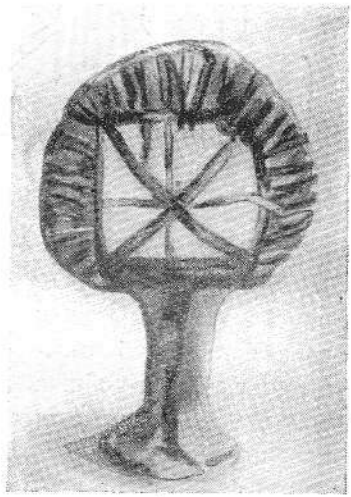


Рис. 258. Глиняная скульптура (Тульская обл.).

постоянными признаками. Форма их предельно лаконична и сведена к слитному сочетанию основных масс (в объемной скульптуре) либо площадей (в пряниках, прорезных фигурах). Прекрасным примером типологически первичной народной скульптуры является резной медведь из Кадуйского района Вологодской области (рис. 260). Он как бы сконструирован из двух основных масс (голова,

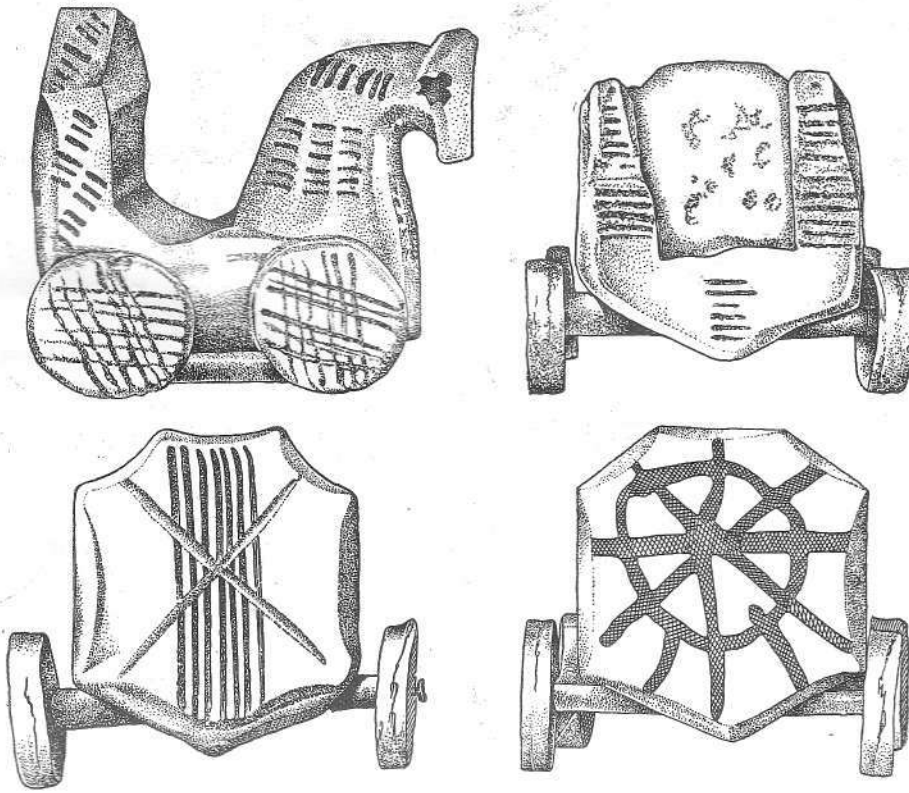


Рис. 259. Деревянные игрушки (Новгородский край).

корпус) со скупыми придатками (уши, лапы) и такой же скупой разделкой поверхности зарубками.

Долговечность обожженной глины способствовала сохранению подлинно древних образцов глиняной скульптуры. Эти находки не только фактически доказали близость недавней крестьянской глиняной скульптуры древнерусским формам, но и открыли те черты начальных славянских изображений, которые уже исчезли в позднейшей крестьянской глиняной игрушке.

Особый интерес в этом отношении представляют женские фигурки из киевских находок, которые передают характер одеяния богини. В позднейшей глиняной скульптуре (например, вятской, старой тульской или нежинской игрушках) это одеяние было переосмыслено в формах новой женской одежды (широкая юбка,

кокошник или шляпка и т. п.). Судя по киевским фигуркам, одеяние славянской богини состояло из ниспадающей широкими складками подпоясанной рубахи с оборками на запястьях, поверх которой надевался широкий талар (вроде русской однорядки) с прорезными рукавами, открытым мысом на груди и утолщенной обшивкой по вороту, полам и подолу. Верхняя одежда также подпоясывалась, усиливая расширение нижней части. Головные уборы были разнообразных форм — конической, расширяющейся кверху, в виде начельника и др. (рис. 241).

Эта одежда славянской богини имеет много общего с одеждой скифо-сармат-

Рис. 260. Медведь. Деревянная скульптура (Вологодская область)

Рис. 261. Изображение на бляхе из Карагодеуашха

ской богини-матери, владычицы земли и воды, животных, птиц и рыб, изображенной на пластинках и бляшках курганов юга (рис. 261). Очевидно, в скифо-

сарматский период раннеславянские племена, упоминаемые в I веке н. э. Плинием Старшим под именем венедов, перенесли в свое материальное воплощение богини-матери внешние признаки, свойственные земным владыкам и их божествам.

Однако это использование скифо-сарматской иконографии было ограничено собственными религиозными представлениями, обусловленными крепкими родовыми отношениями. Поэтому в начальнославянскую иконографию богини не вошла такая развитая атрибуция, как зеркало, трон и свита служителей культа, разработанная в скифо-сарматских изображениях на металлических изделиях или в терракотах (из погребений с территории причерноморских античных колоний), в которых сплетались начала скифо-сарматского и древнегреческого культов.

В силу этих же причин искусству древних славян осталась также чуждой развитая скифо-сарматская тератология (звериные изображения).

Древовидно-проросшая богиня, женское водяное или окрыленное существо, крылатый конь, антропоморфная фигура со змеевидными придатками, т. е. изображения, созданные искусственно, но слагающиеся из наблюденных в конкретной действительности признаков двух-трех объектов,— таков предел, за который не переходит древнеславянское мифотворчество, а вслед за ним народное изобразительное искусство, не знающее, подобно сказкам, «странных чудовищных представлений».

Таковы данные о начально-славянском изобразительном искусстве. Восходя своими истоками к древнейшей стадии сложения восточнославянских племен, в обстановке особой близости к окружающей природе, к ее фауне и флоре, оно выработало устойчивые нормы сюжета, формы и композиции, которые ярко отразили свойственное той поре понимание древним земледельцем окружающего его реального мира.

5

С разложением первобытно-общинного строя и образованием территориальных общин элементы культуры древней большесемейной организации оставались в сельском быту действенными. Имущая верхушка в лице князей и дружинников, периодически наездами взимавшая дань с сельского населения и только начинавшая устанавливать формы своей материальной культуры, не могла в сильной мере воздействовать на культуру сельского населения. Поэтому в дофеодальный период едва ли можно предполагать существенные отклонения народного искусства от начального пути его развития.

Иная обстановка создается с укреплением феодального строя в основных районах древней Руси.

Христианизация Руси способствовала усилению культурных связей с христианскими странами и сложению в культуре русских феодалов устойчивых художественных норм.

В обстановке экспроприации земель закабаляемое земледельческое население входило в постоянное взаимодействие с феодальной усадьбой и ее материальной культурой, особенно через закрепощенных общинных ремесленников. Эти «ремествяники и ремествеяицы», упоминаемые Русской Правдой в составе вотчинного хозяйства, работая на феодала, без сомнения, были знакомы с образцами феодального искусства, воспроизводили их и, осваивая их формы, многое передавали сельской среде. Доказательство тому — случаи появления с XI—XII вв. в курганах с погребениями земледельцев вещей круга феодальной культуры либо воспроизводящих их (см. т. I, гл. 2).

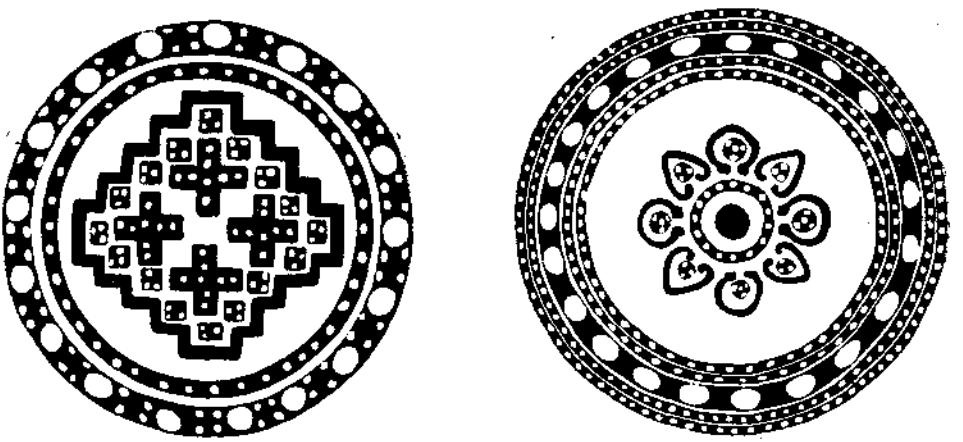


Рис. 262. Рисунок набойки из северянских курганов XI—XII вв. (реконструкция Е. С. Видоновой).

Однако внедрение в народное искусство мотивов феодального искусства никоим образом нельзя рассматривать как слепое перенимание «чужеродных» образцов. Вносимое всегда имеет праобраз в местном искусстве и творчески осваивается народной средой путем переработки, т. е. подчинения его веками сложившимся собственным нормам рисунка, ритма, сочетаний и т. п., равно как и сюжетного переосмысления.

Так, набивной узор на упомянутых в начале главы шерстяных тканях из черниговских северянских курганов XI—XII вв. несомненно местной работы составляется из кругов, заполненных на одном образце крестами, а на другом образце — розеткой (рис. 262). Эти фигуры близки изображенным на одеждах дочерей Ярослава, Анны и Анастасии на фресковом семейном портрете в киевском Софийском соборе. Они были использованы народными мастерами в силу привычности им мотивов круга, креста и розетки. Заимствованный узор послужил, таким образом, лишь обогащению местных народных мотивов.

Освоенные из раннефеодального искусства мотивы сохранились полнее всего в вышивке, преимущественно северной.

Шитый по перевити подзор из Оятского района Ленинградской области исполнен по-старинному — с характерным ритмическим соответствием контуров силуэтных фигур и трехчастным композиционным построением (рис. 263). Но зверь, изображенный на этом подзоре, своеобразен. Отличительные признаки — небольшая голова, и, особенно, гибкий, завернутый в спираль хвост — вполне определяют его породу, несмотря на то, что корпус и лапы даны в схеме, общей для всех изображений четвероногих в древнерусском народном шитье. Так же своеобразна на оятском подзоре и растительная фигура. Построенная по системе зеркальной симметрии, как и дерево на приведенном выше оятском кумачевом конце, она вместе с тем лишена основного признака дерева — ствола и составляется из симметричных лиственных волют, исходящих из клубнеобразной сердцевины.

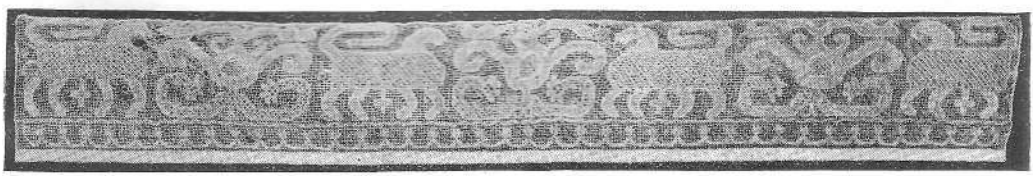


Рис. 263. Освоение мотивов феодального искусства. Звери. Подзор (Оять, Ленинградская обл.).

Изображения барсов, львов, грифов и орлов, так же как и мотив аканта, были широко распространены в материальной культуре феодального мира Востока и Запада, в том числе и в узорных драгоценных тканях (паволоках), которые рано стали известны в Киевской Руси. В узоре этих тканей характерны симметрично поставленные грифы, парные львы, а также львы по сторонам растительного мотива. Распространенные в обиходе светских и церковных феодалов, эти ткани, равно как и ювелирные и керамические изделия с подобными изображениями, оказали воздействие и на народное искусство, усвоившее из них некоторые мотивы. Во время раскопок киевской Десятинной церкви (конец X в.) и Успенского собора в Старом Галиче (XII в.) были найдены облицовочные поливные плитки, которые были, несомненно, изготовлены местными ремесленниками-гончарами. Наряду с геометрическим и незатейливым растительным узором эти плитки украшены изображениями грифонов (Галич), грифов-орлов, пальметт и т. п.

Этому усвоению особенно благоприятствовало совпадение сюжета — растительной фигуры с предстоящими птицами или зверями в изображениях как народного, так и феодального искусства. Народная редакция привнесенных образов выразилась не только в обобщающей схематизации с одновременным подчеркиванием основных признаков, но и в приноровлении их к традиционным изводам. Пример этому — строченое изображение (Крестцы Ленинградской

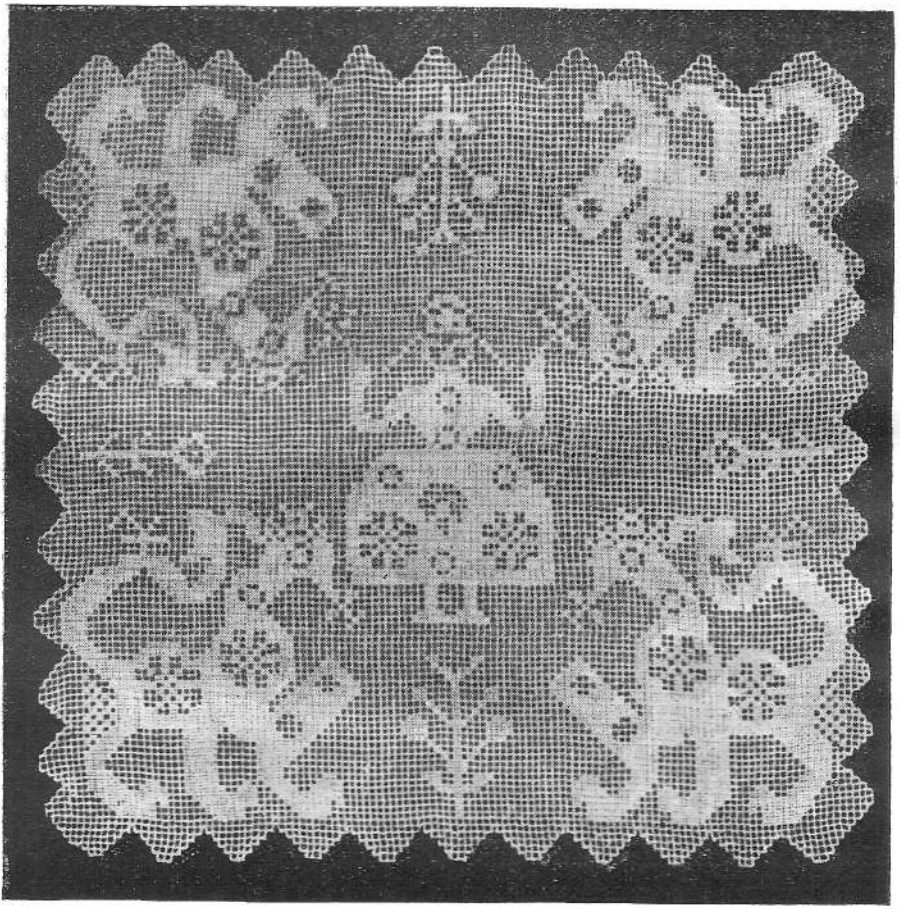


Рис. 264. Приспособление феодальных мотивов. Замена коней барсами. Салфетка (Крестцы, Ленинградская обл.).

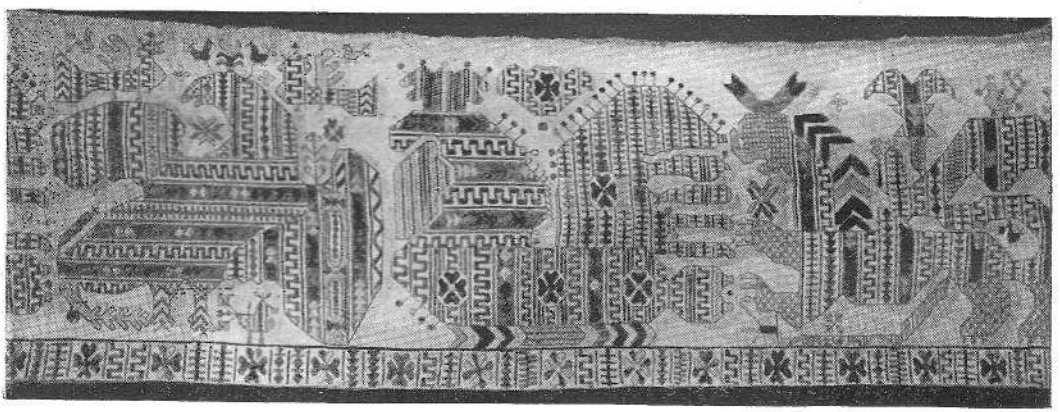


Рис. 265. Переработка изображений барса в орла. Подзор (Заонежье).

области) женской фигуры, держащей под уздцы барсов, заменивших коней. Как женская фигура, так и барсы усыпаны солнечными розетками (рис. 264).[1]

Подобное же освоение мотивов раннефеодального искусства наблюдается в вышивке двусторонним швом. На подзоре из Карелии (Заонежье) формально освоенные барсы и орлы стилистически не отличаются от помещенной рядом характерной для древнейших народных вышивок фигуры птицы (рис. 265).

Творческое использование народным искусством мотивов, заимствованных из феодальной культуры, не ограничивалось введением их в соответственно переработанном виде в традиционную композицию, а приводило к созданию таких фигур, в которых оба начала органически сливались.

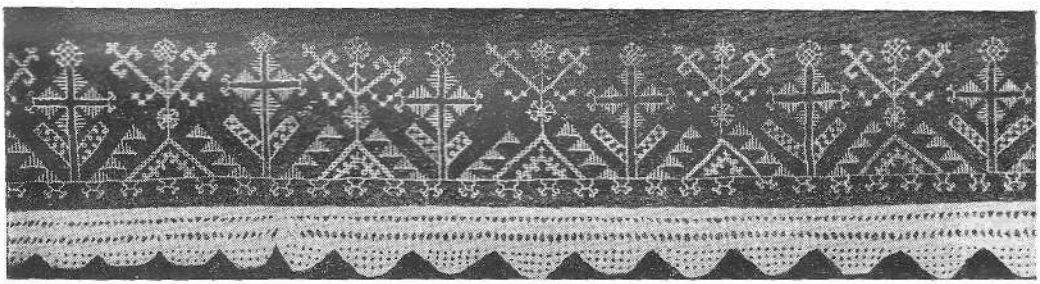


Рис. 266. Слияние священного дерева с фигурой креста. Подзор (Оять, Ленинградская обл.).

Особенно часто наблюдается процесс видоизменения традиционно-языческих образов в христианские, характерный для периода взаимодействия старых языческих начал с новыми церковными. Результат этого взаимодействия выразился, как известно, в своеобразном слиянии языческих представлений с близкими им по содержанию христианскими.

Так, на оятском исполненном двусторонним швом кумачевом подзоре (вепсы) в одном ряду с сильно орнаментализованными фигурами, в которых с трудом различаются контуры изображения утерявшей свой начальный смысл процветшей богини, помещаются фигуры, представляющие слияние христианского креста в сиянии с традиционным культовым деревом (рис. 266). От последнего сохранились венчающая солнечная розетка и нижняя пара ветвей.

Другой пример христианского переосмысления древнего народного образа дает крестецкое строченое шитье, дошедшее до нас в позднем изводе и поэтому, кроме древних форм, содержащее формы новейшие (птички, луковичный купол). Крестецкая накидка украшена изображениями часовен (рис. 267). По сторонам часовен среди розеток помещаются птички в натуралистической трактовке

[1] В рисунке крестецкой салфетки древние мотивы переплетены с новейшими, второй половины прошлого века (деревца, «осиная» талия и ноги женской фигуры).

Рис. 267. Замена фигуры богини часовней. Накидка (Крестцы, Ленинградская обл.).

второй половины XIX в. Если присмотреться к абрису часовен с крестами по краям кровли, то становится очевидным, что эта архитектурная форма заменила фигуру богини с поднятыми руками. Корпус здания получился из нижней части женской фигуры («юбки»), средняя суженная часть фигуры («талия») обратилась в барабан главы, а голова — в куполок, традиционно увенчанный не только крестом, но и розетками. В кресты же обратились и поднятые руки богини. Птицы, стоявшие по сторонам богини, сохранились, правда, в обновленном виде, но на своих прежних местах, и сделались преувеличенно большими по сравнению с масштабами часовни, заместившей женскую фигуру. Так же как в духовных стихах налицо, как отметил М. Горький, старинные влияния языческого фольклора, так и в крестецкой вышивке с часовнями имеются следы языческих изображений. А это «свидетельствует о живучести древнего фольклора, но очень мало о религиозном творчестве трудового народа христианской эпохи» (М. Горький).

6

Следует отметить еще один процесс в народном искусстве, который должен был проявиться в XII в.

С распадением Киевской державы на самостоятельные феодальные княжества местные разновидности народной культуры, в частности, искусства, по-видимому, оформлялись особенно интенсивно.

Подобно тому как в обычаях, одежде и т. п. с этого времени начинают вырабатываться специфически «новгородские» (а не словенские), «смоленские» (а не кривичские), «рязанские» (а не вятичские) особенности, точно так же начинают постепенно оформляться различные местные школы народного искусства. Наряду со старославянскими в них участвуют и начала искусства соседних племен, которые связали свои исторические судьбы со славянством.

На приведенном подзоре с характерно «византийскими» мотивами орла и барса (рис. 265) местные, типичные для Карелии особенности вышивки двусторонним швом и набором уже налицо. Это — ей одной свойственный прямолинейный узор рядами сцепленных треугольников, ромбов и квадратов, зигзагообразными и городчатыми полосами, исполняемый желтой, лиловой, зеленой, синей, черной и розовой нитями. Узор этот заполняет основные фигуры.

Таковы те явления в русском народном искусстве, которые должны быть отнесены еще к домонгольскому периоду и которые дошли до нас в его позднейших памятниках. Полагать, что этими образцами исчерпывается все многообразие древнего восточнославянского формотворчества, отделенного от нас многими веками, конечно, не приходится.

Но и известное нам позволяет утверждать наличие уже в первые века развития русской культуры самобытного, чрезвычайно устойчивого народного изобразительного искусства. Это древнее искусство предопределило своеобра-

зие русского искусства на последующих этапах развития не только в отношении его народного пласта, но и в отношении так называемого «высокого» искусства.

Так, например, вопрос о владимиро-суздальских рельефах XII—XIII вв., независимо от наличия в числе их мотивов иноземных «образцов», не может быть разрешен без учета тех народных начал, которые были внесены в скульптурные украшения храмовых стен местными мастерами-каменосечцами. Особенно это приложимо к рельефам Дмитриевского собора во Владимире. Эти рельефы (см. гл. 8 и 10) выполнены, подобно резным деревянным пряничным и набоечным доскам, обработкой плоского изображения «врезами». В подавляющем большинстве фигуры статичны, замкнуты в себе и объединяются приемом того ритмического соответствия, который характерен для древних народных изображений. Сдержанность мастеров, высекавших рельефы, в отношении «чудовищности» образа выразилась в подчинении реальному отвлеченно-декоративных начал, которые никогда не разрушают изображения. Располагаясь в 12—14 ярусов симметрично по сторонам срединной оси, фигуры тяготеют к центральному изображению. И, наконец, специфичность изображений, в подавляющем большинстве нецерковных (звери и птицы-хищники, часто сдвоенные, и деревья), должна быть объяснена ролью мастеров из простого народа, которые не только внесли в эти рельефы свой формальный корректив, но и по-своему истолковали церковный сюжет (как полагают поклонения «всего сущего» творцу), пронизав его языческой традицией. Этот дуализм и определил своеобразие Дмитриевских рельефов, не имеющих аналогий ни на Западе, ни на Востоке.

Блестящий расцвет русской иконописи, быстро достигшей тонкого понимания ритма, уравновешенности композиции и графической типизации образа и развившей эти начала в направлении особенной красочности и непосредственности, также не может быть объяснен без учета того, что именно эти особенности коренились в народных истоках нашего искусства. Этим и определяется художественное совершенство древнерусской церковной живописи.

ЛИТЕРАТУРА

Воронов В. С. Крестьянское искусство. М., 1924.

Воронов В. С. Народная резьба. М., 1925

Городцов В. А. Дакосарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды Гос. Ист. музея, вып. I. М., 1926.

Динцес Л. А. Историческая общность русского и украинского народного искусства. Сов. этнография, V. М.— Л., 1941.

Динцес Л. А. Русская глиняная игрушка. Л., 1936.

Кнатц Е. Э. Вышивки Заонежья. Крестьянское искусство СССР, I, Л., 1927.

Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве. Сов. этнография, I, М.— Л., 1948.

Стасов В. В. Дуга и пряничный конек. Собр. соч., т. II. СПб., 1894.

Стасов В. В. Коньки на крестьянских крышах. Собр. соч., т. II. СПб., 1894.

Стасов В. В. Русский народный орнамент, вып. I. СПб., 1872.

Якунина Л. И. О трех курганных тканях. Труды Гос. Ист. музея, вып. XI, М., 1941.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МУЗЫКА

В. М. Беляев

I

Древнейшим письменным свидетельством о музыке у восточных славян является сообщение византийского историка Феофилакта Симокатта (первая половина VII в.) о том, что греки в 583 г. захватили трех славян с музыкальными инструментами. Феофилакт называет их «лирами». Эти инструменты историки считают гуслями. Рассказ Симокатта о трех славянских музыкантах был повторен в несколько сокращенном виде хронистом VIII в. Феофаном. Последний называет музыкальные инструменты славян «кифарами». Славяне, по словам Симокатты, играют на лирах потому, что они якобы не обучены трубить в трубы. Это вряд ли справедливо, так как трубы были одним из древнейших инструментов у многих народов.

Более поздние русские письменные источники и произведения церковной литературы свидетельствуют о развитии музыкального искусства у славян и о глубокой связи его с народным бытом. Песня, пляска и инструментальная музыка сопутствовали всем общественным и семейным празднествам — «игрищам» в праздники древнего земледельческого культа, свадебным и другим обрядам. Эти языческие празднества были первоначально связаны с зимним и летним солнцестоянием и весенним равноденствием; впоследствии же они были приурочены к христианским праздникам и сохраняли до недавнего прошлого в своем ритуале и некоторые пережиточные явления музыкального искусства.

Следы глубокой древности можно обнаружить не только в текстах трудовых и обрядовых народных песен, но и в их мелодиях; однако в отношении последних, из-за неразработанности музыкальной археологии, мы пока находимся еще не на вполне твердой почве. В трудовых песнях упоминаются древнее подсечное земледелие, древние виды хлебных злаков (например, просо), еще коллективные формы земледельческого труда («помочи»). Вместе с этим, например, жнивные

трудовые песни, сохранившиеся, в частности, в Белоруссии, имеют мелодии очень архаического склада. Их возникновение может быть отнесено к наиболее раннему времени. Образец такой мелодии можно видеть в следующей белорусской жнивной песне:

Склад мелодии этой песни дает типичную основу не только для жнивных (т. е. трудовых песен), но также и для различных обрядовых песен, как веснянки, свадебные причитания невесты, похоронные заплачки, т. е. песен наиболее древнего происхождения.

Вот несколько примеров таких мелодий, обнаруживающих определенное структурное родство между собой:

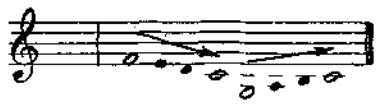
1) весенняя игровая (из сборника Пальчикова):

2) свадебный причет Олонецкого края (из сборника Дютша и Истомина «Песни русского народа»):

3) плач по умершей матери (из материалов Кабинета народного творчества Московской Гос. консерватории):

Принадлежа к одному из ранних типов русских и славянских народных мелодий, мелодии этого рода не являлись, конечно, единственным видом

песенного творчества наших предков. Будучи как бы зародышем русской протяжной песни, они сосуществовали со скорыми и плясовыми четко ритмованными песнями. Типичной основой их является попеременное нисхождение и восхождение голоса примерно в тех же мелодических рамках, как и у приведенных выше обрядовых песен. Вот звуковая основа строения мелодий восточнославянских скорых песен:



На этой основе возникают позже мелодии быстрых и плясовых белорусских, украинских и русских песен, что свидетельствует об общих древних корнях развития музыкального творчества русского, украинского и белорусского народов. Примером этого типа скорых песен является следующая песня (из сборника Прача):

Говоря о двух основных типах раннего русского песенного творчества, возникающих на общей звуковой основе, следует еще раз подчеркнуть, что эти типы не были единственными. Древнерусское народное песенное и инструментальное музыкальное творчество не было примитивным: как мы увидим далее, возникновение уже в XI в. совершенного и сложного русского письменного стиля церковного знаменного пения было возможно только на основе высокого развития русской народной музыки.

2

Древнейшие русские музыкальные инструменты не дошли до нас; поэтому судить о них, как и об инструментальной музыке, мы можем лишь на основе косвенных данных изобразительных и письменных источников. Однако нужно отметить, что наименования инструментов, особенно духовых, отличаются в древнерусских письменных памятниках значительной неясностью: инструменты одного и того же вида часто выступают под различными названиями, а ин-

струменты различных видов — под одинаковыми. Ценным подспорьем являются этнографические материалы, позволяющие дополнить и проверить данные первоисточников.

В состав музыкальных инструментов древней Руси входили ударные инструменты — бубен, накры, арган; духовые — рог, труба, сурна, рожок, окарина, кувички или кугиклы, дудка, жалейка и, может быть, волынка; струнные — гусли и гудок или смык (рис. 268).

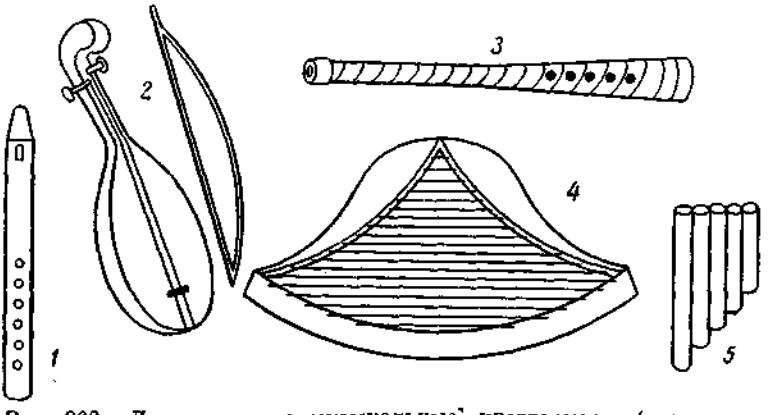


Рис. 268. Древнерусские музыкальные инструменты (схематическая реконструкция): *1* — дудка; *2* — гудок; *3* — рожок; *4* — гусли; *5* — кугиклы или кувички.

Древнерусский бубен был не похож на современный нам бубен, т. е. диск с одной мембраной и шумящими бубенчиками. Бубном в древней Руси называли барабан. Он изображен на миниатюре Кенигсбергской летописи, представляющей «игрища» вятичей (см. рис. 21). Это инструмент, очень похожий на современный барабан с цилиндрическим туловом и двумя мембранами, взаимно стянутыми тесьмой. Играли на барабане при помощи особого приспособления — ременного шара на кожаной плети с деревянной рукояткой; этот инструмент позже назывался «вощагой». Он также изображен на миниатюре в правой руке музыканта. На другой иллюстрации той же летописи в сцене гадания новгородца у чудского волхва (см. рис. 18) мы видим тот же ударный прибор, но в руках волхва, видимо, настоящий бубен, так же как в руках беса в сцене искушения Исаакия печерского (см. рис. 23).

О двух других видах ударных инструментов — накре и аргане — наши сведения крайне скудны. Из описания похода князя Святослава на болгар в 1220 г. мы узнаем, что перед штурмом города Болгара был подан сигнал: «удариша в накры и в арганы...» (Твер. л.). Судя по позднейшим данным (XVI в.), накры представляли род литавр, имели полусферическую форму и одну мембрану. Генрих Латвийский (XIII в.) сообщает, что в войсках псковичей перед битвой «ударили в литавры...» Повидимому, накры попали в русский обиход от

юго-восточных соседей Руси. Арган был металлическим ударным инструментом, о его внешнем виде мы ничего не знаем; в Слове Даниила Заточника упоминаются «сребреныя арганы»; следовательно, для большей звучности этот инструмент мог быть сделан из сплава серебра.

Рога, изготовленные из естественного рога вола, барана, козла, а в древности и тура, были распространеннейшим духовым инструментом у всех народов. Рог, благодаря своей изогнутой форме и сильному звуку, был особенно удобен для конных воинов и охотников. Изображения трубачей мы не раз находим в миниатюрах Кенигсбергской летописи.

Наряду с рогом широкое распространение, в особенности в военном обиходе древней Руси, имели деревянные трубы различной величины, формы и устройства. Для изготовления трубы раскалывали вдоль кусок дерева, затем выдалбливали в обоих половинках желобообразные каналы, соединенные половинки обертывали лыком или берестой и снабжали мундштуком. Эти деревянные трубы издавали звуки лишь обертонового ряда. При игре на роге и трубе губы игрока регулировали струю воздуха и высоту и силу звука. Такие трубы в руках трубачей-воинов изображены не раз в миниатюрах Кенигсбергской летописи. Мы не знаем, были ли в домонгольское время металлические трубы; в Кенигсбергских миниатюрах они обычно желтые, т. е. медные. Даниил Заточник говорит в образном плане о «златокованных трубах», но скорее это книжный, а не реальный образ.

Трубу иногда снабжали, как и духовые инструменты других видов (дудки, жалейки), пальцевыми отверстиями, обеспечивавшими получение на них последовательного ряда звуков различной высоты. Сохранившимися до настоящего времени инструментами последнего типа являются владимирские или ивановские рожки, получившие свое название по месту их преимущественного бытования.

Флейтовые инструменты, как в настоящее время, так и в древней Руси, были трех основных видов: 1) окарины, 2) открытые или закрытые продольные флейты, иногда в виде набора трубочек различной длины, соединенных в один многозвучный инструмент, и 3) свистковые флейты, снабженные специальным механизмом, облегчающим воспроизведение звука.

Окарины бытуют до настоящего времени в качестве народных детских музыкальных игрушек (в виде глиняных фигурок птиц и животных). Возникнув, возможно, как инструменты и принадлежность еще тотемистических обрядов, они сохраняют свою древнюю форму, утратив, однако, свои культовые функции.

Исключительный интерес с точки зрения реставрации древнерусской музыки представляет существовавшая в Курской и Брянской областях игра на кугиклах или кувичках — «флейтах Пана». Эти флейты, представляющие наборы трубочек различной длины, изготовляются из камыша, полых стволов зонтичных растений или из бузины. Как по мелодике, так и в ладовом отношении и в смысле ансамблевого исполнения наигрыши для кувичек или кугикл, сопро-

вождающие обычно народные танцы, являются едва ли не наиболее архаичным слоем в русской народной инструментальной музыке. Однако прямых сведений об их существовании в изучаемое время мы не имеем.

Третий древнерусский народный духовой инструмент флейтового типа — дудка. Она принадлежит к типу свистковых флейт. Этот тип инструмента наши древние источники и называют, повидимому, «посвистелями», «свирелями» и «сопелями».

В уже упоминавшемся изображении вятичских игрищ в Кенигсбергской летописи (см. рис. 21), повидимому, изображен инструмент типа свирели («сопели») в руках у правого музыканта — он очевидно перебирает пальцами левой руки «лады» (отверстия).

Жалейка и волынка — являются инструментами кларнетного типа с одиночным бьющим язычком.

Название «жалейка» обычно связывается с «желями» или «желениями» — причитаниями во время похоронных и поминальных обрядов, в ритуал которых входила и игра на жалейках. Однако по своему происхождению жалейка — пастушеский инструмент, и в этой своей древней функции она широко распространена до настоящего времени. Жалейка делается из камыша, дерева или костей птиц и имеет ряд пальцевых отверстий, предназначенных для получения звуков различной высоты. Для увеличения силы звука жалейка иногда снабжается раструбом из бересты или из коровьего рога, почему и называется «пастушьим рожком». Бывают и двойные жалейки с различным количеством пальцевых отверстий для простейшего двухголосного исполнения. Изображенный на миниатюре Кенигсбергской летописи (см. рис. 21) в руках переднего левого игрока духовой инструмент с шарообразным утолщением может быть отнесен к усовершенствованному виду жалейки, снабженной резервуаром для воздуха (возможно из тыквы), что представляет собой переход к волынке.

Волынкой называется жалейка, вставленная в резервуар из пузыря или из кожи для нагнетания в него запаса воздуха, что обеспечивает непрерывность звучания инструмента (ср. народное выражение «тянуть волынку»). Это делает волынку непосредственным предшественником органа. Жалейка, превращенная в волынку, обычно бывает двойной, с различным соотношением тонов ее трубок, благодаря чему возможно сопровождение мелодии протянутым тоном. Поскольку этот вид многоголосия возникает уже на очень ранних ступенях музыкального развития, то вполне возможно предполагать, что он существовал и в древней Руси. Однако прямых указаний на существование волынки в домонгольской Руси у нас нет.

В составе духовых инструментов древней Руси источники называют еще «сурну» (зурну). Позднее англичанин Флетчер отметил применение в русском войске XVI в. сурны и справедливо назвал ее гобоем. Сурны были инструментами сильного и резкого звука. Повидимому, сурна попала на Русь от ее восточных соседей.

Весьма распространенным музыкальным инструментом древней Руси являются гусли. Это — многострунный щипковый инструмент. Он представляет собою ящик с резонансной доской, крылообразной, трапециевидной или полукруглой формы; поверх доски натягиваются струны. Сколько было струн у древнерусских гуслей мы точно не знаем. Струны крепились на колках, как свидетельствует выражение Даниила Заточника: «гусли бо строятся персты [перстами]».

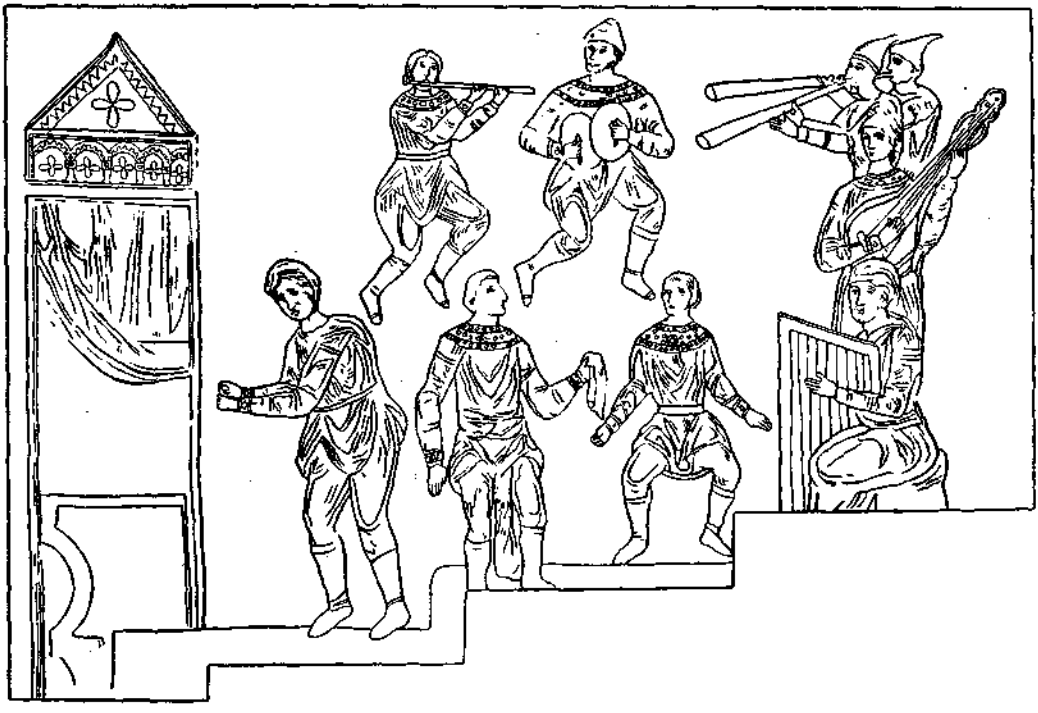


Рис. 269. Скоморохи и музыканты. Фреска башни киевского Софийского собора.

Гусли были любимейшим древнерусским инструментом и весьма часто упоминаются в былинах, песнях и письменных памятниках. Гусли изображены в Кенигсбергской летописи в руках беса, искушающего Исаакия (см. рис. 23 справа внизу).

Наконец, следует упомянуть гудок или смык, струнный смычковый инструмент. С его названием «гудок» связывается представление о «гудении» или «гудьбе», т. е. вообще о музыкальном исполнении. В настоящее время этот инструмент полностью вышел из употребления, но в древней Руси он пользовался, наряду с гуслями, широким распространением и популярностью.

Наши ранние письменные источники не дают сведений о существовании на Руси XI—XIII вв. балалайки и домры. Эти инструменты получают широкое распространение лишь в XIV—XV вв.

Таковы наши сведения о составе и характере древнерусских музыкальных инструментов.

Знаменитая фреска XI в. в башне киевской Софии изображает музыкантов и инструменты, не входящие в состав русского музыкального инструментария. Это поперечная флейта, вероятно — два гобоя (недостаточно точно изображенные), многострунный инструмент лютневого вида, арфа (недостаточно типичной

Рис. 270. Музыкант. Фреска башни киевского Софийского собора.

для этого инструмента формы) и тарелки. Следовательно, софийская фреска свидетельствует скорее всего о появлявшихся при дворе киевского князя бродячих чужеземных труппах фокусников и музыкантов.

Применение древнерусских музыкальных инструментов было различно. Так, например, трубы и рога были сигнальными инструментами при военных действиях, на охоте, в руках пастухов; трубный «салют» играли в различных торжественных случаях — при заключении мира, встрече послов, возвращении войск из похода, встречах князей и т. п.

Гораздо существеннее, что эти инструменты в различных сочетаниях соединялись в «оркестры» как в народном быту, так и в военном деле.

На упомянутой миниатюре в вятичской плясовой музыке соединяются

барабан-бубен со «свистелями» — дудками; бубен делал более четким ритм мелодии, сопровождавшей танец (кроме того, в такт пляске участники праздника били в ладони). Иногда к названным инструментам присоединялись гусли: бесы на миниатюре Кенигсбергской летописи (см. рис. 23), повидимому, играют на тех инструментах, какие мы знаем по источникам о «бесовских» скоморошеских действах. В составе скоморошьего инструментария называются и трубы, и гусли; скоморохов позже называют «свирельниками, гудцами и перегудниками». На миниатюре мы видим как духовые инструменты, так и гусли и бубен. Рассказ Печерского патерика об искушении Исаакия говорит, как бесы «удариша в сопели, в гусли и в бубны», а Исаакий поддался музыке и пустился в пляс. Этот состав народных инструментов был и в обиходе господствующего класса. Слово о богаче и Лазаре (XII в.) сообщает, что пиры господ — «пития обнощьная» — сопровождались «веселием многим», «с гусльми и свирельми», «воплями и песнями». Монах-летописец, морализируя по поводу поведения князя Святополка, убийцы своих братьев Бориса и Глеба, замечает: «люте бо граду тому, в немь же князь ун, любяй вино пити *с гусльми* и с младыми светники» (Лавр. л. 1015). Весьма вероятно, что при богатых дворах содержались специальные труппы музыкантов-скоморохов.

Больше сведений мы имеем об «оркестрах» в древнерусском войске. Русские летописи не раз сжато, но картинно описывают грозное звучание боевой музыки накануне битвы или штурма вражеской крепости. Уже частично цитированный выше текст об осаде города Болгара в 1220 г. говорит, что в готовых к штурму русских войсках «удариша в накры, и в арганы, и в трубы, и в сурны, и в посвистели» (Твер. л.). Шедшие на выручку осажденного в 968 г. печенегами Киева войска «въструбиша вельми» (Лавр. л.). О количестве инструментов можно судить, например, по сообщению летописи, что в войске князей Юрия владимирского и его брата Ярослава, сражавшемся в 1216 г. в Липецкой битве, было: у войск Юрия — 60 труб и бубнов, а у войск Ярослава — 40. Особую силу боевой музыке придавали сурны, обладавшие резким и сильным звуком, и звон и рокот ударных инструментов. Еще С. Герберштейн, описывая московское войско начала XVI в., отмечал, что у русских «много трубачей, и если они по отеческому [т. е. старинному, исконному] обычаю станут дуть в свои трубы все вместе и загудят, то можно услышать тогда некое удивительное и необычайное созвучие»; особо в этом рассказе Герберштейн выделяет звук сурн. Они, видимо, были специфическим военным инструментом, остальные же духовые инструменты и бубен были обычными бытовыми инструментами, сообщавшими древнерусской военной музыке народный характер.

3

Народное музыкальное творчество глубоко пронизывало трудовую жизнь и быт наших предков. Поэтому очень рано из среды народа выделились наиболее одаренные и талантливые исполнители, ставшие музыкантами-профессионалами.

Одни из них специализировались в эпическом жанре и стали сказителями, певцами былин и старин, другие образовали бродячие труппы затейников-скоморохов. Обе эти линии развития музыкального профессионализма, возникнув еще в дофеодальное время, несли с собой пережиточные черты языческой старины. Поэтому народное музыкальное творчество и его носители — в первую очередь скоморохи — подвергались нападкам и гонениям со стороны церкви. Русские летописи, поучения и проповеди с особой силой обрушиваются на них, как на певцов «бесовских песен», приверженцев «поганских» обычаев и исполнителей «сотонинских» обрядов.

Скоморохи являлись затейниками, потешниками и увеселителями народа. Они были лицедеями, объединявшими в себе специальности актера (главным образом комического жанра), певца, музыканта, плясуна, акробата, жонглера, фокусника и дрессировщика животных. По самому характеру своей профессии скоморохи не имели прочной оседлости и были бродячими народными артистами, которые переходили из города в город и из села в село, приурочивая свои приходы к дням местных торжеств и праздников, торгов, ярмарок и народных сборищ, и выступали здесь перед массами на площадях и на торжищах. Скоморохи участвовали и во всякого рода семейных торжествах, в свадебном обряде, на общественных и частных, в том числе и на княжеских, пирах. Они были представителями народных, демократических тенденций в древнерусском профессиональном искусстве, и их выступления часто характеризовались острой социальной направленностью против светской феодальной верхушки и духовенства, за что они и подвергались гонению.

Другую линию развития профессионального музыкально-поэтического творчества в древней Руси представляли певцы-сказители. Первоначально эпические певцы восточных славян, как и у других племен, были хранителями родовых и племенных традиций и преданий; они, таким образом, представляли «историческое» направление в профессиональном народном творчестве, материалы которого частично вошли и в состав ранних русских летописей. К XI в., в связи с усилением державы киевских князей, героико-эпические сказания прежних времен создали почву для сказаний дружинного эпоса. Возникшие в княжеско-дружинной среде, они имели первоначально характер героико-панегирических песен, а впоследствии оформились в виде цикла киевских былин и сохранились до наших дней в передаче профессиональных народных певцов северного края (см. гл. 5 и 6). Музыкальная сторона русского эпического сказа может быть охарактеризована как речитативно-напевная декламация. Ее большая или меньшая сложность определялась количеством попевок (музыкальных фраз, соответствующих строке былинного текста), возникавших в процессе музыкально-эмоционального воплощения эпического сказа, сопровождавшегося аккомпанементом гуслей. Знаменитый Боян (или Баян) — слагатель музыкально-поэтических сказаний — «своя вещиа персты на живая струна въскладаше они же сами княземъ славу рокотаху».

Имя Бояна стало нарицательным для древнерусских певцов-сказителей. Указания Слова о полку Игореве на то, что Боян пел о великом князе Ярославе Мудром, брате его Мстиславе Владимировиче и внуке Романе, позволяют отнести творчество Бояна ко второй половине XI в. К певцам типа Бояна принадлежит и сам неизвестный нам по имени «песнотворец Святославль» — гениальный автор Слова о полку Игореве. Он заканчивает свою поэму словами: «Певше песнь старым князем, а потом молодым пети слава». Эти воинские «песни-славы» могли слагаться и на поле победы. Войска князя Андрея Боголюбского после победы над болгарами в 1164 г. «песни въздающе» иконе Владимирской богоматери; боевые подвиги того же князя Андрея в сражении под Луцком послужили темой «похвалы великой», т. е. воинской дружинной песни-славы, сложенной в честь его дружинниками. Творчество певцов-сказителей в Киевской Руси было тесно связано с княжеско-дружинным бытом. Ипатьевская летопись сохранила нам имя «гудца» Ора, умевшего исполнять половецкие песни (1201), и имя галицкого «словутного певца» гордого Митусы (1243).

Рис. 271. Гусляр (рукопись XIV в.).

Наиболее ранними являются записи былинных напевов в Сборнике Кирши Данилова, старший список которого относится к 80-м годам XVIII в. Однако мелодии Сборника никак не могут быть возведены к древности, и поэтому они не могут быть привлечены для характеристики мелодического склада древнерусского эпического сказа. В какой-то мере такой иллюстрацией может служить лишь запись мелодии «стиха» или «духовной былины» о Борисе и Глебе из крюковского рукописного сборника XVII в. (Библиотека им. Ленина, № 4193).

Мелодия эта состоит из двух попевок повествовательно-декламационного напевного склада, характерного для русского эпического сказа. Но здесь он несколько окрашен в церковные тона в связи с «духовной» темой стиха об «убиении» Бориса и Глеба, что особенно заметно в заключении второй попевки (запись мелодии см. на стр. 503).

Текст этого стиха характеризуется былинным складом, резко отличным от строфного строения остальных стихов сборника:

Восточная держава
Славного Киева града.
Великий Владимир князь
Имел у себя три сына:
Старейшего Святополка,
Меньших же Бориса и Глеба,
Разделяше же Россию всю
Сыновом своим на три части:
Святополку Чернигов град,
Борису и Глебу Выш пределы.
Преставился Владимир князь
В дому своем святолепно и благочестно.
После его чады его
Разыдошася в свои грады.

Время возникновения приведенной мелодии определить трудно, но генеалогия самого стиха может восходить к XI—XII вв., когда после канонизации Бориса и Глеба составлялось их «житие», а в 1072 и в 1115 гг. их «мощи» дважды торжественно переносились в новые храмы при пении присутствовавшего при этом народа.

Если творчество скоморохов имело преимущественно развлекательные цели и было теснейшим образом связано с бытом и идеологией народных масс, то эпическое творчество древней Руси может быть охарактеризовано как легендарная героическая *история* русского народа, «поющаяся на голосу», как картинно определил этот жанр Порфирий Демидов, посылавший в своем письме Г. Ф. Миллеру копию исторической песни из Сборника Кирши Данилова.

Если неписаная история, отраженная в эпосе, подготавливала расцвет русского летописания и литературы, то бесписьменное музыкальное творчество стало почвой для развития письменной музыки, какой в древней Руси было церковное певческое искусство.

Исследования письменных памятников русской церковной музыки опровергают бывшую распространенной среди историков русской музыки теорию о заимствовании из Византии (через посредство Болгарии) русских церковных напевов, носящих название знáменного пения или знáменного распева. Изучение этих памятников параллельно с исследованиями греческой церковной музыки X—XII вв. показывает, что русская церковь действительно получила от Византии: 1) богослужебный ритуал, 2) тексты церковных песнопений в славянском переводе, 3) систему осмогласия, т. е. распева этих текстов на восемь различных «гласов» с чередованием их по неделям при богослужении, и 4) приемы распева отдельных песнопений. Русский язык был настолько богат и гибок, что мог в полной мере передать в переводе сложный стиль текста греческих песнопений. А их музыкальная сторона была вполне оригинальной. На Руси был создан, во-первых, свой знаменный распев, мелодически отличный от греческого и, во-вторых, своя оригинальная система письма, так же отличающаяся от греческой как по начертанию нотных знаков, так и по принципу своего сложения.

Памятники знаменной нотации XI в. содержат уже полностью оформленный знаменный распев, но в несколько более простой мелодической редакции, чем его позднейшие записи. Основой этого древнейшего распева являются восемь групп мелодических «гласовых» попевок. Число попевок в каждом гласе с их вариантами достигает нескольких десятков. Попевки свободно использовались для распева текстов церковных песнопений в качестве канонизированного мелодического материала. Эта система распева церковных текстов была связана с русским приемом музыкального воплощения эпического сказа. Последний сводился к использованию ограниченного количества (2—3, редко более) музыкальных фраз для свободного развертывания музыкального повествования. Будучи применен для распева прозаических текстов церковных песнопений, он получил дальнейшее развитие в отношении обогащения мелодического материала. Создание знаменного распева как законченного музыкального стиля целого цикла музыкальных произведений предполагает наличие высокой квалификации у его создателей — русских певцов. Знаменный распев был стилем хорового церковного пения. Руководители хоров и одновременно мастера знаменного пения первоначально носили греческое название «доместиков» или «демественников». Они были при Десятинной церкви в Киеве, в киевском Печерском монастыре (Стефан, XI в.), при Успенском соборе в Владимире на Клязьме (Лука, 1174).

Ритмика знаменного распева основана на мерной декламации текста в основном в двухдольном ритме с затяжкой акцентируемого слога в предложении и с замедлением декламации слогов в заключении попевок. Мелодически знаменный распев основан на плавном поступенном восходяще-нисходящем дви-

жении голоса. Общее строение знаменного распева в мелодическом отношении обнаруживает полную независимость от греческой музыки и определенную связь с ладовой стороной русского народного песенного творчества. Можно

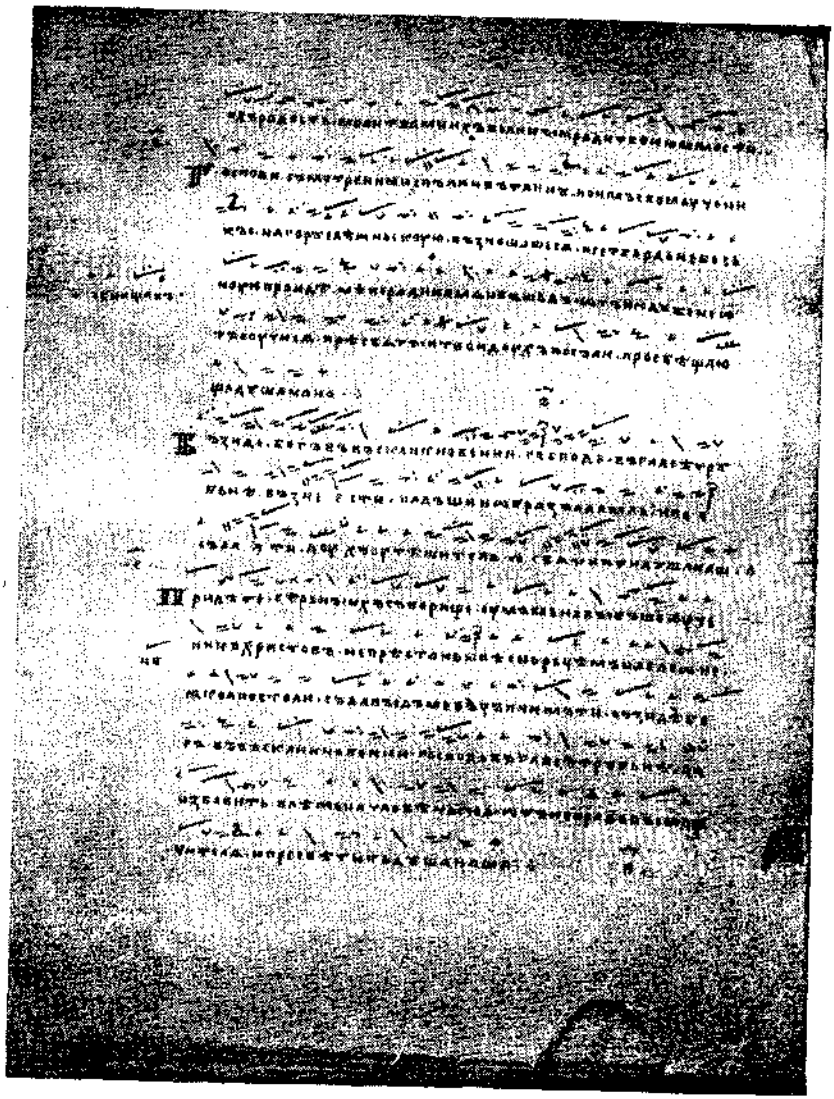


Рис. 272. Образец знаменной нотации (рукопись середины XII в.).

предполагать, что музыкальное содержание древнейших памятников знаменного распева начало складываться в устном музыкальном творчестве в русской среде значительно раньше, а в XI в. подверглось лишь письменной фиксации.

Русский знаменный распев стал стилем профессионального церковного пения в традиционной устной передаче, которая поддерживалась наличием записей и сохранилась в официальной церковной практике до XVIII в.

Песнопения знаменного распева записывались особой системой нотных знаков, носящей название «столпового знамени» или «крюковой нотации» (из-за внешнего вида знаков; рис. 272). Каждый отдельный знак обозначал или один тон определенной длительности, или же группу тонов определенного ступенного соотношения и длительности, но не обозначал высоты этих тонов и их положения в звукоряде. Поэтому нотная запись служила лишь вспомогательным средством для закрепления в памяти напевов, передававшихся от одного поколения певцов к другому; читать эти ноты могли лишь певцы, знавшие наизусть записанные в них напевы. Чтению этих записей учились в специальных певческих школах или у отдельных мастеров пения. Запись закрепляла сложившийся певческий стиль и обеспечивала устойчивость исполнительской традиции. Сравнение русской крюковой нотации с греческой нотацией, в которой каждый знак находился в определенном интервальном отношении с предыдущим, показывает, что русская знаменная нотация сложилась самостоятельно и имела свой принцип построения. Создавшие ее древнерусские певцы должны были обладать безупречной музыкальной памятью и слухом.

Кроме письменных памятников знаменного распева, от XII—XIII вв. сохранилось несколько памятников так называемой «кондакарной» нотации, отличной от знаменной нотации и до сих пор не расшифрованной (рис. 273). Кондакарной эта нотация названа потому, что ею записаны мелодии «кондаков» — коротких хвалебных песнопений в честь отдельных святых, не включаемых в циклы песнопений знаменного распева. Как и знаменная, кондакарная нотация является оригинальным русским видом нотного письма, не сходным с греческой нотописью. Предварительное изучение памятников кондакарной нотации позволяет сделать пока лишь некоторые предположительные заключения. Система кондакарного пения также была основана на принципе осмогласия. В основе мелодического строения кондакарных песнопений лежит система гласовых попевок. Но они используются не столь свободно, как в знаменном распеве, и образуют строгую форму типа: А + А + В + С, приближающуюся к строфно-куплетной форме. Об этом можно заключить, сличив нотные записи отдельных кондаков в различных гласах, по внешнему виду нотных знаков. Кондакарные напевы гораздо более распевны, чем знаменные: иногда на один слог текста приходится по нескольку нотных знаков, в основной текст кондаков часто вставляются широко распеваемые в характере вокализаций слоги восклицательного характера. Некоторые особенности кондакарной нотации свидетельствуют, что ее изобретатели ориентировались на греческую нотную систему и создали на ее основе свой самостоятельный вид нотации.

Наличие в раннем русском церковном пении двух различных по стилю, тематике и системе нотного письма распевов — знаменного и кондакарного —

говорит о высоком развитии древнерусского культового вокального искусства. На основе знаменного распева в русском церковном пении возникло и развилось впоследствии многоголосие, получившее наименование «строчного пения», совершенно несходного с западноевропейским многоголосным стилем.

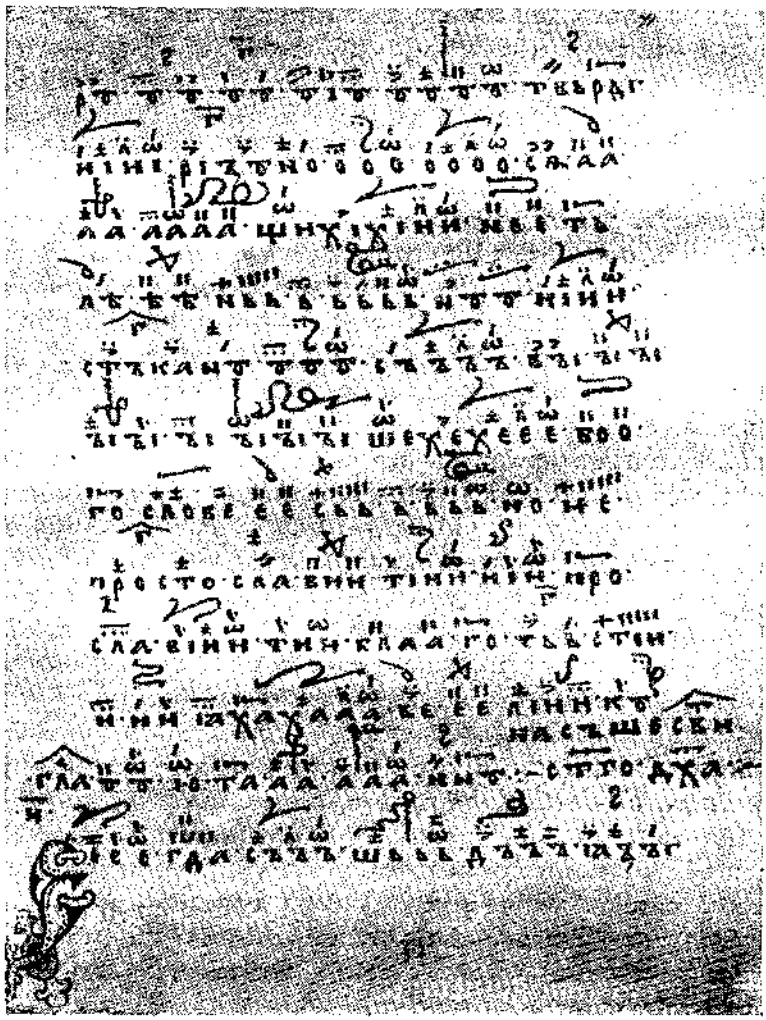


Рис. 273. Образец кондакарной нотации (Новгородский кондакарь середины XII в.).

Время полного оформления и развития этого, в основном трехголосного, многоголосия — XVI век. Но можно с большой вероятностью предполагать, что его начатки относятся еще к домонгольскому периоду. Во всяком случае,

несомненно, что возникновение «ученого» церковного письменного многоголосного стиля было связано с предшествовавшим ему развитием русского *народного* «подголосочного» многоголосия. Это последнее представляет одновременное исполнение основной мелодии песни с ее вариантами, образующими в опорных точках благозвучные интервальные сочетания. Характерной чертой этого многоголосия является исполнение начала произведения сольным или унисонным запевом с дальнейшим разветвлением голосовых партий на самостоятельные линии. Эта особенность присутствует и в строчном пении, произведения которого всегда начинаются или с унисонных, или же с сольных запевов, что свидетельствует о несомненной связи между стилями русского устного народного и письменного церковного, профессионального многоголосия.

Прослеживая пути возникновения и развития русского письменного музыкального творчества, мы можем сделать следующие выводы: 1) древнерусское письменное музыкальное творчество возникает на почве народной традиции в виде двух одноголосных певческих стилей — знаменного и кондакарного распевов; 2) знаменный распев, будучи в мелодическом отношении самостоятельным по своему происхождению, является основным стилем древнерусского церковного пения; 3) на основе этого стиля впоследствии, может быть еще в XII—XIII вв., возникает строчное пение как самостоятельно развившийся на русской почве вид разработанного многоголосия — русского контрапункта. Все это говорит о высоком уровне и быстром развитии русского профессионального церковно-певческого искусства, которое сыграло важную роль в развитии музыкальной культуры древней Руси.

При всей неполноте имеющихся в нашем распоряжении данных и гипотетичности решения ряда вопросов, можно утверждать, что древнерусское музыкальное искусство развивалось столь же быстро и самостоятельно, как и другие стороны культуры древней Руси. Его основой и питательной почвой было народное музыкальное творчество. Из народной среды вышли светские музыканты-профессионалы: певцы-сказители былин и народные лицедеи — музыканты-скоморохи. Об исключительной музыкальной одаренности русского народа и наличии своей традиции музыкальной культуры свидетельствует быстрое и самобытное развитие наиболее сложного вида музыки — профессионального культового пения с его оригинальными стилями и своей системой нотного письма. Музыкальная культура домонгольской Руси заложила прочные основы для последующего развития русской музыки.

ЛИТЕРАТУРА

Металлов В. М. Богослужебное пение русской церкви. Период домонгольский. Записки Моск. археол. ин-та, т. XXVI, М., 1906.

Металлов В. М. Русская симиография. М., 1912.

Преображенский А. В. Краткий очерк истории церковного пения в России. СПб., 1910.
Привалов Н. И. Музыкальные духовые инструменты русского народа. Записки Отдел. русск. и слав. археологии Русск. археол. об-ва, т. VII, вып. 2, СПб., 1907; т. VIII, вып. 2, СПб., 1908 (и отд.).
Рабинович М. Г. Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты. Сов. этнография, 1946, № 4.
Смоленский С. О древнерусских певческих нотациях. Памятники древней письменности и искусства, вып. CXLV. СПб., 1901.
Фаминцын А. Гусли, русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890.
Фаминцын А. Скоморохи на Руси. СПб., 1889.
Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. I. М.— Л., 1928.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПУТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ X—XIII вв.

Н. Н. Воронин и М. А. Тиханова

1

Мы закончили обзор истории древнейшего периода русской культуры, прошедшей перед нами во всех ее важнейших проявлениях от сельского хозяйства и ремесла до изобразительного искусства и музыки.

Из рассмотрения этих *отдельных* тем вытекают важнейшие выводы для истории русской культуры *в целом*. Теперь мы можем утверждать, что русская культура X—XIII вв. идет по пути быстрого и самобытного творческого развития, что ее своеобразие определяется ее органической связью с древней культурой восточнославянских племен. Мы можем утверждать, что русская культура до монгольского завоевания достигла высокого уровня и что основой этого прогресса было развитие русской материальной культуры, русского городского ремесла и сельского хозяйства, рост богатых городов. На этой почве расцвели искусства и литература, обогатившие сокровищницу мировой культуры великим вкладом русского гения.

Теперь, в заключение, мы и должны рассмотреть эти важнейшие общие итоги и сделать общие наблюдения над историческим ходом и особенностями развития русской культуры X—XIII вв. в целом.

Как показывает почти каждая глава настоящей книги, история русской культуры неразрывно связана с историей создавшего ее русского народа. Поэтому в развитии культуры X—XIII вв., как и в истории Руси этого времени, ясно обозначаются два тесно между собою связанных, но глубоко различных этапа: время Киевской державы (дофеодальный период) и период феодальной раздробленности. Гранью между ними является XI в.: к его первым десятилетиям относится «начало заката империи Рюриковичей» (К. Маркс); раздел Руси между сыновьями Ярослава Мудрого знаменует начало ее феодального дробления; в конце XI столетия Киевская держава распадается на ряд феодальных

полугосударств-княжеств, и Русская земля надолго становится поприщем феодальных войн и усобиц.

Культура Киевской Руси развилась на почве, пропитанной старыми культурными традициями земледельческих скифских племен, затем ранних славян-антов. Какую бы область древнерусской культуры мы ни рассматривали — всюду мы неизменно видели ее истоки в ранней истории славянства. В сельском хозяйстве и ремесле, в прикладном искусстве и музыке, в истории права и литературы — везде прослеживается или угадывается их глубокая славянская «предъистория». Культура древнейшего русского государства опиралась на предшествующий опыт и традиции культуры восточнославянских племен. Это в значительной мере определило своеобразие, творческую энергию и быстрый расцвет русской культуры. Она распространилась по днепровско-волховскому пути вплоть до далекого севера — Великого Новгорода и Старой Ладоги. Этот стремительный прогресс поражал старых историков, обычно объяснявших его «влиянием» со стороны соседей Киевской державы. Теперь ясно, что и миф о «призвании варягов» — мнимых «создателей» древнерусской государственности и культуры, созданный монахом-летописцем и развернутый в XVIII—XIX вв. буржуазно-дворянскими историками в целую космополитическую «теорию»,— не находит ни малейшей точки опоры в истории русской культуры: она имела свои собственные корни.

Обширная территория Киевской державы, связанная лишь узами данни-ческой зависимости со своим южным центром, не представляла однородной картины в отношении своего социально-политического строя и культуры. Передовыми районами были Поднепровье с крупнейшим русским городом Киевом и Новгород на северном конце великого водного пути «из варяг в греки». Здесь раньше разрушались старые порядки и быстрее шел процесс феодализации. Но вне этой центральной артерии Киевской державы лежали земли славянских и неславянских племен, иногда еще не включенных в сферу политического и культурного воздействия Киева, подчас еще сохранявших значительные пережитки патриархально-родовых отношений и отличавшихся от Поднепровья более архаичной экономикой. Там господствовала и старая языческая идеология, также различная по уровню и характеру своего развития, сохранявшая иногда переживания более ранних стадий вплоть до тотемистических в своей основе представлений.

Киевская держава с боями расширяла свою территорию, включая в ее пределы земли этих племен, объединяя их единой властью киевского князя, втягивая их военные силы в большие походы на Византию и на западные берега Каспия, в борьбу на южных пограничьях Руси с грозными ордами печенегов. При Святославе и Владимире военное могущество Киевской державы особенно возрастает, военное дело быстро совершенствуется, меняется организация военных сил, начинается сооружение по степным рубежам Руси мощных оборонительных линий — гигантских поясов валов и крепостей. Наносятся мощные

удары по враждебным восточным соседям — Хазарской державе и волжским болгарам; русские владения простираются на далекий юго-восток вплоть до причерноморской Тмутаракани. В этой борьбе складывается понимание значения сильной княжеской власти для могущества родины: «[Владимир] единодержець быв земли своей, покорив под ся окрутныя страны овы миром, а непокоривыя мечем». Победы русских дружин стяжали им мировую славу. Она была вполне заслуженной — Русь отстояла не только свою независимость, но, остановив у своих границ печенежские полчища, спасла от их вторжения Византию и Западную Европу. Русь росла на берегу степного океана и крепла в борьбе с его разрушительным прибоем.

Киевская Русь являет нам сложную картину культуры переходного «дофеодального» периода. Мы наблюдаем борьбу старого и нового, отражающую борьбу двух укладов — быстро отживающего первобытно-общинного и развивающегося и побеждающего феодального. В каждой области культуры мы видим более или менее устойчивые пережитки прошлого, противостоящие с бо́льшим или меньшим упорством натиску нового, связанного с укреплением феодального строя. В области сельского хозяйства старое коллективное подсечное земледелие сменяется развитием пашенного хозяйства малой семьи; но охота и рыболовство сохраняют большой удельный вес. Решительное изменение претерпевает домостроительство — исчезают большесемейные жилища, уступая место полуземлянкам и избам малой семьи. В землях покоряемых племен возникают укрепленные княжеские городки и редкие еще села — центры княжеского и боярского феодального хозяйства, но дань еще остается ведущей формой эксплоатации сельского мира. Ремесло развивается, оставляя старые технические приемы и организацию и переходя к новым. В среде старых родовых поселков в VIII—IX вв. возникают поселения ремесленников и торговцев — будущие древнерусские города; многие старые поселения становятся крупными торгово-ремесленными центрами. Широкое развитие приобретает торговля, включающая Русь в торговое движение между Западной Европой и Средней Азией, между странами Балтики и Средиземноморского бассейна. Но внутри страны хозяйство остается натуральным и ведет не к сохранению единства Киевской державы, а к ее феодальному распаду.

В то же время в процессе быстрого развития феодальных отношений и углубления пропасти между господствующими княжеско-дружинными верхами и закабаляемыми низами города и деревни Киевская держава приобретает четкие формы государства. Уже восстание древлян и убийство князя Игоря толкает княгиню Ольгу на путь государственных мероприятий. «Умножение разбоев», т. е. стихийных вспышек протеста сельского населения, заставляет князя Владимира противопоставить им усиленные «казни».

Рождается феодальное право, утверждающее права господ и бесправие подданных. Необходимость держать массы в повиновении и спаять еще недавно свободные племена в единое государственное целое присоединяет к карающему

мечу власти силу «духовного меча» — религии. После неудачной попытки Владимира использовать для этой цели старое славянское язычество, господствующей религией становится христианство, проникшее в княжескодружинную среду задолго до официального «крещения Руси». Оно было закономерным результатом внутреннего развития страны. Утверждение христианства в его византийской форме было крутым и прогрессивным поворотом в культурном развитии древней Руси и обозначало коренную ломку старого во всех областях ее культуры. Развитие письменности и просвещения, быстрый расцвет литературы и искусства свидетельствуют о том, что элементы христианско-византийской культуры попали на вполне подготовленную и плодоносную почву и послужили новым стимулом быстрого прогресса. Христианство ускоряло оформление феодального строя и освящало его незыблемость, оно усилило и сделало постоянными связи древней Руси с Византией и государствами Центральной Европы.

Поэтому в культуре Киевской Руси, кроме борьбы укладов, осложняющей ее развитие, зарождается противоречие двух культур,— культуры господствующей княжеско-дружинной верхушки и культуры закабаляемых низов города и деревни. Мы видели разительную противоположность полуземлянок городского люда богатым хоромам знати, каменным дворцам и гигантским, по сравнению с избой, каменным храмам новой феодальной религии; эта противоположность двух культур проявляется в одежде и пище, в искусстве и мировоззрении. При этом если культура господствующего класса характеризуется определенным *единством*, то культура низов еще проникнута старыми, племенными *особенностями*.

Отживающая старина причудливо оплетает своими последними побегами явления новой феодальной действительности. Храбрец из простых кожемяк еще может войти в княжескую дружину и стать «великим мужем», но эта дружина уже требует серебряных ложек и гнушается деревянными. Киевский князь — владыка огромной территории, карающий своих подданных, еще устраивает шумные пиры со старцами градскими, заботится о нищих и открывает свои гридницы с полными яств столами, чтобы туда могли приходить «при князи и безь князя» даже городские десятские. Само византийское христианство переплетается с языческими представлениями, превращаясь в «двоеверие»; оно еще проникнуто духом жизнерадостного оптимизма, прекрасно выраженного в архитектуре и искусстве. Но при всем этом противоположность двух культур в X—XI вв. выступает с большой резкостью и силой.

Сказанное свидетельствует о том, что весь процесс развития культуры Киевской Руси, все его особенности и оттенки органически связаны с историей русского народа. Это культура самостоятельная и сильная, сложная и высокая. Мы видели утонченное мастерство русских ювелиров и грандиозные создания киевских зодчих, славу русских дружин и совершенство древнейших памятников литературы и их патриотический пафос. Все эти достижения русской культуры, порожденные русской исторической действительностью,

развивались не в изоляции от внешнего мира, но в активных и плодотворных связях с ним. Молодое, полное неиссякаемой творческой мощи Киевское государство использовало эти связи для своего усиления и для быстрого развития культуры.

Созидая ее, русский народ был прекрасно осведомлен о том, что творили соседние народы.

Волжский торговый путь был старше «пути из варяг в греки». Он приводил Русь в соприкосновение с ее ближайшими восточными соседями и народами далекой Средней Азии — наследниками древней цивилизации. По Дону и Волге русские купцы и воины достигали торжищ Итиля и крупнейшего центра ремесла и торговли «кавказского Багдада» — Бердаа. Культура народов Средней Азии и Кавказа не уступала культуре Западной Европы того времени, а во многом и превосходила ее, и Русь могла извлечь из этих связей много полезного для развития своей культуры.

Однако в формировании русской культуры особое и своеобразное место занимают культурно-политические связи с Византией. В старой буржуазно-дворянской историографии они изображались как одностороннее *влияние* Византии, как *вклад* передовой цивилизации в жизнь «отсталой» «варварской» страны, как *насаждение* имперской культуры на Руси, как *подражание* русских византийским образцам. Искусство Киевской Руси рассматривалось как «провинциальное ответвление» византийского искусства на русской почве; начало древнерусской литературы представлялось обязанным переводной литературе греков; русская музыка и ее древнейшие письменные памятники отдавались целиком влиянию Византии и т. д. Бесспорно, что Русь многим обязана византийской культуре, но достаточно присмотреться к тому, *как и что* черпала отсюда Русь, чтобы убедиться в ложности и тенденциозности этих реакционных, космополитических взглядов.

Наблюдая за этим процессом, мы видим, как смело русская культура *берет* новое, как из опыта других народов осваивается то, что двигает вперед, что обогащает ее, способствует ее росту и отвечает потребностям и уровню развития русского общества. И не случайно, что в своем культурном строительстве Киевская держава *обращается* к культуре Византии, самой *передовой* страны европейского средневековья, *к самым сложным и высоким «образцам»*. Эта культура была *по росту* русскому народу и отвечала *высоким запросам* его развития.

Не менее показателен активный, творческий характер этого восприятия. Русь использует взятое у Византии для борьбы с ней, для укрепления своей независимости от «восточного Рима». В своем киевском строительстве Ярослав соперничает с великолепием Константинополя. На гордых холмах над Днепром поднимаются огромные и величественные златоглавые каменные храмы. Софийский собор противополагается прославленному Софийскому храму Юстиниана. Золотые ворота Киева — триумфальная арка в его неприступных валах — демонстративно носит имя Золотых ворот Царьграда, созданных императором

Феодосием. В ансамбль киевских площадей включаются пышные каменные дворцы и античные скульптуры, вывезенные Владимиром из Херсонеса. За образец древнейшего русского чекана столь же демонстративно берутся монеты византийских императоров, но на них изображается глава Киевской державы — князь, и подпись гласит: «Владимир на столе, а се его серебро». Только что христианизированная Русь стремится заявить о своей церковной самостоятельности избранием русского митрополита Илариона и организацией, вопреки сопротивлению греков, своего русского пантеона «святых». Древнейшие грандиозные памятники архитектуры Киева обнаруживают глубокое русское своеобразие: они стоят в первом ряду мирового искусства со своим определившимся национальным лицом. Пышные византийские ткани входят в обиход княжеско-дружинной знати, но из них шьют традиционные русские богатые одежды. В роскошных ювелирных предметах феодального убора русские эмальеры и златокузнецы превосходят своих византийских собратьев, и их мастерству удивляются знатоки искусства в Западной Европе.

Таково действительное значение «византийского влияния». В киевском эпосе есть образ богатыря, который в бою берет оружие врага и им поражает его. Этот образ прекрасно выражает и суть русско-византийских связей. Русь выступает не как «провинция» Византийской империи, но как могучее равноправное с нею государство — Киев мыслился как соперник Царьграда.

Едва ли не наиболее ярким проявлением активного и самостоятельного характера русской культуры X—XI вв. является выработка определенной концепции начальной истории Киевской державы, проникнутой глубоким патриотическим смыслом. Истоки этой концепции лежали в дописьменной фольклорной традиции, в дружинной поэзии, в родовых преданиях знати, в легендах и сказаниях о событиях и героях, связанных с городами и селами, урочищами и могилами Русской земли. В этих преданиях запечатлевались образы героической старины, грозные походы Руси на Царьград, идеализированные воинские подвиги первых русских князей. Характерно, что уже в этих древнейших устных истоках литературы звучит нота высокого патриотического сознания, а в договорах с греками отражена мысль о единстве русского народа («языка»). Эти идеи получают расцвет в княжение Ярослава в борьбе с попытками Византии превратить Русь в свою культурную и политическую провинцию. Не случайно византийский писатель Михаил Пселл писал, что русское «варварское племя всегда питало яростную и бешеную ненависть против греческой игемонии». Злоба врага — лучшая похвала. Древнейший Киевский летописный свод 1039 г., дающий первый опыт истории молодого русского народа и прославляющий его князей, а особенно Владимира и крещение Руси, «был тем дипломатическим и юридическим актом, которым русские заявили о своем равноправии всем народам Европы» (Д. С. Лихачев). В Слове о законе и благодати митрополита Илариона выступает собственная, противоположная византийской, русская концепция всемирной истории и исторической миссии русского народа.

С законной гордостью называя имена победоносных предков «великого кагана Владимира» — «старого Игоря» и «славьнаго Святослава», митрополит Иларион отметил оставленную ими неувядающую память: они «мужьством же и храбрьствомь прослуша в странах многах и победами и крепостию поминаються ныне и словуть. Не в худе бо, и не в неведоме земли владычьствоваша, но в русьской, яже ведома и слышима есть всеми коньци земля...»

Такой представлялась Русь и ее значение самим русским людям. Патриоты своей родной земли и созидатели ее силы — они могли переоценить ее успехи. Но с ними согласны и соседи Руси, которых тревожил быстрый рост Киевской державы и которые не имели основания преувеличивать ее значение в судьбах средневекового мира.

Отношение Западной Европы к державе Владимира и Ярослава сказывается уже в обращенных к Владимиру словах папского проповедника, приведенных в летописном рассказе о выборе веры: «рекл ти тако папежь: „земля твоя *аки земля наша*, а вера ваша не аки вера наша“». Русь представляется западным соседям как могучее суверенное государство на востоке. Ярослав Мудрый — «король руссов Георгий Славянин» часто занимает внимание французских летописцев. Французские сказители эпоса прославили богатство Руси: оттуда шли на Запад драгоценные шелковые ткани, «русские плащи» — корзна, «русские соболя», «русские боевые кони», «добрые кольчуги, сделанные на Руси», «тонкое лучшее русское золото» и другие «великие товары». Иносказательное выражение «даже за русское золото» в смысле «ни за что на свете» достаточно отражает представления об экономической силе Киевской державы. Военная сила Руси воплотилась во французском эпосе в образе богатыря «исполинского роста в четырнадцать футов с прекрасной гривой русых курчавых волос, рыжеватой бородой и лицом в [боевых] рубцах». Французская поговорка «итти на Русь» означала вообще гибельный поход, а во французском эпосе она называлась «Русью великой» или «Русью широкой».

Не случайно поэтому, что уже в конце X и начале XI вв. начинается усиленный приток в Киев посольств от ближайших ее соседей — из Венгрии, Чехии и Польши, с которыми Русь, расширив при Владимире свои земли до Карпат, Побужья и Посанья, приходила в непосредственное соприкосновение. Шлет своих послов и глава католического мира — римский папа. Император Генрих II, а затем Генрих III, при котором Германия достигает известного единства, пытаются привлечь могучую Русскую державу в качестве союзника в борьбе с Польским государством. Особенно вырастает международное значение Киевской Руси при Ярославе. При дворе Ярослава находят себе пристанище Олаф норвежский, его брат Гаральд Хардради, впоследствии ставший норвежским королем, сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, изгнанные Канутом датским. Брачные узы связывают киевский княжеский дом с крупнейшими государствами Запада — с Францией, Германией, Скандинавией, Польшей, Венгрией, Чехией и с Византией. Слава дер-

жавы Ярослава заставляет короля далекой Франции — Генриха I Капетинга искать связи с его домом, чтобы заручиться сильным союзником в борьбе с Империей; за невестой будущего французского короля Филиппа I Анной Ярославной было послано торжественное посольство; воспоминание о нем и о встрече с Ярославом долго жило в памяти французских хронистов. Русская княжна, став королевой Франции, «Анной региной» играла немалую роль в период начинающегося подъема капетингской Франции.

Быстро достигшая высокого уровня культуры и военно-политического могущества, Киевская Русь оказывает влияние на культуру своих ближайших западных соседей — Польши, Венгрии и Чехии. Экономические связи с Русью были немаловажным фактором в развитии городов Центральной Европы; торговля с Киевом обусловила, в частности, рост такого центра, как Регенсбург.

Киевская Русь заложила прочный фундамент для дальнейшего развития русской культуры. Распространившись в XI—XIII вв. по всей территории Руси, киевское культурное наследие приобрело более широкое значение и послужило основой единства последующего сложения культуры трех великих братских народов — великорусского, украинского и белорусского.

2

В XI столетии процесс феодализации захватывает всю территорию Киевской державы. Восстания смердов в Киеве, Новгороде, верхнем Поволжье вплоть до далекого Белоозера — первые классовые битвы в русской истории — отмечают победу феодализма на Руси. На широких просторах Киевской державы начинают складываться и крепнуть новые феодальные полугосударства — княжества со своими стольными городами, со своей феодальной знатью, со своими культурно-экономическими связями и политическими интересами. Следом за Новгородом и Полоцком обособляются области Смоленская, Волынская, Ростово-Суздальская, Черниговская и другие.

В старой дореволюционной буржуазно-дворянской историографии господствовала мысль, что с распадом Киевской Руси наступило «распыление» киевского культурного наследия, «столичное» сменилось «провинциальным», прогресс сменился упадком, усилилась изолированность «отсталой Руси» от «передовых» стран средневекового мира. Указывалось, что, в отличие от Западной Европы, русские города и городское ремесло были слабо развиты, что на этой почве рождалась политическая слабость городского населения. Подобная точка зрения отразилась и в известном положении М. Н. Покровского о «разложении городской Руси», какой была, по его мнению, Киевская Русь, и сложении в период феодальной раздробленности Руси «деревенской».

В действительности распад Киевской державы свидетельствовал отнюдь не об упадке, а, наоборот, о дальнейшем прогрессивном развитии Руси как в

области экономики и культуры, так и в отношении социально-политического строя. В оболочке «империи Рюриковичей» созрели новые хозяйственно-политические организмы полугосударств-княжеств, или, как их называл В. И. Ленин, «национальных областей» со своими городскими центрами. Отмерла лишь старая форма, мешавшая развитию новых феодальных отношений.

Для развития русской культуры сложились новые своеобразные условия, отличные от условий предшествующей поры. Киевское культурное наследие попадало на новую почву. В Новгородской земле и Суздальщине, Рязанском княжестве и Галицкой земле были свои, отличные от Поднепровья культурные традиции. Каждая феодальная область имела свои особые связи с внешним миром. В своеобразных местных условиях феодальный строй приобретал индивидуальные черты — в Новгороде он вылился в формы феодальной республики, во Владимирской и Галицкой земле сильная княжеская власть вступила в длительную борьбу со своевольным боярством. Экономическая и политическая замкнутость противопоставляла каждое княжество соседним русским землям. Таковы были главнейшие новые условия, создававшие возможность «распыления» русской культуры. Однако этого не случилось: при всем своеобразии местных особенностей исторического развития XI—XIII вв. русская культура предстоит перед нами как целостная и мощная. Это было обусловлено рядом причин. Среди них на первое место должно быть поставлено развитие русского города.

Как было показано (см. т. I, гл. 2 и 3), древнерусское ремесло и древнерусский город как в X—XI, так и в XI—XIII вв. продолжали быстро и неуклонно развиваться. Почти каждое открываемое раскопками городское жилище этой поры является жилищем ремесленника той или иной профессии, вновь и вновь убеждая в большом значении ремесла и ремесленно-городского населения в социально-экономической и культурной жизни страны. «Культура русских княжеств XII—XIII вв. предстоит перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью, быстро совершенствующей свою технику» (Б. А. Рыбаков). Представление об исключительно аграрном характере Руси должно быть оставлено.

С развитием и ростом числа городов вырастает и новая крупнейшая общественная и культурная сила — горожане — ремесленники и торговцы. Они создают определенное единство русской материальной культуры на всей необъятной территории Руси. От Мурома до Гродно, от Старой Ладоги до причерноморской Тмутаракани мы встречаем в XI—XIII вв. в основном одинаковый состав типичных вещей городского быта. Русские мастера не замыкаются в границах своего княжества, они живо интересуются работой своих собратьев из других земель. Опыт смоленских и полоцких зодчих используют новгородские и псковские строители, галичские мастера работают во Владимире на Клязьме, смольняне — в Киеве и Чернигове. Город оказывает свое воздействие и на деревенское ремесло, содействуя его развитию, выработке общих технических

приемов, производству вещей городского облика. Таким образом, развитие ремесел и искусств, равно как и интересы торговли, вступали уже в это раннее время в противоречие с силами феодального дробления и изоляции и были элементами центростремительных тенденций в развитии русской культуры.

Вторым условием ее единства является общность для всех феодальных княжеств киевского культурного наследия. Оно выступает, как мы видели, решительно во всех сторонах культуры: в художественном ремесле, развивающем и перерабатывающем блестящие традиции мастеров Киева, в названиях урочищ новых феодальных городов, стремящихся напомнить о своей связи с «матерью градов Русских» Киевом, в областном летописании, неизменно отправляющемся от Повести временных лет, в архитектуре и живописи, исходящих от установленных в Киеве норм, и т. п. Особенно же драгоценным в составе этого общерусского наследства были элементы сознания единства русского народа.

Наконец, при всех местных особенностях жизни княжеств были налицо общие черты, которые объединяли всю Русскую землю как Русь феодальную. Облик городского и сельского населения и строй общественных отношений XI—XIII вв., далеко не похожий на то, что было в Киевской Руси, более или менее одинаков для различных областей: четкая лестница степеней феодального господства и подчинения твердо определяла положение различных категорий господствующего класса, закрепощаемого крестьянства и горожан. Стольные города новых полугосударств-княжеств — центры культуры XI—XIII вв.— имели много общего: все они резко отличались от старых «столиц» Киевской державы, Киева и Новгорода, по своему масштабу и характеру; их население более устойчиво и менее многолюдно, оно живет интересами своего княжества, обмежованного узкими границами замкнутого феодального мирка; более или менее одинаковым был внешний облик города — его определяли крупные феодальные гнезда и строго очерченные границы ремесленных кварталов. Эти общие условия развития наложили свой отпечаток даже на те стороны культуры, в которых с наибольшей ясностью выразились силы феодального дробления. Так, в архитектуре и живописи, где ярко определились областные школы, мы могли видеть и их *общие* стилистические черты; в каждом феодальном центре XI—XIII вв. архитектура решала *общие* новые задачи, разрабатывая новые типы зданий; масштабы храмов становились скромней, равно как в их внутреннем убранстве драгоценная мозаика сменялась более простой и доступной фресковой росписью. В живописи усиливались отвлеченная условность и аскетический идеализм.

Таким образом, тенденциям феодального «распыления» русской культуры XI—XIII вв. противостояло развитие городов и городского ремесла, единство киевского культурного наследия и, наконец, сходство общих условий феодального строя во всех областях Руси. Благодаря этим условиям русская культура XI—XIII вв. при всем *многообразии* и богатстве местных, областных оттенков сохраняет свое *единство*.

Суждения об «упадке» или «отставании» русской культуры периода феодальной раздробленности основаны на формальном антиисторическом понимании *нового характера* культурного развития в XI—XIII вв. В сущности здесь речь идет о господствующей феодально-церковной культуре, которая действительно утеряла величие и пышность эпохи Киевской державы, свою замкнутость и разительную противоположность культуре народной. Если новые города уступали Киеву по своим масштабам и богатству, если архитектура не создавала более гигантских соборов, равных Софии, если в прикладном искусстве золото часто сменялось серебром, то факты подобного рода лишь при поверхностном взгляде могут быть оценены как проявления регресса. Высокая культура Киевской Руси, развивавшаяся лишь в нескольких крупнейших городах и при княжеско-дружинных дворцах, теперь распространяется *вширь*. Киевское культурное наследие передается в многочисленные большие и малые города всех русских княжеств, в его развитие включаются все более широкие местные силы. Просвещение и грамотность развиваются теперь во многих городах и монастырях отдаленных районов Руси; грамотность, как мы знаем по данным археологических раскопок в Новгороде, становится достоянием и простого городского люда. Иными словами говоря, культура *глубже* проникает в толщу народных масс. И это является крупнейшим прогрессивным явлением, связанным с периодом феодальной раздробленности.

Естественно, что в этих условиях в феодально-церковную культуру господ, вопреки их субъективным устремлениям, все сильнее проникали народные черты; это облегчалось тем, что создателями драгоценных уборов знати, художниками икон и росписей, зодчими храмов и дворцов были мастера, вышедшие из народной среды. Мы знаем новгородских ювелиров Косту и Братилу, черниговского художника — литейщика Константина, киевского мозаичиста и живописца Алимпия, холмского скульптора Авдия, зодчих Великого Новгорода Петра и Корова Яковлевича, полочанина Иоанна, киевлянина или смольнянина Петра Милонега. Это, конечно, лишь незначительная часть того множества русских мастеров, которые были вызваны к жизни из толщи народа новым этапом исторического развития. Творчество этих мастеров было весьма смелым и новаторским; они свободно и своеобразно истолковывали и перерабатывали киевские традиции, быстро двигали вперед все отрасли культуры. В архитектуре и живописи идет коренной пересмотр киево-византийских канонов в сторону новых, русских эстетических идеалов; даже в церковное искусство проникают еще слабые струи реализма, вступающие в противоречие с мертвой отвлеченностью церковных преданий; на стенах княжеского храма Спаса Нередицы новгородский художник смело и сатирически изображает притчу о богатом в адском пламени и бедном — в раю. Все это создавало то богатство и своеобразие местных оттенков в архитектуре и живописи, литературе и прикладном искусстве, которое характерно для XI—XIII вв. Вместе с тем ослабляется замкнутость и ограниченность господствующей феодально-христианской культуры, хотя,

разумеется, она продолжала оставаться культурой феодальных верхов. Раскрытие местных особенностей во всех областях культуры обогащало ее и подготовляло их слияние в последующий период в более высоком синтезе русской национальной культуры.

Время с середины XI и до XIII столетия отмечено не менее высокими достижениями культуры, чем Киевский период. Достаточно вспомнить Повесть временных лет и Слово о полку Игореве, Георгиевский собор мастера Петра в Новгороде и церковь Покрова на Нерли, фрески Спаса-Нередицы и владимиро-суздальскую скульптуру, чтобы стало ясным, какой новый драгоценный вклад в мировую культуру сделала Русь этой поры.

Западные соседи и теперь хорошо знали Русь и прекрасно оценивали ее растущую силу. В борьбе империи и папства, разгоревшейся во второй половине XI в., противники ищут союза с Русью, в Киеве появляются агенты папы и императора. В XII—XIII вв., когда слава Киева меркнет и поднимается его северный соперник Владимир, папские посольства едут в новую столицу; сила Владимирской земли играет немаловажную роль в борьбе Византии с венгерским королем и его союзниками в середине XII в. Особенно же хорошо знали на Западе пограничную Галицкую Русь, боровшуюся против покушений западных соседей за свою самостоятельность, а в годы мира поддерживавшую с ними тесные культурно-экономические связи. О богатстве Галицкой Руси пели сказители французского эпоса; венгерский король дивился красоте и величию укреплений Владимира-Волынского, а немцы изумлялись невиданному боевому снаряжению конницы Даниила галицкого; в так называемой Энциклопедии Варфоломея англичанина (первой половины XIII в.) сообщалось, что Галиция очень большая и богатая область, якобы занимающая бóльшую часть Европы. Русь использовала западные связи для своих растущих потребностей. Как говорилось выше (гл. 8), «романские черты» в убранстве белокаменной архитектуры Владимира и Галича позволяют предполагать, что к их обширному строительству были привлечены, кроме своих мастеров, и романские зодчие. Дореволюционные историки, считавшие русскую культуру извечно «отстающей», видели в этом новый «факт» на сей раз «западного влияния». Однако использование на строительстве мастеров различных стран было типичным и для самих западноевропейских государств того времени; так, например, церковь Варфоломея в Падерборне строили греки, мастера из различных земель были приглашены для постройки собора в Шпейере, в Монте-Кассинском аббатстве строили мастера из Амальфи, Ломбардии и Византии. Таким образом и в этом смысле и Владимир и Галич не были «ниже» стран Западной Европы.

Соприкасаясь с культурой соседей и используя ее, Русь и в XI—XIII вв. шла своим самостоятельным путем. В XI в. усилившиеся связи с Западом и проникновение в Киев явных и тайных агентов католического мира вызвали противодействие со стороны русской церкви, открывшей полемику против «латинян». Столетием позже (ок. 1150 г.) краковский епископ Матвей писал известному

деятелю католической церкви Бернарду Клервосскому о возможностях католической пропаганды на Руси: «Он [русский народ] не желает сообразоваться ни с латинской, ни с греческой церковью, но, отделясь от той и другой, не пребывает ни с одной из них в общении таинств». Это замечательное признание показывает, что русские князья, ведя сложную дипломатическую игру с папскими легатами и послами соседних стран, стремились обеспечить самостоятельность и независимость русского культурного развития как от католического, так и от византийского мира. Те же «романские» черты во владимирском зодчестве XII в. были своеобразным выражением отхода от киево-византийских традиций и борьбы с византийской «игемонией» за самостоятельность культурно-политического развития Русской земли. Она имела к этому все основания. Выше мы видели, что судьбы ее высокой и своеобразной культуры прочно держали в своих руках русские мастера, зодчие, художники и писатели.

На почве продолжающегося роста русской культуры и ее многоликого единства развивается и идея объединения Русской земли, усиливающаяся в противовес ее политическому дроблению, растущая, как протест против ослаблявших Русь кровавых усобиц. Мысль об единстве русского народа и осуждение междоусобной вражды князей проникают русский фольклор. Эти же идеи развивает русская литература. В обстановке усиливающейся феодальной розни и натиска степняков конца XI начала XII вв. киевское летописание проникается тревогой за судьбу родины: «Почто вы распря имате межи собою, а погании губять землю Русьскую?» — обращается к князьям автор Начального свода 1095 г., противополагающий окружающей его феодальной действительности идеализированный образ старой Киевской державы и ее князей. В Повести временных лет — величайшем памятнике русского летописания — также с огромной силой звучит призыв к единению русских сил перед лицом половецкой опасности. Со страниц Повести встают героизированные образы «отцов и дедов» современных князей, «трудом великим и храбрьством» строивших Русскую землю; Повесть пропагандирует и идею сильной княжеской власти, способной преодолеть рознь и распад Руси. Летописание сыграло в истории русского народа огромную воспитательную, организующую и объединяющую роль, и в этом смысле с русской летописью несравнима роль западноевропейских хроник и анналов. Первый русский паломник, современник Мономаха игумен Даниил мыслит себя на чужбине представителем всей Русской земли в целом — «русские земли игуменом» и ставит у «гроба господня» «кандило» «от всея русьскые земли». Наконец, пламенный «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монгол» (К.Маркс) воплощается в Слове о полку Игореве. Оно глубоко чуждо каким-либо областным интересам, его героем является *вся* Русская земля, добытая и устроенная великим трудом *всего* русского народа. Придворный «песнотворец Святославль» выразил в своей гениальной поэме чаяния всего народа, и в этом глубокая символичность Слова для культуры его эпохи.

В XII—XIII вв. мы видели и попытки осуществить эти объединительные идеи. Сильнейшие княжеские династии северного Владимира и южного Галича вступают в борьбу с феодальной знатью и пытаются подчинить другие княжества единой великокняжеской власти. Эта борьба, идущая в направлении интересов города и крестьянства, находит поддержку горожан. В политике Андрея Боголюбского и Даниила галицкого мы с полным правом видим тот «союз королевской власти и буржуазии», который отметил для западноевропейского средневековья Ф. Энгельс; сильная княжеская власть являлась «представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства».[1]

Итак, русская культура в новых условиях феодальной раздробленности шла по пути дальнейшего расцвета. Этот период в истории русского народа отнюдь не был временем упадка культуры. Напротив, образование самостоятельных княжеств, занявших всю Русскую землю до ее дальних окраин, повлекло к созданию новых многочисленных очагов культуры и просвещения и вызвало к жизни свежие местные силы. Господствующая феодально-христианская культура ближе и непосредственнее соприкасается с культурой народа, обогащается, становится более сложной и многообразной, в ее развитии кристаллизуются элементы русской национальной культуры. Крупнейшей силой этого прогресса являются русские города — центры высоко развитого ремесла и торговли; они были той почвой, на которой рождались и крепли антифеодальные силы и мысли об единстве Русской земли. В классовой борьбе с феодалами горожане отстаивали свои права и поддерживали объединительную политику сильнейших князей. Однако эта рано начатая борьба еще не могла преодолеть центробежных сил феодализма, и русские полки оказались разъединенными перед лицом монгольского нашествия.

Все сказанное свидетельствует, сколь беспочвенны утверждения старой буржуазно-дворянской науки о «распылении», «упадке» и «отставании» русской культуры в XI—XIII вв., сколь лжив и позорен созданный ею миф о «европейских недочетах русской исторической жизни» (В. О. Ключевский). Нельзя при этом забывать и того, что русская культура развивалась в условиях наредкость неблагоприятных. Положение Руси на крайнем востоке Европы лицом к лицу с кочевой степью, постоянная изнурительная борьба с печенегами, торками, половцами,— все это отнимало много сил, и можно лишь поражаться исполинской творческой энергии русского народа, строившего свою культуру в постоянных боевых тревогах с мечом у пояса и сумевшего не только удержать ее на общеевропейском уровне, но в некоторых отношениях и превзойти его.

---

[1] *Ф. Энгельс.* О разложении феодализма и развитии буржуазии. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 445.

3

На фоне феодального дробления Руси с особой яркостью выступают два мощных политических организма, которые сумели проявить централизующую силу широкого масштаба — это Владимирское княжество и Великий Новгород.

Значение Ростово-Суздальской земли быстро росло параллельно постепенному падению значения Киева. Уже Юрий Долгорукий, при котором на северо-востоке возникло несколько новых городов, попытался поставить «мать градов русских» в зависимость от его власти; в итоге длительной и кровавой борьбы, в которой «раздьрася вся земля Руськая», он овладел киевским златокованным престолом. Его наследник Андрей Боголюбский, опираясь на растущие силы горожан новых городов, еще выше поднимает авторитет своей земли; он делает ее столицей Владимир, противополагаемый не только старым городам северо-востока Ростову и Суздалю — оплотам сильного местного боярства, но и самому Киеву. Столица Андрея претендует стать церковным и политическим центром Руси, объединенной под эгидой могущественного «владимирского самовластца». Значение этого события в истории русского народа и его культуры огромно: набиравший силы новый политический центр Руси совпадал с центром формирования великорусской народности. Еще при жизни Юрия князь Андрей, исполняя его волю, построил крепость Москвы. «Князь, город, люди» — эта формула, звучащая в церковно-политической литературе времени Андрея, раскрывает классовую основу его политики: горожане и молодое княжеское дворянство поддерживают великодержавные притязания владимирской династии. В тех же памятниках владимирской церковной литературы звучит мысль о борьбе с «тьмой разделения нашего», т. е. о преодолении сил феодального распада. При преемнике Андрея Всеволоде III могущество Владимирской земли достигает своей вершины. В глазах певца Слова о полку Игореве Всеволод — крупнейшая сила, способная объединить враждующих князей; его полки могут раскропить веслами Волгу и вычерпать шеломами Дон. Однако после смерти Всеволода единство и сила Владимирской земли разрушаются победой центробежных тенденций: держава Мономашичей в XIII в. повторяет в иных условиях историю конца Киевской державы — новые созревшие местные городские центры северо-востока становятся столицами удельных княжений. Но все же и теперь не сужается политический кругозор стольного Владимира: накануне несчастной Липецкой битвы Всеволодовичи намечают грандиозную программу концентрации в своих руках важнейших жизненных центров Руси — Новгорода, Смоленска и Галича,— программу, являющуюся дальнейшим развитием политического курса владимирской династии XII в. Наконец, в последние полтора десятилетия перед монгольским нашествием полки Ярослава и Юрия Всеволодовичей участвуют в обороне далеких от их волости западных границ Руси от немцев и литвы, как бы подготовляя блестящие успехи военного гения Александра Невского.

Такова в самых общих чертах деятельность владимирских князей, направленная на объединение русских сил под гегемонией Владимирской династии. Ее политика, опережавшая развитие экономических основ жизни, ускорялась в значительной степени необходимостью обороны Руси от врагов с востока, юга и запада. Поэтому путь «союза королевской власти и буржуазии» (Ф. Энгельс), который был единственным путем к объединению и подчинению «бунтующих князей», был тяжек и требовал огромного, часто бесплодного напряжения сил. Поэтому и успехи этой борьбы были неустойчивы, силы феодального дробления, будучи подавляемы, поднимались вновь, уничтожая достигнутое. Но этот путь был все же глубоко прогрессивным,— он отвечал интересам страны и стремлениям народа. Вот почему XII—XIII столетия были свидетелями сверкающего и стремительного расцвета культуры Владимирской земли.

Он нашел наиболее яркое выражение в стяжавших себе мировую славу памятниках зодчества, проделавшего за короткий срок блистательную эволюцию. Его художественное совершенство и идейная насыщенность были обязаны тесной связи архитектурного искусства с очерченной выше политической борьбой: вместе с литературой, религией, живописью зодчество служило целям пропаганды могущества владимирских самовластцев и церкви и правомерности их великодержавных притязаний. Неустанное строительство вовлекало в свой поток новые и новые силы горожан-ремесленников, содействуя росту ремесел и искусств. Во Владимире, Боголюбове, Суздале, Юрьеве работали владимирские зодчие, каменщики, резчики-скульпторы, литейщики меди и олова, ювелиры и керамисты; во фресках Дмитриевского и Суздальского соборов мы видели работу местных художников-монументалистов. Мы так же могли наблюдать, как в зодчестве конца XII и XIII вв. растет самостоятельность мастеров, как в торжественное и представительное искусство князей и церкви все более широко входят светские элементы и народные вкусы, свидетельствующие о растущем значении молодой антифеодальной силы — горожан.

Точно так же и владимирская литература была неразрывно связана с политической жизнью Владимирской земли и посвящена оправданию ее исторической миссии. Владимирское летописание обосновывает правомерность переноса столицы с юга на север, доказывает политический приоритет стольного Владимира и «божественную природу» самовластия владимирской династии. «Летописатель владимиро-суздальский всецело принадлежит миру и злобе дня, а учение церкви в руках его есть орудие против врагов родного города и господина князя и на защиту их правоты во что бы то ни стало» (И. Хрущев). Даже в скованной каноническими нормами церковной литературе появляются новые черты. В Сказании о чудесах Владимирской иконы богоматери, составленном владимирскими церковниками в 60-х годах XII в., сказывается интерес к реалистическому изображению жизни, порой звучит безыскусственный народный язык и юмор. В литературные памятники, связанные с новым владимирским культом «покрова богородицы», вплетаются злободневные политические темы

о «небесной защите» града-Владимира, его «людей» и князя. В Повести об убиении князя Андрея житийный жанр ослабляется драматической силой и реалистической обстоятельностью изложения. Героем владимирского летописания является не только княжеская власть: на страницах летописи появляется и народ; его роль запечатлена в рассказе о восстании 1174 г. после убийства князя Андрея и в описании событий междукняжия, в которых «являются деятелями целые массы», владимирские «мизинные люди» — горожане. Характерно, что в XIII в. летописание становится более светским, в своде 1212 г. модернизируется церковная лексика и заменяются устаревшие и малопонятные слова. Владимирская литература дает, наконец, замечательное Моление Даниила Заточника — апологию сильной княжеской власти и прав молодого княжеского «дворянства», как бы предвосхищающую идеи публициста XVI в. Ивана Пересветова.

Значение культуры Владимирской земли состоит в том, что уже **в XII—XIII вв. все ее силы** и средства были направлены к еще далекой задаче объединения Руси, для решения которой пока не созрели исторические условия: города были слабее деревенской стихии, а экономические связи еще не достаточно размыли феодальные рубежи. Однако эти новые антифеодальные силы были подняты владимирскими князьями и включены в борьбу с феодальным дроблением внутри и вне Владимирской земли. Исторический опыт показал, что эта борьба возможна; он показал и ее средства — в сплоченном действии меча войны и дипломатии, церкви и литературы, архитектуры и искусства.

Иначе сложились пути культурного развития Новгородской земли. Борьба новгородского боярства, иной раз в союзе с князем, уже в XI в. приводила к попыткам порвать политическую и экономическую зависимость от Киева. Эти тенденции были официально признаны при Ярославе. Но эта борьба скоро переходит в новую фазу. Городские движения начала XII в., завершившиеся крупным восстанием 1136 г., поставили княжескую власть в зависимость от веча: князь стал наемным военачальником города, до мелочей ограниченным в правах. Гегемонию в политической и хозяйственной жизни города и всей земли захватывает крупнейшее новгородское боярство. В лице посадника и совета господ складывается новый государственный аппарат, целиком находящийся в руках боярской олигархии.

Хотя вечевой строй и был использован боярством и крупнейшим купечеством в классовых интересах, все же он давал некоторый доступ к участию в политической и общественной жизни Новгорода более широким слоям городского населения. Для новгородского ремесла характерно преобладание свободных городских ремесленников — их было больше, чем ремесленников-холопов. В Новгороде, как было показано (см. т. I, гл. 2), появились раньше, чем в других центрах древней Руси, зародыши цеховой организации ремесла (братства). Бурные выступления горожан, направленные то против княжеской власти, то против чрезмерной эксплоатации боярством, нередко потрясали весь государ-

ственный механизм Новгородской феодальной республики. Вся история Новгорода представляет непрерывную цепь обостренных классовых столкновений, втягивавших в свое русло не только городское, но и сельское население, защита интересов которого иной раз становилась лозунгом городских движений.

«Господин Великий Новгород» уже в XI—XIII вв. развил энергичную колонизационную деятельность в область далекого Заволочья. Новгородские данщики проникали на Печору и в Югру, которые Новгород считал своими «волостями»; данниками Новгорода были и народы «Терского берега». Новгородские поселения в XII в. появились на берегах Северной Двины, продвигаясь к берегам Белого моря. Таким образом, новгородская боярско-купеческая колонизация способствовала распространению русской культуры на широкие пространства севера.

Своеобразие социально-политического строя Новгорода накладывало значительный отпечаток на характер и развитие материальной и духовной культуры, особенно в конце XII—XIV вв.; здесь культура захватывала значительно более широкие массы городского и отчасти сельского населения. Проникая в народную среду, культура Новгорода вместе с тем впитывала в себя соки народной жизни и сама проникалась больше, чем культура Киевской или Владимиро-Суздальской земли, чертами подлинной народности. Наряду с культурой господствующих феодально-боярских верхов, в Новгороде развивалась богатая и своеобразная городская культура — культура городских ремесленных демократических слоев. Эта особенность новгородской культуры выступает во всех областях. Для каменного строительства Новгорода уже с середины XII в. становятся характерными, в отличие от изысканных, но единичных построек великокняжеского Владимира, небольшие, скромные по убранству, но строящиеся десятками постройки. В строительство втягиваются не только представители крупного боярства, но и широкие массы уличан в лице различных городских корпораций. Предельная простота, даже некоторая грубоватость архитектурных форм, скупая лаконичность средств художественного выражения и вместе с тем определенная интимность этих памятников новгородского зодчества XII в. выражают, с несомненностью, вкусы их строителей-горожан. Новгородская архитектура является гораздо более демократичной по сравнению с зодчеством Киева и особенно Владимира.

Точно так же и новгородская живопись, определившаяся в XII в. как крупнейшая местная школа, несет на себе выразительный отпечаток народных вкусов, а может быть, и народного искусства. В икону и церковную монументальную живопись новгородские художники смело вносят любовь к мажорной, яркой красочности, «звонкости» чистых, несмешанных тонов; грубоватость и могучая экспрессия человеческой фигуры, русский облик лиц святых, интерес к реалистическим подробностям, проникающий в отвлеченный мир церковного искусства,— все это делает новгородскую живопись характернейшим явлением культуры великого ремесленного города.

Но особенно ярко прорывается идеология свободных горожан в новгородском рукописном наследстве. Многие из новгородских рукописных книг переписывались не церковниками, но руками светских писцов-ремесленников. Они не уступают по каллиграфическому мастерству рукописям, вышедшим из монастырских и церковных мастерских, но на полях этих рукописей нередко можно встретить драгоценные приписки мастера-писца, свидетельствующие о весьма вольном, иной раз примитивно-атеистическом отношении к религиозным вопросам и к священному значению самой церковной рукописи. Здесь же на полях рукописей можно встретить и сделанные писцом реалистические рисунки бытового содержания с соответствующими, порой наивно-циничными текстовыми пояснениями. Эти бытовые приписки и рисунки живо отражают дух городской ремесленной среды Новгорода, в которой столетием позже разовьются новгородские ереси и критика феодальной церкви.

Свое индивидуальное лицо приобрела и литература Новгорода. Ее особенности ярко проявились в новгородском летописании. В отличие от владимирской летописи, направленной на формулировку и доказательство определенной политической концепции — приоритета Владимирской земли, общерусского значения и прав владимирской династии,— новгородская летопись проникнута резко антикняжеской тенденцией и вместе с тем лишена широкого политического кругозора: ее интересы ограничены жизнью самого Новгорода, в которой летописца привлекают и крупные события, и мелкие бытовые факты. В то же время в новгородском летописании менее, чем в летописании других областей, сказывается церковный дух. Краткость и выразительность языка, черты народного просторечия, точность и деловитость изображения событий, словом, весь стиль новгородской летописи отражает ту же общественную среду горожан, могучий дух которой проявился с такой силой в архитектуре, живописи и других сторонах культуры.

Именно в силу быстрого и массового роста городского ремесла, широкого и активного развития новгородской торговли, концентрации огромных богатств в руках новгородской знати Новгород оказался передовым европейским городом по своей материальной культуре и благоустройству. Как мы видели выше, здесь раньше, чем в Париже и Лондоне, появилось и было широко применено регулярное замощение улиц и площадей; уже в XI—XII вв. не только на княжом Ярославовом дворище, но и в других районах города действовали сложные системы водопроводов и дренажей, создавалось своего рода «подземное хозяйство» и т. д.

Значение культуры Новгорода Великого XI—XIII вв. состоит в том, что в силу особенностей его исторического развития здесь более, чем где-либо на Руси, во все области господствующей феодальной культуры проникали народные элементы. Отсюда ее богатырская мощь и широкий размах, отсюда высота ее достижений. Именно благодаря этому Новгород уже в это время стал величайшей сокровищницей русской материальной и духовной культуры. Но ее

подлинными хозяевами оставалась боярско-купеческая олигархия, новгородский патрициат, проявивший уже в первое столетие своего господства стремление к своекорыстной и ограниченной изоляции и ставший в дальнейшей истории русского народа наиболее сильным тормозом его объединения.

Такова культура двух наиболее мощных и передовых феодальных центров Руси XI—XIII вв.— Владимира и Новгорода. Темп социально-экономического и культурного развития Руси XI—XIII вв. в целом не был более медленным по сравнению со странами Запада. Если в Киевской Руси высота культуры Поднепровья являла резкий контраст с культурой окраин державы, то в XI—XIII вв. этот контраст почти исчезает: культурное развитие охватывает всю страну вплоть до городов северо-востока. Новейшие археологические исследования раскрывают перед нами богатейшую и своеобразную культуру столицы Рязанской земли — Старой Рязани XI—XIII вв., выросшей в стране наиболее консервативного славянского племени — вятичей. Более того, границы территории Руси расширяются. Новгородские поселения приближаются к берегам Белого моря и Ледовитого океана, достигая на востоке до «каменного пояса» Урала и переходя за него. Границы Владимирской земли закрепляются на Волге — Нижний Новгород на устье Оки является передовым оплотом русской культуры на востоке; его имя, символически повторяющее имя Великого Новгорода, свидетельствует о его боевом и экономическом значении: отсюда через столетия русские пройдут через Сибирь и выйдут на берега Тихого океана. Влияние русской культуры сказывается в культуре недавно могучего, но смиренного восточного соседа Руси — Болгарской державы; гроза степных окраин Руси XI—XII вв.— половцы уже оседают на ее пограничье, становясь подвластной Руси военной силой. В процессе этого огромного государственного и культурного строительства, в жестоких классовых боях и борьбе с противниками постепенно формируются примечательные национальные особенности русского народа: «ясный ум, стойкий характер и терпение» (И. В. Сталин) смелость, находчивость, сметливость, переимчивость» ... «отвага и удаль, широкий размёт души, несокрушимая мощь и бодрость духа» (В. Г. Белинский).

Резкий перелом в темпах исторической жизни Западной Европы наступает примерно с конца XII в. отчасти под влиянием крестовых походов, усиливших более широкие связи со странами Востока. В это время начинается бурное развитие торговли и ремесла, создается внутренний рынок, растут крупные городские центры, втягивающие в орбиту своего экономического влияния не только ближайшую округу, но и отдаленные районы. Но именно в то время, когда Западная Европа начинает быстро итти по пути культурного прогресса, на Русь обрушивается лавина монгольских полчищ.

«Перед русским ремеслом открывалась такая же широкая дорога дальнейшего развития, как перед ремеслом североитальянских городов этой же эпохи. Монгольские завоеватели растоптали и расхитили эту цветущую культуру в момент ее наивысшего подъема» (Б. А. Рыбаков). По справедливому замечанию

С. М. Соловьева, подобно Испании, остановившей завоевания мавров на западе, Русь сыграла на востоке Европы всемирно-историческую роль, остановив монгольское вторжение на рубежах западноевропейских государств. Феодальная раздробленность, роковое разъединение сил русского народа чрезвычайно осложнили и сделали неравным этот поединок исполинов: Руси и монгольских орд. Но и при этих условиях Русь оказалась способной задержать и обескровить армии Батыя. Если бы Русь не совершила этого беспримерного подвига, может быть, татарские всадники топтали бы улицы Парижа и Рима, и культурный прогресс всей Европы был бы отброшен вспять. Этот великий подвиг русского народа был оплачен страшной ценой опустошения Руси, уничтожения производительных сил, сожжения сел и городов и угона в полон русских ремесленников. «Татары не походили на мавров,— замечает А. С. Пушкин,— они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля». Напротив, паразитическая культура Золотой Орды была во многом обязана труду русских пленных ремесленников и художников. Великолепный трон великого хана из слоновой кости и драгоценных камней был сделан русским мастером Козьмой; при ханской ставке были русские строители.

Монгольское нашествие, при всей его разрушительной силе, не могло убить творческий дух русского народа и уничтожить все созданное им за предшествующие столетия. В тяжком и упорном труде возрождения Руси в XIII—XV столетиях былой блеск культуры домонгольской Руси служил вдохновляющей путеводной звездой, а ее идейное и материальное богатство стало неисчерпаемой сокровищницей для нового созидательного подъема.

Великий Новгород сохранил и пронес через темные столетия монгольского рабства богатейшее письменное и художественное наследие древности. Это наследие еще в XVI в. питало культуру русского национального государства. Для оформления новых объединительных идей из развалин и пепла пожарищ возродилось культурное и художественное наследие Владимирского княжества, созвучное и родственное политическим потребностям и культурным запросам «собирательницы Руси» Москвы XIV—XV вв.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРАВО И СУД

Рис. 1. Установление смертной казни Владимиром (996 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.) . . . 39
Рис. 2. Начало древнейшего списка Русской Правды в Кормчей книге конца XIII в. 42
Рис. 3. Начало списка Русской Правды в рукописи Мерило праведное XIV в. . . 43
Рис. 4. Смоленский договор 1229 г. (по списку второй половины XIII в.) 42
Рис. 5. Жалованная грамота 1130 г. князя Мстислава новгородскому Юрьеву Монастырю . . . 49
Рис. 6. Ослепление восставших киевлян (1068 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.) 57
Рис. 7. Наказание кнутом восставших смердов (1071 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.) . . . 57
Рис 8. Казнь епископом Федором своих противников (миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.) . . . 58
Рис. 9. Освобождение князя Веслава из поруба (1068 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.) . . . 59

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ

Рис. 10. Священная сосна около деревни Киселыня Тихвинского района . . . 63
Рис. 11. Кусок дуба с кабаньими клыками . . . 64
Рис. 12. Глиняные медвежьи лапы и кольца (Владимирские курганы) . . . 65
Рис. 13. Новгородский идол (Новгородский исторический музей) . . . 71
Рис. 14. Схемы коллективного погребения . . . 74
Рис. 15. Черная Могила . . . 75
Рис. 16. Бронзовый идол из Черной Могилы . . . 76
Рис. 17. Семик (гравюра 1845 г.) . . . 79
Рис. 18. Гадание у чудского волхва (1071 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.) . . . 82
Рис. 19. Киевский Софийский собор. Хоры . . . 92
Рис. 20. Феодосий списывает Студийский устав (миниатюра Кенигсбергской лет.) 93
Рис. 21. Игрища (миниатюра Кенигсбергской лет.) . . . 96
Рис. 22. Погребение в Десятинной церкви . . . 99
Рис. 23. Искушение Исаакия печерского (миниатюра Кенигсбергской лет.) . . . 101

Рис. 24. Искушение Матфея печерского (миниатюра Кенигсбергской лет.) 101
Рис. 25. Фреска лестницы Киево-Софийского собора 102
Рис. 26. Епископ Федор распинает непокорных (миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.) 105
Рис. 27. Разгром Киева в 1169 г. (миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.) 106
Рис. 28. Закладка церкви в Тмутаракани князем Мстиславом (1022 г.; миниатюра Кенигсбергской лет.) 107
Рис. 29. Ефремовская кормчая (XII в.) 109

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЯЗЫК И ПИСЬМО

Рис. 30. Константин и Мефодий (миниатюра Кенигсбергской лет.) 124
Рис. 31. Образец кириллицы (Самуилова надпись) 132
Рис. 32. Образец глаголицы (Зографское евангелие) 133
Рис. 33-34. Сосуд с надписью X в. (Гнездово) 135
Рис. 35. Остромирово евангелие (1056—1057). 137

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛИТЕРАТУРА

Рис. 36. Начало Повести временных лет по Лаврентьевскому списку летописи . . 188
Рис. 37. Титульный лист и начало Слова о полку Игореве в издании 1800 г. . . . 205

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Рис. 38. Подпись дочери Ярослава, французской королевы Анны, на жалованной грамоте Суассонскому монастырю. 218
Рис. 39. Шестоднев Иоанна, экзарха болгарского (по списку конца XII — начала XIII в.) 221
Рис. 40. Остромирово евангелие 222
Рис. 41. Мстиславово евангелие 223
Рис. 42. Евангелист Лука (миниатюра Остромирова евангелия). 224
Рис. 43. Евангелист Марк (миниатюра Мстиславова евангелия) 225
Рис. 44. Система мира по Козьме Индикоплову (миниатюра Синайского списка) . . 229
Рис. 45. Карта земли по Козьме Индикоплову (миниатюра Синайского списка) . . 230
Рис. 46. Земля и солнце по Козьме Индикоплову (миниатюра Синайского списка) 231
Рис. 47. Границы географических знаний домонгольской Руси 233
Рис. 48. Гирфордская карта мира (1283—1286 гг.) 234
Рис. 49. Изборник Святослава (1073 г.) 236
Рис. 50. Единорог (по списку Козьмы Индикоплова XV в.) 237
Рис. 51. Слон и носорог (по списку Козьмы Индикоплова XV в.) 237
Рис. 52. Пальмы и антилопа по Козьме Индикоплову (миниатюра Синайского списка) 238
Рис. 53. Ладанка-науз 240

Рис. 54. Змеевик 241
Рис. 55. Затмение солнца (миниатюра Кенигсбергской лет.) 242
Рис. 56. «Спаде змей превелик» (миниатюра Кенигсбергской лет.) 243

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

АРХИТЕКТУРА

Рис. 57. Полуземлянка XII—XIII вв. в Киеве 246
Рис. 58. Киев. Десятинная церковь и окружающие ее здания 251
Рис. 59. Шиферная плита из Десятинной церкви 252
Рис. 60. Шиферная плита из Десятинной церкви 252
Рис. 61. Чернигов. Собор Спаса. План 253
Рис. 62. Чернигов. Собор Спаса. Интерьер 255
Рис. 63. Чернигов. Собор Спаса. Восточный фасад 255
Рис. 64. Киев. Софийский собор. Современный вид 256
Рис. 65. Киев. Софийский собор. Реконструкция 256
Рис. 66. Киев. Софийский собор. Аксонометрия 257
Рис. 67. Киев. Софийский собор. Кладка апсид 259
Рис. 68. Киев. Софийский собор. Аркада под хорами 260
Рис. 69. Новгород. Софийский собор. План 261
Рис. 70. Полоцк. Софийский собор. План 262
Рис. 71. Новгород. Софийский собор. Южный фасад 262
Рис. 72. Киев. *1* — Собор Дмитриевского (Михайловского Златоверхого) монастыря. План; *2* — церковь Михаила в Выдубицком монастыре. План. 266
Рис. 73. Церковь Спаса на Берестове под Киевом 267
Рис. 74. Киев. Успенский собор Печерского монастыря. Общий вид 268
Рис. 75. Киев. Успенский собор Печерского монастыря. План 269
Рис. 76. *1* — Церковь Кирилловского монастыря в Киеве. План; *2* — собор Елецкого монастыря в Чернигове. План 270
Рис. 77. Чернигов. Собор Елецкого монастыря. Фасад 271
Рис. 78. Чернигов. Благовещенский собор. План 272
Рис. 79. Капитель, найденная в Чернигове 273
Рис. 80. Киев. Церковь на Вознесенском спуске. План 274
Рис. 81. Чернигов. Церковь Пятницы. Восточный фасад. Реконструкция 274
Рис. 82. Владимир-Волынский. Успенский собор 276
Рис. 83. Гродно. Церковь Бориса и Глеба «на Коложе» 277
Рис. 84. Гродно. Здания кремля 279
Рис. 85. Галич. Успенский собор. План. 280
Рис. 86. Галич. Планы церкви Спаса и церкви «под Дубровой». 281
Рис. 87-а. Галич. Церковь Пантелеймона. План 281
Рис. 87-б. Галич. Церковь Пантелеймона. Портал и деталь портала 282
Рис. 88. Смоленск. Церковь Бориса и Глеба на Смядыни. План 284
Рис. 89. Смоленск. Малый храм на Смядыни. План 284
Рис. 90. Смоленск. Малый храм на Смядыни (по Гондиусу) 285
Рис. 91. Смоленск. Церковь Петра и Павла. План. 286
Рис. 92. Смоленск. Церковь Иоанна Богослова. План. 286
Рис. 93. Смоленск. Церковь Михаила-архангела. План 287
Рис. 94. Клейма и знаки на смоленском кирпиче. 288
Рис. 95. Витебск. Церковь Благовещенья. План. 290
Рис. 96. Полоцк. Церковь Спасо-Евфросиньева монастыря. Общий вид 291

Рис. 97. Полоцк. Церковь Спасо-Евфросиньева монастыря. План. 291
Рис. 98. Полоцк. Церковь Спасо-Евфросиньева монастыря. Реконструкция 292
Рис. 99. Полоцк. Церковь Спасо-Евфросиньева монастыря. Разрез 292
Рис. 100. Новгород. Николо-Дворищенский собор. Общий вид 292
Рис. 101. Новгород. Георгиевский собор Юрьева монастыря. План 294
Рис. 102. Новгород. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Общий вид после реставрации 295
Рис. 103. Новгород. Собор Антониева монастыря. Общий вид 296
Рис. 104. Новгород. Церковь Спаса-Нередицы. Общий вид 297
Рис. 105. Новгород. Церковь Спаса-Нередицы. План 298
Рис. 106. Новгород. Церковь Спаса-Нередицы. Разрез 298
Рис. 107. Новгород. Церковь Петра и Павла на Синичей горе. Апсиды 299
Рис. 108. Новгород. Церковь Петра и Павла на Синичей горе. План. 300
Рис. 109. Старая Ладога. *1* — Безымянная церковь. План; *2* — церковь Георгия. Планы нижней части и на уровне хор 301
Рис. 110. Новгород. Церковь Пятницы. План 302
Рис. 111-а. Псков. Собор Спаса в Мирожском монастыре. План 302
Рис. 111-б. Псков. Собор Спаса в Мирожском монастыре. Общий вид 303
Рис. 112. Псков. Троицкий собор. Реконструкция 305
Рис. 113. Переяславль-Залесский. Спасский собор. Аксонометрия 307
Рис. 114. Кидекша. Церковь Бориса и Глеба. Общий вид 308
Рис. 115. Владимир. Успенский собор. План 309
Рис. 116. Владимир. Успенский собор. Реконструкция 310
Рис. 117. Владимир. Дмитриевский собор. Львы в пятах арок 311
Рис. 118. Церковь Покрова на Нерли. План 312
Рис. 119. Церковь Покрова на Нерли. Общий вид 312
Рис. 120. Церковь Покрова на Нерли. Разрез 313
Рис. 121. Церковь Покрова на Нерли. Рельефы. 314
Рис. 122. Боголюбовский дворец. Реконструкция 315
Рис. 123. Боголюбовский дворец. Резная голова зверя 316
Рис. 124. Боголюбовский дворец. Майоликовые плитки пола 316
Рис. 125. Боголюбовский дворец. Собор. План. 317
Рис. 126. Боголюбовский дворец. Киворий. Реконструкция 318
Рис. 127. Фрагменты капителей владимирского Успенского собора 319
Рис. 128. Знак княжеского мастера на камне кивория 319
Рис. 129. Знаки на кирпиче XII в. 320
Рис. 130. Владимир. Успенский собор. Общий вид 320
Рис. 131. Владимир. Дмитриевский собор. Общий вид 321
Рис. 132. Владимир. Дмитриевский собор. Рельефы 323
Рис. 133. Владимир. Дмитриевский собор. Часть фриза северной стены 324
Рис. 134. Владимир. Дмитриевский собор. Капитель 325
Рис. 135. Владимир. Дмитриевский собор до реставрации 326
Рис. 136. Нижний Новгород. Собор Спаса. Капитель колончатого пояса 328
Рис. 137. Суздаль. Собор Рождества богородицы. План 329
Рис. 138. Суздаль. Собор Рождества богородицы. Южный портал 330
Рис. 139. Юрьев-Польской. Собор Георгия. План 331
Рис. 140. Юрьев-Польской. Собор Георгия. Притвор 332
Рис. 141. Юрьев-Польской. Собор Георгия. Общий вид 333
Рис. 142. Храмы Старой Рязани и Ольгова города 335
Рис. 143. Резные камни из Старой Рязани 336

ЖИВОПИСЬ

Рис. 144. Фрагмент фрески Десятинной церкви . . . 343
Рис. 145. Киев. Софийский собор. Мозаика купола. Вседержитель . . . 344
Рис. 146. Киев. Софийский собор. Мозаика алтаря. Иоанн Златоуст . . . 345
Рис. 147. Киев. Софийский собор. Мозаика алтаря. Василий Великий . . . 345
Рис. 148. Киев. Софийский собор. Фреска. Пантелеймон . . . 346
Рис. 149. Киев. Софийский собор. Фреска. Апостол Павел . . . 347
Рис. 150. Киев. Софийский собор. Фресковый портрет Анны Ярославны . . . 348
Рис. 151. Киев. Софийский собор. Роспись башни. Сцена охоты . . . 349
Рис. 152. Киев. Софийский собор. Роспись башни. Императорская ложа . . . 350
Рис. 153. Киев. Софийский собор. Роспись башни. Придворные . . . 351
Рис. 154. Киев. Софийский собор. Роспись башни. Птица и грифон . . . 352
Рис. 155. Киев. Собор Михайловского Златоверхого монастыря. Мозаика. Евхаристия 353
Рис. 156. Киев. Собор Михайловского Златоверхого монастыря. Мозаика. Дмитрий Солунский . . . 354
Рис. 157. Чернигов. Спасский собор. Фреска. Фекла . . . 355
Рис. 158. Икона Владимирской богоматери . . . 355
Рис. 159. Трирская псалтырь. Миниатюра . . . 358
Рис. 160. Изборник Святослава 1073 г. Заставка . . . 359
Рис. 161. Изборник Святослава 1073 г. Рисунки на полях . . . 360
Рис. 162. Киев. Церковь Кирилловского монастыря. Фреска . . . 364
Рис. 163. Горшочки с краской из жилища ремесленника в Киеве XIII в. . . . 365
Рис. 164. Новгородский Софийский собор. Фреска. Царица Елена . . . 366
Рис. 165. Новгород. Николо-Дворищенский собор. Фреска. Жена Иова . . . 368
Рис. 166. Новгород. Собор Антониева монастыря. Деталь фрески. Голова старца 370
Рис. 167. Новгород. Собор Антониева монастыря. Деталь фрески. Фигура юноши 370
Рис. 168. Новгород. Благовещенская церковь. Деталь росписи. Голова святого . . 371
Рис. 169. Новгород. Спас-Нередица. Роспись апсиды . . . 373
Рис. 170. Новгород. Спас-Нередица. Фреска. Крещение . . . 374
Рис. 171. Новгород. Спас-Нередица. Фреска. Пророк . . . 375
Рис. 172. Новгород. Спас-Нередица. Фреска. Святитель . . . 375
Рис. 173. Новгород. Спас-Нередица. Фресковый портрет Ярослава . . . 376
Рис. 174. Старая Ладога. Церковь Георгия. Фреска. Чудо Георгия . . . 377
Рис. 175. Старая Ладога. Церковь Георгия. Фреска. Анфим . . . 378
Рис. 176. Псков. Спасо-Мирожский собор. Фреска. Архангел . . . 380
Рис. 177. Новгород. Икона Петра и Наталии . . . 381
Рис. 178. Новгород. Икона Николы . . . 382
Рис. 179. Новгород. Икона Евана, Георгия и Власия . . . 383
Рис. 180. Инициалы Юрьевского евангелия . . . 384
Рис. 181. Заставка в ведельном евангелии XII—XIII вв. . . . 384
Рис. 182. Заставка из Апостола XIII в. . . . 385
Рис. 183. Владимир. Роспись фриза Успенского собора . . . 387
Рис. 184. Владимир. Дмитриевский собор. Фреска. Апостолы на престолах . . . 388
Рис. 185. Владимир. Дмитриевский собор. Фреска. Апостол Матфей . . . 389
Рис. 186. Владимир. Дмитриевский собор. Фреска. Апостол Павел . . . 389
Рис. 187. Владимир. Дмитриевский собор. Фреска. Голова ангела . . . 390
Рис. 188. Икона Дмитрия Солунского . . . 391
Рис. 189. Суздаль. Рождественский собор. Фреска. Старец . . . 392

Рис. 190. Икона Оранта ярославская. Ангел 392
Рис. 191. Икона Оранта ярославская 393

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И СКУЛЬПТУРА

Рис. 192. Украшения V—VII вв. 398
Рис. 193. Изображения древнерусской богини земли — Берегини и заменяющих ее символов 401
Рис. 194. Амулеты-обереги из русских деревенских курганов XI—XII вв. 403
Рис. 195. Символический языческий орнамент на украшениях и тканях X—XIII вв. 405
Рис. 196. Эволюция височных колец IX—XIII вв. 407
Рис. 197. Вещи X в. с узором из четырех цветков, обращенных в разные стороны 409
Рис. 198. Образцы «звериной» орнаментики X в. 410
Рис. 199. Серебряные оправы турьих рогов из княжеского кургана Черная Могила в Чернигове (середина X в.) 412
Рис. 200. Турий рог из Черной Могилы 413
Рис. 201. Славянский языческий идол X в. с изображением подземного царства, земли и неба 414
Рис. 202. Образцы городских художественных изделий 415
Рис. 203. Заглавные буквы из рукописного евангелия Юрьева монастыря в Новгороде (1120-е годы) 417
Рис. 204. Золотые диадемы XI—XII вв., украшенные эмалью 418
Рис. 205. Золотые колты XI—XIII вв. 421
Рис. 206. Золотое оплечье из Каменного Брода. XIII в. 422
Рис. 207. Клад золотых вещей с эмалью (Старая Рязань) XIII в. 423
Рис. 208. Переплет Мстиславова евангелия и «городчатый венец» из его эмалей . 424
Рис. 209. Бронзовый крест XIII в. с эмалевыми изображениями 425
Рис. 210. Золотые дробницы с эмалью XII—XIII вв. на поручах митрополита Алексея 426
Рис. 211. Серебряные изделия с чернью XII—XIII вв. 428
Рис. 212. Серебряный мощевик XIII в. 429
Рис. 213. *1* — Литейная форма для браслета (Киев); *2* — серебряный браслет (Владимир) 430
Рис. 214. Серебряные браслеты XII—XIII вв. (Киев) 431
Рис. 215. Серебряные браслеты с изображениями людей 432
Рис. 216. Ритмическое построение орнамента 435
Рис. 217. Орнамент, наведенный золотом на вратах, начало XIII в. (так называемые «Лихачевские врата») 437
Рис. 218. Деталь Суздальских врат 438
Рис. 219. Глиняная фигурка XI—XII вв. (Киев) 439
Рис. 220. Шиферные рельефы из Лаврского музейного заповедника в Киеве. XI—XII вв. 440
Рис. 221. Рельефы из Михайловского монастыря XI—XII вв. 443
Рис. 222. Золотой змеевик с именем Василия («Черниговская гривна») 444
Рис. 223. Русские печати XI—XIII вв. 444
Рис. 224. Серебряные сосуды работы мастеров Братилы и Косты. Середина XII в. (Новгород) 446

Рис. 225. Сион XII в. (Новгород) 447
Рис. 226. Чеканные изображения на шлеме князя Ярослава Всеволодича 449
Рис. 227. Каменные иконки XII—XIII вв. 451
Рис. 228. Образцы художественного литья XIII в. 452
Рис. 229. Художественная резьба по камню 453
Рис. 230. Резные камни из Благовещенского собора в Чернигове и из Старой Рязани 454
Рис. 231. Скульптурное убранство Дмитриевского собора во Владимире. Конец XII в. 455
Рис. 232. Скульптурное убранство Дмитриевского собора. Детали 456
Рис. 233. Резное убранство притвора Георгиевского собора в Юрьеве-Польском 457
Рис. 234. Аркатурный пояс Георгиевского собора 458
Рис. 235. Георгиевский собор. Детали 459
Рис. 236. Георгиевский собор. Примеры разных стилистических манер скульпторов 460
Рис. 237. Георгиевский собор. Резная голова 461
Рис. 238. Георгиевский собор. Грифон и птица-сирин 461
Рис. 239. Георгиевский собор. Резное убранство стен 463

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДРЕВНИЕ ЧЕРТЫ В РУССКОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ

Рис. 240. Ткань XI—XII вв. 466
Рис. 241. Глиняные фигурки (Киев) 467
Рис. 242. Гребни 468
Рис. 243. Дохристианский «чин». Конец полотенца (Архангельская обл., 1820 г.) 469
Рис. 244. Дохристианский «чин» с заменой Матери-земли деревом. Вологодская ткань 470
Рис. 245. Символ Матери-земли (дерево) со зверями по сторонам. Конец полотенца (Оятский район) 471
Рис. 246. Олень, дерево и берегини. Конец полотенца (Тихвин) 472
Рис. 247. Человекообразные существа со змеиными придатками. Часть подзора (Новгородский край) 473
Рис. 248. Изображение Мокоши. Новгородская вышивка 475
Рис. 249. Геометрический орнамент. Конец полотенца (Кирилловский район Вологодской обл.) 476
Рис. 250. Геометрический орнамент. Проставка (Устюжна на Мологе) 476
Рис. 251. Солнечные знаки. Ручка валька (Северный край) 477
Рис. 252. Солнечные знаки. Донце прялки (Новгородский край) 478
Рис. 253. Резной деревянный черпак (Северный край) 478
Рис. 254. Многоярусная композиция «чина». Набойка (Олонецкий край) 479
Рис. 255. Деталь росписи прялки (Мезень, Архангельской обл.) 480
Рис. 256. Деревянная скульптура 481
Рис. 257. Глиняная скульптура 481
Рис. 258. Глиняная скульптура (Тульская обл.) 481
Рис. 259. Деревянные игрушки (Новгородский край) 482
Рис. 260. Медведь. Деревянная скульптура (Вологодская обл.) 483
Рис. 261. Изображение на бляхе из Карагодеуашха 483
Рис. 262. Рисунок набойки из северянских курганов XI—XII вв. 485
Рис. 263. Освоение мотивов феодального искусства. Звери. Подзор (Оять, Ленинградская обл.) 486

Рис. 264 Приспособление феодальных мотивов. Замена коней барсами Салфетка (Крестцы, Ленинградская обл.) 487
Рис. 265. Переработка изображений барса в орла. Подзор (Заонежье) 487
Рис. 266. Слияние священного дерева с фигурой креста Подзор (Оять, Ленинградская обл) 488
Рис 267. Замена фигуры богини часовней. Накидка (Крестцы, Ленинградская обл.) 489

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МУЗЫКА

Рис. 268. Древнерусские музыкальные инструменты (схематическая реконструкция) 495
Рис. 269. Скоморохи и музыканты Фреска башни киевского Софийского собора . 498
Рис. 270. Музыкант. Фреска башни киевского Софийского собора 499
Рис. 271 Гусляр (рукопись XIV в) 502
Рис. 272. Образец знаменной нотации (рукопись середины XII в.) 505
Рис. 273. Образец кондакарной нотации (Новгородский кондакарь середины XII в) 507

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть вторая

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Глава первая. **Социально-политический строй**. *В. В. Мавродин* . . . . 7—30

1. Условия разложения первобытно-общинного строя у восточных славян (7) Семейная община (8) Сельская община (8) Имущественное расслоение общины (8) Отделение ремесла от земледелия (8) . . . . . 7—9
2. Роль рабства в вызревании феодальных отношений (9) Эволюция и характер рабства (9) Источники рабства (11) Выделение общинной знати (11) 9—11
3. Союзы племен и их роль в процессе образования государства . . . . 12—13
4. Образование Киевского государства (13) Дань — главная форма эксплоатации населения (14) Реформы Ольги (14) Рост княжеского земле владения (15) Упрочение административного аппарата княжеской власти (15) . . . . . 13—15
5. Боярство (16) «Молодшая дружина» (16) Управление землей (16) Вече (17) 15—17
6. Упрочение государства при Владимире, «земляное строение» (17) Общая характеристика дофеодального периода (18) . . . . . 17—18
7. Период феодальной раздробленности, общая характеристика (18). Рост феодального землевладения (19) . . . . . 18—20
8. Закабаление смердов (21) Категории феодальной зависимости (21) Рядович (21) Закуп (21) Изгой (22) Рабство и холопство (22) Наемная рабочая сила (22) Феодальная вотчина, ее характеристика и организация (23) Князь и боярство в XI—XIII вв. (23) . . . . . 21—23
9. Эволюция политического строя. Роль веча (24) Новгород и особенности его политического строя (25) . . . . . 24—26
10. Княжеские съезды и их значение (26) Попытки усиления княжеской власти (27) Владимирское княжество при Андрее и Всеволоде III (27) Галицко-Волынская Русь при Данииле (28) Причины неудачи борьбы с феодальной раздробленностью (29) Выводы (29) . . . . . 26—29

Литература 30

Глава вторая. **Право и суд**. *В. Г. Гейман* . . . . . 31—60

1. Вопрос о происхождении обычного права (31) Следы древнейшего обычного права в Русской Правде (32) Феодализация права (33) . . . . . 31—34

2. Договоры с греками (34) Отношение договоров 907 и 911 г. (35) Договор Игоря 944 г. (35) Договор Святослава 971 г. (36) Вопрос о русском и греческом праве в договорах (36) . . . . . 34 — 37
3. Уставная деятельность князей (37). «Реформа» Ольги (38) Время Владимира I (39) . . . . . 37 — 40
4. Христианизация и роль греческого права . . . . . 40 — 41
5. Русская Правда и ее древнейшие корни (41) Вопрос о происхождении Русской Правды (41) . . . . . 41 — 42
6 Первая часть Краткой Правды (42) Вторая часть Краткой Правды (43) Пространная Правда (44) Русская Правда и ее параллели (44) . . . . 42 — 45
7. Уставные грамоты XII в. (45) Торговые договоры (46) . . . . . 45 — 48
8. Княжеские жалованные грамоты (48) Роль княжеской власти (50) Частные акты (51) . . . . . 48 — 51
9. Суд (52) Роль общины (52) Послухи (52) Активность сторон (53) Свод (53) Судебные доказательства (54) Развитие судоустройства и судопроизводства (55) Месть и штраф (55) «Поток и разграбление» (56) Смертная казнь, членовредительные и телесные наказания (58) Заключение преступника (59) Суды частные (59) . . . . . 52 — 59
Литература 60

Глава третья. **Религия и церковь**. *Н. Ф. Лавров* . . . . . 61—113
1. Происхождение религии (61) Древнейшие пережитки в язычестве восточных славян (62) Вода (62) Огонь (62) «Мать-сыра-земля» (62) Почитание деревьев (62) Почитание животных (63) . . . . . 61 — 65
2. Антропоморфные божества (65) Русалки (65) Божества стихий природы (66) Перун (66) Хорс (66) Дажьбог (67) Стрибог (67) Симаргл — Ярила (67) Купала (67) Волос (68) Культ предков (68) «Род» и «рожаница» (68) Мокошь (69) Сварог (69) Перун—бог дружины (70) . . . . . 65 — 70
3. Языческая обрядность. Идолы (71) Жертвоприношения (71) Свадебный обряд (72) Погребальный обряд (73) Родовые кладбища (73) Индивидуальные погребения (74) Представления о загробном мире (76) Борьба языческого и христианского погребального обряда (77) Тризна (77) «Радуница» (77) Праздничная обрядность (78) Зимний праздник плодородия (колядки) (78) Весенние празднества (80) Служители культа (81) . . . . . 71 — 81
4. Христианство до Владимира I (81) Крещение княгини Ольги (83) Реформа языческого пантеона при Владимире I (84) . . . . . 81 — 85
5. История крещения (85) Христианство и народ (87) Сущность византийского православия (87) Условность христианского монотеизма (88) Церковные обряды (89) Организация русской церкви при Владимире I (90) . . . . . 85 — 90
6. Время Ярослава (91) Учреждение митрополии (91) Печерский монастырь (91) 91 — 93
7. Христианизация северных земель (93) Восстания смердов (94) Ростовская епископия (95) Христианизация Муромо-Рязанской земли (95) Двоеверие (95) . . . . . 93 — 96
8. Полемические сочинения против язычества (97) Язычество и христианские праздники (97) Сварог и Кузьма и Демьян (98) Пережитки язычества в погребальном обряде (98) Вера в бесов (99) Монашество (100) Посты (100) Язычество в быту (100) . . . . . 97—102
9. Русская церковь в условиях феодальной раздробленности (102) Митрополиты-греки (103) Климент Смолятич (103) Новгородская епископия (104)

Ростовская епископия (105) Другие епископии (106) Киево-Печерский монастырь (106) Другие монастыри (107) Внутреннее устройство церкви (108) Устав Владимира (108) Вопрос об Уставе Ярослава (108) Уставные и жалованные грамоты XII в. (108) Памятники канонического права (110) Организация русской церкви (110) . . . . . 102—111
10. Церковный суд (111) Нарушение семейно-брачных норм (111) Пережитки язычества (111) Нарастание народного недовольства против церкви (112) Ростки еретических движений (112). . . . . 111—113
Литература 113

Глава четвертая. **Язык и письмо** *П. Я. Черных* . . . . . 114—138
1. Вводные замечания (114) Общая характеристика древнерусского языка IX—XI вв. в его отношении к другим славянским (115) Грамматический строй (115) Основной словарный фонд (116) Особенности древнерусского языка (117) Вопрос о племенных диалектах (118) . . . . . 114—120
2. Развитие древнерусского языка в условиях Киевской державы (120) Образование киевского койнэ (120) Киевское койнэ — основа древнерусского литературного языка (121) Феодальная раздробленность Руси XI—XIII вв. и развитие языка (122) Обогащение словарного запаса (122) Влияние русского языка на язык соседних народов (123) . . . . . 120—123
3. Возникновение и развитие «старославянского» языка в IX—X вв. (123) Его сравнение с древнерусским (124) Взаимодействие старославянского и древнерусского языка (126) Соотношение их в важнейших памятниках письменности и литературы XI—XIII вв. (127) Самостоятельность и сила древнерусского литературного языка (129) Его художественные качества (129) . . . . . 123—129
4. Письмо. Вводные замечания (129) «Корсунские книги» (130) Кириллица и глаголица (132) Местное происхождение глаголицы и ее древность (133) Данные о письменности на Руси в IX—X вв. (135) Пережитки письма типа «черт и резов» (136) Кирилловское письмо на Руси до 988 г. (136) Остромирово евангелие (137) Письменность в народной среде в XI—XIII вв. (138) . . . . . 129—138
Литература 138

Глава пятая. **Фольклор**. *А. Н. Робинсон* . . . . . 139—162
1. Основные черты древнерусского фольклора (139) Трудности его исследования (139) Жанры народной поэзии (139) Становление Киевского государства и возникновение эпоса (141) . . . . . 139—141
2. Мастера народной поэзии (141) Гонения со стороны церкви и княжеской власти (142) Влияние фольклора на культуру социальных верхов (142) Заговоры (143) Календарная обрядовая поэзия (143) Свадебные обряды (144) Похоронные плачи-причеты (144) «Каранья» и «жели» (145) Сказки-«басни» (145) Религиозные легенды (146) Пословицы и загадки (146) Исторические предания (147) . . . . . 141—148
3. Былинный эпос (148) Условия его возникновения (149) Древнейшие былины и их историзм (149) Образы Владимира I, Добрыни и Алеши (149) Борьба со степняками (150) Илья Муромец (151) Сознание национального единства (152) Сравнение с западноевропейским эпосом (152) Микула Селянинович (153) Былины о Соловье Будимировиче, Потыке, Дюке

Степановиче (153) Новгородские былины о Садко, Василии усласве, Ставре Годиновиче (154) . . . . . 148—154
4. Связь поэтики фольклора и повествовательной литературы . . . . . 154—162
Литература 162

Глава шестая. **Литература**. *Д. С. Лихачев* . . . . . 163—215
Вводные замечания 163
1. Устный литературный язык (164) Высота культуры устной речи (165) Фольклор и письменная литература (167) . . . . . 164—167
2. Переводная литература (168) Библия и богослужебные книги (168) Учительная литература (169) Сборники (170) Жития (170) Апокрифы (171) Историческая литература (173) Повести (174) Творческий характер выбора произведений и их перевода (176) . . . . . 168—177
3. Литература времени Ярослава (177) Древнейший Киевский свод (177) Слово о законе и благодати Илариона (179) Повесть «об убиенье Борисове» (180) Сказание об убиении Бориса и Глеба (181) Лука Жидята (181) Феодосий Печерский (182) Выводы (182) . . . . . 177—182
4. Литература второй половины XI в. (183) Летописный свод 1073 г. (183) Начальный свод 1095 г. (184) Жития (185) Нестор (186) Выводы (187) . . 183—187
5. Литература времени Владимира Мономаха (187) Повесть временных лет (187) Редакция 1116 г. (190) Доработка 1118 г. (191) Поучение Владимира Мономаха (191) Хождение игумена Даниила (194) Выводы (195) . . . . 187—195
6. Общая характеристика литературы XII в. (195) Кирилл Туровский (195) Климент Смолятич (196) Областное летописание (197) Галицко-волынская летопись (197) Новгородская летопись (198) Сказание Добрыни Ядрейковича (200) Киевское летописание (200) Киево-Печерский патерик (200) Летописание северо-восточной Руси (201) Выводы (203) . . . . . 195—204
7. Слово о полку Игореве (204) История изучения (204) Идейный замысел (206) Содержание и стиль Слова (208) Связь Слова с современной ему литературой (210) Вопрос об авторе Слова (212) . . . . . 204—212
8. Моление Даниила Заточника (212) Его идейный замысел, содержание и форма (213) . . . . . 212—214
Литература . . . . . 214—215

Глава седьмая. **Просвещение**. *Н. С. Чаев* . . . . . 216—244
1. Христианизация и просвещение (216) Распространение грамотности и книг (216) Роль духовенства (217) Отношение к просвещению (217) Грамотность городского населения (218) Города — очаги просвещения (219) Библиотеки (219) Знакомство с иностранными языками (219) . . . 216—220
2. Вопрос о «высших» и «низших» школах в древней Руси (220) Характер обучения (220) Письмо (223) . . . . . 220—226
3. Источники знаний (226) Сочинения Иоанна Дамаскина (226) Грамматика (227) Диалектика (227) Сборники (228) Шестоднев Иоанна экзарха болгарского (228) Небеса Иоанна Дамаскина (229) Индикоплов (230) Космогонические сведения в апокрифах (230) Историческая литература (231) Географические представления (232) Хронологические представления (233) Сведения из области естественных наук (235) Физиолог (235) Шестоднев (237) Сведения по ботанике и геологии (238) Сведения по анатомии и физиологии (239) Болезни и волхование (239) Христианские «чудотворцы» (240) Начала арифметики и геометрии (242) Выводы (243) . . 226—244
Литература 244

Глава восьмая. **Архитектура**. *П. Н. Воронин* и *М. К. Каргер* . . . . . 245—340
1. Данные о древнейшем деревянном зодчестве (245) Жилища (245) Общественные здания и храмы (248) . . . . . 245—249
2. Христианизация и начало каменного строительства (249) Тип храмового здания и строительная техника (250) Десятинная церковь (251) Спасский собор в Чернигове (254) Софийский собор в Киеве (257) Гражданские здания (258) Техника и мастера (261) Новгородская София (262) Софийский собор в Полоцке (262) . . . . . 249—263
3. Общая характеристика зодчества X—XI вв. . . . . 263—264
4. Период феодальной раздробленности и задачи архитектуры . . . . . 264—265
5. Архитектура Поднепровья XI—XII вв. (266) Монастырские соборы в Киеве XI в. (266) Храмы XII в. (269) Памятники Чернигова конца XII в. (269) Новые черты в зодчестве XII в. (270) Переработка крестовокупольной системы; церковь Пятницы в Чернигове и ее значение (273) 266—275
6. Зодчество Галицко-Волынской земли (275) Памятники Владимира-Волынского (275) Памятники Гродно (276) Памятники Галича (279), княжеский дворец (281) Сведения о постройках XIII в. в Холме (282) Особенности галицкой архитектурной школы (283) . . . . . 275—284
7. Зодчество Смоленской земли (284) Церковь Михаила архангела (287) Смоленские мастера и их значение (288) . . . . . 284—289
8. Зодчество Полоцкой земли (289) Собор Евфросиниева монастыря и мастер Иоанн (290) . . . . . 289—292
9. Новгородское зодчество (292) Постройки мастера Петра (293) Переворот 1136 г. и архитектура (296) Памятники XII в. (298) Церковь Пятницы (302) Основные черты новгородского зодчества (302) Памятники Пскова XII—XIII вв. (304) . . . . . 292—306
10. Владимиро-суздальское зодчество (306) Строительство Мономаха (306) Памятники времени Юрия Долгорукого (306) Строительство Андрея Боголюбского (308) Успенский собор во Владимире (309) Покров на Нерли (312) Боголюбовский замок (313) Владимирские мастера (319) Строительство Всеволода III (320) Успенский собор (321) Дмитриевский собор (322) Сведения о других памятниках Владимира (325) Изменение стиля (325) Строительство преемников Всеволода III (327) Суздальский собор (327) Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (329) Выводы (333) . . . . 306—334
11. Зодчество Рязанской земли . . . . . 335—337
12. Заключение . . . . . 337—338
Литература . . . . . 338—340

Глава девятая. **Живопись**. *М. К. Каргер* . . . . . 341—395
1. Христианизация и изобразительное искусство (341) Данные о росписи Десятинной церкви (343) Мозаики и фрески Киевской Софии (343) Мозаики Михайловского Златоверхого (Дмитриевского) собора (352) Фрагмент фрески Черниговского Спасского собора (353) Икона Владимирской богоматери (354) Миниатюра и книжный орнамент (357) . . . . . 341—360
2. Общая характеристика живописи Киевской Руси в XI — XIII вв . . . 361—363
3. Живопись Киевской земли XII в. (363) Роспись собора Кирилловского монастыря (363) Мастера (363) . . . . . 363—365
4. Новгородская живопись XII—XIII вв. (365) Фрески Софийского собора (365) Фрески Николо-Дворищенского собора (367) Фрески собора Юрьева монастыря (369) Фрески собора Антониева монастыря (369) Роспись

церкви Спаса-Нередицы (372) Ладожские росписи (376) Фрески Мирожского собора в Пскове (379) Станковая живопись (379) Миниатюра и книжный орнамент (381) . . . . . 365—386
5. Владимиро-суздальская живопись XII—XIII вв. (386) Фрески (386) Станковая живопись (390) . . . . . 386—392
6. Данные о живописи в Полоцке и Смоленске (392) Выводы (393) . . . . 392—394
Литература . . . . . 394—395

Глава десятая. **Прикладное искусство и скульптура.** *Б. А. Рыбаков* . . . 396—464
1. Вводные замечания (396) Данные о древнейшем прикладном искусстве восточных славян (397) . . . . . 396—399
2. Искусство деревни X—XIII вв. (399) Смысловое значение его мотивов (400) . . . . . 399—404
3. Городское прикладное искусство дофеодального периода (404) Орнамент (406) Звериный стиль (408) Турьи рога из Черной Могилы (411) . . . . 404—413
4. Языческая скульптура (414) Сведения о деревянных идолах (414) Каменные идолы (414) Збручский идол (414) Рельефная декоративная резьба по дереву (416) . . . . . 414—416
5. Городское прикладное искусство XI—XIII вв. (416) Общие черты в искусстве феодалов и горожан (418) Эмаль (420) «Городчатые венцы» (420) Колты (420) Местные особенности (422) Старорязанский клад 1822 г. (422) Каменнобродская гривна (422) Эмали Мстиславова евангелия (424) Дробницы саккоса митрополита Алексея (425) Общая оценка эмальерного искусства (426) Чернь (427) Местные особенности (427) Мотивы (427) Браслет из Спасского собора в Чернигове (429) Суздальское оплечье (430) Пластинчатые браслеты (431) Браслет из Тверского клада 1906 г. (432) Киевский браслет (433) . . . . . 416—433
6. Орнамент (433) Усиление его декоративного значения (433) Шлем Ярослава Всеволодича (434) Владимирский браслет (434) Мощевик XIII в. (434) Лихачевские врата (436) Суздальские врата (436) . . . . . 433—436
7. Скульптура после христианизации (436) Херсонесские статуи в Киеве (439) Гонение на скульптуру (439) Резной камень в убранстве храмов X—XI вв. (439) Шиферные плиты из Берестова (439) Рельефы из Михайловского Златоверхого монастыря (441) Печати XI в. (444) «Черниговская гривна» (445) Печати XII—XIII вв. (445) Кратиры новгородской Софии (447) Сион (448) «Корсунские» оклады (448) Шлем Ярослава Всеволодича (448) Резные иконки (448) Литые кресты (450) Иконки с изображением «Уверения Фомы» (450) . . . . . 436—453
8. Скульптура в зодчестве XII в. (454) Владимирская пластика (456) Дмитриевский собор (456) Собор Георгия в Юрьеве-Польском (459) Выводы (462) . . . . . 454—462
Литература . . . . . 462—464

Глава одиннадцатая. **Древние черты в русском народном искусстве.** *Л. А. Динцес* . . . . . 465—491
1. Археологические памятники древнеславянского искусства (465) Его характерные образы (466) Их устойчивость (467) . . . . . 465—468
2. Манеры вышивок русского Севера (468) Обрядовое значение полотенец (469) Образы славянской мифологии в народной вышивке (470) «Мать-

сыра-земля» (470) «Чин» солнечного божества (471) Слияние образов — женщина-дерево (473) . . . . . 468—473
3. Самобытность формы и содержания народного искусства, общая его характеристика (474) Стилистические особенности (474) . . . . . 474—477
4. Памятники деревянной резьбы (477) Роспись (478) Скульптура (478) Общность их художественного языка (480) Связь с искусством дославянских племен Восточной Европы (482) . . . . . 477—484
5. Судьбы народного искусства в период феодализма (484) Проникновение мотивов феодального искусства (485) Их переработка (486) . . . . . 484—490
6. Вопрос об оформлении местных «школ» народного искусства с началом периода феодальной раздробленности (490) Черты народного искусства во владимиро-суздальской пластике (491) Выводы (491) . . . . . 490—491
Литература 491

Глава двенадцатая. **Музыка**. *В. М. Беляев* . . . . . 492—509
1. Древнейшие свидетельства о музыке у славян (492) Связь музыки с народным бытом (492) Древнейшие песенные мелодии (492) . . . . . 492—494
2. Музыкальные инструменты (494) Бубен, накры и арган (495) Рога и деревянные трубы (496) Флейтовые инструменты: окарины (496) флейты (496) свистковые флейты (497) Жалейка (497) Волынка (497) Сурна (497) Гусли (498) Гудок (498) Фреска киевской Софии (499) «Оркестр» скоморохов (499) Военный «оркестр» (500) . . . . . 494—500
3. Музыканты-профессионалы (500) Скоморохи (501) Певцы-сказители (501) Музыкальный склад эпического сказа (502) . . . . . 500—503
4. Церковное пение (504) Знаменный распев (504) Знаменная нотация (506) Кондакарная нотация и вопрос о характере кондакарного распева (506) Многоголосие (507) Выводы (508) . . . . . 504—508
Литература . . . . . 508—509

Заключение. **Пути развития русской культуры X—XIII вв.** *Н. Н. Воронин и М. А. Тихонова* . . . . . 510—530
1. Вводные замечания (510) Два этапа в истории русской культуры X—XIII вв. (510) Источники культуры Киевской Руси (511) Неравномерность исторического развития Поднепровья и окраин (511) Оборона и расширение территории Киевской державы (511) Борьба двух укладов (512) Развитие классовой борьбы и укрепление государства (512) Две культуры (513) Внешние связи культуры X—XI вв. (513) Византия и Русь (514) Первый опыт истории Киевской державы (515) Русь и Западная Европа (516) Значение культуры Киевской Руси (517) . . . . . 510—517
2. Победа феодализма (517) Дробление Руси (517) Представления о «распылении» и «упадке» культуры в XI—XIII вв. (517) Новые условия развития культуры (518) Центростремительные силы (518) Город и единство городской культуры (518) Киевское наследие (519) Общность условий его развития (519) Распространение культуры вширь и вглубь (520) Две культуры и их взаимодействие (520) Общий характер и уровень культуры XI—XIII вв. (521) Связи с внешним миром (521) Идея единства Русской земли в литературе (522) Попытки борьбы с феодальным дроблением (522) Выводы (523) . . . . . 517—523

3. Крупнейшие центры русской культуры XI—XIII вв. Владимирская земля и ее объединительные тенденции (524) Их отражение в искусстве и литературе (525) Значение культуры Владимирской земли (526) Великий Новгород (526) Освоение севера (527) Особенности новгородской культуры (527) Их отражение в искусстве, литературе и материальной культуре (527) Значение культуры Новгорода (528) Темп развития русской культуры XI—XIII вв. (529) Русь и Запад накануне монгольского завоевания (529) Значение культуры XI—XIII вв. для возрождения Руси в XIII—XV вв. (530) . . . . . 524—530

Список иллюстраций . . . . . 531—538

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Н. П. Аузан*

*

РИСО АН СССР № 3902. Т-08081. Издат. № 2456
Тип. заказ № 385. Подп. к печ. 21/XI 1950 г.
Формат бум. 84×108¹/₁₆. Печ. л. 56,17+10 вклеек.
Бум. л. 17. Уч.-издат. 38,5. Тираж 12000.

Цена в переплете 32 руб.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
12	16 св.	голитические	политические.
20	11 сн.	верховым	верховным
59	в подписи к рис.	Веслава	Всеслава
100	11 сн.	нород	народе
118	1 »	смещением	смешением
147	7 св.	костью	костьми
217	15 сн. 19 »	И ноотечественникам	Из соотечественникам.
293	6 »	нвно	явно.
367	1 сн.	лица его,	лица, его
400	17 »	твари	утвари
438	подпись к рис. 218	Судальских	Суздальских
488	1 сн.	оловины	половины
529	14 »	смелосшь	«смелость
531	подпись к рис. 9	Веслава	Всеслава